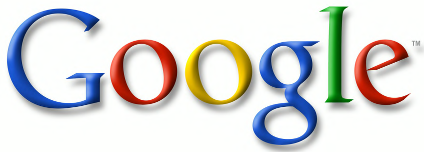
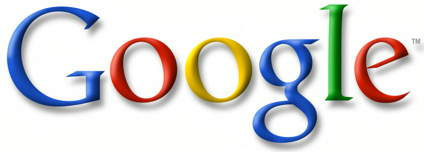

Google



КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ И РАСПОЛОЖЕННЫЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

МЫСЛИ МНОГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБЪ ИСТИНѢ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНІИ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“,

напечатанное подъ личнымъ наблюденіемъ Л. Н. Толстого.

№ CXXXII.

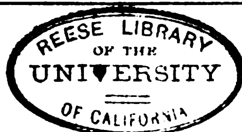
Второе изданіе.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. д.

Москва—1909.



1-е іюля.

Душа человѣка божественна.

1.

Всякая истина имѣетъ своимъ началомъ Бога. Когда она проявляется въ человѣкѣ, то это не показываетъ того, чтобы она исходила изъ человѣка, но только, что человѣкъ имѣетъ свойство такой прозрачности, что можетъ проявлять ее.

Паскаль.

2.

Когда дождевая вода течетъ по жолобамъ, то намъ кажется, что она вытекаетъ изъ нихъ, тогда какъ въ дѣйствительности она падаетъ съ неба. То же и со святыми поученіями, которыя высказываютъ намъ божественные люди. Кажется, что они исходятъ отъ нихъ, въ дѣйствительности же они исходятъ отъ Бога.

Ратакришна.

3.

Ставить свои собственныя духовныя силы внѣ зависимости отъ силы Божеской—это, по ученію Лао-Тсе, все равно, что вѣрить, что мѣхъ не есть приборъ, лишь пропускающій черезъ себя воздухъ, а самостоятельный источникъ, самъ изъ себя его производящій, и что, слѣдовательно, онъ могъ бы дуть и въ безвоздушномъ пространствѣ.

4.

Я испытываю съ особенной силой, что человѣкъ во всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ или можетъ дѣлать прекраснаго, великаго и добраго, есть только органъ и орудіе чего-то или кого-то высшаго его. Это чувство есть религія. Человѣкъ религіозный присутствуетъ съ трепетомъ священной радости при этихъ совершающихся *чрезъ него, а не отъ него* явленіяхъ, которыя происходятъ въ немъ. Онъ отдаетъ имъ въ распоряженіе свой голосъ, свои руки, свою волю, свое содѣйствіе, стараясь почтительно стереться, для того, чтобы какъ можно меньше извратить высшее дѣло этой силы, которая на время пользуется имъ для исполненія своего дѣла. Онъ обезличивается, онъ уничтожается отъ восхищенія. Его „я“ должно исчезнуть, когда говоритъ святой духъ, когда дѣйствуетъ Богъ. Такъ пророкъ слышитъ призывъ, такъ молодая мать чувствуетъ, какъ двигается плодъ въ ея утробѣ. До тѣхъ поръ, пока мы чувствуемъ свое „я“, мы ограничены, себялюбивы, плѣнники; когда же мы въ согласіи съ жизнью міра, когда мы отзываемся на голосъ Бога, наше „я“ исчезаетъ.

Аміель.

5.

Если мы только на одинъ мигъ отрѣшимся отъ своего маленькаго „я“, не будемъ желать никому зла, не будемъ замышлять злого, будемъ только чистымъ стекломъ, отражающимъ лучи,—чего только мы не отразимъ! Все мірозданіе развернется въ лучезарномъ блескѣ вокругъ насъ.

Генри Давидъ Торо.

6.

Истинная мудрость полезна потому, что она учитъ насъ тому, что основы мыслей великаго человѣка живутъ въ его болѣе скромныхъ братьяхъ, и что тѣ свойства, которыя выказываетъ ученый въ своихъ глубочайшихъ открытіяхъ, совершенно тѣ самыя, которыя обыкновенный человѣкъ употребляетъ въ своихъ ежедневныхъ жизненныхъ трудахъ...

Истинное пониманіе великихъ людей состоитъ въ томъ, что они только примѣры и проявленія нашей общей природы, показывающія то, что свойственно всѣмъ думать, хотя оно и раскрывается еще

лишь въ немногихъ. Свѣтъ, исходящій отъ нихъ, есть не что иное, какъ слабое откровеніе той силы, которая таится въ каждомъ человѣческомъ. существѣ. Они не диво, не чудо, но естественное развитіе человѣческой души.

Изъ журнала „Передовая мысль міра".

7.

Истинное дѣло человѣка на землѣ въ томъ, чтобы держать свое существо въ согласіи въ Вѣчнымъ; тогда только всемогущая сила любви и разума можетъ изливаться черезъ него, какъ черезъ чистый каналъ.

Изъ журн. „Передовая мысль міра".

8.

Жизнь дана намъ, какъ ребенокъ данъ нянькѣ, чтобы возрастить его. Это самое говоритъ притча о талантахъ (Мѳ. XXV, 14—30).

Держи себя въ чистотѣ съ тѣмъ, чтобы сила Божія могла проходить черезъ тебя. Въ этомъ прохожденіи силы Божіей—великое благо.

2-е іюля.

Ни въ какой области нѣтъ такого злоупотребленія словомъ, какъ въ оцѣнкѣ произведеній,—въ особенности мнимаго,—искусства.

1.

Мы только тогда бываемъ вполнѣ удовлетворены впечатлѣніемъ отъ художественнаго произведенія, когда оно оставляетъ послѣ себя нѣчто такое, чего мы, при всемъ усиліи мысли, не можемъ довести до полной ясности.

Шопенгауэръ.

2.

Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ их.

3.

Искусство есть рельефное выдвиганіе мыслей природы. Подъ огнемъ вдохновенія выступаютъ рисунки, начертанные симпатическими чернилами; таинственное становится очевиднымъ, смутное дѣлается ясимымъ, сложное — простымъ, случайное—необходимымъ. Однимъ словомъ, искусство раскрываетъ природу, выражая ея намѣренія. Великій художникъ всегда упрощаетъ.

Амісль.

4.

Если цѣлый міръ, какъ представленіе, есть лишь видимость, то искусство есть разъясненіе этой видимости, камеръ-обскура, показывающая предметы чище и позволяющая лучше обозрѣвать и охватывать ихъ, зрѣлище въ зрѣлищѣ, сцена на сценѣ, какъ въ „Гамлетѣ“.

Шопенгауэръ.

5.

Человѣкъ, одаренный обыкновенными чувствами, сообразуетъ мысли съ вещами; художникъ сообразуетъ вещи со своими мыслями. Обыкновенный человѣкъ считаетъ природу неизмѣнно укрѣпленной и твердой; художникъ — текучей, переливающейся и кладетъ на ней отпечатокъ своего существа. Для него непокорный міръ покоренъ и податливъ; онъ одѣваетъ прахъ и камни человѣческими свойствами и превращаетъ ихъ въ выраженія разума.

Эмерсонъ.

6.

Помните, что ничего нельзя дѣлать прекраснаго изъ соперничества, ничего благороднаго изъ гордости.

7.

Музыка показываетъ человѣку тѣ возможности величія, которыя есть въ его душѣ, говоритъ Эмерсонъ. То же можно сказать и про всякое истинное искусство.

8.

Искусство есть цвѣтъ жизни цѣлаго общества. Не можетъ быть хорошимъ цвѣтъ такого общества, какъ общество жестокихъ паразитовъ нашего христіанскаго міра. Оно неизбѣжно будетъ развращеннымъ и уродливымъ.

Таково и искусство нашего общества, дошедшее въ послѣднее время до высшей степени развращенности и уродливости.

9.

Науки и искусства будутъ служить народу только тогда, когда люди, живущіе среди народа и какъ народъ, не заявляя никакихъ правъ, будутъ предлагать ему свои научныя и художественныя услуги, принять или не принять которыя будетъ зависѣть отъ воли народа.

10.

Истинной науки и истиннаго искусства есть два несомнѣнныхъ признака: первый, внутренній—тотъ, что служитель науки и искусства не для выгоды, а съ самоотверженіемъ исполняетъ свое призваніе, и второй, внѣшній — тотъ, что произведеніе его понятно всѣмъ людямъ, благо которыхъ оно имѣетъ въ виду.

11.

Наука и искусство такъ же тѣсно связаны между собой, какъ легкія и сердце, такъ что если одинъ органъ извращенъ, то и другой не можетъ правильно дѣйствовать.

Наука истинная изучаетъ и вводитъ въ сознаніе людей тѣ истины знанія, которыя людьми извѣстнаго времени и общества считаются самыми важными. Искусство же переводитъ эти истины изъ области знанія въ область чувства.

Занятіе искусствомъ, хотя и не такое высокое дѣло, какимъ считаютъ его обыкновенно тѣ, которые занимаются имъ, но дѣло не безполезное и доброе, если оно соединяетъ людей и вызываетъ въ нихъ добрыя чувства; занятіе же искусствомъ такимъ, которое одобряется богатыми классами нашего міра, есть дѣло не только безполезное, но вредное.

3-е іюля.

Тщеславный человѣкъ хочетъ, чтобы его хвалили. Для того, чтобы его хвалили, ему нужно быть тѣмъ, что люди считаютъ хорошимъ. Люди же считаютъ хорошимъ то, что имъ нравится. А нравится имъ то, чтобы ихъ считали хорошими. И потому нѣтъ болѣе тщетнаго занятія, какъ удовлетвореніе тщеславія.

1.

Кто стыдится непостыднаго и не стыдится безстыднаго, тотъ, слѣдуя ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели.

Буддійская мудрость.

2.

Тщеславный такъ полонъ самимъ собою, что мѣста нѣтъ ничему другому.

Пэнъ.

3.

Себя уморишь, а людей не удивишь.

4.

Надо поступать такъ, какъ поступаютъ другіе; правило это сомнительное, означающее почти всегда: надо поступать дурно.

Ла-Брюйеръ.

5.

Одинъ человѣкъ спросилъ у другого, для чего онъ дѣлаетъ то дѣло, которому не сочувствуетъ.

— Потому что всѣ такъ дѣлаютъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, положимъ, что не всѣ,—сказалъ первый,—потому что вотъ я этого не дѣлаю, да и нѣкоторые другіе, на которыхъ я могу тебѣ указать.

— Ну, коли не всѣ, то очень многіе, большая часть людей.

— А скажи мнѣ, пожалуйста,—снова спросилъ первый:—какихъ людей больше на свѣтѣ, умныхъ или глупыхъ?

— Конечно, глупыхъ!

— А коли такъ, то, стало-быть, ты, подражая большинству, подражаешь глупымъ. К.

6.

Заставить умныхъ людей считать насъ не тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ изъ себя представляемъ, въ большинствѣ случаевъ труднѣе, чѣмъ дѣйствительно стать такими, какими мы хотимъ казаться. Лихтенбергъ.

7.

Человѣкъ бываетъ настолько самонадѣянъ, насколько онъ ограниченъ пониманіемъ. Попъ.

8.

И теперь и прежде высмѣиваютъ того, кто сидитъ въ молчаніи, высмѣиваютъ и того, кто много говоритъ, и того, кто говоритъ мало,—нѣтъ никого на землѣ, кто бы не былъ порицаемъ.

Никогда не было, никогда не будетъ и нѣтъ никого, кого бы постоянно порицали, какъ нѣтъ и того, кто всегда былъ бы хвалимъ. Буддійская мудрость.

9.

Нѣтъ болѣе ложнаго руководства въ жизни, какъ людское мнѣніе.

10.

Намъ очень трудно не соглашаться съ нашимъ самолюбіемъ и не находить пріятными тѣхъ, кто насъ одобряетъ.

Аміель.

11.

Гордость людская — свойство странное, не такъ-то легко позволяющее себя подавить; только заштопалъ дыру А, не успѣлъ оглянуться, она снова выглядываетъ изъ другой дыры Б, а заткнешь эту, она появляется изъ дыры В и т. д.

Лихтенбергъ.

12.

Мы одобряемъ другихъ постольку, поскольку находимъ ихъ похожими на насъ; такъ что часто уважать кого-нибудь значитъ только уравнять его съ собою.

Ла-Брюйеръ.

Заботиться о славѣ людской, объ одобреніи людей уже потому неразумно, что люди не только не всѣ считаютъ одно и то же хорошимъ, но часто одни считаютъ дурнымъ то самое, что другіе считаютъ самымъ хорошимъ.

4-е іюля.

Наказаніе основано не на разсужденіи, не на чувствѣ справедливости, а на дурномъ чувствѣ желанія сдѣлать зло тому, кто сдѣлалъ зло тебѣ или другому.

1.

Другую притчу предложилъ Онъ имъ, говоря:

Царство Небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ. Когда взошла зелень

и показался плодъ, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господинъ! не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ твоемъ? откуда же на немъ плевелы? Онъ же сказалъ имъ: врагъ человѣкъ сдѣлалъ это. А рабы сказали: хочешь ли, мы пойдемъ, выберемъ ихъ? Но онъ сказалъ: нѣтъ, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы. Мѳ. XIII, 24—29.

2.

Когда ребенокъ бьетъ тотъ полъ, о который онъ ударился,—это очень неразумно, но такъ же понятно, какъ то, что человѣкъ прыгаетъ, когда онъ больно зашибся. Понятно также, когда человѣкъ, получивъ ударъ, подъ вліяніемъ боли, отвѣчаетъ тѣмъ же ударившему. Но дѣлать зло человѣку, потому что онъ сдѣлалъ зло когда-то прежде, и объяснять это разумными доводами было бы совершенно непонятно, если бы человѣкъ не имѣлъ способности и склонности придумывать разумныя объясненія своимъ дурнымъ поступкамъ.

Люди такъ повѣрили въ тѣ оправданія, которыя они придумали своей мстительности, что они приписали мстительность Богу, назвавъ мстительность справедливостью,—возмездіемъ.

3.

Человѣкъ сдѣлалъ зло. И вотъ другой человѣкъ или люди для противодѣйствія этому злу не находятъ ничего лучшаго, какъ сдѣлать еще другое зло, которое они называютъ наказаніемъ.

4.

Наказаніе есть понятіе, изъ котораго начинаетъ вырастать человѣчество.

5.

Наказаніе, прилагаемое къ воспитанію, къ общественному устройству, къ религіозному пониманію, не только не содѣйствовало и не содѣйствуетъ улучшенію дѣтей, обществъ и всѣхъ людей, вѣрящихъ въ наказаніе за гробомъ, но произвело и производитъ неисчислимыя бѣдствія, ожесточая дѣтей, развращая общество и обѣщаніемъ ада лишая добродѣтель ея главной основы.

6.

Уже много лѣтъ тому назадъ люди начали понимать неразумность наказанія и стали придумывать различныя теоріи устрашенія, пресѣченія, исправленія. Но всѣ эти теоріи падаютъ одна за другой, потому что въ основѣ ихъ всѣхъ только месть, и всѣ теоріи стараются только скрыть эту основу. Придумываютъ очень многое, но не рѣшаются сдѣлать одного нужнаго, а именно, ничего не дѣлать: оставить того, кто согрѣшилъ, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самимъ же придумывающимъ теоріи и прилагающимъ ихъ—жить доброй жизнью.

7.

Наказаніе и весь уголовный законъ будетъ предметомъ недоумѣнія и удивленія будущихъ поколѣній. „Какъ могли они не видѣть всю безсмысленность, жестокость и зловредность того, что они дѣлали?“ скажутъ наши потомки.

8.

Смертная казнь представляетъ самое очевидное доказательство того, что наше общество не имѣетъ въ себѣ ничего христіанскаго.

9.

Накладывать наказаніе все равно, что грѣть огонь. Всякое преступленіе несетъ всегда съ собой и болѣе жестокое, и болѣе разумное, и болѣе удобопринимаемое наказаніе, чѣмъ то, которое могутъ наложить люди.

10.

Можно почти безъ исключенія признать то, что всѣ люди, наполняющіе наши тюрьмы и умирающіе на висѣлицахъ, принадлежатъ къ существамъ обездоленнымъ, которые были придавлены и тѣлесно и духовно преступленіемъ того закона, который присвоиваетъ себѣ право наказывать ихъ. Гербертъ Биджлоу.

Надо знать и помнить, что желаніе наказать есть низшее животное чувство, которое требуетъ своего подавленія, а не возведенія въ разумную дѣятельность.

5-е іюля.

Зло можетъ дѣлать только самъ человѣкъ. То же, что совершается помимо воли человѣка, все благо.

1.

Соломонъ и Іовъ лучше всего знали и лучше всего говорили о ничтожествѣ человѣка: одинъ былъ самымъ счастливымъ, другой—самымъ несчастнымъ; одинъ испыталъ суетность удовольствій, другой—дѣйствительность бѣдствій.

Паскаль.

2.

Всякому созданію полезно не только все то, что посылается ему Провидѣніемъ, но и въ то самое время, когда оно посылается.

Маркъ Аврелій.

3.

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу; къ чему онъ стремится, то и дано ему—жизнь, не могущая быть смертью, и благо—не могущее быть зломъ.

4.

Когда же не плоть, а ты будешь глава въ человѣкѣ? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумѣніемъ жизни отъ скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебѣ своею жизнью или смертью; когда поймешь ты, что истинное благо всегда въ твоей власти и не зависитъ ни отъ красоты природы, ни отъ другихъ людей?

Маркъ Аврелій.

5.

Убѣдись, что нѣтъ у тебя иной собственности, кромѣ твоей души. Избери рѣшительно самый лучшій образъ жизни, привычка сдѣлаетъ его пріятнымъ для тебя. Богатство якорь не надежный, а слава—и того хуже. То же и тѣло, то же и власть, то же и почетъ: все это ничтожно и безсильно. Въ чемъ же надежный якорь для жизни? Въ добродѣтели: этого якоря не сломитъ никакая буря. Таковъ ужъ божественный законъ, что только добродѣтель держится твердо и непоколебимо; все же остальное ничто.

Пиѳагоръ Самосскій.

6.

Ты уже несчастенъ, если страшишься несчастья, а кто его заслуживаетъ, тотъ его вѣчно страшится.

Китайская пословица.

7.

Истинной природѣ человѣка свойственно пріобрѣтать жизненное, неизсякаемое духовное достояніе. Зависимость не отъ внѣшнихъ матеріальныхъ благъ доводитъ насъ до рабскаго подчиненія людямъ и случайностямъ.

Эмерсонъ.

8.

Одни говорятъ: войди въ самого себя, и ты найдешь покой. Въ этомъ еще не вся правда.

Другіе, напротивъ, говорятъ: выйди изъ самого себя; постарайся забыться и найти счастье въ развлеченіяхъ. И это несправедливо, хотя бы только потому, что этимъ путемъ нельзя избавиться, напримѣръ, отъ болѣзней.

Покой и счастье—не внутри насъ, не внѣ насъ; они—въ Богѣ, Который и внутри и внѣ насъ.

Паскаль.

Всѣ внѣшнія бѣдствія, которыя могутъ постигнуть человѣка, понявшаго то, что зло для него можетъ быть только въ его поступкахъ, ничто въ сравненіи съ благомъ того спокойствія и свободы, которую онъ испытываетъ.

6-е іюля.

Ни описаніе, ни видъ ужасовъ войны не останавливаютъ людей отъ участія въ войнѣ. Одна изъ причинъ этого та, что, созерцая ужасы войны, всякій невольно приходитъ къ невыраженному смутному соображенію о томъ, что если столь ужасное дѣло существуетъ и допускается, то существуютъ, вѣроятно, и скрытыя отъ него причины этого ужаснаго дѣла. Это соображеніе дѣлаетъ то, что люди, часто не злые, защищаютъ войну, отыскивая ея благодѣтельныя стороны, какъ отыскиваютъ благодѣтельность стихійныхъ явленій.

1.

Мысль съ ужасомъ останавливается передъ неизбѣжно ожидающей насъ въ концѣ вѣка катастрофой, и надо приготавливаться къ ней. Въ продолженіе 20 лѣтъ (теперь уже болѣе 40) всѣ усилія знанія истощаются на то, чтобы изобрѣтать орудія разрушенія, и скоро будетъ достаточно нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы уничтожить цѣлую армію. Подъ ружьемъ теперь уже не такъ, какъ прежде, нѣсколько тысячъ продажныхъ бѣдняковъ, но народы, цѣлые народы готовятся убивать другъ друга. Для того, чтобы приготовить ихъ къ убійству, разжигаютъ ихъ ненависть, увѣряя ихъ, что они ненавидимы, и кроткіе люди вѣрятъ этому, и вотъ-вотъ толпы мирныхъ гражданъ, получивъ нелѣпое приказаніе убивать другъ друга, Богъ знаетъ изъ-за какого смѣшного распредѣленія границъ или какихъ-нибудь торговыхъ, колоніальныхъ интересовъ, бросятся другъ на друга съ жестокостью дикихъ звѣрей.

И пойдутъ они, какъ бараны, на бойню, зная, куда они идутъ, зная, что они оставляютъ своихъ женъ, что дѣти ихъ будутъ голодать, но они будутъ идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обмануты, что, воображая, что бойня составляетъ ихъ обязанность, будутъ просить Бога благословить ихъ кровавыя дѣла. И будутъ они идти, рас-

таптывая урожаи, которые они сѣяли, сжигая города, которые они строили, съ восторженнымъ пѣніемъ, криками радости, праздничной музыкой, будутъ идти безъ возмущенія, покорные и смиренные, несмотря на то, что въ нихъ сила, и что если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смыслъ и братство вмѣсто дикихъ хитростей дипломатовъ. Э. Родъ.

2.

Очевидецъ разсказываетъ, что̀ онъ въ нынѣшнюю русско-японскую войну увидалъ, войдя на палубу „Варяга". Зрѣлище было ужасно. Вездѣ кровь, обрывки мяса, туловища безъ головъ, оторванныя руки, запахъ крови, отъ котораго тошнило самыхъ привычныхъ. Боевая башня болѣе всего пострадала. Гранату разорвало на ея вершинѣ и убило молодого офицера, который руководилъ наводкой. Отъ несчастнаго осталась только сжатая рука, державшая инструментъ. Изъ четырехъ людей, бывшихъ съ командиромъ, два были разорваны въ куски, два другіе сильны ранены, (это тѣ, о которыхъ я разсказывалъ и которымъ отрѣзали обѣ ноги и потомъ должны были еще разъ отрѣзать ихъ); командиръ отдѣлался ударомъ осколка въ високъ.

И это не все. Нейтральные не могутъ принять на свои пароходы раненыхъ, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойныя, госпитальныя зараженія составляютъ, вмѣстѣ съ голодомъ, пожаромъ, разореніями, болѣзнями, тифомъ, оспой тоже часть военной славы. Такова война.

А между тѣмъ Жозефъ Местръ такъ воспѣвалъ благодѣянія войны: „Когда человѣческая душа вслѣдствіе изнѣженности теряетъ свою упругость, становится невѣрующей и усваиваетъ гнилостные пороки, которые слѣдуютъ за излишками цивилизаціи, она можетъ быть возстановлена только въ крови".

Господинъ Вогюэ, академикъ, такъ же какъ и г. Брюнетьеръ, говорятъ почти то же самое.

Но бѣдняки, изъ которыхъ дѣлается пушечное мясо, имѣютъ право не соглашаться съ этимъ.

Къ несчастью, они не имѣютъ мужества своихъ убѣжденій. Отъ этого все зло. Привыкнувъ издавна позволять убивать себя ради

вопросовъ, которые они не понимаютъ, они продолжаютъ это дѣлать, воображая, что все идетъ очень хорошо.

Отъ этого-то теперь тамъ лежатъ трупы, которыхъ подъ водой поѣдаютъ морскіе раки.

Въ то время, когда картечь разбивала все вокругъ нихъ, едва ли они рады были думать, что все это дѣлается для ихъ блага, чтобы возстановить душу ихъ современниковъ, потерявшую свою упругость отъ излишка цивилизаціи.

Несчастные, вѣроятно, не читали Жозефа Местра. Я совѣтую раненымъ читать его между двумя перевязками. Они узнаютъ, что война такъ же необходима, какъ и палачъ, потому что, какъ и онъ, она есть проявленіе справедливости Бога.

И эта великая мысль будетъ служить имъ утѣшеніемъ въ то время, когда пила хирурга будетъ распиливать ихъ кости.

Гардуенъ.

3.

Но война болѣе уважаема, чѣмъ когда-либо. Искусный артистъ этого дѣла, геніальный убійца г-нъ Мольтке, такими странными словами отвѣчалъ делегатамъ мира:

„Война свята, божественное учрежденіе, одинъ изъ священныхъ законовъ міра. Она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великія и благородныя чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, храбрость,— однимъ словомъ, спасаетъ людей отъ отвратительнаго матеріализма“.

Такъ что соединиться въ стада четырехсотъ тысячъ человѣкъ, безъ отдыха ходить день и ночь, ни о чемъ не думать, ничего не изучать, ничему не научаться, ничего не читать, не быть полезнымъ никому, загнивать въ нечистотѣ, спать въ грязи, жить какъ скоты, въ постоянномъ одуреніи, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потомъ, встрѣтивъ такое же другое скопище человѣческаго мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорваннымъ мясомъ и кучами труповъ устилать землю, быть искалѣченными, быть размозженными безъ пользы для кого бы то ни было и, наконецъ, издохнуть гдѣ-нибудь на чужомъ полѣ, тогда какъ ваши родители, ваша жена и дѣти дома умираютъ съ голода—это называется спасать людей отъ отвратительнаго матеріализма.

Гюи де Мопасанъ.

4.

Прошло время разсуждать о вредѣ войны. Объ этомъ все уже сказано. Теперь осталось одно, съ чего слѣдовало начать каждому человѣку: не дѣлать того, что онъ считаетъ не должнымъ.

Неправда, что существованіе войны доказываетъ ея необходимость. Совѣсть человѣчества говоритъ, что это неправда, и войны не должны быть.

7-е іюля.

Отрицать Бога значитъ отрицать себя, какъ духовное, разумное существо.

1.

Бога и душу я знаю не путемъ опредѣленія, но совершенно другимъ путемъ. Опредѣленіе разрушаетъ во мнѣ это знаніе. Я несомнѣнно знаю, что есть Богъ и что моя душа есть. Но это знаніе несомнѣнно для меня потому только, что я неизбѣжно приведенъ къ нему. Къ несомнѣнности знанія Бога я приведенъ вопросомъ: откуда я? Къ знанію души я приведенъ вопросомъ: что я такое?

Откуда я?

Я родился отъ своей матери, а та отъ бабушки, отъ прабабушки, а самая послѣдняя отъ кого? И я неизбѣжно прихожу къ Богу.

Кто такой я?

Ноги — не я, руки — не я, голова—не я, чувства—не я, даже мысли—не я. Что же я?

Я—я,—моя душа.

Съ какой бы стороны я ни пришелъ къ Богу, будетъ то же самое: начало моей мысли, моего разума—Богъ; начало моей любви—Онъ же; начало вещественности—Онъ же.

То же и съ понятіемъ души. Обращусь ли я къ своему стремленію къ истинѣ, я знаю, что стремленіе къ истинѣ есть невещественная основа меня — моя душа; обращусь ли на чувство своей любви къ добру, я знаю, что это моя душа любитъ.

2.

Самый строгій и послѣдовательный агностикъ, хочетъ онъ или не хочетъ этого, признаетъ Бога. Онъ не можетъ не признавать того, что есть законъ его жизни,—законъ, которому онъ можетъ подчиняться или отъ котораго можетъ уклоняться. Вотъ это-то признаніе высшаго, недоступнаго человѣку, но неизбѣжно существующаго высшаго закона своей жизни и есть законъ Бога.

Вѣрить такъ значитъ прокопать бутъ до камня, до материка, и на немъ строить домъ.

3.

Богъ проявляется въ лучшихъ мысляхъ, въ правдѣ рѣчи, въ искренности поступка, и духомъ своимъ даетъ благоденствіе и вѣчность міру. Зендавестъ.

4.

Богъ есть. Мы не должны и намъ не нужно это доказывать. Всякая попытка доказать Его бытіе есть уже кощунство; всякое же отрицаніе Его есть безуміе. Богъ обитаетъ въ нашей совѣсти, въ сознаніи человѣчества, въ окружающей насъ вселенной. Наше сознаніе, наша совѣсть взываютъ къ Нему во всѣ наиболѣе торжественныя минуты горя и радости. Отрицать Бога подъ сводомъ звѣзднаго неба ночи, у гроба дорогихъ людей или при казни мученика можетъ только или очень жалкій или очень преступный человѣкъ. Мадзини.

5.

Жизнь міра совершается по чьей-то волѣ,—кто-то этою жизнью всего міра и нашими жизнями дѣлаетъ свое какое-то дѣло. Тотъ, кто это дѣлаетъ, и есть то, что мы называемъ Богомъ.

Люди не вѣрятъ въ Бога только тогда, когда они вѣрятъ лжи, выдаваемой за Бога.

Недѣльное чтеніе.

Паскаль.

Ни одна страсть не удерживаетъ людей такъ долго въ своей власти, не скрываетъ такъ прочно, иногда до самаго конца, тщету временной мірской жизни, и ни одна не отдаляетъ такъ людей отъ пониманія смысла человѣческой жизни и ея истиннаго блага, какъ страсть славы людской, въ какой бы формѣ она ни проявлялась: мелочнаго тщеславія, честолюбія, славолюбія.

Всякая похоть носитъ въ себѣ свое наказаніе, и страданія, которыя сопутствуютъ ея удовлетворенію, обличаютъ ея ничтожество. Кромѣ того, всякая похоть ослабѣваетъ съ годами, славолюбіе же съ годами все больше и больше разгорается. Главное же то, что забота о славѣ людской всегда соединяется съ мыслью о служеніи людямъ, и человѣку легко обманываться, когда онъ ищетъ одобренія людей, что онъ живетъ не для себя, а для блага тѣхъ людей, одобренія которыхъ онъ добивается. И потому это самая коварная и опасная страсть и труднѣе всѣхъ другихъ искореняемая. Освобождаются отъ этой страсти только люди съ большими душевными силами.

Большія душевныя силы даютъ этимъ людямъ возможность быстро достигнуть большой славы, и эти же душевныя силы даютъ имъ возможность увидать ничтожество ея.

Такимъ человѣкомъ былъ Паскаль. Такимъ же былъ близкій намъ русскій человѣкъ Гоголь (я думаю, что я по Гоголю понялъ Паскаля). И тотъ и другой, хотя съ совсѣмъ различными свойствами

и совершенно различнымъ складомъ и размѣромъ ума, пережили одно и то же.

Оба очень скоро достигли той славы, которой страстно желали; оба, достигнувъ ея, тотчасъ же поняли всю тщету того, что казалось имъ самымъ высокимъ, самымъ драгоцѣннымъ въ мірѣ благомъ. И оба ужаснулись тому соблазну, во власти котораго находились. Они всѣ силы души положили на то, чтобы показать людямъ весь ужасъ того заблужденія, изъ котораго они только-что вышли, и чѣмъ сильнѣе было разочарованіе, тѣмъ настоятельнѣе представлялась имъ необходимость такой цѣли, такого назначенія жизни, которое ничѣмъ не могло бы быть нарушено.

Въ этомъ причина того страстнаго отношенія къ вѣрѣ, какъ нашего Гоголя, такъ и Паскаля; въ этомъ же и причина пренебреженія ихъ ко всему сдѣланному ими прежде. Вѣдь все это дѣлалось для славы. А слава прошла, и въ ней ничего не было, кромѣ обмана, стало-быть, не нужно и ничтожно было все то, что дѣлалось для ея пріобрѣтенія. Важно только одно: то, чего не было, что было заслонено мірскими желаніями славы. Важно и нужно было одно: та вѣра, которая даетъ смыслъ преходящей жизни и твердое направленіе всей ея дѣятельности. И это сознаніе необходимости вѣры и невозможности жить безъ нея такъ поражаетъ такихъ людей, что они не могутъ не удивляться на то, какъ могли они сами, какъ могутъ вообще люди жить безъ вѣры, объясняющей имъ смыслъ ихъ жизни и ожидающей ихъ смерти. И сознавъ это, такіе люди всѣ силы своего ума и души направляютъ на то, чтобы спасти людей отъ того ужаснаго заблужденія, изъ котораго они только-что вышли, и показать имъ, что безъ вѣры нельзя жить, что только вѣра спасаетъ, стараются вырвать изъ рукъ людей тотъ экранъ, который, какъ говоритъ Паскаль, люди держатъ передъ собою въ то время, какъ бѣгутъ въ пропасть.

Такимъ человѣкомъ былъ Паскаль, и въ этомъ его великая, неоцѣнимая и далеко неоцѣненная заслуга.

Паскаль родился въ Клермонтѣ въ 1623 году. Отецъ его былъ извѣстный математикъ. Мальчикъ, какъ и всѣ дѣти, подражая отцу съ перваго дѣтства, занялся математикой, и у него обнаружились необыкновенныя способности. Отецъ, не желая преждевре-

менно развивать ребенка, не давалъ ему математическихъ книгъ; но мальчикъ, слушая разговоры отца съ его знакомыми математиками, самъ сталъ вновь выдумывать геометрію. Отецъ, увидавъ эти необыкновенныя для ребенка работы, былъ такъ пораженъ, что пришелъ въ восхищеніе, расплакался отъ умиленія и съ тѣхъ поръ сталъ преподавать сыну математику. Мальчикъ скоро не только усвоилъ то, что открылъ ему отецъ, но сталъ дѣлать самостоятельныя открытія въ области математики. Успѣхи его обратили на себя вниманіе не только близкихъ, но и ученыхъ, и Паскаль очень молодымъ пріобрѣлъ извѣстность замѣчательнаго математика. Слава выдающагося, несмотря на молодые годы, ученаго поощряла его къ занятіямъ, большія способности давали ему возможность увеличивать славу, и Паскаль все свое время и силы посвятилъ научнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ. Но здоровье его съ дѣтства было слабое. Усиленныя же занятія еще болѣе ослабили его, и въ юношескомъ возрастѣ онъ тяжело заболѣлъ. Послѣ болѣзни онъ, по просьбѣ отца, сократилъ свои занятія до двухъ часовъ въ день, свободное же время употреблялъ на чтеніе философскихъ сочиненій.

Онъ прочелъ Эпиктета, Декарта и опыты Монтеня. Книга Монтеня особенно поразила его,— она возмутила его своимъ скептицизмомъ и равнодушіемъ къ религіи. Паскаль всегда былъ религіозенъ и по-дѣтски вѣрилъ тому католическому ученію, въ которомъ былъ воспитанъ. Книга Монтеня, вызвавъ въ немъ сомнѣнія, заставила его задуматься надъ вопросами вѣры, въ особенности же о томъ, насколько необходима вѣра для разумной жизни человѣка, и онъ сталъ еще строже къ себѣ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей и, кромѣ философскихъ сочиненій, сталъ читать книги религіознаго содержанія. Въ числѣ этихъ книгъ ему попалась книга голландскаго теолога Янсена „Преобразованія внутренняго человѣка“.

Въ книгѣ этой было разсужденіе о томъ, что, кромѣ похоти плоти, есть еще и похоть духа, состоящая въ удовлетвореніи человѣческой пытливости, въ основѣ которой лежитъ то же, что и во всякой похоти: эгоизмъ и самолюбіе, и что такая утонченная похоть болѣе всего другого удаляетъ человѣка отъ Бога. Книга эта

сильно поразила Паскаля. Съ свойственной великимъ душамъ правдивостью, онъ почувствовалъ истинность этого разсужденія по отношенію къ себѣ и, несмотря на то, что отказаться отъ занятій наукой и отъ связанной съ ними славы было для него великимъ лишеніемъ, или именно потому, что это было для него великимъ лишеніемъ, онъ рѣшилъ оставить соблазнявшія его занятія наукой и всѣ силы свои направить на разъясненія для себя и для другихъ тѣхъ вопросовъ вѣры, которые все сильнѣе и сильнѣе занимали его.

Ничего неизвѣстно объ отношеніи Паскаля къ женщинамъ и какое вліяніе имѣли на его жизнь соблазны женской любви. Біографы его, на основаніи его небольшого сочиненія „Discours sur les passions de l'amour“, въ которомъ онъ говоритъ, что величайшее счастье, доступное человѣку—любовь, есть чувство чистое, духовное и должно служить источникомъ всего возвышеннаго и благороднаго, дѣлаютъ заключеніе, что Паскаль въ своей молодости былъ влюбленъ въ женщину, стоявшую выше его по положенію и не отвѣчавшую его любви. Во всякомъ случаѣ, если и была такая любовь, она не имѣла никакихъ послѣдствій для жизни Паскаля. Главные интересы его молодой жизни заключались въ борьбѣ между его стремленіями къ занятіямъ наукой и къ славѣ, которую они давали ему, и сознаніемъ пустоты, ничтожества этихъ занятій и зловредности соблазна, славолюбія и желанія всѣ свои силы посвятить только служенію Богу.

Такъ, уже въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ рѣшилъ отказаться отъ занятій наукой, ему случилось прочесть изслѣдованія Торичелли о пустотѣ. Чувствуя, что вопросъ этотъ рѣшается невѣрно и что возможно болѣе точное опредѣленіе, Паскаль не могъ удержаться отъ желанія провѣрить эти опыты. Провѣряя же ихъ, онъ сдѣлалъ свои знаменитыя открытія о тяжести воздуха. Открытіе это обратило на него вниманіе всего ученаго міра. Ему писали, его посѣщали ученые и восхваляли его. И борьба съ соблазнами славы людской стала еще труднѣе.

Для борьбы этой Паскаль носилъ на тѣлѣ поясъ съ гвоздями, обращенными къ тѣлу, и всякій разъ, какъ ему казалось, что при чтеніи или выслушиваніи себѣ похвалъ въ немъ поднималось чув-

ство честолюбія, гордости, онъ прижималъ поясъ локтемъ къ боку, гвозди кололи его тѣло, и онъ вспоминалъ весь тотъ ходъ мыслей и чувствъ, которыя отвлекали его отъ соблазна славы.

Въ 1651 году съ Паскалемъ случилось событіе, казалось бы, неважное, но сильно поразившее его и имѣвшее большое вліяніе на его душевное состояніе. На мосту Нельи онъ упалъ изъ экипажа и былъ на волоскѣ отъ смерти. Въ это же время умеръ отецъ Паскаля. Это двойное напоминаніе о смерти заставило Паскаля еще болѣе, чѣмъ прежде, углубиться въ вопросы жизни и смерти.

Религіозное настроеніе все болѣе и болѣе захватывало жизнь Паскаля, такъ что въ 1655 году онъ совершенно удалился отъ міра. Онъ переѣхалъ въ Янсенистскую общину Поръ-Рояля и сталъ жить тамъ жизнью почти монашеской, обдумывая и приготовляя то большое сочиненіе, въ которомъ онъ хотѣлъ показать, во-первыхъ, необходимость религіи для разумной жизни людской, и, во-вторыхъ, истинность той религіи, которую онъ самъ исповѣдывалъ. Но и здѣсь соблазны славы людской не оставили Паскаля.

Янсенистская община Поръ-Рояля, въ которой жилъ Паскаль, вызвала къ себѣ враждебность могущественнаго ордена іезуитовъ, и происки іезуитовъ сдѣлали то, что существовавшія при Поръ-Роялѣ школы мужская и женская были закрыты, и самому монастырю Поръ-Рояля угрожала опасность быть закрытымъ.

Живя среди янсенистовъ и раздѣляя ихъ ученіе, Паскаль не могъ оставаться равнодушнымъ къ положенію своихъ единовѣрцевъ и, увлекшись такъ споромъ съ іезуитами, написалъ въ защиту янсенистовъ книгу, которую онъ назвалъ „Письмами провинціала“. Въ сочиненіи этомъ Паскаль не столько оправдывалъ и защищалъ ученіе янсенистовъ, сколько осуждалъ враговъ ихъ—іезуитовъ, обличая безнравственность ихъ ученія. Книга имѣла большой успѣхъ, но слава эта уже не могла соблазнить Паскаля.

Вся жизнь его была уже неперестающимъ служеніемъ Богу.

Онъ установилъ себѣ правила жизни и строго слѣдовалъ имъ, не уклоняясь отъ нихъ ни по лѣни, ни по болѣзни. Бѣдность онъ считалъ основаніемъ добродѣтели. „Въ бѣдности и нищетѣ,—говорилъ онъ,—не только нѣтъ зла, но въ нихъ наше благо. Хри-

стосъ былъ бѣденъ и нищъ и не имѣлъ, гдѣ главу преклонить". Отдавая все, что могъ, бѣднымъ, Паскаль жилъ такъ, что у него было лишь необходимое; онъ обходился по возможности безъ прислуги, допуская ее только, когда онъ по болѣзни не могъ двигаться. Жилище его было самое простое, какъ и пища и одежда. Онъ самъ убиралъ свои комнаты и приносилъ себѣ обѣдъ.

Болѣзнь его все усиливалась, и онъ не переставалъ страдать, но страданія свои онъ переносилъ не только съ терпѣніемъ, удивлявшимъ его близкихъ, но даже съ радостью и благодарностью. „Не жалѣйте,— говорилъ онъ тѣмъ, которые соболѣзновали его положенію,—болѣзнь есть естественное состояніе христіанина, потому что въ этомъ положеніи христіанинъ бываетъ такимъ, какимъ долженъ быть всегда. Она пріучаетъ къ лишенію всякихъ благъ и чувственныхъ удовольствій, пріучаетъ удерживаться отъ страстей, которыя всю жизнь обуреваютъ человѣка, быть безъ честолюбія, безъ жадности, быть всегда въ ожиданіи смерти".

Та роскошь, которой пытались окружить его любящіе его родные, тяготила его. Онъ просилъ сестру перевести его въ больницу для неизлѣчимыхъ бѣдныхъ, чтобы провести съ ними послѣдніе дни своей жизни, но сестра не исполнила его желанія, и онъ умеръ у себя.

Послѣдніе часы онъ былъ безъ сознанія. Только передъ самымъ концомъ онъ приподнялся съ постели и съ яснымъ и радостнымъ выраженіемъ сказалъ: „Не оставь меня Господи". Это были его послѣднія слова.

Онъ скончался 19 августа 1662 года.

Человѣку для его блага нужно двѣ вѣры: одно — вѣрить, что *есть* объясненіе смысла жизни, а другое — *найти* это наилучшее объясненіе жизни.

Паскаль сдѣлалъ, какъ никто, первое дѣло. Судьба, Богъ не далъ ему сдѣлать второго.

Какъ человѣкъ, умирающій отъ жажды, набрасывается на ту воду, которая есть передъ нимъ, не разбирая ея качества, такъ Паскаль, не разбирая качества того католицизма, въ которомъ онъ

воспитанъ, видѣлъ въ немъ истину и спасеніе людей. Довольно, что вода, довольно, что вѣра!

Само собою разумѣется, что никто не имѣетъ права гадать о томъ, что могло бы быть, но нельзя себѣ представить геніальнаго, правдиваго передъ самимъ собой Паскаля, вѣрующаго въ католичество. Онъ не успѣлъ подвергнуть его той силѣ мысли, которую онъ направилъ на доказательство необходимости вѣры, и потому въ душѣ его догматическій католицизмъ остался цѣлымъ. Онъ, не трогая его, опирался на него. Опирался на то, что было и есть въ немъ истиннаго. Онъ взялъ изъ него напряженную работу самосовершенствованія, борьбу съ соблазнами, отвращеніе къ богатству и твердую вѣру въ милосерднаго Бога, Которому онъ отдавалъ, умирая, свою душу.

Онъ умеръ, сдѣлавъ только одну часть работы,—не додѣлавъ, даже не начавъ дѣлать другую. Но отъ того, что не сдѣлана эта вторая часть работы, не менѣе драгоцѣнна первая: удивительная книга „Мыслей“, собранная изъ разрозненныхъ клочковъ бумаги, на которыхъ больной, умирающій Паскаль записывалъ свои мысли.

Удивительная судьба этой книги.

Является пророческая книга,—толпа стоитъ въ недоумѣніи, пораженная силой пророческаго слова, встревожена, хочетъ понять, уяснить, узнать, что дѣлать.

И вотъ приходитъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, какъ говорилъ Паскаль, думаютъ, что знаютъ, и поэтому мутятъ міръ; приходятъ эти люди и говорятъ: „Тутъ нечего понимать, уяснять, все это очень просто. Этотъ Паскаль (то же самое было съ Гоголемъ), какъ вы видите, вѣрилъ въ Троицу, въ причастіе; ясно, что онъ былъ больной, ненормальный и потому по своей слабости и болѣзни все понималъ навыворотъ. Лучшее доказательство этого то, что онъ отвергъ, отрекся даже отъ того хорошаго, что самъ сдѣлалъ и что намъ нравится (потому, что мы это понимаемъ) и приписывалъ большую важность совершенно безполезнымъ „мистическимъ“ разсужденіямъ о судьбѣ человѣка, о будущей жизни. Поэтому надо брать изъ него не то, что онъ самъ считалъ важнымъ, а то, что мы можемъ понять и что намъ нравится“.

И толпа рада: то она не понимала, ей надо было усиліе, чтобы подняться до той высоты, на которую ее хотѣлъ поднять Паскаль, а тутъ все совершенно просто. Паскаль открылъ законъ, по которому дѣлають насосы. Насосы очень полезны, и это очень хорошо; а все, что онъ тамъ говоритъ о Богѣ, безсмертіи, все это пустяки, потому что онъ вѣрилъ въ Троицу, библію. Намъ не нужно усилій, чтобы подниматься до него; напротивъ, мы съ высоты своей ненормальности можемъ покровительственно и снисходительно признавать его заслуги, несмотря на его ненормальности.

Паскаль показываетъ людямъ, что люди безъ религіи или животные или сумасшедшіе, тыкаетъ ихъ носомъ въ ихъ безобразіе и безуміе, показываетъ имъ, что никакая наука не можетъ замѣнить религію. Но Паскаль вѣрилъ въ Бога, въ Троицу, въ библію, и потому для нихъ дѣло рѣшенное, что и то, что онъ имъ говорилъ о безуміи ихъ жизни и тщетѣ науки — неправда. Та самая наука, та самая суета жизни, то самое безуміе, которое такъ неотразимо выяснено имъ, эта самая суета, эта самая наука, это самое безуміе они считаютъ настоящей жизнью, истинной, а разсужденія Паскаля считаютъ плодомъ его болѣзненной ненормальности. Имъ нельзя не признать силы мысли и слова этого человѣка, и они причисляютъ его къ классикамъ, но содержаніе его книги не нужно имъ. Имъ кажется, что они стоятъ неизмѣримо выше того высшаго духовнаго состоянія религіознаго сознанія, до котораго только можетъ достигнуть человѣкъ и на которой стоитъ Паскаль, и потому значеніе удивительной книги безнадежно скрыто отъ нихъ.

Да, ничто такъ не зловредно, не пагубно для истиннаго прогресса человѣчества, какъ эти ловко обставленныя всякаго рода современными украшеніями разсужденія людей qui croyent savoir (думаютъ, что знаютъ) и которыя, по мнѣнію Паскаля, bouleversent le monde (мутятъ міръ).

Но свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ, и есть люди, которые, не раздѣляя вѣры Паскаля въ католичество, но понимая то, что онъ, несмотря на свой великій умъ, могъ вѣрить въ католичество, предпочитая вѣрить въ него, чѣмъ ни во что не вѣрить, понимаютъ и

значенie его удивительной книги, неотразимо доказывающей людямъ необходимость вѣры, невозможность человѣческой жизни безъ вѣры, т.-е. безъ опредѣленнаго, твердаго отношенiя человѣка къ мiру и началу его.

И понявъ это, люди не могутъ не найти и тѣхъ, соотвѣтствующихъ степени ихъ нравственнаго и умственнаго развитiя, отвѣтовъ вѣры на вопросы, поставленные Паскалемъ.

Въ этомъ его великая заслуга. Л. Н. Толстой.

3-е іюля.

Чувство, разрѣшающее всѣ противорѣчія жизни человѣческой и дающее наибольшее благо человѣку, знають всѣ люди. Чувство это—любовь.

1.

Какъ побѣдить дурное расположеніе духа? Прежде всего *смиреніемъ*: когда знаешь свою слабость, зачѣмъ раздражаться, когда другіе указывають на нее? Это нелюбезно съ ихъ стороны, но они правы. Потомъ *разсужденіемъ:* въ концѣ концовъ останешься всетаки тѣмъ, чѣмъ былъ, и если слишкомъ уважалъ себя, то приходится только измѣнить о себѣ мнѣніе; неучтивость ближняго оставляеть насъ такими, какими мы и были. Главное же, *прощеніемъ*: есть только одно средство не ненавидѣть тѣхъ, которые дѣлають намъ зло и обиды, это дѣлать имъ добро, побѣдить свой гнѣвъ добротою; ихъ не перемѣнишь этой побѣдой надъ своими чувствами, но обуздаешь себя. Недостойно возмущаться за себя.

Амієль.

2.

Какая цѣна глазамъ, въ которыхъ нѣть доброты? Доброта есть истинное богатство. Собственностью владѣють и добрые и злые. Стой на истинномъ пути, соображай и будь добръ; хотя бы ты и изучилъ правила всѣхъ религіозныхъ ученій, только доброта дасть тебѣ благо. Тоть, въ душѣ кого живеть доброта, никогда не вступить въ область мрака и печали. Никакое зло не постигнеть того, кто добръ и служить всѣмъ существамъ. Бѣдные могуть со временемъ сдѣлаться богатыми, но для недобрыхъ нѣть перемѣнъ, они всегда бѣдны.

Индійскій Кюралъ.

3.

Любовь уничтожаеть смерть и превращаеть ее въ пустой призракъ; она же обращаеть жизнь изъ безсмыслицы въ нѣчто осмысленное, и изъ несчастія дѣлаеть счастіе.

4.

Ничѣмъ нельзя вынуть изъ раны отравленнаго жала, какъ только бальзамомъ молчаливаго и предупредительнаго милосердія. Зачѣмъ позволять себѣ раздражаться на человѣческую злобу, на неблагодарность, на зависть, даже на коварство? Перекорамъ, жалобамъ, наказаніямъ никогда не будетъ конца. Самое простое—стереть все. Обиды, упреки, вспышки возмущаютъ душу. Надо имѣть средство исцѣленія отъ этихъ золъ. Огонь очищаетъ все. Аміель.

5.

Если вы сознательно не добры ко всѣмъ, то будете часто безсознательно жестоки ко многимъ. Джонъ Рёскинъ.

6.

Любовь выводитъ человѣка изъ себя, изъ своей личности, и потому, если личность страдаетъ, любовь избавляетъ отъ страданій.

7.

Чѣмъ меньше любви, тѣмъ больше человѣкъ подверженъ мучительности страданія; чѣмъ больше любви, тѣмъ меньше мучительности страданія; жизнь же вполнѣ разумная, вся дѣятельность которой проявляется только въ любви, исключаетъ возможность всякаго страданія. Мучительность страданія—это только та боль, которую испытываютъ люди при попыткахъ разрыванія цѣпи любви, которая соединяетъ жизнь человѣческую съ жизнью міра.

Когда тебѣ тяжело, когда ты боишься людей и себя, когда ты запутался въ разсужденіяхъ и дѣлахъ, скажи себѣ: буду любить тѣхъ, съ кѣмъ меня сводитъ жизнь, и старайся дѣлать это, и увидишь, какъ все пройдетъ, облегчится, распутается, и тебѣ нечего будетъ ни желать, ни бояться.

9-е іюля.

Ошибочно думать, что многознаніе есть достоинство. Важно не количество, а качество знанія.

1.

Сократъ хотя и считалъ глупость несовмѣстимой съ мудростью, не называлъ невѣжество глупостью. Но не знать самого себя и воображать себѣ, что знаешь то, чего не знаешь, вотъ что онъ называлъ безуміемъ.

2.

Мы живемъ въ вѣкѣ философіи, наукъ и разума. Кажется, что всѣ науки соединились, чтобы освѣтить намъ путь въ этомъ лабиринтѣ человѣческой жизни. Огромныя библіотеки открыты для всѣхъ, вездѣ гимназіи, школы, университеты даютъ намъ съ дѣтства возможность воспользоваться мудростью людей, проявившейся въ продолженіе тысячелѣтій. Все, казалось бы, содѣйствуетъ образованію нашего ума и утвержденію разума. Что же, стали ли мы лучше или мудрѣе отъ всего этого? Лучше ли мы знаемъ путь и назначеніе нашего призванія? Лучше ли мы знаемъ, въ чемъ наши обязанности и, главное, благо жизни? Что пріобрѣли мы отъ всего этого тщетнаго знанія, кромѣ вражды, ненависти, неизвѣстности и сомнѣній? Всякое религіозное ученіе и секта доказываетъ, что она одна нашла истину. Всякій писатель одинъ знаетъ, въ чемъ наше благо. Одинъ доказываетъ намъ, что нѣтъ тѣла, другой—что нѣтъ души, третій—что между душой и тѣломъ нѣтъ связи, четвертый—что человѣкъ животное, пятый—что Богъ только зеркало.

Руссо.

3.

Какое огромное преимущество на сторонѣ того человѣка, который ничего не знаетъ о предметѣ и, что очень рѣдко,—знаетъ, что ничего не знаетъ о немъ, передъ тѣмъ, кто дѣйствительно коечто знаетъ, но думаетъ, что онъ знаетъ все! Какое огромное преимущество на сторонѣ перваго!

Торо.

4.

Какъ много ненужнаго чтенія могли бы мы избѣгнуть при самостоятельномъ мышленіи!

Развѣ чтеніе и ученіе одно и то же? Кто-то не безъ основанія утверждалъ, что книгопечатаніе если и способствовало болѣе широкому распространенію учености, то въ ущербъ ея качеству и содержанію. Слишкомъ много читать вредно для мышленія. Величайшіе мыслители, встрѣчавшіеся мнѣ среди ученыхъ, которыхъ я изучалъ, были какъ разъ наименѣе начитанными.

Если бы людей учили, какъ они должны мыслить, а не только тому, что они должны мыслить, — недоразумѣніе было бы предотвращено.

Лихтенбергъ.

5.

Не бойся незнанія, бойся ложнаго знанія. Отъ него все зло міра.

6.

Человѣкъ, который умѣетъ скрывать свою глупость, лучше, чѣмъ человѣкъ, который хочетъ выказать свою мудрость.

7.

Чтобы достигнуть нравственнаго совершенства, нужно, прежде всего, заботиться о душевной чистотѣ. А душевная чистота достигается въ томъ только случаѣ, когда сердце ищетъ правды и воля стремится къ святости. И все это зависитъ отъ истиннаго знанія.

Конфуцій.

8.

Умъ укрѣпляется или разслабляется чтеніемъ рѣшительно такъ же, какъ тѣло свѣжимъ или гнилымъ воздухомъ.

Джонъ Рёскинъ.

Сомнительно знаніе, вызывающее споры.

10-е іюля.

Въ нашемъ мірѣ истинная вѣра большей частью замѣнена общественнымъ мнѣніемъ: люди вѣрятъ не въ Бога, а въ тѣ ложные пріемы, которыми люди хотѣли замѣнить служеніе Богу.

1.

Главный и самый обычный способъ отрицать существованіе Бога состоитъ въ томъ, чтобы признавать всегда безусловно справедливымъ общественное мнѣніе и не придавать никакого значенія мнѣнію Бога.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Богъ предоставляетъ каждой душѣ выборъ между истиной и спокойствіемъ. Выбирай одно изъ двухъ. Нельзя имѣть и то и другое. Какъ маятникъ колеблется человѣкъ между тѣмъ и другимъ. Тотъ, въ комъ преобладаетъ любовь къ спокойствію, восприметъ первую встрѣтившуюся ему вѣру, философію, политическую партію,—чаще всего ту, которую исповѣдывалъ его отецъ, и онъ получитъ спокойствіе, удобство и общественное уваженіе, но онъ затворитъ дверь передъ истиной.

Эмерсонъ.

3.

Несчастіе и зло людей происходятъ не столько отъ того, что люди не знаютъ своихъ обязанностей, сколько отъ того, что они признаютъ своими обязанностями не то, что есть ихъ обязанность.

4.

У насъ нѣтъ уже болѣе религіи. Вѣчные законы Бога, съ ихъ вѣчнымъ раемъ и адомъ превратились въ правила практической философіи, основанныя на ловкихъ расчетахъ выгодъ и потерь, съ слабымъ остаткомъ уваженія къ радостямъ, доставляемымъ добродѣтелью и возвышенной нравственностью. Да, это такъ. Выражаясь на языкѣ нашихъ предковъ, мы „забыли Бога“, а употребляя

современный способъ выраженія, скажемъ, что мы ложно понимаемъ факты вселенной. Мы спокойно закрываемъ глаза и не хотимъ видѣть вѣчную сущность вещей, а присматриваемся только къ кажущемуся, мнимому виду ихъ.

Мы спокойно считаемъ вселенную за великую, непонятную случайность; судя по внѣшнему виду, она довольно ясно представляется намъ громаднымъ загономъ для скота или рабочимъ домомъ, обширными кухнями съ обѣденными столами, за которыми находятъ себѣ мѣсто только благоразумные люди.

Вся правда вселенной есть нѣчто неопредѣленное; только выгоды и потери, пуддинги и похвалы вполнѣ ясны для практическаго человѣка.

Да, у насъ нѣтъ Бога! Законы Бога замѣнены принципомъ возможно большей выгоды. **Карлейль.**

5.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но хуже всего то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ. **Лактанцій.**

6.

У церкви, у государства, у общества имѣются извѣстныя типичныя формы, въ которыя отливается мысль молодежи. Когда же приходитъ время, въ которое должны были бы проявиться индивидуальныя особенности новаго поколѣнія, оказывается, что мысль его уже окостенѣла въ этихъ формахъ и не можетъ принять въ себя ничего новаго. **Люси Малори.**

7.

Вѣра не устанавливается большинствомъ голосовъ. Тотъ, кто въ большинствѣ голосовъ видитъ признакъ истинности вѣры, не знаетъ того, что есть вѣра

8.

Каждое общество, исходящее изъ положенія, что „нѣтъ Бога“, приходитъ къ нѣкоторымъ неожиданнымъ результатамъ. Такъ какъ міровой порядокъ представляется такому обществу рядомъ случайностей и безконечныхъ обмановъ, то какія-нибудь единичныя случайности или обманы не могутъ, конечно, уже никого удивить.

Все это вполнѣ въ порядкѣ вещей, и призраки, съ необыкновеннымъ громомъ и трескомъ проходящіе по нашимъ улицамъ въ теченіе всей нашей жизни, уже не поражаютъ насъ.

Карлейль.

9.

Причина той лжи, въ которую впало искусство нашего общества, заключалась въ томъ, что люди высшихъ классовъ остались жить безъ всякой вѣры, стараясь замѣнить отсутствіе вѣры одни—лицемѣріемъ, притворяясь, что они еще вѣрятъ во внѣшнія религіозныя формы, другіе—смѣлымъ провозглашеніемъ своего невѣрія, третьи—утонченнымъ скептицизмомъ, четвертые—возвращеніемъ къ греческому поклоненію красотѣ, признаніемъ законности эгоизма и возведеніемъ его въ религіозное ученіе.

Причина болѣзни было непринятіе ученія Христа въ его истинномъ, т.-е. полномъ значеніи. Исцѣленіе отъ болѣзни только въ одномъ,—въ признаніи этого ученія во всемъ его значеніи. А это признаніе въ наше время не только возможно, но и необходимо.

Основная причина того зла, отъ котораго страдаютъ теперь люди, это то, что у большинства людей нашего времени нѣтъ религіи.

11-е іюля.

Истинное милосердіе только милосердіе сильнаго, отдающаго свой трудъ и усилія слабому.

1.

Подача милостыни только тогда доброе дѣло, когда то, что подается, есть произведеніе труда.

Пословица говоритъ: сухая рука прижимиста, потная рука таровата. Такъ и въ Ученіи 12-ти апостоловъ сказано: пусть милостыня твоя пòтомъ выходитъ изъ руки твоей.

2.

Мощь дана человѣку не для того, чтобы онъ давилъ слабаго, а чтобы онъ поддерживалъ его и помогалъ ему.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Всякое доброе дѣло есть милосердіе. Дать воды жаждущему—это милосердіе. Принять камни съ дороги—это милосердіе. Убѣждать ближнихъ, чтобы они были добродѣтельны,—милосердіе. Указать страннику его путь—тоже милосердіе. Улыбнуться, глядя въ лицо ближняго,—милосердіе. Мишхатъ (Магометъ).

4.

Всякому, просящему у тебя, давай и отъ взявшаго у тебя не требуй назадъ. И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними. Лк. VI, 30—31.

Если богатый человѣкъ будетъ истинно милосердъ, онъ скоро перестанетъ быть богатымъ.

12-е іюля.

Единство духовнаго начала, дающаго жизнь всему живому, мы видимъ на всѣхъ явленіяхъ жизни.

1.

Все, что вноситъ единеніе между людьми, есть благо и красота; все, что ихъ разъединяетъ—зло и уродство. Всѣ люди знаютъ эту истину. Она запечатлѣна въ нашемъ сердцѣ.

2.

Какое ужасное страданіе — знать, что я страдаю и лишаюсь жизни не отъ завала горы, не отъ бактеріи, а отъ людей, отъ

братьевъ, которые должны бы любить и которые вотъ ненавидятъ меня, если заставляютъ страдать! Это чувство подобно насильственному самоубійству. Я не хочу этого и убиваю самъ себя.

3.

Нѣтъ такого дурного дѣла, за которое былъ бы наказанъ только тотъ, кто его сдѣлалъ. Мы не можемъ такъ уединиться, чтобы то зло, которое есть въ насъ, не распространялось. Наши дѣла, какъ наши дѣти: они живутъ и дѣйствуютъ независимо отъ нашей воли.

Джоржъ Элліотъ.

4.

Я до такой степени убѣжденъ, что человѣкъ все дѣлаетъ изъ собственной выгоды (понимая это слово надлежащимъ образомъ), что вѣрю, что это такъ же необходимо для міровой жизни, какъ чувствительность для сохраненія жизни тѣла. Довольно того, что мы такъ часто не можемъ достигнуть нашей выгоды, не осчастлививъ тысячи другихъ людей, и что наша „первопричина“ такъ мудро сумѣла связать интересы одной части съ интересами другихъ.

Лихтенбергъ.

5.

Никто одинъ не можетъ достигнуть до истины; только камень за камнемъ, съ участіемъ всѣхъ, милліонами поколѣній отъ праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тотъ храмъ, который долженъ быть достойнымъ жилищемъ Великаго Бога.

6.

Жизнь человѣка есть самодвижущійся кругъ, который изъ безконечно малаго расходится во всѣ стороны, въ новые и все большіе круги, не имѣющіе конца.

Эмерсонъ.

Мы внѣшне отдѣлены и внутренно связаны со всѣми живыми существами.

Нѣкоторыя изъ колебаній духовнаго міра мы чувствуемъ, нѣкоторыя еще не дошли до насъ, но они идутъ, какъ идетъ свѣтъ отъ звѣзды, еще невидимой для нашего глаза.

13-е іюля.

Какъ легко, казалось бы, исполненіе закона Бога, выраженнаго въ христіанскомъ ученіи, и какъ все еще далеки мы отъ этого исполненія!

1.

Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исходъ 20, 13).

А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего, подлежитъ суду.

Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй (Исходъ 20, 14).

А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.

Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои“ (Левитъ 19, 12. Второзак. 23, 21).

А Я говорю вамъ: не клянись вовсе... Но да будетъ слово ваше: „да, да“, „нѣтъ, нѣтъ“; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго.

Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ (Исходъ 21, 24).

А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую.

И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

Просящему у тебя дай и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Левит. 19, 17—18).

А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ.

Да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари?

И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, чтó особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный. Mѳ. V, 21, 22, 27, 28, 33, 34, 37—48.

2.

Въ пяти заповѣдяхъ Христа выражена возможность исполненія закона; указано все то, что препятствуетъ этому исполненію. Стоитъ слѣдовать людямъ этимъ 5-ти заповѣдямъ, и на землѣ установится Царство Бога. И слѣдовать имъ легко даже намъ, испорченнымъ воспитаніемъ. Что же было бы, если бы всѣ дѣти воспитывались въ этихъ заповѣдяхъ?

3.

Постоянное движеніе впередъ религіи—въ сближеніи ея съ нравственностью. Если въ теологіи мнѣнія измѣняются, убѣжденія людей относительно поведенія неизмѣнны. Эмерсонъ.

4.

Законъ жизни для мудрыхъ неясенъ, но онъ все болѣе и болѣе выясняется по мѣрѣ того, какъ они ему слѣдуютъ. Законъ жизни для обыкновенныхъ людей ясенъ, но онъ все болѣе и болѣе затемняется по мѣрѣ того, какъ они ему не слѣдуютъ.

Конфуцій.

5.

Существуетъ только одинъ вѣчный, неизмѣнный законъ, управляющій всѣми народами во всѣ времена. Не повинующійся этому закону отрекается отъ себя, презираетъ человѣческую природу, а этимъ самымъ такой человѣкъ, хотя и можетъ избѣгнуть того, что обыкновенно люди называютъ наказаніемъ, накладываетъ на себя самое тяжелое наказаніе. Цицеронъ.

Для осуществленія закона Бога, насколько онъ выясненъ намъ, нужно наше усиліе, и усиліе это дѣлается людьми, и, какъ ни медленно, мы все-таки приближаемся къ этому осуществленію.

14-е іюля.

Царство Божіе есть осуществленіе между людьми закона Бога— въ той мѣрѣ, въ которой онъ открытъ людямъ.

1.

Куда дѣнется нищета, если каждый будетъ искать прежде всего царствія Божія и правды Его? То-есть если, добровольно покоряясь закону Бога, каждый будетъ стремиться къ добросовѣстному исполненію обязанностей, этимъ закономъ налагаемыхъ?

Нищета — дочь несправедливости, эгоистичнаго любостяжанія, преступнаго презрѣнія къ священнымъ обязанностямъ человѣчества,—столь общаго и постояннаго нарушенія ихъ, что мы, вслѣдствіе ужасающаго помраченія нашей совѣсти, привыкли даже смѣшивать его съ порядкомъ. Итакъ, да пріидетъ Царствіе Твое, Господи; да будетъ законъ Твой закономъ обновленности міра; да не будетъ нагота удѣломъ трехъ четвертей человѣческаго рода; да будетъ міръ не жилищемъ ожесточенныхъ и вредящихъ другъ другу враговъ, а жилищемъ братьевъ, рвущихся другъ къ другу на помощь. Умножаясь ежедневно, да сплотятся дѣти ваши для уничтоженія зла, для низложенія храма сатаны и для построенія Твоего храма изъ его развалинъ. Ламенэ.

2.

Тогда только можно будетъ съ полнымъ основаніемъ сказать, что пришло къ намъ царствіе Божіе, когда гдѣ-нибудь открыто укоренится принципъ постепеннаго перехода церковной вѣры во всеобщую разумную религію. Пусть полное осуществленіе этого царствія будетъ безконечно удалено отъ насъ; но въ этомъ прин-

цитѣ, какъ въ развивающемся и потомъ размножающемся зародышѣ, содержится уже все то, что должно просвѣтить міръ и овладѣть имъ.

Въ жизни міра тысячи лѣтъ какъ одинъ день. Мы должны терпѣливо работать надъ этимъ осуществленіемъ и ждать его.

Кантъ.

3.

Царство Божіе на землѣ — это конечная цѣль и желаніе человѣчества („Да пріидетъ царствіе Твое“). Христосъ приблизилъ къ намъ это царство, но люди не поняли его и воздвигли въ насъ царство поповъ, а не царство Бога. Кантъ.

4.

Приходитъ время, когда обрядовое, словесное богослуженіе, притягивающее насъ къ себѣ своей поэзіей и благолѣпіемъ, когда насильническое общественное устройство, кажущееся неизбѣжнымъ въ глазахъ нашихъ, будутъ вытѣснены разумѣніемъ о жизни человѣка. Приходитъ время царства небеснаго, царства Бога на землѣ, когда сама жизнь наша въ нашихъ дѣлахъ вся наполнится сознательнымъ возвеличеніемъ Божества, безпрерывной поэзіей истиннаго богослуженія, восторгъ котораго чувствуетъ въ себѣ человѣкъ, исполняя заповѣдь Божію, помогая ближнему, спасая погибающаго и совершая завѣты Христовой любви.

Требуется одно главное, требуется понять религію въ ея истинномъ значеніи: не въ смыслѣ колдовства и обмороченья людей, а въ смыслѣ науки, разумѣнія о жизни человѣка, — понять такъ, чтобы подъ богослуженіемъ разумѣть не что-нибудь таинственное, сверхъестественное, чего безъ попа, безъ благодати сдѣлать нельзя, а понимать подъ богослуженіемъ любовь къ Богу и ближнему, служеніе ближнему, живую личную дѣятельность во благо ближняго, во благо общее — чтобы понимать подъ богослуженіемъ дѣланіе добра. Бука.

Царство Божіе внутри васъ есть. И потому ищите Царства Божія въ себѣ, и остальное все сдѣлается такъ, какъ только мы можемъ желать.

Недѣльное чтеніе.

Устройство міра.

Міръ—это общество такое, какимъ оно было во времена Іисуса и каково оно, въ сущности, и теперь, такъ какъ восемнадцать вѣковъ христіанства не измѣнили его основъ, а только смягчили его проявленія. При перемѣняющихся условіяхъ это общество держится вездѣ на силѣ и эгоизмѣ. Повелѣваютъ только потому, что имѣютъ власть; угнетаютъ, мучаютъ потому, что повелѣваютъ для себя. Таковъ міръ, и между міромъ и Іисусомъ вѣчная борьба, потому что то, что хочетъ Іисусъ, прямо противоположно тому, чего хочетъ міръ. Іисусъ хочетъ, чтобы люди были свободны, чтобы, будучи равными передъ общимъ Отцомъ, они были равны и другъ передъ другомъ, чтобы братская любовь соединила ихъ въ одну семью. Міръ же хочетъ подчиненія почти всѣхъ нѣкоторымъ; хочетъ не братьевъ, но малыхъ и великихъ,—малыхъ, лишенныхъ всякихъ правъ, и великихъ, которымъ бы они принадлежали и которые располагали бы ими, какъ хотятъ.

Іисусъ хочетъ, чтобы власть была служеніемъ; міръ хочетъ, чтобы она была господствомъ. Поэтому Іисусъ осуждаетъ міръ, и міръ ненавидитъ Іисуса, и ненависть эта, распространяясь на учениковъ Іисуса, подвергаетъ ихъ гоненіямъ отъ міра. Если бы міръ терпѣлъ ихъ, если бы между нимъ и ими была бы связь какая бы то ни было, они были бы не учениками Іисуса, но измѣнниками Его ученія, соучастниками того, кто предалъ Его поцѣлуемъ.

Итакъ, вы—тѣ, которые хотите того, чего хотѣлъ Іисусъ, тѣ, которыхъ Онъ избралъ для того, чтобы продолжать Его дѣло,

будьте готовы къ тому, что ожидаетъ васъ въ мірѣ; но знайте и то, что міръ не будетъ сильнѣйшимъ до конца, а будетъ побѣжденъ тоже, потому что та истина, которая должна побѣдить, уже начинаетъ свѣтиться передъ всѣми глазами, начинаетъ шевелить всѣ совѣсти, и что міръ тщетно старается убить ее, какъ онъ убилъ Іисуса. Времена приближаются, глухой ропотъ предвѣщаетъ освобожденіе; со всѣхъ сторонъ слышенъ трескъ разрывающихся цѣпей; сильные смущены,—чувствуютъ, что они слабѣютъ; слабые же поднимаютъ голову. Должна произойти послѣдняя битва. Пусть всякій твердо стоитъ въ этой битвѣ, рѣшающей вопросъ о томъ, будетъ ли человѣчество освобождено Христомъ по Его обѣщанію, или вѣчно будетъ рабомъ сыновъ того, кто былъ человѣкоубійцей отъ начала.

Ламенэ.

Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ.

Жилъ Емельянъ у хозяина въ работникахъ. Идетъ разъ Емельянъ по лугу на работу, глядь, прыгаетъ передъ нимъ лягушка; чуть-чуть не наступилъ на нее. Перешагнулъ черезъ нее Емельянъ. Вдругъ слышитъ, кличетъ его кто-то сзади. Оглянулся Емельянъ, видитъ—стоитъ красавица дѣвица и говоритъ ему:

— Что ты, Емельянъ, не женишься?

— Какъ мнѣ, дѣвица милая, жениться? Я весь тутъ, нѣтъ у меня ничего, никто за меня не пойдетъ.

И говоритъ ему дѣвица:

— Возьми меня замужъ.

Полюбилась Емельяну дѣвица.

— Я,—говоритъ,—съ радостью, да гдѣ мы жить будемъ?

— Есть, — говоритъ дѣвица, — о чемъ думать! Только бы побольше работы да спать поменьше, а то вездѣ и одѣты, и сыты будемъ.

— Ну, что жъ,—говоритъ,—ладно. Женимся.

— Куда жъ пойдемъ?

— Пойдемъ въ городъ.

Пошелъ Емельянъ съ дѣвицей въ городъ. Свела его дѣвица въ домишко небольшой, на краю. Женились и стали жить.

Ѣхалъ разъ царь за городъ. Проѣзжаетъ мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотрѣть царя. Увидалъ ее царь, удивился: „гдѣ такая красавица родилась?“ Остановилъ царь коляску, подозвалъ жену Емельяна, сталъ ее спрашивать:

— Кто,—говоритъ,—ты?

— Мужика Емельяна жена,—говоритъ.

— Зачѣмъ ты,—говоритъ,—такая красавица, за мужика пошла? Тебѣ бы надо царицей быть.

— Благодарю,—говоритъ,—на ласковомъ словѣ. Мнѣ и за мужикомъ хорошо.

Поговорилъ съ ней царь и поѣхалъ дальше. Вернулся во дворецъ. Не идетъ у него изъ головы Емельянова жена. Всю ночь не спалъ, все думалъ онъ, какъ бы ему у Емельяна жену отнять. Не могъ придумать, какъ сдѣлать. Позвалъ своихъ слугъ, велѣлъ имъ придумать. И сказали слуги царскіе царю:

— Возьми ты, — говорятъ, — Емельяна къ себѣ во дворецъ въ работники. Мы его работой замучаемъ, жена вдовой останется, тогда ее взять можно будетъ.

Сдѣлалъ такъ царь, послалъ за Емельяномъ, чтобы шелъ къ нему въ царскій дворецъ, въ дворники, и у него во дворцѣ съ женой жилъ.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говоритъ мужу:

— Что жъ, — говоритъ, — иди. День работай, а ночью ко мнѣ приходи.

Пошелъ Емельянъ. Приходитъ во дворецъ, царскій приказчикъ и спрашиваетъ его:

— Что жъ ты одинъ пришелъ безъ жены!

— Что жъ мнѣ,—говоритъ,—ее водить: у нея домъ есть.

Задали Емельяну на царскомъ дворѣ работу такую, что двоимъ впору. Взялся Емельянъ за работу и не чаялъ кончить. Глядь, раньше вечера все кончилъ. Увидалъ приказчикъ, что кончилъ, задалъ ему на завтра вчетверо.

Пришелъ Емельянъ домой. А дома у него все выметено, прибрано, печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидитъ за столомъ, шьетъ, мужа ждетъ. Встрѣтила жена мужа; собрала ужинать, накормила, напоила; стала его про работу спрашивать.

— Да что, — говоритъ, — плохо: не по силамъ уроки задаютъ, замучаютъ они меня работой.

— А ты, — говоритъ, — не думай о работѣ и назадъ не оглядывайся и впередъ не гляди, много ли сдѣлалъ и много ли осталось. Только работай. Все во-время поспѣетъ.

Легъ спать Емельянъ. На утро опять пошелъ. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь, къ вечеру все готово, засвѣтло пришелъ домой ночевать.

Стали еще и еще набавлять работу Емельяну, и все къ сроку кончаетъ Емельянъ, ходитъ домой ночевать. Прошла недѣля. Видятъ слуги царскіе, что не могутъ они черной работой донять мужика; стали ему хитрыя работы задавать. И тѣмъ не могутъ донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу — что ни зададутъ, все дѣлаетъ къ сроку Емельянъ, къ женѣ ночевать идетъ. Прошла другая недѣля. Позвалъ царь своихъ слугъ и говоритъ:

— Или я васъ задаромъ хлѣбомъ кормлю? Двѣ недѣли прошло, а все ничего я отъ васъ не вижу. Хотѣли вы Емельяна работой замучить, а я изъ окна вижу, какъ онъ каждый день идетъ домой, пѣсни поетъ. Или вы надо мной смѣяться вздумали?

Стали царскіе слуги оправдываться.

— Мы, — говорятъ, — всѣми силами старались его сперва черной работой замучить, да ничѣмъ не возьмешь его. Всякое дѣло какъ метлою мететъ, и устали въ немъ нѣтъ. Стали мы ему хитрыя работы задавать, думали: у него ума не достанетъ; тоже не можемъ донять. Откуда что берется! До всего доходитъ, все дѣлаетъ. Не иначе, какъ либо въ немъ самомъ, либо въ женѣ его — колдовство. Онъ намъ и самимъ надоѣлъ. Хотимъ мы теперь ему такое дѣло задать, чтобы нельзя было ему сдѣлать. Придумали мы ему велѣть въ одинъ день соборъ построить. Призови ты Емельяна и вели ему въ одинъ день противъ дворца соборъ построить. А не построитъ онъ, тогда можно ему за ослушаніе голову отрубить.

Послалъ царь за Емельяномъ.

— Ну, — говоритъ, — вотъ тебѣ мой приказъ: построй ты мнѣ новый соборъ на площади противъ дворца; чтобы къ завтраму къ вечеру готово было. Построишь, — я тебя награжу, а не построишь — казню.

Отслушалъ Емельянъ рѣчи царскія, повернулся, пошелъ домой. „Ну, думаетъ, пришелъ мой конецъ теперь“. Пришелъ домой къ женѣ и говоритъ:

— Ну, — говоритъ, — собирайся, жена: бѣжать надо, куда попало, а то ни за что пропадемъ.

— Что жъ,—говоритъ,—такъ заробѣлъ, что бѣжать хочешь?

— Какъ же,—говоритъ,—не заробѣть? Велѣлъ мнѣ царь завтра въ одинъ день соборъ построить. А какъ не построю, грозится голову отрубить. Одно остается—бѣжать, пока время.

Не́ приняла жена этихъ рѣчей.

— У царя,—говоритъ,—солдатъ много, повсюду поймаютъ. Отъ него не уйдешь. А пока сила есть, слушаться надо.

— Да какъ же слушаться, коли не по силамъ?

— И... батюшка! Не тужи, поужинай да ложись: на утро вставай пораньше, все успѣешь.

Легъ спать Емельянъ. На утро разбудила его жена.

— Ступай,—говоритъ,—скорѣй достраивай соборъ: вотъ тебѣ гвозди и молотокъ; тамъ тебѣ на день работы осталось.

Пошелъ Емельянъ въ городъ, приходитъ,—точно, новый соборъ посередь площади стоитъ. Немного не конченъ. Сталъ додѣлывать Емельянъ, гдѣ надо; къ вечеру все исправилъ.

Проснулся царь, посмотрѣлъ изъ дворца, видитъ — соборъ стоитъ. Емельянъ похаживаетъ, кое-гдѣ гвозди приколачиваетъ. И не радъ царь собору, досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жены отнять.

Опять призываетъ царь своихъ слугъ.

— Исполнилъ,—говоритъ, — и эту задачу Емельянъ, не за что его казнить. Мала ему и эта задача. Надо что похитрѣй выдумать. Придумайте, а то я васъ прежде его расказню.

И придумали ему слуги, чтобы заказалъ онъ Емельяну рѣку сдѣлать, чтобы текла рѣка вокругъ дворца, а по ней бы корабли плавали Призвалъ царь Емельяна, приказалъ ему новое дѣло.

— Если ты,—говоритъ,—въ одну ночь могъ соборъ построить, такъ можешь ты и это дѣло сдѣлать. Чтобы завтра было все по моему приказу готово. А не будетъ готово, голову отрублю.

Опечалился еще пуще Емельянъ, пришелъ къ женѣ сумрачный.

— Что,—говоритъ жена,—опечалился, или еще новое что царь заказалъ?

Разсказалъ ей Емельянъ.

— Надо,—говоритъ,—бѣжать.

А жена говоритъ:

— Не убѣжишь отъ солдатъ, вездѣ поймаютъ. Надо слушаться.

— Да какъ слушаться-то?

— И... батюшка,—говоритъ,—ни о чемъ не тужи. Поужинай да спать ложись. А вставай пораньше, все будетъ къ порѣ.

Легъ Емельянъ спать. Поутру разбудила его жена.

— Иди,—говоритъ,—ко дворцу, все готово. Только у пристани, противъ дворца, бугорокъ остался; возьми заступъ, сровняй.

Пошелъ Емельянъ; приходитъ въ городъ; вокругъ дворца рѣка, корабли плаваютъ. Подошелъ Емельянъ къ пристани противъ дворца, видитъ—неровное мѣсто, сталъ ровнять.

Проснулся царь, видитъ—рѣка, гдѣ не было; по рѣкѣ корабли плаваютъ, и Емельянъ бугорокъ заступомъ ровняетъ. Ужаснулся царь; и не радъ онъ и рѣкѣ, и кораблямъ, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думаетъ себѣ: нѣтъ такой задачи, чтобы онъ не сдѣлалъ. Какъ теперь быть?

Призвалъ царь слугъ своихъ, сталъ съ ними думать.

— Придумайте,—говоритъ,—мнѣ такую задачу, чтобы не подъ силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумывали, онъ все сдѣлалъ, и нельзя мнѣ у него жены отобрать.

Думали, думали придворные и придумали. Пришли къ царю и говорятъ:

— Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда, — не знай куда, и принеси того, — не знай чего. Тутъ ужъ ему нельзя будетъ отвертѣться. Куда бы онъ ни пошелъ, ты скажи, что онъ не туда пошелъ, куда надо, и чего бы онъ ни принесъ, ты скажи, что не то принесъ, чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался царь.

— Это,—говоритъ,—вы умно придумали.

Послалъ царь за Емельяномъ и сказалъ ему:

— Поди туда,—не знай куда, принеси того,—не знай чего. А не принесешь, отрублю тебѣ голову.

Пришелъ Емельянъ къ женѣ и говоритъ, что царь сказалъ. Задумалась жена.

— Ну,—говоритъ,—на его голову научили царя. Теперь умно дѣлать надо.—Посидѣла, подумала жена и стала говорить мужу:
— Идти тебѣ надо далеко, къ нашей бабушкѣ старинной, мужицкой, солдатской матери, надо ея милости просить. А получишь отъ нея штуку, иди прямо во дворецъ, и я тамъ буду. Теперь ужъ мнѣ ихъ рукъ не миновать. Они меня силой возьмутъ, да только не надолго. Если все сдѣлаешь, какъ бабушка велитъ, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретенце.

— Вотъ это,—говоритъ,—ей отдай. По этому она узнаетъ, что ты мой мужъ.

Показала жена ему дорогу. Пошелъ Емельянъ, вышелъ за городъ, видитъ—солдаты учатся. Постоялъ, посмотрѣлъ Емельянъ. Поучились солдаты, сѣли отдохнуть. Подошелъ къ нимъ Емельянъ и спрашиваетъ:

— Не знаете ли, братцы, гдѣ мнѣ идти туда,—не знай куда, и какъ принести того,—не знай чего?

Услыхали это солдаты и удивились.

— Кто,—говорятъ,—тебя послалъ искать?

— Царь,—говоритъ.

— Мы сами,—говорятъ,—вотъ съ самаго солдатства ходимъ туда,—не знай куда, да не можемъ дойти, и ищемъ того,—не знай чего, да не можемъ найти. Не можемъ тебѣ пособить.

Посидѣлъ Емельянъ съ солдатами, пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Въ лѣсу избушка. Въ избушкѣ старая старуха сидитъ, мужицкая, солдатская мать, кудельку прядетъ, сама плачетъ и пальцы не во рту слюнями, а въ глазахъ слезами мочитъ. Увидала старуха Емельяна, закричала на него:

— Чего пришелъ?

Подалъ ей Емельянъ веретенце и сказалъ, что его жена прислала. Сейчасъ помягчала старуха, стала спрашивать. И сталъ Емельянъ сказывать ей всю свою жизнь: какъ онъ на дѣвицѣ женился, какъ перешелъ въ городъ жить, какъ его къ царю въ дворники взяли, какъ онъ во дворцѣ служилъ, какъ соборъ по-

строилъ и рѣку съ кораблями сдѣлалъ и какъ ему теперь царь велѣлъ идти туда, — не знай куда, и принести того, — не знай чего.

Отслушала старушка и перестала плакать. Стала сама съ собой бормотать:

— Дошло, видно, время. Ну, ладно, — говоритъ, — садись, сынокъ, поѣшь.

Поѣлъ Емельянъ, и стала старуха ему говорить:

— Вотъ, — говоритъ, — тебѣ клубокъ. Покати ты его передъ собой и иди за нимъ, куда онъ катиться будетъ. Идти тебѣ будетъ далеко, до самаго моря. Придешь къ морю, увидишь городъ большой. Войди въ городъ, просись въ крайній дворъ ночевать. Тутъ ищи того, что тебѣ нужно.

— Какъ же, бабушка, я его узнаю.

— А когда увидишь то, чего лучше отца и матери слушаютъ, оно то и есть. Схвати и неси къ царю. Принесешь къ царю, онъ тебѣ скажетъ, что не то ты принесъ, что надо. А ты тогда скажи: „Коли не то, такъ разбить его надо, да ударь по штукѣ по этой, а потомъ снеси ее къ рѣкѣ, разбей и брось въ воду. Тогда и жену вернешь, и мои слезы осушишь.

Простился съ бабушкой Емельянъ, пошелъ, покатилъ клубокъ. Катилъ, катилъ, привелъ его клубокъ къ морю. У моря городъ большой. Съ краю высокій домъ. Попросился Емельянъ въ домъ ночевать. Пустили. Легъ спать. Утромъ рано проснулся; слышитъ, отецъ поднялся, будитъ сына, посылаетъ дрова нарубить. И не слушается сынъ.

— Рано,—говоритъ,—еще, успѣю.

Слышитъ, мать съ печки говоритъ:

— Иди, сынокъ, у отца кости болятъ. Развѣ ему самому идти?.. Пора.

Только почмокалъ губами сынъ и опять заснулъ. Только заснулъ, вдругъ загремѣло, затрещало что-то на улицѣ. Вскочилъ сынъ, одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Вскочилъ и Емельянъ, побѣжалъ за нимъ смотрѣть, что такое это гремитъ и чего сынъ лучше отца, матери послушался.

Выбѣжалъ Емельянъ, видитъ — ходитъ по улицѣ человѣкъ, но-

сить на пузѣ штуку круглую, бьетъ по ней палками. Она-то и гремитъ; ее-то сынъ и послушался. Подбѣжалъ Емельянъ, сталъ смотрѣть штуку. Видитъ: круглая, какъ кадушка, съ обоихъ боковъ кожей затянута. Сталъ онъ спрашивать:

— Какъ эта штука зовется?

— Барабанъ,—говорятъ.

— А что же онъ, пустой?

— Пустой,—говорятъ.

Подивился Емельянъ и сталъ просить себѣ эту штуку. Не дали ему. Пересталъ Емельянъ просить, сталъ ходить за барабанщикомъ. Цѣлый день ходилъ, и когда легъ спать барабанщикъ, схватилъ у него Емельянъ барабанъ и убѣжалъ съ нимъ. Бѣжалъ-бѣжалъ, бѣжалъ-бѣжалъ, пришелъ домой въ свой городъ. Думалъ жену повидать, а ея ужъ нѣтъ. На другой день ее къ царю увели.

Пошелъ Емельянъ во дворецъ, велѣлъ о себѣ доложить: пришелъ, молъ, тотъ, кто ходилъ туда,—не знай куда, принесъ того, — не знай чего. Царю доложили. Велѣлъ царь Емельяну завтра придти. Сталъ просить Емельянъ, чтобъ опять доложили.

— Я,—говоритъ,—нынче пришелъ, принесъ, что велѣно, пусть ко мнѣ царь выйдетъ, а то я самъ войду.

Вышелъ царь.

— Гдѣ,—говоритъ,—ты былъ?

Емельянъ сказалъ.

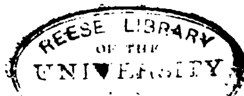
— Не тамъ,—говоритъ.—А что принесъ?

Хотѣлъ показать Емельянъ, да не сталъ смотрѣть царь.

— Не то,—говоритъ.

— А не то, — говоритъ, — такъ разбить ее надо, и чортъ съ ней.

Вышелъ Емельянъ изъ дворца съ барабаномъ и ударилъ по немъ. Какъ ударилъ, собралось все войско царское къ Емельяну. Емельяну честь отдаютъ, отъ него приказа ждутъ. Сталъ на свое войско изъ окна царь кричать, чтобъ они не шли за Емельяномъ. Не слушаютъ царя, всѣ за Емельяномъ идутъ. Увидалъ это царь, велѣлъ къ Емельяну жену вывести и сталъ просить, чтобъ онъ ему отдалъ барабанъ.



— Не могу,—говоритъ Емельянъ.— Мнѣ,—говоритъ,—его разбить велѣно и оскребки въ рѣку бросить.

Подошелъ Емельянъ съ барабаномъ къ рѣкѣ, и солдаты за нимъ пришли. Пробилъ Емельянъ у рѣки барабанъ, разломалъ въ щепки, бросилъ его въ рѣку—и разбѣжались всѣ солдаты. А Емельянъ взялъ жену и повелъ къ себѣ въ домъ.

И съ тѣхъ поръ царь пересталъ его тревожить. И сталъ онъ жить-поживать, доброе наживать, а худое проживать.

15-е іюля.

Тѣлесная жизнь моя подлежитъ страданіямъ и смерти, и никакія усилія мои не могутъ избавить меня ни отъ страданій ни отъ смерти. Духовная же жизнь моя не подлежитъ ни страданіямъ ни смерти. И потому спасеніе мое отъ страданій и смерти только въ одномъ: въ перенесеніи моего сознанія въ свое духовное „я“, въ сліяніи своей воли съ волей Бога.

1.

Есть два способа познанія внѣшняго міра:

Одинъ—самый грубый и неизбѣжный—способъ познаванія пятью чувствами. Изъ этого способа познанія не сложился бы въ насъ тотъ міръ, который мы знаемъ, а былъ бы хаосъ, дающій намъ различныя ощущенія.

Другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы, познавъ любовью къ себѣ себя, познать потомъ любовью къ другимъ существамъ эти существа: перенестись мыслью въ другого человѣка, животное, растеніе, камень даже. Этимъ способомъ познаешь изнутри, образуешь весь міръ, какъ мы знаемъ его.

Это есть возстановленіе нарушеннаго, какъ будто, единенія между существами. Выходишь изъ себя и входишь въ другого. И можешь войти во все—слиться съ Богомъ, со всѣмъ.

2.

... *не Моя воля, но Твоя да будетъ.* Лк. XXII, 42.
... *но не чего Я хочу, а чего Ты.* Мрк. XIV, 36.
... *не какъ Я хочу, но какъ Ты.* Мѳ. XXVI, 39.

3.

Одно только нужно: сознавать Бога. Всѣ чувства, всѣ силы души и ума, всѣ внѣшнія средства пониманія суть только просвѣты на божество, суть только способы вкушать и обожать Бога. Надо умѣть оторваться отъ всего, что можетъ быть потеряно, и привязаться исключительно къ вѣчному и основному, всѣмъ же

остальнымъ наслаждаться, какъ даннымъ взаймы на время. Обожать, понимать, принимать, чувствовать, давать, дѣйствовать—вотъ твой законъ, твой долгъ, твое счастье, твое небо,—пусть будетъ что будетъ, хотя бы и смерть. Установи внутреннее согласіе, живи передъ Богомъ, въ общеніи съ Нимъ и предоставь вѣчнымъ силамъ, съ которыми не можешь бороться, руководить твоею жизнью. Если смерть еще не беретъ тебя, тѣмъ лучше. Если она унесетъ тебя, опять тѣмъ лучше. Если она убьетъ тебя на половину, все-таки тѣмъ лучше, она закрываетъ для тебя поприще успѣха для того, чтобы открыть тебѣ поприще подвига, самоотреченія, нравственнаго величія. Всякая жизнь имѣетъ свое величіе, и такъ какъ тебѣ невозможно выйти изъ Бога, то лучше сознательно избрать Его своимъ обиталищемъ. **Аміель.**

4.

Сколько нравственныхъ мученій—и все это чтобы умереть черезъ нѣсколько минутъ! Чѣмъ интересоваться и зачѣмъ?

Но вѣдь время—ничто, и жизнь твоя полна, и сей день стóитъ сотни лѣтъ, если ты въ теченіе этого дня найдешь Бога.

Аміель.

5.

Центръ жизни не въ мысли, не въ чувствѣ, не въ волѣ, даже не въ сознаніи, насколько оно мыслитъ, чувствуетъ и хочетъ, потому что нравственная истина можетъ быть усвоена всѣми этими средствами и все-таки ускользнетъ отъ насъ. Глубже нашего сознанія находится наше существо: наша сущность, наша природа. Только тѣ истины, которыя входятъ въ эту область, сдѣлавшись нами самими, неожиданно и невольно, инстинктивно и безсознательно, только тѣ составляютъ дѣйствительную нашу жизнь, т.-е. болѣе, чѣмъ нашу собственность. Пока мы различаемъ какое-либо пространство между истиной и нами, мы внѣ ея. Мысль, чувство, желаніе, сознаніе жизни—все это не есть еще жизнь. Въ сущности, мы можемъ найти миръ и спокойствіе только въ жизни, и въ жизни вѣчной. Жизнь же вѣчная — это жизнь божественная, это Богъ. Быть божественнымъ существомъ—вотъ въ чемъ, стало-быть, цѣль жизни: только тогда истина не можетъ быть нами утрачена, потому что она уже болѣе не внѣ насъ, ни даже въ насъ, но мы

составляемъ истину, а истина насъ; мы тогда истина, воля и дѣло Божіе. Свобода дѣлается тогда нашей природой, твореніе составляетъ одно съ Творцомъ, соединяется съ Нимъ любовью, дѣлается тѣмъ, чѣмъ оно должно быть. Его воспитаніе окончено, и начинается его окончательное блаженство. Солнце времени заходитъ, и появляется свѣтъ вѣчнаго блаженства. Аміель.

6.

Сущность любви къ Богу состоитъ въ стремленіи души и влеченіи ея къ Создателю, чтобы слиться съ Его высшимъ свѣтомъ.

Талмудъ.

7.

Богъ живетъ во всѣхъ людяхъ, но не всѣ люди живутъ въ Богѣ. Въ этомъ причина страданій людей.

Какъ лампа не можетъ горѣть безъ огня, такъ не можетъ человѣкъ жить безъ Бога. Браминская мудрость.

8.

Если ты хочешь достигнуть познанія всеобъемлющаго „я", то ты долженъ прежде всего узнать самого себя. Для того, чтобы познать самого себя, ты долженъ пожертвовать своимъ „я" всемірному „я". Жертвуй своей жизнью, если ты хочешь жить въ духѣ. Удаляй свои мысли отъ внѣшнихъ вещей и всего, что представляется извнѣ. Старайся удалять отъ себя возникающіе образы, для того, чтобы они не кидали темной тѣни на твою душу.

Твои тѣни живутъ и исчезаютъ. То, что въ тебѣ вѣчно, то, что разумѣетъ, принадлежитъ не преходящей жизни. Это вѣчное есть существо, которое было, есть и будетъ и часъ котораго не пробьетъ никогда. Браминская мудрость.

То, что мы называемъ счастьемъ и несчастьемъ нашего животнаго „я", внѣ нашей воли, зависитъ отъ воли Бога; но благо или зло нашего духовнаго „я" зависитъ отъ покорности или непокорности волѣ Бога.

16-е іюля.

Ничто такъ не поощряетъ праздности, какъ пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тѣхъ пустяковъ, которыми они отгоняютъ отъ себя скуку праздности, они не могли бы переносить ее.

1.

Тотъ, кто много говоритъ, рѣдко приводитъ въ дѣйствіе свои слова. Мудрый же человѣкъ всегда боится, чтобы слова его не превзошли его дѣлъ.

Мудрые не говорятъ пустыхъ словъ, боясь того, чтобы дѣла ихъ не были несоотвѣтственны ихъ словамъ.

Китайская мудрость.

2.

Прежде думай, потомъ говори. Но остановись прежде, чѣмъ тебѣ скажутъ „довольно". Человѣкъ выше животнаго способностью рѣчи, но онъ ниже его, если дѣлаетъ не должное употребленіе изъ нея.

Персидскій Гулистанъ Саади.

3.

Безумцы врываются туда, куда ангелы боятся вступить.

4.

Не отвѣчай безумцу въ духѣ его безумія, чтобы не быть подобнымъ ему.

5.

Пребывающій въ безмолвіи легко возносится къ Богу; разсѣяніе и пустые разговоры влекутъ за собою скуку и раздражительность.

6.

Изъ тысячи разъ, когда мы раскаемся въ томъ, что говорили, едва ли случится одинъ разъ раскаяться въ томъ, что промолчали.

Чѣмъ меньше будешь говорить, тѣмъ больше будешь работать.

17-е іюля.

Основа древняго общества — насиліе и пренебреженіе къ взаимному согласію; основа нашего времени—разумное согласіе и отрицаніе насилія.

1.

Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. Мѳ. V, 38—39.

2.

Тотъ, кто искусенъ въ пользованіи людьми, бываетъ смиренъ. Это называется добродѣтелью непротивленія. Это называется согласованіемъ съ Небомъ. Лао-Тсе.

3.

Тѣ, которые думаютъ, что нельзя руководить людьми иначе, какъ насиліемъ, пренебрегая ихъ разумомъ, дѣлаютъ съ людьми то же, что дѣлаютъ съ лошадьми, ослѣпляя ихъ, чтобы они смирнѣе ходили по кругу.

4.

Такъ называемые образованные люди,—тѣ, которые должны бы давать примѣръ того отношенія къ насилію, которое свойственно разумному существу,—ученые, либеральные, революціонные даже люди разсуждаютъ, осуждаютъ, проповѣдуютъ свободу, достоинство человѣка. Но все это до тѣхъ поръ, пока не свистнутъ ему, чтобы онъ шелъ подъ хомутъ. И кончаются всѣ разсужденія и весь либерализмъ и толки о свободѣ; и наряжаютъ его въ пеструю ливрею, даютъ въ руки ружье или саблю, и велятъ ему бѣгать, и прыгать, и стоять, и вертѣться, и надѣвать шапку, и кланяться, и кричать „ура“ и, главное, быть готовымъ по приказанію убить отца родного, и онъ—либералъ, ученый,—по закону эволюціи, и прыгаетъ, и кланяется, кому велятъ, и кричитъ „ура“, и готовъ съ ружьемъ убить, кого прикажутъ.

Такъ что тѣ самые люди,—образованные, которымъ естественнѣе всего было бы стремиться къ приведенію жизни въ согласіе съ сознаніемъ,—люди эти заняты преимущественно тѣмъ, чтобы спутать, искривить это сознаніе.

5.

Для чего же разумъ людей, если на нихъ можно воздѣйствовать только насиліемъ?

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ употребляется насиліе, прилагай разумное убѣжденіе, и ты рѣдко потеряешь въ мірскомъ смыслѣ и всегда будешь въ большемъ выигрышѣ въ духовномъ.

18-е іюля.

Всѣ существа неразрывно связаны между собой.

1.

Сынъ человѣческій, не обманулъ ли Ты своихъ братьевъ? Нѣтъ, нѣтъ, ибо Ты сказалъ имъ: „Придите ко Мнѣ, и Я успокою васъ". Пришли ли они къ Тебѣ? Восприняли ли они ученіе Твое сердцемъ и дѣлами? Покорились ли велѣніямъ Твоимъ? Возлюбили ли другъ друга, какъ дѣти одного Отца? Если бы они такъ любили другъ друга, то были бы всѣ едино, а если бы они были всѣ едино, — гдѣ та сила, которая могла бы помѣшать имъ утвердить, наконецъ, правосудіе, основать царство Божіе? А теперь они безсильны, потому что, разъединенные, каждый изъ нихъ слабъ и стоитъ одинъ противъ угнетателей. Они безсильны, потому что имъ не достаетъ и вѣры, которая все побѣждаетъ, и любви, которая сильнѣе самой вѣры. Они безсильны, потому что они застыли въ своемъ эгоизмѣ, потому что въ нихъ нѣтъ того самаго, въ силу чего люди приносятъ себя въ жертву, въ силу чего борятся не одинъ день, а всѣ дни, никогда не уста-

вая, никогда не теряя надежды. Они безсильны потому, что они боятся людей; потому что они не понимаютъ того, что ты сказалъ имъ о Iисусѣ, а именно, что сберегшiй свою жизнь потеряетъ ее, а что потерявшiй ее ради того, чтобы основать царство закона Твоего, спасетъ ее.
Ламенэ.

2.

Для кого всѣ другiе всегда были не—я, кто, въ сущности, считаетъ только свою собственную личность истинно реальной, другихъ же, строго говоря, считаетъ только призраками, за которыми онъ призналъ нѣкоторое относительное существованiе, такъ какъ они могутъ способствовать или противодѣйствовать его цѣлямъ, для кого осталась неизмѣримо глубокая пропасть между его личностью и всѣми тѣми существами, которыя онъ не признаетъ собою, — кто, слѣдовательно, существуетъ исключительно въ своей личности, тотъ видитъ, что съ его смертью гибнетъ и всякая реальность и весь мiръ.

А кто, напротивъ, во всѣхъ другихъ и во всемъ живомъ видитъ свое собственное существо, видитъ себя самого, тотъ, чье существованiе сливается черезъ свою жизнь съ существованiемъ всего живого, *тотъ* теряетъ при смерти лишь небольшую долю своего существованiя: онъ продолжаетъ существовать во всѣхъ другихъ,—въ тѣхъ, въ комъ онъ всегда узнавалъ и любилъ свое существо и себя самого; для такого человѣка исчезаетъ обманъ, отдѣлявшiй его сознанiе отъ сознанiя остальныхъ.

Въ этомъ-то, если не исключительно, то главнымъ образомъ и коренится различiе того, какъ встрѣчаютъ свой смертный часъ особенно добрые и особенно злые люди.
Шопенгауэръ.

3.

Никогда не буду искать, не буду принимать отдѣльнаго, личнаго спасенiя. Не хочу получать полнаго успокоенiя одинъ; но всегда и вездѣ буду жить и трудиться, стремясь ко всеобщему спасенiю всякаго существа во всѣхъ мiрахъ. До тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ освобождены, не покину мiра грѣха, печали и борьбы, но останусь тамъ, гдѣ я есмь.
Китайскiй Кванъ-Хинъ.

4.

Дѣти Адама—всѣ члены одного тѣла. Когда страдаютъ одни члены, всѣ другіе страдаютъ. Если ты равнодушенъ къ страданіямъ другихъ, ты не заслуживаешь названія человѣка.

Саади.

5.

Жизнь отдѣльнаго человѣка должна совершенно плотно срастись съ общею жизнью человѣчества, ибо все твореніе проникнуто согласіемъ и единствомъ. Какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ области духовной всѣ явленія жизни состоятъ въ тѣсной связи между собою.

Маркъ Аврелій.

6.

Разумныя существа, призванныя трудиться вмѣстѣ за одной и той же работой, исполняютъ въ общей міровой жизни то назначеніе, которому служатъ члены въ человѣческомъ тѣлѣ. Они сотворены для разумнаго единодѣйствія. Въ сознаніи, что ты членъ великаго духовнаго братства, есть что-то ободряющее и утѣшительное.

Маркъ Аврелій.

7.

Человѣчество живо начинаетъ сознавать то, что всѣ должны подниматься или падать вмѣстѣ. Люди все больше и больше прислушиваются къ тихому и слабому голосу внутри насъ.

Люси Малори.

Не думай, чтобы могло быть благо отдѣльнаго существа или чтобы зло отдѣльнаго существа не было бы зломъ всего міра и не отразилось бы на тебѣ.

19-е іюля.

1

Истинно полезное, истинно доброе и потому истинно великое всегда просто.

1.

Языкъ правды простъ.

2.

Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ.

Ибо Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее.

Мо. XVIII, 10, 11.

3.

Простой народъ — это та часть людей, которая даетъ жизнь всѣмъ.

4.

Доброе свойственно человѣку, и потому все доброе просто и незамѣтно.

5.

Истинное величіе человѣческой жизни почти всегда совершенно невидимо. Очень можетъ быть, что передъ нами молчаливо и тайно совершается величайшій подвигъ, великодушнѣйшая жертва, зарождается возвышеннѣйшій замыселъ, а мы и не подозрѣваемъ этого. Я вѣрю, что такое величіе очень обыкновенно среди многихъ людей, именъ которыхъ мы не слышимъ и не знаемъ. Я увѣренъ, что среди такъ называемаго простого народа чаще всего встрѣчается мужественно перенесенныя страданія, чаще встрѣчается неприкрашенная правда, твердая вѣра и то истинное великодушіе, которое отдаетъ то, что необходимо дающему, и главное, чаще чѣмъ между богатыми встрѣчается вѣрное пониманіе смысла жизни и смерти.

Чаннингъ.

6.

Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполнѣ ясно, сознательно и легко воспринимаютъ истинное христіанское ученіе, тогда какъ часто самые ученые люди продолжаютъ коснѣть въ грубомъ язычествѣ.

7.

Для того, чтобы прокормиться, одѣться и имѣть жилище — нужно очень немного; остальное же пріобрѣтается для того, чтобы приспособиться къ чужимъ вкусамъ или чтобы затмить другихъ.

Восточная мудрость.

Если хочешь найти примѣръ для подражанія, то ищи его среди простыхъ людей. Только тамъ истинное, не только не выставляющееся, но не сознающее себя величіе.

20-е іюля.

Трудъ не есть добродѣтель, но неизбѣжное условіе добродѣтельной жизни.

1.

Помните всегда великую и неизмѣнную истину, что то, что вы имѣете, не можетъ имѣть никто другой, и что каждая частица любого вещества, которымъ вы пользуетесь или который вы потребляете, представляетъ собою частицу человѣческой жизни.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Бываетъ трудъ ненужный, суетливый, нетерпѣливый, раздраженный, мѣшающій другимъ и обращающій на себя вниманіе. Такой трудъ гораздо хуже праздности. Настоящій трудъ всегда тихій, равномѣрный, незамѣтный.

3.

То, что можешь сдѣлать самъ, не налагай на другого. Всякій пусть мететъ передъ своей дверью. А если каждый будетъ дѣлать это, вся улица будетъ чиста.

4.

Есть только три пути, какими человѣкъ можетъ пріобрѣтать богатство: путемъ труда, путемъ выпрашиванія и путемъ кражи. И если трудящіеся получаютъ такъ мало, то только потому, что слишкомъ много приходится на долю нищихъ и воровъ.

Генри Джорджъ.

5.

Мало того, что вы трудолюбивы! Надъ чѣмъ вы трудитесь?

Торо.

6.

Если есть человѣкъ праздный, то есть другой человѣкъ—трудящійся черезъ силу. Если есть человѣкъ пресыщенный, то есть другой—голодный.

Большая часть занятій праздныхъ людей, считаемыхъ ими трудами, есть забава, не только не облегчающая трудъ другихъ, но накладывающая на нихъ новые труды. Таковы всѣ роскошныя забавы.

21-е іюля.

Любовь — это проявленіе божественной сущности, для которой нѣтъ времени, и потому любовь проявляется только въ настоящемъ, сейчасъ, во всякую минуту настоящаго.

1.

Любить вообще значитъ дѣлать доброе. Такъ мы всѣ понимаемъ и не можемъ иначе понимать любовь.

И любовь не есть только слово, но есть дѣятельность, направленная на благо другихъ.

Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ требованій настоящей, самой малой любви, во имя другого, будущаго проявленія бо́льшей любви, то онъ обманываетъ или себя или другихъ, и никого не любитъ, кромѣ себя одного.

Любви въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви.

2.

Не будемъ медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными, внимательными къ тѣмъ, кого мы любимъ; не будемъ ждать, когда они или мы будемъ поражены болѣзнью или угрожаемы смертью. Жизнь коротка, и не можетъ быть слишкомъ много времени, чтобы радовать сердца нашихъ спутниковъ въ этомъ мрачномъ переѣздѣ. Поспѣшимъ же быть добрыми. Аміель.

3.

Скрывайтесь отъ несчастнаго, которому помогаете: пусть онъ наслаждается благодѣяніемъ, не зная имени своего благодѣтеля.

4.

Помогайте бѣдному, не стараясь узнавать причинъ его нищеты, чтобы не открыть того, что можетъ ослабить ваше участіе.

5.

Будь добръ, хотя бы міръ и осуждалъ тебя. Это лучше, чѣмъ когда тебя хвалятъ и ты продолжаешь быть дурнымъ.

Лоди.

6.

Ученіе евангелія содержитъ простую вѣру, а именно вѣру въ Бога и почитаніе Его или, что то же самое, послушаніе Его закону. Весь же законъ Его только въ одномъ: любить ближняго. И потому никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что любить ближняго какъ самого себя значитъ подчиняться закону и быть счастливымъ въ исполненіи закона и, наоборотъ, презирать и ненавидѣть своего ближняго — это значитъ впасть въ возмущеніе и упорство. Спиноза.

7.

Существуетъ два рода любви.

По одному, я просто люблю людей, не зная любви къ единому, во всѣхъ людяхъ духовному началу.

По другому, я во всѣхъ людяхъ только одно и люблю — это единое во всѣхъ людяхъ духовное начало.

Разница между тою и другою любовью въ томъ, что въ первомъ случаѣ я буду любить людей только до тѣхъ поръ, пока они будутъ пріятны мнѣ.

Во второмъ же случаѣ, когда я буду любить въ людяхъ ихъ сущность, единую во всѣхъ насъ, я буду любить людей даже тогда, когда они будутъ непріятны мнѣ.

Въ первомъ случаѣ мы будемъ то и дѣло мѣнять предметы своей любви, мѣнять женъ, друзей, мужей и т. д., такъ какъ люди, которыхъ мы любимъ, постоянно измѣняются, измѣняются и наши чувства къ нимъ.

Во второмъ случаѣ, по мѣрѣ собственнаго нашего нравственнаго роста, мы все больше и больше будемъ любить то божеское духовное начало, которое мы все яснѣе и яснѣе будемъ познавать во всѣхъ людяхъ.

Өедоръ Страховъ.

Мучительно тяжело бываетъ вспоминать о томъ, какъ ты могъ сдѣлать и не сдѣлалъ дѣло милосердія, какъ ты непоправимо навсегда лишилъ помощи того, кто ждалъ ее отъ тебя, а себя радостнаго сознанія исполненія должнаго.

Недѣльное чтеніе.

Подъ праздникъ обидѣли.

Есть у меня давній и хорошій пріятель. Человѣкъ онъ не богатый и не бѣдный, одинокъ, холостъ и хотя могъ бы держать для себя двухъ прислугъ, но не держитъ ни одной. И это дѣлалось такъ не по скупости, а онъ стѣснялся—какого нрава или характера поступитъ къ нему служащій человѣкъ, да и что этому человѣку дѣлать при одинокомъ? Изскучается слуга отъ нечего дѣлать и начнетъ придираться и ссориться, и выйдетъ отъ него не угодье, а только одни досажденія. А самъ пріятель мой нрава спокойнаго и уступчиваго, пошутить не прочь, а отъ спора и ссоръ удаляется.

Для своего удобства онъ устроился такъ, что нанялъ себѣ небольшую квартирку въ надворномъ флигелѣ въ большомъ и знатномъ домѣ на набережной, и прожилъ много лѣтъ благополучно. Хозяйства онъ никакого дома не держитъ, а необходимыя прислуги ему дѣлалъ дворникъ. Когда же нужно уйти со двора, пріятель запретъ квартирную дверь, возьметъ ключъ въ карманъ и уходитъ.

Квартирка небольшая, однако въ три комнатки, и помѣщается во второмъ этажѣ, — посреди жилья, и лѣстница какъ разъ противъ дворницкой. Такое расположеніе, что кажется совсѣмъ нечего опасаться,—а вдругъ теперь подъ Рождество случилась большая бѣда.

Здѣсь я однако возьму на минуточку въ сторону и скажу, что мы съ этимъ пріятелемъ видимся почти всякій день, и на-дняхъ говорили о томъ, что случилось разъ въ нашемъ родномъ городѣ.

А случилась там такая вещь, что один наш тамошній купец ни за что не согласился быть судьею над ворами и вот что об этом разсказывают:

Давно в этом городѣ жили-были три вора. Город наш издавна своим воровством славится и в пословицах поминается. И задумали эти воры обокрасть кладовую в богатом купеческом домѣ. А кладовая была каменная и окон внизу в ней не было, а было только одно очень маленькое оконце вверху, под самою крышею. До этого оконца никак нельзя было долѣзть без лѣстницы, да если и долѣзешь, то нельзя было в него просунуться, потому что никак взрослому человѣку в крохотное окно не протиснуться.

А воры как намѣтили этого купца обокрасть, так уж от своей затѣи не отстают, потому что тут им было из-за чего потрудиться: в кладовой было множество всякаго добра,—и лѣтней одежды, и мѣховых шапок, и шуб, и подушек пуховых, и холста, и сукна—всего набито от потолка до самаго до полу... Как смѣлому вору такое добро бросить!

Вот воры и придумали смѣлую штуку.

Один вор, безсемейный, говорит другому, семейному:

— Я хорошее средство придумал: у тебя есть сынишка пяти годов—он еще маленькій, и тѣльцем мягок,—он в это окно может протиснуться. Если мы его с собой возьмем — мы с ним можем все это дѣло обдѣйствовать. Уведи ты мальчишку от матери и приведи с собою под самое Рождество—скажи, что пойдем помолиться к заутрени, да и пойдем всѣ вмѣстѣ дѣйствовать. А как придем, то один из нас станет внизу, а другой влѣзет этому на плечи, а третій этому второму на плечи станет, и такой столб сдѣлаем, что без лѣстницы до окна достанем, а твоего мальчонка опояшем крѣпко веревкою и дадим ему скрытный фонарь с огнем да и спустим его через окно в середину кладовой. Пусть он там оглядится и распояшется, и пусть отбирает все самое лучшее и в петлю на веревку завязывает, а мы станем таскать, да все и повытаскаем, а потом опять дитя само подпояшется,—мы и его назад вытащим и подѣлим все на три доли с половиною: нам двоим поровну, а

тебѣ съ мальчикомъ противъ насъ полторы доли, и отъ насъ ему сладкихъ закусочекъ.

Отецъ-то воръ,—хорошъ видно былъ,—не отказался отъ этого, а согласился; и какъ пришелъ вечеръ сочельника, онъ и говоритъ женѣ:

— Собери со мной паренька. Я его съ собой возьму.

Жена согласилась и отпустила парня съ отцомъ. А тогда всѣ три вора въ монастырь не пошли, а сошлись въ кабакѣ за Московской заставою и начали пить водку и пиво умѣренно; а дитя положили въ уголкѣ на полу, чтобы немножечко выспалось; а какъ ночь загустѣла и цѣловальникъ сталъ на засовъ кабакъ запирать,— они всѣ встали и зажгли фонарь и ушли, и ребенка съ собой повели, да все, что затѣвали, то все и сдѣлали. И вышло это у нихъ сначала такъ ловко, что лучше не надо требовать: мальчонка оказался такой смышленый и ловкій, что вдругъ въ кладовой осмотрѣлся и быстро цѣпляетъ имъ въ петлю самыя подходящія вещи, а они все вытаскиваютъ и, наконецъ, столько всякаго добра натаскали, что видятъ—имъ втроемъ ужъ больше и унести нельзя. Значитъ и воровать больше не для чего.

Тогда нижній говоритъ среднему, а средній тому, который на верху стоитъ:

— Довольно, братцы, — намъ на себѣ больше не снести. Скажи парню, чтобы онъ опоясался веревкою, и потянемъ его вонъ наружу.

Верхній воръ, который у двухъ на плечахъ стоялъ, и шепчетъ въ окно мальчику:

— Довольно брать, — больше не надобно... Теперь самъ себя крѣпче подпояшь да и руками за канатъ держись, а мы тебя вверхъ потянемъ.

Мальчикъ опоясался, а они стали его тащить и уже до самаго до верха почти вытащили, какъ вдругъ, чего они впотьмахъ не замѣтили, веревка-то отъ многихъ подачъ о края кирпичной кладки общипалась и вдругъ лопнула, такъ что мальчишка назадъ въ обворованную кладовую упалъ, а воры отъ этой неожиданности, потерявши равновѣсіе, и сами попадали... Сразу сдѣлался шумъ, и на дворѣ у купца заметались цѣпныя собаки и подняли страш-

ный лай... Сейчасъ всѣ люди проснутся и выскочатъ, и тогда, разумѣется, ворамъ гибель. Къ тому же какъ разъ приближалось время, что люди станутъ скоро вставать и пойдутъ къ заутрени, и тогда непремѣнно воровъ изловятъ съ поличнымъ.

Воры схватили, кто что успѣлъ зацѣпить, и бросились наутекъ, а въ купеческомъ домѣ всѣ вскочили и пошли бѣгать съ фонарями, и явились въ кладовую. И какъ вошли сюда, такъ и видятъ, что въ кладовой безпорядокъ и что очень много покрадено, а на полу мальчикъ сидитъ, сильно расшибленный, и плачетъ.

Разумѣется, купеческіе молодцы догадались въ чемъ дѣло и бросились подъ окно на улицу и нашли тамъ почти все вытащенное хозяйское добро въ цѣлости, потому что испуганные воры могли только малую часть унести съ собой.

И стали всѣ суетиться и кричать, что теперь дѣлать: давать ли знать о томъ, что случилось, въ полицію или самимъ гнаться за ворами? А гнаться впотьмахъ-то не знать въ какую сторону, да и страшно. А купецъ, у котораго покражу сдѣлали, отличный человѣкъ былъ—умный, добрый и разсудительный, и христіанинъ, онъ и говоритъ своимъ молодцамъ:

— Оставьте, ненадобно... Чего еще! Все мое добро почти въ цѣлости, а изъ-за пустяка и гнаться не стоитъ.

А молодцы говорятъ:

— То и есть правда: намъ Господь дитя на уличенье злодѣевъ оставилъ. Это перстъ видимый: по немъ все укажется—какихъ онъ родителей, тогда все и объявится.

А купецъ говоритъ:

— Нѣтъ, не такъ: дитя — молодая душа неповинная, онъ не добромъ въ соблазнъ введенъ, его выдать ненадобно, а прибрать его надобно; не обижайте его и не трогайте: дитя Божій посолъ, его надо согрѣть и принять, какъ для Господа. Видите, воиъ онъ какой... познобившись весь, да и трясется испуганный. Не надо его ни о чемъ и разспрашивать. Это не христіанское дѣло совсѣмъ, чтобы дитя ставить противъ отца за доказчика... Богъ съ нимъ совсѣмъ, что у меня пропало; они меня совсѣмъ еще не обидѣли, а это дитя ко мнѣ Богъ привелъ; вы и молчите, можетъ-быть, оно у меня и останется.

И такъ всѣ стали молчать, а спрашивать этого мальчика никто не приходилъ, и онъ у купца и остался, и купецъ его началъ держать, какъ свое дитя, и пріучать къ дѣлу. А какъ онъ имѣлъ добрую и справедливую душу, то и дитя воспиталъ въ добромъ духѣ, и вышелъ изъ мальчика прекрасный, умный молодецъ, и всѣ его въ домѣ любили.

А у купца была одна только дочь, а сыновей не было, и дочь эта, какъ вмѣстѣ росла съ воровскимъ сыномъ, то съ нимъ и слюбилася. И стало это всѣмъ видимо. Тогда купецъ сказалъ своей женѣ:

— Слушай, пожалуйста, дочь наша достигла такихъ лѣтъ, что пора ей съ кѣмъ-нибудь вѣнецъ принять, а для чего мы ей станемъ на сторонѣ жениха искать? это вѣдь дѣло серьезное, особливо, какъ мы люди съ достатками и всѣ будутъ думать, чтобы взять за нашей дочерью большое приданое, и тогда пойдетъ со всѣхъ сторонъ столько вранья и притворства, что и слушать противно будетъ.

Жена отвѣчаетъ:

— Это правда,—такъ всегда уже водится.

— То-то и есть,—говоритъ купецъ,—еще навернется какой-нибудь криводушникъ, да прикинется добрымъ, а въ душѣ совсѣмъ не таковъ выйдетъ. Въ человѣка не влѣзешь вѣдь: загубимъ вѣдь мы дѣвку, какъ ясочку, и будемъ потомъ и себя карить и ее жалѣть, да безъ помощи. Нѣтъ, давай-ка устроимъ степеннѣе.

— Какъ же такъ?—говоритъ жена.

— А вотъ мы какъ дѣло-то сдѣлаемъ: обвѣнчаемъ-ка дочку съ нашимъ пріемышемъ. Онъ у насъ доморощенный, парень вѣдомый, да и дочь, что грѣха таить, вся она къ нему пала по всѣмъ мыслямъ. Повѣнчаемъ ихъ и не скаемся.

Согласились такъ и повѣнчали молодыхъ; а старики дожили свой вѣкъ и умерли, а молодые все жили и тоже дѣтей нажили, и сами тоже состарились. А жили всѣ въ почетѣ и въ счастіи, а тутъ и новые суды пришли, и довелось этому пріемышу, тогда уже старику, сѣсть съ присяжными, и начали при немъ самый первый случай судить вора. Онъ и затрепеталъ и сидитъ—слушаетъ, а самъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, и вдругъ глаза за-

крылъ, но изъ-подъ вѣкъ у него побѣжали по щекамъ слезы, а изъ старой груди на весь залъ раздалися рыданія.

Предсѣдатель суда спрашиваетъ:

— Скажите, что съ вами?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отпустите меня,—я не могу людей судить.

— Почему?—говорятъ.—Это круговой законъ: правымъ должно судить виноватаго.

А онъ отвѣчаетъ:

— А вотъ то-то и есть, что я самъ не правъ, а я самъ несудимый воръ и умоляю, дозвольте мнѣ передъ всѣми вину сознать.

Тутъ его сочли въ возбужденіи и каяться ему не дозволили, а онъ послѣ самъ разсказалъ достойнымъ людямъ эту исторію, какъ въ дѣтствѣ на веревкѣ въ кладовую спускался и пойманъ былъ и помилованъ, и остался какъ сынъ у своего благодѣтеля, и всѣхъ это его покаяніе тронуло, и никого во всемъ городѣ не нашлось, кто бы рѣшился укорить его прошлою неосужденною виною,—всѣ къ нему относились съ почтеніемъ попрежнему, какъ онъ своею доброю жизнью заслуживалъ.

Поговорили мы объ этомъ съ пріятелемъ и порадовались: какія у насъ иногда встрѣчаются нѣжныя и добрыя души.

— Утѣшаться надо, говорю, что такое добро въ людяхъ есть.

— Да,—отвѣчаетъ пріятель,—хорошо утѣшаться, а еще лучше того, надо самому наготовѣ быть, чтобы при случаѣ знать, какъ съ собою управиться.

Такъ мы поговорили (это на сихъ дняхъ было), а на завтра такое случилося, что развѣ какъ только въ театральныхъ представленіяхъ все кстати случается.

Приходитъ ко мнѣ мой пріятель и говоритъ:—дѣло сдѣлано.

— Какое?

— У меня непріятности.

Думаю: вѣрно что-нибудь маловажное, — потому что онъ человѣкъ мнительный.

— Нѣтъ,—говоритъ,—непріятность огромная: кто-то обидно покой мой нарушилъ. Вышелъ я всего на одинъ часъ, а какъ вернулся и сталъ ключъ въ дверь вкладывать, а дверь сама отворилась...

Смотрю, на полу ящикъ изъ моего письменнаго стола лежитъ и все высыпано... золотая цѣпочка валяется и еще кое-что цѣнное брошено, а взяты завѣтныя вещи и золотые часы, которые покойный отецъ подарилъ, да древнихъ монетокъ штукъ шестьсотъ, да конвертъ, въ которомъ лежало пятьсотъ рублей на мои похороны и билетъ на могилу рядомъ съ матерью.

Я и словъ не нахожу, что ему сказать отъ удивленія.

— Что это? Вчера говорили про исторію, а сегодня надъ однимъ изъ насъ готово уже въ такомъ самомъ родѣ повтореніе.

Точно на экзаменъ его вызвали.

„Ну-ка, молъ,—вотъ ты вчера чужой душой утѣшался,— такъ покажи-ка, молъ, теперь самъ, какой въ тебѣ живетъ духъ довлѣющій?„

Посидѣлъ я молча и спрашиваю:

— Что же вы сдѣлали?

— Да ничего,—отвѣчаетъ,—покуда еще не сдѣлалъ, да не знаю и дѣлать ли? Говорятъ, надо явку подавать...

И спрашиваетъ меня по-пріятельски: каковъ мой совѣтъ? А что тутъ совѣтовать! Про явки ему уже сказано, а въ другомъ родѣ какъ совѣтовать? Пропало не мое, а его добро—чужую обиду легко прощать...

— Нѣтъ,—говорю,— я совѣтовать не могу, а если хотите, я могу вамъ сказать, какъ со мною разъ было подобное и что дальше случилося.

Онъ говоритъ:

— Пожалуйста, разскажите.

Я и разсказалъ, что разъ со мною и съ воромъ случилося.

— Сдѣлалъ я разъ себѣ шубу, и стала она мнѣ триста рублей, а была притяжелая. Такъ бывало плечи отсадитъ, что мочи нѣтъ. Я и взялъ съ нею дурную привычку—идучи все ее съ плечъ спускать и отъ того скоро обилъ въ ней подолъ. Утромъ въ рождественскій сочельникъ служанка говоритъ мнѣ:

— Шуба подбилася: я по-портновски мѣхъ подшить не умѣю,— посажу на иглѣ, весь подолъ станетъ морщиться; дворникъ говоритъ, что рядомъ въ домѣ у него знакомый портнишка есть — очень хорошо починку дѣлаетъ; не послать ли къ нему шубу съ дворникомъ? Онъ къ вечеру ее назадъ принесетъ.

Я отвѣчаю: „хорошо". Дѣвушка и отдала мою шубу дворнику, а дворникъ отнесъ ее рядомъ въ домъ своему знакомому портнишкѣ.

А сочельникъ пришелъ съ оттепелью, капели капали,—вечеромъ мнѣ шуба не понадобилась—въ пальто было впору.

Я про шубу забылъ и не спросилъ ее, а на Рождество слышу, въ кухнѣ какой-то споръ и смущеніе: дворникъ, блѣдный, испуганный, не съ праздникомъ поздравляетъ, а разсказываетъ, что моей шубы нѣтъ, и самъ портнишка пропалъ... Проситъ меня дворникъ, чтобы я подалъ явку. Я не сталъ подавать, а онъ отъ себя подалъ.

Онъ подалъ явку, а шубы моей, разумѣется, все нѣтъ какъ нѣтъ, и говорятъ, что и портного нѣтъ... Жена у него оказалась съ двумя дѣтьми,—одинъ лѣтъ трехъ, а другой грудной... Бѣдность, говорятъ, ужасающая: и женщина и дѣти страшныя, испитыя,—жили въ углѣ, да и за уголъ не заплачено, и ѣды у нихъ никакой нѣтъ. А про мою шубу жена говоритъ, будто мужъ шубу починилъ и понесъ ее, чтобы отдать, да съ тѣхъ поръ и самъ не возвращается... Искали его во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ быть, и не нашли... Пропалъ портнишка, какъ въ воду канулъ... Я подосадовалъ и другую шубу себѣ сдѣлалъ, а про пропажу забывать сталъ, какъ вдругъ неожиданно на первой недѣлѣ Великаго поста прибѣгаетъ ко мнѣ дворникъ... весь впопыхахъ и лепечетъ скороговоркою:

— Пожалуйте къ мировому, я портнишку подсмотрѣлъ... подсмотрѣлъ его, подлеца, какъ онъ къ женѣ тайно приходилъ, и сейчасъ его поймалъ и къ судьѣ свелъ. Онъ тамъ у сторожа... Сейчасъ разборъ дѣла будетъ... скорѣе, пожалуйста... подтвердить надо... ваша шуба пропала.

Я поѣхалъ... Смотрю, дѣйствительно сторожъ бережетъ какого-то человѣка, худого, тощаго, волосы какъ войлочекъ, ноги портновскія, колесомъ изогнуты, и весь самъ въ отрепочкахъ, и общій видъ какой-то полумертвый.

Судья спрашиваетъ меня: пропала ли у меня шуба, какая она была и сколько стоила?

Я отвѣчаю по правдѣ: „Была шуба такая-то, заплочена была

триста рублей, а потомъ ношена, и сколько стоила во время пропажи, я опредѣлить не могу: можетъ-быть, на рынкѣ за нее и ста рублей не дали бы".

Судья сталъ допрашивать портного, тотъ сразу же во всемъ повинился: „Я, говоритъ, ее подшилъ и къ дворнику понесъ, чтобы отдать и деньги за работу получить. На грѣхъ, дворника дома не было, и дверь была заперта, а господина я не зналъ по фамиліи, ни гдѣ живутъ, а у насъ въ сочельникъ въ семьѣ не было ни копеечки. Я и пошелъ со двора, да и заложилъ закладчику шубу, а на взятыя подъ залогъ деньги купилъ чайку, сахарцу, пивка, водочки, а потомъ утромъ испугался и убѣжалъ, и послѣднія деньги пропилъ и съ тѣхъ поръ все путался. А теперь онъ и не знаетъ, гдѣ и квитокъ потерялъ и закладчика указать не можетъ. „Виноватъ,—пропала шуба".

— А сколько, по-вашему, шуба стоила?

Портной не сталъ вилять и говоритъ:

— Шуба была хорошая.

— Да сколько же именно она могла стоить?

— Шуба цѣнная...

— Сто рублей она могла, напримѣръ, стоить?

— Больше,—говоритъ,—могла стоить.

— И полтораста стоила?

— Стоила.

Словомъ, молодецъ портной: ни себя, ни меня не конфузитъ.

Судья и зачиталъ: „по указу", и опредѣлилъ портного на три мѣсяца въ тюрьму посадить, а потомъ чтобы онъ мнѣ за шубу деньги заплатилъ.

Вышло, значитъ, мнѣ удовлетвореніе самое полное, и больше отъ судьи ожидать нечего.

Я пошелъ домой, портнишку повели въ острогъ, а его жена съ дѣтьми завыла въ три голоса.

Чего еще надобно?

Далъ Богъ мнѣ, что я вскорѣ же заболѣлъ ревматизмомъ, который, по-старинному, по-русски, называли „комчугою". Вѣрно ей дано это названіе! Днемъ эта болѣзнь еще и такъ и сякъ — терпѣть можно, а какъ ночь придетъ, такъ она начинаетъ „комчить",

и нѣтъ возможности ни на минуту уснуть. А какъ лежишь безъ сна, то невѣсть что припоминается и представляется, и вотъ у меня изъ головы не идетъ мой портнишка и его жена съ дѣтьми... Онъ теперь за мою шубу въ острогѣ сидитъ, а съ бабой и дѣтьми-то что дѣлается? И при немъ-то имъ было худо, а теперь, небось, бѣдѣ ужъ и мѣры нѣтъ... А мнѣ отъ всего этого суда и отъ розыска что въ пользу прибыло? Ничего онъ мнѣ никогда этотъ портнишка и заплатить-то не можетъ, да если бы я и захотѣлъ что-нибудь съ него донимать по мелочи, такъ отъ всего отъ этого будетъ только „сумой пахнуть".

Никогда я этого донимать не стану...

А зачѣмъ же была эта явка-то подана?

И это стало меня до того ужасно безпокоить, что я послалъ узнать: жива ли портнишкина жена и что съ нею и съ дѣтьми ея дѣлается?

Дворникъ узналъ и говоритъ: „Ее присуждено выселить и какъ разъ ихъ сегодня выгоняютъ,—за ними за уголъ набралось уже шесть рублей".

„Вотъ-те мнѣ и ахъ-ти мнѣ!"

А „комчуга" ночью спать не даетъ и въ лицо перекидается: задремлешь отъ усталости, а портнишка вдругъ является и начинаетъ холоднымъ утюгомъ по больнымъ мѣстамъ, какъ по болвашкѣ водить... И все водитъ, и все разглаживаетъ, да на суставахъ острымъ угломъ налегаетъ.

И такъ онъ меня прогладилъ, что я поскорѣе далъ шесть рублей, не полегчаетъ ли, если ужъ не на тѣлѣ, то хоть на совѣсти, потому, такъ я увѣренъ, что въ бѣдствіяхъ портновской семьи это моя жестокость виновата.

Жена портного пришла, чтобы меня благодарить за шесть рублей. А сама вся въ лохмотьяхъ и дѣти голыя...

Далъ имъ еще три рубля.

А какъ ночь, такъ портнишка опять идетъ съ холоднымъ утюгомъ... И зачѣмъ это я только надѣлалъ?..

Разсердишься и начинаешь думать: а какъ же мнѣ иначе было сдѣлать? Вѣдь нельзя же всякому плуту потачку давать? Такъ все и сомнѣваюся. А тутъ Пасха пришла... Портному еще полтора

мѣсяца въ тюрьмѣ сидѣть... Я ужъ давалъ его женѣ и по рублю, и по два, много разъ, а къ Пасхѣ надо увеличить ихъ пенсію... Ну, по силамъ своимъ и увеличилъ, да жена его о себѣ иначе понимать стала, и на меня недовольна и сердится.

— Кормильца нашего,—говоритъ,—сковалъ: что я съ дѣтьми теперь сдѣлаю. Ты насъ убилъ—тебя Богъ убьетъ.

И смѣшно, и досадно, и жалко, и совѣстно: несравненно бы лучше было, если бы моя шуба съ портнымъ вмѣстѣ пропала съ глазъ моихъ. Было бы это тогда и милосерднѣе, да и выгоднѣе, а теперь, если хочешь затворить уста матери, голодныхъ, холодныхъ дѣтей,—корми воровскую семью, а то гдѣ твоя совѣсть-то явится? Заморить-то вѣдь и палачъ можетъ, а ты, небось, за одинъ столъ не хочешь сѣсть ни съ палачомъ, ни съ доносчикомъ...

Кормлю я кое-какъ семью портняшкину, а на душѣ все противное. Чувствую, что будто я сдѣлалъ что-то такое, хуже чѣмъ чужую шубу снесъ. И никакъ отъ этого не избавиться.

Тутъ, какъ я это разсказывалъ, мой обокраденный пріятель и взялъ меня на словѣ.

— Вотъ,—говоритъ,—и я думалъ такъ, и я все такъ и сдѣлаю. Ничего я никому не подамъ и не хочу, чтобы начали тормошить людей. Пропало—и кончено.

На этомъ онъ дѣло и кончилъ, и я ему ничего возражать не смѣлъ.

Н. Лѣсковъ.

22-е іюля.

Наказывать по-русски значитъ поучать. Поучать можно только примѣромъ. Воздаяніе же зломъ за зло не поучаетъ, а развращаетъ.

1.

Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ.

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими. Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ; а какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить, то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что̀ онъ имѣлъ, и заплатить. Тогда рабъ тотъ палъ и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу. Государь, умилосердившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его и долгъ простилъ ему. Рабъ же тотъ, вышедъ, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ, что̀ долженъ. Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тобѣ. Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга. Товарищи его, видѣвши происшедшее, очень огорчились и, пришедши, разсказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призываетъ его и говоритъ: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня; не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя? И, разгнѣвавшись, государь его отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ ему всего долга.

Такъ и Отецъ Мой Небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его. Мѳ. XVIII, 21—35.

2.

Если допустить недопустимое, что человѣкъ имѣетъ право наказывать, то кто же изъ людей возьметъ на себя это право? Только тѣ люди, которые пали такъ низко, что не помнятъ и не знаютъ своихъ грѣховъ.

3.

Тутъ книжники и фарисеи привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяніи, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣяніи; а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями: Ты что̀ скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь къ обвиненію Его. Но Іисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ на землѣ, не обращая на нихъ вниманія. Когда же продолжали спрашивать Его, Онъ, восклонившись, сказалъ имъ: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писалъ на землѣ. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совѣстью, стали уходить одинъ за другимъ, начиная отъ старшихъ до послѣднихъ; и остался одинъ Іисусъ и женщина, стоящая посреди. Іисусъ, восклонившись и не видя никого, кромѣ женщины, сказалъ ей: женщина! гдѣ твои обвинители? никто не осудилъ тебя? Она отвѣчала: никто, Господи! Іисусъ сказалъ ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши. Ін. VIII, 3—11.

4.

Большая часть бѣдствій людей происходитъ отъ того, что грѣшные люди признали за собой право наказанія. Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

5.

Ежели тебѣ кажется, что кто-нибудь виноватъ передъ тобой— забудь это и прости. И ты узнаешь счастье прощать. Мы не имѣемъ права наказывать.

6.

Дѣйствительно только такое наказаніе, которое совершается въ душѣ самого преступника и состоитъ въ уменьшеніи его способ-

ности пользоваться благами жизни. Наказаніе же извнѣ только раздражаетъ преступника.

7.

Наказаніе всегда жестоко-мучительно. Если бы оно не было жестоко-мучительно, оно бы не назначалось. Тюремное заключеніе для людей нашего времени такъ же жестоко-мучительно, какъ было битье кнутомъ сто лѣтъ назадъ.

8.

Американскіе индѣйцы никогда не подчинялись никакимъ законамъ, никакой власти, или тѣни какого-либо правительства. Ихъ единственный руководитель—это обычай и то нравственное сознаніе добра и зла, которое, какъ чувство вкуса и осязанія въ каждомъ человѣкѣ, — составляетъ часть его природы. Оскорбленіе этихъ чувствъ наказуется презрѣніемъ, исключеніемъ изъ общества или, въ серьезномъ случаѣ, какъ, напримѣръ, убійство, наказывается тѣми лицами, которыя пострадали. Какъ ни кажутся несовершенны эти способы наказаній, преступленія очень рѣдки между ними.

Если спросить, что болѣе склоняетъ человѣка къ злу: отсутствіе ли закона, какъ между дикими американцами, или излишество законовъ, какъ среди цивилизованныхъ европейцевъ, то тотъ, кто видѣлъ тѣ и другія условія существованія, навѣрное отвѣтитъ, что, конечно, излишество, и что овцы счастливѣе, будучи предоставлены самимъ себѣ, а не попеченію волковъ. Т. Джеферсонъ.

Самымъ яркимъ доказательствомъ того, насколько часто подъ словомъ „наука“ подразумѣваются не только самые ничтожные, но и самые гадкіе предметы, служитъ то, что существуетъ наука о наказаніи, т.-е. о совершеніи самаго невѣжественнаго поступка, свойственнаго только человѣку на самой низкой ступени развитія,— ребенку, дикому.

23-е іюля.

Усиліе есть необходимое условіе нравственнаго совершенствованія.

1.

Препятствіе на пути добра, преодолѣнное напряженіемъ духа, придаетъ мнѣ новыя силы; то, что грозило быть преградой къ достиженію добра, само становится добромъ, и свѣтлый путь открывается внезапно тамъ, гдѣ не видно было исхода.

Маркъ Аврелій.

2.

Законъ жизни мудрыхъ не ясенъ, но онъ все болѣе и болѣе выясняется для тѣхъ, кто ему слѣдуетъ. Законъ жизни мірскихъ людей ясенъ для каждаго, но все болѣе и болѣе затемняется, чѣмъ больше люди слѣдуютъ ему.

Конфуцій.

3.

Добродѣтель есть *нравственная твердость* въ исполненіи своего долга, которая никогда не должна превращаться въ привычку, а должна всегда заново и первоначально возникать изъ души человѣка.

Кантъ.

4.

Какъ дозоры бдительно сторожатъ крѣпость, сторожатъ и вокругъ стѣны и внутри ея, такъ и человѣкъ долженъ бодро охранять себя, ни одно мгновеніе не упуская себя изъ вида; кто упуститъ изъ вида рѣшительную минуту въ жизни, тотъ неминуемо вступитъ на путь въ преисподнюю.

Буддійская мудрость.

5.

Ужасно и безнадежно положеніе того, кто упрекаетъ орудіе, а не работника, кто, осуждая судьбу, утверждаетъ свое самодовольство.

„Мы были бы добры и кротки, если бы насъ не раздражали; мы были бы набожны, если бы не были такъ заняты. Я былъ бы терпѣливъ, если бы былъ здоровъ; я бы удивилъ міръ, если бы я имѣлъ извѣстность".

Если мы не можемъ сдѣлать добрымъ, святымъ то положеніе, въ которомъ мы находимся, то мы никакое положеніе не сдѣлаемъ добрымъ и святымъ.

Затрудненія нашего положенія даны намъ для того, чтобы мы сгладили, уничтожили ихъ своей добротой и твердостью; мрачность нашего положенія дана намъ для того, чтобы мы освѣтили ее божественнымъ свѣтомъ; горести—для того, чтобы мы терпѣливо и довѣрчиво переносили ихъ; опасности — для того, чтобы мы проявили наше мужество; искушенія — для того, чтобы мы побѣдили ихъ нашей вѣрою.

Мартино.

6.

Какъ жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что они могутъ жить высокой, духовной жизнью въ то время, какъ тѣла ихъ коснѣютъ въ праздности и роскоши. Тѣло всегда первый ученикъ души.

Торо.

7.

Ничто не будетъ зачтено человѣку, а только его усиліе, и его усиліе появится въ его истинномъ свѣтѣ.

Коранъ.

Мы сердимся на обстоятельства, огорчаемся, хотимъ измѣнить ихъ; а между тѣмъ всѣ возможныя обстоятельства суть не что иное, какъ указанія того, въ какихъ положеніяхъ, какъ нужно дѣйствовать. Ты здоровъ—дѣлай усиліе, чтобы употребить на служеніе людямъ твои силы; ты боленъ—дѣлай усиліе не мѣшать людямъ твоей болѣзнью. Ты богатъ — дѣлай усиліе избавиться отъ богатства; ты бѣденъ — дѣлай усиліе не требовать ничего отъ людей. Ты обиженъ — дѣлай усиліе любить своихъ обидчиковъ. Ты обидѣлъ,—дѣлай усиліе уничтожить сдѣланное тобой зло.

24-е іюля.

Сознаніе человѣкомъ своего закона есть проявленіе того Бога, который живетъ въ немъ.

1.

Два еврейскихъ ученыхъ, Шаммай и Гиллель, ни въ чемъ не сходились: Шаммай былъ строгій и сердитый, а Гиллель—добрый и кроткій. Разъ къ Шаммаю пришелъ одинъ язычникъ и сказалъ: „Я желаю принять истинную вѣру, только съ условіемъ, чтобы ты меня научилъ всѣмъ законамъ, пока я обернусь на одной ногѣ“. Шаммай разсердился и прогналъ его. Тогда язычникъ отправился къ Гиллелю и ему предложилъ тотъ же вопросъ.

„Дѣлай другимъ, что себѣ желаешь“,—сказалъ Гиллель. И онъ высказалъ этими пятью словами всѣ законы, потому что въ этомъ законѣ всѣ другіе.

2.

Понятіе о долгѣ во всей его чистотѣ не только несравненно проще, яснѣе, понятнѣе для каждаго на практикѣ и естественнѣе, чѣмъ побужденіе, ведущее свое начало отъ счастья или связанное и считающееся съ нимъ (и всегда требующее не мало искусственности и тонкихъ соображеній); но и предъ судомъ обыкновеннаго здраваго смысла гораздо могущественнѣе, настойчивѣе и болѣе обѣщаетъ успѣха, чѣмъ всѣ побужденія, исходящія изъ своекорыстія,—если только понятіе о долгѣ усвоено здравымъ смысломъ, совершенно независимо отъ своекорыстныхъ побужденій...

Сознаніе, что я могу, потому что долженъ, открываетъ въ человѣкѣ глубину божественныхъ дарованій, которая даетъ ему почувствовать, какъ священному пророку, величіе и возвышенность его истиннаго назначенія. И если бы человѣкъ почаще обращалъ на это вниманіе и привыкъ бы совершенно отдѣлять добродѣтель отъ всей массы выгодъ, служащихъ наградой ей за исполненіе долга, и представлять ее себѣ во всей ея чистотѣ; если бы принципомъ частнаго и общественнаго обученія было сдѣлано непрестанное упражненіе въ добродѣтели (именно, методъ настаивать

на исполненіи обязанностей, что почти всегда оставалось въ пренебреженіи), то нравственное состояніе людей скоро улучшилось бы. Въ томъ, что историческій опытъ до сихъ поръ не давалъ хорошихъ результатовъ для ученія о добродѣтели,—виновато то ложное предположеніе, что побужденіе, выведенное изъ идеи долга, будто бы слишкомъ тонко для обычнаго пониманія, а что, напротивъ, сильнѣе дѣйствуетъ на душу болѣе грубое побужденіе, проистекающее изъ расчета на выгоды, которыхъ надо ждать отчасти въ этомъ, а также и въ будущемъ мірѣ за исполненіе закона (забывая о самомъ законѣ какъ о побужденіи къ поступку); и виновато еще то, что въ дѣлѣ воспитанія и въ проповѣдяхъ съ каѳедры отдавали предпочтеніе стремленію къ блаженству передъ тѣмъ, что разумъ ставитъ высочайшимъ условіемъ, именно, передъ сознаніемъ, что ты достоинъ блаженства. Въ самомъ дѣлѣ, предписаніе, какъ сдѣлаться счастливымъ, или какъ, по крайней мѣрѣ, уберечься отъ невыгодъ,—это не заповѣди; они вовсе никого не связываютъ, и каждый, получивъ предостереженіе, воленъ выбирать, что ему кажется лучше, если у него есть охота претерпѣть все, что его постигнетъ.

Кантъ.

3.

Нравственность—это направленіе воли на цѣли общія, всемірныя. Безнравственненъ тотъ, кто дѣйствуетъ для частной цѣли. Нравственненъ тотъ,—мы говоримъ это съ Маркомъ Авреліемъ и Кантомъ,—чья цѣль или побудительная причина можетъ быть поставлена цѣлью всѣхъ разумныхъ существъ. Мы утверждаемъ, что это величественное пониманіе или заповѣдь лежитъ въ сознаніи каждаго человѣка. Это-то и есть присутствіе вѣчнаго въ каждомъ смертномъ.

Эмерсонъ.

Исполненіе закона добра не имѣетъ ничего общаго съ благомъ вещественнымъ, мірскимъ. Благо вещественное, совпадающее съ исполненіемъ закона, вредитъ душѣ человѣка. Высшій же подъемъ духа даютъ такія условія, въ которыхъ противоположность добра нравственнаго добру вещественному производитъ страданіе.

25-е іюля.

Люди жалуются на страданія, не понимая того, что они **сами** себѣ ихъ причиняютъ.

1.

„Мнѣ отплатили зломъ за мое добро“.

Но если ты любишь того, кому ты дѣлаешь добро, то ты уже получилъ возмездіе въ томъ благѣ, которое получилъ тотъ, кого ты любишь.

Такъ что добро, которое ты дѣлаешь любя, ты дѣлаешь всегда себѣ.

2.

Награда добродѣтели находится въ самомъ сознаніи добраго поступка. Цицеронъ.

3.

Провозглашая будущее спасеніе, Іисусъ объявляетъ народу, каковы съ его стороны необходимыя условія для этого. Оно будетъ плодомъ любви, самопожертвованія, милосердія, всепрощенія.

Итакъ, если освобожденіе еще не наступило, если теперь все еще время голода, и время плача, и время притѣсненія, вините въ этомъ лишь себя.

Исполнили ли вы повелѣнія Христа? Сдѣлали ли вы, что должны были сдѣлать? Но разъ вы пытались вновь получить ваше право, разорвать ваши старыя цѣпи, выйти изъ темныхъ и жалкихъ убѣжищъ, куда загнала васъ беззаконная сила, и построить себѣ лучшее жилище. Къ чему привели ваши усилія? Почему всегда такъ скоро оказывалось разрушеннымъ то, что съ такимъ трудомъ было вами созидаемо? Почему же, если не потому, что вы уподобились человѣку, который построилъ домъ свой на пескѣ? Рѣка ринулась на домъ, и домъ не устоялъ противъ этого толчка и обрушился, и разрушеніе дома было великое. Ламеннэ.

4.

Когда человѣкъ находитъ причины своего личнаго страданія въ своемъ личномъ заблужденіи и направляетъ свою дѣятельность на уничтоженіе заблужденія, онъ не возмущается противъ страданія и легко и часто радостно несетъ его. Но когда такого человѣка постигаетъ страданіе, выходящее за предѣлы видимой ему связи страданія и заблужденія, ему кажется, что его постигаетъ то, чего не должно быть, и онъ спрашиваетъ себя: зачѣмъ, за что?—и не находя предмета, на который бы онъ могъ направить свою дѣятельность, возмущается противъ страданія, и страданіе его дѣлается ужаснымъ мученіемъ.

Когда человѣкъ не видитъ связи между испытываемыми страданіями и своею жизнью, онъ можетъ сдѣлать одно изъ двухъ: или продолжать нести такія страданія, какъ мученія, не имѣющія никакого смысла, или признать то, что его заблужденія и поступки, совершенные вслѣдствіе ихъ,—его грѣхи, и что страданія его суть указанія на эти грѣхи и на средства избавленія отъ этихъ грѣховъ себя и другихъ людей.

При первомъ взглядѣ страданія не имѣютъ никакого объясненія и не вызываютъ никакой другой дѣятельности, кромѣ постоянно растущаго и ничѣмъ неразрѣшимаго отчаянія и озлобленія. При второмъ—страданія вызываютъ ту самую дѣятельность, которая и составляетъ движеніе истинной жизни—сознаніе грѣха, освобожденіе отъ заблужденій и подчиненіе закону разума.

Ищи причину зла, отъ которой ты страдаешь, въ себѣ. Иногда это зло прямое, непосредственное послѣдствіе твоей дѣятельности, иногда оно черезъ сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источникъ его въ тебѣ, и спасеніе отъ него—въ измѣненіи твоей дѣятельности.

26-е іюля.

Во всякой вѣрѣ истинно только то, что духовно.

1.

Іисусъ не говоритъ самарянамъ: оставьте ваши вѣрованія, ваши преданія для еврейскихъ; Онъ не говоритъ евреямъ: присоединяйтесь къ самарянскимъ; но Онъ говоритъ самарянамъ и евреямъ: вы одинаково заблуждаетесь. Богъ есть духъ, и Его религія только внутренняя, не связанная ни съ мѣстомъ, ни съ какой-либо внѣшней формой.Важенъ не храмъ и не служеніе въ храмѣ.Важенъ не Гаризимъ или Іерусалимъ. Настанетъ время и настало уже, когда будутъ поклоняться Отцу ни въ Гаризимѣ, ни въ Іерусалимѣ, но когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ. Онъ ихъ искалъ во времена Іерусалима, Онъ ихъ ищетъ еще. Когда же Онъ найдетъ ихъ? Когда всякій, наскучивъ черпать изъ источниковъ, которые не утоляютъ, скажетъ Іисусу: „Господи, дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды и не приходить черпать сюда!“ — когда со всѣхъ концовъ земли измученные народы придутъ всѣ вмѣстѣ отдохнуть у колодцевъ Іисуса.

Ламнэ.

2.

Христосъ пришелъ для того, чтобы открыть, что *вѣчное* не есть *будущее,* но только *невидимое,* — что вѣчность не есть тотъ океанъ, въ который люди сносятся рѣкой времени, но что она вокругъ нихъ теперь и что ихъ жизни только въ той мѣрѣ дѣйствительны, въ какой они чувствуютъ ея присутствіе. Онъ пришелъ, чтобы научить ихъ, что Богъ не есть случайная какая-то отвлеченность, безконечно отдѣленная отъ нихъ въ далекомъ небѣ, но что Онъ — Отецъ, въ которомъ они живутъ, движутся и существуютъ; и что служеніе, которое Онъ любитъ, не состо-

итъ въ торжественномъ исполненіи обрядовъ церкви, но въ милосердіи, справедливости, смиреніи и любви. Фарраръ.

3.

Богъ есть духъ, и поклоняться Ему надо въ духѣ и истинѣ.

4.

Религія, состоящая въ положеніяхъ и движеніяхъ тѣла, ниже даже упражненій борца.

Въ отсутствіи внутренняго вѣдѣнія не хвались словеснымъ почитаніемъ божества.

Ложна та вѣра, которая говоритъ, что выгодно отказаться отъ настоящей жизни: развѣ не очевидно, что вѣчная жизнь начинается въ этой жизни.

Человѣкъ, достигнувшій совершенства, не дѣлаетъ различія между душою и всемірной природой, между собою и другимъ человѣкомъ.

Только тотъ изъ сыновъ человѣческихъ заслуживаетъ названіе святого, кто сознаетъ Бога въ своемъ сердцѣ. Познай самъ себя и ты станешь божествомъ.

Не зная того, что начало жизни сейчасъ существуетъ въ твоемъ тѣлѣ, зачѣмъ ты ищешь его, воображая, что его можно найти въ другомъ мѣстѣ? Кто поступаетъ такъ, подобенъ человѣку, который зажигаетъ свѣтильникъ при свѣтѣ солнца.

Индійская Вемана.

5.

Для спасенія души не безусловно необходимо признавать Христа во плоти; но этого нельзя сказать о признаніи сына Божія, т.-е. той вѣчной мудрости Божіей, которая проявляется во всѣхъ вещахъ и преимущественно въ душѣ человѣка, и болѣе всего проявилась въ Іисусѣ Христѣ. Безъ этой мудрости никто не можетъ достигнуть состоянія блаженства, потому что она одна указываетъ, что истинно и что ложно, что добро и что зло.

Спиноза.

6.

Если мы не считаемъ великаго человѣка за божество, то это потому, что наши понятія о Богѣ, какъ высшемъ, недостижимомъ источникѣ свѣта, мудрости, героизма, становятся все возвышеннѣе и возвышеннѣе, а вовсе не потому, что наша признательность за подобнаго рода дарованіе, обнаруживающееся у людей, падаетъ все ниже и ниже.

Томасъ Карлейль.

Не бойся откидывать отъ своей вѣры все тѣлесное, все видимое, осязаемое; чѣмъ больше ты очистишь духовное ядро твоей вѣры, тѣмъ тверже оно будетъ для тебя.

27-е іюля.

Знаніе—орудіе, а не цѣль.

1.

Въ чемъ бы ни полагали люди свое назначеніе и благо, наука будетъ ученіемъ объ этомъ назначеніи и благѣ, а искусство выраженіемъ этого ученія. То же, что называется у насъ наукой и искусствомъ, есть произведеніе празднаго ума и чувства, имѣющее цѣлью щекотать такіе же праздные умы и чувства. Науки и искусства наши непонятны и ничего не говорятъ большинству людей, потому что не имѣютъ въ виду ихъ блага.

2.

Для того, чтобы вынуть занозившую ногу спицу, берутъ другую, и съ помощью ея вынимаютъ занозу; когда же это сдѣлано, бросаютъ и ту и другую. Точно такъ же умъ нуженъ только для того, чтобы устранить безуміе, затемняющее зрѣніе божественнаго *я*, но умъ самъ по себѣ не составляетъ достоинства. Онъ только орудіе.

Браминская мудрость.

3.

— О, какой я несчастный! Мнѣ хотѣлось заняться чтеніемъ прекрасной и полезнѣйшей книги, и вотъ, вмѣсто того, изволь исполнять просьбы этого докучливаго человѣка.

— А развѣ,—отвѣчу я тебѣ,—твоя обязанность въ томъ и состоитъ, чтобы читать книги въ то время, когда отъ тебя просятъ помощи? Тебѣ надо знать и помнить одно, что хочетъ Богъ, чтобы ты сдѣлалъ теперь, и чего Онъ не хочетъ. Недавно Онъ устроилъ такъ, чтобы ты былъ въ одиночествѣ, чтобы ты бесѣдовалъ самъ съ собою, читалъ, писалъ, подготовлялся къ добрымъ дѣламъ. А сегодня Онъ послалъ къ тебѣ людей, которые просятъ тебя помочь имъ дѣломъ. Этимъ самымъ Богъ какъ бы говоритъ:

„Выходи изъ своего одиночества и покажи на дѣлѣ то, чему ты выучился, потому что пришло время и тебѣ и людямъ увидать пользу того, о чемъ ты читалъ и думалъ.“

Не ударь же лицомъ въ грязь; не сѣтуй на людей за то, что они прервали твое занятіе: вѣдь если бъ не было людей, то кому бы ты служилъ, и къ чему было бы читать книжки о томъ, какъ лучше служить людямъ? Эпиктетъ.

4.

Наука должна быть употребляема на утвержденіе религіи, а не на пріобрѣтеніе богатства. Гулистанъ Саади.

5.

Кто пріобрѣтаетъ знанія, но не пользуется ими, подобенъ тому, кто пашетъ, но не сѣетъ.

6.

Люди, думающіе, что главное дѣло въ жизни въ знаніи, подобны тѣмъ бабочкамъ, которыя летятъ на свѣчи — сами погибаютъ и затемняютъ свѣтъ.

7.

Въ словѣ *ученый* заключается только понятіе о томъ, что кто-то много учился, но это еще не значитъ, что онъ научился чему-нибудь. Лихтенбергъ.

Цѣль жизни—исполненіе закона Бога, а не пріобрѣтеніе знаній.

28-е іюля.

Совершенствованію всегда предшествуетъ покаяніе. Плохо, если человѣкъ считаетъ себя или свой народъ не нуждающимся въ покаяніи.

1.

Опасно отыскивать причину нашего зла—внѣ насъ. Покаяніе при этомъ становится невозможнымъ. Робертсонъ.

2.

Жить слѣдуетъ такъ, чтобы можно было злѣйшему врагу довѣрить все, что у тебя на душѣ. Сенека.

3.

Не сознаваться въ своихъ проступкахъ — значитъ увеличивать ихъ.

4.

Если человѣкъ несчастенъ, то что слѣдуетъ ему прежде всего дѣлать? Жаловаться на того или другого человѣка, на то или другое обстоятельство? Наполнять весь міръ сѣтованіями и упреками? Конечно, нѣтъ. Всѣ проповѣдники нравственности совѣтуютъ никого не винить, кромѣ себя одного. Несчастный долженъ прежде всего признать, что онъ потому и несчастенъ, что былъ неразуменъ. Если бы онъ былъ вѣренъ природѣ и ея законамъ, то природа съ ея неизмѣнными законами дала бы ему благо, изобиліе и счастье; но онъ не слѣдовалъ законамъ природы, и она, истощивъ свое терпѣніе, оставляетъ его безъ утѣшеній и говоритъ ему: не этимъ, а инымъ путемъ, сынъ мой, достигнешь ты благополучія; этотъ путь, какъ ты самъ видишь, ведетъ только къ злополучію; брось его. Всѣ моралисты совѣтуютъ человѣку, раскаявшись, сказать себѣ: „Да, я не былъ достаточно разуменъ, я отступилъ отъ законовъ Божіихъ и послѣдовалъ мнимымъ, ложнымъ законамъ,—законамъ дьявола. Поэтому-то я и дошелъ до этого состоянія“.

Въ сущности, то же самое происходитъ и съ несчастными народами.

Карлейль.

5.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стѣны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь,
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Пушкинъ.

6.

Тяжело у меня на душѣ. Во всю свою долгую жизнь никого не сдѣлалъ я счастливымъ: ни своихъ друзей, ни семьи, ни даже себя самого. Много, много надѣлалъ я зла... Я былъ виновникомъ трехъ большихъ войнъ. Изъ-за меня погибло болѣе 800.000 людей на поляхъ сраженій; ихъ теперь оплакиваютъ матери, братья, сестры, вдовы... И все это стоитъ между мною и Богомъ.

Бисмаркъ.

Человѣкъ тѣмъ лучше, чѣмъ быстрѣе онъ движется къ безконечному совершенству, независимо отъ той ступени, на которой онъ находится. Такъ что неподвижная праведность фарисея ниже движенія кающагося разбойника на крестѣ.

Недѣльное чтеніе.

Покаяніе.

Не противиться злому не значитъ не бороться противъ зла; наоборотъ, это значитъ бороться со зломъ, но не бороться съ человѣкомъ, бороться только противъ того, что есть злого, ошибочнаго въ человѣкѣ, бороться со зломъ, сострадая и любя человѣка, одержимаго зломъ.

Слова и поступки человѣка зависятъ отъ направленія, которое онъ даетъ своимъ мыслямъ. И потому борьба со зломъ въ томъ, чтобы стараться перемѣнить мысли или сумѣть вызвать перемѣну мысли человѣка, дѣлающаго зло. Въ этомъ смыслѣ открывается возможность апостольской борьбы со зломъ. Люди, чувствующіе въ своей душѣ потребность подвига самоотверженія, могутъ идти одиночками навстрѣчу злодѣямъ въ ихъ лагерь, въ близкіе братья, въ сожители къ нимъ и цѣною личнаго страданія и униженія, усиліемъ всей жизни своей пробуждать Сына Божія въ падшихъ братіяхъ. Способъ состоитъ въ томъ, чтобы, посвятивъ себя Богу, связать свою жизнь съ жизнью злодѣя и во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ житейскаго обихода братски раздѣлять съ нимъ благо жизни, а злодѣйству его мѣшать своимъ присутствіемъ и своимъ убѣжденіемъ, рискуя своею личною тѣлесною жизнію и такимъ образомъ посвящая ее Богу. Это прекрасный исходъ для великой души въ наше время, когда есть столько легкихъ способовъ повѣдать истину громадному большинству жаждущихъ ея людей, когда особое призваніе апостольства среди мирныхъ братьевъ

уже не имѣетъ мѣста, когда, если еще не возвеличивается, то сознается уже людьми братство людей и народовъ; и недалеко то время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ и когда, можно надѣяться, что на мѣстѣ злодѣевъ окажутся больные, несчастные люди, злодѣйствовавшіе только потому, что они были заброшены. Во всякомъ случаѣ врагъ только тогда можетъ быть побѣжденъ, когда на борьбу съ нимъ выходятъ лучшія силы. Борьба со зломъ всегда должна быть удѣломъ лучшихъ представителей человѣчества, а не какъ теперь въ существующемъ порядкѣ: полицейскихъ, тюремщиковъ, чиновниковъ, людей корысти, тщеславія, гордости, лицемѣрія и лицепріятія, такъ что если исключить эти пороки изъ привилегій теперешнихъ борцовъ со зломъ, эти большія жалованья, предосудительные доходы, чины, ордена, подчиненность и угодничество, то всѣ эти, теперь такіе усердные борцы и ораторы—всѣ они разбѣгутся.

Чтобы связать зло въ человѣкѣ, надо вызвать въ немъ перемѣну мыслей. Обманомъ, хотя и ненадежно, но все-таки можно вызвать перемѣну мыслей, насиліемъ же никогда и ни въ какомъ случаѣ.

Есть несомнѣнный расчетъ людямъ не противиться злодѣю,—расчетъ въ томъ, чтобы непротивленіемъ и добромъ пріобрѣсти человѣка кающагося. А мы не можемъ даже приблизительно вообразить, чѣмъ можетъ наградить насъ душа, очищенная покаяніемъ. Въ каждомъ злодѣѣ, котораго мы насилуемъ и наказываемъ, мы теряемъ, можетъ-быть, подвижника. Евангеліе говоритъ, что „на небесахъ, у ангеловъ Божіихъ, больше бываетъ радости объ одномъ кающемся грѣшникѣ, нежели о девяноста девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“. Если бы хоть не всѣ, хоть сотая часть всѣхъ такъ называемыхъ преступниковъ, которые безсмысленно убиты и убиваются, которые мучались и мучаются, отбывая наказаніе, въ немъ полагая свое искупленіе; если бы хоть тысячная доля ихъ подъ вліяніемъ непротивленія и добра до конца покаялись бы и сами отыскивали бы средства своего искупленія, то какъ можемъ мы знать, что могли бы дать намъ эти покаянныя души. Можетъ-быть, царство Бога давно уже было бы

среди нась въ славѣ и въ силѣ, и мы давно уже не видали бы всѣхъ тѣхъ бѣдствій, среди которыхъ теперь не видимъ просвѣта. Такъ что, противясь злому, мы не только нарушаемъ соразмѣрность, правильность нашей жизни, вредимъ своему духовному здоровью, но и необыкновенно, неизмѣримо много теряемъ; теряемъ то, что при желаніи могли бы пріобрѣсти.

Вука.

Камни.

Пришли двѣ женщины къ старцу за поученіемъ. Одна считала себя великой грѣшницей. Она въ молодости измѣнила мужу и не переставая мучалась. Другая же, проживъ всю жизнь по закону, ни въ какомъ особенномъ грѣхѣ не упрекала себя и была довольна собой.

Старецъ разспросилъ обѣихъ женщинъ объ ихъ жизни. Одна со слезами призналась ему въ своемъ великомъ грѣхѣ. Она считала свой грѣхъ столь великимъ, что не ожидала за него прощенія; другая же сказала, что не знаетъ за собой никакихъ особенныхъ грѣховъ. Старецъ сказалъ первой:

— Поди ты, раба Божья, за ограду и найди ты мнѣ большой камень—такой, какой поднять можешь, и принеси... А ты,—сказалъ онъ той, которая не знала за собой большихъ грѣховъ,—принеси мнѣ тоже каменьевъ, сколько осилишь, только все мелкихъ.

Женщины пошли и исполнили приказаніе старца. Одна принесла большой камень, другая полный мѣшокъ мелкихъ каменьевъ.

Старецъ осмотрѣлъ камни и сказалъ:

— Теперь вотъ что сдѣлайте: снесите вы назадъ камни и положите на тѣ самыя мѣста, гдѣ взяли, и когда положите, приходите ко мнѣ.

И женщины пошли исполнять приказаніе старца. Первая легко нашла то мѣсто, съ котораго взяла камень, и положила его, какъ онъ былъ; но другая никакъ не могла вспомнить, съ какого мѣста брала какой камень и такъ, не исполнивъ приказанія, съ тѣмъ же мѣшкомъ каменьевъ вернулась къ старцу.

— Такъ вотъ,—сказалъ старецъ,—то же бываетъ и съ грѣхами. Ты легко положила большой и тяжелый камень на прежнее мѣсто, потому что помнила, откуда взяла его.

А ты — не могла, потому что не помнила, гдѣ взяла мелкіе камни.

То же и съ грѣхами.

Ты помнила свой грѣхъ, несла за него укоры людей и своей совѣсти, смирялась и потому освобождалась отъ послѣдствій грѣха.

Ты же, — обратился старецъ къ женщинѣ, принесшей назадъ мелкіе камни,— грѣша мелкими грѣхами, не помнила ихъ, не каялась въ нихъ, привыкала къ жизни въ грѣхахъ и, осуждая грѣхи другихъ, все глубже и глубже завязала въ своихъ.

Всѣ мы грѣшны и всѣ мы погибнемъ, если не будемъ каяться.

29-е іюля.

Чѣмъ нужнѣе предметъ, тѣмъ губительнѣе злоупотребленіе имъ. Большая часть бѣдствій людей происходитъ отъ злоупотребленія разума.

1.

Богъ далъ духъ Свой, разумъ, чтобы служить Ему; а мы этотъ духъ употребляемъ на служеніе себѣ.

2.

Разумъ, становясь слугой порока, орудіемъ страстей, защитникомъ лжи, не только извращается, но дѣлается больнымъ, теряя способность различенія правды и лжи, добра и зла, праведнаго и неправеднаго.

Чаннингъ.

3.

Когда человѣкъ употребляетъ свой разумъ на разрѣшеніе вопросовъ о томъ, зачѣмъ существуетъ міръ и зачѣмъ онъ самъ живетъ въ этомъ мірѣ? съ человѣкомъ дѣлается что-то въ родѣ дурноты, головокруженія. Умъ человѣка не можетъ придумать отвѣты на эти вопросы. Что же это значитъ? А то, что разумъ человѣку не данъ на то, чтобы отвѣчать на эти вопросы, что самое задаваніе такихъ вопросовъ означаетъ заблужденіе разума. Разумъ рѣшаетъ только вопросъ „какъ жить?“ И отвѣтъ ясенъ: жить такъ, чтобы было хорошо и мнѣ и всѣмъ людямъ. Это нужно всему живущему и мнѣ. И возможность этого дана всему живущему и мнѣ. И это рѣшеніе исключаетъ вопросы *отчего* и *зачѣмъ*.

4.

Тѣ люди, которые употребляютъ свой разумъ на ненужные предметы, похожи на ночныхъ птицъ, которыя видятъ въ темнотѣ, но слѣпнутъ при солнечномъ свѣтѣ. Ихъ умъ очень проницателенъ, когда они употребляютъ его на научные пустяки, но онъ перестаетъ видѣть, когда его поражаетъ истинный свѣтъ.

Питтакусъ.

5.

Долга ночь для того, кто не спитъ. Длинна верста тому, кто усталъ; долга жизнь для безумнаго.

Разумъ есть величайшая святыня въ мірѣ, а потому и величайшій грѣхъ состоитъ въ злоупотребленіи разумомъ, въ употребленіи его на скрываніе или извращеніе истины.

30-е іюля.

Законъ нравственный ясно выраженъ и истинной мудростью и истинной религіей.

1.

Не требуется исключительнаго глубокомыслія, чтобы понять, что надо сдѣлать, чтобы воля была доброй. Неопытный въ пониманіи мірового цѣлаго, неспособный разобраться, дать отчетъ во всѣхъ событіяхъ, совершающихся въ немъ,—я спрашиваю себя только объ одномъ: согласенъ ли я, чтобы побужденія, которыми я руковожусь въ поступкахъ, стали обязательнымъ закономъ для всѣхъ? Если нѣтъ, то мои побужденія негодны и негодны не только вслѣдствіе вреда, который можетъ приключиться отъ нихъ мнѣ или другимъ, но потому, что онѣ непригодны для того, чтобы стать основой законовъ, обязательныхъ для всѣхъ; а между тѣмъ разумъ заставляетъ меня непосредственно уважать такіе законы; хотя я еще и не понимаю, на чемъ основано это уваженіе, но понимаю то, что уважаю я въ этихъ законахъ нѣчто такое, что по своей цѣнности далеко превосходитъ все подсказываемое мнѣ склонностями, и что поступать изъ одного только уваженія къ нравственному закону есть такой долгъ, передъ которымъ должно отступить всякое другое побужденіе. Кантъ.

2

И одинъ изъ нихъ, законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря: Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки. Мѳ. XXII, 35—40.

3.

Весь міръ подчиненъ единому закону, и во всѣхъ разумныхъ существахъ единый разумъ. И потому правда едина, и для разумныхъ людей понятіе о совершенствѣ тоже едино.

Маркъ Аврелій.

4.

Во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки.

Мѳ. VII, 12.

Нравственный законъ такъ ясенъ, что нельзя уже людямъ отговариваться незнаніемъ закона. Имъ остается одно: отрекаться отъ разума; они это и дѣлаютъ.

31-е іюля.

Любовь даетъ не только духовную внутреннюю радость тому, кто испытываетъ ее, но она же и главное условіе радостной мірской жизни.

1.

Любовь—не любовь къ одному исключительному лицу, а душевное состояніе готовности любви ко всему есть то состояніе, въ которомъ одномъ мы сознаемъ божественное начало нашей души.

2.

Твое хорошее расположеніе духа—это подарокъ, который ты дѣлаешь своимъ ближнимъ. Восточная мудрость.

3.

Не старайтесь привлекать къ себѣ любовь другихъ: любите и будете любимы.

4.

Обращать горечь жизненнаго опыта въ благодушіе, неблагодарность—въ благодѣяніе, оскорбленія—въ прощеніе,—вотъ въ чемъ святая алхимія высокихъ душъ. И это превращеніе должно сдѣлаться столь обычнымъ, столь легкимъ, чтобы оно представлялось людямъ естественнымъ, и чтобы никто не одобрялъ насъ за это. Аміель.

5.

Любить—значитъ жить жизнью того, кого любишь.

6.

Святой человѣкъ не имѣетъ своихъ чувствъ. Чувства народа становятся его чувствами. Доброе онъ встрѣчаетъ съ добротой, съ добротой же встрѣчаетъ и злое. Вѣрныхъ онъ встрѣчаетъ съ вѣрою, съ такой же вѣрою встрѣчаетъ и невѣрныхъ.

Святой человѣкъ, живя въ мірѣ, озабоченъ своими отношеніями къ людямъ. Онъ чувствуетъ за всѣхъ людей и всѣ люди обращаютъ къ нему свои уши и глаза. Лао-Тсе.

7.

Любовь открываетъ намъ благодѣтельную тайну: жить въ согласіи съ самимъ собой и со всѣми людьми.

8.

Безъ любви никакое дѣло не приноситъ пользы, и всякое дѣло, внушенное любовью, какъ бы оно мало и ничтожно ни казалось, приноситъ изобильные плоды.

9.

Религія есть высшая форма любви. Паркеръ.

10.

Любовь есть лучшее проявленіе нашей души.

Чѣмъ больше человѣкъ проявляетъ любви, тѣмъ больше люди любятъ его. А чѣмъ больше его любятъ, тѣмъ ему легче любить другихъ; оттого-то любовь безконечна.

1-е августа.

Освобождаетъ человѣка только разумъ,—чѣмъ неразумнѣе жизнь человѣческая, тѣмъ она несвободнѣе.

1.

Ты спросишь, какимъ путемъ достигнуть свободы? Для этого надо научиться различать добро и зло самому, а не по указанію толпы.

Сенека.

2.

Если нѣтъ въ тебѣ желанія дѣлать зло изъ честолюбія, то нѣтъ и добродѣтельнаго поступка, на который ты бы не былъ способенъ.

Китайская мудрость.

3.

Побѣдить самого себя—это лучшее средство для того, чтобы не быть побѣжденнымъ. Обуздать самого себя—это лучшее средство для того, чтобы не имѣть надъ собою господина.

Восточная мудрость.

4.

Привязаться къ извѣстной идеѣ, это почти то же, что привязаться къ столбу, врытому въ землю. Мѣра свободы, которой будетъ пользоваться человѣкъ, всецѣло будетъ зависѣть отъ длины его привязи, и наибольшей свободой будетъ пользоваться тотъ, кто привяжется къ идеѣ блага для всѣхъ.

Люси Малори.

5.

Живетъ свободно только тотъ, кто находитъ радость въ исполненіи своего долга,—кто обдумалъ тотъ путь, который онъ долженъ пройти въ жизни; кто подчиняется закону не изъ страха, а уважаетъ и слушается его потому, что считаетъ, что такъ должно; надъ кѣмъ нѣтъ иной власти, кромѣ собственнаго желанія и сужденія.

Цицеронъ.

6.

Только про того человѣка можно сказать, что онъ свободенъ, который живетъ такъ, какъ онъ хочетъ. Разумный человѣкъ всегда живетъ такъ, какъ онъ хочетъ, потому что онъ желаетъ только того, что возможно получить. И потому только разумный человѣкъ свободенъ.

Никто не желаетъ быть виноватымъ; никто не хочетъ жить въ заблужденіяхъ, неправедно; никто не выбираетъ себѣ нарочно такой жизни, отъ которой онъ будетъ печалиться и мучиться; никто не скажетъ, что ему хочется жить скверно и развратно. Значитъ, всѣ люди, живущіе неправедною жизнью, живутъ такъ не по своему желанію, а противъ воли. Они не хотятъ ни печали, ни страха, а между тѣмъ постоянно страдаютъ и боятся. Они дѣлаютъ то, чего не хотятъ. Стало-быть, они не свободны.

Мудрецъ Діогенъ говорилъ: „Только тотъ истинно свободенъ, кто всегда готовъ умереть“. Онъ писалъ персидскому царю: „Ты не можешь сдѣлать истинно свободныхъ людей рабами, какъ не можешь поработить рыбу. Если ты и возьмешь ихъ въ плѣнъ, они не будутъ рабствовать тебѣ. А если они умрутъ въ плѣну у тебя, то какая тебѣ прибыль отъ того, что ты забралъ ихъ въ плѣнъ?“

Вотъ это—рѣчи человѣка свободнаго: такой человѣкъ знаетъ, въ чемъ состоитъ истинная свобода.

Эпиктетъ.

7.

Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и физической природѣ человѣка, и, живя такою жизнью, хотимъ быть свободны.

8.

Послушаніе хорошо и необходимо, но если это послушаніе тому, что дурно и ложно, то это, напротивъ, высшая степень человѣческой подлости и униженія.

Карлейль.

9.

Кто охваченъ пламенемъ страстныхъ влеченій, кто жаждетъ наслажденій, тотъ все раститъ свои похоти и самъ заковываетъ себя въ цѣпи.

Кто помышляетъ только о радостяхъ успокоенія, кто, углубленный въ свои думы, счастливъ тѣмъ, въ чемъ люди не видятъ счастія, тотъ разорветъ эти цѣпи смерти, тотъ навсегда сброситъ ихъ.

Буддійская мудрость.

10.

Свобода достигается не исканіемъ свободы, а исканіемъ истины. Свобода не цѣль, а послѣдствіе.

11.

Куда бы судьба тебя ни забросила, всюду съ тобою твоя сущность, твой духъ, средоточіе жизни, свободы и силы, когда ты вѣренъ закону бытія своего. Нѣтъ въ мірѣ внѣшнихъ благъ или величія, для которыхъ стоило бы человѣку нарушать единеніе свое съ духомъ, расторгать свой союзъ съ нимъ и подрывать цѣльность своей души разладомъ съ самимъ собою.

Укажи, что могъ бы ты купить цѣною такой жертвы?

Маркъ Аврелій.

Свобода не можетъ быть дана человѣку человѣкомъ. Каждый человѣкъ только самъ можетъ освободить себя.

2-е августа.

Если человѣкъ есть только тѣлесное существо, то смерть есть конецъ всего. Если же человѣкъ есть существо духовное и тѣло есть только оболочка духовнаго существа, то смерть—только измѣненіе.

1.

Наше тѣло ограничиваетъ то божественное, духовное начало, которое мы называемъ душою. И это-то ограниченіе,—какъ сосудъ даетъ форму жидкости или газу, заключенному въ немъ—даетъ форму этому божественному началу. Когда разбивается сосудъ, то заключенное въ немъ перестаетъ имѣть ту форму, которую имѣло, и разливается. Соединяется ли оно съ другими веществами? получаетъ ли новую форму?—мы этого ничего не знаемъ, но знаемъ навѣрное то, что оно теряетъ ту форму, которую оно имѣло въ своемъ ограниченіи, потому что то, что ограничивало, разрушилось, но не можемъ знать ничего о томъ, что совершится съ тѣмъ, что было ограничено. Душа послѣ смерти становится чѣмъ-то другимъ,—такимъ, о чемъ мы судить не можемъ.

2.

Эмерсона, утверждавшаго свое безсмертіе, спросили: „Ну, а какъ же, когда міръ кончится?“ Онъ отвѣчалъ: „Для того, чтобы не умереть, я не нуждаюсь въ мірѣ“.

3.

Если смерть есть полное уничтоженіе,—я не спорю, это возможно,—въ такомъ случаѣ ея нечего бояться. „Я есмь, ея нѣтъ; она есть, меня уже нѣтъ. Но если, поражая насъ, она оставляетъ въ насъ жизнь, то будьте увѣрены, что тамъ, за гробомъ, мы окажемся совершенно такими же, какими мы были на землѣ. Это очень озадачитъ насъ. Эта мысль такова, что впередъ портитъ намъ наше представленіе о раѣ и адѣ.

Она лишаетъ насъ надежды, потому что главное, чего мы же-

лаемъ, это то, чтобы быть совсѣмъ другими, чѣмъ мы теперь. Но этого-то и не будетъ.

Анатоль Франсъ.

4.

Смерть есть только одинъ шагъ въ нашемъ непрерывномъ развитіи. Такимъ же шагомъ было и наше рожденіе; съ той лишь разницей, что рожденіе есть смерть для одной формы бытія, а смерть есть рожденіе въ другую форму бытія.

Смерть — это счастье для умирающаго человѣка. Умирая, перестаешь быть смертнымъ. Я не могу смотрѣть на эту перемѣну съ ужасомъ, подобно нѣкоторымъ людямъ. По-моему, смерть есть перемѣна къ лучшему. Развѣ мы не безумны, когда говоримъ о приготовленіи къ смерти? Наше дѣло—жить. Тотъ, кто умѣетъ жить, сумѣетъ и умереть. Развѣ не такъ?.. Я хочу жить, душа наша никогда не говоритъ намъ, что мы умремъ. Чувства умираютъ, а чувства-то и создали смерть. Такъ стоитъ ли безпокоиться о ней разумнымъ людямъ?

Теодоръ Паркеръ.

5.

Послѣдній день несетъ намъ не уничтоженіе, а только перемѣну.

Цицеронъ.

6.

Жизнь есть освобожденіе души (духовной, самобытно живущей сущности) отъ тѣхъ условій тѣлесной личности, въ которыя она поставлена.

Для человѣка, живущаго духовной жизнью, нѣтъ смерти.

3-е августа.

Мы ищемъ возмездія совершоннаго нами добра и зла во времени и часто не находимъ его. Но добро и зло совершается въ духовной области внѣ времени, и въ этой области хотя мы и не видимъ явныхъ признаковъ этого возмездія, мы несомнѣнно въ нашей совѣсти сознаемъ это возмездіе.

1.

Кажется, что безстыдному человѣку, хвастуну, хитрецу, хулителю, дерзкому и бездѣльнику живется легко; что тяжела жизнь того смертнаго, который непрестанно стремится къ непорочному, всегда кротокъ, разуменъ, безкорыстенъ; но это только кажется. Первый всегда тревоженъ, второй всегда спокоенъ.

Буддійская мудрость.

2.

Спѣши къ доброму дѣлу, хотя и незначительному, и бѣги отъ всякаго грѣха; ибо одно доброе дѣло влечетъ за собою другое, а одинъ грѣхъ порождаетъ другой: награда добродѣтели—добродѣтель, наказаніе порока—порокъ.

Талмудъ.

3.

Въ чемъ будетъ наказаніе? Вѣроятно, только въ сознаніи того, что ты не исполнилъ своихъ обязанностей. Не ожидай бо́льшихъ наказаній.

Эпиктетъ.

4.

Человѣкъ, не ищи причины зла. Ты эта причина.

Руссо.

5.

То, что вы дѣлаете другимъ, вы дѣлаете себѣ. Вотъ почему всякое дѣло милосердія заставляетъ васъ чувствовать въ себѣ доброту, а дѣло жестокости—злобу.

Люси Малори.

6.

Дѣлай добро, не разбирая кому. Добро, которое ты сдѣлалъ, не пропадетъ, хотя ты и забылъ про него.

7.

Дѣлать добро есть единственный поступокъ, навѣрное дающій намъ благо.

8.

О вы, разъѣзжающіе въ пышныхъ экипажахъ, снаружи обтянутыхъ лакированной кожей, а внутри устланныхъ вашими дѣловыми парламентскими, финансовыми и судейскими уловками, мудростью вашихъ куриленъ и парламентскаго большинства, знаете ли, куда вы мчитесь? Все имѣетъ достойный конецъ, ибо близко то время, когда горькая человѣческая нужда уже не въ силахъ будетъ выносить васъ, а природа потеряетъ терпѣніе, когда всѣ пути, всѣ стези будутъ вамъ отрѣзаны и передъ вами широко разверзнется только пропасть. Вы думаете, что люди и цѣлые народы, погибая въ пучинѣ водоворота и въ дико-вздымающихся волнахъ этого Божьяго міра, остаются безъ отмщенія, и что не существуетъ справедливости.

Только безумецъ можетъ говорить это. Но мудрый во всѣ времена проявлялъ свою мудрость тѣмъ, что опровергалъ слова безумцевъ и доказывалъ ихъ пустоту. Въ мірѣ все-таки превыше всего царитъ справедливость. Карлейль.

9.

Что посѣешь, то и пожнешь. Ударь, и ты пострадаешь. Служи, и тебѣ будутъ служить. Если ты въ жизни своей служишь людямъ, то никакою хитростью не можешь избѣжать вознагражденія. Эмерсонъ.

10.

Когда ты сдѣлалъ кому-нибудь добро и это добро принесло плодъ, зачѣмъ ты, какъ безразсудный, домогаешься еще похвалы и награды за свое доброе дѣло? Маркъ Аврелій.

11.

Самъ творишь злое — самъ страдаешь; самъ бѣжишь отъ грѣховнаго—самъ же очищаешь себя отъ зла. Самъ ты дѣлаешь себя чистымъ и нечистымъ, и никто иной не будетъ твоимъ спасителемъ. Буддійская мудрость.

Не ищи видимаго возмездія за добро, оно дано тебѣ одновременно съ поступкомъ. И не думай, что если ты во времени не видишь возмездія за совершонное зло, то его не будетъ. Оно уже есть въ твоей душѣ. Ты ошибаешься, относя боль твоей души къ другой причинѣ.

4-е августа.

Самоотреченіе не есть отреченіе отъ себя, а только перенесеніе своего „я“ изъ животнаго существа въ духовное.

1.

Каждый человѣкъ содержитъ въ себѣ сознаніе жизни всего человѣчества. Оно лежитъ глубоко въ душѣ человѣка, но оно есть. И рано или поздно человѣкъ долженъ придти къ сознанію этой болѣе обширной жизни.

Отреченіе отъ своихъ личныхъ цѣлей, которое совершается въ немъ, тотчасъ же вознаграждается болѣе сильной жизнью, въ которую онъ вступаетъ.

Только отрекаясь отъ своей исключительной личности, онъ дѣлается настоящей живой личностью, и признавая своею—жизнь другихъ, сознаетъ въ себѣ жизнь, не имѣющую ни предѣловъ, ни конца.

Карпентеръ.

2.

Человѣкъ, который думаетъ только о себѣ и ищетъ во всемъ своей выгоды, не можетъ быть счастливъ. Хочешь жить для себя, живи для другихъ.

Сенека.

3.

Величайшее благо, которое только знаетъ человѣкъ, состояніе полнѣйшей свободы и счастья—есть состояніе самоотверженія и любви. Разумъ открываетъ человѣку единственный возможный путь къ счастью, и чувство устремляетъ человѣка по этому пути.

4.

Многимъ кажется, что если исключить изъ жизни личность и любовь къ ней, то ничего не останется. Имъ кажется, что безъ личности нѣтъ жизни. Но это только кажется людямъ, которые не испытывали радости самоотверженія. Откинь отъ жизни личность, отрекись отъ нея, и останется то, что составляетъ сущность жизни — любовь.

5.

Жизнь истинная начинается только тогда, когда начинается самоотреченіе.

Карлейль.

6.

Когда потухаетъ свѣтъ, то темная тѣнь изъ твоего собственнаго сердца падаетъ на твой путь,—остерегайся этой ужасной тѣни, никакой свѣтъ твоего разума не можетъ уничтожить темноты, исходящей изъ твоей души до тѣхъ поръ, пока не будутъ изгнаны изъ нея всѣ себялюбивыя мысли.

Браминская мудрость.

7.

Стремленіе къ личному благу есть только продолженіе въ насъ животности; человѣчность же начинается въ человѣкѣ только съ отреченіемъ отъ него.

Аміель.

Отреченіе отъ животнаго блага ради духовнаго есть послѣдствіе измѣненія сознанія. Если это измѣненіе сознанія совершилось, то то, что казалось отреченіемъ до этого измѣненія, представляется уже не отреченіемъ, а только естественнымъ удаленіемъ отъ ненужнаго.

Недѣльное чтеніе.

Большая Медвѣдица.

Была давно-давно на землѣ большая засуха: пересохли всѣ рѣки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали отъ жажды люди и животныя.

Разъ ночью вышла дѣвочка изъ дома съ ковшикомъ поискать воды для больной матери. Нигдѣ не нашла дѣвочка воды и съ усталости легла въ полѣ на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшикъ, она чуть не пролила изъ него воду. Онъ былъ полонъ чистой, свѣжей водой. Дѣвочка обрадовалась и хотѣла было напиться, но потомъ подумала, что не достанетъ матери, и побѣжала съ ковшикомъ домой. Она такъ спѣшила, что не замѣтила подъ ногами собачки, споткнулась на нее и уронила ковшикъ. Собачка жалостно визжала. Дѣвочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его, но нѣтъ, онъ стоялъ прямо на своемъ днѣ и вся вода была цѣла въ немъ. Дѣвочка отлила въ ладонь воды, и собачка все вылакала и повеселѣла. Когда дѣвочка взялась опять за ковшикъ, онъ изъ деревяннаго сталъ серебрянымъ. Дѣвочка принесла ковшикъ домой и подала матери. Мать сказала: „Мнѣ все равно умирать, пей лучше сама", и отдала ковшикъ дѣвочкѣ. И въ ту же минуту ковшикъ изъ серебрянаго сталъ золотой. Тогда дѣвочка не могла уже больше удерживаться и только хотѣла приложиться къ ковшику, какъ вдругъ въ дверь вошелъ странникъ и попросилъ напиться. Дѣвочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшикъ. И вдругъ на ковшикѣ выскочило семь огромныхъ брильянтовъ, и изъ него полилась большая струя чистой, свѣжей воды.

А семь брильянтовъ стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали Большой Медвѣдицей.

Ковисъ (съ англ.).

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по дорожкѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь. Я глянулъ вдаль дорожки и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой и, весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіе зубастой раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище, а все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою! Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Собака остановилась, попятилась... Видно, и она признала эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса и удалился, благоговѣя.

Да, я благоговѣлъ передъ той маленькой великодушной птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

„Любовь,—думалъ я,—сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и двигается жизнь“.

И. Тургеневъ.

5-е августа.

Большая часть ложныхъ и вредныхъ мнѣній распространяется и поддерживается внушеніемъ.

1.

Мы склонны усваивать тотъ уровень, на которомъ находятся люди, съ которыми мы живемъ. Отъ этого ничтожество нашихъ характеровъ и жизней.

Главная наша опасность не отъ тѣхъ дурныхъ людей, которые могутъ развратить насъ, но отъ немыслящей толпы, которая несется, какъ потокъ, чужими побужденіями и увлекаетъ насъ съ собою.

2.

Душа поддается вліянію другой души. И человѣкъ вполнѣ свободенъ, только когда одинъ.

3.

Легко жить въ мірѣ, слѣдуя общественному мнѣнію, а въ уединеніи только своему. Силенъ человѣкъ тотъ, кто въ толпѣ удерживаетъ кротость и независимость уединенія. Эмерсонъ.

4.

Блаженъ мужъ, который не ходилъ на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не стоялъ и въ засѣданіи кащунствующихъ не сидѣлъ (Пс. I, I). Нѣтъ ничего заразительнѣе примѣра. Онъ вноситъ въ нашу жизнь такіе поступки, которые мы никогда не совершили бы безъ воздѣйствія примѣра.

5.

Не поддавайся настроенію духа того, который тебя оскорбляетъ, и не становись на тотъ путь, на который бы ему хотѣлось увлечь тебя. Маркъ Аврелій.

6.

Нѣтъ такихъ условій, къ которымъ человѣкъ не могъ бы привыкнуть, въ особенности если онъ видитъ, что всѣ окружающіе его живутъ такъ же.

7.

Мнѣ стыдно думать о томъ, какъ часто я уступчиво жертвовалъ своими убѣжденіями и какъ легко подчинялся омертвѣлымъ учрежденіямъ и обычаямъ. Эмерсонъ.

8.

Распространяемыя внушеніемъ ложныя понятія и вредныя настроенія можно узнать по тому блеску и торжественности, которыми они окружаются. Истина не нуждается во внѣшней обстановкѣ.

Внушеніе—необходимое условіе общественной жизни, но нельзя быть достаточно осторожнымъ въ сознательномъ употребленіи его. Способность внушенія заставляетъ нравственнаго человѣка быть вдвойнѣ строгимъ къ словамъ и поступкамъ, которые могутъ воздѣйствовать на другихъ.

6-е августа.

Разумъ, какъ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и совокупности людей, есть единственный руководитель человѣческой жизни.

1.

Свѣтильникъ тѣла есть око; итакъ, если око твое будетъ чисто, то и все тѣло твое будетъ свѣтло; а если оно будетъ худо, то и тѣло твое будетъ темно; итакъ, смотри: свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тьма? Лк. XI, 34—35.

2.

Если мы посмотримъ на жизнь большинства людей, то намъ покажется, что человѣкъ—существо, созданное для того, чтобы, подобно растенію, поглощать въ себя различные соки, расти, продолжать свой родъ на землѣ, наконецъ состарѣться и умереть. Въ

такомъ случаѣ изъ всѣхъ существъ человѣкъ меньше всего достигаетъ цѣли своего существованія, потому что онъ свои превосходныя способности употребляетъ для такихъ цѣлей, которыхъ остальныя существа достигаютъ гораздо вѣрнѣе и лучше. И изъ всѣхъ существъ человѣкъ наиболѣе заслуживалъ бы презрѣнія, по крайней мѣрѣ въ глазахъ истинной мудрости, если бы его не возвышала надежда на будущее, и если бы замкнутымъ въ немъ силамъ не предстоялъ періодъ полнаго развитія. Кантъ.

3.

Все живетъ вмѣстѣ и все живетъ отдѣльно: живетъ отдѣльно человѣкъ, живетъ отдѣльно червь. И каждое отдѣльное существо считаетъ себя одного живущимъ и требуетъ отъ жизни всего для себя одного, а между тѣмъ всякое отдѣльное существованіе своими стремленіями къ жизни уничтожаетъ себя. Всякій шагъ, всякій актъ жизни его есть умираніе.

Противорѣчіе это было бы неразрѣшимо, если бы въ мірѣ не было разума. Но разумъ есть въ человѣкѣ. Онъ-то и уничтожаетъ это противорѣчіе.

4.

Жизнь есть дѣятельность животной личности, подчиненной закону разума.

5.

Разумная жизнь подобна человѣку, несущему далеко передъ собой фонарь, освѣщающій его путь. Такой человѣкъ никогда не доходитъ до конца освѣщеннаго мѣста, освѣщенное мѣсто идетъ впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нѣтъ смерти, потому что фонарь не переставая освѣщаетъ до послѣдней минуты, и уходишь за нимъ такъ же спокойно, какъ и во все продолженіе жизни.

6.

Всѣ люди живутъ и дѣйствуютъ отчасти по своимъ мыслямъ, отчасти по мыслямъ другихъ людей. Въ томъ, насколько люди

живутъ по своимъ мыслямъ и насколько по мыслямъ другихъ людей, состоитъ одно изъ главныхъ различій людей между собой. Одни люди въ большинствѣ случаевъ пользуются своими мыслями, какъ умственной игрой, обращаются со своимъ разумомъ, какъ съ маховымъ колесомъ, съ котораго снятъ передаточный ремень, а въ поступкахъ своихъ подчиняются чужимъ людямъ—обычаю, преданію, закону; другіе же, считая свои мысли главными двигателями всей своей дѣятельности, прислушиваются къ требованіямъ своего разума и подчиняются ему, — только изрѣдка, и то послѣ критической оцѣнки, слѣдуя тому, что рѣшено другими.

Каждый человѣкъ можетъ и долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что выработалъ совокупный разумъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ и долженъ своимъ разумомъ провѣрять данныя, выработанныя всѣмъ человѣчествомъ.

7-е августа.

Человѣкъ не только можетъ, но долженъ быть свободенъ. Онъ несвободенъ настолько, насколько онъ, живя животной жизнью, отдаетъ себя въ рабство.

1.

Говорятъ, что для человѣка самое большое благо есть его свобода. Если свобода есть благо, то человѣкъ свободный не можетъ быть несчастнымъ. Значитъ, если ты видишь, что человѣкъ несчастенъ, страдаетъ, ноетъ,—знай, что это человѣкъ не свободный: онъ непремѣнно кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь порабощенъ.

Если свобода есть благо, то свободный человѣкъ не можетъ быть самовольнымъ рабомъ. И потому, если ты увидишь, что человѣкъ унижается передъ другими, льститъ имъ,—знай, что человѣкъ этотъ также не свободенъ. Онъ рабъ, который доби-

вается или обѣда, или выгодной должности, или еще чего-нибудь, вообще добивается того, чтобы распоряжаться тѣмъ, что не принадлежитъ ему.

Свободный человѣкъ распоряжается только тѣмъ, чѣмъ можно распоряжаться безпрепятственно. А распоряжаться вполнѣ безпрепятственно можно только самимъ собою. И потому, если ты увидишь, что человѣкъ хочетъ распоряжаться не самимъ собою, а другими, то знай, что онъ не свободенъ: онъ сдѣлался рабомъ своего желанія властвовать надъ людьми. Эпиктетъ.

2.

Безъ внутренней свободы внѣшняя свобода ничего не стóитъ. Какая мнѣ польза, если я не подавленъ внѣшнимъ насиліемъ, но вслѣдствіе незнанія, порока, эгоизма, страха я не управляю своей душой. Я назову только того человѣка свободнымъ, который не замкнутъ въ себѣ или своей сектѣ, который побѣждаетъ гордость, гнѣвъ, лѣность и готовъ отдать себя въ жертву за благо человѣчества. Чаннингъ.

3.

Ничто не дѣлается безъ вѣры. Сомнѣніе убиваетъ человѣка, убиваетъ народы. Почему освобожденіе этихъ народовъ такъ трудно, такъ тяжело, такъ длительно? Потому что они не вѣрятъ, потому что у нихъ нѣтъ вѣры въ ихъ право, въ непобѣдимую силу ихъ права. Почему всюду угнетенные классы стонутъ въ ожиданіи облегченія, которое такъ и не приходитъ? Потому что они не вѣрятъ, потому что у нихъ нѣтъ вѣры ни въ себя, ни въ Бога, всегда готоваго спасти ихъ, но не безъ ихъ участія, потому что преимущество свободныхъ существъ—быть тѣмъ, чѣмъ они хотятъ быть, какъ и наказаніе ихъ въ томъ, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ ихъ хотятъ сдѣлать, когда они покорно склоняются подъ гнетомъ несправедливости и тираніи. Но и тогда Богъ не оставляетъ ихъ. Для пробужденія ихъ Онъ посылаетъ вѣстниковъ Своего милосердія, вкладываетъ въ нихъ Свое слово, облекаетъ ихъ Своимъ могуществомъ,—и міръ вдругъ колеблется, толпы сбѣгаются слушать, народы волнуются, они подымаются, какъ забро-

дившее тѣсто; смутное представленіе лучшаго будущаго является ихъ воображенію. При видѣ его они трепещутъ, они проникаются чувствомъ избытка жизни.

Но вотъ являются и угнетатели, фарисеи и книжники. Смущенные, встревоженные, дрожащіе за свою пошатнувшуюся власть, они или душатъ посланцевъ Отца небеснаго или, если могутъ, клевещутъ и на ученіе ихъ, и на дѣла; они въ самомъ дѣлѣ добра творимаго, этими посланцами, находятъ предлоги для осужденія ихъ. Они говорятъ: „Правда, мы не можемъ отрицать этого,—эти люди изгоняютъ бѣсовъ, но они изгоняютъ ихъ силой князя бѣсовскаго“. Подымите, подымите голову, и поверхъ той тьмы, которую эти лицемѣры стараются сгустить вокругъ васъ, на востокѣ вы увидите уже сіяющій дискъ солнца, который скоро освѣтитъ васъ своимъ полнымъ свѣтомъ и согрѣетъ своими лучами!

Ламенэ.

4.

Помни, что если ты на самомъ дѣлѣ хочешь сдѣлаться истинно свободнымъ, то ты долженъ всегда быть готовымъ отдать Богу то, что ты отъ Него получилъ. Ты долженъ быть готовъ не только къ смерти, но и къ самымъ мучительнымъ страданіямъ и пыткамъ. Какъ часто бывало, что цѣлые города и народы отдавали свою жизнь не за истинную, а за ложную, мірскую свободу; сколько людей убивали себя, желая освободить себя отъ тягостной имъ жизни. Если даже ложное благо достигается такими жертвами, то что удивительнаго въ томъ, что истинная свобода достается не безъ хлопотъ и тѣлесныхъ страданій. А если ты не хочешь заплатить такую цѣну за твою свободу, то ты на всю жизнь останешься рабомъ между рабами, хотя бы у тебя и были всевозможныя мірскія почести, хотя бы ты и сдѣлался самимъ цезаремъ.

Эпиктетъ.

5.

Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ жизнь сводится къ простому органическому отправленію.

Іосифъ Мадзини.

6.

Не будь рабомъ одного или немногихъ. Лучше будь рабомъ всѣхъ въ томъ, что ты долженъ и можешь сдѣлать.

Цицеронъ.

7.

Нѣтъ ничего мучительнѣе оскорбленія человѣческаго достоинства, ничего унизительнѣе рабства. Человѣческое достоинство и свобода свойственны намъ. Будемъ же хранить ихъ, или умремъ съ достоинствомъ.

Цицеронъ.

Если ты чувствуешь себя несвободнымъ, ищи причину въ себѣ.

8-е августа.

Приписываніе особеннаго исключительнаго значенія и важности всѣмъ писателямъ, признанныхъ большинствомъ великими, составляетъ большое препятствіе для познанія истины. Божественная истина можетъ проявиться въ лепетѣ ребенка, въ болтовнѣ дурачка, въ бредѣ сумасшедшаго, не говоря уже о разговорахъ, письмахъ простыхъ людей, и очень слабыя и ложныя мысли встрѣчаются въ книгахъ, считающихся великими или священными.

1.

Есть много традиціонныхъ истинъ, которыя кажутся намъ вѣроятными только потому, что мы никогда серьезно не подумали о нихъ.

Родъ.

2.

Всякое преувеличеніе значенія лица или слова есть нарушеніе права души и заставляетъ мужественнаго читателя отложить Новый Завѣтъ и взять языческаго философа. Не потому, что Эпиктетъ или Маркъ Аврелій лучше, но потому, что они не нарушаютъ его свободы; потому что они только предлагаютъ свои мысли, тогда какъ тотъ (Новый Завѣтъ) внѣшнимъ образомъ предписываетъ тамъ, гдѣ нельзя предписывать. Человѣчество не должно больше терпѣть этого невыгоднаго положенія Евангелія. И дѣло нашего

вѣка состоитъ въ томъ, чтобы свести всѣ эти писанія на одинъ общій уровень происхожденія и свойствъ человѣческаго ума. И всякій вдохновенный писатель только выиграетъ отъ прекращенія такого идолопоклонническаго отношенія къ нему.

Эмерсонъ.

3.

Настаивать на примѣненіи древнихъ и устарѣлыхъ законовъ, находящихся въ нашихъ уставахъ, все равно, что заставлять людей нашего времени жить въ домахъ и пользоваться орудіями нашихъ предковъ, жившихъ за нѣсколько поколѣній до насъ.

Люси Малори.

4.

Для большей части человѣчества религія есть обычай, или, скорѣе, обычай есть религія. Какъ ни кажется это страннымъ, но я убѣжденъ, что первый шагъ къ нравственному совершенствованію есть освобожденіе себя отъ религіи, въ которой выросъ. Ни одинъ человѣкъ не шелъ къ совершенствованію иначе, какъ по этому пути.

Торо.

5.

Мысль, выраженная въ Евангеліи, Библіи, Коранѣ, Упанишадахъ, не становится истиной потому, что она выражена въ книгахъ, считающихся священными. Считать истиннымъ все то, что сказано въ признанной священной книгѣ, есть идолопоклонство книгъ, болѣе вредное, чѣмъ всякое другое идолопоклонство.

Всякая мысль, отъ кого бы она ни исходила, подлежитъ обсужденію, и всякая мысль, отъ кого бы она ни исходила, заслуживаетъ вниманія.

9-е августа.

Большая часть зла, совершаемаго людьми, совершается не по злой волѣ, а по распространенной, ложной, принятой на вѣру мысли.

1.

Матеріальные результаты суть только позднее проявленіе невидимыхъ дѣятелей. Ядро уже давно вылетѣло, когда звукъ выстрѣла доходитъ до насъ. Рѣшающія событія совершаются въ мысли.

Аміель.

2.

Изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія.

Мѳ. XV, 19.

3.

Дѣйствія не такъ добры или порочны, какъ наши желанія.

Вовенаргъ.

4.

Много хуже дурного поступка тѣ мысли, отъ которыхъ происходятъ всѣ дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться въ немъ; дурные же мысли родятъ всѣ дурные поступки. Дурной поступокъ только накатываетъ дорогу къ дурнымъ поступкамъ; дурныя же мысли неудержимо влекутъ по этой дорогѣ.

5.

Вдаль несутся безтѣлесные помыслы, тихо крадутся они, глубоко сокровенные; кто подчинитъ ихъ себѣ, кто обуздаетъ ихъ, тотъ освободится отъ ихъ соблазна.

Буддійская мудрость.

6.

Думай хорошо, и мысли созрѣютъ въ слова, а слова—это сѣмена поступковъ, и никто не знаетъ, какъ будетъ велико ихъ значеніе.

7.

Все дѣло въ мысляхъ. Мысль начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дѣло совершенствованія: работать надъ мыслями.

Когда тебя постигаютъ несчастія, ищи причину ихъ не столько въ поступкахъ твоихъ, сколько въ мысляхъ, побудившихъ тебя къ совершенію ихъ. Точно такъ же и когда совершающіяся внѣшнія событія огорчаютъ, возмущаютъ тебя, ищи причины ихъ не въ предшествующихъ поступкахъ людей, а въ предшествующихъ мысляхъ, вызвавшихъ поступки.

10-е августа.

Говорятъ: человѣкъ не свободенъ, потому что все, что онъ дѣлаетъ, имѣетъ свою, предшествующую во времени, причину. Но человѣкъ дѣйствуетъ всегда только въ настоящемъ, а настоящее внѣ времени, оно только точка соприкосновенія двухъ временъ: прошедшаго и будущаго, и потому въ моментъ настоящаго человѣкъ всегда свободенъ.

1.

Спросили у мудреца, какое время въ жизни самое важное, какой человѣкъ самый важный и какое дѣло самое важное.

И мудрецъ отвѣтилъ: „Время самое важное одно настоящее, потому что въ немъ одномъ человѣкъ властенъ надъ собою.

„Человѣкъ самый важный тотъ, съ кѣмъ въ эту настоящую минуту ты имѣешь дѣло, потому что никто не можетъ знать, будетъ ли онъ еще имѣть дѣло съ какимъ-либо другимъ человѣкомъ.

„Дѣло же самое важное то, чтобы быть въ любви съ этимъ человѣкомъ, потому что только для того, чтобы быть въ любви со всѣми людьми, посланъ человѣкъ въ жизнь“.

2.

Что такое день? Только образчикъ той вѣчности, въ которой мы будемъ жить и теперь живемъ. Мартино.

3.

Никогда не вернешь потеряннаго времени, никогда не исправишь сдѣланнаго зла.

Джонъ Рёскинъ.

4.

Самыя возвышенныя соображенія о жизни яснѣе всего проявляются въ самыхъ незначительныхъ условіяхъ.

Только сознаніе всегдашняго присутствія Бога и ожиданіе будущей жизни могутъ поддерживать миръ и святость въ семьяхъ, спокойствіе въ душѣ и духъ милосердія въ сердцѣ.

Только тогда мы сумѣемъ воспользоваться каждой минутой, когда мы будемъ увѣрены въ своей вѣчности.

Только когда мы внесемъ въ нее высоту нашего духа, самая ничтожная обязанность не будетъ казаться намъ низкою.

Мартино.

Настоящее есть то состояніе, въ которомъ одномъ проявляется наша божественная сущность. Будемъ же благоговѣть передъ настоящимъ,—въ немъ Богъ.

11-е августа.

Умираетъ человѣкъ одинъ; также одинокимъ чувствуетъ себя человѣкъ и въ своей внутренней жизни.

1.

Счастливѣе всего та страна, которая мало или вовсе не нуждается во ввозѣ; также счастливѣе всѣхъ тотъ человѣкъ, который довольствуется своимъ внутреннимъ богатствомъ и для своего существованія нуждается въ немногомъ или вовсе ни въ чемъ извнѣ; подвозъ извнѣ дорого обходится, порождаетъ зависимость, влечетъ за собой опасности, вызываетъ досаду, а въ концѣ концовъ служитъ плохой замѣной продуктовъ собственной почвы. Отъ другихъ, вообще, извнѣ—нельзя ожидать многаго, въ какомъ бы то ни было отношеніи. То, чѣмъ одинъ можетъ быть для дру-

гого, — ограничено очень тѣсными рамками: въ концѣ концовъ каждый остается самъ съ собой и тогда весь вопросъ въ томъ, *кто* тотъ, съ кѣмъ приходится человѣку оставаться, когда онъ остается самъ съ собой.

Шопенгауэръ.

2.

Если съ нами случается какая-нибудь непріятность или мы попадаемъ въ какое-нибудь затрудненіе, то всѣ мы бываемъ склонны обвинять въ этомъ другихъ людей или судьбу свою, вмѣсто того, чтобы сообразить, что если внѣшнее, отъ насъ не зависящее, становится для насъ непріятностью или затрудненіемъ, то значитъ, въ насъ самихъ что-нибудь не въ порядкѣ.

Эпиктетъ.

3.

То, что человѣкъ сдѣлаетъ, тѣмъ онъ и владѣетъ. Пусть никто не считаетъ ничего прочнымъ добромъ, кромѣ того, что находится въ немъ самомъ и что должно расти въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ.

Эмерсонъ.

4.

Самъ творишь злое—самъ страждешь; самъ бѣжишь отъ грѣховнаго — самъ же очищаешь себя отъ зла. Самъ ты дѣлаешь себя чистымъ и нечистымъ, и никто иной не будетъ твоимъ спасителемъ.

Буддійская мудрость.

5.

Душа и плоть—вотъ что человѣкъ считаетъ своимъ, о чемъ безпрестанно печется. Но знай, что самъ ты, сущность твоя, — въ духѣ. Проникайся этимъ сознаніемъ, вознеси свой духъ выше плоти, соблюдай его отъ всякой житейской внѣшней грязи, не давай плоти подавлять его, не отождествляй своей жизни съ плотью, а слейся съ жизнью духа твоего, тогда исполнишь всякую правду и безмятежно проживешь во власти Бога, исполняя призваніе свое.

Маркъ Аврелій.

У каждаго человѣка есть глубина внутренней жизни, сущность которой нельзя сообщить другому. Иногда хочется передать это людямъ. Но это невозможно, да и не нужно.

Потребность эта есть потребность общенія съ Богомъ. Устанавливай это общеніе и не нарушай тайны твоей съ Высшимъ духомъ.

Недѣльное чтеніе.

Одиночество.

Послѣ веселаго обѣда въ холостой компаніи мой старый пріятель сказалъ мнѣ:

— Не хочешь ли пройтись по Елисейскимъ полямъ?

И мы пошли, медленно шагая, по длинной аллеѣ между деревьями, слабо одѣтыми листвой. Ни малѣйшаго шума, кромѣ этого вѣчнаго глухого гула отъ непрерывнаго парижскаго движенія. Свѣжій вѣтерокъ дулъ намъ въ лицо и по темному небу разсыпалась золотистая пыль безчисленныхъ звѣздъ.

Товарищъ мой заговорилъ:

— Не знаю почему, но ночью мнѣ здѣсь дышится легче, чѣмъ гдѣ-либо. Мысль моя какъ будто растетъ. Минутами умъ мой озаряется яркими проблесками свѣта, и мнѣ въ эти мгновенія кажется, что мы отгадаемъ божественную тайну жизни. Но окно захлопывается... И кончено.

Двойныя тѣни мелькали порой между деревьями; мы прошли мимо скамейки; рядкомъ сидѣвшая на ней парочка сливалась въ одно темное пятно.

Мой пріятель проговорилъ:

— Жалкіе люди! Не отвращеніе, а безпредѣльную жалость чувствую я къ нимъ. Изъ всѣхъ тайнъ человѣческой жизни я постигъ только одну: пытка нашего существованія въ томъ, что мы вѣчно одиноки, и все, что мы дѣлаемъ, мы дѣлаемъ, чтобы бѣжать отъ этого одиночества. Вонъ и эти влюбленныя парочки на скамейкахъ подъ открытымъ небомъ ищутъ возможности, какъ и мы, какъ и

всѣ живыя существа, хотя бы на мгновеніе избѣжать своего одиночества, но они остаются и вѣчно останутся одинокими; и мы тоже.

Одни люди чувствуютъ это сильнѣе, другіе слабѣе, вотъ и все.

Съ нѣкотораго времени я испытываю невыносимую пытку: я понялъ, я постигъ мое страшное одиночество, и знаю, что ничто,— понимаешь ли?— ничто въ мірѣ не въ силахъ прекратить его. Всѣ наши попытки, старанія, порывы сердца, всѣ призывы нашихъ устъ, всѣ наши объятія тщетны и тщетны,— мы всегда одиноки.

Я увлекъ тебя сюда, на эту прогулку, чтобы не идти домой,— меня теперь невыносимо мучаетъ одиночество моей квартиры. Но и это ни къ чему. Я говорю, ты меня слушаешь, мы идемъ вдвоемъ, рядомъ, вмѣстѣ, но каждый изъ насъ одинъ. Понимаешь ли ты меня?

„Блаженны нищіе духомъ“, говоритъ писаніе. Эти не утратили призрака счастья. Они не вѣдаютъ нашего горя одиночества, они не бредутъ по жизненному пути, какъ я, соприкасаясь съ людьми только локтями, безъ иной радости, кромѣ эгоистическаго удовлетворенія тѣмъ, что понимаешь, видишь, угадываешь и безъ конца страдаешь отъ сознанія своего вѣчнаго одиночества.

Ты думаешь, что я сошелъ съ ума. Правда?

Но выслушай меня. Съ тѣхъ поръ, какъ я почувствовалъ одиночество моего существованія, мнѣ кажется, что я съ каждымъ днемъ все больше погружаюсь въ какое-то мрачное подземелье, краевъ и конца котораго я не вижу и изъ котораго, можетъ-быть, нѣтъ и выхода. Я иду по немъ, но ни со мной, ни рядомъ нѣтъ ни одного живого существа. Подземелье—это наша жизнь. Порой я слышу шумъ, голоса, крики... Я ощупью спѣшу на нихъ. Но откуда они раздаются, я никогда навѣрное не знаю; я не встрѣчаю никого, не нахожу руки другого человѣка въ мракѣ, окружающемъ меня. Понимаешь ли?

Были люди, которые иногда угадывали это ужасное страданіе. Мюссе восклицаетъ:

Кто тамъ идетъ? Зоветъ меня? Никто.
Одинъ я, какъ всегда,—пробилъ часъ.
О одиночество! О нищета!

Но у него это было мимолетное сомнѣніе, а не полная достовѣрность, какъ у меня. Онъ былъ поэтъ, наполнялъ жизнь призраками, грезами. Онъ никогда не былъ вполнѣ одинокъ, какъ я.

Густавъ Флоберъ, этотъ великій несчастный міра сего, потому что былъ изъ числа немногихъ великихъ провидцевъ, писалъ другу-женщинѣ слѣдующія отчаянныя слова: „Мы всѣ въ пустынѣ; никто никого не понимаетъ".

Да, никто никого не понимаетъ; что бы мы ни думали, что бы ни говорили, что бы ни дѣлали,—никто никого не понимаетъ. Знаетъ ли земля, что творится на этихъ звѣздахъ, разбросанныхъ какъ огненныя зерна въ пространствѣ такъ далеко, что мы видимъ только самую незначительную часть ихъ, тогда какъ остальныя безчисленныя ихъ полчища теряются въ безконечности? А можетъ-быть, эти звѣзды такъ близки другъ къ другу, что составляютъ одно цѣлое, какъ молекулы одного тѣла?

И какъ земля не знаетъ, что творится на этихъ звѣздахъ, такъ и человѣкъ не знаетъ, что происходитъ въ другомъ человѣкѣ. Мы дальше другъ отъ друга, чѣмъ эти свѣтила, а главное — болѣе разъединены, потому что мысль бездонна.

Что можетъ быть ужаснѣе этого постояннаго соприкосновенія существъ при невозможности слиться съ ними? Мы любимъ такъ, какъ будто мы прикованы близко другъ къ другу, и, простирая руки, мы не можемъ соединиться. Мучительная потребность единенія гложетъ насъ; но всѣ наши усилія тщетны, порывы безплодны, изліянія безполезны, объятія безсильны, ласки пусты. Мы хотимъ слиться, но, при всѣхъ нашихъ стремленіяхъ, мы только стукаемся другъ о друга. Я больше всего чувствую себя одинокимъ, когда отдаю свое сердце другому человѣку: тогда эта невозможность становится мнѣ еще очевиднѣе. Вотъ онъ—этотъ человѣкъ,—онъ смотритъ на меня своими ясными глазами, но душу его, позади ихъ, я не знаю. Онъ слушаетъ меня. А что онъ думаетъ? Да, что онъ думаетъ? Ты не понимаешь этой муки? Можетъ-быть, онъ ненавидитъ, презираетъ меня, насмѣхается надо мной? Онъ взвѣшиваетъ всѣ мои слова, судитъ, глумится, осуждаетъ меня, считаетъ меня посредственностью или глупцомъ? Какъ знать, что онъ думаетъ? Какъ знать, любитъ

ли онъ меня такъ же, какъ я его, и что шевелится въ его маленькой круглой головѣ? Какая страшная тайна—неизвѣстная мысль другого существа, мысль скрытая и свободная, которую мы не можемъ ни знать, ни направлять, ни обуздать, ни побѣдить.

А я?.. Какъ я ни стараюсь отдаться, раскрыть всѣ двери моей души, — мнѣ это невозможно. Всегда на днѣ, на самомъ днѣ, остается тайный уголокъ моего „я", куда никто не проникаетъ. Никто не въ силахъ открыть его, войти туда, потому что никто не похожъ на меня, и никто никого не понимаетъ.

По крайней мѣрѣ въ эту минуту понимаешь ли ты меня?—Нѣтъ. Ты считаешь меня безумнымъ! Ты меня разсматриваешь, ты остерегаешься меня! Ты задаешь себѣ вопросъ: что съ нимъ? Но если когда-нибудь тебѣ удастся понять мое ужасное и утонченное страданіе, о, приди тогда, чтобы сказать только: „я понялъ тебя",— и я хоть на мгновеніе буду счастливъ.

Женщины въ особенности заставляютъ меня сильнѣе чувствовать мое одиночество.

О горе, горе! Какъ я страдалъ отъ нихъ! Онѣ чаще мужчинъ вызывали во мнѣ ложную надежду на то, что я не одинокъ.

Когда вступаешь въ любовь, кажется, что расширяешься, тебя охватываетъ нечеловѣческое блаженство. Знаешь ли отчего? Знаешь ли, откуда это ощущеніе огромнаго счастья? Единственно отъ того, что воображаешь себя уже не одинокимъ. Одиночество, отчужденіе человѣческаго существа, повидимому, кончилось. Какое жалкое заблужденіе!

Женщина еще сильнѣе насъ мучится тою вѣчною потребностью любви, которая гложетъ наше одинокое сердце; эта-то женщина и составляетъ главную ложь мечты.

Тебѣ знакомы сладостные часы лицомъ къ лицу съ этимъ существомъ, длинноволосымъ, плѣнительнымъ, одни взоры котораго сводятъ насъ съ ума. Безумный восторгъ туманитъ умъ! Чудная иллюзія охватываетъ насъ! Кажется, что вотъ-вотъ она и я сольемся въ одно. Но это только кажется, и послѣ недѣль ожиданій, надеждъ и лживыхъ радостей я еще сильнѣе, чѣмъ прежде, чувствую себя одинокимъ.

Послѣ каждаго поцѣлуя, послѣ каждаго объятія одиночество растетъ. И какъ оно ужасно, какъ мучительно! Поэтъ Сюлли Прюдомъ говоритъ:

Всѣ ласки—одни безумные порывы,
Безплодныя попытки жалкой любви
Достигнуть союзомъ тѣлъ невозможнаго сліянія душъ.

И потомъ прощай. Все кончено! Мы едва узнаемъ ту женщину, которая на мгновеніе была для насъ всѣмъ и задушевную мысль которой, конечно пошлую, мы даже никогда не знали.

Даже въ тѣ минуты, когда намъ кажется, что въ таинственномъ согласіи нашихъ существъ, въ полномъ смѣшеніи желаній и всѣхъ стремленій мы проникли въ самую глубь ея души,— слово, одно слово, случайно сказанное ею, раскрываетъ нашъ самообманъ и, какъ молнія ночью, освѣщаетъ пропасть, лежащую между нами.

И все-таки ничего нѣтъ лучше этихъ вечеровъ съ любимою женщиной,— вечеровъ молчаливыхъ, когда чувствуешь себя почти счастливымъ отъ одного ея присутствія. Не будемъ требовать большаго, потому что никогда два существа не сольются вмѣстѣ!

Что до меня касается, то я теперь отъ всѣхъ замкнулъ мою душу. Я никому не говорю, во что я вѣрю, что я думаю, что люблю. Зная, что я осужденъ на ужасное одиночество, я равнодушно гляжу на все и не высказываюсь. Что мнѣ за дѣло до чужихъ мнѣній, ссоръ, удовольствій и вѣрованій. Не будучи въ состояніи дѣлиться ничѣмъ съ людьми, я безучастенъ ко всему. Моя невидимая мысль остается неизвѣданной. У меня есть банальныя фразы въ отвѣтъ на обыденные вопросы и улыбка, когда мнѣ не хочется отвѣчать.

Понимаешь ли ты меня?

Мы прошли всю длинную аллею до Тріумфальной арки Звѣзды, спустились до площади Согласія; онъ говорилъ медленно и высказалъ еще многое другое, чего я даже не запомнилъ.

Наконецъ онъ остановился передъ высокимъ гранитнымъ обелискомъ, стоящимъ на парижской мостовой. При свѣтѣ звѣздъ едва обрисовывался длинный египетскій профиль этого памятника

въ изгнаніи, на бокахъ котораго странными знаками начертана исторія его страны. И вдругъ движеніемъ руки мой пріятель указалъ на этотъ обелискъ и воскликнулъ:

— Всѣ мы—какъ этотъ камень!

И онъ ушелъ, не сказавъ больше ни слова.

Былъ ли онъ пьянъ, сумасшедшій или мудрый, я и теперь не знаю. Порой мнѣ кажется, что онъ правъ, порой — что онъ сошелъ съ ума.

Гюи де-Мопасанъ.

12-е августа.

Крестъ, который несетъ человѣкъ, состоитъ изъ большой отвѣсной части, представляющей волю Бога, и меньшей поперечной части, представляющей волю человѣка. Приведи свою волю въ одно направленіе съ волей Бога, и вся тяжесть креста уничтожается.

1.

Человѣкъ, который ищетъ счастія во внѣшнемъ благополучіи, строитъ свой домъ на пескѣ; прочное счастіе можетъ дать лишь та гармонія внутренней жизни, которая возникаетъ при слѣдованіи велѣніямъ божественной благости. Люси Малори.

2.

Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ. Лк. XI, 23.

3.

Въ состояніяхъ людей есть соединеніе добраго и злого, но въ стремленіяхъ людей нѣтъ такого смѣшенія. Стремленіе—все доброе—въ исполненіи воли Бога, или все злое—въ исполненіи воли своего животнаго существа.

4.

Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Ін. XVI, 23.

5.

Судьба сокрушаетъ насъ двоякимъ образомъ: отказывая намъ въ нашихъ желаніяхъ и исполняя ихъ. Но тотъ, кто хочетъ только того, чего хочетъ Богъ, избѣгаетъ обѣихъ бѣдъ. „Все обращается къ его благу". Аміель.

6.

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать отъ другихъ людей, то люди не могутъ быть страшными для тебя, какъ

пчелѣ не страшна другая пчела, какъ лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти другихъ людей, то ты непремѣнно будешь бояться людей.

Съ этого и надо начать: надо отрѣшиться отъ всего того, что намъ не принадлежитъ, отрѣшиться настолько, чтобы оно не было нашимъ хозяиномъ, отрѣшиться отъ привязанности къ своему тѣлу и ко всему, что нужно для него; отрѣшиться отъ любви къ богатству, къ славѣ, должностямъ, почестямъ; въ этомъ смыслѣ отрѣшиться отъ своихъ дѣтей, жены, братьевъ. Надо сказать себѣ, что все это не есть наша собственность.

Тогда не понадобится намъ уничтожать людское насиліе насиліемъ. Вотъ тюрьма. Какой вредъ мнѣ, моей душѣ, отъ того, что она стоитъ? Зачѣмъ мнѣ разрушать ее, зачѣмъ нападать на людей, производящихъ насиліе, и убивать ихъ? Ихъ тюрьмы, цѣпи, оружіе не поработятъ моего духа. Тѣло мое могутъ взять, но духъ мой свободенъ, и ему никто ни въ чемъ не можетъ помѣшать, и потому живу я такъ, какъ я хочу.

А какъ я дошелъ до этого? Я подчинилъ свою волю волѣ Бога: хочетъ Онъ, чтобы у меня была лихорадка? И я этого хочу. Хочетъ Онъ, чтобы я дѣлалъ это, а не то? И я этого хочу. Хочетъ Онъ, чтобы со мною что-нибудь случилось? И я этого хочу. Не хочетъ Онъ, и я не хочу. Хочетъ Онъ, чтобы я умеръ, чтобы меня подвергли пыткѣ? И я хочу умереть, хочу перенести пытку.

Эпиктетъ.

7.

Та душа велика, которая предается Богу; та же, напротивъ, мелочна и развращена, которая возстаетъ противъ Бога, осуждаетъ законы, управляющіе міромъ, и предпочитаетъ исправлять Бога, а не самого себя.

Сенека.

8.

Приведи себя въ согласіе со всемірнымъ закономъ, прими волю Бога, религіозно трать данную тебѣ жизнь, трудись, покуда свѣтло, будь и серьезенъ и радостенъ. Умѣй повторять вмѣстѣ съ апостоломъ: „Я научился быть доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ нахожусь“.

Аміель.

9.

Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнáетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю.

Iн. VII, 17.

Не только избавленіе отъ бѣдъ, не только спокойствіе даются сліяніемъ своей воли съ волей Бога, но этимъ только путемъ получается познаніе Бога и вѣра въ безсмертіе.

13-е августа.

Житейская мудрость въ томъ, чтобы жить какъ всѣ; истинная мудрость въ томъ, чтобы жить согласно разуму, хотя бы такая жизнь была осуждаема всѣми.

1.

Когда истина представляется ея врагамъ въ неопровержимой формѣ, тогда они пускаютъ въ ходъ послѣднее средство, имѣющееся въ ихъ распоряженіи: это—очерненіе людей, выражающихъ истину. Но, закидывая грязью людей, выражающихъ истину, они лишь покрываютъ землей сѣмя истины, и оно выростаетъ тѣмъ быстрѣе.

Люси Малори.

2.

Негодуетъ на насъ Небо за наши грѣхи, а міръ—за наши добродѣтели.

Талмудъ.

3.

Не интересуйся количествомъ, а качествомъ твоихъ почитателей: не нравиться дурнымъ—для человѣка похвально.

Сенека.

4.

Человѣческій разумъ—это божественный свѣтильникъ, свѣтъ отъ котораго проникаетъ въ самую глубь вещей.

Восточная мудрость.

5.

Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Iн. XV, 20.

6.

Если мы сидимъ въ движущемся кораблѣ и смотримъ на какой-нибудь предметъ на этомъ же кораблѣ, то намъ незамѣтно наше движеніе; если же мы посмотримъ въ сторону на предметъ, который не движется вмѣстѣ съ нами, напримѣръ, на берегъ, то мы тотчасъ же замѣтимъ свое движеніе. То же бываетъ въ жизни. Когда всѣ люди живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то это незамѣтно, но лишь только одинъ опомнится и заживетъ по-Божьи, тотчасъ же становится очевиднымъ, какъ скверно поступаютъ остальные, и остальные за это гонятъ его. Паскаль.

7.

Природа человѣка разсматривается съ двухъ сторонъ: со стороны своего назначенія, и тогда онъ великъ и непостижимъ; или со стороны привычки (какъ мы судимъ о природѣ лошади, собаки, по привычкѣ видѣть въ нихъ достоинства бѣга), и тогда человѣкъ низокъ и гадокъ. Съ этихъ двухъ сторонъ составляютъ философы свои сужденія о человѣкѣ. И одни отрицаютъ положенія другихъ. Одни говорятъ: онъ не рожденъ для высшаго назначенія,—всѣ дѣла его противны этому; другіе говорятъ: онъ только удаляется отъ своего назначенія, когда онъ совершаетъ низкіе поступки. Паскаль.

Ошибочно огорчаться преслѣдованіями, нападками и гоненіями противъ мудрости. Мудрость была бы не мудрость, если бы она не обличала безуміе дурной жизни. А люди были бы не люди, если бы они, не перемѣнивъ свою жизнь, спокойно могли перенести обличенія.

14-е августа.

Люди такъ привыкли къ поддержанію внѣшняго порядка жизни насиліемъ, что жизнь людей безъ насилія представляется имъ невозможною. А между тѣмъ, если люди насиліемъ учреждаютъ справедливую (по внѣшности) жизнь, то тѣ люди, которые учреждаютъ такую жизнь, должны знать, въ чемъ справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могутъ знать, въ чемъ справедливость и могутъ быть справедливыми, то почему же всѣмъ людямъ не знать этого и не быть справедливыми?

1.

Сила есть то орудіе, посредствомъ котораго невѣжество заставляетъ своихъ послѣдователей дѣлать тѣ дѣла, къ которымъ они по природѣ своей несклонны; и (подобно попыткѣ заставить воду идти выше своего уровня) въ тотъ моментъ, когда орудіе это перестанетъ дѣйствовать, прекращаются и его послѣдствія. Убѣжденіе же, напротивъ,—подобно спуску, сдѣланному въ рѣкѣ, который нужно только сдѣлать, для того чтобы рѣка текла сама собой безъ нашего вниманія и усилія. Есть только два средства направлять человѣческую дѣятельность. Одно въ томъ, чтобы завладѣть склонностями, убѣдить разсужденіемъ, и другое въ томъ, чтобы заставить дѣйствовать человѣка противно его склонностямъ и сужденіямъ. Одинъ способъ подтверждается опытомъ и всегда увѣнчивается успѣхомъ, другой употребляется невѣжествомъ, и послѣдствія его—разочарованіе. Когда ребенокъ кричитъ, чтобы ему дали погремушку, онъ хочетъ силою получить ее. Когда родители бьютъ своихъ дѣтей, то это съ тѣмъ, чтобы силою заставить ихъ вести себя хорошо. Когда пьяный мужъ бьетъ свою жену, то онъ дѣлаетъ это въ виду исправленія ея силою. Когда преступникъ наказывается, то это дѣлается для того, чтобы улучшить міръ силою. Когда одинъ человѣкъ судится съ другимъ, то это съ тѣмъ, чтобы достигнуть справедливости посредствомъ силы. Когда священникъ говоритъ объ ужасахъ адскихъ мученій, то дѣлаетъ онъ это съ цѣлью направить своихъ слушателей на небо

силою. Когда одинъ народъ воюетъ съ другимъ, то цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти желательное положеніе силою. И удивительное дѣло: и до сихъ поръ невѣжество вело и ведетъ человѣчество тѣмъ самымъ путемъ насилія, который всегда ведетъ къ разочарованію.

Комбъ.

2.

Право сильнаго не есть право, но простой фактъ, который можетъ быть правымъ, только покуда не встрѣчаетъ протеста и сопротивленія. Это какъ бы холодъ, тьма, тяжесть, которыя должны быть переносимы до тѣхъ поръ, покуда не найдешь отопленія, освѣщенія, рычага. Вся человѣческая промышленность есть освобожденіе изъ-подъ власти грубой природы; прогрессъ же справедливости есть не что иное, какъ рядъ ограниченій, которымъ подвергалась тиранія сильнаго. Какъ медицина состоитъ въ побѣдѣ надъ болѣзнью, такъ благо состоитъ въ побѣдѣ надъ слѣпымъ звѣрствомъ и необузданными вожделѣніями человѣка-звѣря. Такимъ образомъ, я вижу всегда одинъ и тотъ же законъ, возрастающее освобожденіе личности, восхожденіе всего существа въ жизни къ благу, къ справедливости, къ мудрости. Алчная жадность есть точка отправленія; разумное великодушіе есть точка достиженія.

Аміель.

3.

Несправедливъ тотъ человѣкъ, который дѣлаетъ что-нибудь посредствомъ насилія; нѣтъ, только тотъ, кто различаетъ оба пути— правды и неправды, кто поучаетъ другихъ и руководитъ ими не насиліемъ, но закономъ и справедливостью, кто вѣренъ правдѣ и разуму,—тотъ только назовется истинно правдивымъ.

Не тотъ мудрецъ, кто держитъ добрыя и красивыя рѣчи, но кто терпѣливъ, свободенъ отъ ненависти и свободенъ отъ боязни,— тотъ только истинно мудрый человѣкъ.

Буддійская мудрость.

4.

Безъ Бога можно принуждать, но не убѣждать; можно стать тираномъ, но не воспитателемъ и не апостоломъ.

Іосифъ Мадзини.

5.

Изъ того, что возможно насиліемъ подчинить людей справедливости, вовсе не слѣдуетъ, чтобы было справедливо подчинять людей насилію.

Паскаль.

6.

Насиліе производитъ только подобіе справедливости, но удаляетъ людей отъ возможности жить справедливо безъ насилія.

Люди—разумныя существа и потому могутъ жить, руководясь разумомъ, и неизбѣжно должны замѣнить насиліе свободнымъ согласіемъ. Всякое же совершаемое теперь насиліе отдаляетъ это время.

15-е августа.

Есть только одно несомнѣнное знаніе, которое человѣкъ получаетъ изъ самого себя, изъ своего сознанія. Оно же и самое нужное.

1.

Ты боишься, что тебя будутъ презирать за твою кротость, но люди справедливые не могутъ презирать тебя за это, а до другихъ людей тебѣ дѣла нѣтъ,—не обращай вниманія на ихъ сужденія. Не станетъ же искусный столяръ огорчаться тѣмъ, что человѣкъ, ничего не понимающій въ столярномъ дѣлѣ, не одобряетъ его хорошей работы.

Не думай, что злые люди могутъ повредить тебѣ. Развѣ можетъ кто-нибудь повредить твоей душѣ. Такъ чѣмъ же ты смущаешься?

Я смѣюсь про себя надъ тѣми, которые думаютъ, что они могутъ повредить мнѣ: они не знаютъ, ни кто я, ни того, въ чемъ я полагаю добро и зло; они не знаютъ, что они не могутъ даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чѣмъ однимъ я живу.

Эпиктетъ.

2.

Большинство людей хочетъ знать Бога и не хочетъ знать самихъ себя. Но пусть они признаютъ и возрастятъ добро внутри себя, и они узнаютъ тогда Бога, ибо нѣтъ иного пути къ Его познанію. Люси Малори.

3.

Когда человѣкъ спрашиваетъ природу о томъ, что такое онъ,— онъ не получаетъ отвѣта, ибо только онъ самъ есть отвѣтъ на этотъ вопросъ; онъ долженъ познать самого себя.

Люси Малори.

4.

Когда чувствуешь потребность силы—уединись.

Торо.

5.

Путь къ славѣ пролегаетъ черезъ дворцы, къ счастью—черезъ базары, а къ добродѣтели—черезъ пустыни.

Китайская пословица.

6.

Для огромнаго большинства ихъ внутренній міръ есть какъ бы океанъ, настолько обширный, что они не рѣшаются изслѣдовать его; но рано или поздно имъ придется войти въ него и искать въ немъ того небеснаго пристанища, котораго они тщетно искали во внѣшнемъ мірѣ. Люси Малори.

Только въ своей душѣ находитъ человѣкъ силу для исполненія своего истиннаго назначенія въ мірѣ.

16-е августа.

Мы неразрывно соединены духовной связью не только со всѣми людьми, но и со всѣми живыми существами.

1.

Кто-то сказалъ мнѣ однажды, что въ каждомъ человѣкѣ таится нѣчто очень хорошее и человѣколюбивое, а также и нѣчто очень дурное и недоброжелательное; и смотря по тому, какъ онъ расположенъ, проявляется то одно, то другое. Это совершенно вѣрно!

Видъ чужихъ страданій вызываетъ не только въ разныхъ людяхъ, но и въ одномъ человѣкѣ одинъ разъ безграничное страданіе, а другой разъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое можетъ усилиться до самаго жестокаго злорадства.

Я и самъ на себѣ замѣчаю, что на всѣ существа я смотрю иногда съ задушевнымъ состраданіемъ, иногда съ величайшимъ равнодушіемъ, а подчасъ съ ненавистью и даже злорадствомъ.

Все это служитъ явнымъ указаніемъ на то, что у насъ есть два различныхъ и даже прямо противоположныхъ способа познанія: одинъ — по принципу обособленности, разобщенности, отчужденности; когда всѣ существа кажутся намъ совершенно чуждыми, когда они—рѣшительно не *я*: мы не можемъ тогда къ нимъ чувствовать ничего, кромѣ равнодушія, зависти, ненависти, злорадства.

И другой способъ познанія, который мнѣ хотѣлось бы назвать познаніемъ по сознанію нашего единства со всѣми. При этомъ способѣ познанія всѣ существа кажутся намъ тождественными съ нашимъ *я*, и потому видъ ихъ вызываетъ въ насъ состраданіе и любовь.

Одинъ типъ раздѣляетъ насъ другъ отъ друга непроницаемой стѣной, другой убираетъ стѣну, и мы сливаемся въ одно. Одинъ способъ научаетъ насъ чувствовать относительно каждаго существа, что оно—*я*, а другой,—что оно—*не я*. Шопенгауэръ.

2.

Всѣ люди—одного происхожденія, подлежатъ одному закону и всѣ предназначены къ одной цѣли.

И потому у васъ должна быть одна вѣра, одна цѣль поступковъ, одно знамя, подъ которымъ всѣ должны сражаться. Поступки, слезы и мученичество есть общій всему человѣчеству языкъ, который понимаютъ всѣ. Іосифъ Мадзини.

3.

Въ каждый моментъ нашей жизни мы должны стараться отыскивать не то, что насъ отдѣляетъ отъ другихъ людей, а то, что у насъ съ ними общаго. Джонъ Рёскинъ.

Нельзя сказать, чтобы не только африканскіе негры, но обезьяны и собаки, лошади, птицы не были бы наши братья. Если сказать, что они чужіе намъ, то почему же не сказать, что и африканскіе негры чужіе намъ, а если они чужіе, то не чужіе ли и люди другого, чѣмъ мы, цвѣта? Кто же ближній? На это есть только одинъ отвѣтъ притчи о самарянинѣ и не только по отношенію человѣка, но по отношенію всего живого. Не спрашивай, кто ближній, а дѣлай добро, сострадай, служи всему живому.

17-е августа.

Какая необходимая приправа ко всему—доброта! Самыя лучшія качества безъ доброты ничего не стоятъ, и самые худшіе пороки съ нею прощаются.

1.

Есть доброта природная, зависящая отъ внѣшнихъ и тѣлесныхъ причинъ — отъ наслѣдственности, хорошаго пищеваренія, отъ успѣха. Доброта эта очень пріятна и для того, кто испытываетъ ее, и для другихъ людей. И есть доброта, происходящая отъ духовной, внутренней работы. Такая доброта менѣе привлекательна, но за то первая можетъ не только исчезнуть, но превратиться въ злобу; вторая же не только никогда не исчезаетъ, но постоянно увеличивается.

2.

Если, дѣлая дѣло, которое считаешь добрымъ, испытываешь страданіе враждебности или заставляешь другихъ испытывать враждебность къ себѣ, тотчасъ остановись: значитъ, ты не умѣешь еще дѣлать то дѣло, за которое взялся. Больно физически или духовно, враждебно,—остановись дѣлать и, съ одной стороны, учись дѣлать безъ боли, съ другой—устрани то, отъ чего больно.

3.

Мы должны цѣнить даже одну только видимость добра въ другихъ людяхъ, потому что изъ этой игры притворства, которою они добываютъ себѣ уваженіе,—можетъ быть и незаслуженное,—въ концѣ концовъ можетъ возникнуть, пожалуй, нѣчто серьезное.

Только видимость добра въ *насъ самихъ* мы должны безпощадно стирать,—срывать тотъ покровъ, которымъ самолюбіе прикрываетъ наши недостатки.

Кантъ.

4.

Совершонное добро радуетъ, но не удовлетворяетъ. Всегда кажется, что надо было сдѣлать больше.

5.

Сколько ни сдѣлаешь добра, всегда останется пожелать еще большаго.

Конфуцій.

6.

Не существуетъ непосредственной склонности къ дурнымъ въ нравственномъ отношеніи поступкамъ, но несомнѣнно есть такая непосредственная склонность къ хорошимъ поступкамъ.

Кантъ.

7.

Святой не имѣетъ непреклоннаго сердца. Онъ приноравливаетъ свое сердце къ сердцамъ всѣхъ людей. Къ добродѣтельному человѣку онъ относится какъ къ добродѣтельному, а къ порочному—какъ къ человѣку, способному къ добродѣтели.

Восточная мудрость.

8.

Чѣмъ человѣкъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ добра въ людяхъ.

Паскаль.

9.

Возбуждать доброту есть важная часть дѣла жизни.

Джонсонъ.

10.

Для того, чтобы находить радость въ служеніи людямъ и вообще живымъ существамъ, надо прежде всего пріучить себя не дѣлать зла людямъ и живымъ существамъ, не строить свою жизнь на страданіяхъ и жизни другихъ.

Доброта основное свойство души. Если человѣкъ не добръ, то онъ подвергся какому-либо обману, соблазну, страсти, которые нарушили это его естественное свойство.

18-е августа.

Христіанство потому и истинно, что оно, отвѣчая на самые отвлеченные вопросы, этимъ самымъ отвѣтомъ разрѣшаетъ и самые практическіе вопросы жизни. Оно устанавливаетъ царство Бога въ духовномъ мірѣ каждаго человѣка и въ общественной жизни людей.

1.

Спросите у этихъ милліоновъ людей, которые называютъ себя христіанами, что такое христіанство, и они отвѣтятъ вамъ, что быть христіанами это значитъ примыкать къ извѣстному ученію. А между тѣмъ, исповѣдующіе это ученіе всѣ несогласны между собой. Одни говорятъ, что надо вѣрить такъ, другіе—иначе, и изъза этихъ разногласій возникаютъ обвиненія и ненависть, даже пре-

слѣдованія, доходящія до кровопролитія. Если бъ въ этомъ было истинное христіанство, какъ бы могъ Христосъ быть освободителемъ, спасителемъ народовъ, быть тѣмъ, кого ждалъ родъ человѣческій? Но Онъ самъ даетъ намъ совсѣмъ другое представленіе о Своей миссіи. Онъ посланъ для того, чтобы принести бѣднымъ *благую вѣсть*, вывести ихъ изъ состоянія униженія, вернуть имъ пользованіе наслѣдствомъ, которое отняла у нихъ беззаконная сила. И еще для чего? Для того, чтобы излѣчить сердца, разбитыя страданіемъ, муками, притѣсненіями; чтобы объявить слѣпымъ, что они увидятъ, что они больше не будутъ лишены свѣта, въ которомъ имъ отказываютъ властители для того, чтобы, оскотинившіеся въ невѣжествѣ, они терпѣливѣе переносили ихъ иго; чтобы освободить заключенныхъ, тѣхъ, кого давятъ оковы; чтобы замѣнить свободой всемірное рабство; чтобы обнародовать лѣто Господнее, день возмездія, день, когда вслѣдствіе установленной справедливости, великій страхъ будетъ среди сильныхъ міра сего, и среди слабыхъ великая радость. Такова была миссія Іисуса: и тому ли учатъ во имя Его? То, что долженъ былъ исполнить желанный народомъ, на самомъ дѣлѣ исполнено ли? Бѣдные услыхали ли *благую вѣсть?* Разбитыя сердца излѣчены ли? Слѣпые увидѣли ли? Сняты ли оковы съ заключенныхъ? Освобождены ли узники? Нѣтъ, Христосъ еще на крестѣ въ ожиданіи Своихъ апостоловъ. Пусть придутъ они, пусть придутъ скорѣй, ибо скорбь велика и глаза устаютъ глядѣть на востокъ, ожидая зарю лѣта Господня.

Ламенэ.

2.

Религія не потому истина, что ее проповѣдывали апостолы, а апостолы проповѣдывали ее потому, что она истина.

Лессингъ.

Нельзя не вѣрить такому духовному ученію, приложеніе котораго осуществляетъ самое простое практическое благо всѣхъ.

Нѣтъ большей повѣрки истинности ученія.

И таково христіанское ученіе.

Недѣльное чтеніе.

Католицизмъ и Христіанство.

Не надо смѣшивать христіанство, какъ историческій фактъ, съ тѣмъ первоисточникомъ, изъ котораго оно произошло. Только благодаря безпримѣрной недобросовѣстности могли приписать святость тому, что теперь называется „католической вѣрою“. Что отрицалъ Христосъ? Какъ разъ то, что теперь называется католическою церковью.

Католическая церковь—это полная противоположность тому, что послужило началомъ христіанскаго ученія. Какъ разъ то, что въ католическомъ церковномъ смыслѣ—Христово, въ корнѣ своемъ—не Христово. Вмѣсто символовъ тамъ, въ церкви, предметы и лица; вмѣсто вѣчныхъ событій—исторія; вмѣсто практики жизни—католическія правила, обряды и догмы. Христіанство въ существѣ своемъ равнодушно къ культу, священникамъ, церкви, богословію.

Практика христіанства не имѣетъ въ себѣ никакихъ фантасмагорій; оно есть средство быть счастливымъ:

„Нельзя дѣлать различій между чужими и своими. Нельзя гнѣваться, никого не надо унижать. Милостыню твори тайно. Не надо клясться. Не надо судить. Надо мириться и прощать. Молиться надо втайнѣ“.

Іисусъ обращается прямо къ сути дѣла, къ „Царствію Божью“ въ сердцѣ человѣческомъ, и пути къ нему указываетъ не внѣшніе, состоящіе въ соблюденіи правилъ іудейской церкви, реальности которой онъ не признаетъ, а внутренніе. Онъ думаетъ не о внѣшнемъ, а о внутреннемъ.

Такъ же относится Онъ и ко всѣмъ грубымъ пріемамъ общенія съ Богомъ: Онъ учитъ, какъ надо жить, чтобы чувствовать себя „обожествленнымъ", учитъ, что нельзя придти къ этому состоянію черезъ самоистязаніе. Чтобы стать божественнымъ, главное — это отречься отъ себя.

Католицизмъ есть нѣчто въ корнѣ отличное отъ того, что дѣлалъ и чего хотѣлъ Христосъ. Оно представляетъ изъ себя великое противоязыческое движеніе, формулированное при помощи жизни, ученія и словъ Іисуса Христа; но ученіе это, жизнь и слово были подвергнуты абсолютно произвольному истолкованію, согласно схемѣ совершенно отличныхъ потребностей и потомъ были переведены на языкъ уже существовавшихъ религій.

Тогда какъ Іисусъ училъ миру и счастію, католицизмъ оказался проявленіемъ пессимизма и притомъ пессимизма слабыхъ, немощныхъ, угнетенныхъ, страждущихъ.

Евангеліе возвѣщаетъ, что униженнымъ и бѣднымъ открытъ доступъ къ счастью; для этого надо только освободиться отъ всякой традиціи, опеки высшихъ классовъ. Собственность, пріобрѣтенія, родина, сословіе и положеніе, судъ, полиція, государство, церковь, образованіе, искусство, войско—все это препятствія къ достиженію счастья,—заблужденія, навожденія дьявола, которымъ евангеліе грозитъ страшнымъ судомъ.

Католицизмъ сдѣлалъ изъ христіанства ученіе, которое въ концѣ концовъ примиряется съ государствомъ: ведетъ войну, судитъ, пытаетъ, клянется и ненавидитъ.

Ему необходимо выдвинуть на первое мѣсто понятіе вины, грѣха, ему нужна не новая жизнь по ученію Христа, а новый культъ, новая вѣра въ чудесное преображеніе („искупленіе" черезъ вѣру).

Онъ, католицизмъ, сдѣлалъ изъ исторіи жизни и смерти Христа самый произвольный выборъ, все подчеркнулъ здѣсь по-своему, вездѣ перемѣстивъ центры тяжести; словомъ, уничтожилъ первоначальное христіанство.

Борьба съ языческими и еврейскими священниками и церковью свелась, благодаря католицизму, къ созданію новыхъ священниковъ и богословія,—къ новому классу властвующихъ,—опять къ церкви.

Въ этомъ весь юморъ, трагическій юморъ: католицизмъ возстановилъ въ общихъ чертахъ все то, что уничтожилъ Христосъ. Въ концѣ концовъ, когда вновь создалась католическая церковь, она даже государство взяла подъ свое покровительство.

Католицизмъ—какъ разъ то, противъ чего проповѣдывалъ Христосъ и съ чѣмъ Онъ заповѣдалъ Своимъ ученикамъ бороться.

Когда преступникъ, разбойникъ на крестѣ, терпящій тяжелую смерть, разсуждаетъ: „праведно страдать и умирать такъ, какъ Іисусъ, безъ ропота и гнѣва, съ добротою и покорностью",—онъ утверждаетъ евангеліе и попадаетъ въ рай.

Христіанство осуществимо въ каждую данную минуту; оно не нуждается ни въ метафизикѣ, ни въ аскетизмѣ, ни въ „естественныхъ наукахъ". Христіанство есть жизнь. Оно учитъ, какъ дѣйствовать.

Тотъ, кто скажетъ: „я не хочу быть военнымъ", „мнѣ дѣла нѣтъ до суда", „полиціи мнѣ не надо", „я не буду дѣлать ничего такого, что могло бы нарушить мой внутренній міръ", и „если я отъ этого пострадаю, то ничто такъ не умиротворитъ меня, какъ это страданіе",—тотъ будетъ истиннымъ христіаниномъ.

Ницше.

19-е августа.

Трудъ есть необходимое условіе тѣлесной жизни. Если бы Робинзонъ не работалъ, онъ бы замерзъ и умеръ съ голода. Это видитъ всякій. Но то, что трудъ есть необходимое условіе духовной жизни, не всѣ видятъ, хотя это такъ же несомнѣнно, какъ необходимость труда для тѣла.

1.

Отдѣленіе себя отъ ручного труда не можетъ быть безъ потери силы и истины даже для пророковъ. Я не сомнѣваюсь, что ошибки и пороки нашей литературы и философіи, — ихъ излишняя утонченность, женственность, меланхоличность, — должны быть приписаны ослабленнымъ и болѣзненнымъ привычкамъ литературнаго сословія. Пускай книга будетъ не такъ хороша, но только бы тотъ, кто дѣлаетъ книгу, былъ бы способнѣе и лучше и не былъ бы, какъ видимъ это теперь, смѣшнымъ контрастомъ тому, что онъ пишетъ.

Эмерсонъ.

2.

Ручная работа есть изученіе внѣшняго міра.

Выгоды богатства остаются у того, кто производитъ богатство, а не у того, кто его получаетъ даромъ.

Когда я иду въ мой садъ съ лопатою и копаю грядку, я чувствую такую радость и приливъ здоровья, что всегда думаю: зачѣмъ это я все это время лишалъ себя этого счастья, позволяя другимъ дѣлать за меня то, что я могъ бы сдѣлать своими руками. Но это не только дѣло удовольствія, здоровья, но и воспитанія.

Мнѣ всегда стыдно передъ моимъ дроворубомъ, моимъ пахаремъ, моимъ поваромъ, потому что у нихъ есть способность удовлетворять самимъ себѣ и безъ моей помощи провести и день, и годъ; я же завишу отъ нихъ и не заслужилъ права владѣнія моими руками и ногами.

Эмерсонъ.

3.

Неработающій пусть не ѣстъ.

Ап. Павелъ.

4.

Дьяволъ, ловя людей на свою уду, насаживаетъ разныя приманки. Но для празднаго человѣка не нужно никакихъ, онъ идетъ на голый крючокъ.

5.

Тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, дѣлаетъ дурное.

6.

У того, кто ничего не дѣлаетъ, всегда много помощниковъ. Лѣнивый мозгъ есть любимое мѣсто пребыванія дьявола

7.

Любите трудъ, къ какому бы сословію вы ни принадлежали и въ какомъ бы положеніи ни находились; смотрите на него, какъ на удѣлъ, предназначенный человѣку.

8.

Природа не знаетъ остановки въ своемъ движеніи и казнитъ всякую бездѣятельность.

Гёте.

Стыдиться можно не какой-либо самой нечистой работы, а только самаго нечистаго изъ нечистыхъ нравственнаго состоянія — тѣлесной праздности.

20-е августа.

Всѣ люди, занятые истинно важнымъ дѣломъ, всегда просты, потому что не имѣютъ времени придумывать лишнее.

1.

Живи согласно природѣ, и ты никогда не испытаешь бѣдности; живя по мнѣнію свѣта, ты никогда не будешь достаточно богатъ.

Сенека.

2.

Всякое новое желаніе есть начало новой нужды, зачатокъ новой скорби.

Вольтеръ.

3.

Рабъ своихъ страстей—самый низкій изъ рабовъ.

Талмудъ.

4.

Лучше, чтобы одежда была впору совѣсти, чѣмъ чтобы она была впору только тѣлу.

5.

Чѣмъ больше ты окружаешь себя нуждами, тѣмъ большему подвергаешься рабству: потому что, чѣмъ въ большемъ ты будешь нуждаться, тѣмъ болѣе сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоитъ въ томъ, чтобы вовсе ни въ чемъ не нуждаться, а слѣдующая за нею—нуждаться въ немногомъ.

Іоаннъ Златоустъ.

6.

Наслажденіе, роскошь — вотъ что вы называете счастіемъ, а я думаю, что ничего не желать — это блаженство боговъ, и потому нуждаться лишь въ небольшомъ — есть приближеніе къ этому высшему счастью.

Сократъ.

7.

Мы должны жить не для нашего тѣла, но какъ бы поневолѣ считаясь съ нимъ. Эпикуръ говоритъ: „Если вы станете жить сообразно природѣ, то никогда не будете бѣдны; если же будете жить сообразно общепринятымъ условнымъ обычаямъ, то никогда не будете богаты. Природа требуетъ немногаго; господствующіе же обычаи требуютъ излишествъ“.

Сенека.

8.

Ограничьтесь растеніями, если хотите питаться сытно и здорово.

Іоаннъ Златоустъ.

Простота имѣетъ то великое достоинство, что только при простой жизни всѣ люди могли бы жить безъ нужды и зависти.

21-е августа.

Молитва не нужна Богу. Ему нужна наша добрая жизнь.

1.

Молитва, понимаемая какъ внутреннее формальное богослуженіе и потому какъ средство снискать себѣ милость, есть суевѣрное заблужденіе (созданіе себѣ фетиша). Ибо она не что иное, какъ только заявленное желаніе по отношенію къ существу, которое не нуждается ни въ какомъ заявленіи. Такой молитвой мы ничего, въ сущности, не дѣлаемъ и не выполняемъ ни одной изъ тѣхъ обязанностей, которыя возложены на насъ, какъ Божіи заповѣди, и слѣдовательно, и не служимъ дѣйствительно Богу.

Сердечное желаніе всѣмъ нашимъ поведеніемъ быть угоднымъ Богу,—другими словами, чтобы всѣ наши дѣйствія сопровождались настроеніемъ выполнять ихъ такъ, какъ будто мы, совершая ихъ, находимся на службѣ Богу,—вотъ въ чемъ заключается духъ молитвы, который можетъ и долженъ неукоснительно пребывать въ насъ. Облекать же это желаніе въ слова и формулы (хотя бы и внутренне), это можетъ имѣть самое большее только цѣнность средства для оживленія такого настроенія въ насъ самихъ

Кантъ.

2.

Предшествующія молитвѣ дѣянія молящагося должны соотвѣтствовать смыслу и цѣли его молитвы, а если молитвѣ не предшествовали никакія добрыя дѣла (не говоря уже о томъ, если предшествовали недобрыя), то молящемуся нужно прежде покаяться въ своихъ грѣхахъ и очиститься отъ нихъ, такъ какъ было бы большою дерзостью предстать предъ Господомъ съ просьбою о своихъ потребностяхъ въ грязномъ одѣяніи.

Точно такъ же, когда человѣкъ молится Богу устами, имѣющими обыкновеніе говорить мерзости, клевету, ненужныя присяги, клятвы и т. п., то это подарокъ Богу въ нечистомъ футлярѣ. Поэтому

человѣкъ долженъ очистить свой языкъ и свои уста, и если согрѣшилъ ими, то долженъ стараться о полномъ раскаяніи.

Талмудъ.

3.

Итакъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой.

Мѳ. V, 23–24.

4.

Иногда хочется по-дѣтски кому-то (Богу) жаловаться, просить помощи. Хорошо ли это чувство? Не хорошо—это слабость, невѣріе. То, что больше всего похоже на вѣру: просительная молитва, есть именно невѣріе,—невѣріе въ то, что зла нѣтъ, что просить не о чемъ, что если тебѣ худо, то это только показываетъ тебѣ, что тебѣ надо поправиться, что происходитъ то самое, что должно быть и при чемъ ты долженъ дѣлать, что долженъ.

5.

А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны; не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него. Мѳ. VI, 7—8.

6.

Одинъ часъ честной серьезной мысли дороже недѣль восторженнаго обожанія, когда обожаніе не проявляется поступками.

Ф. Гарисонъ.

7.

Преданность волѣ Божьей — необходимое условіе христіанской жизни—исключаетъ возможность опредѣленнаго желанія и потому прошенія, молитвы о томъ, чтобы случилось то-то и то-то.

Молитесь ежечасно. Самая нужная и самая трудная молитва это воспоминаніе среди движенія жизни о своихъ обязанностяхъ передъ Богомъ и закономъ Его. Испугался, разсердился, смутился, увлекся— вспомни, кто ты и что ты долженъ дѣлать. Въ этомъ молитва. Это трудно сначала, но привычку эту можно выработать.

22-е августа.

Вредно распространеніе между людьми мыслей о томъ, что наша жизнь есть произведеніе вещественныхъ силъ и находится въ зависимости отъ этихъ силъ. Но когда такія ложныя мысли называются науками и выдаются за святую мудрость человѣчеству, то вредъ, производимый такимъ ученіемъ, ужасенъ.

1.

Нѣтъ людей съ болѣе запутанными понятіями о религіи, о нравственности, о жизни, чѣмъ люди науки; и еще болѣе поразительное явленіе то, что наука нашего времени, совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ своей области изслѣдованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается не только ни на что ненужной, но еще и производящею часто вредныя послѣдствія.

2.

Главное заблужденіе, болѣе всего другого препятствующее истинному прогрессу нашего христіанскаго человѣчества, состоитъ въ томъ, что люди науки нашего времени, возсѣдающіе теперь на сѣдалищѣ Моисеевомъ, руководясь возстановленнымъ во времена возрожденія языческимъ міросозерцаніемъ, рѣшили, что христіанство есть пережитое уже людьми состояніе, а что, напротивъ, то языческое, общественное, древнее и дѣйствительно пережитое человѣчествомъ пониманіе жизни, котораго они держатся, и есть самое

высшее пониманіе жизни,—такое, котораго неуклонно должно теперь держаться человѣчество.

3,

Дѣло науки—служить людямъ.

4.

Ложная наука и ложная религія выражаютъ свои догматы всегда высокопарнымъ языкомъ, который непосвященнымъ кажется чѣмъ-то таинственнымъ и важнымъ. Разсужденія ученыхъ людей часто бываютъ столь же мало понятны не только для другихъ, но и для нихъ самихъ, какъ рѣчи профессіональныхъ учителей вѣры. Педантъ ученый, пользуясь латинскими терминами и страшными словами, часто дѣлаетъ изъ самаго простого нѣчто столь же непонятное, какъ и латинскія молитвы поповъ для ихъ неграмотныхъ прихожанъ... Таинственность не есть признакъ мудрости. Чѣмъ мудрѣе человѣкъ, тѣмъ проще тотъ языкъ, которымъ онъ выражаетъ свои мысли.

5.

Громадное количество печатаемыхъ книгъ нынѣ въ общемъ итогѣ плодотворно ли для ума и для сердца читателя? Общества страхованій уменьшаютъ ли бѣдственные случаи? Не промѣняли ли бы мы на нынѣшнюю утонченность нравовъ большее количество внутренней энергіи? На словахъ мы хорошо формулируемъ наши убѣжденія, но осуществляемъ ли мы ихъ на дѣлѣ? Въ сектѣ стоиковъ каждый былъ стоикъ, но между христіанъ всякій ли христіанинъ?

Эмерсонъ.

6.

Быстрое увеличеніе знаній, пріобрѣтаемое цѣной очень незначительныхъ личныхъ усилій, бываетъ не слишкомъ плодотворно.

Ученость также можетъ вся уйти въ листья, не давая плодовъ.

Часто встрѣчаются весьма поверхностныя головы, удивительно много знающія. То же, къ чему человѣкъ приходитъ самостоятельно, оставляетъ за собой въ его разсудкѣ слѣдъ, по которому онъ можетъ идти и при другихъ обстоятельствахъ.

Лихтенбергъ.

7.

Насколько лучше было бы постараться искоренить зло нашей собственной эпохи, нежели прославлять въ глазахъ потомства дурныя дѣла прежнихъ! Насколько лучше было бы восхвалять дѣла природы, нежели опустошительные набѣги какого-нибудь Филиппа или Александра и остальныхъ, которые, сдѣлавшись знаменитыми благодаря бѣдствіямъ народовъ, были не меньшими бичами человечества, чѣмъ наводненія, опустошающія цѣлыя страны, или пожаръ, поглощающій множества живыхъ существъ!

Сенека.

8.

Не смотри на ученость, какъ на корону, чтобы ею красоваться, ни какъ на топоръ, чтобы добывать имъ пропитаніе.

Талмудъ.

9.

Знаніе всегда будетъ ложно, если цѣлью знанія поставлена внѣшняя выгода—дипломъ. Только то ученіе, которое вызвано внутренними потребностями, бываетъ полезно себѣ и ближнимъ.

10.

Наука стала теперь раздавательницей дипломовъ на праздность.

Законная цѣль наукъ есть познаніе истинъ, служащихъ благу людей. Ложная цѣль есть оправданіе обмановъ, вносящихъ зло въ жизнь человѣческую. Такова юриспруденція, политическая экономія и, въ особенности, богословіе.

23-е августа.

Если бы люди были вполнѣ добродѣтельны, они никогда не отступали бы отъ истины.

1.

Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ мiръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякiй дѣлающiй злое ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы; а поступающiй по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы. Iн. III, 19—21.

2.

Не бойся человѣка, высокаго или низкаго, богатаго или бѣднаго, ученаго или неученаго. Уважай всѣхъ людей, люби всѣхъ людей, но не бойся никого. Произвольно и сознательно избравъ истину, держись своихъ убѣжденiй во что бы то ни стало. Не дожидайся отзвука въ толпѣ. Чѣмъ меньше голосовъ на сторонѣ истины, тѣмъ сильнѣе возвышай голосъ. Вѣрь въ то, что истина могущественнѣй заблужденiя, предразсудка или страсти, и будь готовъ на мученичество. Познай, что истина не есть мѣстное и временное явленiе, но нѣчто неизмѣнное, вѣчное, одно и то же во всѣхъ мiрахъ, единое съ Богомъ и имѣющее его всемогущество.

Чаннингъ.

3.

Ищи истину въ мысли, а не въ гнiющихъ книгахъ. Если хочешь видѣть мѣсяцъ, то гляди на небо, а не въ лужу.

Персидское изреченiе.

4.

Плодъ всякаго сдѣланнаго тобою со дня твоего рожденiя добраго дѣла погибнетъ, какъ только ты отступишь отъ истины. Тотъ высшiй духъ, который живетъ въ тебѣ и про который ты знаешь,

что онъ единъ съ тобою, есть всевѣдущій наблюдатель добра и зла, которое ты совершаешь.

Законы Ману.

5.

Истина ни въ чемъ не познается путемъ разговоровъ, а только трудомъ и наблюденіемъ. И когда вы овладѣете одной истиной,— двѣ другія, навѣрное, предстанутъ передъ вами прекрасныя, какъ первые листочки двусѣмянодольныхъ растеній.

Джонъ Рёскинъ.

Истина вредна только тому, кто дѣлаетъ зло. Дѣлающіе добро любятъ истину.

24-е августа.

Человѣчество незамѣтно, но не переставая, подвигается къ осуществленію своего идеала единенія и всеобщаго блага.

1.

Какъ всякій человѣкъ въ отдѣльности, такъ равно и все человѣчество въ совокупности должно преображаться, переходить отъ состоянія низшаго къ высшему, не задерживаясь въ своемъ ростѣ, предѣлъ котораго въ Самомъ Богѣ. Всякое состояніе является послѣдствіемъ предшествующаго состоянія. Ростъ совершается непрерывно и незамѣтно, подобно росту зародыша, совершается такъ, что ничто не нарушаетъ цѣпи послѣдовательныхъ состояній этого непрерывнаго развитія. Но если человѣку и всему роду человѣческому предназначено преобразоваться, какъ Христу, то и для человѣка, и для рода человѣческаго, какъ для Христа,—это преобразованіе должно совершиться въ трудѣ и страданіяхъ.

Прежде, чѣмъ облечься въ величіе, прежде, чѣмъ выдти въ свѣтъ,—нужно двигаться во мракѣ, терпѣть гоненія, отдать тѣло, чтобы спасти душу; надо умереть,—умереть на крестѣ, чтобы воз-

родиться въ жизнь болѣе могучую, болѣе совершенную. Вотъ чему учитъ насъ Іисусъ Своимъ словомъ, Своимъ примѣромъ. И послѣ восемнадцати столѣтій, совершивъ одинъ изъ круговъ своего развитія, человѣчество опять стремится преобразиться. Старыя системы, старыя общества, все, что составляло старый міръ, разомъ рушится,—и народы живутъ теперь среди развалинъ въ ужасѣ и страданіи. Вы же, при видѣ этихъ развалинъ, этихъ смертей, уже совершившихся или имѣющихся совершиться—мужайтесь. Жизнь не далеко. То, что уходитъ — это изношенное платье нетлѣннаго существа; то, что падаетъ — это листъ осенній. Когда солнце понижается—приближается зима, но послѣ зимы приходитъ весна и вѣяніе дуновенія животворящаго. Это темная могила, куда спускаются народы, — это та гробница, изъ которой Христосъ въ третій день воскресъ.

Ламенэ.

2.

Нѣтъ, слово всемогущаго Бога еще не вполнѣ высказано, и мысль Его еще не открыта во всей ея полнотѣ. Онъ все еще творитъ и будетъ творить въ теченіе вѣчныхъ вѣковъ, охватить которые умъ человѣческій не въ силахъ. Прошедшіе вѣка раскрыли намъ лишь отрывки Его творенія. Наша миссія еще не закончена. Мы едва знаемъ ея источникъ и совершенно не вѣдаемъ ея конечной цѣли: время, знанія и открытія лишь расширяютъ ея границы. Изъ вѣка въ вѣкъ она восходитъ до невѣдомыхъ намъ судебъ, отыскивая свой законъ, немногія строки котораго мы въ состояніи разобрать.

Іосифъ Мадзини.

3.

Всегда прибавляй, всегда подвигайся; никогда не стой и не возвращайся назадъ и не сворачивай. Кто стоитъ, тотъ не подвигается; кто не продолжаетъ, тотъ идетъ назадъ; кто возмущается, тотъ сворачиваетъ.

Всегда будь недоволенъ тѣмъ, что ты есть, если хочешь достигнуть того, чтобы быть инымъ, чѣмъ ты есть, потому что на чемъ ты остановишься, на томъ ты и останешься. И если ты скажешь: съ меня довольно,—ты погибъ.

Августинъ.

4.

Любите ваше дѣло, но не любите то, что вы сдѣлали.

С. Маковскій.

5.

Огонь пришелъ Я низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся! Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Лк. XII, 49, 51.

6.

Жизнь какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества, есть непрестающая борьба плоти и духа. Въ борьбѣ этой духъ всегда остается побѣдителемъ, но побѣда эта никогда не окончательная, борьба эта безконечна, она-то и составляетъ сущность жизни.

7.

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленій любовью, есть медленное, постепенное претвореніе злой жизни въ добрую, есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рожденіе истинной, т.-е. любовной жизни.

8.

Между разумомъ и страстями идетъ въ человѣкѣ междоусобная война. Человѣкъ могъ бы имѣть хоть какое-нибудь спокойствіе, если бы въ немъ былъ только разумъ, безъ страстей, или только страсти, безъ разума. Но такъ какъ въ немъ то и другое, то онъ не можетъ избѣжать борьбы, не можетъ быть въ мирѣ съ однимъ иначе, какъ воюя съ другимъ. Онъ всегда въ раздѣленіи и въ противорѣчіи самъ съ собой. Паскаль.

Человѣческій міръ постоянно совершенствуется, и сознаніе этого совершенствованія составляетъ одну изъ лучшихъ радостей человѣка, и радость эта увеличивается для каждаго человѣка еще сознаніемъ своего участія въ этомъ совершенствованіи.

25-е августа.

Жизнь есть движеніе, а потому и благо жизни не есть извѣстное состояніе, а извѣстное направленіе движенія.

Направленіе, дающее благо человѣку, есть направленіе на служеніе не себѣ, а Богу.

1.

Одни ищутъ блага или счастія во власти, другіе—въ наукѣ, третьи—въ сластолюбіи. Тѣ же люди, которые, дѣйствительно, близки къ своему благу, понимаютъ, что оно не можетъ быть въ томъ, чѣмъ владѣть могутъ только нѣкоторые люди, а не всѣ. Они понимаютъ, что истинное благо человѣка таково, что имъ могутъ обладать всѣ люди разомъ, безъ раздѣла и безъ зависти; оно таково, что никто не можетъ потерять его, если онъ самъ того не захочетъ.

Паскаль.

2.

Особенное, невыразимо сладостное чувство охватываетъ человѣка, когда сердце его открывается чувству добродѣтели. Онъ познаетъ тогда то, что выше его. Онъ узнаетъ тогда, что существо его безпредѣльно, что какъ онъ ни низокъ теперь въ своемъ злѣ, своихъ слабостяхъ, что онъ рожденъ для высшаго добра, для совершенства. То, что онъ почитаетъ теперь, уже принадлежитъ ему, хотя онъ и не осуществляетъ его. *Онъ долженъ.* Онъ знаетъ теперь смыслъ этого великаго слова, хотя и не можетъ дать себѣ отчета о всемъ его значеніи.

Эмерсонъ.

3.

Счастье есть такое состояніе, котораго человѣкъ желаетъ для себя одного; благо есть такое состояніе, котораго человѣкъ желаетъ для себя вмѣстѣ со всѣми. Счастье достигается борьбой, благо, напротивъ, покорностью.

4.

Настоящихъ благъ немного. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ.

Поэтому, чтобы не уклоняться отъ избранной цѣли, надо, чтобы эта цѣль была добро, согласное съ общимъ благомъ. Кто направитъ свою дѣятельность на такую цѣль—пріобрѣтетъ себѣ благо.

Маркъ Аврелій.

5.

Добро есть служеніе Богу, сопровождаемое всегда только жертвой, тратой своей животной жизни, какъ свѣтъ сопровождается всегда тратою горючаго матеріала.

Удержать для себя одного можетъ желать человѣкъ только дурное. Чѣмъ ближе то, что дѣлаетъ или испытываетъ человѣкъ, къ истинному благу, тѣмъ естественнѣе желаніе подѣлиться этимъ благомъ съ другими.

Себялюбіе—иллюзія.

Недѣльное чтеніе.

Трудъ, Смерть и Болѣзнь.

У старинныхъ людей было такое преданіе.

Богъ сотворилъ людей, сначала такъ, что имъ не нужно было трудиться, имъ не нужны были ни жилище, ни одежда, ни пища, и жили всѣ до ста лѣтъ и не знали никакихъ болѣзней.

Прошло нѣсколько времени, и когда Богъ посмотрѣлъ на то, какъ живутъ люди, Онъ увидалъ, что вмѣсто того, чтобы радоваться на свою жизнь, они, заботясь каждый о себѣ, перессорились между собою и устроили себѣ такую жизнь, что не только не радуются на жизнь, но клянутъ ее. Тогда Богъ сказалъ себѣ: „Это отъ того, что они живутъ врозь, каждый для себя". И для того, чтобы этого не было, Богъ сдѣлалъ такъ, чтобы людямъ стало невозможно жить безъ труда. Они должны были, чтобы не страдать отъ холода и голода, строить себѣ жилища, копать землю, растить и собирать плоды и зерна.

„Трудъ соединитъ ихъ,—подумалъ Богъ:—нельзя одному и рубить, и таскать бревна, и строить жилища, нельзя одному и приготовлять орудія, и сѣять, и собирать, и прясть, и ткать, и шить одежду. Они должны будутъ понять, что чѣмъ дружнѣе они будутъ работать, тѣмъ больше сработаютъ, и тѣмъ лучше имъ будетъ жить, и это соединитъ ихъ".

Прошло еще нѣсколько времени, и Богъ опять пришелъ посмотрѣть, какъ живутъ люди, радуются ли они теперь на свою жизнь.

Но люди жили хуже, чѣмъ прежде. Они трудились сообща

(нельзя было иначе), но не всѣ вмѣстѣ, а всѣ разбились на небольшія кучки, и каждая кучка старалась отнять отъ другой ея работу, и всѣ они мѣшали другъ другу, тратили и время, и силы на борьбу, и всѣмъ было дурно.

Увидавъ, что и это нехорошо, Богъ рѣшилъ сдѣлать такъ, чтобы люди не знали часа своей смерти и могли бы умирать всякую минуту. И объявилъ имъ объ этомъ.

„Зная, что каждый изъ нихъ можетъ умереть каждую минуту,— думалъ Богъ,—не будутъ они изъ-за заботы о жизни, которая всякую минуту можетъ прекратиться, злобиться другъ на друга и портить тѣ часы жизни, которые имъ предназначены“.

Но вышло не такъ. Когда Богъ вернулся, чтобы посмотрѣть, какъ теперь живутъ люди, Онъ увидалъ, что жизнь людей не улучшилась.

Люди болѣе сильные, чѣмъ другіе, пользуясь тѣмъ, что люди могутъ умирать во всякое время, покорили себѣ болѣе слабыхъ, убивая нѣкоторыхъ и угрожая остальнымъ смертью. И сложилась такая жизнь, что одни, сильные и ихъ наслѣдники, ничего не работали и тосковали отъ праздности. Слабые же работали черезъ силу и тосковали оттого, что не имѣютъ отдыха. И тѣ и другіе боялись и ненавидѣли другъ друга. И жизнь людей стала еще болѣе несчастной.

Увидавъ это, Богъ, чтобы исправить дѣло, рѣшилъ употребить послѣднее средство: Онъ наслалъ на людей всякаго рода болѣзни. Богъ думалъ, что когда всѣ люди будутъ подвержены болѣзнямъ, то они поймутъ, что здоровымъ надо жалѣть больныхъ и помогать имъ съ тѣмъ, чтобы, когда они будутъ больны, здоровые помогали бы имъ.

И опять Богъ оставилъ людей, но когда вернулся посмотрѣть, какъ они живутъ теперь, то увидалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стали они подвержены болѣзнямъ, жизнь людей стала еще хуже. Тѣ самыя болѣзни, которыя по мысли Бога должны были соединить людей, еще болѣе разъединили ихъ. Люди—тѣ, которые силою заставляли другихъ на себя работать, заставляли ихъ силою ходить за собою во время болѣзней и потому сами не заботились о больныхъ. Тѣ же, которыхъ силою заставляли работать на дру-

гихъ и ходить за больными, были такъ измучены работою, что имъ некогда было ходить за своими больными, и они оставляли ихъ безъ помощи. Кромѣ того, большую часть болѣзней люди признали заразительными и, боясь заразиться, не только не сближались съ больными, но раздѣлялись даже съ тѣми, которые прикасались къ больнымъ.

Тогда Богъ сказалъ себѣ:

„Если и этимъ средствомъ нельзя довести людей до того, чтобы они понимали, въ чемъ ихъ счастіе, то пускай они сами доходятъ своими мученіями".—И Богъ оставилъ людей однихъ.

И, оставшись одни, люди долго жили, не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми. И только въ самое послѣднее время стали нѣкоторые изъ нихъ понимать, что трудъ не долженъ быть пугаломъ для однихъ и принудительной каторгой для другихъ, а долженъ быть общимъ радостнымъ дѣломъ, соединяющимъ всѣхъ людей. Стали понимать, что въ виду ежечасно угрожающей каждому смерти, единственно разумное дѣло всякаго человѣка въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно провести предназначенные каждому годы, мѣсяцы, часы или минуты, стали понимать, что болѣзни не только не должны быть причиной раздѣленія, а напротивъ, должны быть причиной любовнаго общенія людей между собою.

26-е августа.

Справедливость есть мѣра поступковъ, когда они совершены, но справедливость не можетъ быть цѣлью доброй жизни. Этого мало.

1.

Какъ для того, чтобы попасть въ цѣль, нужно бить дальше ея, такъ и для того, чтобы быть справедливымъ, надо быть самоотверженнымъ, т.-е. несправедливымъ къ себѣ. Если же будешь желать быть только справедливымъ, то будешь пристрастенъ къ себѣ и несправедливъ къ другимъ.

2.

Абсолютная справедливость такъ же недостижима, какъ и абсолютная истина; но справедливый человѣкъ отличается отъ несправедливаго своимъ стремленіемъ къ справедливости и надеждой достигнуть ея, какъ правдивый отъ лживаго—своей жаждой истины и вѣрой въ нее.

3.

Есть нѣчто худшее, чѣмъ несправедливость: это лицемѣріе добродѣтели, любви и служенія Богу, такъ часто встрѣчающееся въ лжехристіанскомъ мірѣ. Люди, воображая или притворяясь, что они исполняютъ законъ любви, освобождаютъ себя отъ требованій справедливости и доводятъ свою несправедливость до самодовольнаго злодѣйства. Люди жертвуютъ на церкви, на бѣдныхъ, занимаются благотворительностью, тогда какъ то, что они отдаютъ — цѣна слезъ и крови ихъ братьевъ.

4.

Судья можетъ руководствоваться справедливостью, разсматривая только одну сторону вопроса; въ жизни же всякій вопросъ имѣетъ много одинаково справедливыхъ, но различныхъ рѣшеній, смотря по тому, съ какой стороны разсматривается вопросъ.

5.

Одно только въ жизни драгоцѣнно—безпрестанно сталкиваясь съ людскою ложью и несправедливостью, — не уставать самому быть кроткимъ. Маркъ Аврелій.

6.

Справедливость осуществляется не стремленіемъ къ справедливости, а любовью.

7.

Ты страдаешь отъ несправедливостей; утѣшься: истинно несчастны тѣ, которые дѣлаютъ ихъ.

Точно справедливымъ нельзя быть. Не додѣлаешь или передѣлаешь.

Чтобы не согрѣшить противъ справедливости—одно средство: *всегда передѣлывать.*

27-е августа.

Радость жизни свойственна животнымъ, дѣтямъ и святымъ: животнымъ потому, что у нихъ нѣтъ разума, который, будучи ложно направленъ, лишилъ бы ихъ этой радости; дѣтямъ потому, что разумъ ихъ еще не успѣлъ извратиться; святымъ потому, что жизнь даетъ имъ то самое, чего они желаютъ: возможность совершенствованія, приближенія къ Богу.

1.

Печаль прошедшая становится въ воспоминаніи пріятной на ряду съ прошедшими, будущими и настоящими удовольствіями. Итакъ, только будущія и настоящія печали мучатъ насъ—замѣчательный перевѣсъ въ нашемъ мірѣ на сторонѣ удовольствій, увеличивающійся еще тѣмъ, что мы постоянно стараемся доставлять себѣ

удовольствія и можемъ во многихъ случаяхъ съ достаточной достовѣрностью предвидѣть наслажденія отъ нихъ, тогда какъ печаль, намъ еще предстоящую, можно предсказать гораздо рѣже.

Лихтенбергъ.

2.

Вы должны радоваться, думая о томъ, что Богъ сотворилъ неизмѣримо больше прекраснаго, чѣмъ въ силахъ охватить человѣческій взоръ, но огорчаться при мысли, что человѣкъ сдѣлалъ гораздо больше зла, чѣмъ въ силахъ душа его постичь, а рука исправить.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Главный секретъ для сохраненія веселости состоитъ въ томъ, чтобы не позволять пустякамъ тревожить насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить тѣ маленькія удовольствія, которыя выпадаютъ намъ на долю.

Смайльсъ.

4.

Никогда не ищите удовольствія, но будьте всегда готовы находить во всемъ удовольствіе. Если ваши руки заняты, а сердце свободно, то самая ничтожная вещь доставитъ вамъ удовольствіе, и вы найдете долю интереснаго и пріятнаго во всемъ, что услышите. Но если вы обратите удовольствіе въ цѣль вашей жизни, то настанетъ день, когда самыя комическія сцены не вызовутъ у васъ истиннаго смѣха.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Счастье есть удовольствіе безъ раскаянія.

6.

О, какъ счастливы мы, проживая безъ ненависти къ ненавидящимъ насъ; какъ счастливы мы, если среди ненавидящихъ мы живемъ!..

О, какъ счастливы мы, свободные отъ жадности среди жадныхъ! Среди людей, снѣдаемыхъ жадностью, живемъ мы, свободные отъ нея!..

О, какъ счастливы мы, ничего не называя своимъ! Свѣтлымъ богамъ подобны мы, напоенные святостью!..

Буддійская мудрость.

7.

Выслушайте другую притчу. Былъ нѣкоторый хозяинъ дома, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградою, выкопалъ въ немъ точило, построилъ башню и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился. Когда же приблизилось время плодовъ, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ взять свои плоды; виноградари, схвативши слугъ его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послалъ онъ другихъ слугъ, больше прежняго; и съ ними поступили такъ же. Наконецъ послалъ онъ къ нимъ своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидѣвши сына, сказали другъ другу: это наслѣдникъ; пойдемъ, убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ его. И схвативши его, вывели вонъ изъ виноградника и убили. Итакъ, когда придетъ хозяинъ виноградника, что̀ сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями? Говорятъ Ему: злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои (Мѳ. XXI, 33—41).

Людямъ данъ садъ, который сажали не они, и для того, чтобы имъ радоваться жизнью, имъ нужно только исполнять условіе, подъ которымъ имъ переданъ садъ. Они не исполняютъ его и говорятъ, что виноваты не они, а хозяинъ сада.

Если жизнь не представляется тебѣ великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разумъ твой ложно направленъ.

28-е августа.

Вѣра опредѣляетъ жизнь.

1.

Религіозное познаніе есть то, на которомъ зиждется всякое другое. Оно предшествуетъ всякому познанію: потому-то мы не можемъ опредѣлить его.

2.

Чтобы понять то, что люди всѣ равны, что человѣку лучше отдать свою жизнь для служенія другимъ, чѣмъ заставлять другихъ людей служить себѣ, нужно опредѣлить свое отношеніе къ міру, а такое измѣненіе отношенія человѣка къ міру даетъ только религія.

3.

Попытки основать нравственность помимо религіи подобны тому, что дѣлаютъ дѣти, которыя, желая пересадить нравящееся имъ растеніе, отрываютъ отъ него не нравящійся имъ и кажущійся имъ лишнимъ корень и безъ корня втыкаютъ растеніе въ землю. Безъ религіозной основы не можетъ быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно такъ же какъ безъ корня не можетъ быть настоящаго растенія.

4.

Доброму, живущему хорошей жизнью, крестьянину священникъ задалъ на духу обычный вопросъ: вѣруетъ ли онъ въ Бога?

„Грѣшенъ, не вѣрю“,—отвѣчалъ мужикъ.

„Какъ? не вѣришь въ Бога?“

„Не вѣрю, батюшка. Если бы вѣрилъ, развѣ я бы жилъ такъ? Самъ только о себѣ думаешь: ѣшь, пьешь, а Бога и братьевъ забываешь“... Что бы было, если бы всѣ понимали вѣру, какъ этотъ крестьянинъ, и вѣрили бы въ законъ Христа?

5.

Человѣкъ безъ религіи, хоть и не сознаваемой имъ, т.-е. безъ какого-либо установленнаго отношенія къ міру, такъ же невозможенъ, какъ человѣкъ безъ сердца.

6.

Есть двѣ вѣры: вѣра довѣрія къ тому, что говорятъ люди,— это вѣра въ человѣка или въ людей, и такихъ вѣръ много различныхъ, и вѣра въ свою зависимость отъ Того, Кто послалъ меня въ міръ. Это вѣра въ Бога, и такая вѣра одна для всѣхъ людей.

7.

Вѣра есть неизбѣжное свойство души.

Человѣкъ неизбѣжно вѣритъ во что-нибудь. Онъ неизбѣжно вѣритъ, потому что кромѣ тѣхъ предметовъ, которые онъ знаетъ, онъ еще входитъ въ отношеніе съ предметами, которыхъ онъ не можетъ знать, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что они есть. Отношеніе къ этимъ предметамъ и есть вѣра.

8.

Ничего, ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего того, что понятно, и величія чего-то непонятнаго и важнѣйшаго.

9.

Въ какомъ бы ни находился человѣкъ положеніи, всегда достаточно идеала, даннаго Христомъ въ Его ученіи, для того, чтобы получить самое вѣрное указаніе тѣхъ поступковъ, которые должно и не должно совершать. Но надо вѣрить этому ученію вполнѣ, этому одному ученію, и перестать вѣрить во всѣ другія, точно такъ же, какъ мореходу надо вѣрить въ компасъ и перестать приглядываться и руководиться тѣмъ, что видитъ по сторонамъ.

10.

Тотъ не вѣритъ, кто живетъ не по своей вѣрѣ:
Все, что сдѣлано великаго въ мірѣ, вышло изъ вѣры.

11.

„Религія“ человѣка состоитъ не изъ тѣхъ многихъ вещей, въ которыхъ онъ сомнѣвается и которымъ старается вѣрить, но изъ тѣхъ малыхъ, въ которыхъ онъ увѣренъ и вѣра въ которыя не требуетъ отъ него никакого труда. Карлейль.

Провѣряйте всѣ свои дѣла, въ особенности намѣренія, своей вѣрой.

Избѣгайте того, что противно ей, и отдавайтесь всей душой тому, что согласно съ ней.

29-е августа.

Если человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ Бога въ своей душѣ, онъ сознаетъ и чувствуетъ свое единство со всѣми людьми міра.

1.

Всѣ души принадлежатъ къ одной и той же семьѣ, всѣ одного происхожденія, одной природы, всѣ оживотворены однимъ и тѣмъ же свѣтомъ и всѣ стремятся къ одному и тому же центру, одному и тому же благу. Эта великая истина, „величайшая для насъ истина“, лежащая во всякой религіи, не только доказывается разумомъ, но мнѣ представляется глубочайшимъ инстинктомъ нашей природы. Чаннингъ.

2.

Тотъ, кто обожаетъ высшаго, у того гордость исчезаетъ изъ сердца, такъ же какъ свѣтъ костра при свѣтѣ солнца. Тотъ, чье сердце чисто и въ комъ нѣтъ гордости, кто кротокъ, постояненъ и простъ, кто смотритъ на всякое существо, какъ на своего друга, и любитъ каждую душу, какъ свою, кто одинаково обращается съ каждымъ съ нѣжностью и любовью, кто желаетъ творить добро и оставилъ тщеславіе,—въ сердцѣ того человѣка живетъ владыка жизни.

Какъ земля украшается прекрасными растеніями, которыя она производитъ, такъ же украшается и тотъ, въ душѣ котораго живетъ владыка жизни. Вишну Пурана.

3.

Въ тебѣ, во мнѣ, во всякомъ другомъ пребываетъ Богъ жизни; напрасно ты сердишься на меня, не переносишь моего приближенія: знай, что мы всѣ равны, и потому не будь гордъ, какъ бы ни было высоко твое положеніе.

Индійская Махмудъ Гаша.

4.

Нельзя найти слѣдовъ земного происхожденія душъ. Въ душахъ нѣтъ ничего составного, ничего, что могло бы возникнуть или образоваться на землѣ; нѣтъ даже ничего сроднаго съ влагой, воздухомъ или огнемъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ этихъ элементахъ нѣтъ ничего, что обладало бы способностью помнить, понимать, мыслить, удерживать прошлое, заглядывать въ будущее и постигать, осмысливать настоящее. Все это свойственно только богамъ, и вы никогда не будете въ состояніи указать этому иного происхожденія, кромѣ божественнаго. Стало-быть, есть особаго рода стихія, отличающаяся отъ обыкновенныхъ и извѣстныхъ стихій, именно стихія духовная. А потому, всякое существо, разъ оно ощущаетъ, мыслитъ, живетъ, дѣйствуетъ, должно быть небеснаго и божественнаго происхожденія и потому должно быть вѣчнымъ.

Бога нельзя представить себѣ иначе, какъ духомъ, свободнымъ отъ примѣси чего-либо тлѣннаго. Таковъ же и человѣческій духъ.

Цицеронъ.

5.

Одна великая идея завладѣла моей душой. Идея эта есть сознаніе величія моей души, ея единенія съ Богомъ не вслѣдствіе пассивнаго подчиненія Ему, но вслѣдствіе ея способности воспринимать Его, вслѣдствіе ея способности совершенствованія, вслѣдствіе ея предназначенія къ невыразимому величію, вслѣдствіе ея безсмертія.

Аміель.

6.

Въ тебѣ самомъ, внутри тебя источникъ добра. Онъ не перестанетъ журчать по мѣрѣ того, какъ ты будешь раскапывать его.

Маркъ Аврелій.

7.

Душа человѣка есть зеркало, въ которомъ можно видѣть образъ божественнаго разума.

Джонъ Рёскинъ.

8.

Насколько человѣкъ правдивъ, настолько онъ божественъ; неуязвимость, безсмертіе, величіе божественности входятъ въ человѣка вмѣстѣ съ правдивостью.

Эмерсонъ.

Всѣ люди духовно—самая близкая родня,—братья. Всѣ—дѣти одного Отца, и потому неестественно не любить ближняго.

30-е августа.

Идеалъ согласной, доброй жизни всего человѣчества открытъ людямъ. И идеалъ этотъ не можетъ не быть осуществленъ.

1.

Іисусъ предвидѣлъ конецъ еврейскаго общества, уже потрясеннаго въ своихъ нравственныхъ основахъ... Онъ дѣлаетъ ученикамъ предсказаніе о томъ, что храмъ, вещественный знакъ учрежденнаго людьми строя жизни, долженъ быть разрушенъ, чтобы быть замѣненнымъ установленіемъ болѣе совершеннымъ. И къ этому предсказанію, долженствовавшему наступить въ скорости, онъ прибавляетъ предсказаніе подобныхъ же событій, которыя совершатся въ позднѣйшія времена, и представляетъ эти событія въ тѣхъ знакомыхъ образахъ, въ какихъ конецъ міра представлялся его современникамъ.

Мы живемъ теперь въ предсказанное Имъ время. Отъ одного конца земли до другого все расшаталось. Во всѣхъ учрежденіяхъ, какихъ бы то ни было, во всѣхъ различныхъ системахъ, на которыхъ основалась общественная жизнь народовъ, нѣтъ ничего твердаго. Всѣ чувствуютъ, что все это скоро должно разрушиться, и въ этомъ также храмѣ не останется камня на камнѣ. Но какъ разрушеніе Іерусалима и храма его, изъ коего удалился Богъ живой, предчувствовало и пріуготовило сооруженіе новаго града и новаго храма, куда по своей волѣ стекутся люди всѣхъ колѣнъ и всѣхъ народовъ,—такъ и изъ развалинъ нынѣшнихъ храмовъ и городовъ воздвигнется новый городъ и храмъ, предназначенный стать всемірнымъ храмомъ и общей родиной рода человѣческаго, до того разъединеннаго враждебными другъ другу ученіями, дѣлающими братьевъ чужими и сѣющихъ среди нихъ безбожное ненавистничество и отвратительныя войны. Когда придетъ тотъ, знаемый однимъ Богомъ, часъ соединенія народовъ въ одномъ храмѣ и въ одномъ градѣ, тогда наступитъ воистину воцареніе

Христа, окончательное выполненіе Его божественной миссіи. Вѣдь Онъ и пришелъ научить людей только тому, чтобъ они соединились въ законѣ любви. Пусть зарожденіе этого святого общества будетъ болѣзненно, что же въ этомъ? Вы не должны страшиться ни битвъ, ни звуковъ битвъ,—послѣдней борьбы зла съ добромъ, которое готово уже возродиться: вашъ долгъ бороться. Каждый изъ васъ—воинъ Божій. Но въ наше время ошалѣнія и безумной гордости берегитесь лже-христовъ и лже-пророковъ. Христосъ не въ пустынѣ, Онъ не въ скрытыхъ мѣстахъ и уже, конечно, не въ одномъ изъ собраній тѣхъ людей, которые, отдѣляясь отъ другихъ, думаютъ, что имъ однимъ предназначено спасеніе и этимъ самымъ отрицаютъ Христа, разрушившаго всѣ средостѣнія и обѣщавшаго миръ и радости вѣчныя всякому, кто, любя Бога больше всего и ближняго, какъ самого себя, воплотитъ въ дѣлахъ своихъ эту двойную любовь. Гдѣ эта любовь, тамъ и Христосъ. Берегитесь, что бы ни говорили вамъ, и не ищите Его въ другомъ мѣстѣ: вы найдете лишь лживую тѣнь.

Ламенэ.

2.

Тѣ, кто на вершинѣ горы, видятъ восходъ солнца раньше обитателей равнинъ. То же и съ тѣми, кто находится на духовныхъ высотахъ: они видятъ небесный восходъ солнца раньше жителей равнинъ матеріализма. Но приходитъ время, и солнце подымается настолько, что становится видимо и всѣмъ.

Изъ „Передовой мысли міра“.

3.

Неужели нельзя надѣяться, что придетъ день, когда люди найдутъ, что жить для другихъ такъ же легко, какъ они часто находили, что легко умирать за нихъ? Нужно только подъемъ и просвѣтлѣніе духа въ людяхъ, чтобы сдѣлать жизнь человѣка благороднымъ и прекраснымъ служеніемъ братьямъ, съ которыми Богъ соединилъ его, и показать въ жизни людей тотъ же духъ служенія и жертвы, который выказывался въ смертяхъ мучениковъ. Только бы духъ спустился въ долину высохшихъ костей, и все сдѣлается возможнымъ.

Браунъ.

4.

Мое воображеніе отказывается рисовать то блаженное время, когда кроткіе наслѣдуютъ землю. Но день этотъ неизбѣжно настанетъ и надежды бѣдныхъ не тщетны. Не силой, не властью, а духомъ Своимъ призоветъ Онъ кроткихъ на судъ Свой и научитъ ихъ путямъ Своимъ.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Могущественныя силы работаютъ въ мірѣ. Никто не можетъ остановить ихъ. Признаки этого: новое пониманіе христіанства, новое уваженіе къ человѣку, новое чувство братства и одинаковаго отношенія всѣхъ людей къ Отцу всѣхъ. Мы видимъ это, мы чувствуемъ это. И передъ этимъ падутъ всѣ угнетенія. Общество, молчаливо проникнутое этимъ духомъ, перемѣняетъ свою вѣчную войну на миръ. Могущество все захватывающаго и кажущагося непобѣдимымъ себялюбія уступитъ этой естественной силѣ. „На землѣ миръ и въ людяхъ благоволеніе" не всегда будетъ только мечтою.

Чаннингъ.

Какъ скоро идеалъ, болѣе высокій, чѣмъ прежній, поставленъ передъ человѣчествомъ, всѣ прежніе идеалы меркнутъ передъ нимъ, какъ звѣзды передъ солнцемъ, и человѣкъ не можетъ не признавать высшаго идеала, какъ не можетъ не видѣть солнца.

31 августа.

Всякое произведеніе ложнаго искусства, восхваленное критиками, есть дверь, въ которую тотчасъ же врываются лицемѣры искусства.

1.

Какъ ни страшно это сказать, съ искусствомъ нашего времени и круга случилось то, что случается съ женщиной, которая свои

женскія привлекательныя свойства, предназначенныя для материнства, продаетъ для удовольствія тѣхъ, которые льстятся на такія удовольствія.

Искусство нашего времени и нашего круга стало блудницей. И это сравненіе вѣрно до малѣйшихъ подробностей. Оно такъ же всегда разукрашено, такъ же всегда продажно, такъ же заманчиво и губительно и всегда готово.

Настоящее произведеніе искусства можетъ проявляться въ душѣ художника только изрѣдка, какъ плодъ предшествующей жизни, точно такъ же, какъ зачатіе ребенка матерью.

Поддѣльное же искусство производится мастерами, ремесленниками безостановочно, только бы были потребители.

Настоящее искусство не нуждается въ украшеніяхъ, какъ жена любящаго мужа. Поддѣльное искусство, какъ проститутка, должно быть украшено.

Причиной появленія настоящаго искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство, какъ для матери причина полового зачатія есть любовь.

Причина поддѣльнаго искусства есть корысть, точно такъ же, какъ и проституція.

Послѣдствіе истиннаго искусства есть внесенное новое чувство въ обиходъ жизни, какъ послѣдствіе любви жены есть рожденіе новаго человѣка въ жизнь. Послѣдствіе поддѣльнаго искусства есть развращеніе человѣка, ненасытность удовольствій, ослабленіе духовныхъ силъ человѣка.

Вотъ это должны понять люди нашего времени и круга, чтобы избавиться отъ заливающаго насъ грязнаго потока этого развратнаго, блуднаго искусства.

2.

Если бы былъ поставленъ вопросъ о томъ, что лучше нашему христіанскому міру: лишиться ли всего того, что теперь считается искусствомъ, вмѣстѣ съ ложнымъ, и всего хорошаго, которое есть теперь, то я думаю, что всякій разумный и нравственный человѣкъ опять рѣшилъ бы вопросъ такъ же, какъ рѣшалъ его Платонъ для своей республики и рѣшали всѣ христіанскіе и магоме-

танскіе учители человѣчества, т.-е. сказалъ бы: „лучше пускай не было бы никакого искусства, чѣмъ продолжалось бы то развращенное искусство или подобіе его, которое есть теперь“.

3.

Дѣятели нынѣшней науки и искусствъ не исполнили и не могутъ исполнить своего призванія, потому что они изъ обязанностей своихъ сдѣлали права.

4.

Наше утонченное искусство могло возникнуть только на рабствѣ народныхъ массъ и можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока будетъ это рабство.

5.

Всѣ попытки добывать себѣ искусствомъ средства къ жизни являются одними изъ худшихъ и вреднѣйшихъ путей, избираемыхъ людьми. Въ каждомъ поколѣніи немного, очень немного такихъ людей, къ словамъ которыхъ стóитъ прислушиваться и произведенія которыхъ стоятъ вниманія. И эти немногіе будутъ проповѣдывать, пѣть и рисовать вопреки существующему спросу: они охотнѣе станутъ голодать, какъ стрекоза басни, чѣмъ перестанутъ пѣть; и даже если вы не хотите слушать ихъ, то въ силу милосердія должны бросить имъ нѣсколько крохъ, чтобы поддержать ихъ жизнь. Но люди, принимающіеся писать или рисовать, чтобы этимъ путемъ добыть себѣ средства къ существованію, считаютъ себя болѣе благородными и менѣе презрѣнными, чѣмъ обыкновенные нищіе, тогда какъ они являются, въ сущности, только шумливыми и вредными попрошайками. Я охотно готовъ платить за содержаніе нашихъ бѣдныхъ бродягъ въ рабочихъ домахъ, но не за то, что они жужжатъ мнѣ въ уши своими шарманками и каррикатурами, соблазняютъ молодыхъ дѣвушекъ своими негодными повѣстями или приводятъ всю націю къ гибели тысячами квадратныхъ миль грязно напечатанной лжи, которыми она упивается каждое утро за завтракомъ. Если люди не въ силахъ добывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, то пусть не кричатъ на

улицахъ, а попридержать свой языкъ и скромно протягиваютъ свои праздныя руки, и ихъ милостиво накормятъ.

Джонъ Рёскинъ

6.

Свой талантъ нельзя продавать. Продавая его, вы одновременно становитесь повинны въ симоніи и въ проституціи. Вы можете продавать свой трудъ, но не свою душу.

Джонъ Рёскинъ.

До тѣхъ поръ, пока не будутъ высланы торговцы изъ храма, храмъ искусства не будетъ храмомъ. Искусство будущаго изгонитъ ихъ.

1-е сентября.

Разумъ указываетъ людямъ ихъ отступленіе отъ закона жизни. Но отступленія эти такъ пріятны и привычны людямъ, что они стараются заглушить разумъ, чтобы онъ не мѣшалъ имъ.

1.

И спасенье и казнь человѣка въ томъ, что когда онъ живетъ неправильно, онъ можетъ себя затуманивать, чтобы не видать бѣдственности своего положенія.

2.

Если жизнь не приходится по совѣсти, то одурманиваніемъ совѣсть сгибается по жизни.

3.

Солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе для того, чтобы легче переносить опасность. И всѣ люди порой представляются такими солдатами, спасающимися отъ жизни: кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами.

4.

Трудно себѣ представить то благотворное измѣненіе, которое произвело бы во всей жизни людской, если бы люди перестали

одурманивать и отравлять себя водкой, виномъ, табакомъ, опіумомъ.

5.

Разсказываютъ про послѣдователей одной секты, что они въ концѣ собранія тушатъ свѣтъ, чтобы предаваться разврату.

Въ нашемъ обществѣ для того, чтобы предаваться постоянному разврату, не переставая тушатъ свѣтъ разума: виномъ, табакомъ, морфіемъ.

6.

Одно изъ главныхъ условій улучшенія жизни людей нашего времени—это освобожденіе себя отъ внушенія (гипноза) зла, подъ которымъ мы находимся, а между тѣмъ, мы не переставая поддерживаемъ себя въ этомъ состояніи табакомъ, виномъ, водкой.

7.

То, что правительство беретъ на себя обязанность поставлять, съ выгодой для себя, развращающія и убивающія душу и тѣло людей вещества: алкоголь, табакъ, самымъ очевиднымъ образомъ показываетъ, если бы и не было другихъ доказательствъ, что правительства не только не заботятся, какъ они утверждаютъ, о нравственности и благѣ народа, а напротивъ, соблазняютъ его, вредятъ ему для цѣлей людей, составляющихъ правительства.

8.

Одурманеніе себя чѣмъ бы то ни было не есть еще преступленіе, но—приготовленіе себя ко всякаго рода преступленіямъ.

9.

Безобразіе и, главное, безсмысленность нашей жизни происходитъ преимущественно отъ постояннаго состоянія опьянѣнія, въ которое приводитъ себя большинство людей. Развѣ возможно было бы, чтобы люди непьяные спокойно дѣлали все то, что дѣлается въ нашемъ мірѣ?

Вы говорите, что нѣтъ никакой важности въ томъ, что пить или не пить, курить или не курить. Если нѣтъ важности, то что же стоитъ вамъ перестать, когда вы знаете про тотъ вредъ, который вы дѣлаете этимъ и себѣ и другимъ своимъ примѣромъ.

Недѣльное чтеніе.

Для чего люди одурманиваются?

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно слѣпое, чувственное и другое—зрячее, духовное. Слѣпое, животное существо ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее, духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее существо это можно сравнить съ стрѣлкою компаса, указывающею однимъ концомъ на Nord, другимъ на противоположный Süd и прикрытою по своему протяженію пластинкою. При чемъ стрѣлка до тѣхъ поръ не видна изъ-подъ пластинки, пока то, что несетъ на себѣ компасъ, двигается по направленію стрѣлки. Но какъ скоро то, что несетъ компасъ, отклоняется отъ указываемаго стрѣлкою направленія, такъ стрѣлка выступаетъ изъ-подъ пластинки и становится видной.

Точно такъ же зрячее, духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчіи мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ, противоположнымъ, на зло и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной

дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусомъ, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движенію направленіе, соотвѣтствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ея отклоненіе, такъ точно и всякій человѣкъ, почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животною дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ея въ согласіе съ совѣстью, или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ этихъ двухъ дѣятельностей: 1) приведенія своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманіе къ тому, что онъ освѣщаетъ; для второго—для скрытія отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти; внутренній состоитъ въ затемненіи самой совѣсти.

Какъ можетъ человѣкъ скрыть отъ своего зрѣнія находящійся предъ нимъ предметъ двумя способами: внѣшнимъ отвлеченіемъ зрѣнія къ другимъ, болѣе поражающимъ предметамъ, и засореніемъ глазъ, такъ точно и указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ—отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ—засореніемъ самаго органа вниманія. Для людей съ тупымъ, ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполнѣ достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чуткихъ средствъ этихъ часто недостаточно.

Внѣшніе способы не вполнѣ отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти; сознаніе это мѣшаетъ жить: и люди, чтобъ имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемненія са-

мой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованіямъ совѣсти. Повернуть жизнь сообразно этимъ требованіямъ—нѣтъ силъ.

Развлеченія, которыя бы отвлекали отъ сознанія этого разлада, недостаточны, или они пріѣлись. И вотъ для того, чтобы быть въ состояніи продолжать жить, несмотря на указанія совѣсти о неправильности жизни, люди отравляютъ, на время прекращая его дѣятельность, тотъ органъ, черезъ который проявляются указанія совѣсти, такъ же какъ человѣкъ, умышленно засорившій глаза, скрылъ бы отъ себя то, что онъ не хотѣлъ бы видѣть.

Л. Толстой.

2-е сентября.

Чѣмъ ближе люди къ истинѣ, тѣмъ они терпимѣе. И наоборотъ.

1.

Только люди невѣрующіе, т.-е. невѣрующіе въ духовную основу жизни и принимающіе за вѣру усвоенные ими внѣшніе пріемы, могутъ быть нетерпимы. Они нетерпимы, потому что не видятъ, не могутъ видѣть, независимость истинной вѣры отъ воли человѣка. Отъ этого-то и происходило и происходитъ то, что всегда самые невѣрующіе люди, начиная отъ фарисеевъ, замучавшихъ Христа, и до такихъ властей, которыя ссылаютъ людей за вѣру, всегда гнали и гонятъ вѣрующихъ, и гоненія эти всегда не ослабляли, а только усиливали вѣру вѣрующихъ.

2.

Богъ водворяетъ вѣру въ сердце человѣка съ помощью совѣсти и разума. Водворять вѣру силою и угрозами нельзя; силою и угрозами водворяютъ не вѣру, а ужасъ. Не слѣдуетъ осуждать и укорять невѣрующихъ и заблуждающихся: они и безъ того достаточно несчастны отъ своихъ заблужденій. Слѣдовало бы укорять ихъ только въ томъ случаѣ, если бы это могло принести имъ пользу, но это, наоборотъ, только больше отталкиваетъ ихъ и тѣмъ причиняетъ имъ вредъ. Паскаль.

3.

Есть одно несомнѣнное правило, которое мы должны всегда помнить: это то, что если доброе дѣло не можетъ быть совершено въ спокойномъ, доброжелательномъ духѣ, то время этого дѣла еще не наступило.

4.

Нѣтъ ничего болѣе недостойнаго разумнаго существа, какъ то, чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали истиной, оказалось ложью.

Не лучше ли искать новыхъ основъ единенія, которыя замѣнятъ прежнія. Мартино.

5.

Вѣру, какъ и любовь, нельзя вызвать насильно. Поэтому вводить ее или стараться утвердить государственными мѣропріятіями—дѣло рискованное, ибо, какъ попытка принудить къ любви вызываетъ ненависть, такъ попытка принудить къ вѣрѣ вызываетъ невѣріе. Шопенгауэръ.

Истинная вѣра не нуждается во внѣшней поддержкѣ ни насилія, ни торжественнаго блеска. Не нуждается и въ заботахъ о распространеніи. (У Бога времени много. Тысячи лѣтъ какъ одинъ годъ.) Тотъ, кто хочетъ поддержать свою вѣру насиліемъ, внѣшними торжественными пріемами, хочетъ поскорѣе распространить ее—тотъ самъ мало или совсѣмъ не вѣритъ.

3-е сентября.

Богъ непостижимъ для человѣческаго ума. Мы знаемъ только то, что Онъ есть.

1.

Я прежде видѣлъ явленія жизни, не думая о томъ, откуда эти явленія и почему я вижу ихъ.

И потомъ я понялъ, что все, что я вижу, происходитъ отъ свѣта разумѣнія, и я такъ обрадовался, что свелъ все къ

одному, и совершенно удовлетворился признаніемъ одного разумѣнія началомъ всего.

Но потомъ я увидалъ, что разумѣніе есть свѣтъ, доходящій до меня черезъ какое-то матовое стекло. Свѣтъ я вижу, но то, что даетъ этотъ свѣтъ, я не знаю, хотя и знаю, что оно есть.

Это—то, что есть источникъ свѣта, освѣщающаго меня, которое я не знаю, но существованіе котораго я знаю, и есть Богъ.

2.

Не пытайся проникнуть въ сущность божественной природы; безбожно желать познать то, что не открыто Богомъ.

Менандеръ.

3.

Вѣрь въ Бога, служи Ему, но не пытайся познать Его сущность; ты ничего не получишь за свои труды, кромѣ твоего тщетнаго усилія.

Не заботься даже о томъ, чтобы узнать, существуетъ Онъ или нѣтъ, служи Ему, какъ будто Онъ существуетъ и вездѣ присутствуетъ.

Филимонъ.

4.

Никто еще не проникъ въ тайну великаго начала. Никто не ступилъ шага внѣ самого себя. О Ты, въ поискахъ Кого находится весь міръ въ смятеніи! Святой, нищій, такъ же какъ и богатый человѣкъ, одинаково далеки отъ возможности достигнуть Тебя: имя Твое звучитъ вмѣстѣ съ существованіемъ всѣхъ, но всѣ глухи; Ты передъ всѣми глазами, но всѣ слѣпы.

Персидскій Кейяшъ XI стол.

5.

Мы познаемъ существованіе Бога не столько разумомъ, сколько сознаніемъ той полной зависимости отъ Него, въ которой мы себя чувствуемъ, въ родѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери.

Ребенокъ не знаетъ, кто держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ его, но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ,—любитъ того, во власти кого онъ находится.

Не смущайся тѣмъ, что понятіе Бога неясно тебѣ. Чѣмъ проще и яснѣе оно, тѣмъ оно дальше отъ истины и тѣмъ ненадежнѣе, какъ опора.

4-е сентября.

Нравственное благо пріобрѣтается не сразу, а постоянными усиліями.

1.

Когда мы обучаемся грамотѣ, то мы учимся, какъ читать и писать. Но грамота не научитъ насъ, нужно ли написать нашему другу письмо, или не нужно. Точно такъ же и музыка научаетъ насъ пѣть или играть на инструментѣ, но она не научитъ насъ, когда можно пѣть и своевременно ли играть.

Одинъ только разумъ указываетъ намъ то, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ.

Надѣливъ насъ разумомъ, Богъ далъ намъ въ распоряженіе то, что намъ нужнѣе всего и съ чѣмъ мы можемъ справиться.

Создавъ меня такимъ, каковъ я есть, Богъ какъ бы сказалъ мнѣ такъ: „Эпиктетъ! Я могъ бы даровать гораздо больше твоему ничтожному тѣлу и твоей маленькой судьбѣ. Но не упрекай Меня въ томъ, что Я этого не сдѣлалъ. Я не хотѣлъ даровать тебѣ полной свободы дѣлать все, что тебѣ вздумается, но Я вселилъ въ тебя божественную частицу Себя Самого. Я даровалъ тебѣ спо-

собность стремиться къ добру и избѣгать зла; Я вселилъ въ тебя свободное разумѣніе. Если будешь прикладывать свой разумъ ко всему тому, что случается съ тобою, то ничто въ мірѣ не будетъ служить тебѣ препятствіемъ или стѣсненіемъ на томъ пути, который Я тебѣ назначилъ; ты никогда не будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать ихъ или поддѣлываться къ нимъ. Не считай, что этого мало для тебя. Неужели мало для тебя того, чтобы прожить всю твою жизнь разумно, спокойно и радостно? такъ довольствуйся же этимъ!“

Эпиктетъ.

2.

На ваннѣ короля Чингъ-Чангъ были вырѣзаны слѣдующія слова: „Каждый день возобновляй себя совершенно; дѣлай это снова, снова и опять снова“.

Китайская мудрость.

3.

Добродѣтель мудрецовъ напоминаетъ собою путешествіе въ дальнюю страну и восхожденіе на высоту: идущіе въ дальнюю страну начинаютъ свою ходьбу съ перваго шага; восходящіе на высоту начинаютъ съ подошвы горы.

Конфуцій.

4.

Чтобы правильно и хорошо сдѣлать какое-нибудь дѣло, нужно умѣть сдѣлать его. Это понимаетъ всякій. Такъ же точно для того, чтобы правильно и хорошо жить, нужно умѣть и хотѣть жить правильно и хорошо.

Эпиктетъ.

5.

Но Іисусъ сказалъ ему: никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царствія Божія.

Лк. IX, 62.

6.

Истинная добродѣтель никогда не озирается назадъ на тѣнь свою — на славу.

Гёте.

7.

Человѣкъ счастливъ только тогда, когда онъ можетъ сказать, что исполнилъ свою собственную работу, что положилъ душу на трудъ свой и что довелъ его до конца, насколько могъ лучше. Если же онъ поступитъ иначе, то и, покончивъ съ трудомъ, онъ не почувствуетъ ни отрады, ни облегченія. Эмерсонъ.

Не жди не только быстраго, но никакого видимаго тебѣ успѣха отъ твоихъ усилій къ добру. Ты не увидишь плодовъ своихъ усилій, потому что насколько ты подвинулся, настолько подвинулся передъ тобой и идеалъ, къ которому ты стремишься. Усилія не средство, а цѣль. Въ нихъ же и награда.

5-е сентября.

Вѣра не есть вѣра, если жизнь не согласна съ нею.

1.

Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова Мои сіи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ.

А всякій, кто слушаетъ сіи слова Мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое.

Мѳ. VII, 24—27.

2.

Смерть неизбѣжна для всего рожденнаго, такъ же какъ и рожденіе неизбѣжно для всего смертнаго. Поэтому не должно сѣтовать на то, что неизбѣжно. Прежнее состояніе существъ неизвѣстно, среднее состояніе очевидно, будущее состояніе не можетъ быть познано, о чемъ же заботиться и безпокоиться? Нѣкоторые люди смотрятъ на душу, какъ на чудо, а другіе говорятъ и слушаютъ про нее съ удивленіемъ, но никто ничего не знаетъ про нее.

Дверь неба открыта для тебя ровно настолько, насколько тебѣ нужно. Освободись отъ заботы и тревогъ и направь свою душу на духовное. Пусть твои поступки будутъ руководимы тобою, а не событіями. Не будь изъ тѣхъ, цѣль поступковъ которыхъ—награда. Будь внимателенъ, совершай свой долгъ, оставь мысль о послѣдствіяхъ, такъ чтобы тебѣ было все равно, кончится ли дѣло пріятно или непріятно для тебя. Индійскій Богавата.

3.

Что́ пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что̀ пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ. Но скажетъ кто-нибудь, ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла: покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою изъ дѣлъ моихъ.

Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только? Ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва. Посл. Іак. II, 14—18, 24, 26.

4.

Какъ человѣка, счастливо вернувшагося домой послѣ долгаго отсутствія, радостно привѣтствуютъ его родственники, друзья и близкіе, такъ и добрыя дѣла, совершонныя здѣсь, тамъ—въ иномъ мѣстѣ—радостно встрѣчаютъ отшедшаго, привѣтствуютъ его, какъ друзья своего добраго друга. Буддійская мудрость.

5.

Человѣкъ, знающій законъ, но не исполняющій его, подобенъ человѣку, который пашетъ, но не сѣетъ.

Если человѣкъ не спѣшитъ исполнить то, что онъ признаетъ закономъ Бога, то онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ законъ Его.

6-е сентября.

Заблужденіе есть обычное состояніе людей. Въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ слояхъ общества оно бываетъ особенно распространено. Таково оно въ наше время въ нашемъ христіанскомъ обществѣ.

1.

Кѣмъ бы ни совершонъ былъ грѣхъ, онъ болѣе всего ужасенъ, когда его совершаетъ ученый человѣкъ. Невѣжественный простолюдинъ и развратный лучше, чѣмъ ученый и невоздержный человѣкъ; потому что первый сбился съ дороги по слѣпотѣ, а второй зрячимъ упалъ въ колодецъ. (Персидскій Галистанъ Саади).

Таковъ грѣхъ людей нашего времени, просвѣщенныхъ христіанствомъ и соединенныхъ никогда прежде не бывшими средствами сообщенія.

2.

Человѣкъ лишился души; прошло нѣсколько времени, и онъ теперь начинаетъ томиться по ней. Эта потеря души составляетъ поистинѣ наше больное мѣсто,—центръ всемірной общественной гангрены, грозящей всѣмъ современнымъ явленіямъ страшной смертью. Человѣкъ, желающій вникнуть, легко пойметъ, что это стволъ, корень и мочка анчара, широко раскинувшаго свои вѣтви съ ихъ

ѣдкими ядовитыми испареніями, отъ которыхъ міръ корчится въ атрофіи и агоніи. Касаясь его, вы касаетесь фокуса нашего недуга, нашей страшной болѣзни. Нѣтъ у насъ ни религіи, ни Бога; человѣкъ лишился души и тщательно ищетъ антисептическихъ средствъ; но гнилостная проказа, ослабѣвающая на одинъ мигъ, появляется снова еще болѣе сильной и грозной. Карлейль.

3.

Наши газеты съ ихъ описаніями преступленій и всякаго рода ужасовъ являются какъ бы дополненіемъ къ завтракамъ изъ мяса. Есть ли что удивительнаго въ томъ, что, подвергнувъ тлетворному вліянію того и другого свою душу и тѣло, люди оказываются потомъ склонными къ ссорамъ, войнамъ и самоубійствамъ? Развѣ не странно бы было видѣть ихъ счастливыми послѣ такого начинанія дня? Гипнотизирующее вліяніе ихъ духовной и тѣлесной пищи такого рода, что неизбѣжно должно довести ихъ до состоянія постояннаго безпокойства, мученія и отчаянія. Люси Малори.

4.

Люди ищутъ удовольствія, бросаясь изъ стороны въ сторону только потому, что чувствуютъ пустоту своей жизни, но не чувствуютъ еще пустоты той новой потѣхи, которая ихъ притягиваетъ. Паскаль.

5.

Все, что мы дѣлаемъ для обезпеченія нашей жизни, совершенно то же, что дѣлаетъ страусъ, останавливаясь и пряча голову, чтобы не видать, какъ его убиваютъ. Мы дѣлаемъ хуже страуса: чтобы сомнительно обезпечить нашу сомнительную жизнь въ сомнительномъ будущемъ, мы навѣрно губимъ нашу вѣрную жизнь въ вѣрномъ настоящемъ.

6.

Стоитъ со стороны взглянуть на жизнь нашихъ богатыхъ классовъ, чтобы увидѣть, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ совсѣмъ не для этого, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ, забывать о томъ, что жизнь никогда не обезпечена и не можетъ быть обезпечена.

7.

Человѣкъ обладаетъ непреодолимымъ стремленіемъ вѣрить, что его не видятъ, когда онъ ничего не видитъ,—какъ дѣти, которыя закрываютъ глаза, чтобы ихъ не увидали. Лихтенбергъ.

8.

Люди нашего времени вѣрятъ, что вся безсмысленность и жестокость нашей жизни съ безумнымъ богатствомъ нѣсколькихъ, съ завистливой озлобленной нищетой большинства, съ насиліемъ, вооруженіями и войнами, не видны никому и что ничто не мѣшаетъ намъ продолжать жить такою жизнью.

Заблужденіе не перестаетъ быть заблужденіемъ отъ того, что большинство раздѣляетъ его.

7-е сентября.

Если жизнь—благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условіе жизни.

1.

Смерть.

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой!
О, дочь верховнаго Эѳира!
О, свѣтозарная краса!

Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.
Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равновѣсья дикихъ скалъ,
Въ твое храненье Всемогущій
Его устройство поручалъ.
И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ *) его лія.
И въ немъ прохладнымъ дуновеньемъ
Смиряя буйство бытія,
Ты укрощаешь возстающій
Въ безумной силѣ ураганъ,
Ты на брега свои бѣгущій
Вспять возвращаешь океанъ.
Даешь предѣлы ты растенью,
Чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ
Земли губительною тѣнью,
Злакъ не возсталъ бы до небесъ.
А человѣкъ! Святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ,
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.
Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ломаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.
Недоумѣнье, принужденье—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Баратынскій.

2.

Гдѣ умершіе? Тамъ же, гдѣ нерожденные.

Сенека.

*) Распрямъ.

3.

Если смерть страшна, то причина этого не въ ней, а въ насъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ меньше онъ боится смерти.

Для совершенно святого нѣтъ смерти.

4.

Плотская смерть уничтожаетъ то, что держитъ тѣло вмѣстѣ,— сознаніе временной жизни. Но вѣдь это случается съ нами безпрестанно и каждый день, когда мы засыпаемъ. Вопросъ въ томъ, уничтожаетъ ли плотская смерть то, что соединяетъ всѣ послѣдовательныя сознанія въ одно, т.-е. мое особенное отношеніе къ міру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношеніе къ міру, соединяющее въ одно всѣ послѣдовательныя сознанія, родилось съ моимъ плотскимъ существованіемъ, а потому и умретъ съ нимъ. А этого - то и нѣтъ.

Разсуждая на основаніи своего сознанія, я вижу, что соединявшее всѣ мои сознанія въ одно—извѣстная воспріимчивость къ одному и холодность къ другому, вслѣдствіе чего одно остается, другое исчезаетъ во мнѣ,—степень моей любви къ добру и ненависти къ злу,—что это мое особенное отношеніе къ міру, составляющее именно меня, особеннаго меня, не есть произведеніе какой-либо внѣшней причины, а есть основная причина всѣхъ остальныхъ явленій моей жизни.

Разсуждая на основаніи наблюденія, мнѣ представляется, что причины особенности моего *я* находятся въ особенностяхъ моихъ родителей и условій, вліявшихъ на меня и на нихъ; но, разсуждая по этому пути дальше, я не могу не видѣть, что если особенное мое *я* лежитъ въ особенности моихъ родителей и условій, вліявшихъ на нихъ, то оно лежитъ и въ особенности всѣхъ моихъ предковъ и въ условіяхъ ихъ существованія — до безконечности, т.-е. внѣ времени и внѣ пространства,—такъ что мое особенное *я* произошло внѣ пространства и внѣ времени, т.-е. то самое, что я и сознаю.

5.

Прежде чѣмъ достигнуть старости, я старался хорошо жить; въ старости я стараюсь хорошо умереть; чтобы хорошо умереть, нужно умереть охотно. Сенека.

6.

Люди, не понимающіе жизни, не могутъ не бояться смерти.

Ты боишься смерти, но подумай о томъ, что бы было, если бы ты былъ обреченъ въ твоей все одной и той же личности на вѣчную жизнь?

8-е сентября.

Въ дѣтяхъ всѣ величайшія возможности.

1.

И сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное. Итакъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ Царствѣ Небесномъ. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской.

Мѳ. XVIII, 3—4, 6.

2.

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ! ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе. Мѳ. XI, 25—26.

3.

Отчего дѣти нравственно выше большинства людей? Оттого, что разумъ ихъ не извращенъ ни обманами, ни соблазнами, ни грѣхами. На пути къ совершенству у нихъ ничего не стоитъ. Тогда какъ у взрослыхъ стоятъ грѣхъ, соблазнъ и обманъ.

Первымъ надо только идти, вторымъ—бороться.

4.

Какъ ужасенъ бы былъ міръ, если бы не рождались постоянно дѣти, несущія съ собой невинность и возможность всякаго совершенства!

Джонъ Рёскинъ.

5.

Благословенно дѣтство, которое среди жестокости земли даетъ хоть немного неба. Эти восемьдесятъ тысячъ ежедневныхъ рожденій, о которыхъ говоритъ статистика, составляютъ какъ бы изліянія невинности и свѣжести, которая борется не только противъ уничтоженія рода, но и противъ человѣческой испорченности и всеобщаго зараженія грѣхомъ. Всѣ добрыя чувства, вызываемыя около колыбели и дѣтства, составляютъ одну изъ тайнъ великаго Провидѣнія; уничтожьте вы эту освѣжающую росу, и вихрь эгоистическихъ страстей какъ огнемъ высушитъ человѣческое общество. Если предположить, что человѣчество состояло бы изъ милліарда безсмертныхъ существъ, число которыхъ не могло бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, гдѣ бы мы были и что бы мы были, великій Боже! Мы стали бы, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ ученѣе, но и въ тысячу разъ хуже. Знаніе накопилось бы, но всѣ добродѣтели, которыя зарождаются отъ страданій и преданности, т.-е. семья и общество, были бы мертвы. Не было бы возмѣщенія.

Благословенно дѣтство за то благо, которое оно даетъ само, и за то добро, которое оно производитъ, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видимъ на землѣ частичку рая. Безъ родительскихъ чувствъ, я думаю, что самой любви недостаточно было бы, чтобы препятствовать безсмертнымъ людямъ пожирать другъ друга; разумѣется,

такимъ людямъ, какими сдѣлали ихъ наши страсти. Ангелы не нуждаются ни въ рожденіи, ни въ смерти для того, чтобы жить, потому что ихъ жизнь небесна. Аміель.

6.

Господи Боже нашъ!.. Изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу, ради враговъ Твоихъ, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и мстителя. Пс. VIII, 3.

7.

Дѣтство часто держитъ въ своихъ слабыхъ пальцахъ истину, которую не могутъ удержать люди своими мужественными руками и открытіе которой составляетъ гордость позднѣйшихъ лѣтъ.

Джонъ Рёскинъ.

8.

Ребенокъ знаетъ душу свою, она дорога ему, онъ бережетъ ее, какъ вѣко бережетъ глазъ, и безъ ключа любви никого не пускаетъ въ душу свою.

9.

Дѣти знаютъ истину такъ же, какъ часто люди знаютъ иностранный языкъ, хотя и не умѣютъ говорить на немъ. Они не сумѣютъ сказать вамъ, въ чемъ добро, но безошибочно отвернутся отъ всего недобраго.

10.

Притворство въ чемъ бы то ни было можетъ обмануть самаго умнаго, проницательнаго человѣка, но самый ограниченный ребенокъ, какъ бы оно ни было искусно скрываемо, узнаетъ его и отвращается!

11.

Можетъ ли быть что-нибудь извращеннѣе, чѣмъ то, когда дѣтямъ, едва вступившимъ въ этотъ міръ, начинаютъ сейчасъ же говорить о другомъ мірѣ. Кантъ.

12.

Какое время можетъ быть лучше дѣтства, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — являются единственными побужденіями въ жизни.

Уважай всякаго человѣка, но во сто разъ больше уважай ребенка и берегись того, чтобы не нарушить дѣвственной чистоты его.

Недѣльное чтеніе.

Бѣглецъ.

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шелъ съ матерью подъ дождемъ, то по скошенному полю, то по лѣснымъ тропинкамъ, гдѣ къ его сапогамъ липли желтые листья, шелъ до тѣхъ поръ, пока не разсвѣло. Потомъ онъ часа два стоялъ въ темныхъ сѣняхъ и ждалъ, когда отопрутъ дверь. Въ сѣняхъ было не такъ холодно и сыро, какъ на дворѣ, но при вѣтрѣ и сюда залетали дождевыя брызги. Когда сѣни мало-по-малу биткомъ набились народомъ, стиснутый Пашка припалъ лицомъ къ чьему-то тулупу, отъ котораго сильно пахло соленой рыбой, и вздремнулъ. Но вотъ щелкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка съ матерью вошелъ въ пріемную. Тутъ опять пришлось долго ждать. Всѣ больные сидѣли на скамьяхъ, не шевелились и молчали. Пашка оглядывалъ ихъ и тоже молчалъ, хотя видѣлъ много страннаго и смѣшного. Разъ только, когда въ пріемную, подпрыгивая на одной ногѣ, вошелъ какой-то парень, Пашкѣ самому захотѣлось также попрыгать; онъ толкнулъ мать подъ локоть, прыснулъ въ рукавъ и сказалъ:

— Мама, гляди: воробей!

— Молчи, дѣтка, молчи!—сказала мать.

Въ маленькомъ окошечкѣ показался заспанный фельдшеръ.

— Подходи записываться!—пробасилъ онъ.

Всѣ, въ томъ числѣ и смѣшной подпрыгивающій парень, потянулись къ окошечку. У каждаго фельдшеръ спрашивалъ имя и отчество, лѣта, мѣстожительство, давно ли боленъ и проч. Изъ

отвѣтовъ своей матери Пашка узналъ, что зовутъ его не Пашкой, а Павломъ Галактіоновымъ, что ему семь лѣтъ, что онъ неграмотенъ и боленъ съ самой Пасхи.

Вскорѣ послѣ записыванія нужно было не надолго встать; черезъ пріемную прошелъ докторъ въ бѣломъ фартукѣ и подпоясанный полотенцемъ. Проходя мимо подпрыгивающаго парня, онъ пожалъ плечами и сказалъ пѣвучимъ теноромъ:

— Ну, и дуракъ! Что жъ, развѣ не дуракъ? Я велѣлъ тебѣ придти въ понедѣльникъ, а ты приходишь въ пятницу. По мнѣ, хоть вовсе не ходи, но вѣдь, дуракъ этакой, нога пропадетъ!

Парень сдѣлалъ такое жалостное лицо, какъ будто собрался просить милостыню, заморгалъ и сказалъ:

— Сдѣлайте такую милость, Иванъ Миколаичъ!

— Тутъ нечего—Иванъ Миколаичъ!—передразнилъ докторъ.— Сказано въ понедѣльникъ, и надо слушаться. Дуракъ, вотъ и все...

Началась пріемка. Докторъ сидѣлъ у себя въ комнаткѣ и выкликалъ больныхъ по очереди. То и дѣло изъ комнатки слышались пронзительные вопли, дѣтскій плачъ, или сердитые возгласы доктора:

— Ну, что орешь? Рѣжу я тебя, что ли? Сиди смирно!

Настала очередь Пашки.

— Павелъ Галактіоновъ!—крикнулъ докторъ.

Мать обомлѣла, точно не ждала этого вызова, и, взявъ Пашку за руку, повела его въ комнатку. Докторъ сидѣлъ у стола и машинально стучалъ по толстой книгѣ молоточкомъ.

— Что болитъ?—спросилъ онъ, не глядя на вошедшихъ.

— У парнишки болячка на локтѣ, батюшка,—отвѣтила мать, и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

— Раздѣнь его!

Пашка, пыхтя, распуталъ на шеѣ платокъ, потомъ вытеръ рукавомъ носъ и сталъ не спѣша стаскивать тулупчикъ.

— Баба, не въ гости пришла!—сказалъ сердито докторъ.—Что возишься? Вѣдь ты у меня не одна тутъ.

Пашка торопливо сбросилъ тулупчикъ на землю и съ помощью

матери снялъ рубаху... Докторъ лѣниво поглядѣлъ на него и похлопалъ его по голому животу.

— Важное, братъ Пашка, ты себѣ пузо отрастилъ,—сказалъ онъ и вздохнулъ.—Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на тазъ съ кровяными помоями, поглядѣлъ на докторскій фартукъ и заплакалъ.

— Ме-е!—передразнилъ докторъ.—Женить пора баловника, а онъ реветъ! Безсовѣстный!

Стараясь не плакать, Пашка поглядѣлъ на мать, и въ этомъ его взглядѣ была написана просьба: „ты же не разсказывай дома, что я въ больницѣ плакалъ!“

Докторъ осмотрѣлъ его локоть, подавилъ, вздохнулъ, чмокнулъ губами, потомъ опять подавилъ.

— Бить тебя, баба, да некому,—сказалъ онъ.—Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то вѣдь пропащая! Гляди-ка-сь, дура, вѣдь это суставъ болитъ!

— Вамъ лучше знать, батюшка...—вздохнула баба.

— Батюшка... Сгноила парню руку, да теперь и батюшка! Какой онъ работникъ безъ руки? Вотъ вѣкъ цѣлый и будешь съ нимъ няньчиться. Небось, какъ у самой прыщъ на носу вскочитъ, такъ сейчасъ же въ больницу бѣжишь, а мальчишку полгода гноила. Всѣ вы такія.

Докторъ закурилъ папироску. Пока папироска дымила, онъ распекалъ бабу и покачивалъ головой въ тактъ пѣсни, которую напѣвалъ мысленно, и все думалъ о чемъ-то. Голый Пашка стоялъ передъ нимъ, слушалъ и глядѣлъ на дымъ. Когда же папироса потухла, докторъ встрепенулся и заговорилъ тономъ ниже:

— Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тутъ не поможешь. Надо его въ больницѣ оставить.

— Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

— Мы ему операцію сдѣлаемъ. А ты, Пашка, оставайся,—сказалъ докторъ, хлопая Пашку по плечу.—Пусть мать ѣдетъ, а мы съ тобой, братъ, тутъ останемся. У меня, братъ, хорошо, разлюли малина! Мы съ тобой, Пашка, вотъ какъ управимся, чижей пойдемъ ловить, я тебѣ лисицу покажу! Въ гости вмѣстѣ поѣдемъ! А? Хочешь? А мать за тобой завтра пріѣдетъ! А?

Пашка вопросительно поглядѣлъ на мать.

— Оставайся, дѣтка! — сказала та.

— Остается, остается! — весело закричалъ докторъ. — И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поѣдемъ вмѣстѣ на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверхъ!

Докторъ, повидимому веселый и покладистый малый, радъ былъ компаніи; Пашка захотѣлъ уважить его, тѣмъ болѣе, что отродясь не бывалъ на ярмаркѣ и охотно бы поглядѣлъ на живую лисицу, но какъ обойтись безъ матери? Подумавъ немного, онъ рѣшилъ попросить доктора оставить въ больницѣ и мать, но не успѣлъ онъ раскрыть рта, какъ фельдшерица уже вела его вверхъ по лѣстницѣ. Шелъ онъ и, разинувъ ротъ, глядѣлъ по сторонамъ. Лѣстница, полы и косяки—все громадное, прямое и яркое—были выкрашены въ великолѣпную желтую краску и издавали вкусный запахъ постнаго масла. Всюду висѣли лампы, тянулись половики, торчали въ стѣнахъ мѣдные краны. Но больше всего Пашкѣ понравилась кровать, на которую его посадили, и сѣрое шаршавое одѣяло. Онъ потрогалъ руками подушки и одѣяло, оглядѣлъ палату и рѣшилъ, что доктору живется очень недурно.

Палата была не велика и состояла только изъ трехъ кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидѣлъ какой-то старикъ съ кислыми глазами, который все время кашлялъ и плевалъ въ кружку. Съ Пашкиной кровати видна была въ дверь часть другой палаты съ двумя кроватями: на одной спалъ какой-то очень блѣдный, тощій человѣкъ съ каучуковымъ пузыремъ на головѣ; на другой, разставивъ руки, сидѣлъ мужикъ съ повязанной головой, очень похожій на бабу.

Фельдшерица, усадивъ Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа въ охапкѣ кучу одежи.

— Это тебѣ,—сказала она.—Одѣвайся.

Пашка раздѣлся и не безъ удовольствія сталъ облачаться въ новое платье. Надѣвши рубаху, штаны и сѣрый халатикъ, онъ самодовольно оглядѣлъ себя и подумалъ, что въ такомъ костюмѣ недурно бы пройтись по деревнѣ. Его воображеніе нарисовало, какъ мать посылаетъ его на огородъ къ рѣкѣ нарвать для поро-

сонка капустныхъ листьевъ; онъ идетъ, а мальчишки и дѣвчонки окружили его и съ завистью глядятъ на его халатикъ.

Въ палату вошла сидѣлка, держа въ рукѣ двѣ оловянныхъ миски, ложки и два куска хлѣба. Одну миску она поставила передъ старикомъ, другую—передъ Пашкой.

— Ѣшь!—сказала она.

Взглянувъ въ миску, Пашка увидѣлъ жирныя щи, а въ щахъ кусокъ мяса, и опять подумалъ, что доктору живется очень недурно и что докторъ вовсе не такъ сердитъ, какимъ показался сначала. Долго онъ ѣлъ щи, облизывая послѣ каждаго хлебка ложку, потомъ, когда, кромѣ мяса, въ мискѣ ничего не осталось, покосился на старика и позавидовалъ, что тотъ все еще хлебаетъ. Со вздохомъ онъ принялся за мясо, стараясь ѣсть его возможно дольше, но старанія его ни къ чему не привели: скоро исчезло и мясо. Остался только кусокъ хлѣба. Невкусно ѣсть одинъ хлѣбъ безъ приправы, но дѣлать было нечего, Пашка подумалъ и съѣлъ хлѣбъ. Въ это время вошла сидѣлка съ новыми мисками. На этотъ разъ въ мискахъ было жаркое съ картофелемъ.

— А гдѣ же хлѣбъ-то?—спросила сидѣлка.

Вмѣсто отвѣта Пашка надулъ щеки и выдыхнулъ воздухъ.

— Ну, зачѣмъ сожралъ?—сказала укоризненно сидѣлка.—А съ чѣмъ же ты жаркое ѣсть будешь?

Она вышла и принесла новый кусокъ хлѣба. Пашка отродясь не ѣлъ жаренаго мяса и, испробовавъ его теперь, нашелъ, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро и послѣ него остался кусокъ хлѣба больше, чѣмъ послѣ щей. Старикъ, пообѣдавъ, спряталъ свой оставшійся хлѣбъ въ столикъ; Пашка хотѣлъ сдѣлать то же самое, но подумалъ и съѣлъ свой кусокъ.

Наѣвшись, онъ пошелъ прогуляться. Въ сосѣдней палатѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дверь, находилось еще четыре человѣка. Изъ нихъ только одинъ обратилъ на себя его вниманіе. Это былъ высокій, крайне исхудалый мужикъ съ угрюмымъ волосатымъ лицомъ; онъ сидѣлъ на кровати и все время, какъ маятникомъ, кивалъ головой и махалъ правой рукой. Пашка долго не отрывалъ отъ него глазъ. Сначала маятникообразныя, мѣрныя киванія мужика казались ему курьезными, производимыми для все-

общей потѣхи, но когда онъ вглядѣлся въ лицо мужика, ему стало жутко, и онъ понялъ, что этотъ мужикъ нестерпимо боленъ. Пройдя въ третью палату, онъ увидѣлъ двухъ мужиковъ съ темно-красными лицами, точно вымазанными глиной. Они неподвижно сидѣли на кроватяхъ и со своими странными лицами, на которыхъ трудно было различить черты, походили на языческихъ божковъ.

— Тетка, зачѣмъ они такіе?—спросилъ Пашка у сидѣлки.

— У нихъ, парнишка, воспа.

Вернувшись къ себѣ въ палату, Пашка сѣлъ на кровать и сталъ дожидаться доктора, чтобы идти съ нимъ ловить чижей или ѣхать на ярмарку. Но докторъ не шелъ. Въ дверяхъ сосѣдней палаты мелькнулъ не надолго фельдшеръ. Онъ нагнулся къ тому больному, у котораго на головѣ лежалъ мѣшокъ со льдомъ, и крикнулъ:

— Михайло!

Спавшій Михайло не шевельнулся. Фельдшеръ махнулъ рукой и ушелъ. Въ ожиданіи доктора, Пашка осматривалъ своего сосѣда-старика. Старикъ, не переставая, кашлялъ и плевалъ въ кружку; кашель у него былъ протяжный, скрипучій. Пашкѣ понравилась одна особенность старика: когда онъ, кашляя, вдыхалъ въ себя воздухъ, то въ груди его что-то свистѣло и пѣло на разные голоса.

— Дѣдъ, что это у тебя свиститъ?—спросилъ Пашка.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Пашка подождалъ немного и спросилъ:

— Дѣдъ, а гдѣ лисица?

— Какая лисица?

— Живая.

— Гдѣ жъ ей быть? Въ лѣсу!

Прошло много времени, но докторъ все еще не являлся. Сидѣлка принесла чай и побранила Пашку за то, что онъ не оставилъ себѣ хлѣба къ чаю; приходилъ еще разъ фельдшеръ и принимался будить Михайлу; за окнами посинѣло, въ палатахъ зажглись огни, а докторъ не показывался. Было уже поздно ѣхать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и сталъ думать. Вспомнилъ онъ леденцы, обѣщанные докторомъ, лицо и голосъ

матери, потемки въ своей избѣ, печку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдругъ скучно и грустно. Вспомнилъ онъ, что завтра мать придетъ за нимъ, улыбнулся и закрылъ глаза.

Его разбудилъ шорохъ. Въ сосѣдней палатѣ кто-то шагалъ и говорилъ полушопотомъ. При тускломъ свѣтѣ ночниковъ и лампадъ, возлѣ кровати Михайлы двигались три фигуры.

— Понесемъ съ кроватью, аль такъ?—спросила одна изъ нихъ.

— Такъ. Не пройдешь съ кроватью. Эка, померъ не во-время, царство небесное!

Одинъ взялъ Михайлу за плечи, другой—за ноги и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли въ воздухѣ. Третій—это былъ мужикъ, похожій на бабу—закрестился, и всѣ трое, безпорядочно стуча ногами и ступая на полы Михайлы, пошли изъ палаты.

Въ груди спавшаго старика раздавались свистъ и разноголосое пѣніе. Пашка прислушался, взглянулъ на темныя окна и въ ужасѣ вскочилъ съ кровати.

— Ма-а-ма!—простоналъ онъ басомъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ бросился въ сосѣднюю палату. Тутъ свѣтъ лампадки и ночника еле-еле прояснялъ потемки; больные, потревоженные смертью Михайлы, сидѣли на своихъ кроватяхъ; мѣшаясь съ тѣнями, всклоченные, они представлялись шире, выше ростомъ и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати въ углу, гдѣ было темнѣе, сидѣлъ мужикъ и кивалъ головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился въ палату оспенныхъ, оттуда въ коридоръ, изъ коридора влетѣлъ въ большую комнату, гдѣ лежали и сидѣли на кроватяхъ чудовища съ длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробѣжавъ черезъ женское отдѣленіе, онъ опять очутился въ коридорѣ, увидѣлъ перила знакомой лѣстницы и побѣжалъ внизъ. Тутъ онъ узналъ пріемную, въ которой сидѣлъ утромъ, и сталъ искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнулъ холодный вѣтеръ, и Пашка, спотыкаясь, выбѣжалъ на дворъ. У него была одна мысль—бѣжать и бѣжать! Дороги онъ не зналъ, но былъ увѣренъ, что если побѣжитъ, то непремѣнно очутится дома у матери. Ночь была пас-

мурная, но за облаками свѣтила луна. Пашка побѣжалъ отъ крыльца прямо впередъ, обогнулъ сарай и наткнулся на пустые кусты; постоялъ немного и подумалъ, онъ бросился назадъ къ больницѣ, обѣжалъ ее и опять остановился въ нерѣшимости: за больничнымъ корпусомъ бѣлѣли могильные кресты.

— Ма-амка! — закричалъ онъ и бросился назадъ.

Пробѣгая мимо темныхъ, суровыхъ строеній, онъ увидѣлъ одно освѣщенное окно.

Яркое красное пятно въ потемкахъ казалось страшнымъ, но Пашка, обезумѣвшій отъ страха, не знавшій куда бѣжать, повернулъ къ нему. Рядомъ съ окномъ было крыльцо со ступенями и парадная дверь съ бѣлой дощечкой; Пашка взбѣжалъ на ступени, взглянулъ въ окно, и острая, захватывающая радость вдругъ овладѣла имъ. Въ окно онъ увидѣлъ веселаго, покладистаго доктора, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Смѣясь отъ счастья, Пашка протянулъ къ знакомому лицу руки, хотѣлъ крикнуть, но невѣдомая сила сжала его дыханіе, ударила по ногамъ; онъ покачнулся и безъ чувствъ повалился на ступени.

Когда онъ пришелъ въ себя, было уже свѣтло, и очень знакомый голосъ, обѣщавшій вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорилъ возлѣ него:

— Ну, и дуракъ, Пашка! Развѣ не дуракъ? Бить бы тебя, да некому.

Антонъ Чеховъ.

9-е сентября.

Тѣ знанія, которыя въ наше время считаются наукой, хотя и измѣняютъ формы человѣческой жизни, не содѣйствуютъ ея благу.

1.

Астрономія, механика, физика, химія и всѣ другія науки, вмѣстѣ и каждая порознь, разрабатываютъ каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни къ какимъ результатамъ о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т.-е. неясности, неопредѣленности, нѣкоторыя науки эти пытались съ своей точки зрѣнія охватить всѣ явленія жизни и путались, сами выдумывая новыя понятія и слова. Такъ это было съ астрономіей, когда она была алхиміей. То же происходитъ и теперь съ той опытной эволюціонной иаукой, которая, разсматривая одну сторону или нѣкоторыя стороны жизни, заявляетъ притязанія на изученіе всей жизни.

2.

Наука выполняетъ свою задачу не тѣмъ, что объясняетъ причины появленія пятенъ на солнцѣ, а тѣмъ, что выясняетъ законы нашей собственной жизни и послѣдствія ихъ нарушенія.

Джонъ Рёскинъ.

3.

По отношенію къ природѣ опытъ даетъ намъ въ руки правила и является источникомъ истины; но по отношенію нравственныхъ законовъ опытъ оказывается, къ сожалѣнію, матерью заблужденія. Поэтому было бы въ высшей степени недостойно желать законы о томъ, что я долженъ дѣлать, вывести изъ того или ограничить тѣмъ, что дѣлается.

Кантъ.

4.

Знаніе смиряетъ великаго, удивляетъ обыкновеннаго и раздуваетъ маленькаго человѣка.

5.

Сократъ говорилъ, что для людей, которые ничего болѣе не желаютъ, какъ сдѣлаться хорошими, становится легка всякая наука.

Цицеронъ.

6.

Мудрость Сократа состояла въ томъ, что онъ не думалъ, что зналъ то, чего не зналъ.

Цицеронъ.

Какъ бы велико ни было знаніе, оно не можетъ помочь исполненію главной цѣли жизни—нравственному совершенствованію.

10-е сентября.

Указанія совѣсти безошибочны, когда они требуютъ отъ насъ не утвержденія своей животной личности, а жертвы ею.

1.

Христіанинъ, не знающій, откуда приходитъ и куда уходитъ Духъ (Іоаннъ III, 8), его оживляющій, тотъ Духъ, котораго не мѣрою даетъ Богъ (Іоаннъ III, 34), не можетъ себѣ ставить внѣшней цѣли жизни. Понятіе цѣли заимствовано изъ обихода земныхъ дѣлъ и начинаній.

Цѣль же всего міросозданія недоступна человѣку, и потому онъ въ жизни своей вынужденъ руководствоваться не внѣшней цѣлью, а указаніями воли Божіей, познаваемой внутри себя.

Какъ морякъ, ради избранія вѣрнаго направленія для хода своего судна, можетъ руководствоваться видомъ берега только тогда, когда онъ доступенъ его взору,—напримѣръ, при переправѣ черезъ рѣку,—а при переѣздѣ черезъ океанъ долженъ обращаться къ указаніямъ компаса, такъ и христіанинъ, ради избранія вѣрнаго пути жизни можетъ руководствоваться внѣшними цѣлями только въ

житейскихъ дѣлахъ; въ дѣлѣ же исканія общаго смысла жизни долженъ обращаться къ указанію голоса *совѣсти;* всегда ясно и внятно предостерегающаго человѣка въ случаяхъ совершаемаго и даже предполагаемаго имъ отступленія отъ пути истины.

Ѳедоръ Страховъ.

2.

Удовлетвореніе, которое мы замѣчаемъ вслѣдъ за каждымъ безкорыстнымъ поступкомъ, зависитъ отъ того, что такой поступокъ, проистекая изъ непосредственнаго узнаванія въ чуждомъ явленіи нашего же собственнаго существа, самого по себѣ,—въ свою очередь подтверждаетъ, что мы были правы, признавши, что наше истинное „я" существуетъ не только въ нашей личности, не только въ этомъ отдѣльномъ явленіи, но во всемъ живомъ. А какъ эгоизмъ стѣснялъ сердце, такъ это сознаніе даетъ просторъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, какъ эгоизмъ сосредоточиваетъ весь нашъ интересъ на отдѣльномъ явленіи нашей личности, при чемъ познаніе постоянно рисуетъ намъ безчисленныя опасности, непрестанно угрожающія этому явленію, отчего основнымъ тономъ нашего настроенія становится тревога и озабоченность; такъ познаніе того, что все живое въ той же мѣрѣ, какъ и наша собственная личность, есть наше же собственное существо, само по себѣ распространяетъ нашъ интересъ на все живое; а это даетъ просторъ сердцу. А вслѣдствіе такого уменьшенія интереса къ самому себѣ въ корнѣ подсѣкается и ограничивается тревожная озабоченность; отсюда – спокойная, увѣренная радость, которую даетъ добродѣтельное расположеніе духа и чистая совѣсть, отсюда болѣе живое ощущеніе радости при каждомъ добромъ поступкѣ, проясняющее намъ самимъ основу этого настроенія. Эгоистъ чувствуетъ себя среди чуждыхъ и враждебныхъ явленій, и всѣ его упованія—въ его собственномъ благополучіи. А добрый живетъ въ мірѣ дружественныхъ существъ; благо каждаго изъ нихъ есть его собственное благо.

Шопенгауэръ.

3.

Сколько перегородокъ между нами и предметами! Расположеніе духа, здоровья, всѣ ткани глаза, стекла нашей комнаты, туманъ,

дымъ, дождь или пыль и даже свѣтъ—и все это безконечно измѣняющееся. Гераклитъ говорилъ: „Нельзя выкупаться два раза въ одной и той же рѣкѣ“; я бы сказалъ: нельзя видѣть два раза одинъ и тотъ же пейзажъ, потому что окно—это одинъ калейдоскопъ, а зритель—другой.

Мудрость состоитъ въ томъ, чтобы *подчиняться всеобщей иллюзіи, не будучи обманутымъ ею*. Принимать участіе въ игрѣ волшебницы Маіи и безъ принужденія играть свою роль въ фантастической трагикомедіи, которая называется Міромъ,—это приличнѣе всего для человѣка разумнаго, умѣющаго рѣзвиться съ рѣзвыми и быть серьезнымъ съ серьезными.

Мнѣ кажется, что интеллектуальность приводитъ насъ къ этому. *Мысль приводитъ насъ къ сознанію того, что всякая реальность есть только сновидѣніе въ сновидѣніи.* Выводитъ насъ изъ сферы волшебныхъ сновидѣній только страданіе, личное страданіе; выводитъ также чувство долга или то, что соединяетъ и то другое,—страданіе грѣха,—однимъ словомъ, нравственныя требованія. Только *совѣсть* отрываетъ насъ отъ очарованія Маіи; она разсѣиваетъ пары кейфа, галлюцинаціи опіума и спокойствіе созерцательнаго равнодушія. Она, совѣсть, вталкиваетъ насъ въ ужасный водоворотъ человѣческаго страданія и человѣческой отвѣтственности.

Это будильникъ, это крикъ пѣтуха, который разгоняетъ привидѣнія, это—архангелъ, вооруженный мечомъ, который выгоняетъ человѣка изъ его искусственнаго рая. Аміель.

4.

Внѣшній человѣкъ можетъ заблудиться въ запутанныхъ лабиринтахъ созерцательной или чувственной жизни, но душа всегда безошибочно знаетъ истину. Люси Малори.

5.

Страсти могутъ быть сильнѣе совѣсти, голосъ ихъ можетъ быть громче, но ихъ крикъ совершенно другой, чѣмъ тотъ повелительный тонъ, которымъ говоритъ совѣсть. Онѣ не обладаютъ той вя-

жущей силой, которой обладаетъ голосъ совѣсти. Въ своемъ торжествѣ онѣ все-таки робѣютъ передъ этимъ тихимъ, глубокимъ и угрожающимъ голосомъ.

Чаннингъ.

Голосъ совѣсти всегда можно отличить отъ всѣхъ другихъ душевныхъ побужденій тѣмъ, что онъ требуетъ всегда чего-то безполезнаго, неосязаемаго, но прекраснаго и достижимаго однимъ нашимъ усиліемъ.

Этимъ отличается голосъ совѣсти отъ голоса славолюбія, который часто смѣшивается съ нимъ.

11-е сентября.

Истинная вѣра влечетъ къ себѣ не тѣмъ, что обѣщаетъ благо вѣрующему, а тѣмъ, что представляетъ единственное прибѣжище спасенія отъ всѣхъ бѣдъ и смерти.

1.

Какъ хорошо бываетъ человѣку, когда онъ истомится въ напрасныхъ поискахъ за благомъ въ мірской жизни и протянетъ, усталый, свои руки ко Христу!

Паскаль.

2.

Поклонники пользы не имѣютъ иной нравственности, кромѣ нравственности выгоды, и иной религіи, кромѣ религіи матеріальнаго блага. Они нашли тѣло человѣка изуродованнымъ и истощеннымъ нищетой и въ своемъ необдуманномъ рвеніи сказали себѣ: „давайте, излѣчимъ это тѣло; когда оно будетъ сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется въ него". А я говорю, что излѣчить это тѣло можно, только излѣчивъ душу. Въ ней корень болѣзни, и тѣлесные недуги являются лишь внѣшними проявленіями этой болѣзни. Современное человѣчество умираетъ отъ отсутствія общей

вѣры, общей идеи, связующей землю съ небомъ, вселенную съ Богомъ. Отъ отсутствія этой религіи духа, отъ которой остались лишь пустыя формы и безжизненныя формулы, отъ полнаго отсутствія чувства долга, способности жертвовать собою, человѣкъ, подобно дикарю, палъ, распростертый во прахъ, и воздвигъ на пустомъ алтарѣ идолъ „выгодѣ“. Деспоты и князья міра сего стали его первосвященниками. Отъ нихъ-то и возникла отвратительная формула морали выгоды, гласящая: „каждый только для своихъ, каждый только для себя“. Іосифъ Мадзини.

3.

Разсматривая причины тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, восходя отъ ближайшихъ причинъ къ болѣе основнымъ, всегда придешь къ основной причинѣ всѣхъ и всякихъ бѣдствій людей, къ отсутствію или слабости вѣры, т.-е. неясности или ложности установленнаго отношенія человѣка къ міру и началу его.

4.

Человѣкъ, исповѣдующій внѣшній законъ, есть человѣкъ, стоящій въ свѣтѣ фонаря, привѣшеннаго къ столбу. Онъ стоитъ въ свѣтѣ этого фонаря, ему свѣтло, и идти ему дальше некуда.

Человѣкъ, исповѣдующій Христово ученіе, подобенъ человѣку, несущему фонарь передъ собой на болѣе или менѣе длинномъ шестѣ; свѣтъ всегда впереди его и всегда побуждаетъ его идти за собой и вновь открываетъ ему впереди его новое, влекущее къ себѣ, освѣщенное пространство.

Спасеніе не въ обрядахъ и исповѣданіи вѣры, а въ ясномъ пониманіи смысла своей жизни.

12-е сентября.

Нельзя служить Богу и маммонѣ. Забота о мірскихъ благахъ несовмѣстима съ исполненіемъ нравственнаго закона.

1.

И вотъ, нѣкто, подошедъ, сказалъ Ему: Учитель Благій! что̀ сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную? Іисусъ сказалъ ему: если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною. Мѳ. XIX, 16, 21.

2.

Іисусъ же сказалъ ученикамъ Своимъ: истинно говорю вамъ, что трудно богатому войти въ Царство Небесное. И еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе. Мѳ. XIX, 23—24.

3.

Мнѣ кажется, что старинное суевѣріе о томъ, что богатство дастъ счастье, начинаетъ разрушаться.

4.

Павелъ назвалъ сребролюбіе идоло́служеніемъ (Еф. 5, 5). Почему же онъ называетъ его идолослуженіемъ? А потому, что многіе, имѣя богатство, не смѣютъ имъ пользоваться, но считаютъ его святынею и, не смѣя коснуться его, какъ бы чего-нибудь посвященнаго Богу, передаютъ въ цѣлости внукамъ и ихъ потомкамъ. А если когда и принуждены бываютъ коснуться его, то бываютъ въ такомъ состояніи, какъ будто сдѣлали что-нибудь непозволительное. Съ другой стороны, какъ язычникъ оберегаетъ идола, такъ и ты ограждаешь золото дверями и запорами, вмѣсто храма устрояешь для него ковчегъ и влагаешь его въ серебряные сосуды. Язычникъ скорѣе отдастъ свои глаза и душу, чѣмъ идола,

такъ точно и любящіе золото. Но я, скажешь ты, не поклоняюсь золоту? И идолопоклонникъ говоритъ, что онъ поклоняется не идолу, но живущему въ немъ демону. Такъ и ты. Если ты не поклоняешься золоту, то поклоняешься демону, который вторгается въ твою душу отъ взгляда на золото и отъ страсти къ нему. Страсть сребролюбія хуже демона, и ей многіе покорствуютъ больше, чѣмъ иные идоламъ. Идоловъ во многомъ не слушаютъ, а сребролюбію во всемъ повинуются и исполняютъ все, что бы оно ни приказало сдѣлать. Что же оно говоритъ?—Будь, говоритъ оно, для всѣхъ врагомъ и непріятелемъ, забудь природу, презирай Бога, пожертвуй собою мнѣ. И во всемъ этомъ ему повинуются. Истуканамъ приносятъ въ жертву воловъ и овецъ, а сребролюбіе говоритъ: принеси мнѣ въ жертву твою душу—и это исполняютъ. Видишь, какіе оно имѣетъ алтари, какія принимаетъ жертвы?

Іоаннъ Златоустъ.

5.

Излишняя толщина одеждъ стѣсняетъ движеніе тѣла; богатство мѣшаетъ движенію души. Демоѳилъ.

Люди ищутъ богатства. А если бы они только ясно видѣли все, чего они лишатся черезъ него, они бы употребляли для освобожденія отъ него такія же усилія, какія они употребляютъ теперь на его пріобрѣтеніе.

13-е сентября.

Мудрый человѣкъ не ищетъ измѣненія своего положенія, потому что всегда доволенъ тѣмъ, въ которомъ находится.

1.

Мудрецъ ищетъ всего въ себѣ, безумецъ—всего въ другихъ.

Конфуцій.

2.

Я не жаловался на судьбу и не ропталъ. Но одинъ разъ, когда я былъ разутъ и не на что было купить обуви, я возропталъ. Я вошелъ тогда съ тяжолымъ сердцемъ въ большую мечеть въ Куфа, и вотъ въ мечети я увидалъ человѣка безъ ногъ. И я возблагодарилъ Бога за то, что у меня были обѣ ноги, а только не было башмаковъ, чтобы обуть ихъ. Мади.

3.

Какъ познать себя самого? Отнюдь не созерцаніемъ, только дѣйствіями. Старайся исполнять свой долгъ, и ты тотчасъ узнаешь, чего ты стоишь.

4.

Не выходя изъ воротъ и не глядя въ окно, мудрецъ знаетъ, что будетъ, созерцая небесный разумъ. Чѣмъ дальше ходишь, тѣмъ меньше знаешь. Поэтому святой человѣкъ, не путешествуя, имѣетъ знаніе, не видя вещей, опредѣляетъ ихъ и, не работая, совершаетъ великое. Лао-Тсе.

5.

Наши глаза закрыты для того, чтобы мы не видали тѣхъ вещей, которыя стоятъ передъ нами до того часа, пока не созрѣетъ наша душа; когда же мы видимъ ихъ, то время, когда мы ихъ не видали, кажется намъ сновидѣніемъ. Эмерсонъ.

6.

На двѣ вещи человѣкъ никогда не долженъ сердиться: на то, чему онъ можетъ помочь, и на то, чему не можетъ помочь.

7.

Если человѣкъ недоволенъ своимъ положеніемъ, онъ можетъ измѣнить его двумя средствами: или улучшить условія своей жизни или улучшить свое душевное состояніе. Первое не всегда, второе всегда возможно. Эмерсонъ.

8.

Съ мыслями своими обходись какъ съ гостями, а съ своими желаніями—какъ съ дѣтьми. Китайская пословица.

Чѣмъ больше человѣкъ недоволенъ людьми и обстоятельствами и чѣмъ болѣе доволенъ собою, тѣмъ онъ дальше отъ мудрости.

14-е сентября.

Насиліе тѣмъ особенно вредно, что оно всегда облекается во внѣшнее величіе и этимъ внушаетъ уваженіе къ тому, что должно бы вызывать одно отвращеніе.

1.

Принуждающій насъ силой какъ бы лишаетъ насъ нашихъ правъ, и мы потому ненавидимъ его. Какъ благодѣтелей нашихъ, мы любимъ тѣхъ, кто умѣетъ убѣдить насъ. Не мудрый, а грубый, непросвѣщенный человѣкъ прибѣгаетъ къ насилію. Чтобы употребить силу, надо многихъ соучастниковъ; чтобы убѣдить, не надо никакихъ. Тотъ, кто чувствуетъ достаточно силы въ самомъ себѣ, чтобы владѣть умами, не станетъ прибѣгать къ насилію: къ чему ему устранять человѣка другихъ взглядовъ, когда въ его же интересѣ дружескимъ убѣжденіемъ привлечь его на свою сторону.

Бесѣды Сократа.

2.

Люди, обладающіе властью, увѣрены въ томъ, что движетъ и руководитъ людьми только насиліе, и потому для поддержанія существующаго порядка смѣло употребляютъ насиліе. Существующій же порядокъ держится не насиліемъ, а общественнымъ мнѣніемъ,

дѣйствіе котораго нарушается насиліемъ. И потому дѣятельность насилія ослабляетъ, нарушаетъ то самое, что оно хочетъ поддерживать.

3.

Человѣкъ такъ же мало сотворенъ для того, чтобы принуждать, какъ и для того, чтобы повиноваться. Люди взаимно портятся отъ этихъ двухъ привычекъ. Тутъ одурѣніе, тамъ наглость, и нигдѣ истиннаго человѣческаго достоинства. Консидеранъ.

4.

Жизнь наша стала бы прекрасна, если бы мы только увидали всю ея низость. Торо.

Всякое насиліе противно разуму и любви. Не принимай въ немъ участія.

15-е сентября.

Главное препятствіе познанія истины есть не ложь, а подобіе истины.

1.

Если въ дѣйствительной жизни иллюзія лишь на мгновеніе искажаетъ дѣйствительность, то въ отвлеченной области заблужденіе можетъ господствовать цѣлыя тысячелѣтія, можетъ надѣть свое желѣзное ярмо на цѣлые народы, заглушить самые благородные порывы человѣчества и съ помощью своихъ рабовъ, обманутыхъ имъ, заковать того, кого не смогло обмануть. Оно—врагъ, съ которымъ вели неравную борьбу мудрѣйшіе умы всѣхъ временъ, и достояніемъ человѣчества сдѣлалось только то, что они отвоевали у него. Если говорятъ, что истины надо доискиваться даже тамъ,

гдѣ не предвидится отъ нея никакой пользы, потому что польза можетъ оказаться и обнаружиться тамъ, гдѣ ея и не ожидали, то надо еще прибавить, что съ такимъ же рвеніемъ надо выискивать и искоренять всякое заблужденіе даже тамъ, гдѣ не предвидится отъ него никакого вреда, потому что вредъ заблужденій легко можетъ оказаться и когда-нибудь обнаружиться тамъ, гдѣ его не ожидали,—ибо каждое заблужденіе таитъ въ себѣ ядъ. Если истина и знаніе сдѣлали человѣка властителемъ земли, то нѣтъ заблужденій безвредныхъ, а тѣмъ болѣе—почетныхъ и священныхъ. Въ утѣшеніе же тѣмъ, кто посвящаетъ свою жизнь и силы благородной и трудной борьбѣ съ заблужденіями, какого бы то ни было рода, смѣло можно сказать, что, хотя до появленія истины заблужденіе и будетъ дѣлать свое дѣло, какъ совы и летучія мыши— ночью; но что скорѣе совы и летучія мыши запугаютъ и загонятъ солнце туда, откуда оно взошло, чѣмъ прежнее заблужденіе вытѣснитъ познанную и отчетливо и до конца высказанную истину и займетъ безпрепятственно ея свободное мѣсто. Такова сила истины; побѣда ея трудна и тяжка, но зато, разъ она одержана, ея ужъ не вернешь назадъ. Шопенгауэръ.

2.

Разоблаченная ложь есть столь же важное пріобрѣтеніе для блага человѣчества, какъ и ясно выраженная истина.

3.

Освобожденіе отъ лжи есть проповѣданіе истины; знаніе того, что выдаваемое за истину есть ложь,—есть истина. Заблужденіе всегда вредитъ. Рано или поздно, оно сдѣлаетъ вредъ тому, кто признаетъ его за истину. Ѳома Кемпійскій.

Движеніе впередъ человѣчества въ области познаній заключается въ сниманіи покрововъ, закрывающихъ истину.

Недѣльное чтеніе.

Петръ Хельчицкій.

Существуетъ, написанная болѣе 450 лѣтъ тому назадъ неученымъ человѣкомъ, Петромъ изъ деревни Хельчицы, книга, почти совсѣмъ неизвѣстная.

Въ книгѣ этой, озаглавленной „Сѣть вѣры", мы находимъ не только простое, ясное, сильное и правдивое обличеніе того ужаснаго обмана, въ которомъ жили и живутъ люди, вѣруя въ самое чуждое истинному христіанству и воображая, что они исповѣдуютъ христіанское ученіе; мы находимъ въ этой книгѣ еще и ясное указаніе того единаго благого пути жизни, который открытъ былъ людямъ Христомъ.

Всякая жизненная истина, долженствующая служить руководствомъ поведенія людей, если и проявляется въ сознаніи святыхъ людей сразу, во всей полнотѣ своей, въ большинствѣ людей проявляется медленно, постепенно, незамѣтно, порывами, иногда какъ будто совершенно скрываясь и вновь проявляясь новыми усиліями, подобными потугамъ родовъ.

Такъ было, такъ и теперь еще это происходитъ съ христіанствомъ. Христіанская истина была принята сначала небольшимъ числомъ простыхъ, неважныхъ, небогатыхъ людей во всемъ ея значеніи. Но по мѣрѣ распространенія ея среди большого количества людей и людей богатыхъ и знатныхъ, она все болѣе и болѣе извращалась, и со времени учрежденія церкви (со временъ Константина, какъ говоритъ Хельчицкій), такъ извратилась, что главное

истинное жизненное значеніе ея было совершенно скрыто отъ людей и замѣнено внѣшними, чуждыми сущности христіанства, формами.

Но истина, вошедшая въ сознаніе людей, не можетъ заглохнуть. Внѣ церкви, въ томъ, что церковники называли ересями, всегда оставались вѣрные пониматели и исполнители истиннаго христіанскаго ученія. И совершались опять и опять новые и новые потуги его возрожденія. И всякій разъ все большее и большее число людей дѣлалось причастными христіанской истинѣ въ ея настоящемъ значеніи.

Такимъ вѣрнымъ понимателемъ и возродителемъ христіанской истины былъ Хельчицкій. Главное сочиненіе Хельчицкаго „Сѣть вѣры“ есть указаніе на то, чѣмъ должно бы быть христіанское общество по ученію его основателя и чѣмъ оно стало при извращенномъ ученіи.

Вотъ что говорится въ предисловіи къ книгѣ:

„Книга эта, носящая заглавіе „Сѣть вѣры“, сочинена Петромъ изъ Хельчицы, который жилъ во времена магистра Рокицаны, былъ ему хорошо знакомъ и часто съ нимъ бесѣдовалъ. Онъ написалъ много полезныхъ книгъ по Закону Божію для преуспѣянія церкви въ борьбѣ противъ антихриста и наважденій его, и если книга эта до сихъ поръ мало видѣла свѣта, то причиною этого было духовенство, которое не переставало и не перестаетъ представлять народу книги Петра Хельчицкаго блудными и еретическими, и все изъ-за того, что онъ осуждаетъ его образъ жизни. При всемъ томъ многіе люди изъ всѣхъ сословій охотно читаютъ и эту книгу Петра Хельчицкаго, и другія его сочиненія, невзирая на то, что онъ былъ міряниномъ и въ латыни не ученымъ, потому что, хотя онъ и не былъ мастеромъ семи искусствъ, но поистинѣ былъ исполнителемъ восьми блаженствъ и всѣхъ заповѣдей Божіихъ и былъ такимъ образомъ настоящимъ докторомъ чешскимъ. Въ этой книгѣ Хельчицкій касается всѣхъ сословій, начиная съ императоровъ, королей, князей, пановъ, рыцарей, мѣщанъ, ремесленниковъ и кончая сельскимъ сословіемъ; но особенное вниманіе обращаетъ онъ на духовенство: на папъ, кардиналовъ, епископовъ, архіепископовъ, аббатовъ и всѣхъ орденскихъ монаховъ, декановъ, настоятелей

приходовъ, викаріевъ. Въ первой части этой книги излагается, какимъ путемъ и способомъ страшное развращеніе проникло въ святую церковь, и доказывается, что только удаленіемъ изъ церкви всѣхъ человѣческихъ измышленій можно добраться до истиннаго основанія ея—Іисуса Христа; во второй говорится о возникновеніи и размноженіи въ церкви разныхъ сословій, которыя только препятствуютъ истинному познанію Христа, ибо они преисполнены духа гордости и всѣми силами противятся смиренному и кроткому Христу".

И, дѣйствительно, Хельчицкій, какъ въ этой книгѣ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, не оспариваетъ, какъ предшественникъ его Гусъ и какъ жившіе и дѣйствовавшіе послѣ него Лютеръ, Меланхтонъ, Кальвинъ, церковныя папскія установленія и догматы, онъ только показываетъ то, что жизнь людей, считающихъ себя христіанами, не христіанская; что христіанинъ не можетъ пользоваться властью, не можетъ владѣть землями или рабами, не можетъ роскошничать, не можетъ жить распутной жизнью, не можетъ казнить, не можетъ, главное, убивать и воевать.

Хельчицкій не споритъ о спасеніи дѣлами или вѣрою, о предопредѣленіи и вообще о догматахъ; онъ требуетъ только того, чтобы всѣ постановленія церкви были доступны пониманію народа. Онъ не отрицаетъ ихъ, но говоритъ о жизни христіанъ, показываетъ, что земные владыки, войско, суды, дворянство несовмѣстимы съ христіанской жизнью (онъ даже считаетъ городское сословіе несовмѣстимымъ съ христіанствомъ). Главное же, онъ показываетъ, что казни и войны немыслимы для христіанина. Онъ показываетъ, что соединеніе христіанства съ государствомъ — то, которое совершилось теперь, погубило, уничтожило христіанство, но что должно быть наоборотъ: христіанство, соединяясь съ государствомъ, должно уничтожить государство. И онъ доказываетъ, что это возможно, что отсутствіе государственной власти не только не уничтожаетъ порядка въ жизни людей, но уничтожаетъ безпорядокъ и зло, отъ котораго страдаютъ люди.

Въ этомъ и причина неизвѣстности книги и дѣятельности Хельчицкаго. Книга и дѣятельность Хельчицкаго въ области христіанскаго человѣчества занимаетъ то же положеніе, которое занимаетъ

христіанство въ области всего человѣчества. Она слишкомъ опережаетъ свое время. Пора ея плодовъ еще не настала. Уничтоженіе папскаго авторитета, индульгенцій и многое другое, сдѣланное Лютеромъ, было по силамъ современныхъ ему людей, но то, что говорилъ Хельчицкій, не могло быть принято не потому, что оно неясно или несправедливо,— все, что онъ говорилъ, напротивъ, слишкомъ ясно и справедливо, — а потому что то, что онъ говорилъ, слишкомъ опережало свое время.

То, чего требовалъ Хельчицкій, не можетъ быть принято и теперь, тѣмъ менѣе могло быть принято въ его время. Опровергнуть то, что говорилъ Хельчицкій, нельзя было; по крайней мѣрѣ, тогда люди были еще настолько честны, что считали невозможнымъ отрицать то, что Христосъ училъ тому, чему училъ, т.-е. чтобы люди любили не только другъ друга, но враговъ, переносили обиды, платили добромъ за зло—и считали всѣхъ людей братьями, и что такое ученіе несовмѣстимо съ существующимъ устройствомъ жизни. И потому неизбѣжно возникалъ вопросъ: что удержать, христіанство или установленное устройство? Если удержать христіанство, то ясно, что власть имѣющимъ надо отказаться отъ власти, богатымъ отказаться отъ богатства, среднимъ отказаться отъ обезпеченія себя насиліемъ, бѣднымъ и подвластнымъ отказаться отъ повиновенія тому, что противно христіанскому закону (а въ государствѣ вся общественная дѣятельность противна христіанскому закону), и поэтому подвергать себя гоненіямъ. И все это страшно.

Если же удержать существующее устройство, зная, что оно нехристіанское, то это значитъ отречься отъ христіанства. И это тоже страшно. Что же оставалось дѣлать? Одно: забыть то, что говорилъ Христосъ, что говорилъ Хельчицкій и говорила совѣсть; и не думать, не говорить про это.

Въ этомъ причина неизвѣстности Хельчицкаго и его книги.

Книгу замолчали, забыли ее. Если десятокъ ученыхъ знаетъ про нее, то они смотрятъ на нее только какъ на историческій, литературный памятникъ.

Но духовныя богатства человѣчества никогда не погибаютъ, а только доходятъ, какъ жесткіе плоды. И чѣмъ дольше они дожидаются своего времени, тѣмъ они цѣннѣе. То же и съ Хельчицкимъ и его книгой.

Книга его недавно и въ первый разъ была напечатана въ русской академіи наукъ, и никто, разумѣется, не только не читалъ, но не слыхалъ про нее, какъ и про все то, что съ такими большими расходами и съ такой важностью печатается въ изданіяхъ академіи. Сочиненія Ницше, Золя, Верлена напечатаны въ десяткахъ изданій и сотенъ тысячахъ экземпляровъ. Всѣмъ извѣстны малѣйшія подробности жизни этихъ людей, но книги Хельчицкаго до сихъ поръ не напечатаны даже и въ Чехіи, и въ Германіи, не говоря уже объ Англіи и Франціи.

И о самомъ Хельчицкомъ почти ничего неизвѣстно. Предполагаютъ, что онъ родился около 1390 года и умеръ около 1450. Одни думаютъ, что онъ былъ дворянинъ, другіе, что онъ былъ крестьянинъ, сапожникъ или земледѣлецъ. Я думаю, что онъ былъ земледѣлецъ.

О томъ, что онъ былъ земледѣлецъ, мужикъ, я заключаю, во-первыхъ, по сильному, простому, ясному языку книги; во-вторыхъ—по мудрости книги, вслѣдствіе которой авторъ всегда знаетъ, что важно, что менѣе важно, и всегда на первое мѣсто ставитъ важное; въ-третьихъ,—по той сердечности и наивности, съ которой онъ иногда, по-мужицки, грубо и сильно, съ негодованіемъ, иногда съ горькой насмѣшкой говоритъ о томъ, о чемъ, очевидно, болѣетъ душою.

„Сѣть вѣры"—старая книга по времени, по значенію же и содержанію своему это—самая новая книга, настолько новая, что люди нашего времени еще далеко не подготовлены истиннымъ просвѣщеніемъ къ тому, чтобы быть въ состояніи понимать ее. Но время ея придетъ и приходитъ.

Вѣдь христіанство не человѣческая выдумка, не одна изъ временныхъ формъ, въ которыя складываются человѣческія общества, но истина,—если не на каменныхъ скрижаляхъ на Синаѣ появившаяся, то еще тверже, чѣмъ на камнѣ, написанная на сердцахъ всѣхъ людей. И какъ только она высказана, ничѣмъ ужъ ее нельзя выцарапать изъ сознанія людей. Истина эта ждала и будетъ ждать еще, но отъ этого только очевиднѣе сдѣлается и только настоятельнѣе будетъ требовать своего исполненія.

Вычеркнуть изъ христіанства нельзя то, что христіане, какъ го-

ворить Хельчицкій, должны „не быть участниками мудрости мірской“, не быть чиновниками, судьями, военными, а переносить всѣ несправедливости смиренно, терпѣливо, не отплачивая зломъ за зло, не ропщя и не мстя. Сколько ни старались и ни стараются разговорить эти истины,—истины эти остаются истинами и сквозь всѣ вѣками придуманные для скрытія ихъ софизмы продолжаютъ прямо, непосредственно захватывать сердца людей.

Какъ же быть? До сихъ поръ рѣшали дилемму тѣмъ, что замалчивали христіанство или грубо лгали на него и удерживали государство.

Но не миновать людямъ попробовать и другое, противоположное рѣшеніе: отказаться отъ государства и отдаться христіанству.

И рѣшеніе тѣмъ болѣе будетъ благоразумно, что всѣ государства съ своими насильническими устройствами до сихъ поръ не только не дали тѣхъ благъ, которыя обѣщали, а, напротивъ, все больше и больше увеличиваютъ тѣ бѣдствія, которыя несутъ люди, и люди все больше и больше извѣряются въ нихъ.

Вотъ этому-то новому и благому рѣшенію и содѣйствуетъ эта мудрая, сердечная и нужная книга Хельчицкаго.

Нѣсколько выдержекъ изъ нея помѣщены въ недѣльныхъ чтеніяхъ „Круга чтенія“.

Л. Толстой.

16-е сентября.

Сомнѣнія не разрушаютъ, но укрѣпляютъ вѣру.

1.

Я не берусь провести непроводимую черту между Богомъ и нами. Рѣшенія воли несомнѣнно наши, но въ области высшей, въ области свободной мысли и чувства, нельзя не признать Его присутствія. Все наиболѣе глубокое въ насъ есть только Его отраженіе.

Оно постоянно воодушевляетъ насъ, никогда не перестаетъ дѣйствовать черезъ насъ, если только мы соглашаемся желать и дѣлать то, что Ему угодно. Онъ содѣйствуетъ нашимъ нравственнымъ усиліямъ, поддерживаетъ насъ въ вѣрности и правдѣ, принимаетъ наше сотрудничество въ борьбѣ со зломъ и открываетъ намъ множество вещей слишкомъ прекрасныхъ, чтобы ихъ можно было выразить словами.

Но малѣйшая невѣрность Ему—и Онъ покидаетъ насъ.

Мартино.

2.

Невѣріе не въ томъ, что человѣкъ вѣритъ, или не вѣритъ, а въ томъ, что человѣкъ исповѣдуетъ то, во что онъ не вѣритъ.

Мартино.

3.

Бываютъ минуты, когда перестаешь вѣрить въ жизнь духа.

Это—не невѣріе, это—періоды вѣры въ жизнь плоти.

Вдругъ человѣкъ начинаетъ бояться смерти. Это всегда бываетъ, когда онъ отуманенъ чѣмъ-нибудь и снова начинаетъ вѣрить въ то, что жизнь плотская есть жизнь, точно какъ въ театрѣ можно забыться и повѣрить, что то, что видишь на сценѣ, происходитъ въ дѣйствительности, и испугаться тому, что видишь тамъ, на сценѣ.

То же случается и въ жизни.

Уже послѣ того, какъ человѣкъ понялъ, что жизнь его не на сценѣ, а въ партерѣ, т.-е. не въ личности, а внѣ ея, случается

иногда, что по старой привычкѣ опять онъ подпадаетъ обману признанія своей жизни, въ одной своей личности, и ему становится жутко.

Но и въ эти минуты иллюзіи просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что то, что происходитъ въ его плотской жизни, не можетъ лишить его блага его истинной жизни.

Въ періоды упадка духа надо обращаться съ собою, какъ съ больнымъ—не шевелиться.

4.

Самое страшное невѣріе—это невѣріе въ самого себя.

Карлейль.

5.

Мудрый человѣкъ можетъ сомнѣваться въ самыя свои хорошія минуты. Безпрепятственность сомнѣнія составляетъ основу его увѣренности. Истинная вѣра всегда сопутствуема сомнѣніями. Если бы я не могъ сомнѣваться, я бы не вѣрилъ.

Торо.

Удаленъ отъ Бога не тотъ, кто сомнѣвается въ Его существованіи и мучается этимъ сомнѣніемъ, а тотъ, кто на слово повѣрилъ въ существованіе или несуществованіе Бога и не сомнѣвается въ томъ, что ему сказали.

17-е сентября.

Несправедливо владѣть землей какъ собственностью.

1.

Тотъ, кто первый, огородивъ кусокъ земли, рѣшился сказать: „эта земля моя“, и встрѣтилъ людей столь простыхъ, что они могли повѣрить этому,—этотъ человѣкъ былъ первый основатель гражданскаго общества. Отъ скольких преступленій, войнъ, убійствъ, несчастій, ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, вырвавъ

колья и заравнявъ канаву, сказалъ бы: „берегитесь, не вѣрьте этому обманщику; вы пропали, если забудете, что земля не можетъ принадлежать никому и что плоды ея принадлежатъ всѣмъ".

Руссо.

2.

Простая справедливость не допускаетъ права земельной собственности, потому что если одна часть земельной поверхности можетъ справедливо быть собственностью одного лица и можетъ быть удерживаема имъ для его личной выгоды употребленія, какъ вещь, на которую онъ имѣетъ исключительное право, то и другія части земельной поверхности могутъ сдѣлаться такой же собственностью, и возможно, что таковою сдѣлается вся земельная поверхность, и потому земной шаръ сдѣлается частной собственностью.

Гербертъ Спенсеръ.

3.

Само собою разумѣется, что тотъ фактъ, что какой-нибудь начальникъ или землевладѣлецъ купилъ какую-нибудь привилегію или унаслѣдовалъ ее отъ отцовъ, не даетъ ему еще никакого нравственнаго права на нее. Вопросъ въ томъ, справедливо ли, разумно ли его требованіе само по себѣ? Потому что неправда и зло—тѣмъ болѣе неправда и зло, чѣмъ далѣе они продолжаются.

Грантъ Алленъ.

4.

Нельзя утверждать, чтобы существующія права на землю были законны. Пусть тотъ, кто думаетъ такъ, просмотритъ хроники. Насиліе, обманъ, власть, хитрость—вотъ тѣ источники, изъ которыхъ исходятъ эти права.

Гербертъ Спенсеръ.

5.

Люди, владѣющіе земельной собственностью, и на словахъ и въ судахъ осуждаютъ людей за присвоеніе чужой собственности.

Неужели они не понимаютъ, что имъ, не переставая отнимающимъ у народа самую неотъемлемую собственность, надо сгорѣть со стыда, какъ только будетъ упомянуто слово воровство, а не осуждать и карать за то, въ чемъ они сами, не переставая, кругомъ виноваты.

6.

Взгляните съ точки зрѣнія наблюдателя природы на безземельнаго человѣка, на существо, имѣющее возможность и способность пользоваться землей, вынужденнаго своими потребностями пользоваться ею и вмѣстѣ съ тѣмъ лишеннаго права на землю. Это также неестественно, какъ птица безъ воздуха или рыба безъ воды.

Генри Джорджъ.

7.

Частная собственность на землю, никогда не возникавшая изъ естественныхъ отношеній людей, а всегда въ исторіи являвшаяся слѣдствіемъ захвата и грабежа, представляется такой крайней нелѣпостью, такой грубой несправедливостью, такимъ явнымъ расточеніемъ производительныхъ силъ и такой преградой къ наиболѣе выгодному пользованію естественными богатствами, такой противоположностью здравой общественной политикѣ и такимъ тормозомъ къ истинному улучшенію быта человѣчества, что она терпится только потому, что большинство людей никогда не думаетъ о ней и не слышитъ, чтобы о ней разсуждали.

Генри Джорджъ.

8.

Изъ двухъ системъ рабства, при одномъ и томъ же уровнѣ нравственнаго развитія, та система, которая превращаетъ въ собственность людей, безъ сомнѣнія, является болѣе гуманной, чѣмъ система, которая превращаетъ въ частную собственность землю. При признаніи земли частной собственностью, людей изнуряютъ работой и голодомъ, лишаютъ всѣхъ радостей и прелестей жизни, обрекаютъ на невѣжество и скотское существованіе и доводятъ до преступленій и самоубійства, какъ будто безъ участія чьей-либо воли, а въ силу какъ будто роковой необходимости, за которую никто не отвѣтствененъ.

Генри Джорджъ.

Несправедливость владѣнія земельной собственностью, какъ всякая несправедливость, неизбѣжно связана съ цѣлымъ рядомъ несправедливостей и злыхъ дѣлъ, нужныхъ для охраненія ея.

18-е сентября.

Сущность жизни не въ тѣлѣ, а въ сознаніи.

1.

Несомнѣнно справедливо, что если бы у меня не было костей и мускуловъ и другихъ подобныхъ вещей, то я не могъ бы дѣлать того, что я считаю справедливымъ; но было бы совершенно невѣрно утверждать, что причина того, что я дѣлаю, есть кости и мускулы, а не любовь къ благу. Говорить такъ значитъ не умѣть различать причину отъ того, что неразрывно связано съ причиной. Большинство людей, идущихъ ощупью, какъ въ потемкахъ, называютъ причиной то, что только сопутствуетъ причинѣ.

Сократъ.

2.

Объяснять жизнь человѣческую не силою духа Божія, а матеріальною силою или хотя совмѣстнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ силъ только потому, что духовная жизнь не можетъ проявляться безъ матеріальной поддержки тѣла (посредствомъ пищи, питья и воздуха), столь же неправильно, сколь неправильно объяснять движеніе паровоза не напоромъ пара, а движеніемъ золотника, завѣдующаго своевременнымъ впусканіемъ пара въ цилиндръ.

Дѣйствительно, паръ не могъ бы своевременно попадать изъ котла въ цилиндръ, если бы этимъ не завѣдывалъ золотникъ. Но вѣдь и золотникъ въ свою очередь не могъ бы двигаться, если бы это движеніе ему не передавалось отъ той самой ведущей оси, которая вращается вслѣдствіе напора того же пара.

Таковъ же мнимо заколдованный кругъ, въ который часто попадаютъ люди, поверхностно обсуждающіе отношеніе души къ тѣлу. Выхода изъ этого мнимо заколдованнаго круга, очень часто или совсѣмъ не видятъ и впадаютъ въ дуализмъ или же находятъ его въ признаніи матеріи за единую основу жизни.

Ѳедоръ Страховъ.

3.

Божественное живетъ въ насъ и не переставая стремится къ своему началу.

Сенека.

4.

Душа и плоть—вотъ что человѣкъ считаетъ своимъ, о чемъ безпрестанно печется. Но знай, что самъ ты, сущность твоя,—въ духѣ. Проникайся этимъ сознаніемъ, вознеси свой духъ выше плоти, соблюдай его отъ всякой житейской внѣшней грязи, не давай плоти подавлять его, не отождествляй своей жизни съ плотью, а слейся съ жизнью духа твоего, тогда исполнишь всякую правду и безмятежно проживешь во власти Бога, исполняя призваніе свое.

Маркъ Аврелій.

5.

Духовная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы признавать причиной своихъ поступковъ духовное, не имѣющее причины начало, и этимъ началомъ руководиться въ жизни.

Люди же, не признающіе духовнаго начала, берутъ въ руководство поступковъ причинную связь физическую, ту самую, которая такъ сложна, что мы никогда не можемъ знать ее, такъ какъ каждое слѣдствіе есть слѣдствіе слѣдствія.

И потому такіе люди никогда не могутъ имѣть твердыхъ основаній для своихъ поступковъ.

6.

Я называю духомъ или властью въ человѣкѣ то начало, которое имѣетъ самостоятельную жизнь въ самомъ себѣ и возбуждаетъ человѣка къ сознательной жизни.

Маркъ Аврелій.

7.

Понявъ разрушимость сотвореннаго, ты узришь вѣчно неизмѣнное.

Буддійская мудрость.

8.

Какъ Богъ все видитъ, но невидимъ, такъ и душа—сущность невидимая, хотя все видящая.

Талмудъ.

9.

Разумѣніемъ живъ человѣкъ. Никогда не приписывай свойства жизни тѣлу—сосуду, заключающему въ себѣ эту внутреннюю силу. Вся оболочка человѣка жива лишь этой силой разумѣнія; безъ нея она, какъ челнокъ безъ ткача, перо безъ писца.

Маркъ Аврелій.

Духовное руководитъ тѣлеснымъ, а не наоборотъ. И потому, чтобы измѣнить свое состояніе, человѣкъ долженъ работать надъ собой въ области духовной, а не плотской.

19-е сентября.

Нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить того вреда, который производила и производитъ ложная вѣра.

Вѣра есть установленіе отношенія человѣка къ Богу и міру и вытекающее изъ этого отношенія опредѣленіе своего назначенія. Какова же должна быть жизнь человѣка, если это отношеніе и вытекающее изъ него опредѣленіе назначенія ложны?

1.

Какъ ни справедливо то, что религіозное невѣріе и презрѣніе къ Божественному есть великое зло, суевѣріе есть еще худшее.

Плутархъ.

2.

Спросите у большинства христіанъ, въ чемъ главное зло, отъ котораго Христосъ освободилъ человѣчество, и они скажутъ: отъ ада, отъ вѣчнаго огня, отъ наказанія въ будущемъ. Они соотвѣтственно этому думаютъ, что спасеніе—это нѣчто такое, что дру-

гой можетъ совершить для насъ. Слово адъ, которое такъ рѣдко встрѣчается въ священномъ писаніи, вслѣдствіе ложныхъ толкованій сдѣлало много вреда христіанству.—Люди убѣгаютъ отъ внѣшняго ада, когда въ дѣйствительности они носятъ съ собой тотъ адъ, котораго они должны больше всего бояться. Спасеніе, болѣе всего нужное человѣку, и то, которое даетъ освобожденіе человѣку, это—спасеніе отъ зла въ своей душѣ. Есть нѣчто много худшее внѣшняго наказанія. Это грѣхъ—состояніе души, возмутившейся противъ Бога, состояніе души, одаренной божественной силой, но отдающей себя во власть животныхъ похотей,—души, которая, живя въ виду Бога, боится угрозы или гнѣва человѣка и предпочитаетъ человѣческую славу своему спокойному сознанію добродѣтели. Нѣтъ погибели хуже этой.

И это—то, что нераскаявшійся человѣкъ уноситъ съ собой за могилу. Вотъ чего надо бояться.

Спастись, въ высшемъ значеніи этого слова, значитъ поднять упавшій духъ, излѣчить больную душу, возвратить ей свободу мысли, совѣсти, любви. Въ этомъ состояніи то спасеніе, за которое умеръ Христосъ.

Для этого спасенія данъ намъ святой духъ, и къ такому спасенію направлено все истинное ученіе христіанства.

Чаннингъ.

3.

„Потерять душу“ не значитъ быть обреченному къ безконечному церковному аду, но значитъ затеряться въ чащѣ страстей и, заблудившись, вертѣться въ узкомъ кругѣ себялюбивыхъ мыслей.

Такъ заблудившійся въ лѣсу кружится на одномъ мѣстѣ.

Изъ „Передовой мысли міра“.

4.

Съ церковностью, благодаря Бога, были установлены опредѣленныя отношенія. Между нею и философіей была проведена раздѣляющая стѣна, такъ что церковность и философія могли идти каждая своимъ путемъ, не мѣшая другъ другу. Что же дѣлаютъ

теперь? Проламываютъ раздѣляющую ихъ стѣну и, подъ предлогомъ сдѣлать насъ разумными христіанами, дѣлаютъ насъ самыми неразумными философами.

Лессингъ.

5.

Какъ, кажется, легко говорить правду, а какъ много нужно внутренней работы, чтобы достигнуть этого.

Степень правдивости человѣка есть указатель степени его нравственнаго совершенства.

6.

Правдивость — единственная монета, которой вездѣ ходъ.

Китайская пословица.

8.

Будемъ правдивы. Въ этомъ тайна краснорѣчія и добродѣтели, въ этомъ нравственное вліяніе, въ этомъ высшее правило искусства и жизни.

Аміель.

Недостаточно откинуть ложную вѣру, т.-е. ложное отношеніе къ міру. Нужно еще установить истинное.

20-е сентября.

Все доброе пріобрѣтается только усиліемъ.

1.

Если есть люди, которые не занимаются изученіемъ, а если и занимаются имъ, то не успѣваютъ въ немъ, то пусть эти люди не отчаиваются и не останавливаются; если есть люди, которые не

разспрашиваютъ просвѣщенныхъ людей про сомнительныя вещи, которыхъ они не знаютъ, а если, и разспрашивая, они не дѣлаются болѣе просвѣщенными,—пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не размышляютъ, а если и размышляютъ, не могутъ пріобрѣсти ясное пониманіе начала добра,—пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не различаютъ добра отъ зла, а если и различаютъ, то не имѣютъ яснаго о немъ представленія,—пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не дѣлаютъ добро, или если и дѣлаютъ, не отдаютъ ему всѣхъ своихъ силъ,—пусть они не отчаиваются: то, что другіе сдѣлали бы въ одинъ разъ, они сдѣлаютъ въ десять. То, что другіе бы сдѣлали въ сто разъ, они сдѣлаютъ въ тысячу.

Тотъ, кто дѣйствительно будетъ слѣдовать этому правилу постоянства, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, непремѣнно сдѣлается просвѣщеннымъ, и какъ бы онъ ни былъ слабъ, непремѣнно сдѣлается сильнымъ.

Китайская мудрость.

2.

Входите тѣсными вратами; потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими; потому что тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ.

Мѳ. VII, 13—14.

3.

Легко совершаются дурныя дѣла,—дѣла, несущія намъ самимъ несчастья; то же, что благотворно и хорошо для насъ, дѣлается только съ трудомъ и усиліемъ.

Буддійская мудрость.

4.

Обращай все свое вниманіе на то, что ты дѣлаешь, и не думай ни о чемъ, недостойномъ внимательнаго размышленія.

Конфуцій.

5.

Никогда путь къ доброму знанію не пролегаетъ по шелковистой муравѣ, усѣянной лиліями: всегда человѣку приходится взбираться по голымъ скаламъ.

Джонъ Рёскинъ.

6.

Исканіе истины совершается не съ веселіемъ, а съ волненіемъ и безпокойствомъ; но все-таки надо искать ее, потому что, не найдя истины и не полюбивъ ее, ты погибнешь. Но, скажешь ты, если бы истина хотѣла, чтобы я искалъ ее и полюбилъ, то она сама открылась бы мнѣ. Она и открывается тебѣ, но ты не обращаешь на это вниманія. Ищи же истину,—она этого хочетъ.

Паскаль.

Человѣкъ закричалъ бы отъ боли, если бы, не работая, почувствовалъ въ мышцахъ ту боль, которую онъ, не замѣчая ея, испытываетъ при работѣ. Точно такъ же и человѣкъ, не работающій духовную работу надъ своимъ внутреннимъ міромъ, испытываетъ мучительную боль отъ тѣхъ невзгодъ, которыя, не замѣчая ихъ, переноситъ человѣкъ, полагающій главное дѣло жизни въ нравственномъ совершенствованіи.

21-е сентября.

Самое легкое и мелкое проявленіе свободы человѣка состоитъ въ выборѣ изъ двухъ нѣсколькихъ безразличныхъ поступковъ: пойти направо или налѣво или оставаться на мѣстѣ. Болѣе трудное и высокое проявленіе есть выборъ между слѣдованіемъ влеченію чувства или воздержанія отъ него, отдаться гнѣву или воздержаться. Самое трудное, важное и нужное проявленіе свободы — это дать своей мысли то или другое направленіе.

1.

Работай надъ очищеніемъ твоихъ мыслей. Если у тебя не будетъ дурныхъ мыслей, не будетъ и дурныхъ поступковъ.

Конфуцій.

2.

Старайся не думать о томъ, что ты считаешь дурнымъ.

Эпиктетъ.

3.

Все во власти Неба, кромѣ нашего желанія служить Богу или себѣ. Намъ нельзя мѣшать птицамъ пролетать надъ нашею головою, но мы властны не давать имъ на ней гнѣздиться. Точно такъ же нельзя намъ возбранить дурнымъ мыслямъ промелькать въ головѣ нашей, но въ нашей власти не давать имъ свить себѣ тамъ гнѣздо, чтобы высиживать и выводить злые поступки.

Лютеръ.

4.

Едва ли есть что-либо болѣе нужное для знанія, для спокойной жизни и для успѣха всякаго дѣла, чѣмъ умѣніе человѣка владѣть своими мыслями.

Локкъ.

5.

Мысли—какъ гости; мы не отвѣтственны за ихъ первое посѣщеніе. Но вновь и часто онѣ будутъ посѣщать насъ только смотря по тому, какъ мы приняли ихъ. То, что ты думаешь нынче, ты сдѣлаешь завтра.

6.

Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она исходитъ изъ нашихъ мыслей. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ со злой мыслью, страданіе неотступно слѣдуетъ за нимъ, какъ колесо за пятою вола, влекущаго повозку.

Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она творится нашею мыслью. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ съ доброю мыслью, радость слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, никогда не покидающая.

„Онъ обидѣлъ меня, онъ восторжествовалъ надо мною, онъ поработилъ меня, онъ оскорбилъ меня“,—въ сердцѣ, встревоженномъ такими мыслями, никогда не угаснетъ ненависть.

„Онъ обидѣлъ меня, онъ восторжествовалъ надо мною, онъ поработилъ меня",—кто не даетъ въ себѣ убѣжища такимъ помысламъ, тотъ навсегда заглушитъ въ себѣ ненависть.

Ибо не ненавистью побѣждается исходящее изъ ненависти: оно угашается любовью—таковъ вѣчный законъ.

Буддійская мудрость.

7.

Когда опредѣлится взглядъ на вещи, то будетъ пріобрѣтено знаніе; когда пріобрѣтено знаніе, то воля будетъ стремиться къ правдѣ; когда стремленіе воли удовлетворено, то сердце сдѣлается добрымъ; когда сердце сдѣлается добрымъ, то будетъ пріобрѣтенъ нравственный взглядъ на вещи, ведущій къ добродѣтели.

Конфуцій.

8.

Блюди себя въ мысляхъ, блюди въ словѣ, охраняй отъ всего дурного свои дѣйствія. Соблюдая чистоту этихъ трехъ путей, ты вступишь на путь, начертанный Мудрымъ.

Буддійская мудрость.

9.

Грѣхъ не только дѣлать, но и думать дурное

Зороастръ.

Чувство возникаетъ независимо отъ воли человѣка; но мысль одобряетъ или не одобряетъ чувство и, смотря по этому, поощряетъ или задерживаетъ его.

22-е сентября.

Человѣку свойственна вѣра въ безсмертіе.

1.

Каждый чувствуетъ, что онъ не ничто, въ извѣстный моментъ вызванное къ жизни кѣмъ-то другимъ. Отсюда его увѣренность, что смерть можетъ положить конецъ его жизни, но отнюдь не его существованію.

Шопенгауэръ.

2.

Душа не живетъ въ тѣлѣ, какъ въ домѣ, а живетъ въ немъ, какъ въ временномъ прибѣжищѣ. Индійскій Куранъ.

3.

Сколько царствъ не знаетъ насъ! Вѣчное молчаніе этихъ безконечныхъ пространствъ ужасаетъ меня. Когда я размышляю о краткости моей жизни среди предшествующей и послѣдующей вѣчности, о ничтожности пространства, которое я занимаю, и даже того, которое вижу,—пространства, пропадающаго въ безконечной неизмѣримости другихъ пространствъ, которыхъ я не знаю и которыя меня не знаютъ, то я прихожу въ ужасъ и изумляюсь, почему я въ одномъ, а не въ другомъ мѣстѣ; ибо нѣтъ никакого основанія быть мнѣ здѣсь, а не тамъ, въ настоящую минуту, а не раньше или позже. Кто меня помѣстилъ сюда? По чьему повелѣнію и распоряженію мнѣ назначено именно это мѣсто, именно это время?

Жизнь—это воспоминаніе объ одномъ мимолетномъ днѣ, проведенномъ въ гостяхъ. Паскаль.

4.

Смертные, намъ не долго жить; намъ даровано лишь нѣсколько мгновеній. Но душа наша не испытываетъ старости и будетъ вѣчно жить. Ѳосиклидъ.

5.

Опытъ учитъ насъ тому, что очень многіе, знакомые съ ученіемъ о загробной жизни и убѣжденные въ ея существованіи, тѣмъ не менѣе предаются порокамъ и совершаютъ низкіе поступки, придумывая средства, какъ бы хитрѣе избѣжать грозящихъ имъ въ будущемъ послѣдствій ихъ поведенія. И въ то же время врядъ ли существовалъ когда-нибудь на землѣ хотя бы одинъ нравственный человѣкъ, который могъ бы примириться съ мыслью, что со смертью все кончается, и чей благородный образъ мыслей не возвысился бы до надежды на будущую жизнь. Поэтому мнѣ кажется болѣе соотвѣтствующимъ человѣческой природѣ и чистотѣ нравовъ обосновывать вѣру въ будущую жизнь на чувствахъ благородной души, чѣмъ, наоборотъ, основывать ея благородное поведеніе на

надеждѣ на иную жизнь. Такова и есть въ дѣйствительности нравственная вѣра, простосердечіе которой можетъ возвыситься надъ разными хитросплетеніями и мудрствованіями и которая одна только и подходитъ къ каждому состоянію человѣка, потому что ведетъ его прямымъ, а не окольнымъ путемъ къ его истиннымъ цѣлямъ.

Кантъ.

6.

Страхъ смерти происходитъ оттого, что люди принимаютъ за жизнь одну маленькую, ихъ же ложнымъ представленіемъ ограниченную, часть ея.

7.

Смерть есть разрушеніе тѣлесныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ я воспринимаю міръ, какимъ онъ представляется въ этой жизни; это разрушеніе того стекла, черезъ которое я смотрѣлъ, и замѣна его другимъ.

Голосъ, который говоритъ намъ, что мы безсмертны, есть голосъ живущаго въ насъ Бога.

Недѣльное чтеніе.

Изъ завѣщанія мексиканскаго царя.

Все на землѣ имѣетъ свой предѣлъ, и самые могущественные и радостные падаютъ въ своемъ величіи и радости и повергаются въ прахъ. Весь земной шаръ—только большая могила, и нѣтъ ничего на его поверхности, что бы не скрылось въ могилѣ подъ землею. Воды, рѣки и потоки стремятся къ своему назначенію и не возвращаются къ своему счастливому источнику. Всѣ спѣшатъ впередъ, чтобы похоронить себя въ глубинѣ безконечнаго океана.

Того, что было вчера, уже нѣтъ нынче; и того, что есть нынче, не будетъ уже завтра. Кладбище полно прахомъ тѣхъ, которые когда-то были одушевлены жизнью, были царями, управляли народами, предсѣдательствовали въ собраніяхъ, предводительствовали войсками, завоевывали новыя страны, требовали себѣ поклоненія, раздувались тщеславіемъ, пышностью и властью.

Но слава прошла, какъ черный дымъ, выходящій изъ вулкана, и не оставила ничего, кромѣ упоминанія на страницѣ лѣтописца.

Великіе, мудрые, храбрые, прекрасные,—увы!—гдѣ они теперь? Всѣ они смѣшаны съ глиной, и то, что постигло ихъ, постигнетъ и насъ; постигнетъ и тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ.

Но мужайтесь вы всѣ—и знаменитые начальники, и истинные друзья, и вѣрные подданные,—будемъ стремиться къ тому Небу, гдѣ все вѣчно и гдѣ нѣтъ ни гніенія, ни уничтоженія.

Темнота—колыбель солнца, и для блеска звѣздъ нуженъ мракъ ночей.

Тетскуко Незагуалъ Копотлъ.
(Около 1460 года до Р. Хр.).

Смерть Сократа.

(Изъ разговоровъ Платона).

Вскорѣ послѣ смерти Сократа одинъ изъ учениковъ его, Эхекратъ, встрѣтившись съ Федономъ, другимъ ученикомъ Сократа, присутствовавшимъ при смерти учителя, просилъ разсказать ему подробно все, что произошло въ этотъ день, что говорили окружающіе Сократа, что говорилъ и дѣлалъ онъ самъ и какъ умеръ.

И Федонъ разсказалъ слѣдующее:

— Мы и въ этотъ день пришли, какъ обыкновенно приходили и въ предшествующіе дни, въ зданіе суда, рядомъ съ тюрьмою. Привратникъ, обыкновенно впускавшій насъ въ тюрьму, вышелъ къ намъ и сказалъ, чтобы мы подождали немного, такъ какъ теперь у Сократа судьи: они снимаютъ съ него оковы и объявляютъ ему повелѣніе нынче же выпить ядъ. Прошло немного времени, и привратникъ вышелъ къ намъ и сказалъ, что мы можемъ войти. Когда мы вошли, у Сократа была его жена Ксантиппа, съ ребенкомъ на рукахъ. Она сидѣла рядомъ съ нимъ на его кровати.

Какъ только Ксантиппа увидала насъ, она стала плакать и приговаривать жалостныя рѣчи, которыя обыкновенно говорятъ женщины въ такихъ случаяхъ: „Вотъ друзья твои послѣдній разъ будутъ говорить съ тобой и ты съ ними и т. п.“...

Сократъ старался успокоить ее и просилъ на время оставить насъ однихъ съ нимъ. Когда Ксантиппа ушла, Сократъ, согнувъ ногу, сталъ потирать ее рукой, и, обращаясь къ намъ, сказалъ: Вотъ, друзья мои, удивительная вещь, какъ удовольствіе связано съ страданіемъ! Мнѣ было больно отъ оковъ, а теперь, когда ихъ

сняли, я испытываю особенное удовольствіе. Вѣроятно, боги, желая примирить двѣ противоположности—страданіе и удовольствіе, связали ихъ цѣпью, такъ что нельзя испытать одно безъ другого. Сократъ хотѣлъ еще сказать что-то, но, замѣтивъ, что Критонъ тихо разговариваетъ съ кѣмъ-то за дверью, спросилъ, о чемъ онъ говоритъ.

— А вотъ тотъ, который долженъ дать тебѣ ядъ,—сказалъ Критонъ,—говоритъ, что тебѣ надо говорить какъ можно меньше. Онъ говоритъ, что тѣ, которые разговариваютъ передъ принятіемъ яда, разгорячаются, а тогда ядъ слабо дѣйствуетъ, и приходится пить вдвое и втрое больше.

— Ну что жъ!—сказалъ Сократъ,—выпьемъ и вдвое и втрое, если понадобится, а я думаю, что мнѣ не надо упускать случая поговорить съ вами именно теперь и показать, что человѣкъ, въ продолженіе своей жизни стремившійся къ мудрости, не только не огорчается, но радуется приближенію смерти.

— Какъ же ты можешь радоваться тому, что ты оставляешь насъ?—сказалъ одинъ изъ насъ.

— Правда,—сказалъ Сократъ,—что это кажется нехорошимъ съ моей стороны, но если вы вникнете въ мое положеніе, то вы навѣрно поймете, что человѣкъ, всю жизнь стремившійся къ покоренію своихъ страстей, въ чемъ препятствовало ему его тѣло, не можетъ не радоваться освобожденію своему отъ него. А смерть вѣдь есть только освобожденіе. Вѣдь то совершенствованіе, о которомъ мы не разъ говорили, состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить, насколько возможно, душу отъ тѣла и пріучить ее собираться и сосредоточиваться внѣ тѣла въ себѣ самой; смерть же даетъ это самое освобожденіе. Такъ развѣ не было бы странно, что человѣкъ всю жизнь готовится жить такъ, чтобы быть какъ можно ближе къ смертному бытію, а когда приближеніе это готово совершиться, недоволенъ имъ. И потому, какъ мнѣ ни жалко разставаться съ вами и опечалить васъ, я не могу не привѣтствовать смерть, какъ осуществленіе того, чего я достигалъ въ продолженіе жизни. Такъ вотъ вамъ, друзья, моя защита въ томъ, что я не печалюсь, оставляя васъ. Радъ буду, если эта моя защита будетъ убѣдительнѣе той, которую я произнесъ на судѣ,—сказалъ онъ улыбаясь.

— Но для того, чтобы это было такъ, — сказалъ на это Кевисъ, — надо быть увѣреннымъ, что душа, выходя изъ тѣла, не разрушается и не погибаетъ, какъ какой-нибудь паръ или дымъ; хорошо бы было вѣрить или знать, что это такъ. Но бѣда въ томъ, что нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ.

— Это правда,—сказалъ Сократъ.—Нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, но есть большое вѣроятіе, что это такъ. Преданіе говоритъ, что души умершихъ людей идутъ въ аидъ и продолжаютъ тамъ существовать до тѣхъ поръ, пока не возвращаются вновь въ міръ и вновь рождаются изъ умершихъ.

Можно вѣрить и не вѣрить преданію, но есть большое вѣроятіе того, что люди рождаются изъ умершихъ, потому что не только люди, но всѣ животныя, растенія—все возрождается изъ умершаго. А если это такъ, то жизнь не можетъ бояться смерти и смерть есть только возрожденіе къ новой жизни. Подтверждается это еще тѣмъ, что всѣ мы, живя въ этомъ мірѣ, носимъ въ себѣ какъ бы воспоминанія о прежней жизни души.

И Сократъ привелъ знакомые уже намъ доводы о томъ, что всѣ наши знанія суть только воспоминанія.

— А воспоминаній не могло бы быть, если бы душа не жила прежде этой жизни. Такъ что, хотя тѣло человѣка и смертно, душа съ своей способностью знанія, воспоминанія не можетъ умереть вмѣстѣ съ тѣломъ. Но мало того, что всѣ наши знанія представляютъ только воспоминанія о прежней жизни души, главное доказательство присутствія въ насъ независимой отъ тѣла и неумирающей души—то, что душѣ нашей не только свойственны вѣчныя идеи красоты, добра, справедливости, истины, но идеи эти составляютъ самую сущность нашей души. А такъ какъ идеи эти не подлежатъ смерти, то также не подлежитъ смерти и наша душа.

Сократъ кончилъ, и мы всѣ молчали, только Кебесъ и Симлій что-то тихо говорили между собой.

— О чемъ это вы говорите?—спросилъ Сократъ.—Если вы говорите о томъ, о чемъ сейчасъ говорили, то скажите, что вы думаете. Если вы несогласны или знаете лучшее объясненіе, то скажите прямо.

— Я скажу правду,—сказалъ Симлій:—я не совсѣмъ согласенъ

съ тѣмъ, что ты сказалъ, и желаю спросить тебя, но боюсь вопросомъ сдѣлать тебѣ въ твоемъ положеніи непріятное.

— Какъ, однако, трудно,—сказалъ Сократъ,—улыбаясь, убѣдить людей въ томъ, что я не считаю за несчастіе то, что со мной случилось. Если я не могу убѣдить даже васъ, то какъ же убѣдить другихъ людей? Напрасно ты думаешь, что я теперь нахожусь въ иномъ расположеніи духа, чѣмъ обыкновенно. Скажи же, въ чемъ твое сомнѣніе?

— Если такъ,—сказалъ Симлій,—то я прямо скажу то, въ чемъ сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, Сократъ, что то, что ты сказалъ о душѣ, не вполнѣ доказано.

— Въ чемъ?—спросилъ Сократъ.

— Въ томъ,—сказалъ Симлій,—что то, что ты сказалъ о душѣ, можно сказать о строѣ лиры. Можно сказать, что хотя лира сама по себѣ съ своими струнами есть нѣчто тѣлесное, земное и преходящее, но строй лиры и звуки, которые она издаетъ, представляютъ нѣчто безтѣлесное и не подлежащее смерти, и что поэтому, если лира и сломается и струны ея порвутся, то все-таки тотъ строй и тѣ звуки, которые она производила, не могутъ умереть и непремѣнно остаются гдѣ-нибудь и послѣ разрушенія лиры. А между тѣмъ мы знаемъ, что какъ гармонія лиры есть слѣдствіе сочетанія въ извѣстномъ напряженіи натянутыхъ струнъ, такъ и наша душа есть соединеніе и взаимодѣйствіе находящихся въ извѣстномъ отношеніи различныхъ элементовъ тѣла, и что поэтому, какъ гармонія лиры уничтожается съ разрушеніемъ составныхъ частей ея, такъ и душа уничтожается вслѣдствіе нарушенія отношеній, составляющихъ наше тѣло; нарушенія же эти совершаются вслѣдствіе разныхъ болѣзней, или чрезмѣрнаго ослабленія или напряженія составныхъ частей тѣла.

Когда Симлій кончилъ, у всѣхъ насъ явилось непріятное чувство, какъ мы послѣ сообщили другъ другу. Едва только мы увѣрились словами Сократа въ безсмертіи души, какъ сильные доводы противнаго опять смутили насъ и породили недовѣріе не только къ тому, что было, но, какъ намъ показалось, и всему, что могло быть сказано по этому предмету.

Я часто удивлялся Сократу, но никогда болѣе, какъ въ этотъ

разъ. Что онъ не затруднился отвѣтомъ, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго, но я больше всего удивлялся тому добродушію и спокойствію, съ которыми онъ благосклонно и одобрительно выслушалъ рѣчь Симлія, и тому, какъ онъ потомъ, подмѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на насъ этой рѣчью, искусно помогъ намъ выдти изъ сомнѣнія.

Я въ это время сидѣлъ по правой сторонѣ его, у его кровати, на низкомъ стулѣ, а онъ, сидя на кровати, былъ выше меня. Онъ имѣлъ привычку играть моими волосами. Такъ и теперь, погладивъ рукой мою голову и сжавъ мои волосы на затылкѣ, онъ сказалъ: „Завтра, Федонъ, ты обстрижешь эти прекрасные волосы". Да, сказалъ я.—Но погоди остригать ихъ, а сдѣлай, какъ я.—Что же? спросилъ я.—А вотъ что. Обѣщаемъ остричь волосы ты свои завтра, а я свои сегодня же, но только если не сумѣемъ защитить свои доводы.

Я шутя сказалъ, что я согласенъ, и тогда Сократъ обратился къ Симлію.

— Хорошо, Симлій,—сказалъ онъ.—Душа подобна гармоніи. И какъ гармонія возникаетъ при правильномъ отношеніи лиры и струнъ, такъ же и душа возникаетъ отъ извѣстнаго отношенія элементовъ тѣла. А если это такъ, то какъ согласить это съ тѣмъ, что мы только-что говорили, и съ чѣмъ ты былъ согласенъ, что всѣ знанія наши суть воспоминанія того, что мы знали въ предшествовавшихъ существованіяхъ. Если же душа существовала прежде, чѣмъ то тѣло, въ которомъ она теперь находится, то какъ же можетъ она же быть послѣдствіемъ извѣстнаго соотношенія частей тѣла? Такъ что, если мы признаемъ то, что всѣ наши знанія суть воспоминанія прежнихъ существованій, то мы должны признать и то, что душа наша имѣетъ существованіе, независимое отъ условій, въ которыхъ находится тѣло. Кромѣ того, различіе между гармоніей и душой еще и то, что гармонія не сознаетъ сама себя, душа же сознаетъ свою жизнь и не только сознаетъ, но и управляетъ ею. Гармонія не можетъ измѣнить положеніе лиры и зависитъ отъ него, душа же независима отъ тѣла и можетъ совершенно измѣнить его состояніе. Такъ, напримѣръ, сейчасъ всѣ элементы моего тѣла находятся въ правильномъ, такомъ же, какъ и вчера, соотношеніи, а, между тѣмъ, моя душа рѣшила то, что нарушитъ очень скоро

это правильное отношеніе элементовъ, потому что, какъ вы знаете, если бы я согласился съ предложеніемъ Критона бѣжать изъ тюрьмы, то я бы былъ теперь далеко отсюда, а не сидѣлъ бы здѣсь, бесѣдуя съ вами въ ожиданіи казни. Не согласился же я на предложеніе Критона потому, что счелъ болѣе справедливымъ подчиниться рѣшенію республики, чѣмъ уклониться отъ него.

Такъ что выходитъ то, что гармонія приговорила лиру къ разрушенію, т.-е., что есть во мнѣ нѣчто такое, что сознаетъ свое неумирающее начало.

И потому, хотя я и не могу съ полной очевидностью доказать этого, сознавая въ себѣ начало разумное и свободное, превышающее тѣлесную оболочку, въ которой оно находится, я не могу не вѣрить въ то, что душа моя безсмертна.

Если же душа безсмертна,—продолжалъ Сократъ,—то мы обязаны заботиться о ней не только для этой жизни, но и для той, въ которую она переходитъ при смерти тѣла.

Потому что если душа безсмертна и уноситъ съ собой въ другія жизни то, что пріобрѣла здѣсь, то какъ же не стараться сдѣлать ее сколь возможно болѣе хорошей и мудрой!

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Однако, друзья мои, мнѣ кажется, уже пора заняться омовеніемъ, потому что лучше выпить ядъ обмытому, чтобы не доставлять женщинамъ трудъ обмывать мертвое тѣло.

Когда онъ сказалъ это, Критонъ спросилъ его, что онъ поручаетъ намъ исполнить относительно его дѣтей?

— То, что я всегда говорилъ, Критонъ,—сказалъ онъ,—ничего новаго. Заботясь о самихъ себѣ, о своей душѣ, вы сдѣлаете самое лучшее и для меня, и для моихъ сыновей, и для васъ самихъ, хотя бы и не обѣщались мнѣ этого.

— Мы постараемся поступать такъ, — отвѣтилъ Критонъ.—Но какъ похоронить тебя?

— Какъ хотите,—отвѣтилъ онъ и, улыбнувшись, прибавилъ:—я все-таки, друзья мои, не могу убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ—это только тотъ я, который сейчасъ бесѣдуетъ съ вами, а не тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ неподвижнымъ и холоднымъ.

Сказавши это, онъ всталъ и пошелъ въ комнату, чтобы омыться, Критонъ пошелъ за нимъ. Намъ же онъ приказалъ ожидать. Итакъ, мы ожидали, разговаривая между собой о томъ, что было говорено, и о томъ несчастіи, которое постигало насъ, лишая насъ друга, учителя и руководителя.

Когда Сократъ окончилъ омовеніе и къ нему были приведены его дѣти—у него было два маленькихъ сына и одинъ взрослый—и когда вошли его домашнія женщины, онъ, поговоривши съ ними, выслалъ женщинъ и дѣтей и опять вышелъ къ намъ. Уже было близко къ солнечному закату, когда Сократъ вышелъ къ намъ. Скоро послѣ него вошелъ служитель одиннадцати и, подошедши къ Сократу, сказалъ:

— Сократъ, ты, конечно, не будешь обвинять меня, раздражаться и бранить меня, какъ раздражаются и бранятъ меня приговоренные, когда я по приказанію одиннадцати требую, чтобы они выпили ядъ. Я узналъ тебя за это время и считаю тебя человѣкомъ самымъ благороднымъ, кроткимъ и лучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые входили сюда, а потому надѣюсь, что и теперь ты негодуешь не противъ меня,—потому что ты знаешь виновниковъ дѣла, а противъ нихъ. Я пришелъ объявить тебѣ, что время пить ядъ,—прощай и старайся перенести какъ можно легче то, что неизбѣжно.

Сказавъ это, служитель заплакалъ,—отвернулся въ сторону и вышелъ.

— И ты прощай,—сказалъ Сократъ,—мы же сдѣлаемъ свое дѣло. А затѣмъ, обратившись къ намъ, прибавилъ:—какой хорошій человѣкъ! За это время онъ навѣщалъ меня, бесѣдовалъ со мною, и я узналъ въ немъ очень хорошаго человѣка. И теперь какъ трогательно онъ жалѣетъ меня! Ну, Критонъ, исполнимъ же его требованіе; пусть мнѣ принесутъ ядъ, если онъ готовъ.

— Я думаю, Сократъ,—возразилъ Критонъ,—что солнце еще высоко, да, кромѣ того, многіе принимаютъ ядъ только очень поздно, а весь вечеръ пиршествуютъ, нѣкоторые же даже наслаждаются и удовольствіями любви. Спѣшить незачѣмъ. Есть еще время.

— Тѣ, о которыхъ ты говоришь, любезный Критонъ,—сказалъ Сократъ,—имѣли основаніе поступать такъ, какъ поступали, думая вѣроятно, что это хорошо для нихъ, я же думаю иначе. Я думаю,

что, выпивши ядъ немного позже, я не выиграю ничего, кромѣ того, что сдѣлаюсь смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ. Поди и вели принести ядъ.

Критонъ, выслушавъ это, сдѣлалъ знакъ стоявшему за дверью слугѣ. Слуга вышелъ и скоро возвратился, ведя съ собой человѣка, который долженъ былъ дать Сократу ядъ.

— Тебѣ знакомы эти вещи,—сказалъ ему Сократъ:—научи, что нужно дѣлать.

— Нужно только,—отвѣтилъ тотъ,—выпивши ходить до тѣхъ поръ, пока не отяжелѣютъ ноги; когда же отяжелѣютъ, то лечь, и ядъ сдѣлаетъ свое дѣло.

Сказавъ это, онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ взялъ ее и съ веселымъ видомъ, безъ малѣйшаго страха, нисколько не измѣнившись ни въ лицѣ, ни во взорѣ, но взглянувъ, по своему обычаю, пристально на тюремщика, спросилъ:

— Что ты думаешь относительно возліянія изъ этого питья въ честь какого-нибудь божества: можно или нѣтъ?

— Мы приготовили, Сократъ, столько,—отвѣтилъ тотъ,—сколько считали необходимымъ.

— Хорошо,—сказалъ Сократъ.—Но все-таки должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно: объ этомъ я и молюсь теперь.

Сказавши это, онъ поднесъ чашу ко рту, и, не отрываясь, безъ страха и колебанія, выпилъ все, что въ ней было. До этой минуты мы удерживались и не плакали, но когда увидѣли, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то не могли долѣе удерживаться: у меня противъ воли полились слезы; закутавъ голову въ плащъ, я плакалъ о себѣ самомъ: не его, а свое собственное несчастіе оплакивалъ я, теряя въ немъ такого друга. Критонъ, который еще раньше меня не могъ удержать своихъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, теперь же разразился рыданіями.

— Что вы дѣлаете, удивительные вы люди?—сказалъ Сократъ.— Я выслалъ женщинъ, чтобы онѣ не сдѣлали чего-нибудь подобнаго. Умирать должно въ благоговѣйномъ молчаніи. Успокойтесь и будьте мужественны.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, мы перестали плакать. А онъ по-

ходилъ молча нѣсколько времени, подошелъ къ кровати и, сказавъ, что у него тяжелѣютъ ноги, легъ на спину такъ, какъ ему совѣтовалъ лечь служитель, принесшій ядъ. Онъ лежалъ неподвижно; служитель же время отъ времени, трогалъ его ноги и голени. Сжавъ ему одну ногу, служитель спросилъ, чувствуетъ ли онъ? Сократъ отвѣчалъ: „нѣтъ". Потомъ онъ снова, нажимая руки на голени и ляжки, показывалъ намъ, что Сократъ холодѣетъ и коченѣетъ.

— Какъ только холодъ дойдетъ до сердца, — сказалъ онъ, — тогда конецъ.

Холодъ доходилъ уже до нижней части живота, когда Сократъ, вдругъ раскрывшись—потому что онъ былъ накрытъ—сказалъ свое послѣднее слово:

— Не забудьте принести Асклепію въ жертву пѣтуха.

Очевидно, онъ хотѣлъ сказать этимъ то, что онъ благодаренъ богу врачебной науки, который посредствомъ изобрѣтеннаго имъ средства излѣчилъ его отъ жизни.

— Исполнимъ,—отвѣтилъ Критонъ.—Но не имѣешь ли ты еще чего-нибудь сказать?

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а спустя немного времени сдѣлалъ судорожное движеніе, послѣ чего служитель раскрылъ его. Взоръ его уже былъ неподвиженъ. Критонъ подошелъ къ нему и опустилъ ему вѣки на открытые, остановившіеся глаза.

23-е сентября.

Истинное знаніе никогда вполнѣ не доступно человѣку; люди только приближаются къ нему.

1.

Сократъ не имѣлъ столь обычной слабости толковать въ своихъ бесѣдахъ о всемъ существующемъ, отыскивать происхожденіе того, что софисты называютъ природой, и восходить до основныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли небесныя тѣла. „Неужели,—говорилъ онъ,—люди считаютъ, что постигли все то, что важно человѣку знать, разъ занимаются тѣмъ, что такъ мало касается человѣка; или думаютъ они, что смѣютъ пренебрегать тѣми вещами, которыя боги подчинили намъ, а углубляться въ тѣ тайны, которыя принадлежатъ имъ?“

Въ особенности удивлялся онъ слѣпотѣ тѣхъ ложныхъ ученыхъ, которые не сознаютъ, что человѣческій умъ не можетъ проникнуть въ эти тайны.—Потому-то,—говорилъ онъ,—всѣ эти люди, воображающіе, что смѣютъ толковать о нихъ, далеко не сходятся въ своихъ основныхъ мнѣніяхъ, и когда послушаешь ихъ всѣхъ вмѣстѣ, то кажется, что находишься среди сумасшедшихъ. И дѣйствительно, какіе отличительные признаки несчастныхъ, одержимыхъ безуміемъ? Они боятся того, въ чемъ нѣтъ ничего страшнаго, и не страшатся того, что дѣйствительно опасно.

2.

Странно думать, что науки могутъ когда-нибудь быть враждебны религіи. Науки, если онѣ тщеславны, становятся враждебны не только религіи, но и истинѣ; истинная же наука не только не враждебна религіи, но и прокладываетъ ей путь.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Лучше бы не родиться тому, кто надѣется приподнять завѣсу съ того, что выше и ниже насъ, что было раньше и что будетъ послѣ.

Талмудъ.

4.

Каждый правильно развитой умъ долженъ радоваться не столько тому, что онъ что-нибудь ясно знаетъ, сколько отъ сознанія, что существуетъ неизмѣримо большее количество вещей, которыхъ онъ еще не знаетъ.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Знаніе безконечно, и человѣкъ, самый ученый по мнѣнію людей, такъ же далекъ отъ истиннаго знанія, какъ и безграмотный крестьянинъ.

Джонъ Рёскинъ.

Лучше знать меньше, чѣмъ можно, чѣмъ знать больше, чѣмъ нужно. Не бойся незнанія, бойся лишняго, обременяющаго, только для тщеславія пріобрѣтеннаго знанія.

24-е сентября.

Извинительно бы было не оставлять мясоѣденія, если бы оно было необходимо и оправдывалось какими бы то ни было соображеніями. Этого нѣтъ. Это дурное дѣло, не имѣющее въ наше время никакого оправданія.

1.

Какая борьба за существованіе или какое неудержимое безуміе понудило васъ обагрить ваши руки кровью,—васъ, повторяемъ мы, пользующихся всѣмъ необходимымъ и всѣми удобствами существованія? Зачѣмъ клевещете вы на землю, какъ будто она не въ состояніи питать и кормить васъ?

Плутархъ.

2.

Если бы мы не были такъ слѣпо подчинены поработившему насъ обычаю, то никто изъ сколько-нибудь чуткихъ людей не могъ бы помириться съ мыслью, что для нашего прокормленія приходится ежедневно убивать такое множество животныхъ, несмотря на то, что благодѣтельная земля надѣляетъ насъ самыми разнообразными растительными сокровищами.

Бернаръ де-Мандевиль.

3.

Вы спрашиваете меня, на какомъ основаніи Пиѳагоръ воздерживался отъ употребленія мяса животныхъ? Я, съ своей стороны, не понимаю, какого рода чувство, мысль или причина руководила тѣмъ человѣкомъ, который впервые рѣшился осквернить свой ротъ кровью и позволилъ своимъ губамъ прикоснуться къ мясу убитаго существа. Я удивляюсь тому, кто допустилъ на своемъ столѣ искаженныя формы мертвыхъ тѣлъ и потребовалъ для своего ежедневнаго питанія то, что еще такъ недавно представляло собою существа, одаренныя движеніемъ, пониманіемъ и голосомъ.

Плутархъ.

4.

Что касается жалкихъ существъ, которыя первыя прибѣгли къ мясоѣденію, то извиненіемъ для нихъ можетъ служить полное отсутствіе и недостатокъ средствъ для жизни, такъ какъ они (первобытные народы) фактически пріобрѣли кровожадныя привычки не изъ потворства своимъ прихотямъ и не для того, чтобы предаться ненормальному сластолюбію среди избытка всего необходимаго.

Плутархъ.

5.

Какъ на одно изъ доказательствъ того, что мясная пища не свойственна человѣку, можно указать на равнодушіе къ ней дѣтей и на предпочтеніе, которое они всегда оказываютъ овощамъ, молочнымъ блюдамъ, печеньямъ, фруктамъ и т. п.

Руссо.

6.

Баранъ гораздо менѣе предназначенъ для человѣка, чѣмъ человѣкъ для тигра, такъ какъ тигръ—животное плотоядное, а человѣкъ не созданъ таковымъ.

Ритсонъ.

Большая разница между человѣкомъ, не имѣющимъ другой пищи, кромѣ мяса, или такимъ, который ничего не слыхалъ о грѣхѣ мясоѣденія и наивно вѣритъ въ библію, разрѣшающую поѣданіе животныхъ, и всякимъ грамотнымъ человѣкомъ нашего времени, живущимъ въ странѣ, гдѣ есть овощи и молоко, и который знаетъ все то, что высказано учителями человѣчества противъ мясоѣденія. Такой человѣкъ совершаетъ великій грѣхъ, продолжая ѣсть мясо, и еще большій грѣхъ, продолжая дѣлать то, что уже не можетъ не признавать дурнымъ.

25-е сентября.

Состраданіе къ живымъ существамъ вызываетъ въ насъ чувство подобное тѣлесной боли. И такъ же, какъ можно загрубѣть къ тѣлесной боли, можно загрубѣть и къ боли отъ состраданія.

1.

Безграничное состраданіе ко всѣмъ живымъ существамъ есть самое вѣрное и надежное ручательство въ нравственной правотѣ поведенія и не нуждается въ казуистикѣ. Кто имъ проникнутъ, тотъ, навѣрное, никого не оскорбитъ и не обидитъ, никому не сдѣлаетъ больно, ни съ кого не взыщетъ, каждому проститъ, насколько можетъ, и всѣ его поступки будутъ носить печать справедливости и человѣколюбія. Пусть кто-нибудь скажетъ: „Это—человѣкъ добродѣтельный, но онъ не знаетъ жалости", или: „Это—несправедливый и злой человѣкъ, но онъ очень жалостливъ",—и вы почувствуете противорѣчіе.

Шопенгауэръ.

2.

Полно вамъ, люди, себя осквернять недозволенной пищей!
Есть у васъ хлѣбные злаки; подъ тяжестью ноши богатой
Сочныхъ, румяныхъ плодовъ преклоняются вѣтви деревьевъ;
Грозди на лозахъ висятъ наливныя; коренья и травы
Нѣжные, вкусные зрѣютъ въ поляхъ; а другіе,—
Тѣ, что грубѣе, огонь умягчаетъ и дѣлаетъ слаще;
Чистая влага молочная и благовонные соты
Сладкаго меда, что пахнетъ душистой травой — тиміаномъ,
Не запрещаются вамъ. Расточительно-щедро всѣ блага
Вамъ предлагаетъ земля; безъ жестокихъ убійствъ и безъ крови
Вкусныя блюда она вамъ готовитъ.
Лишь дикіе звѣри
Голодъ свой мясомъ живымъ утоляютъ; и то не всѣ звѣри:
Лошади, овцы, быки—вѣдь травою питаются мирно,
Только породы свирѣпыя хищниковъ: лютые тигры,
Львы безпощадно-жестокіе, жадные волки, медвѣди
Рады пролитію крови...
И что за обычай преступный,
Что за ужасная мерзость: кишками—кишекъ поглощенье!
Можно ль откармливать мясомъ и кровью существъ намъ подобныхъ
Жадное тѣло свое и убійствомъ другого созданья,—
Смертью чужою—поддерживать жизнь?
Неужели не стыдно
Намъ, окруженнымъ такъ щедро дарами земли благодатной,
Матери нашей кормилицы,—намъ,—не животнымъ, а людямъ,
Жадно зубами жестокими рвать и терзать съ наслажденьемъ
Клочья израненныхъ труповъ, какъ лютые дикіе звѣри?
Развѣ нельзя утолить, не пожертвовавъ жизнью чужою,
Люди, вашъ голодъ неистовый, алчность утробъ ненасытныхъ?
Былъ,—сохранилось преданье—Вѣкъ Золотой,—не напрасно
Названный такъ; жили люди счастливые, кроткіе—просто;
Были довольны и сыты одними плодами земными,
Кровью уста не сквернили. И птицы тогда безопасно

Воздухъ кругомъ разсѣкали; и робкіе зайцы безстрашно
Въ полѣ бродили; на удочкѣ рыбка тогда не висѣла
Жертвой довѣрія; не было хитрыхъ силковъ и капкановъ;
Страха, предательства, злобы не вѣдалъ никто. И повсюду царствовалъ миръ.
Гдѣ же онъ нынѣ? И чѣмъ свою смерть заслужили
Вы, безобидныя овцы, незлобныя, смирныя твари,
Людямъ на благо рожденныя? Вы, что насъ поите щедро
Влагой сосцовъ благодатныхъ и грѣете мягкой волною,
Вы, чья счастливая жизнь намъ полезнѣй, чѣмъ смерть ваша злая?
Чѣмъ провинился ты, волъ, предназначенный людямъ на помощь,
Ты, безотвѣтно-покорный товарищъ и другъ хлѣбопашца?
Какъ благодарность забыть, какъ рѣшиться жестокой рукою
Острый топоръ опустить на послушную, кроткую шею,
Стертую тяжкимъ ярмомъ? Обагрить мать-кормилицу землю
Кровью горячей работника, давшаго ей урожай?..
Страшенъ вашъ гнусный обычай и скользокъ вашъ путь къ преступленьямъ,
Люди! Убить человѣка не трудно тому, кто, внимая,
Жалкимъ предсмертнымъ блеяніемъ, рѣжетъ телятъ неповинныхъ,
Кто убиваетъ ягненка, чьи слабые вопли подобны
Плачу дитяти; кто птицу небесную бьетъ для забавы
Или,—нарочно,—своею рукою вскормивъ,—пожираетъ!
Съ вашей привычной жестокостью рядомъ стоитъ людоѣдство!
О, воздержитесь, опомнитесь, я заклинаю васъ, братья!
Не отрывайте убійствомъ отъ плуга вола-земледѣльца;
Пусть онъ, служившій вамъ вѣрно, умретъ не насильственной смертью;
Не истребляйте стада беззащитныя: пусть одѣваютъ,
Грѣютъ васъ мягкимъ руномъ и поятъ молокомъ своимъ щедро,
Мирно живя, умирая спокойно на пастбищахъ вашихъ.
Бросьте силки и капканы! Не трогайте пташекъ небесныхъ;
Пусть, беззаботно порхая, поютъ намъ о счастьи и волѣ.
Хитросплетенныя сѣти, крючки съ смертоносной наживой
Бросьте! Довѣрчивыхъ рыбъ не ловите обманомъ коварнымъ,

Устъ человѣческихъ кровью созданій живыхъ не скверните;
Смертные,—смертныхъ щадите!
Питайтесь дозволенной пищей,—
Пищей пригодной для любящей, чистой души человѣка.

Овидій.

3.

Первое условіе для проведенія религіи въ жизнь—любовь и жалость ко всему живому.

Фо-пенъ-хингъ-тзи-кингъ.

4.

Состраданіе къ животнымъ такъ тѣсно связано съ добротою характера, что можно съ увѣренностью утверждать, что кто жестокъ съ животными, тотъ не можетъ быть добрымъ человѣкомъ.

Шопенгауэръ.

5.

Все живое ужасается мученій, все живое боится смерти; познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ—и не убивай и не причиняй смерти.

Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожитъ своей жизнью; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ—не убивай и не причиняй смерти.

Буддійская мудрость.

6.

Чтеніе и письмо отнюдь не составляютъ образованія, если они не помогаютъ людямъ быть добрѣе ко всѣмъ тварямъ.

Джонъ Рёскинъ.

7.

Всякое убійство отвратительно, но едва ли не отвратительнѣе всего убійство съ цѣлью съѣсть то существо, которое убито. И чѣмъ больше человѣкъ обдумываетъ форму убійства, чѣмъ больше сосредоточиваетъ вниманіе и стараніе на томъ, чтобы убитое животное съѣсть съ наибольшимъ удовольствіемъ, чтобы дать убитому существу наибольшую, такъ сказать, вкусность, тѣмъ это убійство отвратительнѣе.

М. Ю. Г.

8.

Не поднимай руки противъ брата твоего и не проливай крови никакихъ живыхъ существъ, населяющихъ землю,— ни людей, ни домашнихъ животныхъ, ни звѣрей, ни птицы; въ глубинѣ твоей души вѣщій голосъ тебѣ запрещаетъ ее проливать, ибо кровь,— это жизнь, а жизнь ты не можешь вернуть.

Ламартинъ.

Когда испытываешь боль при видѣ страданія другого существа, не отдавайся первому животному чувству скрыть отъ себя зрѣлище страданій, бѣжать отъ страдающаго, а, напротивъ, бѣги къ страдающему и ищи средства помочь ему.

26-е сентября.

Усиліе нравственное потому необходимо, что усиліе плотское не переставая совершается. Только перестань работать надъ собой духовно, и плоть завладѣетъ тобой.

1.

Усвоить истину — дѣло нелегкое для людей, исполненныхъ заблужденій, ибо вредныя вліянія разнаго рода съ чрезвычайной силой стремятся сохранить надъ ними свою власть. Но истина могущественна, и она восторжествуетъ, если мы настойчиво будемъ слѣдовать ей.

Люси Малори.

2.

То, что неясно, слѣдуетъ выяснить. То, что трудно творить, слѣдуетъ дѣлать съ великой настойчивостью.

Конфуцій.

3.

Намъ невозможно видѣть всѣхъ послѣдствій усилій человѣка въ борьбѣ со зломъ: то добро, которое онъ осуществилъ этими уси-

ліями, намъ отчасти видно; но отъ насъ совсѣмъ скрыто все то зло, которое онъ въ себѣ поборолъ этой борьбой.

4.

Нашъ собственный гнѣвъ или досада дѣлаютъ намъ болѣе вреда, чѣмъ то, что заставляетъ насъ гнѣваться.

Леббокъ.

5.

Пока ты не уничтожилъ до самаго корня похотливую привязанность свою къ женщинѣ, до тѣхъ поръ духъ твой будетъ привязанъ къ земному, какъ сосущій телецъ привязанъ къ своей матери.

Люди, влекомые похотью, мечутся подобно зайцу, попавшему въ западню; навсегда увязшіе въ путахъ жажды, они вновь подпадаютъ страданію на долгія времена.

Буддійская мудрость.

6.

Путь исправленія себя, правда, труденъ, но онъ труденъ не самъ по себѣ, а труденъ потому, что мы такъ долго предавались порокамъ, которые и усложняютъ намъ путь исправленія. Мы страдаемъ отъ этой борьбы настолько, насколько пороки наши успѣли въ насъ вкорениться. Мы не можемъ думать, что Богъ виноватъ въ необходимости этой борьбы, потому что, не будь въ насъ пороковъ, не было бы и борьбы. Значитъ, причина борьбы— въ нашемъ собственномъ нечестіи. И между тѣмъ, въ этой борьбѣ наше спасеніе, и если бы Богъ избавилъ насъ отъ этой борьбы, то мы, несчастные, остались бы при нашихъ порокахъ.

Паскаль.

7.

Съ нашими высшими чувствами бываетъ то же, что бываетъ со всѣми вообще нашими способностями. Если мы не упражняемъ ихъ, мы перестаемъ замѣчать, что мы ими обладаемъ. Люди, никогда не упражняющіе своихъ способностей, становятся нечувствительными къ ихъ существованію.

Люси Малори.

8.

Доброе дѣло совершается всегда съ усиліемъ, но когда усиліе повторено нѣсколько разъ,—то же дѣло становится привычкой.

Не пренебрегай никакимъ дѣломъ, которое можетъ пріучить тебя къ дѣланію добра, а тѣмъ болѣе такимъ, которое можетъ отучить тебя отъ дѣланія зла.

27-е сентября.

Осужденіе ближняго есть забава, отъ которой людямъ, не понимающимъ всего вреда этой забавы, трудно удержаться. Понимая же весь вредъ осужденія, грѣшно не воздержаться отъ него только изъ-за забавы.

1.

По тѣмъ мыслямъ, которыя человѣкъ высказываетъ, нельзя судить о томъ, какъ онъ поступалъ бы съ нами на дѣлѣ. Также и наоборотъ: по дѣламъ человѣка очень трудно судить о томъ, ради чего онъ такъ поступаетъ, какія у него въ головѣ мысли, а въ душѣ побужденія. Если я вижу, что человѣкъ безъ устали хлопочетъ, читаетъ, пишетъ или работаетъ съ утра до ночи, или даже просиживаетъ за своей работой цѣлыя ночи напролетъ, то я еще не скажу, что человѣкъ этотъ любитъ трудиться, или трудится ради пользы людей, если я не знаю, зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ. Вѣдь никто не скажетъ про человѣка, который по цѣлымъ ночамъ кутитъ съ распутными женщинами, что онъ полезенъ или что онъ любитъ трудиться. И не только скверныя, но какъ будто и прекрасныя дѣла часто дѣлаются ради скверныхъ цѣлей, напримѣръ, изъ-за денегъ или ради славы; и нельзя сказать про человѣка, поступающаго такъ, что онъ трудолюбивъ и полезенъ, какъ бы неутомимо онъ ни работалъ и какія бы громкія дѣла ни

совершалъ. Я скажу про человѣка, что онъ любитъ трудъ и полезенъ людямъ, только тогда, когда узнаю, что онъ трудится для души своей—для Бога и людей.

Но чужая душа — потемки. Какъ же я узнаю внутреннія побужденія человѣка, извѣстныя только ему самому?

И выходитъ, что человѣкъ не можетъ судить человѣка, то-есть осуждать или оправдывать его, ни хвалить, ни порицать.

Эпиктетъ.

2.

Желая судить меня, будьте не со мной, а во мнѣ.

Мицкевичъ.

3.

Добрымъ такъ же трудно предполагать зло въ другихъ, какъ злымъ предполагать доброе.

4.

Въ спорахъ забывается истина. Прекращаетъ споръ умнѣйшій.

5.

Главное наше несовершенство въ нашемъ внутреннемъ зрѣніи; мы страшно дальнозорки и видимъ все въ другихъ и остаемся почти невидимы для самихъ себя.

Браунъ.

6.

Тотъ истинно благороденъ, кто легко прощаетъ заблужденія людей и въ то же время такъ боится сдѣлать что-нибудь дурное, какъ будто онъ никогда никого не прощалъ.

Плиній Младшій.

Какъ только начинаешь судить человѣка, помни о томъ, чтобы не сказать про него дурного, если ты навѣрно знаешь про это дурное, а тѣмъ болѣе, если ты не знаешь и повторяешь только чужія слова.

28-е сентября.

Большая часть поступковъ людей совершается не по разсужденію, даже не по чувству, а по безсознательному подражанію, по внушенію.

1.

Поступки, совершаемые по внушенію, могутъ быть добрые и злые. Въ нашемъ обществѣ бо́льшая часть поступковъ, совершаемыхъ по внушенію,—злые. Только поступки, совершенные сознательно, по требованіямъ совѣсти, не могутъ быть дурными. А между тѣмъ на тысячи поступковъ, совершаемыхъ нами по внушенію, едва ли найдется одинъ, совершаемый сознательно.

2.

Просвѣщеніе есть выходъ человѣка изъ своего, имъ же самимъ поддерживаемаго ребячества. Ребячество состоитъ въ его неспособности пользоваться своимъ разумомъ безъ руководства другого. Имъ же самимъ поддерживается это ребячество тогда, когда причина его лежитъ не въ недостаткѣ разума, но въ недостаткѣ рѣшительности и мужества пользоваться имъ безъ руководства другого.

Кантъ.

3.

Имѣй мужество пользоваться собственнымъ разумомъ. Это — девизъ просвѣщенія.

Кантъ.

4.

Если бы человѣкъ изъ всѣхъ голосовъ, говорящихъ въ его душѣ, могъ бы безошибочно узнавать голосъ своего истиннаго, вѣчнаго *я*, онъ никогда бы не ошибался, не дѣлалъ зла. Для этого-то и нужно знать самого себя.

5.

Посмотрите внимательно на причины невѣжества народныхъ массъ, и вы увидите, что главная причина никакъ не въ недо-

статкѣ школъ и библіотекъ, какъ мы привыкли думать, а въ тѣхъ суевѣріяхъ, которыми онѣ пропитаны и которыя, не переставая, производятся всѣми средствами искусства.

6.

Истинное просвѣщеніе распространяется только примѣромъ нравственной жизни. Вся же мнимо просвѣтительная дѣятельность школъ, книгъ, газетъ, театровъ и т. п. не имѣетъ ничего общаго съ просвѣщеніемъ и очень часто прямо противоположно ему.

7.

Наша главная и самая трудная обязанность, какъ членовъ общества, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть пользоваться благами общества, но не подчиняться его ярму; быть готовымъ воспринимать мысли и убѣжденія другихъ, но твердо держаться священнаго права своего сужденія; воспринимать побужденія отъ другихъ, но дѣйствовать по требованіямъ своей души; дѣйствовать съ другими, но слѣдовать своей совѣсти; умѣть соединять уваженіе къ мнѣнію другихъ и самоопредѣленіе.

Чаннингъ.

Всякій разъ, когда чувствуете, что готовы поступить не по разсужденію и не по внутреннему своему побужденію, а по внѣшнему, чужому воздѣйствію, остановитесь и подумайте, хорошо или дурно то внушеніе, которое влечетъ васъ.

29-е сентября.

Кромѣ всѣхъ бѣдствій и ужасовъ войны, одно изъ величайшихъ золъ ея—это извращеніе умовъ: существуетъ войско, военныя издержки, надо объяснить это. Разумно объяснить нельзя, и потому извращается разумъ.

1.

И Микромегасъ сказалъ: „О вы, разумные атомы, въ которыхъ вѣчное существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, вѣрно, пользуетесь чистыми радостями на вашемъ земномъ шарѣ, потому что, будучи такъ мало матеріальны и такъ развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь въ любви и мышленіи, такъ какъ въ этомъ настоящая жизнь духовныхъ существъ“. На эту рѣчь всѣ философы покачали головами, и одинъ изъ нихъ, наиболѣе откровенный, сказалъ, что, за исключеніемъ малаго числа мало уважаемыхъ дѣятелей, все остальное населеніе состоитъ изъ безумцевъ, злодѣевъ и несчастныхъ.

— Въ насъ больше тѣлесности, чѣмъ нужно, если зло происходитъ отъ тѣлесности, и слишкомъ много духовности, если зло происходитъ отъ духовности,—сказалъ онъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящую минуту тысячи безумцевъ въ шляпахъ убиваютъ тысячи другихъ животныхъ въ чалмахъ или убиваемы ими, и такъ это ведется съ незапамятныхъ временъ по всей землѣ.

— Изъ-за чего же ссорятся маленькія животныя?

— Изъ-за какого-нибудь маленькаго кусочка грязи, величиной съ вашу пятку, — отвѣчалъ философъ;—и ни одному изъ людей, которые рѣжутъ другъ друга, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до этого кусочка грязи. Вопросъ для нихъ только въ томъ, будетъ ли этотъ кусочекъ принадлежать тому, кого называютъ султаномъ, или тому, кого называютъ кесаремъ, хотя ни тотъ, ни другой никогда не видалъ этого кусочка земли. Изъ тѣхъ же животныхъ, которыя рѣжутъ другъ друга, почти никто не видалъ того животнаго, ради котораго они рѣжутся.

— Несчастные! — вскрикнулъ сиріецъ.—Можно ли представить себѣ такое безумное бѣшенство! Право, мнѣ хочется сдѣлать три шага и раздавить весь муравейникъ этихъ смѣшныхъ убійцъ.

— Не трудитесь дѣлать это, — отвѣчали ему.—Они сами заботятся объ этомъ. Впрочемъ, и не ихъ надо наказывать, а тѣхъ варваровъ, которые, сидя въ своихъ дворцахъ, предписываютъ убійства людей и велятъ торжественно благодарить за это Бога.

Вольтеръ.

2.

Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе того, что человѣкъ имѣетъ право убить меня, потому что онъ живетъ на той сторонѣ рѣки, и что его государь въ ссорѣ съ моимъ, хотя я и не ссорился съ нимъ?

Паскаль.

3.

Придетъ время, когда народы поймутъ безуміе войны.

Четыре вѣка тому назадъ жители Пизы и Лукки были раздѣлены между собой такой жестокой ненавистью, что она казалась вѣчной, и что самый ничтожный носильщикъ Пизы считалъ бы постыдной измѣной воспользоваться чѣмъ-нибудь отъ самаго перваго гражданина Лукки. И что же осталось теперь отъ этой ненависти? Что останется отъ нелѣпой ненависти пруссака къ французу? Можно быть смѣло увѣреннымъ, что эти чувства покажутся нашимъ потомкамъ какъ ненависть аѳинянъ къ спартанцамъ или жителей Пизы къ жителямъ Лукки. Люди поймутъ, что у нихъ есть болѣе нужныя дѣла, чѣмъ нападеніе другъ на друга; что ихъ общіе враги—это нищета, невѣжество, болѣзни; и что усилія ихъ должны быть направлены противъ этихъ ужасныхъ бѣдствій, а не противъ своихъ сотоварищей въ несчастіи.

Шарль Рише.

4.

Различныя государства Европы накопили долгъ въ 130 милліардовъ, изъ которыхъ около 110 сдѣлано въ продолженіе одного вѣка. Весь колоссальный долгъ этотъ сдѣланъ исключительно для расходовъ по войнѣ. Европейскія государства держатъ въ мирное время въ войскѣ болѣе 4 милліоновъ людей и могутъ довести это число до 19 милліоновъ въ военное время. Двѣ трети ихъ бюджетовъ поглощены процентами на долгъ и содержаніе армій сухопутныхъ и морскихъ.

Молинари.

5.

Если бы путешественникъ увидалъ на какомъ-нибудь отдаленномъ островѣ людей, дома которыхъ были бы обставлены заряженными орудіями и вокругъ этихъ домовъ ходили бы днемъ и

ночью часовые, онъ не могъ бы не подумать, что на островѣ живутъ одни разбойники. Развѣ не то же съ европейскими государствами?

Какъ же мало вліянія имѣетъ на людей религія, или какъ мы еще далеки отъ истинной религіи!

Лихтенбергъ.

Не пытайся ни оправдывать, ни отрицать войны или существованія военнаго сословія; всякое приложеніе разумныхъ доводовъ къ дѣлу явно дурному можетъ только извратить умъ и сердце.

Недѣльное чтеніе.

За что?

I.

Въ 1830 году весною къ пану Ячевскому въ его родовое имѣніе Рожанку пріѣхалъ единственный сынъ его умершаго друга, молодой Іосифъ Мигурскій. Ячевскій былъ 65-тилѣтній широколобый, широкоплечій, широкогрудый старикъ, съ длинными бѣлыми усами на кирпично-красномъ лицѣ, патріотъ временъ второго раздѣла Польши. Онъ юношей вмѣстѣ съ Мигурскимъ отцомъ служилъ подъ знаменами Костюшки и всѣми силами своей патріотической души ненавидѣлъ апокалипсическую, какъ онъ называлъ ее, блудницу Екатерину II и измѣнника, мерзкаго ея любовника Понятовскаго, и также вѣрилъ въ возстановленіе Рѣчи Посполитой, какъ вѣрилъ ночью, что къ утру опять взойдетъ солнце. Въ 12-мъ году онъ командовалъ полкомъ въ войскахъ Наполеона, котораго онъ обожалъ. Погибель Наполеона огорчила его, но онъ не отчаивался въ возстановленіи, хотя и искалѣченнаго, но все-таки царства Польскаго. Открытіе сейма въ Варшавѣ Александромъ I оживило его надежды, но священный союзъ, реакція во всей Европѣ, самодурство Константина отдаляло осуществленіе завѣтнаго желанія. Съ 25-го года Ячевскій поселился въ деревнѣ и безвыѣздно жилъ въ своей Рожанкѣ, занимая время хозяйствомъ, охотой и чтеніемъ газетъ и писемъ, посредствомъ которыхъ онъ все-таки горячо слѣдилъ за политическими событіями въ своемъ отечествѣ. Онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на бѣдной, красивой шляхтенкѣ, и бракъ этотъ былъ несчастливъ. Онъ не лю-

билъ и не уважалъ этой своей второй жены, тяготился ею, дурно, грубо обращался съ нею, какъ будто вымещая на ней свою ошибку второго брака. Дѣтей отъ второй жены не было. Отъ первой же жены было двѣ дочери: старшая Ванда, величавая красавица, знавшая цѣну своей красотѣ и скучавшая въ деревнѣ, и меньшая, Альбина, любимица отца, живая, костлявая дѣвочка, съ вьющимися бѣлокурыми волосами и широко, какъ у отца, разставленными большими, блестящими, сѣрыми глазами.

Альбинѣ было 15 лѣтъ, когда пріѣхалъ Іосифъ Мигурскій. Мигурскій и прежде студентомъ бывалъ у Ячевскихъ въ Вильно, гдѣ они жили по зимамъ, и ухаживалъ за Вандой, теперь же въ первый разъ уже вполнѣ взрослымъ, свободнымъ человѣкомъ пріѣхалъ къ нимъ въ деревню. Пріѣздъ молодого Мигурскаго былъ пріятенъ всѣмъ жителямъ Рожанки. Старику Іозё Мигурскій былъ пріятенъ тѣмъ, что напоминалъ ему друга его отца въ то время, какъ они были молоды, и тѣмъ, что съ жаромъ и самыми розовыми надеждами разсказывалъ о революціонномъ броженіи не только въ Польшѣ, но и за границей, откуда онъ только-что пріѣхалъ.

Пани Ячевской Мигурскій былъ пріятенъ тѣмъ, что при гостяхъ старикъ Ячевскій сдерживался и не бранилъ ее за все, какъ обыкновенно. Вандѣ онъ былъ пріятенъ потому, что она была увѣрена, что Мигурскій пріѣхалъ для нея и намѣревается ей сдѣлать предложеніе; она готовилась дать ему согласіе, но намѣревалась, какъ она сама съ собой говорила: lui tenir la dragée haute. Альбина была рада тому, что всѣ были рады. Не одна Ванда была увѣрена въ томъ, что Мигурскій пріѣхалъ съ намѣреніемъ сдѣлать ей предложеніе. Это думали всѣ въ домѣ отъ старика Ячевскаго до няни Лудвики, хотя и никто не говорилъ этого.

И это была правда. Мигурскій пріѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но, пробывъ недѣлю, онъ, чѣмъ-то смущенный и разстроенный, уѣхалъ, не сдѣлавъ предложенія. Всѣ были удивлены этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ, и никто, кромѣ Альбины, не понималъ его причины. Альбина знала, что причиной этого страннаго отъѣзда была она.

Во все время пребыванія его въ Рожанкѣ она замѣчала, что Мигурскій былъ особенно возбужденъ и веселъ только съ нею.

Онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ, шутилъ съ ней, дразнилъ ее, но она женскимъ чутьемъ чуяла, что въ этомъ обращеніи его съ ней было не отношеніе взрослаго къ ребенку, а мужчины къ женщинѣ. Она видѣла это въ томъ любящемъ взглядѣ и ласковой улыбкѣ, съ которыми онъ встрѣчалъ ее, когда она входила въ комнату, и провожалъ, когда она выходила. Она не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое это было, но это его отношеніе къ ней веселило ее, и она невольно старалась дѣлать то, что нравилось ему. Нравилось же ему все, что она бы ни дѣлала. И потому она въ его присутствіи съ особеннымъ возбужденіемъ дѣлала все, что дѣлала. Ему нравилось, какъ она наперегонки бѣгала съ прекраснымъ хортымъ (борзая собака), прыгавшимъ на нее и лизавшимъ ее въ раскраснѣвшееся сіяющее лицо; нравилось, какъ она при малѣйшемъ поводѣ заливалась заразительно звонкимъ смѣхомъ; нравилось, какъ она, продолжая весело смѣяться, глазами принимала серьезный видъ при скучной проповѣди ксендза; нравилось, какъ съ необыкновенной вѣрностью и комизмомъ представляла то старую няню, то пьянаго сосѣда, то его самого, Мигурскаго, мгновенно переходя отъ изображенія одного къ изображенію другого. Нравилось, главное, ея восторженная жизнерадостность. Точно какъ будто она только-что сейчасъ узнала вполнѣ всю прелесть жизни и спѣшила воспользоваться ею. Ему нравилась эта особенная ея жизнерадостность, а жизнерадостность эта возбуждалась и усиливалась именно тѣмъ, что она знала, что эта жизнерадостность восхищаетъ его. И потому одна Альбина знала, отчего Мигурскій, пріѣхавшій, чтобы сдѣлать предложеніе Вандѣ, уѣхалъ, не сдѣлавъ его. Хотя она никому не рѣшилась бы сказать этого, не говорила этого ясно и сама себѣ, она въ глубинѣ души знала, что онъ хотѣлъ полюбить сестру, а полюбилъ ее, Альбину. Альбина очень удивлялась этому, считая себя вполнѣ ничтожной въ сравненіи съ умной, образованной, красавицей Вандой, но не могла не знать, что это такъ, и не могла не радоваться этому, потому что сама всѣми силами своей души полюбила Мигурскаго, полюбила такъ, какъ любятъ только въ первый разъ и только одинъ разъ въ жизни.

II.

Въ концѣ лѣта газеты принесли извѣстіе о Парижской революціи. Вслѣдъ за этимъ стали приходить извѣстія о готовящихся безпорядкахъ въ Варшавѣ. Ячевскій со страхомъ и надеждой ожидалъ съ каждой почтой извѣстія объ убійствѣ Константина и началѣ революціи. Наконецъ въ ноябрѣ получились въ Рожанкѣ сначала вѣсть о нападеніи на бельведеръ, о бѣгствѣ Константина Павловича, потомъ о томъ, что сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенной польскаго престола, что Хлопицкій объявленъ диктаторомъ, и польскій народъ опять свободенъ. Возстаніе не дошло еще до Рожанки, но всѣ обитатели ея слѣдили за ходомъ его, ожидали его у себя и готовились къ нему. Старикъ Ячевскій переписывался съ старымъ знакомымъ, однимъ изъ главарей возстанія, принималъ таинственныхъ евреевъ факторовъ, не по хозяйственнымъ, а по революціоннымъ дѣламъ, и готовился присоединиться къ возстанію, когда настанетъ время. Пани Ячевская не только какъ всегда, но еще болѣе, чѣмъ всегда, заботилась о матеріальныхъ удобствахъ мужа и, какъ всегда, этимъ самымъ все больше и больше раздражала его. Ванда отослала свои брильянты подругѣ въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги отдать въ революціонный комитетъ. Альбина интересовалась только тѣмъ, что дѣлаетъ Мигурскій. Черезъ отца она знала, что онъ поступилъ въ отрядъ Дверницкаго, и старалась узнать все то, что касалось этого отряда. Мигурскій писалъ два раза: одинъ разъ извѣщалъ о томъ, что онъ поступилъ въ войско, другой разъ въ половинѣ февраля писалъ восторженное письмо о побѣдѣ поляковъ при Стогекѣ, гдѣ взяли 6 русскихъ орудій и плѣнныхъ. „Zwycięstwo Polaków i kleska Moskali! Wiwat!“ заканчивалъ онъ письмо. Альбина была въ восторгѣ. Она разсматривала карту, разсчитывала, гдѣ и когда должны быть окончательно побѣждены москали, и блѣднѣла и дрожала, когда отецъ медленно распечатывалъ привезенные съ почты пакеты. Одинъ разъ мачеха, зайдя въ ея комнату, застала ее передъ зеркаломъ въ панталонахъ и конфедераткѣ. Альбина готовилась въ мужскомъ платьѣ бѣжать изъ дома, чтобы присоединиться къ польскому войску. Мачеха ска-

зала отцу. Отецъ призвалъ дочь къ себѣ и, скрывая свое сочувствіе ей, даже восхищеніе передъ ней, сдѣлалъ ей строгій выговоръ, требуя, чтобы она выбросила изъ головы глупыя мысли объ участіи въ войнѣ. „У женщины есть другое дѣло: любить и тѣшить тѣхъ, которые жертвуютъ собой за отчизну“, сказалъ онъ ей. Теперь она нужна ему, составляя его радость и утѣшеніе, а придетъ время, она также нужна будетъ мужу. Онъ зналъ, чѣмъ подѣйствовать на нее. Онъ намекнулъ ей на то, что онъ одинокъ и несчастенъ. Она прижалась къ нему лицомъ, скрывая слезы, которыя все-таки намочили рукавъ его халата, и обѣщала ему ничего не предпринимать безъ его согласія.

III.

Только люди, испытавшіе то, что испытали поляки послѣ раздѣла Польши и подчиненія одной части ея власти ненавистныхъ нѣмцевъ, другой—власти еще болѣе ненавистныхъ москалей, могутъ понять тотъ восторгъ, который испытывали поляки въ 30-мъ и 31-мъ году, когда послѣ прежнихъ несчастныхъ попытокъ освобожденія новая надежда освобожденія казалась осуществимой. Но надежда эта продолжалась не долго. Силы были слишкомъ несоразмѣрны, и революція была опять задавлена. Опять безсмысленно повинующіеся десятки тысячъ русскихъ людей были пригнаны въ Польшу и подъ начальствомъ то Дибича, то Паскевича и высшаго распорядителя Николая I, сами не зная зачѣмъ они дѣлаютъ это, пропитавъ землю кровью своей и своихъ братьевъ поляковъ, задавили ихъ и отдали опять во власть слабыхъ и ничтожныхъ людей, не желающихъ ни свободы, ни подавленія поляковъ, а только одного: удовлетворенія своего корыстолюбія и ребяческаго тщеславія.

Варшава была взята, отдѣльные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были разстрѣляны, забиты палками, сосланы. Въ числѣ сосланныхъ былъ и молодой Мигурскій. Имѣніе его было конфисковано, а самъ онъ опредѣленъ солдатомъ въ линейный батальонъ въ Уральскъ.

Ячевскіе жили зиму 1832 года въ Вильнѣ для здоровья ста-

рика, послѣ 31 года страдавшаго болѣзнью сердца. Здѣсь пришло къ нимъ письмо отъ Мигурскаго изъ крѣпости. Онъ писалъ, что какъ ни тяжело для него было то, что онъ перенесъ и что предстоитъ ему, онъ радъ тому, что ему пришлось пострадать за отчизну, что онъ не отчаивается въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое онъ отдалъ часть своей жизни и готовъ отдать остатокъ ея, и что если бы завтра явилась новая возможность, онъ поступилъ бы такъ же. Читая письмо вслухъ, старикъ зарыдалъ на этомъ мѣстѣ и долго не могъ продолжать. Въ остальной части письма, которую вслухъ прочла Ванда, Мигурскій писалъ, что *какія бы ни были его планы и мечты*, въ тотъ послѣдній его пріѣздъ, который останется вѣчно самой свѣтлой точкой во всей его жизни, онъ теперь и не можетъ и не хочетъ говорить про нихъ.

Ванда и Альбина поняли каждая по-своему значеніе этихъ словъ, но никому не объяснили того, какъ онѣ ихъ поняли. Въ концѣ письма Мигурскій посылалъ привѣтствіе всѣмъ и между прочимъ съ тѣмъ же игривымъ тономъ, съ которымъ онъ обращался съ Альбиной во время своего пріѣзда, обращался къ ней и въ письмѣ, спрашивая ее, такъ ли же она быстро бѣгаетъ, перегоняя собакъ, и такъ ли хорошо передразниваетъ всѣхъ. Онъ желалъ здоровья старику, успѣха въ хозяйственныхъ дѣлахъ матери, достойнаго мужа Вандѣ и продолженія той же жизнерадостности Альбинѣ.

IV.

Здоровье старика Ячевскаго шло все хуже и хуже, и въ 1833 г. вся семья переѣхала за границу. Ванда встрѣтила въ Баденѣ богатаго польскаго эмигранта и вышла за него замужъ. Болѣзнь старика быстро ухудшалась, и въ началѣ 1833 года онъ умеръ за границей на рукахъ Альбины. Жену онъ не допускалъ ходить за собой и до послѣдней минуты не могъ простить ей той ошибки, которую сдѣлалъ, женившись на ней. Пани Ячевская вернулась съ Альбиной въ деревню. Главный интересъ въ жизни Альбины былъ Мигурскій. Въ ея глазахъ это былъ величайшій герой и мученикъ, служенію которому она рѣшила посвятить свою жизнь. Еще до отъѣзда за границу она начала переписываться съ нимъ.

Сначала по порученію отца, потомъ отъ себя. Послѣ смерти отца она, вернувшись въ Россію, продолжала переписываться съ нимъ и, когда ей минуло 18 лѣтъ, объявила мачехѣ, что она рѣшила ѣхать въ Уральскъ къ Мигурскому съ тѣмъ, чтобы выйти тамъ за него замужъ. Мачеха стала упрекать Мигурскаго за то, что онъ эгоистически хочетъ обезпечить свое тяжелое положеніе тѣмъ, чтобы, увлекши богатую дѣвушку, заставить ее раздѣлить его несчастье. Альбина разсердилась и объявила мачехѣ, что только она одна можетъ приписывать такія подлыя мысли человѣку, пожертвовавшему всѣмъ для своего народа, что Мигурскій, напротивъ, отказывался отъ той помощи, которую она предлагала ему, и что она безповоротно рѣшила ѣхать къ нему и выйти за него замужъ, если онъ только захочетъ дать ей это счастье. Альбина была совершеннолѣтняя, и деньги у нея были,—тѣ 300.000 злотыхъ, которые покойникъ дядя оставилъ двумъ племянницамъ. Такъ что ничего не могло задержать ее.

Въ ноябрѣ 1833 года Альбина простилась съ домашними, какъ на смерть, со слезами провожавшими ее въ дальній, невѣдомый край варварской московіи, сѣла съ старой преданной няней Лудвикой, которую она брала съ собой, въ отцовскій, вновь исправленный для дальней дороги возокъ и пустилась въ дальнюю дорогу.

V.

Мигурскій жилъ не въ казармахъ, а на своей отдѣльной квартирѣ. Николай Павловичъ требовалъ, чтобы разжалованные поляки не только несли всю тяжесть суровой солдатской жизни, но и терпѣли всѣ тѣ униженія, которымъ подвергались въ это время рядовые солдаты; но большинство тѣхъ простыхъ людей, которые должны были исполнять эти его распоряженія, понимали всю тяжесть положенія этихъ разжалованныхъ и, несмотря на опасность неисполненія его воли, гдѣ могли, не исполняли ее. Полуграмотный, выслужившійся изъ солдатъ командиръ того батальона, въ который былъ зачисленъ Мигурскій, понималъ положеніе бывшаго богатаго, образованнаго молодого человѣка, лишившагося всего, жалѣлъ его и уважалъ, и дѣлалъ ему всякаго рода послабленія.

И Мигурскій не могъ не оцѣнить добродушія подполковника съ бѣлыми бакенбардами на одутловатомъ солдатскомъ лицѣ и чтобы отплатить ему, согласился учить его сыновей, готовящихся въ корпусъ, математикѣ и французскому языку.

Жизнь Мигурскаго въ Уральскѣ, тянувшаяся уже седьмой мѣсяцъ, была не только однообразная, унылая и скучная, но и тяжелая. Знакомствъ, кромѣ батальоннаго командира, съ которымъ онъ старался держаться какъ можно дальше, у него былъ только одинъ сосланный полякъ, мало образованный и пронырливый, непріятный человѣкъ, занимавшійся здѣсь торговлей рыбы. Главная же тяжесть жизни Мигурскаго состояла въ томъ, что ему трудно было привыкать къ нуждѣ. Средствъ у него послѣ конфискаціи его имущества не было никакихъ, и онъ перебивался продажей золотыхъ вещей, которыя у него остались.

Единственная и большая радость его жизни послѣ его ссылки была переписка съ Альбиной, поэтическое, милое представленіе о которой со времени посѣщенія его Рожанки осталось у него въ душѣ и становилось теперь въ изгнаніи все прекраснѣе и прекраснѣе. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ она, между прочимъ, спрашивала его, что значатъ слова его давнишняго письма: „какія бы ни были мои желанія и мечты“. Онъ отвѣчалъ ей, что теперь онъ можетъ признаться ей, что мечты его были о томъ, чтобы назвать ее своей женой. Она отвѣтила ему, что любитъ его. Онъ отвѣтилъ, что лучше бы она не писала этого, потому что ужасно думать о томъ, что могло бы быть и теперь невозможно. Она отвѣтила, что это не только возможно, но что это непремѣнно будетъ. Онъ отвѣчалъ ей, что не можетъ принять ея жертвы, что въ теперешнемъ положеніи его это невозможно. Вскорѣ послѣ своего этого письма онъ получилъ повѣстку на 2,000 злотыхъ. По штемпелю конверта и почерку онъ узналъ, что это было прислано отъ Альбины, и вспомнилъ, что въ одномъ изъ первыхъ писемъ онъ въ шуточномъ тонѣ описывалъ ей то удовольствіе, которое онъ испытываетъ теперь, уроками зарабатывая все, что ему нужно,—денегъ на чай, табакъ и даже книги. Переложивъ деньги въ другой конвертъ, онъ отослалъ ихъ назадъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ ее не портить ихъ святыхъ отношеній деньгами. У него всего было

довольно, писалъ онъ, и онъ вполнѣ счастливъ, зная, что имѣетъ такого друга, какъ она. На этомъ остановилась ихъ переписка.

Въ ноябрѣ Мигурскій сидѣлъ у подполковника, давая урокъ мальчикамъ, когда послышался звукъ приближающагося почтоваго колокольца и заскрипѣли по морозному снѣгу полозья саней и остановились у подъѣзда. Дѣти вскочили, чтобы узнать, кто пріѣхалъ. Мигурскій остался въ комнатѣ, глядя на дверь и ожидая возвращенія дѣтей, но въ дверь вошла сама подполковница.

— А къ вамъ, „панъ“, какія-то барыни пріѣхали, васъ спрашиваютъ,—сказала она.—Должно, съ вашей стороны, похоже полячки.

Если бы Мигурскаго спросили: считаетъ ли онъ возможнымъ пріѣздъ къ нему Альбины, онъ бы сказалъ, что это немыслимо; въ глубинѣ же души онъ ждалъ ее. Кровь прилила ему къ сердцу, и онъ, задыхаясь, выбѣжалъ въ переднюю. Въ передней развязывала платокъ на головѣ толстая, рябая женщина. Другая женщина входила въ дверь квартиры полковника. Услыхавъ за собой шаги, она обернулась. Изъ-подъ капора сіяли жизнерадостные, широко разставленные, блестящіе глаза съ заиндевѣвшими рѣсницами Альбины. Онъ остолбенѣлъ и не зналъ, какъ встрѣтить ее, какъ здороваться. „Юзё!“—вскрикнула она, называя его такъ, какъ называлъ его отецъ и какъ сама съ собой она называла его, обхватила руками его шею, прильнула къ его лицу своимъ зардѣвшимся холоднымъ лицомъ и засмѣялась и заплакала.

Узнавъ, кто такая Альбина и зачѣмъ она пріѣхала, добрая полковница приняла ее и помѣстила до свадьбы у себя.

VI.

Добродушный подполковникъ выхлопоталъ разрѣшеніе высшаго начальства. Изъ Оренбурга выписали ксендза и обвѣнчали Мигурскихъ. Жена батальоннаго командира была посаженной матерью, одинъ изъ учениковъ несъ образъ, а Бржозовскій, сосланный полякъ, былъ шаферомъ.

Альбина, какъ ни странно это можетъ казаться, страстно любила своего мужа, но совсѣмъ не знала его. Она теперь только знакомилась съ нимъ. Само собою разумѣется, что она нашла въ

живомъ человѣкѣ съ плотью и кровью много такого обыденнаго и непоэтическаго, чего не было въ томъ образѣ, который она носила и растила въ своемъ воображеніи. Но зато, именно потому, что это былъ человѣкъ съ плотью и кровью, она нашла въ немъ много такого простого, хорошаго, чего не было въ томъ отвлеченномъ образѣ. Она слышала отъ знакомыхъ и друзей про его храбрость на войнѣ и знала про его мужество при потерѣ состоянія и свободы и представляла себѣ его героемъ, всегда живущимъ возвышенной, геройской жизнью; въ дѣйствительности же со своей необыкновенной физической силой и храбростью онъ оказался кроткимъ, смирнымъ ягненкомъ, самымъ простымъ человѣкомъ, съ добродушными шутками, съ той самой дѣтской улыбкой чувственнаго рта, окруженнаго бѣлокурой бородкой и усами, которая прельстила ее еще въ Рожанкѣ, и съ неугасимой трубкой, которая была ей особенно тяжела во время беременности.

Мигурскій тоже только теперь узналъ Альбину, и въ Альбинѣ въ первый разъ узналъ женщину. По тѣмъ женщинамъ, которыхъ онъ зналъ до женитьбы, онъ не могъ знать женщинъ. И то, что онъ узналъ въ Альбинѣ, какъ въ женщинѣ вообще, удивило его и скорѣе могло бы разочаровать его въ женщинѣ вообще, если бы онъ не чувствовалъ къ Альбинѣ, какъ къ Альбинѣ, особенно нѣжнаго и благодарнаго чувства. Къ Альбинѣ, какъ къ женщинѣ вообще, онъ чувствовалъ ласковое, нѣсколько ироническое снисхожденіе, къ Альбинѣ же, какъ къ Альбинѣ, не только нѣжную любовь, но и восхищеніе, сознаніе неоплатнаго долга за ея жертву, давшую ему незаслуженное счастье.

Мигурскіе были счастливы любовью. Направивъ всю силу своей любви другъ на друга, они испытывали среди чужихъ людей чувство двухъ заблудившихся зимой замерзающихъ, отогрѣвающихъ другъ друга. Радостной жизни Мигурскихъ содѣйствовало и участіе въ ихъ жизни рабски, самоотверженно преданной своей панюсѣ добродушно ворчливой, комической, влюбляющейся во всѣхъ мужчинъ няни Лудвики. Мигурскіе были счастливы и дѣтьми. Черезъ годъ родился мальчикъ. Черезъ полтора года дѣвочка. Мальчикъ былъ повтореніе матери: тѣ же глаза и та же рѣзвость и грація. Дѣвочка была здоровый, красивый звѣрокъ.

Несчастны же Мигурскіе были удаленіемъ отъ родины, и главное, тяжестью своего непріятно униженнаго положенія. Особенно страдала за это униженіе Альбина. Онъ, ея Юзё, герой, идеалъ человѣка, долженъ былъ вытягиваться передъ всякимъ офицеромъ, дѣлать ружейные пріемы, ходить въ караулъ и безропотно повиноваться.

Кромѣ того, извѣстія изъ Польши получались самыя тяжелыя. Почти всѣ близкіе родные, друзья были или сосланы или, лишившись всего, бѣжали за границу. Для самихъ же Мигурскихъ не предвидѣлось какого-либо конца этому положенію. Всѣ попытки ходатайствовать о прощеніи или хотя бы объ улучшеніи положенія, о производствѣ въ офицеры, не достигали цѣли. Николай Павловичъ дѣлалъ смотры, парады, ученія, ходилъ по маскарадамъ, заигрывалъ съ масками, скакалъ безъ надобности по Россіи изъ Чугуева въ Новороссійскъ, Петербургъ и Москву, пугая народъ и загоняя лошадей, и когда какой-нибудь смѣльчакъ рѣшался докладывать, прося смягченія участи сосланныхъ декабристовъ или поляковъ, страдающихъ изъ-за той любви къ отечеству, которая имъ же восхвалялась, онъ, выпячивая грудь, останавливалъ на чемъ попало свои оловянные глаза и говорилъ: „Пускай служатъ. Рано“, какъ будто онъ зналъ, когда будетъ не рано и когда будетъ время. И всѣ приближенные: генералы, камергеры и ихъ жены, кормившіеся около него, умилялись передъ необычайной прозорливостью и мудростью этого великаго человѣка.

Въ общемъ все-таки въ жизни Мигурскихъ было болѣе счастья, чѣмъ несчастья.

Такъ прожили они пять лѣтъ. Но вдругъ обрушилось на нихъ неожиданное, страшное горе. Заболѣла сначала дѣвочка, черезъ два дня заболѣлъ мальчикъ: горѣлъ три дня и безъ помощи врачей (никого нельзя было найти) на четвертый день умеръ. Черезъ два дня послѣ него умерла и дѣвочка.

Альбина не утопилась въ Уралѣ только потому, что не могла безъ ужаса представить себѣ положенія мужа при извѣстіи объ ея самоубійствѣ. Но жить ей было трудно. Всегда прежде дѣятельная и заботливая, она теперь, предоставивъ всѣ свои заботы Лудвикѣ, сидѣла часами безъ дѣла, молча глядя на то, что по-

падалось подъ глаза, а то вдругъ вскакивала и убѣгала въ свою коморку и тамъ, не отвѣчая на утѣшенія мужа и Лудвики, тихо плакала, только качая головой, прося ихъ уйти и оставить ее одну.

Лѣтомъ она уходила на могилу дѣтей и тамъ сидѣла, раздирая себѣ сердце воспоминаніями о томъ, что было и что могло бы быть. Особенно мучила ее мысль о томъ, что дѣти могли бы остаться живы, если бы они жили въ городѣ, гдѣ могла бы быть подана медицинская помощь. „За что? за что?—думала она.—И Юзё и я мы ничего ни отъ кого не хотимъ, кромѣ того, чтобы ему жить такъ, какъ онъ родился и жили его дѣды и прадѣды, а мнѣ только чтобы жить съ нимъ, любить его, любить моихъ крошекъ, воспитывать ихъ“.

„И вдругъ его мучаютъ, ссылаютъ, а у меня отнимаютъ то, что мнѣ дороже свѣта. Зачѣмъ? за что?“ задавала она этотъ вопросъ людямъ и Богу. И не могла представить себѣ возможности какого-нибудь отвѣта. А безъ этого отвѣта не было жизни, и жизнь ея остановилась. Бѣдная жизнь въ изгнаніи, которую она прежде умѣла украшать своимъ женскимъ вкусомъ и изяществомъ, стала теперь невыносима не только ей, но и Мигурскому, страдавшему за нее и не знавшему, чѣмъ помочь ей.

VII.

Въ это самое тяжелое для Мигурскихъ время прибылъ въ Уральскъ полякъ Росоловскій, замѣшанный въ грандіозномъ планѣ возмущенія и побѣга, устроеннаго въ то время въ Сибири сосланнымъ ксендзомъ Сироцинскимъ.

Росоловскій, такъ же, какъ и Мигурскій, такъ же, какъ и тысячи людей, наказанныхъ ссылкой въ Сибирь за то, что они хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ родились—поляками, былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, наказанъ за это розгами и отданъ въ солдаты того же батальона, гдѣ былъ Мигурскій. Росоловскій, бывшій учитель математики, былъ длинный, сутуловатый, худой человѣкъ съ впалыми щеками и нахмуреннымъ лбомъ.

Въ первый же вечеръ своего пребыванія Росоловскій, сидя за

чаемъ у Мигурскихъ, сталъ, естественно, разсказывать своимъ медленнымъ, спокойнымъ басомъ про то дѣло, за которое онъ такъ жестоко пострадалъ. Дѣло состояло въ томъ, что Сироцинскій организовалъ по всей Сибири тайное общество, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы съ помощью поляковъ, зачисленныхъ въ казачьи и линейные полки, взбунтовать солдатъ и каторжныхъ, поднять поселенцевъ, захватить въ Омскѣ артиллерію и всѣхъ освободить.

— Да развѣ это было возможно?—спросилъ Мигурскій.

— Очень возможно, все было готово, — сказалъ Росоловскій, мрачно хмурясь, и медленно, спокойно разсказалъ весь планъ освобожденія и всѣ принятыя мѣры для успѣха дѣла и въ случаѣ неуспѣха для спасенія заговорщиковъ. Успѣхъ былъ вѣрный, если бы не измѣнили два злодѣя. Сироцинскій, по словамъ Росоловскаго, былъ человѣкъ геніальный и великой душевной силы. Онъ и умеръ героемъ и мученикомъ. И Росоловскій ровнымъ, спокойнымъ басомъ сталъ разсказывать подробности казни, на которой, по приказанію начальства, онъ долженъ былъ присутствовать вмѣстѣ со всѣми судившимися по этому дѣлу.

— Два батальона солдатъ стояли въ два ряда, длинной улицей. У каждаго солдата въ рукѣ была гибкая палка, такой высочайше утвержденной толщины, чтобы три только могли входить въ дуло ружья. Первымъ повели доктора Шакальскаго. Два солдата вели его, а тѣ, которые были съ палками, били его по оголенной спинѣ, когда онъ ровнялся съ ними. Я видѣлъ это только тогда, когда онъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. То я слышалъ только дробь барабана, но потомъ, когда становился слышенъ свистъ палокъ и звукъ ударовъ по тѣлу, я зналъ, что онъ подходитъ. И я видѣлъ, какъ его тянули за ружья солдаты, и онъ шелъ, вздрагивая и поворачивая голову то въ ту, то въ другую сторону. И разъ, когда его проводили мимо насъ, я слышалъ, какъ русскій врачъ говорилъ солдатамъ: „Не бейте больно, пожалѣйте". Но они все били, и когда его провели мимо меня второй разъ, онъ уже не шелъ самъ, а его тащили. Страшно было смотрѣть на его спину. Я зажмурился. Онъ упалъ и его унесли. Потомъ повели второго, потомъ третьяго, потомъ четвертаго. Всѣ падали,

всѣхъ уносили, однихъ замертво, другихъ еле живыми, и мы все должны были стоять и смотрѣть. Продолжалось это шесть часовъ— отъ ранняго утра и до двухъ часовъ пополудни. Послѣдняго повели самого Сироцинскаго. Я давно не видалъ его и не узналъ бы, такъ онъ постарѣлъ. Все въ морщинахъ бритое лицо его было блѣдно-зеленоватое. Тѣло обнаженное было худое, желтое, ребра такъ и выступали надъ втянутымъ животомъ. Онъ шелъ такъ же, какъ и всѣ, при каждомъ ударѣ вздрагивая и вздергивая голову, но не стоналъ и громко читалъ молитву: Miserere mei Deus secundam magnam misericordiam tuam.

— Я самъ слышалъ,—быстро прохрипѣлъ Росоловскій и, закрывъ ротъ, засопѣлъ носомъ.

Людвика, сидѣвшая у окна, рыдала, закрывъ глаза платкомъ.

— Охота вамъ расписывать! Звѣри—звѣри и есть!—вскрикнулъ Мигурскій и, бросивъ трубку, вскочилъ со стула и быстрыми шагами ушелъ въ темную спальню. Альбина сидѣла какъ окаменѣвшая, уставивъ глаза въ темный уголъ.

VIII.

На другой день Мигурскій, придя домой съ ученія, былъ удивленъ и обрадованъ видомъ жены, которая, какъ въ старину, легкими шагами, съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила его и повела въ спальню.

— Ну, Юзё, слушай.

— Слушаю. Что?

— Я всю ночь думала о томъ, что разсказалъ Росоловскій. И я рѣшилась: я не могу жить такъ, не могу жить тутъ. Не могу! Я умру, но не останусь здѣсь.

— Да что же дѣлать?

— Бѣжать.

— Бѣжать? Какъ?

— Я все обдумала. Слушай, — и она разсказала ему тотъ планъ, который она придумала сегодня ночью. Планъ былъ такой. Онъ, Мигурскій, уйдетъ изъ дома вечеромъ и оставитъ на берегу Урала свою шинель и на шинели письмо, въ которомъ напишетъ,

что лишаетъ себя жизни. Поймутъ, что онъ утопился. Будутъ искать, потомъ будутъ посылать бумаги. А онъ спрячется. Она такъ спрячетъ его, что никто не найдетъ. Можно будетъ прожить такъ хоть мѣсяцъ. А когда все уляжется, они убѣгутъ.

Затѣя ея въ первую минуту показалась Мигурскому неисполнимой, но къ концу дня, когда она съ такой страстью и увѣренностью убѣждала его, онъ сталъ соглашаться съ нею. Кромѣ того, онъ былъ склоненъ согласиться еще и потому, что наказаніе за неудавшійся побѣгъ, такое же наказаніе, какъ то, про которое разсказывалъ Росоловскій, падало на него, Мигурскаго, успѣхъ же освобождалъ ее, а онъ видѣлъ, какъ послѣ смерти дѣтей тяжела ей была жизнь здѣсь.

Росоловскій и Лудвика были посвящены въ ихъ замыселъ, и послѣ долгихъ совѣщаній, измѣненій, поправокъ, планъ побѣга былъ выработанъ. Сначала хотѣли сдѣлать такъ, чтобы Мигурскій послѣ того, какъ онъ будетъ признанъ утонувшимъ, бѣжалъ бы одинъ, пѣшкомъ. Альбина же выѣдетъ въ экипажѣ и въ условномъ мѣстѣ встрѣтитъ его. Такой былъ первый планъ. Но потомъ, когда Росоловскій разсказалъ про всѣ неудавшіяся попытки побѣговъ послѣднихъ пяти лѣтъ въ Сибири (за все время убѣжалъ и спасся только одинъ счастливецъ), Альбина предложила другой планъ, тотъ, чтобы Юзё, спрятанный въ экипажѣ, ѣхалъ бы съ нею и Лудвикой до Саратова. Въ Саратовѣ же ему переодѣтому итти внизъ по берегу Волги и въ условномъ мѣстѣ сѣсть въ лодку, которую она найметъ въ Саратовѣ, и въ которой поплыветъ вмѣстѣ съ Альбиной внизъ по Волгѣ до Астрахани и черезъ Каспійское море въ Персію. Планъ этотъ былъ одобренъ всѣми и главнымъ устроителемъ Росоловскимъ, но представлялась трудность устройства такого помѣщенія въ экипажѣ, которое не обратило бы вниманія начальства и между тѣмъ могло бы вмѣстить въ себя человѣка. Когда же Альбина послѣ поѣздки на могилу дѣтей сказала Росоловскому, какъ ей больно оставлять прахъ дѣтей на чужой сторонѣ, онъ, подумавъ, сказалъ:

— Просите начальство о разрѣшеніи взять съ собой гробы дѣтей, вамъ разрѣшатъ.

— Нѣтъ, я не хочу, не могу этого!—сказала Альбина.

— Просите. Въ этомъ все. Мы не возьмемъ гробовъ, а для нихъ сдѣлаемъ большой ящикъ и въ ящикъ положимъ Юзефа.

Въ первую минуту Альбина отвергла это предложеніе, такъ ей непріятно было связывать обманъ съ воспоминаніемъ о дѣтяхъ, но когда Мигурскій весело одобрилъ этотъ проектъ, она согласилась.

Такъ что окончательный планъ выработался такой: Мигурскій сдѣлаетъ все то, что должно убѣдить начальника, что онъ утопился. Когда смерть его будетъ признана, Альбина подастъ прошеніе о томъ, чтобы ей послѣ смерти мужа разрѣшено было вернуться на родину и взять съ собой и прахъ дѣтей. Когда же ей дадутъ и это разрѣшеніе, будетъ сдѣлано подобіе того, что могилы раскопаны и гробы взяты, но гробы оставятъ на мѣстахъ, а вмѣсто дѣтскихъ гробовъ въ приготовленномъ для этого ящикѣ помѣстится Мигурскій. Ящикъ поставятъ въ тарантасъ и такъ доѣдутъ до Саратова. Отъ Саратова они сядутъ на лодку. Въ лодкѣ Юзё выйдетъ изъ ящика, и они поплывутъ до Каспійскаго моря, а тамъ Персія или Турція и свобода.

IX.

Прежде всего Мигурскіе купили тарантасъ подъ предлогомъ отправленія Лудвики на родину. Потомъ началось устройство въ тарантасѣ такого ящика, въ которомъ, не задохнувшись, можно было бы, хотя и скорчившись, лежать и изъ котораго можно было бы скоро и незамѣтно выходить и опять влѣзать. Втроемъ, Альбина, Росоловскій и самъ Мигурскій, придумывали и прилаживали ящикъ. Въ особенности важна была помощь Росоловскаго, который былъ хорошій столяръ. Ящикъ былъ сдѣланъ такъ, что, утвержденный на дрожинахъ позади кузова, онъ плотно приходился къ кузову, и стѣнка, приходившаяся къ кузову, отваливалась такъ, что человѣкъ, вынувъ стѣнку, могъ лежать частью въ ящикѣ, частью на днѣ тарантаса. Кромѣ того, въ ящикѣ были провернуты дыры для воздуха, и сверху и съ боковъ ящикъ долженъ былъ быть покрытъ рогожей и увязанъ веревками. Входить и выходить изъ него можно было черезъ тарантасъ, въ которомъ было сдѣлано сидѣнье.

Когда тарантасъ и ящикъ были готовы, еще до исчезновенія мужа, Альбина, чтобы приготовить начальство, пошла къ полковнику и заявила, что мужъ ея впалъ въ меланхолію и покушался на самоубійство и она боится за него и проситъ на время отпустить его. Способность ея къ драматическому искусству пригодилась ей. Выражаемое ею безпокойство и страхъ за мужа были такъ естественны, что полковникъ былъ тронутъ и обѣщалъ сдѣлать ей, что можетъ. Послѣ этого Мигурскій сочинилъ письмо, которое должно было быть найдено за обшлагомъ его шинели на берегу Урала, и въ условленный день, вечеромъ, онъ пошелъ къ Уралу, дождался темноты, положилъ на берегу одежду, шинель съ письмомъ, и тайно вернулся домой. На чердакѣ, запирающемся замкомъ, было приготовлено для него мѣсто. Ночью Альбина послала Лудвику къ полковнику заявить о мужѣ, что онъ, выйдя изъ дома 20 часовъ назадъ, не возвращался. Утромъ ей принесли письмо мужа, и она съ выраженіемъ сильнаго отчаянія въ слезахъ отнесла его полковнику.

Черезъ недѣлю Альбина подала прошеніе объ отъѣздѣ на родину. Горе, выражаемое Мигурской, поражало всѣхъ видѣвшихъ ее. Всѣ жалѣли несчастную мать и жену. Когда отъѣздъ ея былъ разрѣшенъ, она подала другое прошеніе о позволеніи откопать трупы дѣтей и взять ихъ съ собой.

Начальство подивилось на эту сантиментальность, но разрѣшило и это.

На другой день послѣ полученія и этого разрѣшенія вечеромъ Росоловскій съ Альбиной и Лудвикой въ наемной телѣгѣ съ ящикомъ, въ который должны были быть вложены гробы дѣтей, пріѣхали на кладбище, къ могилѣ дѣтей. Альбина, опустившись на колѣни у могилъ дѣтей, помолилась и скоро встала, отерла слезы и, обращаясь къ Росоловскому, сказала:

— Дѣлайте то, что надо, а я не могу,—и отошла въ сторону.

Росоловскій съ Лудвикой сдвинули надгробный камень и вскопали лопатой верхнія части могилы, такъ, что могила имѣла видъ раскопанной. Когда все было сдѣлано, они кликнули Альбину и съ ящикомъ, наполненнымъ землей, вернулись домой.

Наступилъ назначенный день отъѣзда. Росоловскій радовался

успѣху доведеннаго почти до конца предпріятія. Лудвика напекла на дорогу печеній и пирожковъ и, приговаривая свою любимую поговорку: „Iak mame kocham“, говорила, что у ней сердце разрывается отъ страха и радости. Мигурскій радовался и своему освобожденію съ чердака, на которомъ онъ просидѣлъ больше мѣсяца, и больше всего—оживленію и жизнерадостности Альбины. Она какъ будто забыла все прежнее горе и всѣ опасности и какъ въ дѣвичье время, прибѣгая къ нему на чердакъ, сіяла восторженной радостью.

Въ три часа утра пришелъ казакъ провожатый и привелъ ямщика съ тройкой лошадей. Альбина съ Людвикой и собачкой сѣли въ тарантасъ на подушки, покрытыя ковромъ. Казакъ и ямщикъ сѣли на козлы. Мигурскій, одѣтый въ крестьянское платье, лежалъ въ кузовѣ тарантаса.

Выѣхали изъ города, и добрая тройка понесла тарантасъ по гладкой, какъ камень, убитой дорогѣ между безконечной, непаханной, поросшей прошлогоднимъ серебристымъ ковылемъ, степью.

X.

Сердце замирало въ груди Альбины отъ надежды и восторга. Желая подѣлиться своими чувствами, она изрѣдка, чуть улыбаясь, указывала Лудвикѣ головой то на широкую спину казака, то на дно тарантаса. Лудвика съ значительнымъ видомъ неподвижно смотрѣла передъ собой и только чуть-чуть морщила губы. День былъ ясный. Со всѣхъ сторонъ разстилалась безграничная пустынная степь, блестящая серебристымъ ковылемъ на косыхъ лучахъ утренняго солнца. Только то съ той, то съ другой стороны жесткой дороги, по которой, какъ по асфальту, гулко звучали некованныя, быстрыя ноги башкирскихъ коней, виднѣлись бугорки насыпанной земли сусликовъ; на заду сидѣлъ сторожевой звѣрокъ, предупреждающій объ опасности пронзительнымъ свистомъ, и скрывался въ нору. Рѣдко встрѣчались проѣзжіе: обозъ казаковъ съ пшеницей или конный башкиръ, съ которымъ казакъ бойко перекидывался татарскими словами. На всѣхъ станціяхъ лошади были свѣжія, сытыя, и полтинники на водку, которые давала Аль-

бина, дѣлали то, что ямщики гнали, какъ они говорили, по-фельдъегерски, вскачь всю дорогу.

На первой же станціи въ то время, какъ прежній ямщикъ увелъ, а новый не привелъ еще лошадей, и казакъ вошелъ во дворъ, Альбина, перегнувшись, спросила мужа, какъ онъ себя чувствуетъ, не нужно ли ему чего.

— Превосходно, покойно. Ничего не нужно. Легко пролежу хоть двое сутокъ.

Къ вечеру пріѣхали въ большое село Дергачи. Для того, чтобы мужъ могъ расправить члены и освѣжиться, Альбина остановилась не на почтовомъ, а на постояломъ дворѣ и тотчасъ же, давъ деньги казаку, послала его купить ей молока и яицъ. Тарантасъ стоялъ подъ навѣсомъ, на дворѣ было темно и, поставивъ Лудвику караулить казака, Альбина выпустила мужа, накормила его, и до возвращенія казака онъ опять влѣзъ въ свое потайное мѣсто. Послали опять за лошадьми и поѣхали дальше. Альбина чувствовала все большій и большій подъемъ духа и не могла удержать своего восторга и веселости. Говорить ей было больше не съ кѣмъ, какъ съ Лудвикой, казакомъ и Трезоркой, и она забавлялась ими. Лудвика, несмотря на свою некрасивость, при всякомъ отношеніи съ мужчиной тотчасъ же подозрѣвавшая въ этомъ мужчинѣ любовные на нее виды, подозрѣвала теперь это самое по отношенію къ здоровенному, добродушному казаку уральцу, съ необыкновенно ясными и добрыми голубыми глазами, который провожалъ ихъ и который былъ особенно пріятенъ обѣимъ женщинамъ своей простотой и добродушной ловкостью. Кромѣ Трезорки, на котораго Альбина грозилась, не позволяя ему нюхать подъ сидѣніемъ, она теперь забавлялась Лудвикой и ея комическимъ кокетствомъ съ неподозрѣвающимъ приписываемыя ему намѣренія, добродушно улыбающимся на все, что ему говорили, казакомъ. Альбина, возбужденная и опасностью, и начинающимъ осуществляться успѣхомъ дѣла, и степнымъ воздухомъ, испытывала давно неиспытанное ею чувство дѣтскаго восторга и веселья. Мигурскій слышалъ ея веселый говоръ и тоже, несмотря на скрываемую имъ физическую тяжесть своего положенія (особенно жарко ему было и жажда его мучила), забывая о себѣ, радовался на ея радость.

Къ вечеру второго дня стало виднѣться что-то въ туманѣ. Это былъ Саратовъ и Волга. Казакъ своими степными глазами видѣлъ и Волгу и мачту и указывалъ ихъ Лудвикѣ. Лудвика говорила, что видѣла тоже. Но Альбина ничего не могла разобрать и только нарочно громко, чтобы слышалъ мужъ, говорила:

— Саратовъ, Волга,—какъ будто разговаривая съ Трезоромъ, разсказывала мужу Альбина все то, что она видѣла.

XI.

Не въѣзжая въ Саратовъ, Альбина остановилась на лѣвой сторонѣ Волги въ слободѣ Покровской, противъ самаго города. Здѣсь она надѣялась въ продолженіе ночи успѣть переговорить съ мужемъ и даже вывести его изъ ящика. Но казакъ, во всю короткую, весеннюю ночь, не отходилъ отъ тарантаса, сидѣлъ подлѣ него въ стоявшей подъ навѣсомъ пустой телѣгѣ. Лудвика по распоряженію Альбины сидѣла въ тарантасѣ и, будучи вполнѣ увѣрена, что казакъ ради нея не отходитъ отъ тарантаса, мигала, смѣялась и закрывала свое рябое лицо платкомъ. Но Альбина не видѣла ужъ въ этомъ ничего веселаго и все больше и больше тревожилась, не понимая, для чего казакъ такъ неотлучно держался около тарантаса.

Нѣсколько разъ въ короткую ночь съ зарей, сливающейся съ зарей, Альбина выходила изъ горницы постоялаго двора мимо вонючей галлереи на заднее крыльцо. Казакъ все не спалъ и, спустивъ ноги, сидѣлъ на стоявшей подлѣ тарантаса пустой телѣгѣ. Только передъ разсвѣтомъ, когда пѣтухи уже проснулись и перекликались со двора на дворъ, Альбина, сойдя внизъ, нашла время переговорить съ мужемъ. Казакъ храпѣлъ, развалившись въ телѣгѣ. Она осторожно подошла къ тарантасу и толкнула ящикъ.

— Юзё!—Отвѣта не была.—Юзё, Юзё!—съ испугомъ громче проговорила она.

— Что ты, что? — соннымъ голосомъ проговорилъ Мигурскій изъ ящика.

— Что ты не отвѣчалъ?

— Спалъ,—проговорилъ онъ, и она по звуку голоса узнала, что онъ улыбался.—Что же, выходить?—спросилъ онъ.

— Нельзя, казакъ тутъ, — и, сказавъ это, она взглянула на казака, спящаго въ телѣгѣ.

И, удивительное дѣло, казакъ храпѣлъ, но глаза его, добрые, голубые глаза, были открыты. Онъ смотрѣлъ на нее и только, встрѣтившись съ ней взглядомъ, закрылъ глаза.

„Показалось мнѣ или точно онъ не спалъ?“ спросила себя Альбина. „Вѣрно подумалось“, подумала она и опять обернулась къ ящику.

— Потерпи еще немного,—сказала она.—Поѣсть хочешь?

— Нѣтъ. Курить хочу.

Альбина опять взглянула на казака. Онъ спалъ.

„Да, это показалось мнѣ“, подумала она.

— Я теперь поѣду къ губернатору.

— Ну, часъ добрый...

И Альбина, доставъ изъ чемодана платье, пошла въ горницу одѣваться.

Переодѣвшись въ свое лучшее вдовье платье, Альбина переѣхала Волгу. На набережной она взяла извозчика и поѣхала къ губернатору. Губернаторъ принялъ ее. Хорошенькая, улыбающаяся вдова-полька, прекрасно говорящая по-французски, очень понравилась молодящемуся старику губернатору. Онъ все разрѣшилъ ей и просилъ ее пріѣхать еще завтра къ нему, чтобы получить отъ него приказъ къ городничему въ Царицынъ. Радуясь и успѣху своего ходатайства, и тому дѣйствію ея привлекательности, которое она видѣла въ манерѣ губернатора, Альбина, счастливая и полная надеждъ, возвращалась подъ гору по немощеной улицѣ на долгушкѣ къ пристани. Солнце взошло уже выше лѣса и косыми лучами играло и на рябящей водѣ огромнаго разлива. Справа и слѣва по горѣ виднѣлись, какъ бѣлыя облака, облитыя пахучимъ цвѣтомъ яблони. Лѣсъ мачтъ виднѣлся у берега, и паруса бѣлѣли по играющему на солнцѣ рябящемъ отъ вѣтерка разливѣ. На пристани, разговорившись съ извозчикомъ, Альбина спросила, можно ли нанять лодку до Астрахани, и десятки

шумливыхъ, веселыхъ лодочниковъ предложили ей свои услуги и лодки. Она сговорилась съ однимъ изъ лодочниковъ, больше другихъ понравившимся ей, и пошла смотрѣть его лодку косовушку, стоявшую въ тѣснотѣ другихъ лодокъ у пристани. На лодкѣ была устанавливающаяся небольшая мачта съ парусомъ, такъ что можно было итти вѣтромъ. Въ случаѣ безвѣтрія были весла и два здоровые, веселые бурлака-гребца, сидѣвшіе на солнцѣ въ лодкѣ. Веселый, добродушный лоцманъ совѣтовалъ не оставлять тарантасъ, а снявъ съ него колеса, поставить на лодку. „Какъ разъ уставится, и вамъ покойнѣе сидѣть будетъ. Дастъ Богъ погодку, дней въ пятокъ до Астрахани добѣжимъ".

Альбина сторговалась съ лодочникомъ и велѣла ему притти въ Покровскую слободу, на Логиновъ постоялый дворъ, чтобы посмотрѣть тарантасъ и получить задатокъ. Все удавалось лучше, чѣмъ она ожидала. Въ самомъ восторженно-счастливомъ состояніи Альбина переѣхала Волгу и, разочтясь съ извозчикомъ, направилась къ постоялому двору.

XII.

Казакъ Данило Лифановъ былъ изъ Стрѣлецкаго Умета на общемъ сырту. Ему было 34 года и онъ отслуживалъ послѣдній мѣсяцъ своего срока казацкой службы. У него въ семьѣ былъ старикъ 90-лѣтній дѣдъ, помнящій еще Пугачева, два брата, сноха старшаго брата, за старую вѣру сосланнаго въ каторгу въ Сибирь, жена, двѣ дочери и два сына. Отецъ его былъ убитъ на войнѣ съ французами. Онъ былъ старшимъ въ домѣ. У нихъ во дворѣ было 16 коней, два цабана быковъ и было распахано и засѣяно пшеницей своей вольной земли 15 сотенниковъ. Онъ, Данило, служилъ въ Оренбургѣ, въ Казани и теперь кончалъ срокъ. Онъ твердо держался старой вѣры, не курилъ, не пилъ и не ѣлъ изъ одной посуды съ мірскими и также строго держался присяги. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ былъ медлительно твердо обстоятеленъ, и на то, что ему поручено было дѣлать отъ начальства, употреблялъ все свое вниманіе и не забывалъ ни на минуту, пока не исполнилъ всего, какъ онъ понималъ, своего назначенія. Те-

перь ему велѣно было проводить до Саратова двухъ полячекъ съ гробами такъ, чтобы надъ ними дорогой ничего худого не сдѣлали, чтобы онѣ ѣхали смирно и никакихъ шалостей не дѣлали, и въ Саратовѣ честь честью сдать ихъ начальству. Такъ онъ и доставилъ ихъ до Саратова и съ собачкой, и со всѣми съ гробами ихними. Бабы были смирныя, ласковыя, хоть и полячки, а ничего худого не дѣлали. Но тутъ, въ Покровской слободѣ, ввечеру, онъ, проходя мимо тарантаса, увидалъ, что собаченка вспрыгнула въ тарантасъ и тамъ стала визжать и хвостомъ махать, и изъ-подъ сидѣнія тарантаса ему послышался чей-то голосъ. Одна изъ полячекъ. старая, увидавъ собаченку въ тарантасѣ, испугалась чего-то, схватила собаченку и унесла.

„Что-то тутъ есть“, подумалъ казакъ, и сталъ примѣчать. Когда молодая полячка вышла ночью къ тарантасу, онъ притворился, что спитъ, и явственно услыхалъ мужской голосъ изъ ящика. Рано утромъ онъ пошелъ въ полицію и заявилъ о томъ, что полячки, какія ему поручены, не добромъ ѣдутъ, а вмѣсто мертвыхъ везутъ какого-то живого человѣка въ ящикѣ.

Когда Альбина въ своемъ восторженно веселомъ настроеніи, увѣренная въ томъ, что теперь все кончено и они черезъ нѣсколько дней будутъ свободны, подошла къ постоялому двору, она съ удивленіемъ увидала у воротъ щегольскую пару съ пристяжкой на отлетѣ и двухъ казаковъ. Въ воротахъ толпился народъ, заглядывая во дворъ.

Она была такъ полна надежды и энергіи, что ей и въ голову не пришла мысль о томъ, что эта пара и толпившійся народъ имѣютъ отношеніе къ ней. Она вошла во дворъ и въ одно и то же время взглянувъ подъ тотъ навѣсъ, гдѣ стоялъ ея тарантасъ, увидѣла, что народъ толпится именно около ея тарантаса, и въ то же мгновеніе услыхала отчаянный лай Трезорки. Случилось то самое ужасное, что только могло случиться. Передъ тарантасомъ, блестя своимъ чистымъ мундиромъ, съ сіяющими на солнцѣ пуговицами и полупогонами и лаковыми сапогами стоялъ осанистый съ черными бакенбардами человѣкъ и говорилъ что-то громко, хриплымъ, повелительнымъ голосомъ. Передъ нимъ между двумя солдатами въ крестьянскомъ нарядѣ съ сѣномъ въ спутан-

ныхъ волосахъ стоялъ ея Юзё и, какъ бы недоумѣвая о томъ, что вокругъ него дѣлалось, поднималъ и опускалъ свои могучія плечи. Трезорка, не зная того, что онъ былъ причиной всего несчастья, ощетинившись, озлобленно лаялъ на полицеймейстера. Увидавъ Альбину, Мигурскій вздрогнулъ, хотѣлъ подойти къ ней, но солдаты удержали его.

— Ничего, Альбина, ничего!—проговорилъ Мигурскій, улыбаясь своей кроткой улыбкой.

— А вотъ и барынька сама!—проговорилъ полицеймейстеръ.— Пожалуйте сюда. Гробы вашихъ младенцевъ, а?—сказалъ онъ, подмигивая на Мигурскаго.

Альбина не отвѣчала и только, схватившись за грудь, раскрывъ ротъ, съ ужасомъ смотрѣла на мужа.

Какъ это бываетъ въ предсмертныя и вообще рѣшительныя въ жизни минуты, она въ одно мгновеніе перечувствовала и передумала бездну чувствъ и мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ не понимала еще, не вѣрила своему несчастью. Первое чувство было знакомое ей давно— чувство оскорбленной гордости при видѣ ея героя мужа, униженнаго передъ тѣми грубыми, дикими людьми, которые держали его теперь въ своей власти. „Какъ смѣютъ они держать его, этого лучшаго изъ всѣхъ людей, въ своей власти?“ Другое чувство, одновременно съ этимъ, охватившимъ ее, было сознаніе совершившагося несчастья. Сознаніе же несчастья вызвало въ ней воспоминаніе о главномъ несчастьѣ ея жизни, о смерти дѣтей. И сейчасъ же возникъ вопросъ: за что? за что отняты дѣти? Вопросъ же, за что отняты дѣти? вызвалъ вопросъ: за что теперь гибнетъ, мучается любимый, лучшій изъ людей, ея мужъ? И тутъ же она вспомнила о томъ, какое ждетъ его позорное наказаніе, и то, что она, она одна виновата въ этомъ.

— Кто онъ вамъ? Мужъ онъ вамъ?—повторилъ полицеймейстеръ.

— За что, за что?—вскрикнула она и, закатившись истерическимъ хохотомъ, упала на снятый теперь съ козелъ и стоявшій у тарантаса ящикъ. Вся трясущаяся отъ рыданій, съ залитымъ слезами лицомъ, Лудвика подошла къ ней.

— Паненка, милая паненка! Якъ Бога кохамъ, ничего не будеть, ничего!—говорила она, безсмысленно водя по ней руками.

На Мигурскаго надѣли наручники и повели со двора. Увидавъ это, Альбина побѣжала за нимъ.

— Прости, прости меня!—говорила она.—Все я! Я одна виновата!

— Тамъ разберутъ, кто виноватъ. И до васъ дѣло дойдетъ,— сказалъ полицеймейстеръ и рукою отстранилъ ее.

Мигурскаго повели къ переправѣ, и Альбина, сама не зная, зачѣмъ она дѣлала это, шла за нимъ и не слушала уговаривающую ее Лудвику.

Казакъ Данило Лифановъ во все это время стоялъ у колесъ тарантаса и мрачно взглядывалъ то на полицеймейстера, то на Альбину, то себѣ на ноги.

Когда Мигурскаго увели, оставшійся одинъ Трезорка, махая хвостикомъ, сталъ ласкаться къ нему. Онъ привыкъ къ нему во время дороги. Казакъ вдругъ отслонился отъ тарантаса, сорвалъ съ себя шапку, швырнулъ ее изо всѣхъ силъ наземь, откинулъ ногой отъ себя Трезорку и пошелъ въ харчевню. Въ харчевнѣ онъ потребовалъ водки и пилъ день и ночь, пропилъ все, что было у него и на немъ, и только на другую ночь, проснувшись въ канавѣ, пересталъ думать о мучившемъ его вопросѣ: хорошо ли онъ сдѣлалъ, донеся начальству о полячкиномъ мужѣ въ ящикѣ.

Мигурскаго судили и приговорили за побѣгъ къ прогнанію сквозь 1000. Его родные и Ванда, имѣвшая связи въ Петербургѣ, выхлопотали ему смягченіе наказанія и его сослали на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Альбина поѣхала за нимъ.

Николай же Павловичъ радовался тому, что задавилъ гидру революціи не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ, и гордился тѣмъ, что онъ не нарушилъ завѣтовъ русскаго самодержавія и для блага русскаго народа удержалъ Польшу во власти Россіи. И люди въ звѣздахъ, въ золоченыхъ мундирахъ такъ восхваляли его за это, что онъ искренно вѣрилъ, что онъ великій человѣкъ и что жизнь его была великимъ благомъ для человѣчества и особенно для русскихъ людей, на развращеніе и одуреніе которыхъ были безсознательно направлены всѣ его силы.

Л. Толстой.

30-е сентября.

Чѣмъ усдинениѣе человѣкъ, тѣмъ слышнѣе ему всегда зовущій его голосъ Бога.

1.

Silentium.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

Тютчевъ.

2.

По одному тому, что хорошее намѣреніе высказано, уже ослаблено желаніе исполнить его. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая ихъ, жалѣешь о нихъ, какъ о цвѣткѣ, который не удержался—сорвалъ не распустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ завялымъ и затоптаннымъ.

3.

Въ важныхъ вопросахъ жизни мы всегда одни, и наша настоящая исторія почти никогда не можетъ быть понята другими. Лучшая часть этой драмы есть монологъ или, скорѣе, задушевное разсужденіе между Богомъ, нашей совѣстью и нами.

Аміель.

4.

Паскаль говоритъ: человѣкъ долженъ умирать одинъ. Такъ же долженъ и жить человѣкъ. Въ томъ, что главное въ жизни, человѣкъ всегда одинъ, т.-е. не съ людьми, а съ Богомъ.

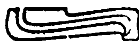
5.

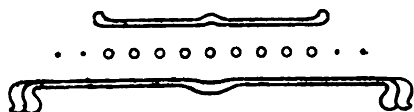
Хорошо тому человѣку, который нуженъ другимъ, но которому не нужно товарища.

6.

Человѣкъ порочный всегда связанъ съ людьми въ жизни, но чувствуетъ себя тѣмъ болѣе одинокимъ въ своемъ сознаніи, чѣмъ болѣе онъ порочепъ. Человѣкъ же добрый и разумный, напротивъ, чувствуетъ себя часто одинокимъ среди людей, но за то сознаетъ свое непрестающее единеніе съ человѣчествомъ.

Временное отрѣшеніе отъ всего мірского и созерцаніе въ самомъ себѣ своей божественной сущности есть такое же необходимое для жизни питаніе души, какъ пища для тѣла.





1-е октября.

Мудрость не боится незнанія, не боится сомнѣній, труда, изслѣдованія, боится одного: утвержденія того, что она знаетъ, чего не знаетъ.

1.

Надо много учиться, чтобы сознать, что знаешь мало.

Монтень.

2.

Никогда не стыдись спрашивать о томъ, чего не знаешь.

Воздержаніе—это дерево, корни котораго—довольство и плоды—миръ.

Всегда говори правду, хотя бы и зная, что она будетъ непріятна.

Тотъ, кто ученъ, но не прилагаетъ къ дѣлу своей учености, подобенъ человѣку, который пахалъ бы, но не сѣялъ.

Арабскій Абитисъ.

3.

Кто хочетъ изслѣдовать исторію философіи и естествознаніе, найдетъ, что величайшія открытія были сдѣланы людьми, считавшими лишь вѣроятнымъ то, что другіе выдавали за несомнѣнное.

Лихтенбергъ.

4.

Все испытывайте, хорошаго держитесь.

1 Өессалон. V, 21.

5.

Въ духовной силѣ нѣтъ недостатка; недостаетъ лишь способности вбирать ее въ себя. Не по недостатку воздуха не можетъ дышать умирающій человѣкъ, а по недостатку способности усваивать его. Всѣ элементы — физическіе, умственные и духовные, которые были или когда-либо будутъ въ мірѣ, — находятся въ немъ и теперь. Дѣло мудрости понять, какъ овладѣть ими.

Люси Малори.

6.

Истинная мудрость не въ томъ, чтобы *знать*, что хорошо и что должно дѣлать, а въ томъ, чтобы знать, что самое хорошее, что менѣе хорошее, и потому, что надо прежде и что послѣ дѣлать.

Содержаніе мудрости больше отрицательное, чѣмъ положительное: знать, что неразумно, что незаконно, что не должно.

2-е октября.

Религія и нравственное ученіе раздѣляются въ разсужденіяхъ, но на дѣлѣ это одно и то же.

1.

Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло—одежды?

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту *хотя* на одинъ локоть?

Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или во что одѣться?

Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.

Итакъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній *самъ* будетъ заботиться о своемъ. Довольно для *каждаго* дня своей заботы.

Мѳ. VI, 25—27, 31, 33—34.

2.

Кто, имѣя хлѣбъ въ корзинѣ, спрашиваетъ, что я буду ѣсть завтра?—принадлежитъ къ маловѣрующимъ.

Талмудъ.

3.

Лучшее богопочитаніе—то, которое дѣлается безъ надежды на достиженіе какой-либо цѣли; худшее такое, которое имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль.

Тотъ, кто обожаетъ высшее существо, долженъ созерцать его во всякомъ твореніи и всякую тварь въ немъ.

Агни Пурана.

4.

Несомнѣнно то, что преподавать религіозныя системы есть насиліе, есть тотъ соблазнъ дѣтей, про который говорилъ Христосъ. Какое право имѣемъ мы преподавать то, что оспариваемо огромнымъ большинствомъ: Троицу, чудеса Будды, Магомета, Христа? Одно, что мы можемъ преподавать и должны, это нравственное ученіе.

5.

Будда сказалъ: есть трудныя вещи въ мірѣ,—будучи бѣднымъ, быть милосерднымъ; будучи богатымъ и знатнымъ, быть религіознымъ; избавиться отъ судьбы, подавить похоть и желанія, видѣть пріятный предметъ и не желать пріобрѣсти его; быть сильнымъ, не будучи поспѣшнымъ; переносить оскорбленія безъ злобы; изучать предметъ до самаго основанія; не осуждать невѣжественнаго; совершенно освободиться отъ самолюбія; быть добрымъ и въ то же время быть ученымъ и умнымъ; видѣть въ религіи скрытое въ ней основное начало; спасать людей, обращая ихъ; быть одинаковыми въ своемъ сердцѣ и въ жизни; избѣгать споровъ.

Китайскій буддистъ.

6.

Бога не слушаются, а обожають. Лучше не обожить, а слушаться.

7.

Живи до вѣку и до вечера. Работай, какъ будто будешь жить вѣчно, а поступай съ людьми, какъ будто умрешь сейчасъ.

8.

Религія, разсматриваемая сама по себѣ, есть признаніе всѣхъ нашихъ обязанностей заповѣдями Бога. **Кантъ.**

Нравственное ученіе неполно, если оно не религіозно, т.-е. не обязательно. Религія не нужна, если она не нравственна, не ведетъ къ доброй жизни.

3-е октября.

Богатство никогда не даетъ удовлетворенія: потребности возрастаютъ съ увеличеніемъ богатства всегда такъ, что чѣмъ больше богатство, тѣмъ менѣе достаетъ его на удовлетвореніе потребностей.

1.

Трудно, если не невозможно, найти разумный предѣлъ нашимъ желаніямъ собственности. Въ самомъ дѣлѣ: довольство того или иного человѣка въ этомъ отношеніи зависитъ не отъ абсолютной, а отъ нѣкоторой чисто относительной величины, именно отъ отношенія между его требованіями и его имуществомъ. Поэтому имущество само по себѣ такъ же мало значитъ, какъ числитель безъ знаменателя. Человѣкъ можетъ быть вполнѣ доволенъ, не имѣя тѣхъ вещей, которыхъ ему и въ голову не приходило требовать и которыя поэтому излишни ему; между тѣмъ другой, имѣющій во

сто разъ больше, чувствуетъ себя несчастнымъ, потому что у него нѣтъ того, что̀ ему потребовалось. Шопенгауэръ.

2.

Кто имѣетъ меньше, чѣмъ желаетъ, долженъ знать, что онъ имѣетъ больше, чѣмъ заслуживаетъ. Лихтенбергъ.

3.

Не тотъ бѣденъ, у кого мало, а тотъ, кто хочетъ большаго.

Сенека.

4.

Ничто не можетъ быть „порядочнѣе" какъ то, чтобы имѣть мало потребностей и самому удовлетворять имъ, такъ чтобы быть въ состояніи отдавать, вмѣсто того, чтобы пользоваться всякимъ случаемъ захватывать.

Гораздо болѣе „порядочно" удовлетворять самому своимъ нуждамъ, чѣмъ быть роскошно прислуживаемымъ; это можетъ показаться непорядочнымъ нынче и малому числу, но это единственная „порядочность" всегда и для всѣхъ. Эмерсонъ.

5.

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ; ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Мѳ. VI, 19—21.

6.

Наживи себѣ то богатство, котораго воры не могутъ похищать, на которое тираны не смѣютъ посягать, которое и по смерти за тобою останется, никогда не убавляется и не тлѣетъ.

Индійская поговорка.

Есть два средства для того, чтобы не страдать отъ бѣдности: увеличивать свое богатство и уменьшать свои потребности. Первое не въ нашей, второе всегда въ нашей власти.

4-е октября.

Только тотъ, кто знаетъ всѣ свои слабости, можетъ быть справедливъ къ слабостямъ ближняго.

1.

Дѣти мои! Если кто нанесетъ вамъ обиду словомъ, то не придавайте этому слишкомъ большого значенія, а смотрите на это, какъ на мелочь. Если же у васъ вырвалось оскорбительное слово о другомъ, то не вступайте въ сдѣлку со своею совѣстью, говоря: „Что же мы такое сказали, вѣдь это мелочь, что за важность“. Нѣтъ, не разсуждайте такъ, а смотрите на то какъ на дѣло великой важности, пока вамъ собственными мольбами или посредничествомъ друзей не удастся склонить обиженнаго къ полному извиненію и совершенному примиренію. Талмудъ.

2.

Если бы мы переносили себя на мѣсто другихъ лицъ, то часто освобождались бы отъ чувствъ ненависти, которыя мы питаемъ къ нимъ; и если бы ставили другихъ на свое мѣсто, то часто уменьшали бы свою гордость.

3.

Кто не умѣетъ прощать, разрушаетъ мостъ, черезъ который ему самому придется проходить, ибо всякій человѣкъ нуждается въ прощеніи. Лордъ Гербертъ.

4.

Легче отомстить обиду, чѣмъ перенести ее.

5.

Лучшій отвѣтъ безумцу—молчаніе. Каждое слово отвѣта отскочитъ отъ безумца на тебя. Платить обидой за обиду—все равно,

что подкидывать дровъ въ пламя, но тотъ, кто встрѣчаетъ обвинителя съ спокойствіемъ, этимъ самымъ уже побѣдилъ его.

Магометъ и Али встрѣтили разъ человѣка, который, считая Али своимъ обидчикомъ, началъ ругать его. Али переносилъ это съ терпѣніемъ и въ молчаніи довольно долго, но потомъ не удержался и сталъ отвѣчать ругательствами на ругательства. Тогда Магометъ пошелъ дальше, оставивъ этихъ двоихъ оканчивать свою ссору. Когда Али опять подошелъ къ Магомету, онъ съ обидой сказалъ ему: зачѣмъ ты оставилъ меня одного переносить ругательства этого дерзкаго человѣка? Магометъ отвѣчалъ: когда этотъ человѣкъ бранилъ тебя, а ты молчалъ, я видѣлъ вокругъ тебя десять ангеловъ, которые отвѣчали ему. Но когда ты началъ отвѣчать ему бранью, ангелы всѣ оставили тебя, отошелъ и я.

Мусульманское преданіе.

6.

Почти всегда, поискавъ въ себѣ, мы найдемъ тотъ же грѣхъ, который мы осуждаемъ въ другомъ. Если же мы не знаемъ за собой именно того самаго грѣха, то стоитъ только поискать, и мы найдемъ худшіе.

7.

Глубокая рѣка не возмутится отъ того, что въ нее бросить камень; религіозный человѣкъ, который возмутится оскорбленіями—не рѣка, а лужа. Если тебя постигло бѣдствіе, неси его съ тѣмъ, чтобы, прощая другихъ, ты самъ заслужилъ прощенія. Будемъ помнить, что всѣ мы вернемся въ землю, и будемъ смиренны. Будемъ посыпать главу пепломъ, прежде чѣмъ превратимся въ прахъ.

Сади.

Стоитъ только немного подумать, и мы всегда найдемъ за собою какую-нибудь вину передъ человѣческимъ родомъ (пусть это будетъ хотя бы только та вина, что благодаря гражданскому неравенству людей мы пользуемся извѣстными преимуществами, ради которыхъ другіе должны испытывать еще больше лишеній); и это помѣшаетъ намъ отогнать мысль о долгѣ посредствомъ себялюбивыхъ представленій о своихъ заслугахъ.

Кантъ.

5-е октября.

Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь. Сто разъ подумай о томъ, въ чемъ хочешь осудить брата и о своихъ недостаткахъ, и одинъ разъ выскажи брату свое осужденіе.

1.

Когда ты видишь, что человѣкъ заблуждается, не гнѣвайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не можетъ хотѣть, чтобы разсудокъ его затемнялся. Заблуждающійся—тотъ, кто искренно принимаетъ ложь за истину.

Но бываетъ и такъ, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимаютъ истины даже и тогда, когда она раскрыта предъ ними до полной очевидности. Они не принимаютъ ея не потому, что не могутъ понять ея, а потому, что она обличаетъ ихъ злыя дѣла, отнимаетъ у нихъ оправданіе своихъ пороковъ. Эти люди также заслуживаютъ не гнѣва, а состраданія, ибо ихъ совѣсть, такъ сказать, больна.

Эпиктетъ.

2.

Время проходитъ, но сказанное слово остается.

3.

Если толпа ненавидитъ кого-нибудь, надо, прежде чѣмъ судить, внимательно изслѣдовать, почему это такъ. Если толпа пристрастилась къ кому-нибудь, надо тоже внимательно изслѣдовать это, прежде чѣмъ судить.

Конфуцій.

4.

Невниманіе развиваетъ въ насъ страсти. Обуздывать свой языкъ есть признакъ великой добродѣтели.

5.

Наши тревоги зависятъ преимущественно отъ того, что мы стараемся исправлять другихъ, забывая о своемъ собственномъ исправленіи.

Люси Малори.

Если считаешь нужнымъ осудить ближняго, то осуждай его въ глаза, а не безъ него. И осуждай такъ, чтобы не вызвать недобраго къ себѣ чувства.

6-е октября.

Болѣзни — естественное явленіе, и надо, предвидя ихъ, умѣть обращаться съ ними.

1.

„Mens sana in corpore sano“, можетъ-быть, было когда-нибудь справедливо. Въ наше же время справедливо обратное: только здоровая душа дѣлаетъ тѣло здоровымъ; нравственная жизнь включаетъ въ себя всѣ условія гигіены: трудъ, простота пищи, воздержаніе, цѣломудріе.

Пренебреженіе къ здоровью тѣла лишаетъ возможности служенія людямъ. Излишняя забота о своемъ тѣлѣ приводитъ къ тому же. Для того, чтобы найти середину, есть одно средство: заботиться о своемъ тѣлѣ въ той мѣрѣ, въ которой это не мѣшаетъ служенію, не противоположно ему.

2.

Когда больной перестаетъ жить и всю жизнь сосредоточиваетъ на лѣченіи, ему гораздо выгоднѣе бы было, не только при неизлѣчимой болѣзни, но и при болѣзняхъ излѣчимыхъ, не обращая вниманія на болѣзнь, жить обыкновенной жизнью, которая, если бы даже и сократилась отъ этого (что всегда сомнительно), была бы жизнью, а не постояннымъ страхомъ и заботой о своемъ тѣлѣ.

3.

Нѣтъ такой болѣзни, которая бы мѣшала исполнять долгъ человѣка. Не можешь служить людямъ трудами, служи примѣромъ любовнаго терпѣнія.

4.

Болѣзни мысли губительнѣе и встрѣчаются чаще, чѣмъ болѣзни тѣла.

Цицеронъ.

5.

Изреченіе Гиппократа о томъ, что основное условіе лѣченія то, чтобы оно не вредило, часто не примѣняется и по отношенію къ тѣлу; по отношенію же къ душѣ никогда не примѣняется.

Правило не вредить тѣлу не соблюдалось при прежнихъ кровопусканіяхъ, не соблюдается и теперь при операціяхъ, при принимaніи ядовитыхъ лѣкарствъ и многаго другого. О вредѣ же душѣ, всегда сопутствующемъ всякому лѣченію, никто не думаетъ и не поминаетъ. А между тѣмъ вредъ этотъ состоитъ въ оправданіи самаго грубаго эгоизма: требованія служенія себѣ вмѣсто своего служенія людямъ.

Не бойся болѣзни, бойся лѣченія, и лѣченія не въ смыслѣ вредныхъ лѣкарствъ, а главное, лѣченія въ смыслѣ признанія себя больнымъ и потому освобожденнымъ отъ нравственныхъ требованій.

Недѣльное чтеніе.

Живыя мощи.

Край родной долготерпѣнья—
Край ты русскаго народа!
Ѳ. Тютчевъ.

На слѣдующій день я проснулся ранехонько. Солнце только-что встало; на небѣ не было ни одного облачка; все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ: блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня.—Пока мнѣ закладывали таратайку, я пошелъ побродить по небольшому, нѣкогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелекъ своей пахучей, сочной глушью. Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они, навѣрно, унесли капли росы, и пѣсни ихъ казались орошенными росою. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно—всею грудью... На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высились, Богъ вѣдаетъ откуда, занесенные остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый омшанникъ, куда ставятъ улья на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь; темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспосо-

блены подмостки, и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... Я пошелъ было прочь...

— Баринъ! а, баринъ! Петръ Петровичъ!—послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста! — повторилъ голосъ. Онъ доносился до меня изъ угла съ тѣхъ, замѣченныхъ мною, подмостковъ.

Я приблизился и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо; но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая,—ни дать, ни взять—икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать,—только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу—силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да и гдѣ узнать! Я—Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, въ Спасскомъ, водила... Помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья!—воскликнулъ я.—Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, баринъ,—я. Я—Лукерья.

Я не зналъ, что сказать, и какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное, неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумія — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ,— высокая, полная, бѣлая, румяная,—хохотунья, плясунья, пѣвунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали всѣ наши молодые парни, по которой я самъ втайнѣ вздыхалъ, я—шестнадцатилѣтній мальчикъ!

— Помилуй, Лукерья,—проговорилъ я наконецъ,—что съ тобой случилось?

— А бѣда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастіемъ моимъ, — сядьте вонъ на кадушечку — поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, ужъ и рада же я, что увидала васъ! Какъ это вы въ Алексѣевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но безъ остановки.

— Меня Ермолай-охотникъ сюда завезъ. Но разскажи же ты мнѣ...

— Про бѣду-то мою разсказать? Извольте, баринъ. — Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только-что помолвили за Василья Полякова — помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый — еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было: въ Москву уѣхали учиться. — Очень мы съ Василіемъ слюбились; изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ, разъ, ночью... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится: соловей въ саду таковò удивительно поетъ сладко!.. Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: Луша! Я глядь въ сторону, да знать спросонья — оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ — да óземлю хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — въ утробѣ — порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ.

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая, — продолжала Лукерья: — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже — полно и ногами владѣть; ни стоять ни сидѣть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни ѣсть не хочется: все хуже да хуже. Матушка ваша, по добротѣ своей, и лѣкарямъ меня показывала, и въ больницу посылала. Однако, облегченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лѣкарь даже сказать не могъ,

что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣлали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали—и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ-конецъ... Вотъ и порѣшили господа, что лѣчить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ неспособно... ну, и переслали меня сюда—потому, тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умолкла и опять силилась улыбнуться.

— Это, однакоже, ужасно, твое положеніе!—воскликнулъ я. И, не зная, что прибавить, спросилъ:—А что же Поляковъ Василій?

Очень глупъ былъ этотъ вопросъ.

Лукерья отвела глаза немного въ сторону.

— Что Поляковъ? Потужилъ, потужилъ—да и женился на другой, на дѣвушкѣ изъ Глиннаго. Знаете Глинное? Отъ насъ недалече. Аграфеной ее звали. Очень онъ меня любилъ,—да вѣдь человѣкъ молодой—не оставаться же ему холостымъ. И какая ужъ я ему могла быть подруга? А жену онъ нашелъ себѣ хорошую, добрую,—и дѣтки у нихъ есть. Онъ тутъ, у сосѣда, въ приказчикахъ живетъ: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава Богу, хорошо.

— И такъ ты все лежишь да лежишь?—спросилъ я опять.

— Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ-то я здѣсь лежу, въ этой плетушкѣ, а какъ холодно станетъ—меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобой ходитъ? Присматриваетъ кто?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ѣсть-то, почитай, что не ѣмъ ничего, а вода—вотъ она, въ кружкѣ-то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть, сиротка; нѣтъ, нѣтъ—да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ была... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носитъ; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то. Садовыхъ у насъ нѣтъ,—были да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши; пахнутъ еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе!

— И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась—ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ же образомъ?

— А у иного и пристанища нѣтъ! А иной—слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется—я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду—мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить?—многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ, а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говоритъ: тебя, молъ, исповѣдывать нечего,— развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь? — Но я ему отвѣтила: а мысленный грѣхъ, батюшка? — Ну, говоритъ, а самъ смѣется—это грѣхъ не великій. Да я, должно быть, и этимъ самымъ, мысленнымъ грѣхомъ, не больно грѣшна,—продолжала Лукерья: —потому, я такъ себя пріучила: не думать, а пуще того— не вспоминать. Время скорѣе проходитъ.

Я, признаюсь, удивился.

— Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой, нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всегда могу. Хоть и большихъ болей у меня нѣтъ, а ноетъ у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ... а такъ, лежу я себѣ, лежу-полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу—и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка—мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ, въ углу, гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! — Одна влетитъ къ гнѣздышку—припадетъ, дѣтокъ накормитъ — и вонъ. Глядишь — ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо рас-

крытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ—ну пищать, да клювы разѣвать... Я ихъ на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю, — поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, — начала опять Лукерья: — вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки, что ли, за нимъ гнались, — только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ!.. Сѣлъ близехонько— и долго-таки сидѣлъ, — все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся—да и былъ таковъ! Смѣшной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, молъ, не забавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому — темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охота была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсѣянности, принесъ календарь, да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ, али мышь гдѣ скрестись станетъ.—Вотъ тутъ-то хорошо! не думать!

— А то я молитвы читаю, — продожала, отдохнувъ немного, Лукерья. — Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ—значитъ меня Онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѳистъ Всѣмъ Скорбящимъ,—да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты двѣ. Я не нарушалъ молчанья и не шевелился на узенькой кадушкѣ, служившей мнѣ сидѣньемъ. Жестокая, каменная неподвижность лежавшаго передо мною живого, несчастнаго существа сообщилась и мнѣ: я тоже словно оцѣпенѣлъ.

— Послушай, Лукерья,—началъ я, наконецъ.—Послушай, какое

я тебѣ предложеніе сдѣлаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя въ больницу перевезутъ, въ хорошую, городскую больницу? Кто знаетъ, быть-можетъ, тебя еще вылѣчатъ? Во всякомъ случаѣ, ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

— Охъ, нѣтъ, баринъ, — промолвила она озабоченнымъ шопотомъ: — не переводите меня въ больницу, не трогайте меня. Я тамъ только больше муки приму. Ужъ куда меня лѣчить!.. Вотъ такъ-то разъ докторъ сюда пріѣзжалъ; осматривать меня захотѣлъ. Я его прошу: не тревожьте вы меня, Христа-ради. Куда! переворачивать меня сталъ, руки, ноги разминалъ, разгиналъ; говоритъ: это я для учености дѣлаю; на то я служащій человѣкъ, ученый! Потормошилъ, потормошилъ меня, назвалъ мнѣ мою болѣзнь — мудрено таково — да съ тѣмъ и уѣхалъ. А у меня потомъ цѣлую недѣлю всѣ косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нѣтъ, не всегда. Ко мнѣ ходятъ. Я смирная — не мѣшаю. Дѣвушки крестьянскія зайдутъ, погуторятъ; странница забредетъ, станетъ про Іерусалимъ разсказывать, про Кіевъ, про святые города. Да мнѣ и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Баринъ, не трогайте меня, не возите въ больницу... Спасибо вамъ, вы добрый, только не трогайте меня, голубчикъ.

— Ну, какъ хочешь, какъ хочешь, Лукерья. Я вѣдь для твоей же пользы полагалъ...

— Знаю, баринъ, что для моей пользы. Да, баринъ, милый, кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ себѣ человѣкъ помогай! Вы вотъ не повѣрите — а лежу я иногда такъ-то одна... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ, кромѣ меня, нѣту. Только одна я — живая! И чудится мнѣ, будто что меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышленіе — даже удивительное!

— О чемъ же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, баринъ, тоже никакъ нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потомъ. Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было — не поймешь! Только думается мнѣ: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула съ трудомъ. Грудь ей не повиновалась— такъ же, какъ и остальные члены.

— Какъ погляжу я, баринъ, на васъ, — начала она снова: — очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право! Я вамъ, напримѣръ, что скажу: я иногда и теперь... Вы вѣдь помните, какая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!.. такъ знаете что? Я и теперь пѣсни пою.

— Пѣсни?.. Ты?

— Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія! Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою. Въ теперешнемъ моемъ званіи—оно не годится.

— Какъ же ты поешь ихъ... про себя.

— И про себя и голосомъ. Громко-то не могу, а все — понять можно. Вотъ, я вамъ сказывала — дѣвочка ко мнѣ ходитъ. Сиротка, значитъ, понятливая. Такъ вотъ я ее выучила; четыре пѣсни она уже у меня переняла. Аль не вѣрите? Постойте, я вамъ сейчасъ...

Лукерья собралась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, — въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ, не могу! — проговорила она вдругъ: — силушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня — и ея темныя вѣки, опушенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье, они заблистали въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

Я не шевелился попрежнему.

— Экая я! — проговорила вдругъ Лукерья съ неожиданной силой

и, раскрывъ широко глаза, постаралась смигнуть съ нихъ слезу.— Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось... съ самаго того дня, какъ Поляковъ Вася у меня былъ, прошлой весной. Пока онъ со мной сидѣлъ да разговаривалъ—ну, ничего; а какъ ушелъ онъ—поплакала я-таки въ одиночку! Откуда бралось!.. Да вѣдь у нашей сестры слезы не купленныя.—Баринъ,— прибавила Лукерья: — чай, у васъ платочекъ есть... Не побрезгуйте, утрите мнѣ глаза.

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе—и платокъ ей оставилъ. Она сперва отказывалась... на что, молъ, мнѣ такой подарокъ? Платокъ былъ очень простой, но чистый и бѣлый. Потомъ она схватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала ихъ болѣе. Привыкнувъ къ темнотѣ, въ которой мы оба находились, я могъ ясно различить ея черты, могъ даже замѣтить тонкій румянецъ, проступившій сквозь бронзу ея лица, могъ открыть въ этомъ лицѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось,—слѣды его бывалой красоты.

— Вотъ вы, баринъ, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья:—сплю ли я? Сплю я, точно, рѣдко, но всякій разъ сны вижу,— хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — потянуться хочу хорошенько — анъ, я вся какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ?—Ну, слушайте.—Вижу я, будто сижу я этакъ на большой дорогѣ подъ ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана—какъ есть странница! И идти мнѣ куда-то далеко-далеко, на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идутъ они тихо, словно нехотя, все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылыя, и другъ на дружку всѣ очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся; а она вдругъ верть — да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотритъ; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большіе и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: кто ты?—А она мнѣ говоритъ: „Я смерть твоя“. Мнѣ чтобы

испугаться, а я напротивъ — рада-радехонька, крещусь! И говоритъ мнѣ та женщина, смерть моя: „Жаль мнѣ тебя, Лукерья,— но взять я тебя съ собой не могу. Прощай!“ Господи! какъ мнѣ тутъ грустно стало!.. „Возьми меня, говорю, матушка, голубушка, возьми!“ — И смерть моя обернулась ко мнѣ, стала мнѣ выговаривать... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да непонятно такъ, неявственно... Послѣ, молъ, Петровокъ... Съ этимъ я проснулась... Такіе-то у меня бываютъ сны удивительные!

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

— А то еще видѣла я сонъ,— начала она снова: — а быть-можетъ, это было мнѣ видѣніе—я ужъ и не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой плетушкѣ лежу и приходятъ ко мнѣ мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мнѣ низко, а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь? А затѣмъ, говорятъ, что такъ какъ ты на семъ свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ насъ большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже покончила, теперь наши грѣхи побѣждаешь. И сказавши это, родители мнѣ опять поклонились—и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мною было. Даже батюшкѣ на духу разсказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бываютъ одному духовному чину.

„Только вотъ бѣда моя: случается, цѣлая недѣля пройдетъ, а я не засну ни разу. Въ прошломъ году барыня одна проѣзжала, увидѣла меня, да и дала мнѣ скляночку съ лѣкарствомъ противъ безсонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мнѣ помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лѣкарство и какъ его получить?

Проѣзжая барыня, очевидно, дала Лукерьѣ опіума. Я обѣщался доставить ей такую скляночку и опять-таки не могъ не подивиться вслухъ ея терпѣнью.

— Эхъ, баринъ! — возразила она. — Что вы это? Какое такое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было, точно, великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ! А другой угодникъ

собя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли...

Помолчавъ немного, я спросилъ Лукерью: сколько ей лѣтъ?

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будетъ. Да что ихъ считать, года-то! Я вамъ еще вотъ что доложу...

Лукерья вдругъ какъ-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — замѣтилъ я ей: — это можетъ тебѣ повредить.

— Правда,— прошептала она едва слышно:— разговоркѣ нашей конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уѣдете, намолчусь я вволю. По крайности душу отвела...

Я сталъ прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лѣкарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ—не нужно ли ей чего?

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу, — съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна.

Я далъ Лукерьѣ слово исполнить ея просьбу, и подходилъ уже къ дверямъ... она позвала меня опять.

— Помните, баринъ,— сказала она, и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ:—какая у меня была коса? Помните— до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Этакіе волосы!.. Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!.. Такъ ужъ я ихъ и обрѣзала... Да... Ну, простите, баринъ! Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозывали „Живыя Мощи“, что, впрочемъ, отъ нея никакого не видать безпокойства: ни ропота отъ нея не слыхать, ни жалобъ. — „Сама ничего не требуетъ, а напротивъ—за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо“.

Нѣсколько недѣль спустя я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и „послѣ Петровокъ“. Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничный. Впрочемъ, Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а „сверху“. Вѣроятно, она не посмѣла сказать: съ неба.

И. Тургеневъ.

7-е октября.

Необходимость признанія Бога чувствуется яснѣе всего тогда, когда мы отказываемся отъ Него, забываемъ Его.

1.

Все, что я знаю, я знаю потому, что есть Богъ, и я знаю Его.

Только на этомъ можно основаться твердо и въ отношеніяхъ къ людямъ, и къ себѣ, и къ внѣземной и внѣвременной жизни. Я не только не нахожу этого мистичнымъ, но нахожу, что противоположный взглядъ есть мистицизмъ, а что это одна самая понятная и всѣмъ доступная реальность. На вопросъ: что такое Богъ? я отвѣчалъ такъ: Богъ — это безконечное, все, чего я сознаю себя частью.

Богъ для меня—это то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремленіи къ чему состоитъ моя жизнь, и которое по этому и есть для меня; но есть непремѣнно такое, что я его понять, назвать не могу. Если бы я Его понялъ, я бы дошелъ до Него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было.

Его понять и назвать не могу и вмѣстѣ съ тѣмъ знаю Его, знаю направленіе къ Нему и даже изъ всѣхъ моихъ знаній это самое достовѣрное. Мнѣ всегда страшно, когда я безъ Него; а только тогда не страшно, когда я съ Нимъ.

2.

Религіозныя дѣйствія, вытекающія изъ себялюбивыхъ цѣлей, какъ молитвы о дождѣ или жертва для награды въ будущемъ мірѣ, всегда корыстны, но поступокъ, совершенный вслѣдствіе познанія Бога и безъ себялюбія, безкорыстенъ и достоинъ.

Признавая высшій разумъ во всѣхъ существахъ и вещахъ, истинный поклонникъ приноситъ въ жертву свой умъ, направляя его къ духу Божьему, и приближается къ природѣ Того, Кто свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ.

Пусть каждый браминъ внимательно разсматриваетъ природу, видимую и невидимую, какъ существующую въ божественномъ разумѣ; потому что, созерцая безконечный міръ въ божественномъ разумѣ, онъ не можетъ уже отдаваться злымъ помысламъ.

Законы Ману.

3.

Когда я говорю тебѣ о Богѣ, то ты не думай, что я говорю тебѣ о какомъ-нибудь предметѣ, сдѣланномъ изъ золота или серебра. Тотъ Богъ, о которомъ я тебѣ говорю,—ты Его чувствуешь въ своей душѣ. Ты носишь Его въ самомъ себѣ, и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образъ въ твоей душѣ. Передъ идоломъ золотымъ, котораго ты почитаешь за Бога, ты остерегаешься дѣлать что-либо непристойное, а передъ лицомъ Того Бога, который въ тебѣ самомъ и Который все видитъ и слышитъ, ты даже не краснѣешь, когда предаешься своимъ гнуснымъ мыслямъ и поступкамъ.

Если бъ только мы постоянно помнили, что Богъ въ насъ—свидѣтель всего того, что мы дѣлаемъ и думаемъ, то мы перестали бы грѣшить, и Богъ неотлучно пребывалъ бы въ насъ. Давайте же вспоминать Бога, думать и бесѣдовать о Немъ какъ можно чаще.

Эпиктетъ.

4.

Богъ — не идолъ, которому нужно молиться и льстить; Богъ идеалъ, который долженъ воплощать человѣкъ въ своей повседневной жизни.

Люси Малори.

5.

Не тогда, когда я иду къ Нему, но именно тогда, когда я отворачиваюсь отъ Него, оставляю Его, — именно тогда я признаю то, что Богъ есть. Я говорю „Богъ“, но не знаю навѣрное, такъ ли я называю. Вы поймете, что̀ я разумѣю.

Торо.

6.

Къ Богу никогда не надо ходить нарочно: „Дай я пойду къ Богу, стану жить по-Божьи. Жилъ по-дьявольски, дай поживу

по-Божьи, попробую, авось не бѣда“... Это бѣда, и большая. Къ Богу, въ родѣ того, какъ жениться, надо идти только тогда, когда и радъ бы не пойти, и радъ бы не жениться, да не могу... И потому всякому не то, что скажу: иди въ соблазны нарочно; а тому, кто такъ поставитъ вопросъ: „а что, не прогадаю ли, если пойду не къ чорту, а къ Богу?“ закричу во все горло: „Иди, иди къ чорту, непремѣнно къ чорту!“ Во сто разъ лучше обжечься хорошенько на чортѣ, чѣмъ стоять на распутьи или лицемѣрно идти къ Богу.

7.

Если человѣкъ и не знаетъ, что онъ дышитъ воздухомъ, онъ знаетъ, что лишается чего-то, когда задыхается. То же и съ человѣкомъ, лишившимся Бога, хотя онъ и не признаетъ Его.

Помнить Бога — великое дѣло. Не словами поминать Его, но жить такъ, какъ будто Онъ слѣдитъ за каждымъ моимъ поступкомъ, осуждая или одобряя. Русскіе крестьяне говорятъ: или ты Бога забылъ.

8-е октября.

Если бы христіане исповѣдывали свой законъ, то не могло бы быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

1.

И вотъ нѣкто, подошедъ, сказалъ Ему: Учитель Благій! что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную? Іисусъ сказалъ ему: если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною. Мѳ. XIX, 16, 21.

2.

Нечувствителенъ и равнодушенъ къ чужому горю бываетъ человѣкъ богатый.

Талмудъ.

3.

Богатые и бѣдные являются какъ бы дополненіемъ другъ друга. Классъ богачей предполагаетъ собой классъ бѣдняковъ, и безумная роскошь оказывается связанной съ страшной нуждой отношеніемъ необходимой послѣдовательности, которая можетъ быть выражена въ терминахъ морали. Богатые — это грабители, ибо они по меньшей мѣрѣ участвуютъ въ доходахъ отъ грабежа; бѣдные—это ограбленные. Вотъ, думается мнѣ, почему Христосъ выражалъ всегда сочувствіе къ бѣднымъ и отвращеніе къ богатству. По Его ученію, быть ограбленнымъ лучше, чѣмъ быть грабителемъ. И въ царствѣ правды, которое Онъ проповѣдывалъ, богатые и бѣдные были бы одинаково невозможны.

Генри Джорджъ.

4.

Страшно, истинно страшно сребролюбіе; оно закрываетъ глаза и уши, дѣлаетъ насъ свирѣпѣе звѣрей, не позволяетъ думать ни о совѣсти, ни о дружбѣ, ни объ общеніи, ни о спасеніи собственной души, но, за разъ отвратившии отъ всего, дѣлаетъ плѣнниковъ своими рабами, какъ нѣкій жестокій тиранъ. И что всего хуже въ этомъ горькомъ рабствѣ — оно заставляетъ даже услаждаться собою, такъ что, чѣмъ больше предаются ему, тѣмъ больше увеличивается удовольствіе. Оттого-то преимущественно эта болѣзнь и бываетъ неизлѣчима, оттого-то и неукротимъ этотъ звѣрь.

Іоаннъ Златоустъ.

5.

Общество, составленное изъ очень богатыхъ и очень бѣдныхъ, легко дѣлается добычей людей, захватывающихъ въ свои руки власть. У очень бѣдныхъ не бываетъ достаточно духа, чтобы оказать сопротивленіе, а у очень богатыхъ бываетъ слишкомъ много на ставкѣ, чтобы они могли рисковать.

Генри Джорджъ.

6.

Богатства такъ же, какъ навозъ, воняютъ, когда они въ кучѣ; когда же они разбросаны—удобряютъ землю.

Какое усиленное затемнѣніе нравственныхъ чувствъ должно быть въ человѣкѣ, который въ христіанскомъ обществѣ среди нуждающихся тысячъ гордится своимъ богатствомъ.

9-е октября.

Тотъ, кто перенесъ сознаніе своей жизни въ свое духовное „я“, не можетъ испытать зла ни въ жизни, ни въ смерти.

1.

Та матеріальная форма, въ которой застаетъ насъ въ этомъ мірѣ пробужденіе нашего сознанія истинной жизни, представляетъ какъ бы предѣлы, ограничивающіе наше духовное существо.

Матерія есть предѣлъ духа. Истинная же жизнь есть постепенное разрушеніе этого предѣла, кончающееся полнымъ разрушеніемъ, полнымъ освобожденіемъ — смертью. Въ этомъ пониманіи самая сущность разумѣнія,—та сущность, которая даетъ человѣку сознаніе вѣчной жизни.

2.

Куда бы судьба тебя ни забросила, всюду съ тобою твоя сущность, твой духъ, средоточіе жизни, свободы и силы, когда онъ вѣренъ закону бытія своего. Нѣтъ въ мірѣ внѣшнихъ благъ или величія, для которыхъ стоило бы человѣку нарушать единеніе свое съ духомъ, расторгать свой союзъ съ нимъ и подры-

вать цѣльность своей души внутреннимъ разладомъ съ самимъ собою.

Укажи, что могъ бы ты купить цѣною такой жертвы?

Маркъ Аврелій.

3.

Человѣка иногда томитъ, радуетъ живо-сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно-великимъ и всемогущимъ въ немъ и чѣмъ-то узкимъ и слабымъ, чѣмъ онъ есть самъ.

4.

Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ.

Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше.

Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа.

Ін. III, 6—8.

5.

По многимъ соображеніямъ душа добрыхъ людей представляется мнѣ божественной и вѣчной, но главнымъ образомъ потому, что душа лучшихъ и мудрѣйшихъ людей такъ переносится въ будущее состояніе, что кажется, будто всѣ ея мысли сосредоточены на вѣчности.

Цицеронъ.

6.

Только дѣятельное, нравственное, духовное, глубокое и религіозное сознаніе придаетъ жизни все ея достоинство и энергію. Оно дѣлаетъ неуязвимымъ и непобѣдимымъ. Землю можно побѣдить только именемъ Неба. Всѣ блага даются кромѣ того тому, кто ищетъ только мудрости. Только тогда бываешь сильнѣе всего, когда вполнѣ безкорыстенъ, и міръ у ногъ того, кого онъ не можетъ обольстить. Почему? Потому что духъ властвуетъ надъ матеріей, и міръ принадлежитъ Богу. „Мужайтесь,— сказалъ небесный голосъ,—я побѣдилъ міръ“.

Боже, дай силы слабымъ, желающимъ добраго!

Аміель.

7.

Есть одинъ высшій разумъ, превосходящій всѣ человѣческіе умы. Онъ далекъ и близокъ. Онъ проникаетъ всѣ міры и вмѣстѣ съ тѣмъ до безконечности выше ихъ.

Человѣкъ, который видитъ, что всѣ вещи содержатся въ высшемъ духѣ, и что высшій духъ проникаетъ всѣ существа, не можетъ относиться съ презрѣніемъ ни къ какому существу.

Для того, для кого всѣ духовныя существа одинаковы съ высшимъ, не можетъ быть мѣста для обмана или для печали.

Тѣ, кто невѣжественны, преданы однимъ обрядамъ религіи, находятся въ густомъ мракѣ, но тѣ, кто преданы только безплоднымъ размышленіямъ, находятся въ еще большей темнотѣ.

Упанишада изъ Веды.

8.

Законъ жизни въ томъ, что невидимое производитъ видимое. Причина скрыта, послѣдствія видны. Причина безконечна, послѣдствія конечны. Вѣрить въ невидимое—значитъ вѣрить въ причину всякой силы; признавать только видимое значитъ быть безполезнымъ, неплодотворнымъ, преходящимъ, смертнымъ.

Люси Малори.

9.

Богъ притягиваетъ тѣхъ, которые хотятъ подняться до Него, и потому неудивительно, что человѣкъ стремится къ Богу. Богъ идетъ къ людямъ, входитъ въ людей. Нѣтъ ни одной души, которая была бы хороша безъ Бога.

Цицеронъ.

Спасеніе отъ всего — это сознаніе своей духовности. Чтобы ни случилось съ человѣкомъ, сознающимъ свою духовность, зло не можетъ коснуться его.

10-е октября.

Для нравственной жизни важность дѣла измѣряется не вещественнымъ значенiемъ дѣла и его возможными послѣдствiями, а только степенью добраго усилiя.

1.

Большинство людей, желая исправить свою жизнь, болѣе желаютъ совершить что-нибудь трудное и необыкновенное, чѣмъ очистить свои желанiя и отказаться отъ самоугожденiя въ обыкновенныхъ обязанностяхъ своего положенiя. Фенелонъ.

2.

Тотъ, кто не исполняетъ того дѣла, которое онъ чувствуетъ, что долженъ бы сдѣлать, только потому, что оно кажется ему слишкомъ малымъ, обманываетъ самого себя. Онъ не дѣлаетъ его не потому, что оно слишкомъ мало, а потому, что оно слишкомъ велико для него. Пёзей.

3.

Ты не обязанъ доводить работу до конца, но и не воленъ совсѣмъ уклоняться отъ нея.

Поручившiй тебѣ работу надеженъ. Талмудъ.

4.

Если человѣкъ не считаетъ себя призваннымъ къ исполненiю посольства, миссiи, онъ не можетъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ. Китайская мудрость.

5.

Человѣкъ познаетъ себя не думая, но дѣйствуя. Только въ усилiяхъ исполнить должное онъ узнаетъ себѣ цѣну. Гёте.

Ничто такъ не вредитъ нравственному совершенствованiю, какъ пренебреженiе къ дѣламъ, которыя считаются неважными въ мiрскомъ смыслѣ.

11-е октября.

Люди большей частью гордятся не тѣмъ, что достойно уваженія, а тѣмъ, что имъ не нужно или вредно: властью, богатствомъ.

1.

Нѣтъ того негодяя, который, поискавъ, не нашелъ бы негодяевъ въ какомъ-нибудь отношеніи хуже себя, и который поэтому не могъ бы найти повода гордиться и быть довольнымъ собою.

2.

Кто самъ не умѣетъ читать и писать, не можетъ учить этому другихъ; какъ же можетъ указывать людямъ, что имъ дѣлать, тотъ, кто не знаетъ, что ему самому дѣлать?

Маркъ Аврелій.

3.

Есть люди, которые едва только послушаютъ мудрыхъ поученій, какъ уже сами начинаютъ поучать другихъ. Они дѣлаютъ то же самое, что и больной желудокъ, который тотчасъ извергаетъ принятую пищу. Не подражай такимъ людямъ. Сначала хорошенько перевари въ себѣ то, что ты услыхалъ, а не извергай прежде времени, — иначе выйдетъ настоящая блевотина, которая не можетъ служить никому пищей.

Эпиктетъ.

4.

Гордость совсѣмъ не то, что сознаніе человѣческаго достоинства. Первое увеличивается по мѣрѣ внѣшняго успѣха, второе, напротивъ, по мѣрѣ внѣшняго униженія.

5.

Человѣкъ гордый уважаетъ не себя, а то мнѣніе, которое о немъ составляютъ люди; человѣкъ съ сознаніемъ своего достоинства уважаетъ только себя и презираетъ людское мнѣніе.

6.

Есть еще умъ въ глупцѣ, сознающемъ свою глупость; но тотъ неразуменъ, кто твердо увѣренъ въ своей мудрости, — тотъ уже истинно безумецъ.

Всю жизнь проведетъ глупецъ подлѣ мудраго и нимало не познаетъ истины, какъ никогда ложка не пойметъ вкуса пищи.

Буддійская мудрость.

7.

У человѣка, влюбленнаго въ себя, есть то преимущество, что у него мало соперниковъ. Лихтенбергъ.

8.

Самонадѣянный человѣкъ всегда ограниченъ. Одно—причина другого. Онъ всегда ограниченъ, потому что самонадѣянъ. И онъ самонадѣянъ потому, что ограниченъ. Онъ сознаетъ въ себѣ невозможность произвести хорошее и потому увѣряетъ себя, что хорошо все то, что онъ производитъ.

Гордость сначала такъ озадачиваетъ, что люди поддаются внушенію и начинаютъ приписывать гордому человѣку то самое значеніе, которое онъ себѣ приписываетъ; но внушеніе проходитъ, и гордый человѣкъ скоро становится смѣшнымъ.

12-е октября.

Большого усилія требуетъ всякое отступленіе отъ принятыхъ обычаевъ. А между тѣмъ первый шагъ къ совершенствованію всегда связанъ съ такимъ отступленіемъ.

1.

Я долженъ поступать такъ, какъ я думаю, а не такъ, какъ думаютъ люди. Правило это, одинаково необходимое какъ въ по-

вседневной, такъ и въ умственной жизни, можетъ служить различіемъ между величіемъ и всѣмъ низкимъ. Правило это трудно, потому что всегда вы найдете такихъ людей, которые думаютъ, что они знаютъ ваши обязанности лучше, чѣмъ вы сами. Въ мірѣ легко жить согласно мірскому мнѣнію, а въ одиночествѣ легко слѣдовать своему собственному, но великъ тотъ человѣкъ, который среди толпы придерживается независимости своего уединенія.

Эмерсонъ.

2.

Приноравливаніе къ обычаямъ, до которыхъ вамъ, въ сущности, нѣтъ дѣла,—вотъ на что тратятся ваши силы, что лишаетъ васъ досуга и стираетъ всю самобытность вашей природы. То вы поддерживаете обветшалое учрежденіе, подаете голосъ за и противъ различныхъ партій, то, какъ наемный трактирщикъ, обкармливаете друга и недруга. При занятіи такими дѣлами какъ трудно распознать, что вы такое на самомъ дѣлѣ, не говоря уже о тратѣ на пустяки наилучшихъ вашихъ способностей. Такая жизнь губитъ душу и тѣло.

Эмерсонъ.

3.

Общество говоритъ человѣку: „Думай, какъ думаемъ мы; вѣрь, какъ вѣримъ мы; ѣшь и пей, какъ мы ѣдимъ и пьемъ; одѣвайся, какъ мы одѣваемся, — или будь проклятъ“. Если же кто не подчинится ему, то оно превратитъ жизнь его въ адъ своими насмѣшками, сплетнями, ругательствами, бойкотомъ и остракизмомъ, но мужайся.

Люси Малори.

4.

Человѣку, отступающему, по требованію своей совѣсти, отъ установленныхъ обычаевъ той среды, въ которой онъ живетъ, надо быть очень строгимъ и внимательнымъ къ себѣ: всякая ошибка его, всякая слабость будетъ поставлена въ вину ему и, главное, его отступленіе отъ разъ принятаго имъ рѣшенія.

5.

Когда мы, живя добродѣтельно, подвергаемся преслѣдованію злыхъ людей и за привязанность къ добродѣтели терпимъ отъ

нихъ осмѣяніе, не будемъ печалиться и скорбѣть. Таково ужъ свойство добродѣтели, что она, обыкновенно, въ людяхъ злыхъ возбуждаетъ къ себѣ ненависть. Завидуя тѣмъ, кто хочетъ жить праведно, и думая самимъ себѣ приготовить оправданіе, если очернятъ славу другихъ, злые люди ненавидятъ добрыхъ, какъ идущихъ противоположнымъ путемъ, и всячески стараются обезславить ихъ жизнь. Но не будемъ сокрушаться, потому что ненависть злыхъ служитъ знакомъ добродѣтели.

Іоаннъ Златоустъ.

Дурно раздражать людей, отступая отъ принятыхъ ими обычаевъ, но еще хуже отступать отъ требованій совѣсти и разума, потворствуя людскимъ обычаямъ.

13-е октября.

Гораздо естественнѣе представить себѣ общество людей, управляемое разумными, выгодными и признаваемыми всѣми правилами, чѣмъ тѣ общества, въ которыхъ живутъ теперь люди, подчиняясь только насилію.

1.

Тамъ, гдѣ великіе мудрецы имѣютъ власть, подданные не замѣчаютъ ихъ существованія. Тамъ, гдѣ властвуютъ невеликіе мудрецы, народъ бываетъ привязанъ къ нимъ и хвалитъ ихъ. Тамъ, гдѣ властвуютъ еще меньшіе мудрецы, народъ боится ихъ, а тамъ, гдѣ еще меньшіе, народъ презираетъ ихъ.

Лао-Тсе.

2.

Для непробудившагося человѣка государственная власть — это нѣкоторыя священныя учрежденія, составляющія органы живого тѣла, необходимое условіе жизни людей. Для пробудившагося

человѣка—это люди очень заблудшіе, приписывающіе себѣ какое-то фантастическое значеніе, не имѣющее никакого разумнаго оправданія, и посредствомъ насилія приводящіе свои желанія въ исполненіе. Все это для пробудившагося человѣка заблудшіе и большею частью подкупленные люди, насилующіе другихъ людей, точно такіе же, какъ тѣ разбойники, которые схватываютъ людей на дорогахъ и насилуютъ ихъ. Древность этого насилія, размѣры насилія, организація его—не можетъ измѣнить сущности дѣла. Для пробудившагося человѣка нѣтъ того, что называется государствомъ; и потому нѣтъ оправданія всѣмъ совершаемымъ во имя государства насиліямъ; и потому для него невозможно участіе въ нихъ. Насиліе государственное уничтожится не внѣшними средствами, а только сознаніемъ пробудившихся къ истинѣ людей.

3.

Сила—въ обоюдной любви, слабость—во взаимномъ соперничествѣ. Соединяясь, въ любви—мы держимся; раздѣляясь, въ раздорѣ—мы падаемъ. **Люси Малори.**

4.

Можетъ-быть, что для прежняго состоянія людей было нужно государственное насиліе, можетъ-быть оно нужно еще и теперь, но люди не могутъ не видѣть, не предвидѣть того состоянія, при которомъ насиліе можетъ только мѣшать мирной жизни людей. А видя и предвидя это, люди не могутъ не стремиться къ осуществленію такого порядка. Средство осуществленія этого порядка есть внутреннее совершенствованіе и неучастіе въ насиліи.

Старайся жить такъ, чтобы насиліе было не нужно тебѣ.

Недѣльное чтеніе.

Законъ Бога и законъ міра сего.

Одна только *вѣра* можетъ сохранить человѣка въ мірѣ отъ заблужденій и козней дьявола; она одна учитъ насъ распознавать добро и зло; ею одною мы пріобщаемся предметамъ духовнымъ и божественнымъ.

Въ наше время вѣрятъ многому тому, чему не слѣдуетъ вѣрить; истинную вѣру христіанскую считаютъ заблужденіемъ и ересью, а мертвые обычаи принимаютъ за вѣру. Между людьми произошло раздѣленіе: *одна сторона обвиняетъ другую въ ереси*, и изъ-за этого возникаютъ войны и распри, убійства, сожженіе людей и многіе другіе грѣхи; такъ что вѣру теперь не легко узнать, ибо вся она смердитъ ересью и враждою. Въ такихъ обстоятельствахъ разумные люди должны хранить истинную вѣру, которая изложена апостолами и единожды дана была Богомъ чрезъ І. Христа, и не увлекаться тѣми новыми вѣрованіями, къ которымъ теперь побуждаютъ людей.

Между первыми христіанами апостолы установили равенство: никто не былъ ничѣмъ обязанъ другъ другу, но всѣ должны были любить другъ друга и служить другъ другу изъ любви, составляя одно тѣло, соединенное изъ многихъ членовъ, и имѣя главою Христа. Между ними не было правителей съ языческими должностями: судей, городскихъ совѣтниковъ. Хотя христіане жили подъ властью язычниковъ, которымъ должны были платить дань, но сами не занимали языческихъ должностей. *Такъ продолжалось болѣе трехсотъ лѣтъ*, до Константина: онъ первый вмѣшался въ среду

христіанъ съ языческимъ господствомъ и съ чиновниками, которые приличествовали язычникамъ. Цѣль, къ которой вели христіанъ апостолы, была гораздо возвышеннѣе и совершеннѣе, чѣмъ та, которую преслѣдовали языческія власти, ибо составлять одно тѣло и руководиться однимъ духомъ Божіимъ въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ гораздо выше, чѣмъ соблюдать ту земную слабую справедливость, которая поддерживается языческими властями посредствомъ разныхъ принудительныхъ мѣръ.

Суды въ судилищахъ хотя и помогаютъ возвращенію отнятой собственности, вводятъ въ грѣхи, отъ которыхъ христіане не иначе могутъ избавиться, какъ отказавшись отъ такихъ судовъ. Христіане не должны никому причинять несправедливости и никого не обманывать, а причиненную *несправедливость должны терпѣливо переносить, не воздавая зломъ за зло.*

Взаимныя отношенія, установленныя апостолами между первыми христіанами, основаны были на законѣ Христовѣ, который опредѣляетъ, какъ должно поступать съ противниками вѣры, соблазнителями, еретиками: ихъ нужно увѣщевать и обличать *сначала одинъ на одинъ*, въ случаѣ же неуспѣха—при свидѣтеляхъ, наконецъ, повѣдать о нихъ церкви; если же они и церковь преслушаютъ, то поступать съ ними, какъ съ язычниками и мытарями, т.-е. не общаться съ ними. Въ такомъ же смыслѣ апостолъ запрещаетъ общеніе съ прелюбодѣями и др. Такое евангельское устройство общества скорѣе можетъ исправить испорченный родъ человѣческій, чѣмъ языческое при помощи царей земныхъ и городскихъ судей: при первомъ грѣшникъ можетъ снова пріобрѣсть благодать Божію, которой лишили его грѣхи, а при второмъ всѣмъ такимъ грѣшникамъ опредѣлена смерть.

Итакъ, одного закона Христова было вполнѣ достаточно для устроенія общинъ первыхъ христіанъ, и, руководясь имъ однимъ, они преуспѣвали въ нравственномъ отношеніи, но потомъ, когда примѣшались къ нимъ два закона, гражданскій и папскій, нравственность стала падать. Это признаютъ тѣ, которые пишутъ хроники, и мы своими глазами видимъ, какъ эти два закона разрушаютъ и умерщвляютъ вѣру и законъ Божій. Поэтому мы, поздніе потомки, сидя какъ бы подъ тѣнью этихъ законовъ, неувѣ-

ренно говоримъ о законѣ Божіемъ и управленіи Божіемъ, ибо тьма этихъ двухъ законовъ заслоняетъ очи. Поэтому, такъ сказать, ощупью и гадая я задаю вопросъ: *достаточно ли закона Христова* безъ приданныхъ къ нему законовъ человѣческихъ для того, чтобы основать и устроить здѣсь, на земномъ пути, вполнѣ христіанскую религію? Я отвѣчаю, хотя и съ трепетомъ: да, достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устроенія христіанскаго общества. Законъ Христовъ не ослабляется *ни отъ сопротивленія*, которыя ему оказываютъ, *ни отъ множества* обращенныхъ къ нему: напротивъ, отъ этого онъ пріобрѣлъ еще бóльшую силу, а потому его одного всегда достаточно. Далѣе, если его было *достаточно для обращенія* невѣрующихъ къ вѣрѣ, то *достаточно и для устроенія* въ жизни и нравахъ, ибо послѣднее легче. А такъ какъ управленіе при помощи ученія Христова лучше, чѣмъ съ помощью человѣческихъ примѣсей, то кто усомнится, что люди были бы совершеннѣе, руководясь закономъ Божіимъ, чѣмъ напояя себя, какъ ядомъ, разными примѣсями.

Право гражданское, или *право языческихъ царей* имѣетъ цѣль установить между людьми справедливость во всемъ, что касается тѣла человѣка и тѣлеснаго имущества, напротивъ, право евангельское имѣетъ цѣлью духовное совершенствованіе людей. Такъ какъ язычники полагаютъ свое благо только въ безопасности тѣла и имущества, то они и держатся гражданскаго управленія. Точно такъ же и тѣ христіане, которые обратились въ язычество, отвергнувъ Бога и Его законъ, и стремятся только къ земнымъ удовольствіямъ, къ свободѣ и покою въ мірѣ и къ тѣлесному обогащенію, тѣ такъ же стоятъ за свѣтскую власть, которая поблажаетъ ихъ желаніямъ, а въ случаѣ опасности, угрожающей ихъ жизни или имуществу, употребляетъ въ дѣло оружіе или даетъ возможность судомъ возвратить потерянную собственность. Справедливость, которую стремится водворить свѣтская власть, необходима для самихъ правителей: если бы одинъ пошелъ на другого и вообще дѣлалъ зло другому, то и царство бы разрушилось. О другихъ добродѣтеляхъ свѣтская власть не заботится и потому, кромѣ несправедливости, допускаетъ всякіе другіе грѣхи.

Управленіе Христово устрояетъ человѣка духовно въ добродѣ-

теляхъ и приводитъ его къ такой невинности, при которой онъ можетъ угодить Богу и заслужить награду въ вѣчности. При этомъ управленіи человѣкъ совершенно иначе относится къ тѣлеснымъ лишеніямъ: не мститъ за нихъ и не ищетъ удовлетворенія на судѣ, а терпѣливо переноситъ ихъ.

Между христіанами установлено было равенство, и никто не долженъ былъ возвышать себя надъ другими; поэтому истинный христіанинъ никогда не посмѣлъ бы сдѣлаться царемъ надъ христіанами. Кромѣ того, для христіанъ обязательна апостольская заповѣдь—другъ друга тяготы носить: *какъ же добрый христіанинъ можетъ рѣшиться самъ быть бременемъ для другихъ, сдѣлавшись царемъ?*

Что царская власть есть тяжкое бремя для подданныхъ, видно изъ того, что по смерти Соломона Іудеи просили сына его облегчить ихъ отъ работы отца его жестокія и отъ ярма его тяжкаго, а Ровоамъ, посовѣтовавшись съ такими же безумцами, какимъ былъ самъ, отвѣчалъ сурово: „Перстъ мой будетъ вамъ тяжелѣе хребта отца моего“. Изъ этого видно, что и наимудрѣйшій Соломонъ своей властью былъ тяжкимъ бременемъ для народа.

Самъ Іисусъ Христосъ запретилъ ученикамъ Своимъ возноситься другъ надъ другомъ: „Царіе языкъ господствуютъ ими и обладающіе ими благодателе нарицаются; вы же не тако, но болій въ васъ да будетъ, яко мній, и старѣй, яко служай“. И въ Ветхомъ Завѣтѣ Гедеонъ отказался отъ предложенія Іудеевъ быть надъ ними царемъ и отвѣчалъ: „Не возобладаю азъ вами и не возобладаетъ сынъ мой вами: Господь да владѣетъ вами“.

Вызвать въ человѣкѣ любовь къ Богу нельзя принудительными мѣрами: она основана на свободной волѣ человѣка и порождается словомъ Божіимъ. Если же царь будетъ исправлять злыхъ людей проповѣдью слова Божія, то онъ обратится въ священника и не станетъ прибѣгать къ той власти, которая не иначе исправляетъ людей, какъ только вѣшая ихъ.

Къ людямъ, которые присваиваютъ языческую власть для того, чтобы цѣною страданій другихъ устраивать себѣ роскошную жизнь, можетъ быть примѣнена ветхозавѣтная *притча о деревьяхъ*, которыя обратились къ маслинѣ, смоковницѣ и виноградной лозѣ съ

просьбою царствовать надъ ними. Ни та, ни другая, ни третья не согласились, потому что должны были лишиться всего, что составляло ихъ прелесть, и только терновникъ отвѣтилъ: „Если вы выбрали меня царемъ, то войдите подъ мою сѣнь, а если не хотите, то пусть выйдетъ изъ меня огонь и пожретъ кедры ливанскіе“.

Люди, обладающіе дарами благодати Божіей, не промѣняютъ ихъ на блага тѣла и свѣта, на господство и повышеніе, зная, что все это влечетъ за собою жестокость, немилосердіе, насиліе, грабежъ надъ своими же братьями; а терновникъ, острый и жестокій, смѣло говоритъ: „Такъ какъ вы меня выбрали господиномъ, то знайте, что я вашъ господинъ и буду властвовать надъ вами такъ, что на иныхъ и кожа не останется цѣлою: я имъ обрѣжу крылья, обдеру мужика, какъ липу“. А другой еще скажетъ на это: „Ничего! дери съ мужика: оправится, какъ верба у воды“. Люди, живущіе въ роскоши, съ толстымъ брюхомъ, проросшимъ саломъ, оправдываютъ такое отношеніе къ простому народу.

Ни одинъ человѣческій законъ не можетъ въ такой степени содѣйствовать нравственному совершенствованію людей, какъ законъ Божій. Законъ Моисеевъ былъ хорошій законъ, но христіанскій правитель не можетъ руководствоваться этимъ закономъ, такъ какъ онъ уже перенесенъ и замѣненъ другимъ закономъ—закономъ Христовымъ, а законъ Христовъ весь основанъ на любви къ Богу и ближнему.

Вмѣшательство двухъ владыкъ, свѣтскаго и духовнаго, въ христіанскую церковь нарушило то состояніе чистоты и невинности, въ которыхъ она была установлена апостолами и пребывала триста двадцать лѣтъ. И хотя многіе люди считаютъ это вмѣшательство полезнымъ для вѣры, но этотъ ядъ никогда не былъ и не будетъ вѣрою, а всегда останется ядомъ, отравляющимъ людей и мертвящимъ вѣру; а потому христіане должны помнить, что, соблюдая истинную вѣру, они не могутъ господствовать надъ другими по обычаю языческому. А между тѣмъ, апостолы антихристовы считаютъ эту свѣтскую власть третьею частью церкви.

По ученію римской церкви, свѣтская власть основана на св. писаніи и прежде всего на слѣдующемъ текстѣ: „Вопрошаху же Его

воины глаголюще: и мы что сотворимъ; и рече къ нимъ: никого же обидите, ни оклеветайте и довольни будити, оброки вашими“ (Лук. III, 14).

Эти слова сами по себѣ не могли бы наточить меча христіанамъ, дабы они могли ими проливать человѣческую кровь, но великій столпъ церкви римской (Августинъ), который сильно поддерживаетъ ее, чтобы она не пала, придалъ этому мѣсту смыслъ остраго меча между христіанами. Онъ выражается такъ: „Если бы христіанское ученіе совершенно осуждало войну, то обратившимся къ Іоанну воинамъ скорѣе былъ бы данъ спасительный совѣтъ сложить оружіе и оставить воинское званіе; если же онъ велитъ имъ быть довольными своими оброками, то воинскаго званія не отвергаетъ и войну не порицаетъ“.

Второе мѣсто, на которое ссылается римская церковь, слѣдующее: „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть“ и т. д. (Рим. XIII, 1 и дал.). Это главное основаніе, на которомъ утверждаютъ свѣтскую власть ученые, и одинъ магистръ Пражскаго университета сказалъ мнѣ, что и я долженъ признавать это, а если не признаю, то буду еретикомъ.

Вотъ еще нѣкоторые изъ доводовъ магистра въ доказательство того, что законъ человѣческій, наказывающій людей за нѣкоторые поступки смертью, не противорѣчитъ закону Божію: 1) Заповѣдь „не убій“ не запрещаетъ наказаніе виновныхъ смертью, ибо въ такихъ случаяхъ не судья убиваетъ, а законъ его къ этому понуждаетъ; 2) Богъ размножаетъ жизнь и смерть, поэтому Онъ можетъ и убить: Азъ убію и жити сотворю; цари же поставлены Богомъ и потому могутъ такъ же поступать; 3) ап. Павелъ говоритъ: „Таковая творящіи достойни смерти суть и небо безъ ума мечъ носитъ“; 4) въ евангеліи: „Враги моя, оны иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣците предо мною“; 5) Кипріанъ по поводу ветхозавѣтной заповѣди убивать идолопоклонниковъ говоритъ, что если такая заповѣдь была до пришествія Христова, тѣмъ болѣе она должна соблюдаться по Его пришествіи, какъ это подтверждается словами ап. Павла: „Таковая творящія достойни смерти суть“.

Въ такомъ же родѣ толкуютъ заповѣдь „не убій“ Августинъ и Іеронимъ.

Такъ же разсуждаетъ объ этомъ св. Григорій и снова св. Августинъ. Изъ всѣхъ этихъ доводовъ выходитъ, что Бога хотятъ учинить двуустымъ такъ, чтобы одними устами Онъ говорилъ такъ: не убій, а другими—убій.

Іисусъ теперь очень бѣденъ; не ходятъ больше за Нимъ толпы народа, развѣ какой-нибудь отверженный и неразумный жалко тащится за Нимъ, какъ муха изъ помой. Зато ученые очень богаты и славны въ свѣтѣ, много породили слугъ Божіихъ съ мечомъ, и весь міръ взираетъ на нихъ. Взглянетъ мудрый свѣта на Іисуса, увидитъ, что Онъ покинутъ всѣми, облеченъ бѣдностью, терпитъ невзгоды, и броситъ Его и пойдетъ къ ученымъ, что по законамъ своимъ цѣлыми толпами служатъ Богу въ церквахъ, на войнѣ, бирючами, при дыбахъ, въ ратушахъ, подъ позорными столбами и у висѣлицъ. За такую широкую службу Богу и ухватится мудрый свѣта, а за Іисусомъ пойдетъ только безумецъ, и свѣтъ освищетъ его.

Болѣе всего противна ученію Христову служба мечомъ потому, что вся она состоитъ въ отплатѣ зломъ за зло. Хотя и оговариваются, что мечъ поднимается за дѣло не свое, а Божье; но Богъ вѣдаетъ, насколько искрення эта оговорка: если бы такъ было, то люди за причиненныя себѣ обиды и несправедливости не мстили бы; на дѣлѣ же оказывается, что они не оставляютъ безъ возмездія самой легкой обиды словомъ, а поруганіе Богу допускаютъ. Христосъ, напротивъ, заповѣдалъ любить враговъ Своихъ и платить имъ добромъ за зло. Непринятый самарянами, Онъ не позволилъ апостоламъ низвести огонь съ неба. Христосъ больше заботился о душахъ враговъ Своихъ, чѣмъ о Своихъ временныхъ страданіяхъ. Если бы люди вѣрили словамъ Христа и слѣдовали Его примѣру, то не было бы войнъ на землѣ. И битвы, и иныя убійства, и всякія враждебныя посягательства на другихъ, и всякое возмездіе зломъ за зло происходятъ только оттого, что мы не любимъ враговъ своихъ и не переносимъ съ терпѣніемъ причиняемыя намъ обиды.

Съ устройствомъ истинно-христіанскаго общества, указанномъ въ

св. писаніи, мечъ и всѣ дѣянія его, т.-е. бои и всякія кровопролитія, не имѣютъ ничего общаго, какъ противныя призванію христіанъ и тѣмъ добродѣтелямъ, которыя имъ приличествуютъ. Христіане соединены одною вѣрою Христовою, молятся другъ за друга: остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, связаны между собою союзомъ любви и мира: можетъ ли послѣ всего этого какой-нибудь изъ давнихъ монаховъ, прославленныхъ святыми, доказать на основаніи вѣры, что у христіанъ должны быть бои и убійства? Христіане, воздвигающіе войны и совершающіе другія кровопролитія, только по имени христіане и послѣдуютъ язычникамъ съ тою только разницею, что язычники не знали Бога и не имѣли участія въ тѣхъ духовныхъ благахъ, на которое имѣютъ притязаніе христіане. Нельзя сравнивать бои между христіанами и съ боями іудейскими, ибо послѣдніе были допущены закономъ.

Христіане, убивающіе другъ друга въ бояхъ, во всякомъ случаѣ лишены участія въ духовныхъ благахъ, обѣтованныхъ Христомъ. Если они будутъ оправдываться тѣмъ, что имъ приходится имѣть слишкомъ много дѣла съ свѣтомъ, и потому некогда думать о высшихъ духовныхъ предметахъ и постигать ихъ, въ такомъ случаѣ имъ можно отвѣтить коротко: напрасно они вѣруютъ во Христа, напрасно крестятся, напрасно признаютъ чистилище, ибо кто не причастенъ Христу вѣрою и любовью, того Христосъ не освободитъ изъ чистилища. Если же христіане считаютъ себя участниками въ страданіяхъ Христовыхъ и надѣются на спасеніе, а въ то же время распинаютъ въ себѣ Христа, убивая другъ друга, тогда ихъ ждетъ наказаніе и проклятія, большія, чѣмъ язычниковъ.

Бои между христіанами противны закону христіанской любви, который возбраняетъ всякое враждебное посягательство на ближняго, на его тѣло, душу, имущество, честь,—дѣломъ или словомъ, а учитъ переносить безропотно тѣ несправедливости, которыя причиняютъ намъ другіе.

Взаимныя же отношенія между христіанами апостолъ опредѣляетъ такъ: „Ни единому же ничимъ же должны бывайте, точію еже любите другъ друга“ (Рим. XIII, 8). Въ этихъ словахъ сказывается разница между дѣлами вѣры и дѣлами языческаго господ-

ства: одни не могутъ быть другими. Поэтому и соединеніе язычества съ христіанствомъ не могло состояться въ самомъ началѣ. Вначалѣ одни находили утѣшеніе пить кровь Христову, другіе проливать кровь человѣческую; теперь же и тѣ и другіе соединились въ общемъ служеніи Богу: пьютъ кровь Христову и точатъ кровь своихъ ближнихъ.

Есть двѣ крайности: или совершенно отвергнуть Бога и отступиться отъ Него или всѣмъ сердцемъ прилѣпиться къ Нему. Но людямъ не легко ни то, ни другое; ибо человѣкъ не такъ порочень, чтобы всецѣло отвергнуть Бога; съ другой же стороны не много найдется и такихъ, которые захотѣли бы всѣмъ сердцемъ прилѣпиться къ Богу. Вѣра, основанная на папскихъ законахъ, представляетъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, и на этомъ большинство людей успокаивается. Она предписываетъ различныя добрыя дѣйствія лживыя и мнимыя, которыя выражаются въ разныхъ внѣшнихъ обрядахъ, и люди думаютъ, что они соблюдаютъ истинную вѣру, исповѣдуя Бога одними устами и выражая свое почитаніе одними внѣшними знаками.

Петръ Хельчицкій.

14-е октября.

Искусство есть человѣческая дѣятельность, имѣющая цѣлью передавать людямъ тѣ высшія и лучшія чувства, до которыхъ дожили люди.

1.

Настоящее произведеніе искусства дѣлаетъ то, что въ сознаніи воспринимающаго уничтожается раздѣленіе между нимъ и художникомъ, и не только между нимъ и художникомъ, но между нимъ и всѣми людьми, которые воспринимаютъ то же произведеніе искусства. Въ этомъ-то освобожденіи личности отъ своего отдѣленія отъ другихъ людей, отъ своего одиночества, въ этомъ-то сліяніи личности съ другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства.

2.

Какъ произведеніе мысли есть только тогда произведеніе мысли, когда оно передаетъ новыя соображенія и мысли, а не повторяетъ того, что извѣстно, точно такъ же и произведеніе искусства только тогда есть произведеніе искусства, когда оно вноситъ новое чувство въ обиходъ человѣческой жизни.

3.

Искусство есть одинъ изъ двухъ органовъ прогресса человѣчества. Черезъ слово человѣкъ общается мыслью, черезъ образы искусства онъ общается чувствомъ со всѣми людьми не только настоящаго, но прошедшаго и будущаго.

4.

Какъ происходитъ совершенствованіе знаній, т.-е. болѣе истинныя, нужныя знанія вытѣсняютъ и замѣняютъ знанія ошибочныя и ненужныя, такъ точно происходитъ совершенствованіе чувствъ посредствомъ искусства, вытѣсняя чувства низшія, менѣе добрыя и менѣе нуж-

ныя для блага людей болѣе добрыми, болѣе нужными для этого блага.

Въ этомъ назначеніе искусства.

5.

Всегда, во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ есть общее всѣмъ людямъ этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно, и это-то религіозное сознаніе и опредѣляетъ достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ.

6.

Христіанское искусство должно сдѣлать то, чтобы чувства братства и любви къ ближнимъ, доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами, инстинктомъ всѣхъ людей. Вызывая въ воображеніи людей чувства братства и любви, христіанское искусство пріучитъ людей въ дѣйствительности испытывать тѣ же чувства. Оно прокладываетъ въ душахъ людей тѣ рельсы, по которымъ естественно пойдутъ поступки людей, воспитанныхъ такимъ искусствомъ.

7.

Сущность христіанскаго сознанія состоитъ въ признаніи каждымъ человѣкомъ своей сыновности Богу и вытекающаго изъ него единенія людей съ Богомъ и между собой, какъ и сказано въ Евангеліи (Іоан. XVII, 21), и потому содержаніе христіанскаго искусства — это такія чувства, которыя содѣйствуютъ единенію людей съ Богомъ и между собой.

8.

Произведеніями христіанскаго искусства могутъ быть только тѣ произведенія, которыя соединяютъ всѣхъ людей безъ исключенія, или тѣмъ, что вызываютъ въ людяхъ сознаніе одинаковости ихъ положенія по отношенію къ Богу и ближнему, или тѣмъ, что вызываютъ въ людяхъ одно и то же чувство, хотя и самое простое, но не противное христіанству и свойственное всѣмъ безъ исключенія людямъ.

9.

Христіанское ученіе такъ измѣнило идеалъ людей, что, какъ сказано въ евангеліи: то, что было велико передъ людьми, стало мерзостью передъ Богомъ. Идеаломъ стало не величіе фараона и римскаго императора, не красота грека или богатства Финикіи, а смиреніе, цѣломудріе, состраданіе, любовь.

Героемъ сталъ не богачъ, а нищій Лазарь; Марія египетская не во время своей красоты, а во время своего покаянія; не пріобрѣтатели богатства, а раздаватели его; живущіе не въ палатахъ, а въ катакомбахъ и хижинахъ.

И высшимъ произведеніемъ искусства—не храмъ побѣды со статуями побѣдителей, а изображеніе души человѣческой, претворенной любовью.

10.

Назначеніе искусства въ наше время въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства истину о томъ, что благо людей въ ихъ единеніи между собою и установить, на мѣсто царствующаго теперь насилія, то царство Божіе, т.-е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшею цѣлью жизни человѣчества.

11.

Разнообразіе чувствъ, вытекающихъ изъ религіознаго сознанія, безконечно, и всѣ они новы, потому что религіозное сознаніе есть не что иное, какъ указаніе новаго отношенія человѣка къ міру, тогда какъ чувства, вытекающія изъ желанія наслажденія, не только ограничены, но давнымъ давно извѣданы и выражены. И потому безвѣріе высшихъ европейскихъ классовъ привело ихъ и къ самому бѣдному, по содержанію, искусству.

Можетъ-быть, въ будущемъ наука откроетъ искусству еще новые, высшіе идеалы, и искусство будетъ осуществлять ихъ; но въ наше время назначеніе искусства ясно и опредѣленно. Задача христіанскаго искусства—осуществленіе братскаго единенія людей.

15-е октября.

Назначеніе человѣка есть соблюденіе своей души. Соблюденіе же своей души есть возращеніе, увеличеніе ея.

1.

„Ибо я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца; воля же пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить“, сказано у Іоанна (VI, 38—39), т.-е. сохранить, возрастить въ себѣ, довести до высшей, возможной степени божественности ту искру разумѣнія, которая дана, поручена мнѣ, какъ дитя нянькѣ. Что же нужно для того, чтобы исполнить это? Не удовлетвореніе похоти, не людская слава, а трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, то самое, что сказано много разъ въ евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и въ малыхъ, и въ большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принять это, какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а не какъ нѣчто досадное, нарушающее наше животное существованіе, которое мы считаемъ жизнью.

2.

Дѣла праведныхъ, это — сѣмена, которыя иногда долго лежатъ неподвижно въ почвѣ исторіи, но, получивъ тепло и влагу, впитавъ въ себя новые, здоровые соки, свѣжія силы, сѣмена эти начинаютъ произрастать, цвѣсти и приносить плоды; посѣянное же насиліемъ и неправдой гніетъ, чахнетъ и безслѣдно исчезаетъ.

Талмудъ.

3.

Сила приходитъ съ ростомъ. Это столь же вѣрно и о духѣ, какъ о тѣлѣ. Если не растетъ вашъ духъ, то вы будете столь же слабы въ духовномъ мірѣ, какъ вы слабы были въ вещественномъ мірѣ, если бы оставались ребенкомъ.

4.

Человѣкъ рожденъ для того, чтобы быть передѣлывателемъ того, что сдѣлалъ человѣкъ, обличителемъ обмановъ, возстановителемъ истины и добра, подражая той великой природѣ, которая обнимаетъ всѣхъ насъ и которая ни минуты не спитъ на старомъ прошедшемъ, но всякій часъ исправляетъ сама себя, давая намъ каждое утро новый день и съ каждымъ часомъ новую жизнь.

Эмерсонъ.

5.

Назначеніе жизни человѣка есть и личное совершенствованіе, и служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнью міра.

...Пока есть жизнь въ человѣкѣ, онъ можетъ совершенствоваться и служить міру. Но служить міру онъ можетъ, только совершенствуясь, а совершенствоваться, только служа міру.

6.

Совершенствоваться значитъ все болѣе и болѣе переносить свое *я* изъ жизни тѣлесной въ жизнь духовную, для которой нѣтъ времени, нѣтъ смерти и для которой все благо.

7.

Отъ пятилѣтняго ребенка до меня только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго—пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость.

Съ дѣтства и до смерти, когда бы ни наступила она, растетъ душа человѣка, все больше и больше сознаетъ свою духовность, приближается къ Богу и совершенствуется. Знаешь ты или не знаешь, хочешь или не хочешь этого, движеніе совершается. Но если ты знаешь и хочешь того, чего хочетъ Богъ, то жизнь становится свободной и радостной.

16-е октября.

Богъ живетъ во всякомъ человѣкѣ. И нѣтъ той души, въ которой не могло бы пробудиться сознаніе Его.

Это пробужденіе и есть то, что въ евангеліи называется воскресеніемъ.

1.

Лепестки цвѣтовъ опадаютъ, когда плодъ начинаетъ расти. Также отпадутъ отъ тебя твои слабости, когда начнетъ расти въ тебѣ сознаніе Бога.

Хотя бы въ продолженіе тысячелѣтій мракъ наполнялъ пространство, оно становится тотчасъ же свѣтло, когда свѣтъ проникаетъ въ него. Такъ и твоя душа: какъ бы долго она ни была поглощена мракомъ, она тотчасъ вся освѣтится, какъ только Богъ откроетъ въ ней глаза Свои.

Браминская мудрость.

2.

Самоуваженіе есть наше выражающееся въ жизни созерцаніе божества въ человѣкѣ. Оно имѣетъ глубокія основы въ религіи. Лучшій примѣръ этого есть величіе въ смиреніи. Никакой аристократъ, ни принцъ, рожденный на тронѣ, не можетъ сравниться въ самоуваженіи съ святымъ. Святой униженъ потому, что онъ хочетъ быть такимъ, опираясь на величіе Бога, котораго онъ чувствуетъ въ себѣ.

Эмерсонъ.

3.

Искусенъ тотъ, кто знаетъ людей; но истинно просвѣщенъ тотъ, кто знаетъ самого себя.

Кто знаетъ самого себя—тотъ познаетъ Бога.

Восточная мудрость.

4.

Богъ близко отъ тебя, Онъ съ тобой, Онъ въ тебѣ. Святой Духъ пребываетъ въ насъ, всегда свидѣтель нашихъ добрыхъ и

дурныхъ дѣлъ, и какъ мы поступаемъ съ нимъ, такъ и онъ поступаетъ съ нами. Человѣкъ не можетъ быть хорошъ безъ Бога.

Цицеронъ.

Если человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ силы Божьей, это не доказываетъ того, что сила Божья не живетъ въ человѣкѣ, а только то, что человѣкъ не научился еще сознавать ее въ себѣ.

17-е октября.

Если есть люди и есть Богъ, то не можетъ не быть отношенія между Богомъ и людьми. И то отношеніе, которое было въ древнія времена, не важнѣе, не обязательнѣе того, которое есть теперь. Теперешнее отношеніе понятнѣе и ближе, и потому не теперешнее отношеніе должно быть провѣряемо древнимъ, а наоборотъ.

1.

Какъ удивительно то, что міръ терпитъ и воспринимаетъ изъ высшихъ откровеній истины только самыя древнія и теперь уже несвоевременныя, но всякое прямое откровеніе, всякую самобытную мысль онъ считаетъ ничтожною, иногда прямо ненавидитъ.

Торо.

2.

Религіозное сознаніе человѣчества не неподвижно, а не переставая измѣняется, болѣе и болѣе уясняясь и очищаясь.

3.

Когда кто-либо привязывается къ одной какой-нибудь, хотя бы и вѣрной, идеи, то онъ, въ сущности, попадаетъ въ то же положеніе, въ какомъ находился бы человѣкъ, привязавшій себя къ столбу, для того чтобы не заблудиться. То, что можетъ быть

желанной истиной на извѣстной ступени духовнаго роста, можетъ быть помѣхой къ этому росту и заблужденіемъ на другой, болѣе высокой ступени.

Люси Малори.

4.

Одно изъ самыхъ питающихъ всѣ наши метафизическія понятія суевѣрій есть суевѣріе о томъ, что міръ сотворенъ, что онъ произошелъ изъ ничего, и что есть Богъ творящій.

Въ сущности, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога творца и никакой нужды (китайцы и индѣйцы не знаютъ этого понятія), а между тѣмъ Богъ творецъ и промыслитель не можетъ совмѣститься съ христіанскимъ Богомъ-отцомъ, Богомъ-духомъ,—Богомъ, частица котораго живетъ во мнѣ, составляетъ мою жизнь, и проявить и вызвать которую составляетъ смыслъ моей жизни,—Богомъ-любовью.

Богъ творецъ равнодушенъ и допускаетъ страданіе и зло. Богъ-духъ избавляетъ отъ страданія и зла и есть всегда совершенное благо.

Есть я, познающій данными мнѣ орудіями чувствъ міръ и знающій внутренно своего Отца-Бога, но Бога-Творца я не знаю и не могу знать.

Есть много хорошаго въ Библіи, и въ Упанишадахъ, и въ Евангеліи, и въ Коранѣ, и у Будды, и у Конфуція, и въ писаніяхъ стоиковъ, но больше всего нужнаго, понятнаго, близкаго въ ближайшихъ намъ религіозныхъ мыслителяхъ.

18-е октября.

Въ настоящемъ только проявляется свободная божественная сила жизни, и потому дѣятельность настоящаго должна имѣть свойства божественнаго, т.-е. должна быть разумна и добра.

1.

Тогда Іисусъ сказалъ имъ: еще на малое время свѣтъ есть съ вами: ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма, а ходящій во тьмѣ не знаетъ, куда идетъ. Iн. XII, 35.

2.

Каждый знаетъ, что всякая привычка отъ упражненія усиливается и укрѣпляется. Напримѣръ, чтобы сдѣлаться хорошимъ ходокомъ, надо часто и много ходить; чтобы сдѣлаться хорошимъ бѣгуномъ, надо много бѣгать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать, и т. д. Наоборотъ, если перестанешь дѣлать то, къ чему привыкъ, то и сама привычка понемногу пропадетъ. Если ты, напримѣръ, пролежишь 10 дней не вставая, и потомъ станешь ходить, то увидишь, какъ слабы стали твои ноги. Значитъ, если ты хочешь привыкнуть къ какому-нибудь дѣлу, то тебѣ нужно часто и много дѣлать это дѣло; и наоборотъ, если ты желаешь отвыкнуть отъ чего-нибудь, то не дѣлай этого. То же самое бываетъ и со способностями нашей души: когда ты сердишься, то знай, что ты дѣлаешь не одно это зло, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ты усиливаешь въ себѣ привычку къ гнѣву, — ты подкладываешь дровъ въ огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только въ этомъ—и больше ничего: нѣтъ, ты въ то же время усилилъ еще привычку къ похотливымъ поступкамъ. Всякій разумный человѣкъ скажетъ тебѣ, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желанія такъ именно и усиливаются. А потому, если ты не хочешь пріучать себя къ гнѣву, то всячески сдерживай свой гнѣвъ и не давай привычкѣ нарастать. Но какимъ путемъ пріобрѣтается такая сила въ борьбѣ съ своими помыслами?

Въ борьбѣ съ соблазнительными мыслями бываетъ полезно искать общества людей болѣе добродѣтельныхъ, чѣмъ ты самъ, или вспоминать и читать поученія мудрыхъ людей, жившихъ прежде тебя. Истинный борецъ — тотъ, кто борется со своими порочными помыслами. Борьба эта святая и приближаетъ тебя къ Богу. Отъ успѣшности ея зависитъ спокойствіе и счастіе твоей жизни. Помни

всегда два времени: одно—настоящее время, въ которое, уступивъ порочнымъ помысламъ, ты будешь наслаждаться похотью, и другое—время, въ которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также въ соображеніе то удовольствіе, которое будешь испытывать, если воздержишься. Помни и то, что трудно будетъ воздержаться, если однажды преступилъ мѣру. Но если ты будешь уступать своимъ порочнымъ помысламъ и увѣрять себя, что ты побѣдишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этимъ доведешь себя до такой слабости и болѣзненности, что на будущее время перестанешь даже замѣчать свои ошибки, а если и замѣтишь, то у тебя всегда найдется готовое оправданіе для всѣхъ твоихъ порочныхъ поступковъ. Эпиктетъ.

3.

Помни, что если ты можешь сдѣлать хорошее дѣло, оказать любовь кому-нибудь, то надо дѣлать это сейчасъ, потому что пройдетъ случай и не возвратится.

4.

Только тогда мы сумѣемъ воспользоваться каждой минутой, когда мы будемъ увѣрены въ своей вѣчности...

Только когда мы внесемъ въ нее высоту нашего духа, самая ничтожная обязанность не будетъ казаться намъ низкой.

Мартино.

Всякое раскаяніе полезно, потому что оно есть всегда сожалѣніе о томъ, что не воспользовался настоящимъ такъ, какъ было свойственно той силѣ, которая проявляется въ настоящемъ. Раскаяніе есть напоминаніе о томъ, какъ должно поступать въ настоящемъ.

19-е октября.

Смыслъ жизни открывается тотчасъ же тому, кто готовъ покориться тому, что откроется ему, и скрывается отъ того, кто впередъ уже рѣшилъ, что онъ признаётъ истиннымъ только такой смыслъ жизни, который не нарушитъ любимой имъ и привычной ему жизни.

1.

„Что я? Что долженъ я дѣлать? Во что могу я вѣрить и на что надѣяться? къ этому сводится все въ философіи“ (Лихтенбергъ). Изъ этихъ вопросовъ главный — средній. Если человѣкъ узнаетъ, что ему дѣлать, то онъ узнаетъ все, что ему нужно знать. И въ этомъ отвѣтѣ найдетъ отвѣты и на первый и на третій.

2.

О томъ, какъ сохранить платье отъ моли, желѣзо отъ ржавчины, картофель отъ гніенія и т. п., мое мнѣніе можетъ измѣняться, но какъ сохранить отъ гніенія душу, мнѣ нечему учиться, мнѣ надо только исполнять *то, что я знаю.* Торо.

3.

Блаженъ тотъ, кто нашелъ свое дѣло; пусть онъ не ищетъ другого блаженства. У него есть дѣло и цѣль жизни, онъ нашелъ его и будетъ слѣдовать ей. Карлейль.

4.

Горе людямъ, которые видятъ, не зная что, которые стоятъ, не зная на чемъ. Талмудъ.

5.

Горе людямъ, не знающимъ смысла своей жизни, а между тѣмъ увѣренность въ томъ, что этого нельзя знать, такъ распространена между людьми, что они даже гордятся какъ мудростью тѣмъ что не желаютъ знать этого. Паскаль.

6.

Человѣкъ сидитъ въ тюрьмѣ и не знаетъ, какой приговоръ о немъ постановленъ. У него остается всего часъ времени для того, чтобы узнать объ этомъ, и если онъ узнаетъ, что онъ приговоренъ къ смерти, то этого часа достаточно, чтобы ему выхлопотать отмѣну этого приговора. Неужели же онъ употребитъ этотъ часъ не на то, чтобы узнать, каковъ приговоръ, а на игру въ карты? Это было бы ни съ чѣмъ несообразно. А между тѣмъ такъ точно поступаютъ люди, не думающіе о Богѣ и о вѣчности.

Паскаль.

7.

Всякая птица знаетъ, гдѣ дѣлать свое жилище. Зная, гдѣ ея жилище, она показываетъ, что знаетъ свое назначеніе. Неужели человѣкъ, умнѣйшее изъ всѣхъ существъ, не можетъ знать того же, что и птица?

Китайская мудрость.

Уразумѣніе истиннаго смысла жизни или неразрѣшимо, или такъ просто, что открывается малоумнымъ и младенцамъ.

20-е октября.

Жизнь человѣка только тогда разумна, когда она понимается какъ служеніе.

1.

Одно только мы знаемъ несомнѣнно, что насъ ждетъ смерть. „Подобна ласточкѣ, пролетѣвшей черезъ комнату, жизнь человѣка“. Мы приходимъ невѣдомо откуда, и уходимъ неизвѣстно куда. Непроницаемая тьма позади, густыя тѣни впереди. Какое значеніе будетъ имѣть для насъ, когда придетъ наше время, что мы ѣли вкусныя кушанья или не ѣли, носили мягкія одежды или

не носили, оставили большое состоянiе или не оставили никакого, пожинали лавры или были презираемы, считались учеными или невѣждами,—сравнительно съ тѣмъ, какъ мы употребили ввѣренный намъ Господиномъ талантъ.

Какую цѣну будетъ имѣть для насъ все это, когда потускнѣютъ наши глаза и сдѣлаются глухи наши уши, и когда изъ мрака выдѣлится рука и среди молчанiя послышится голосъ: „Добрый и вѣрный рабъ: ты былъ вѣренъ надъ немногимъ, и Я поставлю тебя надъ многимъ; войди же въ радость Господина твоего".

Генри Джорджъ.

2.

Тотъ, кто признаетъ лучъ божественной силы въ мельчайшихъ вещахъ мiра, тотъ человѣкъ высокаго пониманiя и высокихъ стремленiй. Такой человѣкъ уважаетъ себя и другихъ и не пренебрегаетъ ничтожными дѣлами, но смотритъ на нихъ, какъ на дѣло божескаго поклоненiя.

Персидская Желаледжинъ Руми.

3.

Добродѣтель есть служенiе, которое обязанъ совершать человѣкъ самому себѣ. Если бы не было ни неба, ни Бога, управляющаго мiромъ, добродѣтель была бы все-таки обязательнымъ закономъ жизни. Знать, что справедливо и исполнять это, въ этомъ преимущество человѣка.

Рамаяна.

4.

Разсматривайте всѣ ваши дарованiя и знанiя, какъ средства, нужныя вамъ для помощи другимъ.

Сильному и мудрому даны его дары не для того, чтобы угнетать, а чтобы руководить и поддерживать слабаго.

Джонъ Рёскинъ.

5.

Сойдясь съ человѣкомъ, думай не о томъ, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ тебѣ, а о томъ, чѣмъ ты можешь служить ему.

6.

Намъ данъ полнѣйшій законъ всѣхъ дѣйствій нашихъ, тотъ законъ, котораго не можетъ стѣснить или остановить никакая власть, который можно внести даже въ тюремныя стѣны.

7.

Ясно то, что моя жизнь въ этомъ Божьемъ мірѣ имѣетъ значеніе не самостоятельное, но служебное. Ясно, что въ плотскомъ эгоистическомъ смыслѣ намъ предстоитъ быть побѣжденными и предстоитъ умереть; это видятъ наши глаза, объ этомъ говоритъ нашъ разумъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся природа; таковъ законъ жизни Божьяго міра, такъ угодно Богу. И человѣкъ, который достигъ этого пониманія, мало-по-малу, по мѣрѣ уясненія истины, теряетъ охоту бороться и враждовать съ людьми за блага своей плотской жизни, за блага этого, какъ оказывается, чужого, временнаго и жестокаго владыки.

Бука.

Ищите только для себя доброй жизни—и вы исполните вполнѣ предназначенное вамъ служеніе.

Недѣльное чтеніе.

Ламенэ.

Большіе умы и горячіе сердца, тѣ люди, которые оставляютъ послѣ себя глубокій слѣдъ, представляютъ въ своей жизни съ особенной яркостью тѣ самыя ступени развитія, которыя проходятся, въ большей или меньшей степени, всѣми обыкновенными людьми.

Ступени эти такія: 1) Дѣтская, внушенная вѣра, полное подчиненіе авторитету, спокойное и увѣренное общеніе со всѣми окружающими. 2) Углубленіе въ сущность этой внушенной и принятой по довѣрію вѣры, невысказанныя сомнѣнія въ ея истинности и особенный задоръ въ ея утвержденіи и распространеніи. Одобреніе и восхваленіе со стороны окружающихъ. 3) Попытка очистить принятое за вѣру вѣроученіе отъ всего ложнаго, излишняго, суевѣрнаго, улучшить его и на немъ основать жизнь: разрывъ съ прежде сочувствовавшими, ихъ недоброжелательство, и, наконецъ, 4) совершенное освобожденіе отъ принятаго по довѣрію ученія, признаніе только того, что согласно съ разумомъ и совѣстью, сознаніе своего одиночества среди людей и единства съ Богомъ, высокая и сильная любовь малаго числа близкихъ, и страхъ и ненависть большинства и конецъ.

Всѣ люди, хотятъ они или не хотятъ этого, болѣе или менѣе сознательно проходятъ эти ступени. Сначала 1) полное довѣріе, потомъ 2) иногда чуть замѣтныя, но все-таки сомнѣнія, потомъ 3) иногда самыя слабыя, но все-таки попытки кое-какъ утвердить свое пониманіе жизни и, наконецъ, 4) становленіе лицомъ къ лицу съ Богомъ, полное познаніе истины, одиночество и конецъ. Всѣ

люди проходятъ эти состоянія, но у Ламенэ они проявились особенно сильно и плодотворно.

Фелиситэ Ламенэ родился въ Бретани въ 1782 году. Въ 1816-мъ онъ былъ посвященъ въ священники. Хотя Ламенэ былъ всегда религіозенъ съ дѣтства, онъ пошелъ въ священники не по одному своему желанію. Изъ писемъ Ламенэ видно, что онъ сталъ священникомъ только потому, что на этомъ настаивали его близкіе. Родные его, видя его религіозность, хотѣли употребить ее на пользу церкви. И дѣйствительно, Ламенэ, сдѣлавшись священникомъ, всѣ силы свои посвятилъ на служеніе своей католической церкви, въ истинности которой онъ не сомнѣвался. Ламенэ видѣлъ упадокъ вѣры въ обществѣ и народѣ и старался поднять ее, доказавъ ея истинность преимущественно тѣмъ, что католичество самая распространенная религія, признаваемая большинствомъ человѣчества. По его тогдашнему мнѣнію, истинность не постигается отдѣльнымъ человѣкомъ, истина постигается только совокупностью людей. Наибольшее количество признаетъ католичество, и потому истинность католичества несомнѣнна. А такъ какъ католичество представляетъ изъ себя высшую истину, то этой истинѣ должно подчиняться и государство. Государство не можетъ быть безъ религіи, религія не можетъ быть безъ церкви, церковь—безъ папы.

Таково было тогда убѣжденіе Ламенэ. Въ этомъ духѣ написано имъ одно изъ первыхъ его сочиненій: „Опытъ о равнодушіи въ дѣлахъ вѣры“. Это былъ первый фазисъ душевнаго состоянія Ламенэ,—вѣры безъ сомнѣній. Такъ какъ Ламенэ возлагалъ надежды на государственную власть, какъ на защитницу католической религіи, то эти мысли сблизили его съ крайними защитниками монархической власти, и онъ сталъ писать въ газетѣ „Консерваторъ“. Въ газетѣ этой онъ занималъ исключительное положеніе, и въ то время, какъ сотрудники его писали въ защиту и пользу монархіи, Ламенэ всегда и прежде всего имѣлъ въ виду религію; монархическая власть интересовала его только въ той мѣрѣ, въ которой она могла содѣйствовать торжеству католичества. Но скоро Ламенэ увидалъ, что интересы власти и религіи не только не одинаковы, но большей частью противоположны; такъ что даже иногда власти выгодно притѣснять религію. Увидавъ это, Ламенэ измѣнилъ

свой взглядъ и, перейдя въ другую газету, сталъ уже отъ власти требовать не помощи для религіи и союза съ ней, а полной свободы и невмѣшательства въ дѣла религіи. Ламенэ не могъ остановиться и на этомъ и вскорѣ пошелъ еще далѣе и сталъ требовать отдѣленія церкви отъ государства и, осуждая правительственную власть, невольно сталъ на сторону революціонеровъ, оправдывая революцію 1830 года. Это былъ второй фазисъ душевнаго состоянія Ламенэ.

Во время революціи 30-го года Ламенэ сталъ въ сотрудничествѣ съ Монталамберомъ, Лакордеромъ издавать журналъ „Будущность", въ которомъ проповѣдывалось: 1) отдѣленіе церкви отъ государства, 2) гарантіи личности, 3) уничтоженіе палаты пэровъ и крайностей централизаціи, 4) уничтоженіе обязательнаго ценза и установленіе всеобщаго голосованія. Въ этой газетѣ онъ высказывалъ мысль о томъ, что какъ государственная власть не должна вмѣшиваться въ церковныя дѣла, такъ и церковная власть не должна участвовать въ государственныхъ дѣлахъ, и потому папа долженъ отказаться отъ свѣтской власти, а духовенство—отъ государственнаго жалованья. Такія мысли не могли найти сочувствія въ Римѣ. Предвидя это, Ламенэ поѣхалъ туда, надѣясь убѣдить папскую власть въ необходимости такихъ уступокъ, ради удержанія народовъ во власти церкви. Но въ Римѣ Ламенэ не былъ принятъ папой, и на его предложеніе ему не дали никакого отвѣта. Уже сильно разочарованный въ надеждѣ обновить католичество, Ламенэ вернулся въ Парижъ и еще нѣкоторое время продолжалъ издавать свой журналъ, въ которомъ высказывалъ мысль о необходимости измѣненія формъ католичества для того, чтобы оно могло продолжать властвовать надъ народами. Это былъ третій фазисъ.

Въ 1832-мъ году вышла папская энциклика, осуждавшая всѣ мысли, выражаемыя Ламенэ, и, какъ ни тяжело было Ламенэ отказаться отъ всего того; чему онъ вѣрилъ и служилъ, онъ призналъ неизлѣчимость, неисправимость католичества. Съ этого времени онъ прервалъ всѣ сношенія съ Римомъ и написалъ свое знаменитое сочиненіе „Слова вѣрующаго". Въ формѣ библейскихъ псалмовъ и евангельскихъ притчъ, Ламенэ въ этомъ сочиненіи нападаетъ на существующій экономическій и политическій строй, стоящій въ

противорѣчіи съ требованіями религіи. Книга эта тотчасъ же была осуждена папой. И тогда Ламенэ уже совсѣмъ отдѣлился отъ церкви и посвятилъ послѣдніе годы своей жизни служенію народу; это былъ 4-й и послѣдній фазисъ.

Послѣдніе годы своей жизни Ламенэ провелъ вдали отъ политической дѣятельности, почти въ уединеніи и бѣдности, посвятивъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ. Онъ между прочимъ кончилъ набросокъ „философіи“ и написалъ одно изъ лучшихъ комментарій къ своимъ четыремъ евангеліямъ.

Основная мысль Ламенэ, которую онъ выражалъ во всѣхъ своихъ книгахъ, статьяхъ и рѣчахъ (когда онъ былъ депутатомъ въ парламентѣ), въ томъ, что народъ долженъ быть самъ рѣшателемъ своихъ судебъ и устроителемъ своей жизни. Какъ и въ защитѣ католической церкви, онъ руководствуется тѣмъ же принципомъ, что носителемъ истины и нравственнаго совершенства можетъ быть не отдѣльный человѣкъ, а совокупность людей—толпа, нація и въ своемъ предѣлѣ человѣческій родъ. Предоставляя полную власть народу, Ламенэ однако не переставая доказывалъ, что никакія внѣшнія реформы и перемѣны въ области государственнаго устройства не могутъ улучшить положеніе народа, если народъ не будетъ постоянно стремиться къ нравственному совершенствованію“. Желайте лишь справедливаго,—говорилъ онъ народу.—Справедливость всегда восторжествуетъ. Уважайте право даже тѣхъ, кто попираетъ ваше право. Пусть безопасность и собственность всѣхъ безъ исключенія будетъ для васъ священна. Долгъ для всѣхъ и всегда обязателенъ. Если вы разъ нарушите долгъ, гдѣ вы остановитесь? Безпорядку не помогаютъ безпорядкомъ. Въ чемъ обвиняютъ васъ ваши враги? Въ томъ, что вы хотите замѣнить вашимъ господствомъ ихъ господство, хотите злоупотреблять властью, какъ злоупотребляютъ они,—въ томъ, что вы питаете мысли о мести, тиранническія намѣренія. Отсюда неопредѣленный страхъ въ умахъ, которымъ ваши враги ловко пользуются, чтобы продолжить ваше рабство.

Ничто невозможно въ соціальной области безъ духовной работы въ общественныхъ глубинахъ,—говорилъ онъ.

Къ соціалистическимъ коммунистическимъ системамъ Ламенэ

всегда относился отрицательно. По его мнѣнію, ученія эти не принимаютъ во вниманіе законы человѣческой природы, замѣняя естественный ходъ жизни насиліемъ власти. Онъ не одобрялъ эти ученія преимущественно за то, что всѣ они имѣли въ виду лишь матеріальныя цѣли и не признавали необходимости религіи. Во всякомъ общественномъ устройствѣ онъ считалъ необходимымъ не матеріальныя, а духовныя цѣли, достигаемыя побѣдой разума и долга надъ страстями.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Ламенэ заболѣлъ и, почувствовавъ, что болѣзнь его была смертельной, призвалъ своего друга Барбэ и назначилъ его распорядителемъ при его жизни въ домѣ во время болѣзни и послѣ смерти по завѣщанію. Кромѣ того, онъ оставилъ письменное заявленіе, что желаетъ быть погребеннымъ среди бѣдныхъ и какъ бѣдный; на могилѣ просилъ не ставить никакого памятника, тѣло должно быть перенесено прямо на кладбище и не вносимо въ церковь. Несмотря на всѣ попытки духовенства вернуть его къ церкви, Ламенэ, какъ и раньше, на всѣ такого рода попытки отвѣчалъ кроткимъ, но рѣшительнымъ отказомъ принять священника. Онъ умеръ спокойно и твердо съ той же живой вѣрой въ Бога, съ которой жилъ все время своей сознательной жизни. Послѣднія слова его были: я чувствую, что конецъ пришелъ, надо покориться волѣ Божіей, мнѣ будетъ хорошо, когда я буду съ Нимъ. И въ самыя послѣднія минуты онъ повторилъ нѣсколько разъ: „это счастливая минута“. Онъ умеръ 27 февраля 1854 года.

Дѣло Ламенэ, „l'œuvre“, какъ говорятъ французы, очень большое и далеко неоцѣненное. Онъ, какъ и всѣ большіе умы и горячіе сердца, проложилъ тотъ путь, по которому неизбѣжно пойдетъ и идетъ ужъ человѣчество, путь освобожденія отъ внѣшней, отрѣшенной отъ жизни, ложно-христіанской вѣры и установленіе того основного христіанскаго ученія, которое измѣняетъ, какъ жизнь, отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣческаго общества.

Л. Толстой.

21-е октября.

Какъ бури волнуютъ воды и уничтожаютъ ихъ прозрачность, такъ и страсти, тревоги, страхи, смущая душу, мѣшаютъ человѣку сознавать свою сущность.

1.

Люди съ великой и прекрасной душой всегда спокойны и довольны; люди, ничтожные духомъ, все недовольны и печальны.

Манчжурская пословица.

2.

Люди затрудняются, безпокоятся и волнуются только тогда, когда они заняты внѣшними дѣлами, отъ нихъ не зависящими. Въ этихъ случаяхъ они тревожно спрашиваютъ себя: „Что я стану дѣлать? что-то будетъ? что изъ этого выйдетъ? какъ бы не случилось того или другого". Такъ бываетъ съ тѣми, которые постоянно заботятся о томъ, что имъ не принадлежитъ.

Наоборотъ, человѣкъ, занятый тѣмъ, что отъ него самого зависитъ, и полагающій свою жизнь въ работѣ самосовершенствованія, не станетъ такъ тревожить себя. Если бы онъ и сталъ безпокоиться о томъ, удастся ли ему держаться истины и избѣгать лжи, то я сказалъ бы: успокойся,—то, что тревожитъ тебя, находится въ твоихъ собственныхъ рукахъ; гляди только за своими мыслями и поступками и старайся всячески исправлять себя. Такъ и не говори: „Что-то будетъ?" Все, что ни случится, ты обратишь себѣ въ поученіе и пользу.

— А если я умру въ борьбѣ съ несчастіями?

— Ну, что же? Въ такомъ случаѣ ты умрешь смертью человѣка честнаго, совершая то, что ты долженъ совершать. Нужно же тебѣ все равно умереть, и смерть должна же застать тебя за какимъ-нибудь дѣломъ. Я былъ бы доволенъ, если бы смерть застала меня за дѣломъ, достойнымъ человѣка, за дѣломъ добрымъ

и полезнымъ всѣмъ людямъ; или чтобы она застала меня въ то время, когда я стараюсь исправлять себя. Тогда я могъ бы поднять руки къ Богу и сказать Ему: „Господи, Ты знаешь Самъ, насколько я воспользовался тѣмъ, что Ты далъ мнѣ для пониманія Твоихъ законовъ. Упрекалъ ли я Тебя? Возмущался ли противъ того, что со мною случилось? Уклонялся ли отъ исполненія своего долга? Благодарю Тебя за то, что я родился, за всѣ дары Твои. Я пользовался ими довольно; возьми ихъ назадъ и распорядись ими какъ Тебѣ угодно,—вѣдь они Твои!“

Можетъ ли быть лучшая смерть? Чтобы дожить до такой смерти, тебѣ не нужно многаго лишиться, хотя, правда, этимъ самымъ ты много пріобрѣтешь. Если же ты захочешь удержать то, что не твое, то ты непремѣнно потеряешь и то, что твое.

Кто хочетъ имѣть успѣхъ въ мірскихъ дѣлахъ, тотъ не спитъ по цѣлымъ ночамъ напролетъ, постоянно хлопочетъ и суетится, поддѣлывается къ сильнымъ людямъ и вообще поступаетъ какъ подлый человѣкъ. И въ концѣ концовъ чего онъ всѣмъ этимъ добился? Онъ добился того, что его окружаютъ нѣкоторыми почестями, что его боятся и что онъ, сдѣлавшись начальникомъ, распоряжается другими людьми. Неужели же ты не захочешь сколько-нибудь потрудиться для того, чтобы освободить себя отъ всѣхъ такихъ заботъ и спать спокойно, ничего не боясь и ничѣмъ не мучаясь? Но знай, что такое спокойствіе души не достается даромъ.

Эпиктетъ.

3.

Кто положилъ свою жизнь въ свѣтѣ разумѣнія и служитъ ему, для того не можетъ быть отчаянныхъ положеній въ жизни, тотъ не знаетъ мученій совѣсти, не боится одиночества и не ищетъ шумнаго общества,—такой человѣкъ имѣетъ высшую жизнь, не бѣжитъ отъ людей и не гоняется за ними. Его не смущаютъ помыслы о томъ, надолго ли духъ его заключенъ въ плотской оболочкѣ; поступки такого человѣка будутъ всегда одинаковы, даже въ виду близкой смерти. Для него одна забота—жить разумно въ мирномъ общеніи съ людьми.

Маркъ Аврелій.

4.

Когда человѣкъ ясно узнаетъ свое мѣсто въ мірѣ навсегда, то опредѣлится и настроеніе его души. Когда настроеніе души опредѣлится, то прекратится всякое душевное волненіе. Когда прекратится душевное волненіе, то будетъ полное спокойствіе души, а человѣкъ, обладающій ненарушимымъ душевнымъ спокойствіемъ, будетъ способенъ къ работѣ мысли. Такой человѣкъ бываетъ воспріимчивъ ко всему истинному.

Конфуцій.

5.

Истинная сила человѣка не въ порывахъ, а въ ненарушимомъ, спокойствіи.

Всегдашнее спокойствіе невозможно и, вѣроятно, не нужно; но когда наступаютъ времена спокойствія, надо дорожить ими, стараться продлить ихъ. Это тѣ времена, въ которыхъ возникаютъ, уясняются и укрѣпляются мысли—руководители жизни.

22-е октября.

Себялюбіе есть начинающаяся гордость. Гордость—это незадержанное распустившееся себялюбіе.

1.

Кто не питаетъ отвращенія къ своему самолюбію, къ тому инстинкту, который заставляетъ его ставить себя выше всего въ мірѣ, тотъ вполнѣ ослѣпленъ, потому что ничто такъ не противорѣчитъ справедливости и истинѣ. Это ложно само въ себѣ, потому что нельзя быть выше всего въ мірѣ и кромѣ того и несправедливо, такъ какъ всѣ требуютъ себѣ того же.

Паскаль.

2.

Есть два сорта людей: одни—праведны, но считаютъ себя грѣшниками; другіе—грѣшны, но считаютъ себя праведниками.

Паскаль.

3.

Человѣкъ есть дробь. Числитель, это — сравнительно съ другими—достоинства человѣка; знаменатель—это оцѣнка человѣкомъ самого себя. Увеличить своего числителя—свои достоинства — не во власти человѣка, но всякій можетъ уменьшить своего знаменателя—свое мнѣніе о самомъ себѣ, и этимъ уменьшеніемъ приблизиться къ совершенству.

4.

Чѣмъ легче и менѣе плотно вещество, тѣмъ болѣе оно занимаетъ мѣста. Такъ и гордость.

5.

Недостатокъ многихъ людей — это желаніе поставить себя учителемъ надъ другимъ, тогда какъ имъ слѣдовало бы еще долго быть учениками.

Восточная мудрость.

6.

Плохое колесо всегда громче скрипитъ. Пустой колосъ выше стоитъ.

7.

Самая природа наша противна смиренію, сердце наше возмущается при одной мысли о презрѣніи, объ униженіи; мы тщательно скрываемъ все, что можетъ унизить насъ въ глазахъ другихъ, мы стараемся скрыть это отъ самихъ себя; мы не хотимъ видѣть себя такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ. Если мы не можемъ еще быть смиренны, возненавидимъ, по крайней мѣрѣ, гордость нашу, будемъ стараться исцѣлиться отъ этого ужаснаго зла.

Главное дѣло жизни есть самосовершенствованіе. А какое же возможно самосовершенствованіе, когда человѣкъ считаетъ себя настолько лучше другихъ, что можетъ гордиться передъ ними.

23-е октября.

Совѣсть есть сознаніе своего назначенія въ мірѣ.

1.

„Совѣсть! Дѣтскія заблужденія, предразсудки воспитанія, — слышу я дружные голоса мнимыхъ мудрецовъ. — Въ умѣ человѣка нѣтъ ничего, кромѣ того, что дано опытомъ“, говорятъ они.

Даже больше, они дерзаютъ отвергать очевидное и всеобщее согласіе всѣхъ народовъ, и противъ поразительнаго единства сужденій всѣхъ людей о томъ, что добро и что зло, они разыскиваютъ какой-нибудь примѣръ, извѣстный имъ однимъ, какъ будто свойства всѣхъ людей могутъ быть уничтожены извращеніемъ какого-нибудь описываемаго путешественникомъ темнаго народца, и что какъ только доказано, что есть уроды, то свойство всего рода ничего не значитъ. Всѣ, говорятъ, содѣйствуютъ общему благу ради своей выгоды. Но почему же есть люди, которые служатъ общему благу для своей явной невыгоды? Какъ это идти на смерть ради своей выгоды? Конечно, каждый дѣйствуетъ для своего блага, но если нѣтъ нравственнаго, духовнаго блага, то объяснить выгодой можно только поступки злыхъ людей. Какая ужасная философія была бы та, при которой нельзя было бы объяснить добродѣтельные поступки иначе, какъ подыскавъ для нихъ подлыя побужденія.

Совѣсть! Да, совѣсть вѣрный судья добра и зла, то, что дѣлаетъ человѣка подобнымъ Богу, только совѣсть составляетъ превосходство природы человѣка. Безъ совѣсти въ человѣкѣ нѣтъ ничего, что возвышало бы его надъ животнымъ, кромѣ печальнаго преимущества блуждать отъ заблужденія къ заблужденію, благодаря разсудку безъ руководства и разуму безъ основы.

Руссо.

2.

Не дѣлай того, что осуждаетъ твоя совѣсть, и не говори того, что несогласно съ правдой. Соблюдай это самое важное, и ты исполнишь всю задачу своей жизни.

Никто не можетъ насиловать твою волю; на нее нѣтъ ни вора, ни разбойника; не желай неразумнаго, желай общаго блага, а не личнаго, какъ большая часть людей.

Задача жизни не въ томъ, чтобы быть на сторонѣ большинства, а въ томъ, чтобы жить согласно съ внутреннимъ сознаваемымъ тобою закономъ. Маркъ Аврелій.

3.

Тысячи внѣшнихъ голосовъ зовутъ насъ куда-то въ сторону, но только одинъ внутренній, слабый голосъ совѣсти можетъ быть нашимъ надежнымъ руководителемъ. Люси Малори.

4.

Всѣмъ людямъ свойственно грѣшить.

Различіе между людьми бываетъ въ степени угрызеній совѣсти послѣ грѣха. Альфіери.

Нельзя бороться съ требованіями совѣсти—это требованія Бога, и потому лучше сразу покориться имъ.

24-е октября.

Если бы основа жизни всѣхъ насъ не была бы одна и та же, ничѣмъ нельзя бы было объяснить испытываемое нами чувство состраданія.

1.

Ничѣмъ нельзя смягчить нашего гнѣва, даже справедливаго, такъ быстро, какъ сказавши гнѣвающемуся: „да вѣдь онъ—не-

счастный!“ Ибо, что дождь для огня, то и состраданіе для гнѣва. Пусть всякій человѣкъ, воспылавъ гнѣвомъ противъ другого человѣка и задумавъ причинить ему страданіе,—живо представитъ себѣ, что онъ уже сдѣлалъ это, и видитъ теперь его страдающимъ духовно или тѣлесно, или въ борьбѣ съ нуждой и нищетой, и можетъ сказать себѣ: это дѣло моихъ рукъ. Если не другое что, то это можетъ потушить его гнѣвъ.

Шопенгауэръ.

2.

Прямой путь или правило поведенія, которому надо слѣдовать,—недалеко отъ людей. Если люди ставятъ себѣ за правило поведенія то, что далеко отъ нихъ, т.-е. несогласно съ ихъ природой, то оно не должно быть принимаемо за правило поведенія. Плотникъ, вытесывающій топорище, имѣетъ предъ собою образецъ того, что дѣлаетъ. Взявъ въ руки топорище того топора, которымъ онъ тешетъ, онъ смотритъ на него съ той и другой стороны и послѣ того, какъ сдѣлалъ новое топорище, разсматриваетъ ихъ оба, чтобы видѣть, насколько они сходны; такъ и мудрый человѣкъ, который питаетъ къ другимъ такія же чувства, какъ онъ питаетъ къ себѣ, находитъ вѣрное правило поведенія. Онъ не дѣлаетъ другимъ того, что онъ не желаетъ, чтобы ему сдѣлали.

Конфуцій.

3.

Когда ты бранишь человѣка и враждуешь съ нимъ, ты забываешь, что люди — твои братья, и ты дѣлаешься имъ врагомъ, вмѣсто того, чтобы быть ихъ другомъ. Этимъ ты самъ себѣ вредишь, потому что когда ты пересталъ быть добрымъ и общительнымъ существомъ, какимъ тебя Богъ создалъ, и вмѣсто того сталъ дикимъ звѣремъ, который подкрадывается, раздираетъ и губитъ свою жертву,—тогда ты потерялъ самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька съ деньгами, почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерялъ свою честность, доброту и умѣренность?

Эпиктетъ.

4.

Есть много людей, болѣе несчастныхъ, чѣмъ ты. Это изреченіе, правда, не служитъ кровлей, подъ которой можно было бы жить, однако оно достаточно для того, чтобы подъ нимъ укрыться отъ ливня.

Лихтенбергъ.

5.

Ты стонешь отъ своихъ несчастій! Если бъ ты разсмотрѣлъ то, что испытываютъ другіе, ты меньше жаловался бы на свои страданія.

Истинное состраданіе начинается только тогда, когда поставишь себя въ воображеніи на мѣсто страдающаго и испытываешь дѣйствительное страданіе.

25-е октября.

Человѣкъ, сознающій свое назначеніе, этимъ самымъ и сознаетъ свое достоинство. Сознаетъ же свое назначеніе только человѣкъ религіозный.

1.

Царь спросилъ святого человѣка: думаешь ли ты обо мнѣ? Святой отвѣчалъ: думаю, когда забываю Бога.

Саади.

2.

Мы чтимъ Бога каждый разъ, когда глубоко чувствуемъ собственную нашу жизнь и жизнь нашихъ ближнихъ.

Іосифъ Мадзини.

3.

Ничто такъ не характеризуетъ человѣка, какъ его обращеніе съ дураками.

Амієль.

4.

Стóитъ освободить себя отъ обязанности уваженія къ человѣку на томъ основаніи, что онъ дурной, глупый, несправедливый, и не будетъ уже того предѣла неуваженія къ людямъ, до котораго мы допустимъ себя.

5.

Пора бы, наконецъ, человѣку узнать себѣ цѣну. Что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ какое-нибудь незаконно рожденное существо? Подобаетъ ли ему прятаться и робко озираться по сторонамъ? Нѣтъ, пусть голова моя твердо и прямо держится на плечахъ. Жизнь дана мнѣ не на показъ, а для того, чтобы я жилъ ею. Я сознаю свою обязанность говорить правду, чистую правду на всѣхъ перекресткахъ. Я долженъ заботиться не о мнѣніи людей обо мнѣ, а объ истинномъ своемъ назначеніи.

Эмерсонъ.

Только человѣкъ, сознающій себя духовнымъ существомъ, можетъ сознавать человѣческое достоинство свое и другихъ людей, и только такой человѣкъ не унизитъ ни себя, ни ближняго поступкомъ или положеніемъ, недостойнымъ человѣка.

26-е октября.

Опредѣленіе смысла жизни или очень трудная и неразрѣшимая задача,—такова она, когда человѣкъ спрашиваетъ Бога: зачѣмъ Онъ его послалъ въ этотъ міръ. И очень проста, когда человѣкъ спрашиваетъ себя: что ему дѣлать?

1.

Жизнь человѣческая, страдальческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того, чтобы не быть самой грубой насмѣш-

кой, должна имѣть смыслъ такой, при которомъ значеніе жизни не нарушилось бы ея продолжительностью или кратковременностью.

2.

Проѣзжіе грязнятъ и разоряютъ помѣщеніе постоялаго двора и потомъ осуждаютъ въ этомъ владѣтеля постоялаго двора, отдавшаго его въ полное распоряженіе проѣзжающихъ. Такъ же люди осуждаютъ Бога за зло міра.

3.

Мудрому человѣку такъ же несвойственно разсуждать много о природѣ существъ, стоящихъ выше его, какъ и о природѣ существъ ниже его. Слишкомъ нескромно предполагать, что человѣкъ можетъ постичь первыхъ, какъ и слишкомъ унизительно предполагать, что онъ можетъ всецѣло сосредоточивать свое вниманіе на вторыхъ. Признавать свое вѣчное относительное величіе и ничтожество, познавать и себя и свое мѣсто въ природѣ, быть довольнымъ своей подчиненностью Богу, не въ силахъ будучи постичь Его и управлять низшими тварями съ любовью и добротой, не раздѣляя ихъ животныхъ страстей и не подражая имъ,—вотъ что значитъ быть смиреннымъ по отношенію къ Богу, добрымъ по отношенію къ Его тварямъ и мудрымъ по отношенію къ себѣ.

Джонъ Рёскинъ.

4.

Для того, чтобы жить, не понимая смысла своей жизни, есть только одно средство: жить въ постоянномъ дурманѣ тѣлесномъ, производимомъ табакомъ, алкоголемъ, морфіемъ, или въ постоянномъ чувственномъ дурманѣ развлеченій и всякаго рода потѣхъ и увеселеній.

5.

Смотрѣлъ на прелестный солнечный закатъ. Въ нагроможденныхъ облакахъ просвѣтъ, а тамъ—красный неправильный уголь-солнце. Все это подъ лѣсомъ. Рожь. Радостно.

Нѣтъ, этотъ міръ не шутка, не юдоль испытанія только и перехода въ міръ лучшій, вѣчный, а это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ,

который прекрасенъ, радостенъ и который мы не только можемъ, но должны сдѣлать прекраснѣе и радостнѣе для живущихъ съ нами и для всѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ.

6.

То, что совершенствованіе нашей безсмертной души есть единственная цѣль жизни человѣка, справедливо уже потому, что *всякая другая* цѣль, въ виду смерти, безсмысленна.

Не думай, чтобы недоумѣніе передъ смысломъ человѣческой жизни и непониманіе его представляло что-либо возвышенное или трагическое. Недоумѣніе человѣка передъ смысломъ жизни подобно недоумѣнію человѣка, попавшаго въ общество, занятое чтеніемъ хорошей книги. Недоумѣніе этого человѣка, не вслушивающагося или не понимающаго то, что читаютъ, и суетящагося среди занятыхъ людей, представляетъ не нѣчто возвышенное и трагическое, а нѣчто смѣшное, глупое и жалкое.

27-е октября.

Истинная религія не есть религія разума; но истинная религія не можетъ быть противна разуму.

1.

Несомнѣнная правда, которую не надо скрывать, что мы должны довѣрять собственному разуму. Вѣра въ силу разума лежитъ въ основаніи всякой другой вѣры. Нельзя вѣрить въ Бога, если мы умаляемъ значеніе той способности, посредствомъ которой мы познаемъ Бога. Разумъ есть та самая способность, къ которой только обращено откровеніе. Только разумомъ откровеніе можетъ быть понято. Если послѣ добросовѣстнаго и безпристраст-

наго использованія нашихъ лучшихъ способностей, извѣстное вѣроученіе кажется намъ противорѣчивымъ или несогласнымъ съ главными принципами, въ которыхъ мы не сомнѣваемся, мы несомнѣнно должны воздержаться отъ вѣры въ это ученіе. Я болѣе убѣжденъ въ томъ, что моя разумная природа отъ Бога, чѣмъ въ то, что какая-либо книга есть выраженіе Его воли.

Чаннингъ.

2.

Если Богъ, какъ предметъ нашей вѣры, выше нашего разумѣнія и мы не можемъ обнять Его разумомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны пренебрегать дѣятельностью разума, считая ее вредною.

Хотя предметы вѣры, безъ всякаго сомнѣнія, находятся внѣ круга нашего разумѣнія, выше его, однако, разумъ и по отношенію къ нимъ имѣетъ такое важное значеніе, что мы безъ него обойтись никакъ не можемъ. Онъ исполняетъ какъ бы назначеніе цензора, который, допуская изъ области вѣры выше разума стоящую, т.-е. метафизическую истину, отрицаетъ всякую мнимую истину, которая противорѣчитъ разуму.

Но, кромѣ этого положительнаго дѣла, разуму свойственно еще и отрицательное дѣло освобожденія человѣка отъ грѣховъ, соблазновъ (оправданій грѣховъ) и обмановъ вѣры.

Ѳ. Страховъ.

3.

Еще наивенъ, какъ взрослый ребенокъ, тотъ, кто можетъ серьезно вѣрить, что когда-то какія-то нечеловѣческія существа растолковали нашему человѣческому роду существованіе и цѣль его и всего міра. Нѣтъ иного откровенія, кромѣ мыслей мудрецовъ; хотя мысли ихъ и подвержены заблужденію,—по участи всего человѣческаго и часто облекаются въ форму удивительныхъ аллегорій и миѳовъ, принимая тогда названіе „религій“. И потому, казалось бы, все равно, полагаться ли на свои мысли или на чужія, потому что мысли, которыя передаются намъ какъ религіи, все-таки только человѣческія мысли. И все же—обыкновенно люди болѣе склонны полагаться на чужія головы, облада-

ющія будто бы сверхчеловѣческими источниками мысли, чѣмъ на свои собственныя. Впрочемъ, если принять въ расчетъ все умственное неравенство людей, то, пожалуй, мысли одного дѣйствительно могутъ служить откровеніемъ для другого.

Шопенгауэръ.

4.

Стараются сдѣлать невозможнымъ не только высказываніе и передачу истины, но даже самое размышленіе о ней и открытіе ея, съ самаго дѣтства отдавая голову на обработку духовенству, которое такъ глубоко вдавитъ колею, въ которой впредь будутъ двигаться основныя мысли, что онѣ въ большинствѣ случаевъ сложатся и установятся на всю жизнь.

Шопенгауэръ.

5.

Свѣтъ остается свѣтомъ, хотя слѣпой и не видитъ его.

6.

Доколѣ свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта.

Ін. XII, 36.

Не подавлять свой разумъ, какъ этому учатъ лжеучители, нужно для того, чтобы сознать истинную религію, а очищать, напрягать его, провѣрять имъ все, что предлагается.

Недѣльное чтеніе.

Откровеніе и разумъ.

(Изъ «Исповѣди Савойскаго викарія» *Руссо*).

То, что выдаютъ за откровеніе Бога, только унижаетъ Бога, приписывая Ему человѣческія страсти. Вмѣсто того, чтобы уяснить понятіе о Великомъ Существѣ, частные догматы только запутываютъ его; вмѣсто того, чтобы облагородить наше понятіе о Богѣ, они унижаютъ его; къ тайнамъ непостижимымъ, которыя окружаютъ Его, они прибавляютъ безсмысленныя противорѣчія, дѣлающія человѣка гордымъ, нетерпимымъ, жестокимъ; вмѣсто того, чтобы установить миръ на землѣ, они вносятъ въ него борьбу. Я спрашиваю себя, зачѣмъ это и не знаю, что отвѣчать. Я вижу въ этомъ только преступленіе людей и несчастіе человѣчества.

Мнѣ говорятъ, что необходимо было откровеніе для того, чтобы научить людей служить Богу; въ доказательство этого приводятъ различія вѣрованій, которыя учреждены въ мірѣ, и не хотятъ видѣть того, что это различіе происходитъ именно отъ откровеній. Какъ только народы вздумали заставить говорить Бога, каждый заставилъ Его говорить по-своему, заставили Его сказать то, чего самъ хотѣлъ. Если бы мы слушали только то, что Богъ говоритъ въ сердцѣ человѣка, была бы только одна религія на землѣ.

Говорятъ: нужно однообразное богопочитаніе; но богопочитаніе, котораго требуетъ себѣ Богъ, это богопочитаніе сердца; оно всегда однообразно, если оно искренно. Безумно воображать, что для

Бога такъ важно одѣяніе священника, послѣдовательность словъ, которыя онъ произноситъ, и движенія, которыя онъ совершаетъ передъ алтаремъ, и его колѣнопреклоненія. Нѣтъ, другъ мой, стой во весь ростъ и ты будешь все-таки достаточно близокъ къ землѣ. Богъ хочетъ, чтобы Ему поклонялись въ духѣ и истинѣ, и въ этомъ обязанность всѣхъ религій, всѣхъ странъ и всѣхъ людей.

Разсматривая развитіе сектъ, которыя царствуютъ на землѣ и которыя взаимно упрекаютъ другъ друга во лжи и заблужденіи, я спрашивалъ: *какая же изъ нихъ настоящая?* и всѣ отвѣчали мнѣ: моя. Каждый говорилъ: „только я одинъ и мои сторонники думаютъ правильно, всѣ остальные заблуждаются". Но почемъ вы знаете, что ваша секта истинная? „Потому что Богъ сказалъ это". А кто вамъ сказалъ, что Богъ сказалъ это? „Мой священникъ, онъ хорошо знаетъ. Мой священникъ говоритъ, чтобы я вѣрилъ такъ, какъ онъ говоритъ, я такъ и вѣрю; онъ увѣряетъ меня, что всѣ, несогласные съ нимъ, лгутъ, и я ихъ не слушаю".

„Какъ!—думалъ я:—неужели истина не одна? И то, что справедливо у насъ, можетъ ли быть несправедливо у васъ? Если способъ убѣжденія того, кто идетъ вѣрнымъ путемъ, и того, кто заблуждается, одинъ и тотъ же, то чѣмъ же отличается одинъ отъ другого? Выборъ, стало-быть, есть дѣло случая; и обвинять людей за это значитъ обвинять ихъ за то, что они родились въ такой, а не въ иной странѣ.

„Или всѣ религіи хороши и пріятны Богу, или есть одна, которую Онъ предписалъ Самъ людямъ и за непризнаніе которой Онъ наказываетъ; въ такомъ случаѣ Онъ, вѣрно, далъ несомнѣнные признаки и явные, по которымъ можно узнать эту истинную религію. Признаки эти должны быть для всѣхъ мѣстъ одинаково доступны всѣмъ людямъ, великимъ и малымъ, ученымъ и невѣждамъ, европейцамъ, индѣйцамъ, африканцамъ, дикимъ.

„Если бы была религія на землѣ такая, за неисповѣданіе которой накладываютъ вѣчныя мученія, и если гдѣ бы то ни было есть хоть одинъ искренно ищущій правды смертный, который бы не былъ убѣжденъ ея очевидностью, то Богъ такой религіи самый жестокій и несправедливый тиранъ.

„Мнѣ говорятъ: „подчини свой разумъ". Но это самое можетъ

сказать мнѣ тотъ, кто меня обманываетъ. Мнѣ нужно доказательство, чтобы подчинить мой разумъ.

„Такъ какъ всѣ люди одной породы со мною, то все, что человѣкъ можетъ постигнуть естественнымъ путемъ, могу постигнуть и я, и всякій человѣкъ можетъ ошибаться такъ же, какъ и я: если я вѣрю тому, что мнѣ говорятъ, то вѣрю не потому, что говоритъ тотъ или другой человѣкъ, но потому, что онъ доказываетъ мнѣ то, что говоритъ. И поэтому свидѣтельства людей, въ сущности, суть только свидѣтельства моего же разума и ничего не прибавляютъ къ тѣмъ естественнымъ средствамъ, которыя Богъ далъ мнѣ для познанія истины. Апостолы истины, что можете вы сказать мнѣ такого, въ чемъ бы я не былъ судья? „Самъ Богъ сказалъ это: слушайтесь Его откровенія. Вотъ какъ Богъ сказалъ“. Это великое слово, но кому же Онъ сказалъ это? „Онъ сказалъ это людямъ“. Почему же я ничего не слыхалъ объ этомъ? „Онъ поручилъ другимъ людямъ передать вамъ Его слова“. Хорошо: стало-быть, люди будутъ говорить мнѣ о томъ, что сказалъ Богъ? Не лучше ли было бы, если бы Богъ прямо сказалъ мнѣ? Для Него бы было это не труднѣе, а я бы былъ избавленъ отъ возможности обмана. „Но Онъ свидѣтельствуетъ истину Своихъ словъ, утверждая посланничество Своихъ апостоловъ“. Какимъ образомъ? „Чудесами“. Гдѣ эти чудеса? „Въ книгахъ“. А кто сдѣлалъ эти книги? „Люди“. А кто видѣлъ эти чудеса? „Люди, которые утверждаютъ ихъ“. Какъ, опять свидѣтельства людскія! Всѣ люди, которые разсказываютъ мнѣ о томъ, что разсказываютъ другіе люди. Сколько людей между Богомъ и мною! Однако, все-таки разсмотримте, свѣримте. Ахъ, если бы Богъ избавилъ меня отъ всего этого труда, развѣ я съ меньшимъ усердіемъ служилъ бы Ему!

„И замѣтьте, въ какое ужасное разсужденіе мы теперь вовлекаемся, какая нужна эрудиція для того, чтобы различать всѣ эти древности, разсматривать, взвѣшивать, сличать пророчества, откровенія, факты, всѣ памятники вѣры, предложенные во всѣхъ странахъ міра, для того, чтобы опредѣлить время, мѣсто, авторовъ и условія. Какую точность критики нужно имѣть, чтобы разобраться между памятниками настоящими и предполагаемыми,

чтобы сличить возраженія съ отвѣтами, переводы съ оригиналами; чтобы судить о безпристрастіи свидѣтелей, объ ихъ здравомъ смыслѣ, объ ихъ просвѣщеніи, чтобы рѣшить, не исключили ли, не прибавили ли, не переставили ли чего-нибудь; чтобы уничтожить тѣ противорѣчія, которыя остаются для того, чтобы судить о значеніи молчанія противниковъ, о томъ, что противъ нихъ говорилось, узнать, извѣстно ли было имъ то, что говорили противъ нихъ, и т. д., и т. д.

„Признавъ, наконецъ, эти памятники несомнѣнными, намъ придется перейти къ доказательствамъ дѣйствительности посланничества ихъ авторовъ. Надо знать вѣроятія возможности осуществленія предсказанія безъ вмѣшательства чудеснаго, надо знать духъ языковъ, чтобы умѣть различать, что въ этихъ языкахъ предсказанія и что въ нихъ только ораторская форма, какія событія естественныя и какія сверхъестественныя, рѣшить, до какой степени человѣкъ ловкій могъ обмануть глаза простыхъ людей, удивить даже людей образованныхъ, найти признаки настоящаго чуда и ту ступень дѣйствительности, по которой оно должно быть признано и за непризнаніе его можно наказывать, сравнить доказательства истинныхъ и ложныхъ чудесъ, найти вѣрныя правила, чтобы различать ихъ, рѣшить, наконецъ, для чего Богъ для утвержденія Своего слова употребляетъ средства, нуждающіяся въ подтвержденіи, точно какъ будто Онъ нарочно забавляетъ людей и умышленно избѣгаетъ средствъ, которыя бы могли убѣдить ихъ.

„Допустивъ, что величіе Божіе можетъ спуститься до того, чтобы сдѣлать одного человѣка органомъ своей священной воли; разумно ли, справедливо ли требовать, чтобы весь родъ человѣческій повиновался голосу этого избраннаго, не сдѣлавъ явнымъ его призванія? Справедливо ли въ видѣ утвержденія его званія сдѣлать нѣсколько особенныхъ знаковъ передъ небольшимъ количествомъ темныхъ людей, тогда какъ всѣ остальные люди узнаютъ про это только по слухамъ? Если признать справедливыми всѣ чудеса, которыя народъ и темные люди говорятъ, что видѣли, то всякая секта была бы одна настоящая и было бы больше чудесъ, чѣмъ естественныхъ событій. Неизмѣнный порядокъ вещей болѣе всего утверждаетъ меня въ признаніи мудрости Божіей. Если бы поря-

докъ этотъ допускалъ такъ много исключеній, я не зналъ бы, что и думать о немъ, и я слишкомъ твердо вѣрю въ Бога, чтобы вѣрить въ такое количество чудесъ, недостойныхъ его. Чудеса же, про которыя вы говорите, совершались въ темныхъ углахъ, въ пустыняхъ, тамъ, гдѣ легко удивить зрителей, уже готовыхъ всему повѣрить. Кто скажетъ мнѣ, сколько нужно очевидцевъ для того, чтобы сдѣлать чудо достовѣрнымъ? Если ваши чудеса, которыя дѣлаются для доказательства вашего ученія, нуждаются еще въ доказательствѣ, то къ чему они? Можно было и вовсе ихъ не дѣлать.

„Остается теперь еще разсмотрѣть самый главный вопросъ въ провозглашаемомъ ученіи, а именно то, что если тѣ, которые говорятъ, что Богъ дѣлаетъ чудеса, говорятъ тоже, что и дьяволъ часто подражаетъ имъ, то самыя лучшія засвидѣтельствованныя чудеса не рѣшаютъ дѣла; и такъ какъ волхвы фараона при самомъ Моисеѣ производили тѣ же чудеса, которыя онъ дѣлалъ по волѣ Бога, то ничто не мѣшало имъ утверждать въ отсутствіе Моисея, что чудеса ихъ дѣлаются во имя Бога. Такъ что доказавъ ученіе посредствомъ чудесъ, чтобы не смѣшать дѣло дьявола съ дѣломъ Божіимъ, приходится доказывать чудеса посредствомъ ученія.

„Ученіе, происходящее отъ Бога, должно имѣть священный, божественный характеръ. Оно должно не только уяснить смутныя представленія наши о божествѣ, но оно должно предложить намъ нравственное ученіе и правила, соотвѣтствующія свойствамъ, которыя мы приписываемъ божеству.

„Такъ что если ученіе представляло бы намъ только безсмысленныя положенія, если бы оно возбуждало въ насъ чувство отвращенія къ нашимъ ближнимъ, если бы оно представляло намъ Бога гнѣвнаго, ревниваго, мстительнаго, пристрастнаго, ненавидящаго людей, Бога войны и сраженій, всегда готоваго уничтожить и раздавить, всегда говорящаго о мученіяхъ, наказаніяхъ, и хвастающагося тѣмъ, что онъ наказываетъ невинныхъ, мое сердце не было бы привлечено къ такому ужасному Богу. Вашъ Богъ не мой Богъ, сказалъ бы я этимъ сектантамъ. Богъ, который начинаетъ съ того, что избираетъ себѣ одинъ народъ и исключаетъ

остальной родъ человѣческій, не можетъ быть общимъ отцомъ людей; тотъ, кто предназначаетъ къ вѣчному мученію большинство своихъ созданій, не есть милосердный и добрый Богъ, котораго мнѣ открылъ мой разумъ.

„Относительно догматовъ разумъ говоритъ мнѣ, что они должны быть ясны, прозрачны и поразительны своей очевидностью. Вѣра утверждается пониманіемъ; лучшая изъ всѣхъ религій самая ясная: та же, которая наполняетъ тайнами, противорѣчіями то богопочитаніе, которое она проповѣдуетъ, заставляетъ меня вслѣдствіе этого самаго остерегаться ея. Обожаемый мною Богъ не Богъ мрака, Онъ далъ мнѣ разумъ не для того, чтобы запретить мнѣ употребленіе его. Когда мнѣ говорятъ, чтобы я подчинилъ свой разумъ, я вижу въ этомъ оскорбленіе его творцу.

28-е октября.

Какъ ощущеніе боли есть необходимое условіе сохраненія нашего тѣла, такъ и страданія суть необходимыя условія нашей жизни отъ рожденія и до смерти.

1.

Какъ наше тѣло лопнуло бы, если бы прекратилось давленіе на него атмосферы, такъ если бы прекратилось давленіе на людскую жизнь нужды, тягостнаго труда и всякаго рода превратностей судьбы,—то надменность людей возросла бы хотя и не до опасности лопнуть, но все же до явленій необузданнѣйшей дури и даже умопомѣшательства.

Шопенгауэръ.

2.

Врачъ прописываетъ одному больному одно лѣченіе, другому другое, такъ и Провидѣніе прописываетъ намъ болѣзни, увѣчья и прискорбныя потери.

Какъ предписаніе врача клонится къ возстановленію здоровья больного, такъ точно и случайности, которымъ Провидѣніе подвергаетъ человѣка, клонятся къ нравственному оздоровленію его, къ возстановленію связи его оторваннаго личнаго существованія съ общей жизнью всего человѣчества.

И такъ принимай все то, что выпадаетъ тебѣ на долю, какъ принимаютъ больные лѣкарства врача. Возстановленіе здоровья тѣла,—вотъ смыслъ этихъ горькихъ лѣкарствъ; но вѣдь для всеобщей разумной природы сохраненіе каждымъ существомъ своего назначенія такъ же важно, какъ для больного сохраненіе здоровья тѣла.

Поэтому тебѣ надо привѣтствовать все то, что съ тобой приключается, даже самое горькое, ибо смыслъ такихъ случайностей есть здравіе и цѣльность мірозданія. Природа живая Его разумомъ дѣйствуетъ разумно, и все, что отъ нея исходитъ, безошибочно содѣйствуетъ сохраненію единства.

Маркъ Аврелій.

3.

Всякому созданію полезно не только все то, что посылается ему Провидѣніемъ, но и въ то самое время, когда оно посылается.

Маркъ Аврелій.

4.

Страданіе—это побужденіе къ дѣятельности, а только въ ней впервые чувствуемъ мы нашу жизнь. Кантъ.

5.

Благо для человѣка переносить несчастія этой земной жизни, ибо это влечетъ его въ священное уединеніе его сердца, гдѣ онъ находитъ себя какъ бы изгнанникомъ изъ своей родной земли и обязаннымъ не довѣряться никакимъ мірскимъ радостямъ. Благо для него также встрѣчать противорѣчія и упреки, когда о немъ дурно думаютъ, говорятъ, хотя бы намѣренія его были чистыми и поступки правильны, ибо такой образъ дѣйствій держитъ его въ смиреніи и является противоядіемъ пустой славы. Благо же это главнымъ образомъ потому, что мы можемъ бесѣдовать съ свидѣтелемъ внутри насъ, который есть Богъ, бесѣдовать тогда, когда насъ въ міру презираютъ, не уважаютъ и лишаютъ любви. Мы такъ должны полагаться на Бога, такъ Ему отдаться, чтобы никогда не подумать въ случаѣ печали обращаться къ человѣческимъ утѣшителямъ. Ѳома Кемпійскій.

6.

Если бы Богъ давалъ намъ такихъ наставниковъ, о которыхъ мы знали бы достовѣрно, что они посланы Самимъ Богомъ, то мы вѣдь повиновались бы имъ свободно и радостно.

Мы и имѣемъ такихъ наставниковъ: это нужда и вообще всѣ несчастные случаи жизни. Паскаль.

7.

Только въ бурѣ вполнѣ высказывается искусство мореплавателя, только на полѣ сраженія испытывается храбрость воина; мужество же человѣка познается только по тому, чѣмъ онъ является въ затруднительныхъ и опасныхъ положеніяхъ жизни. Даніэль.

8.

Добродѣтель и сила души укрѣпляются и совершенствуются въ несчастіи, въ страданіяхъ, въ болѣзняхъ. Поэтому вы не должны опасаться испытаній, которыя могутъ пасть на вашу долю, но переносить ихъ съ твердостью. Каждое испытаніе болѣе и болѣе приближаетъ васъ къ Богу. N N.

9.

Бѣдствіе—это оселокъ для человѣческой жизни.

Флетчеръ.

10.

И то, что мы называемъ счастіемъ, и то, что мы называемъ несчастіемъ, одинаково полезно намъ, если мы смотримъ на то и на другое какъ на испытаніе.

11.

Не привыкай къ благоденствію—оно преходяще: кто владѣетъ—учись терять, кто счастливъ—учись страдать. Шиллеръ.

12.

Мученія, страданія испытываетъ только тотъ, кто, отдѣливъ себя отъ жизни міра, не видя тѣхъ своихъ грѣховъ, которыми онъ вносилъ страданія въ міръ, считаетъ себя не виноватымъ и потому возмущается противъ тѣхъ страданій, которыя онъ несетъ за грѣхи міра.

Какъ легенда о вѣчномъ жидѣ, за наказаніе обреченномъ на вѣчную жизнь безъ смерти, такъ же справедлива была бы легенда о человѣкѣ, въ видѣ наказанія обреченномъ на жизнь безъ страданій.

29-е октября.

Для каждой входящей въ сознаніе людей истины, замѣняющей прежнее заблужденіе, бываетъ періодъ, когда заблужденіе явно и очевидна истина, долженствующая замѣнить его, но заблужденіе продолжаетъ владѣть людьми. Съ такими заблужденіями не только безполезно, но вредно бороться разумными доводами.

1.

Я всегда удивляюсь тому, какъ могутъ короли такъ легко вѣрить тому, что въ нихъ все, и какъ народъ готовъ вѣрить про себя, что онъ ничто. Монтень.

2.

Нѣтъ ничего заразительнѣе примѣра. Онъ заставляетъ насъ совершать поступки, которые мы никогда не совершили бы безъ воздѣйствія примѣра. И потому общеніе съ развратными, чувственными и жестокими людьми губитъ душу.

3.

Кто не мыслитъ самостоятельно, тотъ находится подъ внушеніемъ другого, мыслящаго за него. Отдавать кому-нибудь въ собственность свою мысль есть болѣе унизительное рабство, чѣмъ отдавать кому-нибудь въ собственность свое тѣло.

4.

Если ты чувствуешь желаніе подражать тому, что дѣлаютъ вокругъ тебя люди, непремѣнно остановись и подумай, разумно ли или нѣтъ слѣдовать общему примѣру. Великія преступленія и бѣдствія личныя и общественныя происходятъ только отъ необдуманнаго слѣдованія внушенію.

5.

Кто боится нестрашнаго и не содрогается передъ дѣйствительно страшнымъ, тотъ, слѣдуя ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели. Буддійская мудрость.

Злое внушеніе уничтожается только добрымъ внушеніемъ. Средство же добраго внушенія самое могущественное есть добрая жизнь.

30-е октября.

Себялюбіе, переходящее извѣстные предѣлы, есть душевная болѣзнь. Доведенное до высшей степени, оно проявляется той душевной болѣзнью, которая называется маніей величія.

1.

Люди думаютъ, что самоотреченіе нарушаетъ свободу. Такіе люди не знаютъ, что только самоотреченіе даетъ намъ истинную свободу, освобождая насъ отъ насъ самихъ, отъ рабства нашей развращенности. Наши страсти самые жестокіе тираны; только уступи имъ и будешь въ постоянной борьбѣ безъ силы вздохнуть свободно. Избавь меня отъ этого рабства, которое люди не стыдятся называть свободой.

Фенелонъ.

2.

Есть всегда темное пятно въ нашемъ солнечномъ свѣтѣ: это тѣнь, которая падаетъ отъ нашей личности.

Карлейль.

3.

Себялюбіе—это тюрьма для духа, которая лишаетъ счастья такъ же вѣрно, какъ острогъ лишаетъ физической свободы.

Люси Малори.

4.

Чѣмъ больше человѣкъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ хуже. Но люди нашего времени разсуждаютъ не такъ. Они придумываютъ самыя разнообразныя и хитрыя разсужденія, но только не то, которое естественно представляется вся-

кому простому человѣку. По ихъ разсужденіямъ, воздерживаться отъ предметовъ роскоши совсѣмъ не нужно. Можно соболѣзновать положенію рабочихъ, говорить рѣчи и писать книги въ ихъ пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать пользоваться тѣми трудами, которые мы считаемъ для нихъ губительными.

5.

Себялюбіе нужно только для сохраненія жизни въ тѣхъ плотскихъ предѣлахъ, въ которыхъ оно проявляется. Когда же разумъ, по свойству своему предназначенный на разрушеніе всякой отдѣленности, употребляется на утвержденіе и уясненіе этой отдѣленности, себялюбіе становится вреднымъ и мучительнымъ.

6.

Полное отреченіе отъ себя есть жизнь божеская; себялюбіе, не нарушаемое ничѣмъ, есть жизнь ниже животной. Будемъ же приближаться къ жизни божеской.

7.

Безпристрастіе и объективность такъ же рѣдки, какъ и справедливость. Личный интересъ есть неисчерпаемый источникъ потворствующихъ иллюзій. Число людей, желающихъ видѣть правду, чрезвычайно мало. Надъ людьми властвуетъ страхъ передъ истиной—если только эта истина имъ не полезна, что сводится къ тому, что выгода составляетъ основу житейской философіи, или что истина создана для насъ, а не мы для истины. Фактъ этотъ настолько унизителенъ, что большинство не хочетъ ни допускать, ни признавать его. И вотъ такимъ образомъ предразсудокъ самолюбія защищаетъ всѣ предразсудки мышленія, которые вытекаютъ изъ уловки эгоизма. Единственный желаемый человѣчествомъ прогрессъ—это увеличеніе наслажденій. Ко всякому прогрессу справедливости, нравственности, святости человѣчество было принуждаемо какимъ-нибудь благороднымъ усиліемъ. Самопожертвованіе—это наслажденіе великихъ душъ—никогда не было закономъ общества.

Аміель.

8.

Удивительная вещь! Іисусъ приходитъ научить людей помогать другъ другу, учитъ братской любви и говоритъ тѣмъ, которыхъ посылаетъ проповѣдывать Свое ученіе: „Люди будутъ васъ преслѣдовать“. Тюрьма, розги, пытка—единственная награда на землѣ, которую Онъ обѣщаетъ за ихъ преданность. И вотъ почему ихъ миссія такъ прекрасна, такъ высока, что, воспринимаемая любовью, пища которой—жертвы, она переходитъ отъ мучениковъ къ мученикамъ и будетъ увеличиваться безостановочно, пока царство Божіе не замѣнитъ царства зла, всюду установленнаго, на разныхъ ступеняхъ, въ сердцахъ, зачерствѣлыхъ въ эгоизмѣ, и въ проистекающихъ изъ нихъ учрежденіяхъ. Вездѣ эти учрежденія освящаютъ безправіе, порабощеніе почти всѣхъ нѣсколькими. Владычество однихъ, угнетеніе другихъ подъ всевозможными названіями, есть ли что-либо другое въ мірѣ? Народы не управляемы; ими владѣютъ, какъ владѣютъ лошадью или воломъ. Эти безбожныя учрежденія вы должны замѣнить святыми учрежденіями, основанными на правдѣ и долгѣ, на законѣ Христа, учрежденіями равенства, свободы, братства, учрежденіями, которыя соединяютъ, а не раздѣляютъ, которыя обезпечиваютъ каждому его часть въ томъ, что Богъ далъ всѣмъ.

Вы должны побѣдить эгоизмъ милосердіемъ. Не думайте объ усталости, о страданіяхъ, не забывайте о цѣли. Да будетъ она всегда передъ вами. Пусть будетъ она въ вашемъ сердцѣ выше всего другого, выше личныхъ привязанностей, выше семьи и ея узъ, подчиненныхъ узамъ болѣе священнымъ, узамъ семьи всемірной, выше жизни, которую пріобрѣтаютъ, потерявъ ее, промѣнявъ на жизнь истинную. Не принимайте мира во злѣ, мира оскверняющаго, мира, который отрицаетъ Бога, отрицаетъ Его правосудіе, такъ какъ объ этомъ мірѣ сказалъ Іисусъ: „Я не миръ принесъ, а мечъ“.

Ламенэ.

9.

Наслаждающихся и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой, для про-

явленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ людямъ силы. Безъ мукъ не рождается и духовный плодъ.

Учить тому, сколько козявокъ на свѣтѣ, разсматривать пятна на солнцѣ, писать романы и оперу—можно, не страдая; но учить людей ихъ благу, которое все только въ отреченіи отъ себя и въ служеніи другимъ, и выражать сильно это ученіе, нельзя безъ отреченія.

Не даромъ умеръ Христосъ на крестѣ, не даромъ жертва страданія побѣждаетъ все.

Трудность необходимаго освобожденія себя отъ себялюбія заключается въ томъ, что себялюбіе есть необходимое условіе жизни. Оно необходимо и естественно въ дѣтствѣ, но должно ослабѣвать и уничтожаться по мѣрѣ уясненія разума. Ребенокъ не чувствуетъ укоровъ совѣсти за свое себялюбіе, но, по мѣрѣ уясненія разума, себялюбіе все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и при приближеніи смерти должно совершенно уничтожиться.

31-е октября.

Ничто не препятствуетъ такъ сильно распространенію истины, какъ упорство къ удержанію древняго, освященнаго временемъ преданія.

1.

Истины самыя важныя и нужныя часто признаются столь истинными, что онѣ теряютъ силу истины и спятъ, какъ бы въ спальнѣ души, рядомъ съ самыми презрѣнными и глупыми заблужденіями.

Кольриджъ.

2.

Богъ создалъ человѣка по образу Своему; это значитъ, вѣроятно, то, что человѣкъ по своему образу создалъ Бога.

3.

Въ склонности останавливаться на томъ, что есть передъ нами, и вѣрить въ то, что намъ говорятъ, заключается и добро и зло. Именно эта склонность дѣлаетъ возможнымъ поступательное движеніе общества и именно она дѣлаетъ это поступательное движеніе столь медленнымъ и мучительнымъ: каждое поколѣніе, благодаря ей, безъ усилія получаетъ достающееся ему по наслѣдству знаніе, пріобрѣтенное тяжелымъ трудомъ, и каждое поколѣніе благодаря ей оказывается порабощеннымъ ошибками и заблужденіями своихъ предшественниковъ. Генри Джорджъ.

4.

Просматривая исторію человѣчества, мы то и дѣло замѣчаемъ, что самыя явныя нелѣпости сходили для людей за несомнѣнныя истины, что цѣлыя націи дѣлались жертвой дикихъ суевѣрій и унижались предъ подобными себѣ смертными, нерѣдко идіотами или сластолюбцами, которыхъ ихъ воображеніе превращало въ представителей Божества; что огромныя массы народа изнывали въ рабствѣ, страдали и умирали съ голоду ради того, чтобы люди, жившіе ихъ трудами, могли вести праздную и роскошную жизнь. И причиной такого господства заблужденій всегда было вліяніе могущественныхъ себялюбивыхъ интересовъ и отказъ давать отвѣты на вопросы дѣтей. Генри Джорджъ.

Неуваженіе къ преданію не сдѣлало $^1/_{1000}$ того зла, которое производитъ это уваженіе къ обычаямъ, законамъ, учрежденіямъ, не имѣющимъ въ наше время никакого разумнаго оправданія.

1-е ноября.

Человѣкъ, полагающій свое назначеніе въ томъ, чтобы быть счастливымъ, не можетъ быть смиренъ. Человѣкъ же, считающій себя рабомъ Божіимъ, назначеніе котораго—служить, не можетъ не быть смиренъ.

1.

И сказали апостолы Господу: умножь въ насъ вѣру.

Господь сказалъ... кто изъ васъ, имѣя раба пашущаго или пасущаго, по возвращеніи его съ поля, скажетъ ему: пойди скорѣе садись за столъ?

Напротивъ, не скажетъ ли ему: приготовь мнѣ поужинать и подпоясавшись служи мнѣ, пока буду ѣсть и пить, и потомъ ѣшь и пей самъ?

Станетъ ли онъ благодарить раба сего за то, что онъ исполнилъ приказаніе? не думаю.

Такъ и вы, когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего нестоющіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать. Лк. XVII, 5, 6, 7—10.

2.

Скромность истинно добрыхъ людей выражается въ забвеніи: они такъ поглощены тѣмъ, что сейчасъ дѣлаютъ, что упускаютъ изъ виду то, что уже сдѣлали. Китайская пословица.

3.

Человѣкъ, стоящій на цыпочкахъ, не можетъ долго стоять. Человѣкъ, самъ себя выставляющій, не можетъ свѣтить. Кто доволенъ самимъ собою, тотъ не можетъ прославиться. Кто хвастается, тотъ не можетъ имѣть заслуги. Кто гордъ, тотъ не можетъ возвыситься. Передъ судомъ разума такіе люди подобны отбросамъ пищи и вызываютъ отвращеніе всѣхъ. Поэтому тотъ, кто имѣетъ разумъ, не полагается на себя.

Лао-Тсе.

4.

Чѣмъ глубже спускается человѣкъ въ самого себя и чѣмъ ничтожнѣе онъ представляется себѣ, тѣмъ выше поднимается къ Богу.

Браминская мудрость.

Помни, что ты не имѣешь ни на что никакого права, что ты рабъ того начала, которое дало тебѣ жизнь, и потому у тебя есть только обязанности.

2-е ноября.

Поступокъ, сдѣланный только для славы людской, всегда дурной, какія бы ни были его послѣдствія. Поступокъ, въ которомъ въ равной долѣ участвовало желаніе добра и желаніе славы людской—поступокъ безразличный. Хорошій поступокъ только такой, въ которомъ главная побудительная причина — исполненіе воли Бога.

1.

Свободное существо, которое отдается самому себѣ, этимъ же самымъ отдаетъ себя дьяволу; въ нравственномъ мірѣ нѣтъ земли безъ хозяина, а неопредѣленныя земли принадлежатъ лукавому.

Аміель.

2.

Если бы ты вѣдалъ, изъ какого источника текутъ людскія сужденія и интересы, то пересталъ бы домогаться одобренія и похвалы людей. **Маркъ Аврелій.**

3.

Если заботишься объ одобреніи людей, то никогда ни на что не рѣшишься. Оцѣнки людей безконечно разнообразны. Ты скажешь: „Я ищу одобренія хорошихъ людей“,—но вѣдь хорошими людьми ты называешь тѣхъ, которые, ты знаешь, одобрятъ предполагаемый тобою поступокъ.

4.

Мы не довольствуемся нашей истинной внутренней жизнью, мы хотимъ жить еще другою воображаемой жизнью въ мысляхъ людей, и мы заставляемъ себя казаться для этого не тѣмъ, что мы въ дѣйствительности. Мы непрестанно трудимся, украшая это воображаемое существо, и принебрегаемъ дѣйствительнымъ. Если мы обладаемъ спокойствіемъ, вѣрностью, великодушіемъ, мы стараемся какъ можно скорѣе возвѣстить объ этомъ съ тѣмъ, чтобы присвоить эти добродѣтели воображаемому существу.

Чтобы придать эти качества воображаемому существу, мы способны лишить себя ихъ. Мы готовы быть трусами, только бы прослыть за храбрыхъ. **Паскаль.**

5.

Въ каждомъ хорошемъ поступкѣ есть доля желанія одобренія людей. Бѣда, если поступокъ дѣлается только для славы людской; если же въ желаніи добра и участвуетъ доля желанія, одобренія, добрый поступокъ остается добрымъ.

Пусть одобреніе людей будетъ послѣдствіемъ твоего поступка, а не цѣлью.

Для того, чтобы пріучить себя жить только для Бога, хорошо дѣлать такія дѣла, о которыхъ никто никогда не узнаетъ. Испытай такія дѣла, и ты узнаешь особенную радость.

3-е ноября.

Есть только одинъ непреложный законъ—законъ Божій; законъ же человѣческій, для того, чтобы быть закономъ, долженъ быть только приложеніемъ закона Бога къ частному случаю и долженъ утверждаться не насиліемъ, а своимъ совпаденіемъ съ закономъ Бога.

1.

Іисусъ, отвѣчая имъ, сказалъ: Мое ученіе—не Мое, но Пославшаго Меня; кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнáетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю.

Ін. VII, 16—17.

2.

Что такое голосъ долга, обязанности, если не внушенія Бога?

Но можетъ-быть, это предписаніе вашего же воображенія? Повелительное наклоненіе вашей бесѣды съ самимъ собой?

Или, можетъ-быть, это только отзвукъ человѣческихъ мнѣній, покорность требованіямъ общественнаго мнѣнія?

Но нѣтъ: если бы это былъ законъ, нами самими выдуманный, мы могли бы простить себѣ нарушеніе его, могли бы отмѣнить его. Но мы чувствуемъ, что сила этого закона внѣ нашей власти, и что мы не можемъ пренебречь имъ.

Не можемъ допустить и того, чтобы это было вліяніе общественнаго мнѣнія, потому что голосъ этотъ часто поднималъ васъ выше общественнаго мнѣнія, давалъ вамъ силы бороться съ несправедливостью толпы, бороться во имя добра одному и безъ надежды успѣха. Скорѣе вы увѣрите меня, что дневной свѣтъ есть произведеніе моихъ глазъ или общественнаго мнѣнія, чѣмъ въ томъ, что сознаніе добра не есть прямое воздѣйствіе Бога.

Какъ ощущенія учатъ насъ тому, что̀ внѣ нашего тѣла, такъ сознаніе — тому, что внѣ нашей духовной личности, учитъ насъ тому, что справедливость, доброта, правда не суть произведенія своей личности, а вложены въ меня Богомъ. Мартино.

3.

Установлять законы есть дѣло одного Бога; дѣло же законовѣдовъ вникать въ эти законы и правильно примѣнять ихъ къ жизни.

Джонъ Рёскинъ.

4.

Первая трудность, представляющаяся теперь для осуществленія закона Бога, состоитъ въ томъ, что существующіе человѣческіе законы прямо противоположны ему.

5.

Пониманіе, требующееся для рѣшенія общественныхъ задачъ, не есть только дѣло разсудочныхъ способностей. Оно должно быть проникнуто религіознымъ чувствомъ и живымъ сочувствіемъ къ человѣческимъ страданіямъ. Оно должно пойти далѣе собственныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ или группъ населенія.

Оно должно искать справедливости, ибо въ основѣ каждой изъ соціальныхъ проблемъ мы всегда найдемъ какую-либо общественную неправду.

Генри Джорджъ.

6.

Законы человѣческіе хороши и цѣнны, лишь поскольку они сообразуются съ закономъ Бога, примѣняя и развивая его. И дурны всегда, когда противорѣчатъ этому закону, и въ такомъ случаѣ мы не только въ правѣ, но и обязаны уничтожать ихъ.

Іосифъ Мадзини.

7.

Всякому человѣку для того, чтобы приступить къ изученію важнѣйшихъ вопросовъ жизни, необходимо прежде рѣшенія ихъ еще опровергнуть вѣками нагроможденныя и всѣми силами изобрѣтательности ума поддерживаемыя постройки лжи по каждому изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни.

8.

Учрежденіе правительства есть, въ сущности, явный признакъ того, что человѣкъ потерялъ въ общественной жизни внутреннюю

власть надъ самимъ собою и потому долженъ прибѣгнуть къ внѣшней власти. Потерявъ общеніе съ внутреннимъ человѣкомъ— своимъ вѣрнымъ руководителемъ — онъ долженъ опираться на внѣшній законъ. Внѣшній же законъ всегда ошибоченъ. Если бы каждый человѣкъ удерживалъ свою органическую связь съ общимъ тѣломъ своихъ ближнихъ, не могло бы быть этого разлада; но когда эта связь ослабѣваетъ, становятся необходимыми искусственныя средства для поддержанія ея, и такимъ образомъ съ ослабленіемъ первобытной безсознательной жизни, возникаетъ форма правленія, не представляющая уже дѣйствительнаго выраженія жизни всего народа, но только внѣшне-принудительную власть правящаго класса или касты.

Карпентеръ.

Законъ Божій противорѣчитъ закону человѣческому: что же дѣлать? Скрыть законъ Бога и провозглашать человѣческій? Это дѣлаютъ уже 1900 лѣтъ, но законъ божескій становится все виднѣе и виднѣе. Остается одно: замѣнить законъ человѣческій закономъ Бога.

Недѣльное чтеніе.

Божеское и человѣческое.

I.

Это было въ 70-хъ годахъ, въ Россіи, въ самый разгаръ борьбы революціонеровъ съ правительствомъ.

Генералъ-губернаторъ южнаго края, здоровый нѣмецъ, съ опущенными книзу усами, холоднымъ взглядомъ и безвыразительнымъ лицомъ, въ военномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ, сидѣлъ вечеромъ въ кабинетѣ за столомъ, съ четырьмя свѣчами въ зеленыхъ абажурахъ, и пересматривалъ и подписывалъ бумаги, оставленныя ему правителемъ дѣлъ. „Генералъ-адъютантъ такой-то", выводилъ онъ съ длиннымъ росчеркомъ и откладывалъ.

Въ числѣ бумагъ былъ и приговоръ къ смертной казни черезъ повѣшеніе кандидата Новороссійскаго университета Анатолія Свѣтлогуба за участіе въ заговорѣ, имѣющаго цѣлью низверженіе существующаго правительства. Генералъ, особенно нахмурившись, подписалъ и эту. Бѣлыми, сморщенными отъ старости и мыла, выхоленными пальцами онъ аккуратно сравнялъ края листовъ и отложилъ въ сторону. Слѣдующая бумага касалась назначенія суммъ на перевозку провіанта. Онъ внимательно читалъ эту бумагу, думая о томъ, вѣрно или невѣрно высчитаны суммы, какъ вдругъ ему вспомнился его разговоръ съ своимъ помощникомъ о дѣлѣ Свѣтлогуба. Генералъ полагалъ, что найденный у Свѣтлогуба динамитъ еще не доказываетъ его преступнаго намѣренія. Помощникъ же его настаивалъ на томъ, что, кромѣ динамита,

было много уликъ, доказывающихъ то, что Свѣтлогубъ былъ главой шайки. И, вспомнивъ это, генералъ задумался, и подъ его сюртукомъ съ ватой на груди и крѣпкими, какъ картонъ, лацканами, неровно забилось сердце, и онъ сталъ такъ тяжело дышать, что большой бѣлый крестъ, предметъ его радости и гордости, зашевелился на его груди. Можно еще воротить правителя дѣлъ и, если не отмѣнить, то отложить приговоръ.

„Воротить? Не воротить?"

Сердце еще неровнѣе забилось. Онъ позвонилъ. Скорымъ, неслышнымъ шагомъ вошелъ курьеръ.

— Иванъ Матвѣевичъ уѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокопревосходительство, въ канцелярію изволили пройти.

Сердце генерала то останавливалось, то давало быстрые толчки. Онъ вспомнилъ предупрежденіе слушавшаго на-дняхъ его сердце врача.

„Главное,—сказалъ врачъ,—какъ только почувствуете, что есть сердце, кончайте занятія, развлекайтесь. Хуже всего волненія. Ни въ какомъ случаѣ не допускайте себя до этого".

— Прикажете позвать?

— Нѣтъ, не надо,—сказалъ генералъ. „Да,—сказалъ онъ самъ себѣ,—нерѣшительность хуже всего волнуетъ. Подписано и кончено. „Ein jeder macht sich sein Bett und muss d'rauf schlafen", сказалъ онъ самъ себѣ любимую пословицу. — Да это меня и не касается. Я исполнитель высшей воли и долженъ стоять выше такихъ соображеній",—прибавилъ онъ, сдвигая брови, чтобы вызвать въ себѣ жестокость, которой не было въ его сердцѣ.

И тутъ же ему вспомнилось его послѣднее свиданіе съ государомъ, какъ государь, сдѣлавъ строгое лицо и устремивъ на него свой стеклянный взглядъ, сказалъ: „Надѣюсь на тебя: какъ ты не жалѣлъ себя на войнѣ, ты такъ же рѣшительно будешь поступать въ борьбѣ съ красными, — не дашь ни обмануть, ни испугать себя. Прощай!" И государь, обнявъ его, подставилъ ему свое плечо для поцѣлуя. Генералъ вспомнилъ это и то, какъ онъ отвѣтилъ государю: „Одно мое желаніе—отдать жизнь на служеніе своему государю и отечеству".

И, вспомнивъ чувство подобострастнаго умиленія, которое онъ испыталъ передъ сознаніемъ своей самоотверженной преданности своему государю, онъ отогналъ отъ себя смутившую его на мгновеніе мысль, подписалъ остальныя бумаги и еще разъ позвонилъ.

— Чай поданъ?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ подаютъ, ваше высокопревосходительство.

— Хорошо, ступай.

Генералъ глубоко вздохнулъ и, потирая рукой мѣсто, гдѣ было сердце, тяжелой походкой вышелъ въ большую пустую залу и по свѣже натертому паркету залы въ гостиную, изъ которой слышались голоса.

У жены генерала были гости: губернаторъ съ женой, старая княжна, большая патріотка, и гвардейскій офицеръ, женихъ послѣдней незамужней дочери генерала.

Жена генерала, сухая, съ холоднымъ лицомъ и тонкими губами, сидя за низкимъ столикомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ съ серебрянымъ чайникомъ на конфоркѣ, фальшиво грустнымъ тономъ разсказывала толстой, молодящейся дамѣ, женѣ губернатора, о своемъ безпокойствѣ за здоровье мужа.

— Всякій день новыя и новыя донесенія открываютъ заговоры и всякія ужасныя вещи... И это все ложится на Базиля, — онъ долженъ все рѣшать.

— Ахъ, не говорите!—сказала княжна.—„Je deviens feroce quand je pense à cette maudite engeance“.

— Да, да, ужасно! Вѣрите ли, онъ работаетъ 12 часовъ въ сутки, и съ его слабымъ сердцемъ. Я прямо боюсь...

Она не договорила, увидавъ входящаго мужа.

— Да, вы непремѣнно послушайте его. Барбини—удивительный теноръ, — сказала она, пріятно улыбаясь губернаторшѣ о вновь пріѣхавшемъ пѣвцѣ такъ натурально, какъ будто онѣ только объ этомъ и говорили.

Дочь генерала, миловидная, полная дѣвушка, сидѣла съ женихомъ въ дальнемъ углу гостиной, за китайскими ширмочками. Она встала и вмѣстѣ съ женихомъ подошла къ отцу.

— Каково, мы и не видались нынче! — сказалъ генералъ, цѣлуя дочь и пожимая руку ея жениху.

Поздоровавшись съ гостями, генералъ подсѣлъ къ столику и разговорился съ губернаторомъ о послѣднихъ новостяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, о дѣлахъ не разговаривать, — запрещено!—перебила рѣчь губернатора жена генерала. — А вотъ кстати и Копьевъ; онъ намъ что-нибудь веселое разскажетъ.

— Здравствуйте, Копьевъ!

И Копьевъ, извѣстный весельчакъ и острякъ, дѣйствительно разсказалъ послѣднiй анекдотъ, который разсмѣшилъ всѣхъ.

II.

— Да нѣтъ, этого не можетъ быть, не можетъ, не можетъ! Пустите меня! — кричала, взвизгивая, мать Свѣтлогуба, вырываясь изъ рукъ учителя гимназiи, товарища сына, и доктора, которые старались удержать ее.

Мать Свѣтлогуба была не старая, миловидная женщина, съ сѣдѣющими локонами и звѣздой морщинокъ около глазъ. Учитель, товарищъ Свѣтлогуба, узнавъ о томъ, что смертный приговоръ подписанъ, хотѣлъ осторожно подготовить ее къ страшному извѣстiю, но только-что онъ началъ говорить про ея сына, она, по тону его голоса, по робости взгляда, угадала, что случилось то, чего она боялась.

Это происходило въ небольшомъ номерѣ лучшей гостиницы города.

— Да что вы меня держите, пустите меня!—кричала она, вырываясь отъ доктора, стараго друга ихъ семьи, который одной рукой держалъ ее за худой локоть, другой ставилъ на овальный столъ передъ диваномъ склянку капель. Она рада была, что ее держатъ, потому что чувствовала, что ей надо что-то предпринять, а что—она не знала и боялась себя.

— Успокойтесь. Вотъ, выпейте валерьяновыхъ капель, — говорилъ докторъ, подавая въ рюмкѣ мутную жидкость.

Она вдругъ затихла и почти сложилась вдвое, склонивъ голову на впалую грудь и закрывъ глаза, опустилась на диванъ.

И ей вспомнилось, какъ сынъ ея, три мѣсяца тому назадъ, прощался съ ней съ таинственнымъ и грустнымъ лицомъ. Потомъ

вспомнила она восьмилѣтняго мальчика въ бархатной курточкѣ съ голыми ножками и длинными вьющимися колечками бѣлокурыхъ волосъ.

„И его, его, этого самаго мальчика... сдѣлаютъ съ нимъ это!“

Она вскочила, оттолкнула столъ и вырвалась изъ рукъ доктора. Дойдя до двери, она опять упала въ кресло.

— А они говорятъ, Богъ есть! Какой онъ Богъ, если онъ позволяетъ это! Чортъ его возьми, этого Бога!—кричала она, то рыдая, то закатываясь истерическимъ хохотомъ. — Повѣсятъ, повѣсятъ того, кто бросилъ все, всю карьеру, все состояніе отдалъ другимъ, народу все отдалъ,—говорила она, всегда прежде упрекавшая сына за это, теперь же выставлявшая передъ собой заслугу его самоотреченія. — И его, его, съ нимъ сдѣлаютъ это! А вы говорите, что есть Богъ! — вскрикнула она.

— Да я ничего не говорю, я только прошу васъ выпить капли.

— Ничего не хочу. Ха-ха-ха! — хохотала и рыдала она, упиваясь своимъ отчаяніемъ.

Къ ночи она такъ измучилась, что не могла уже ни говорить, ни плакать, а только смотрѣла передъ собой остановившимся, сумасшедшимъ взглядомъ. Докторъ вспрыснулъ ей морфій, и она заснула.

Сонъ былъ безъ сновидѣній, но пробужденіе было еще ужаснѣе. Ужаснѣе всего было то, что люди могли быть такъ жестоки, не только эти ужасные генералы съ бритыми щеками и жандармы, но всѣ, всѣ: коридорная дѣвушка, съ спокойнымъ лицомъ, приходившая убирать комнату, и сосѣди въ номерѣ, которые весело встрѣчались и о чемъ-то смѣялись, какъ будто ничего не было.

III.

Свѣтлогубъ второй мѣсяцъ сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи и за это время пережилъ многое.

Съ дѣтства Свѣтлогубъ безсознательно чувствовалъ неправду своего исключительнаго положенія богатаго человѣка, хотя и старался заглушить въ себѣ это сознаніе, ему часто, когда онъ

встрѣчался съ нуждой народа, а иногда просто когда самому было особенно хорошо и радостно, становилось совѣстно за тѣхъ людей—крестьянъ, стариковъ, женщинъ, дѣтей, которые рождались, росли и умирали, не только не зная всѣхъ тѣхъ радостей, которыми онъ пользовался, не цѣня ихъ, но и не выходили изъ напряженнаго труда и нужды, когда онъ, кончивъ университетъ, чтобы освободиться отъ этого сознанія своей неправоты, завелъ школу у себя въ деревнѣ, образцовую школу, лавку потребительнаго товарищества и пріютъ для бездольныхъ стариковъ и старухъ. Но, странное дѣло, ему, занимаясь этими дѣлами, еще гораздо болѣе было совѣстно передъ народомъ, чѣмъ когда онъ ужиналъ съ товарищами или заводилъ дорогую верховую лошадь. Онъ чувствовалъ, что все это было не то, и хуже чѣмъ не то: тутъ было что-то дурное, нравственно-нечистое.

Въ одномъ изъ такихъ состояній разочарованія въ своей деревенской дѣятельности онъ пріѣхалъ въ Кіевъ и встрѣтился съ однимъ изъ наиболѣе близкихъ товарищей по университету. Товарищъ этотъ три года послѣ этой встрѣчи былъ разстрѣлянъ во рву кіевской крѣпости.

Товарищъ этотъ, горячій, увлекающійся и съ огромными дарованіями человѣкъ, привлекъ его къ участію въ обществѣ, цѣль котораго состояла въ просвѣщеніи народа, вызовѣ въ немъ сознанія его правъ и образованія въ немъ объединенныхъ кружковъ, стремящихся къ освобожденію себя отъ власти землевладѣльцевъ и правительства. Бесѣды съ этимъ человѣкомъ и его друзьями какъ бы привели въ ясное сознаніе все то, что до тѣхъ поръ смутно чувствовалось Свѣтлогубомъ. Онъ понялъ теперь, что ему надо было дѣлать. Не прерывая сношеній съ новыми товарищами, онъ уѣхалъ въ деревню и началъ тамъ совсѣмъ новую дѣятельность. Онъ самъ сталъ школьнымъ учителемъ, устроилъ классы для взрослыхъ, читалъ имъ книги и брошюры, объяснялъ крестьянамъ ихъ положеніе; кромѣ того, онъ издавалъ нелегальныя народныя книги и брошюры и отдавалъ все, что могъ, не отнимая у матери, на устройство такихъ же центровъ по другимъ деревнямъ.

Съ первыхъ же шаговъ этой новой дѣятельности Свѣтлогубъ встрѣтилъ два неожиданныхъ препятствія: одно въ томъ, что боль-

шинство людей народа не только было равнодушно къ его проповѣдямъ, но почти презрительно смотрѣло на него. (Понимали его и сочувствовали ему только исключительныя личности и часто люди сомнительной нравственности). Другое препятствіе было со стороны правительства. Школа была запрещена ему, и у него и у близкихъ ему людей были сдѣланы обыски и отобраны книги и бумаги.

Свѣтлогубъ мало обратилъ вниманія на первое препятствіе—равнодушіе народа, такъ какъ онъ былъ слишкомъ возмущенъ вторымъ препятствіемъ: притѣсненіями правительства, безсмысленными и оскорбительными. То же испытывали и его товарищи въ своей дѣятельности и въ другихъ мѣстахъ, и чувство раздраженія противъ правительства, взаимно разжигаемое, дошло до того, что большая часть этого кружка рѣшила силою бороться съ правительствомъ.

Главою этого кружка былъ нѣкто Меженецкій,—человѣкъ, какъ его считали всѣ, непоколебимой силы воли, непобѣдимой логичности и весь преданный дѣлу революціи.

Свѣтлогубъ подчинился вліянію этого человѣка и съ той же энергіей, съ которой онъ прежде работалъ въ народѣ, отдался террористической дѣятельности.

Дѣятельность эта была опасна, но эта-то опасность болѣе всего и привлекала Свѣтлогуба.

Онъ говорилъ себѣ: „Побѣда или мученичество, а если и мученичество, то мученичество тоже побѣда, но только въ будущемъ“. И огонь, загорѣвшійся въ немъ, не только не потухалъ въ продолженіе семи лѣтъ его революціонной дѣятельности, а все болѣе и болѣе разгорался, поддерживаемый любовью и уваженіемъ тѣхъ людей, среди которыхъ онъ вращался.

Тому, что онъ отдалъ почти все свое состояніе—состояніе, перешедшее ему отъ отца—на это дѣло, онъ не приписывалъ никакой важности, не приписывалъ и тѣмъ трудамъ и той нуждѣ, которые онъ переносилъ часто въ своей дѣятельности. Одно только огорчало его: это то горе, которое онъ доставлялъ этой дѣятельностью своей матери и той дѣвушкѣ, ея воспитанницѣ, которая жила съ его матерью и любила его.

Въ послѣднее время мало любимый имъ и непріятный товарищъ

террористъ, преслѣдуемый полиціей, просилъ его спрятать у себя динамитъ. Свѣтлогубъ безъ колебанія согласился именно потому, что не любилъ этого товарища, и на слѣдующій день въ квартирѣ Свѣтлогуба сдѣланъ былъ обыскъ и найденъ динамитъ. На всѣ вопросы о томъ, какъ, откуда онъ пріобрѣлъ динамитъ, Свѣтлогубъ отказался отвѣчать.

И вотъ то мученичество, которое онъ ожидалъ, началось для него. Въ послѣднее время, когда столько друзей его было казнено, заключено, сослано, когда пострадало столько женщинъ, Свѣтлогубъ почти желалъ мученичества. И въ первыя минуты ареста и допросовъ онъ чувствовалъ особенное возбужденіе, почти радость.

Онъ испытывалъ это чувство, когда его раздѣвали, обыскивали, и когда ввели въ тюрьму и заперли за нимъ желѣзную дверь. Но когда прошелъ день, другой, третій, прошла недѣля, другая, третья въ грязной, сырой, наполненной насѣкомыми камерѣ и въ одиночествѣ и невольной праздности, прерываемой только перестукиваніями съ товарищами заключенными, передававшими все недобрыя и нерадостныя вѣсти, да изрѣдка допросами холодныхъ, враждебныхъ людей, старавшихся выпытывать отъ него обвиненія товарищей, нравственныя силы его вмѣстѣ съ физическими постоянно ослабѣвали, и онъ только тосковалъ и желалъ, какъ онъ говорилъ себѣ, какого-нибудь конца этого мучительнаго положенія. Тоска его увеличивалась еще тѣмъ, что онъ усомнился въ своихъ силахъ. На второй мѣсяцъ онъ сталъ заставать себя на мысли сказать всю правду, только бы быть освобожденнымъ. Онъ ужасался на свою слабость, но не находилъ уже въ себѣ прежнихъ силъ и ненавидѣлъ, презиралъ себя и тосковалъ еще больше.

Самое же ужасное было то, что ему въ заточеніи такъ жалко стало тѣхъ молодыхъ силъ и радостей, которыми онъ такъ легко жертвовалъ, пока былъ на волѣ, и которыя ему теперь казались такъ обаятельны, что онъ раскаивался въ томъ, что считалъ хорошимъ, раскаивался иногда во всей своей дѣятельности. Ему приходили мысли о томъ, какъ счастливо, хорошо онъ могъ бы жить на свободѣ—въ деревнѣ, на волѣ, за границей, среди любимыхъ и любящихъ друзей. Жениться на ней, а можетъ-быть, на другой, и жить съ ней простой, радостной, свѣтлой жизнью.

IV.

Въ одинъ изъ мучительно однообразныхъ дней заключенія второго мѣсяца смотритель, при обычномъ обходѣ, передалъ Свѣтлогубу маленькую книжку съ золоченымъ крестомъ на коричневомъ переплетѣ, сказавъ, что тюрьму посѣтила губернаторша и оставила евангелія, которыя разрѣшено передать заключеннымъ. Свѣтлогубъ поблагодарилъ и слегка улыбнулся, кладя книжку на привинченный къ стѣнѣ столикъ.

Когда смотритель ушелъ, Свѣтлогубъ переговорился стуками съ сосѣдями о томъ, что былъ смотритель и ничего не сказалъ новаго, а только принесъ евангеліе, и сосѣдъ отвѣтилъ, что и ему тоже.

Послѣ обѣда Свѣтлогубъ раскрылъ склеившуюся отъ сырости листами книженку и сталъ читать. Свѣтлогубъ никогда еще, какъ книгу, не читалъ евангелія. Все, что онъ зналъ о ней, было то, что въ гимназіи проходилъ законоучитель и что нараспѣвъ читали въ церкви попы и дьяконы.

„Глава первая. Родословіе Іисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Исаакъ родилъ Іакова, Іаковъ родилъ Іуду"... читалъ онъ. „Зоровавель родилъ Авіуда", продолжалъ онъ читать. Все это было то самое, чего онъ ожидалъ: какая-то запутанная, ни на что ненужная безсмыслица. Если бы это было не въ тюрьмѣ, онъ не могъ бы дочесть одной страницы, а тутъ онъ продолжалъ читать для процесса чтенія: „какъ гоголевскій Петрушка", подумалъ онъ про себя. Онъ прочелъ первую главу о рожденіи дѣвой и о пророчествѣ, состоящемъ въ томъ, что нарекутъ рожденному имя Эммануилъ, означающее: „съ нами Богъ". „И въ чемъ же тутъ пророчество?" подумалъ онъ и продолжалъ читать. Онъ прочелъ и вторую главу о ходячей звѣздѣ и третью объ Іоаннѣ, питающемся стрекозами, и четвертую о какомъ-то дьяволѣ, предлагавшемъ Христу гимнастическое упражненіе съ крыши. Такъ все это казалось ему неинтересно, что, несмотря на скуку тюрьмы, онъ уже хотѣлъ закрыть книгу и начать обычное свое вечернее занятіе — ловлю блохъ на снятой рубашкѣ,—какъ вдругъ вспомнилъ, что на экзаменѣ 5-го класса гимназіи онъ забылъ одну изъ

заповѣдей блаженства, и розоволицый, кудрявый батюшка вдругъ разсердился и поставилъ ему двойку. Онъ не могъ вспомнить, какая это была заповѣдь, и прочелъ блаженства. „Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное“, прочелъ онъ. „Это, пожалуй, и къ намъ относится“, подумалъ онъ. „Блаженны вы, когда будутъ поносить и гнать васъ. Радуйтесь и веселитесь: такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ“. „Вы—соль земли, если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ“.

„Это совсѣмъ ужъ къ намъ относится,—подумалъ онъ и продолжалъ читать дальше. Прочтя всю пятую главу, онъ задумался. „Не сердитесь, не прелюбодѣйствуйте, терпите зло, любите враговъ“.

„Да, если бы всѣ такъ жили,—думалъ онъ,—и не нужно бы и революціи“. Читая дальше, онъ все больше и больше вникалъ въ смыслъ тѣхъ мѣстъ книги, которыя были вполнѣ понятны. И чѣмъ дальше онъ читалъ, тѣмъ все больше и больше приходилъ къ мысли, что въ этой книгѣ сказано что-то особенно важное. И важное, и простое, и трогательное, такое, чего онъ никогда не слыхалъ прежде, но что какъ будто было давно знакомо ему.

„Ко всѣмъ же сказалъ: если кто хочетъ идти за Мной, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мной. Ибо, кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ свою душу ради Меня, тотъ сбережетъ ее. Ибо что пользы человѣку пріобрѣсть весь міръ, а себя самого погубить или повредить себѣ“.

— Да, да, это самое!—вдругъ вскрикнулъ онъ со слезами на глазахъ.—Это самое я и хотѣлъ дѣлать. Да, хотѣлъ этого самаго: именно, отдать душу свою; не сберечь, а отдать. Въ этомъ радость, въ этомъ жизнь! Многое я дѣлалъ для людей, для славы людской,—думалъ онъ,—не славы толпы, а славы добраго мнѣнія тѣхъ, кого я уважалъ и любилъ: Наташи, Дмитрія Шеломова, и тогда были сомнѣнія, было тревожно. Хорошо мнѣ было только тогда, когда я дѣлалъ только потому, что этого требовала душа, когда хотѣлъ отдать себя, всего отдать...

Съ этого времени Свѣтлогубъ большую часть времени сталъ проводить за чтеніемъ и обдумываніемъ того, что было сказано въ этой книгѣ. Чтеніе это вызвало въ немъ не только умиленное состояніе, которое выносило его изъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ находился, но и такую работу мысли, которой онъ прежде никогда не сознавалъ въ себѣ. Онъ думалъ о томъ, почему люди, всѣ люди не живутъ такъ, какъ сказано въ этой книгѣ. „Вѣдь жить такъ хорошо не одному, а всѣмъ. Только живи такъ—и не будетъ горя, нужды, будетъ одно блаженство. Только бы кончилось это, только бы жить мнѣ опять на свободѣ,—думалъ онъ иногда,—выпустятъ же они меня когда-нибудь или сошлютъ въ каторгу. Все равно, вездѣ можно жить такъ. И буду жить такъ. Это можно и надо жить такъ; не жить такъ—безуміе“.

V.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ находился въ такомъ радостномъ, возбужденномъ состояніи, въ камеру къ нему вошелъ въ необычное время смотритель и спросилъ, хорошо ли ему и не желаетъ ли онъ чего. Свѣтлогубъ удивился, не понимая, что означаетъ эта перемѣна, и попросилъ папиросъ, ожидая отказа. Но смотритель сказалъ, что онъ сейчасъ пришлетъ, и, дѣйствительно, сторожъ принесъ ему пачку папиросъ и спички.

„Должно быть, кто-нибудь походатайствовалъ за меня“, подумалъ Свѣтлогубъ и, закуривъ папиросу, сталъ ходить взадъ и впередъ по камерѣ, обдумывая значеніе этой перемѣны.

На другой день его повели въ судъ. Въ помѣщеніи суда, гдѣ онъ уже бывалъ нѣсколько разъ, его не стали допрашивать. Но одинъ изъ судей, не глядя на него, всталъ съ своего кресла, встали и другіе, держа бумагу, сталъ читать громкимъ, ненатурально невыразительнымъ голосомъ.

Свѣтлогубъ слушалъ и смотрѣлъ на лица судей. Всѣ они не смотрѣли на него и съ значительными, унылыми лицами, слушали.

Въ бумагѣ было сказано, что Анатолій Свѣтлогубъ за доказанное участіе въ революціонной дѣятельности, имѣющей цѣлью ни-

опроверженіе, въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ, существующаго правительства, приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ и къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Свѣтлогубъ слышалъ и понималъ значеніе словъ, произносимыхъ офицеромъ. Онъ замѣтилъ нелѣпость словъ: въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ и лишеніи правъ человѣка, приговореннаго къ смерти, но совершенно не понималъ того значенія, которое имѣло для него то, что было прочитано.

Только долго послѣ того, какъ ему сказали, что онъ можетъ идти, и онъ вышелъ съ жандармомъ на улицу, онъ началъ понимать то, что ему было объявлено.

„Тутъ что-то не то, не то... Тутъ какая-то безсмыслица. Этого не можетъ быть“,—говорилъ онъ себѣ, сидя въ каретѣ, которая везла его назадъ въ тюрьму.

Онъ чувствовалъ въ себѣ такую силу жизни, что не могъ представить себѣ смерти: не могъ соединить сознанія своего „я“ со смертью, съ отсутствіемъ „я“.

Вернувшись назадъ въ свою тюрьму, Свѣтлогубъ сѣлъ на койку и, закрывъ глаза, старался живо представить себѣ то, что его ожидаетъ, и никакъ не могъ этого сдѣлать. Онъ никакъ не могъ представить себѣ того, чтобы его не было, не могъ представить себѣ и того, чтобы люди могли желать убить его.

„Меня, молодого, добраго, счастливаго, любимаго столькими людьми,—думалъ онъ,—онъ вспомнилъ о любви къ себѣ матери, Наташи, друзей.—Меня убьютъ, повѣсятъ! Кто, зачѣмъ сдѣлаетъ это? И потомъ, что же будетъ, когда меня не будетъ? Не можетъ быть“,—говорилъ онъ себѣ.

Пришелъ смотритель. Свѣтлогубъ не слыхалъ его входа.

— Кто это? Что вы?—проговорилъ Свѣтлогубъ, не узнавая смотрителя.—Ахъ, да, это вы! Когда же это будетъ?—спросилъ онъ.

— Не могу знать,—сказалъ смотритель и, постоявъ молча нѣсколько секундъ, вдругъ вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ проговорилъ:—Тутъ нашъ батюшка желалъ бы... напут... желалъ бы видѣть васъ...

— Мнѣ не надо, не надо, ничего не надо! Уйдите!—вскрикнулъ Свѣтлогубъ.

— Не нужно ли вамъ написать кому-нибудь? Это можно,—сказалъ смотритель.

— Да, да, пришлите. Я напишу.

Смотритель ушелъ.

„Стало-быть, утромъ,—думалъ Свѣтлогубъ.—Они всегда такъ дѣлаютъ. Завтра утромъ меня не будетъ... Нѣтъ, этого не можетъ быть, это сонъ“.

Но пришелъ сторожъ, настоящій, знакомый сторожъ, и принесъ два пера, чернильницу, пачку почтовой бумаги и синеватыхъ конвертовъ и поставилъ табуретку къ столу. Все это было настоящее и не сонъ.

„Надо не думать, не думать. Да, да! Напишу мамѣ“, подумалъ Свѣтлогубъ, сѣлъ на табуретку и тотчасъ же началъ писать.

„Милая, родная! — писалъ онъ и заплакалъ. — Прости меня, прости за все горе, которое я причинилъ тебѣ. Заблуждался я или нѣтъ, но я не могъ иначе. Объ одномъ прошу: прости меня“.— „Да это я ужъ написалъ,—подумалъ онъ.—Ну, да все равно, теперь некогда переписывать“. — Не тужи обо мнѣ,—писалъ онъ дальше.—Немного раньше, немного позже... развѣ не все равно? Я не боюсь и не раскаиваюсь въ томъ, что дѣлалъ. Я не могъ иначе. Только ты прости меня. И не сердись на нихъ, ни на тѣхъ, съ которыми я работалъ, ни на тѣхъ, которые казнятъ меня. Ни тѣ, ни другіе не могли иначе: прости имъ, они не знаютъ, что творятъ. Я не смѣю о себѣ повторять эти слова, но они у меня въ душѣ, и поднимаютъ и успокаиваютъ меня. Прости, цѣлую твои милыя, сморщенныя, старыя руки!—Двѣ слезы одна за другой капнули на бумагу и расплылись на ней.—Я плачу, но не отъ горя или страха, а отъ умиленія передъ самой торжественной минутой моей жизни, и отъ того, что люблю тебя. Друзей моихъ не упрекай, а люби. Особенно Прохорова, именно за то, что онъ былъ причиной моей смерти. Это такъ радостно любить того, кто не то что виноватъ, но котораго можно упрекать, ненавидѣть. Полюбить такого человѣка—врага—такое счастіе. Наташѣ скажи, что ея любовь была моимъ утѣшеніемъ и радостью. Я не понималъ этого ясно, но въ глубинѣ души сознавалъ. Мнѣ было легче жить, зная, что она есть и любитъ меня. Ну, сказалъ все. Прощай!“

Онъ сложилъ письмо, запечаталъ и сѣлъ на кровать, положивъ руки на колѣна и глотая слезы.

Онъ все не вѣрилъ, что долженъ умереть. Нѣсколько разъ онъ, опять задавая себѣ вопросъ, не спитъ ли онъ, тщетно старался проснуться. И эта мысль навела его на другую: о томъ, что и вся жизнь въ этомъ мірѣ не есть ли сонъ, пробужденіе отъ котораго будетъ смерть. А если это такъ, то сознаніе жизни въ этомъ мірѣ не есть ли только пробужденіе отъ сна предшествующей жизни, подробности которой и я не помню. Такъ что жизнь здѣсь не начало, а только новая форма жизни. Умру и перейду въ новую форму. Мысль эта понравилась ему; но когда онъ хотѣлъ опереться на нее, онъ почувствовалъ, что эта мысль, да и всякая мысль, какая бы ни была, не можетъ дать безстрашіе передъ смертью. Наконецъ, онъ усталъ думать. Мозгъ больше не работалъ: онъ закрылъ глаза и долго сидѣлъ такъ, не думая.

Онъ перечелъ письмо и, въ концѣ его прочтя имя Прохорова, вдругъ вспомнилъ, что письмо могутъ прочесть, навѣрное прочтутъ, и это погубитъ Прохорова.

— Боже мой, что я надѣлалъ!—вдругъ вскрикнулъ онъ и, разорвавъ письмо на длинныя полосы, сталъ старательно сжигать ихъ на лампѣ.

Онъ сѣлъ писать съ отчаяніемъ, а теперь чувствовалъ себя спокойнымъ, почти радостнымъ.

Онъ взялъ другой листъ и тотчасъ же сталъ писать. Мысли одна за другой толпились въ его головѣ.

„Милая, голубушка мама!—писалъ онъ, и опять глаза его затуманились слезами, и ему надо было вытирать ихъ рукавомъ халата, чтобы видѣть то, что онъ пишетъ. — Какъ я не зналъ себя, всю силу той любви къ тебѣ и благодарность, которая всегда жила въ моемъ сердцѣ! Теперь я знаю и чувствую и когда вспоминаю наши размолвки, мои недобрыя слова, сказанныя тебѣ, мнѣ больно и стыдно и почти непонятно. Прости же меня и вспоминай только то хорошее, если что было такого во мнѣ.

„Смерти я не боюсь. По правдѣ сказать, не понимаю ея, не вѣрю въ нее. Вѣдь если есть смерть, уничтоженіе, то развѣ не все равно умереть 30 годами или минутами раньше или позже.

Если же нѣтъ смерти, то ужъ совсѣмъ все равно, раньше или позже".

„Но что я философствую,—подумалъ онъ,—надо сказать то, что было въ томъ письмѣ,—что-то хорошее въ концѣ. Да".—„Друзей моихъ не упрекай, а люби и особенно того, кто былъ причиной невольной моей смерти. Наташу поцѣлуй за меня и скажи ей, что я любилъ ее всегда".

„Какъ же? Что же будетъ? — опять вспомнилъ онъ. — Ничего? Нѣтъ, не ничего. А что же?"

И ему вдругъ совершенно ясно стало, что на эти вопросы для живого человѣка нѣтъ и не можетъ быть отвѣта.

„Такъ зачѣмъ же я спрашиваю себя объ этомъ? Зачѣмъ? Да, зачѣмъ? Не надо спрашивать, надо жить. Такъ, какъ я жилъ сейчасъ, когда писалъ это письмо. Вѣдь мы всѣ приговорены давно, всегда, и живемъ. Живемъ хорошо, радостно, когда... любимъ. Да, когда любимъ. Вотъ я писалъ письмо, любилъ, и мнѣ было хорошо. Такъ и надо жить. И можно жить вездѣ и всегда, и на волѣ, и въ тюрьмѣ, и нынче, и завтра, и до самаго конца".

Ему хотѣлось сейчасъ же ласково, любовно поговорить съ кѣмъ-нибудь. Онъ постучалъ въ дверь, и когда часовой заглянулъ къ нему, онъ спросилъ его, который часъ и скоро ли онъ будетъ смѣняться, но часовой ничего не отвѣтилъ ему. Тогда онъ попросилъ позвать смотрителя. Смотритель пришелъ, спрашивая, что ему нужно.

— Вотъ я написалъ письмо матери, отдайте, пожалуйста, — сказалъ онъ, и слезы выступили ему на глаза при воспоминаніи о матери.

Смотритель взялъ письмо и, обѣщая передать его, хотѣлъ уходить, но Свѣтлогубъ остановилъ его.

— Послушайте, вы добрый. Зачѣмъ вы служите въ этой тяжелой должности?—сказалъ онъ, ласково трогая его за рукавъ.

Смотритель неестественно жалостно улыбнулся и, опустивъ глаза, сказалъ:

— Надо же жить.

— А вы оставьте эту должность. Вѣдь всегда можно устроиться. Вы такой добрый. Можетъ-быть, я бы могъ...

Смотритель вдругъ всхлипнулъ, быстро повернулся и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Волненіе смотрителя еще больше умилило Свѣтлогуба и, удерживая радостныя слезы, онъ сталъ ходить отъ стѣны до стѣны, не испытывая теперь уже никакого страха, а только умиленное состояніе, поднимавшее его выше міра.

Тотъ самый вопросъ, что будетъ съ нимъ послѣ смерти, на который онъ такъ старался и не могъ отвѣтить, казался разрѣшеннымъ для него и не какимъ-либо положительнымъ, разсудочнымъ отвѣтомъ, а сознаніемъ той истинной жизни, которая была въ немъ.

И онъ вспомнилъ слова евангелія: „Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода". Вотъ и я упадаю въ землю. Да, истинно, истинно",—думалъ онъ.

„Заснуть бы, — вдругъ подумалъ онъ, — чтобы не ослабѣть потомъ". Онъ легъ на койку, закрылъ глаза и тотчасъ же заснулъ.

Онъ проснулся въ шесть часовъ утра, весь подъ впечатлѣніемъ свѣтлаго, веселаго сновидѣнія. Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ, съ какой-то маленькой, бѣлокурой дѣвочкой лазаетъ по развѣсистымъ деревьямъ, осыпаннымъ спѣлыми, черными черешнями, и собираетъ въ большой мѣдный тазъ. Черешни не попадаютъ въ тазъ и сыпятся на землю, и какія-то странныя животныя, — въ родѣ кошекъ,—ловятъ черешни и подбрасываютъ кверху и опять ловятъ. И, глядя на это, дѣвочка заливается, хохочетъ такъ заразительно, что Свѣтлогубъ тоже весело смѣется во снѣ, самъ не зная чему. Вдругъ мѣдный тазъ выскальзываетъ изъ рукъ дѣвочки, Свѣтлогубъ хочетъ поймать его, но не успѣваетъ, и тазъ съ мѣднымъ грохотомъ, толкаясь о сучья, падаетъ на землю. И онъ просыпается, улыбаясь и слушая продолжающійся грохотъ таза. Грохотъ этотъ есть звукъ отворяемыхъ желѣзныхъ запоровъ въ коридорѣ. Слышны шаги по коридору и бряканье ружей. Онъ вдругъ вспоминаетъ все. „Ахъ, если бы заснуть опять!" думаетъ Свѣтлогубъ, но заснуть уже нельзя. Шаги подошли къ его двери. Онъ слышитъ, какъ ключъ ищетъ замка и какъ, отворяясь, скрипитъ дверь.

Вошли жандармскій офицеръ, смотритель и конвой.

„Смерть? Ну, такъ что же? Уйду. Это хорошо. Все хорошо“,— думаетъ Свѣтлогубъ, чувствуя, какъ возвращается къ нему то умиленно-торжественное состояніе, въ которомъ онъ былъ вчера.

VI.

Въ той же тюрьмѣ, гдѣ содержался Свѣтлогубъ, содержался и старикъ раскольникъ, безпоповецъ, усомнившійся въ своихъ руководителяхъ и искавшій истинную вѣру. Онъ отрицалъ не только никоніанскую церковь, но и правительство со времени Петра, котораго считалъ антихристомъ,—царскую власть называлъ „табачной державой“ и смѣло высказывалъ то, что думалъ, обличая поповъ и чиновниковъ, за что и былъ судимъ и содержимъ въ острогѣ и пересылаемъ изъ одной тюрьмы въ другую. То, что онъ не на волѣ, а въ тюрьмѣ, что надъ нимъ ругались смотрителя, что на него надѣвали кандалы, что надъ нимъ издѣвались сотоварищи узники, что всѣ они, такъ же, какъ и начальство, отреклись отъ Бога и ругались другъ надъ другомъ и оскверняли всячески въ себѣ образъ Божій, все это не занимало его, все это онъ видѣлъ вездѣ въ міру, когда былъ на волѣ. Все это, онъ зналъ, происходитъ отъ того, что люди потеряли истинную вѣру и всѣ разбрелись, какъ слѣпые щенята отъ матери. А между тѣмъ онъ зналъ, что истинная вѣра есть. Зналъ онъ это потому, что чувствовалъ эту вѣру въ своемъ сердцѣ. И онъ искалъ эту вѣру вездѣ. Больше всего онъ надѣялся найти ее въ откровеніи Іоанна.

„Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду; нечистый пусть еще скверпится; праведный да творитъ правду еще и святой да освящается еще. Се гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его“. И онъ постоянно читалъ эту таинственную книгу и всякую минуту ждалъ „грядущаго“, который не только воздастъ каждому по дѣламъ его, но и откроетъ всю божескую истину людямъ.

Въ утро казни Свѣтлогуба онъ услыхалъ барабаны и, влѣзши на окно, увидалъ черезъ рѣшетку, какъ подвезли колесницу и

какъ вышелъ изъ тюрьмы юноша, съ свѣтлыми очами и вьющимися кудрями, и, улыбаясь, взошелъ на колесницу. Въ небольшой бѣлой рукѣ юноши была книга. Юноша прижималъ къ сердцу книгу,—раскольникъ узналъ, что это было евангеліе,—и, кивая въ окна заключеннымъ, улыбаясь, переглянулся съ нимъ. Лошади тронулись, и колесница, съ сидѣвшимъ въ ней свѣтлымъ, какъ ангелъ, юношей, окруженная стражниками, громыхая по камнямъ, выѣхала за ворота.

Раскольникъ слѣзъ съ окна, сѣлъ на свою койку и задумался. „Этотъ позналъ истину,—думалъ онъ. — Антихристовы слуги затѣмъ и задавятъ его веревкой, чтобъ не открылъ никому“.

VII.

Было пасмурное осеннее утро. Солнца не видно было. Съ моря дулъ влажный, теплый вѣтеръ.

Свѣжій воздухъ, видъ домовъ, города, лошадей, людей, смотрѣвшихъ на него, все это развлекало Свѣтлогуба. Сидя на скамейкѣ колесницы, спиною къ кучеру, онъ невольно вглядывался въ лица конвоирующихъ его солдатъ и встрѣчавшихся жителей.

Былъ ранній часъ утра, улицы, по которымъ его везли, были почти пусты и встрѣчались только рабочіе. Обрызганные известкой каменщики въ фартукахъ, поспѣшно шедшіе ему навстрѣчу, остановились и вернулись назадъ, равняясь съ колесницей. Одинъ изъ нихъ что-то сказалъ, махнулъ рукой, и всѣ они повернулись и пошли назадъ къ своему дѣлу; извозчики ломовики, везущіе гремящія полосы желѣза, своротивъ своихъ крупныхъ лошадей, чтобы дать дорогу колесницѣ, остановились и съ недоумѣвающимъ любопытствомъ смотрѣли на него. Одинъ изъ нихъ снялъ шапку и перекрестился; кухарка въ бѣломъ фартукѣ и чепчикѣ, съ корзинкой въ рукѣ, вышла изъ воротъ, но увидавъ колесницу, быстро вернулась во дворъ и выбѣжала оттуда съ другой женщиной, и обѣ, не переводя дыханія, широко раскрытыми глазами проводили колесницу до тѣхъ поръ, пока могли видѣть ее; какой-то растерзанно одѣтый, небритый сѣдоватый человѣкъ, что-то очевидно неодобрительное съ энергическими жестами внушалъ дворнику, ука-

зывая на Свѣтлогуба. Два мальчика рысью догнали колесницу и съ повернутыми головами, не глядя передъ собой, шагали рядомъ съ ней по тротуару. Одинъ постарше шелъ быстрыми шагами; другой маленькій, безъ шапки, держась за старшаго и испуганно глядя на колесницу, короткими ножонками съ трудомъ, спотыкаясь, поспѣвалъ за старшимъ. Встрѣтившись съ нимъ глазами, Свѣтлогубъ кивнулъ ему головой. Этотъ жестъ страшнаго человѣка, везомаго на колесницѣ, такъ смутилъ мальчика, что онъ, выпучивши глаза и раскрывъ ротъ, собрался плакать. Тогда Свѣтлогубъ, поцѣловавъ свою руку, ласково улыбнулся ему. И мальчикъ вдругъ неожиданно отвѣтилъ милой, доброй улыбкой.

Во все время переѣзда, сознаніе того, что ожидаетъ его, не нарушало спокойно-торжественнаго настроенія Свѣтлогуба.

Только когда колесница подъѣхала къ висѣлицѣ и его свели съ нея, и онъ увидѣлъ столбы съ перекладиной и слегка качавшейся на ней отъ вѣтра веревкой, онъ почувствовалъ какъ будто физическій ударъ въ сердце. Ему вдругъ стало тошно. Но это продолжалось не долго. Вокругъ помоста онъ увидалъ черные ряды солдатъ съ ружьями. Впереди солдатъ ходили офицеры. И какъ только его стали сводить съ колесницы, раздался неожиданный, заставившій его вздрогнуть, трескъ барабанной дроби. Позади рядовъ солдатъ Свѣтлогубъ увидалъ коляски господъ и дамъ, пріѣхавшихъ смотрѣть на зрѣлище. Видъ всего этого въ первую минуту удивилъ Свѣтлогуба, но тотчасъ же онъ вспомнилъ себя, какой онъ былъ до тюрьмы, и ему стало жалко того, что люди эти не знаютъ, что онъ зналъ теперь. „Но они познаютъ. Я умру, но истина не умретъ. Они будутъ знать. И какъ всѣ уже, не я, а всѣ они могли бы быть и будутъ счастливыми“.

Его ввели на помостъ, и вслѣдъ за нимъ вошелъ офицеръ. Барабаны замолкли, и офицеръ прочелъ ненатуральнымъ голосомъ, особенно слабо звучавшимъ среди широкаго поля и послѣ треска барабановъ, тотъ глупый смертный приговоръ, который ему читали на судѣ о лишеніи правъ того, кого убиваютъ, и о близкомъ и далекомъ будущемъ. „Зачѣмъ, зачѣмъ они дѣлаютъ все это?—думалъ Свѣтлогубъ.—Какъ жалко, что они еще не знаютъ и что я уже не могъ передать имъ всего, но они узнаютъ. Всѣ узнаютъ“.

Къ Свѣтлогубу подошелъ худощавый, съ длинными-рѣдкими волосами священникъ въ лиловой рясѣ, съ однимъ небольшимъ золоченымъ крестомъ на груди и съ другимъ большимъ серебрянымъ крестомъ, который онъ держалъ въ слабой, бѣлой, жилистой, худой рукѣ, выступавшей изъ черно-бархатнаго обшлага.

— Милосердный Господь,—началъ онъ, перекладывая крестъ изъ лѣвой руки въ правую и поднося его Свѣтлогубу.

Свѣтлогубъ вздрогнулъ и отстранился. Онъ чуть было не сказалъ недобраго слова священнику, участвующему въ совершаемомъ надъ нимъ дѣлѣ и говорящему о милосердіи, но, вспомнивъ слова евангелія: „не знаютъ, что творятъ", сдѣлалъ усиліе и робко проговорилъ: „Извините, мнѣ не надо этого. Пожалуйста, простите меня, но мнѣ, право, не надо! Благодарю васъ".

Онъ протянулъ священнику руку. Священникъ переложилъ опять крестъ въ лѣвую руку и, пожавъ руку Свѣтлогуба, стараясь не смотрѣть ему въ лицо, спустился съ помоста. Барабаны опять затрещали, заглушая всѣ другіе звуки. Вслѣдъ за священникомъ, колебля доски помоста, быстрыми шагами подошелъ къ Свѣтлогубу средняго возраста человѣкъ съ покатыми плечами и мускулистыми руками въ пиджакѣ сверхъ русской рубахи. Человѣкъ этотъ, быстро оглянувъ Свѣтлогуба, совсѣмъ близко подошелъ къ нему и, обдавъ его непріятнымъ запахомъ вина и пота, схватилъ его цѣпкими пальцами за руки выше кисти и, сжавъ ихъ такъ, что стало больно, загнулъ ихъ ему за спину и туго завязалъ. Завязавъ руки, палачъ на минуту остановился, какъ бы соображая и взглядывая то на Свѣтлогуба, то на какія-то вещи, которыя онъ принесъ съ собой и положилъ на помостѣ, то на висѣвшую на перекладинѣ веревку. Сообразивъ то, что ему нужно было, онъ подошелъ къ веревкѣ, что-то сдѣлалъ съ ней, подвинулъ Свѣтлогуба впередъ, ближе къ веревкѣ и обрыву помоста.

Какъ при объявленіи смертнаго приговора Свѣтлогубъ не могъ понять всего значенія того, что объявлялось ему, такъ и теперь онъ не могъ обнять всего значенія предстоящей минуты, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на палача, поспѣшно, ловко и озабоченно исполняющаго свое ужасное дѣло. Лицо палача было самое обыкновенное лицо русскаго рабочаго человѣка, не злое, но сосредо-

точеніое, какое бываетъ у людей, старающихся какъ можно точнѣе исполнить нужное и сложное дѣло.

— Еще сюда вотъ подвинься... или подвиньтесь...—проговорилъ хриплымъ голосомъ палачъ, толкая его къ висѣлицѣ. Свѣтлогубъ подвинулся.

„Господи помоги, помилуй меня!“—проговорилъ онъ.

Свѣтлогубъ не вѣрилъ въ Бога и даже часто смѣялся надъ людьми, вѣрящими въ Бога, онъ и теперь не вѣрилъ въ Бога, не вѣрилъ потому, что не могъ не только словами выразить, но мыслью обнять Его. Но то, что онъ разумѣлъ теперь подъ тѣмъ, къ кому обращался,—онъ зналъ это,—было нѣчто самое реальное изъ всего того, что онъ зналъ. Зналъ и то, что обращеніе это было нужно и важно. Зналъ это потому, что обращеніе это тотчасъ укрѣпило, успокоило его.

Онъ подвинулся къ висѣлицѣ и, невольно окинувъ взглядомъ ряды солдатъ и пестрыхъ зрителей, еще разъ подумалъ: „Зачѣмъ, зачѣмъ они дѣлаютъ это?“ И ему стало жалко и ихъ и себя, и слезы выступили ему на глаза.

— И не жалко тебѣ меня?—сказалъ онъ, уловивъ взглядъ бойкихъ, сѣрыхъ глазъ палача.

Палачъ на минуту остановился. Лицо его вдругъ сдѣлалось злое.

— Ну, васъ! Разговаривать,—пробормоталъ онъ и быстро нагнулся къ полу, гдѣ лежала его поддевка и какое-то полотно, и, ловкимъ движеніемъ обѣихъ рукъ сзади обнявъ Свѣтлогуба, накинулъ ему на голову холстинный мѣшокъ и поспѣшно обдернулъ его до половины спины и груди.

„Въ руки Твои предаю духъ мой“, вспомнилъ Свѣтлогубъ слова евангелія.

Духъ его не противился смерти, но сильное, молодое тѣло не принимало ея, не покорялось и хотѣло бороться.

Онъ хотѣлъ крикнуть, рвануться, но въ то же мгновеніе почувствовалъ толчокъ, потерю точки опоры, животный ужасъ задыханія, шумъ въ головѣ и исчезновеніе всего.

Тѣло Свѣтлогуба, качаясь, повисло на веревкѣ. Два раза поднялись и опустились плечи.

Подождавъ минуты двѣ, палачъ, мрачно хмурясь, положилъ руки на плечи трупу и сильнымъ движеніемъ потянулъ его. Всѣ движенія трупа прекратились, кромѣ медленнаго покачиванія висѣвшей въ мѣшкѣ куклы съ неестественно выпяченной впередъ головой и вытянутыхъ въ арестантскихъ чулкахъ ногами.

Сходя съ помоста, палачъ объявилъ начальнику, что трупъ можно снять съ петли и похоронить.

Черезъ часъ трупъ былъ снятъ съ висѣлицы и отвезенъ на неосвященное кладбище.

Палачъ исполнилъ то, что хотѣлъ и что взялся исполнить. Но исполненіе это было нелегко. Слова Свѣтлогуба: „и не жалко тебѣ меня", не выходили у него изъ головы. Онъ былъ убійца каторжникъ, и званіе палача давало ему относительную свободу и роскошь жизни, но съ этого дня онъ отказался впредь исполнять взятую на себя обязанность и въ ту же недѣлю пропилъ не только всѣ деньги, полученныя за казнь, но и всю свою относительно богатую одежду и дошелъ до того, что былъ посаженъ въ карцеръ, а изъ карцера переведенъ въ больницу.

VIII.

Одинъ изъ главарей революціонеровъ террористической партіи Игнатій Меженецкій, тотъ самый, который увлекъ Свѣтлогуба въ террористическую дѣятельность, пересылался изъ губерніи, гдѣ его взяли, въ Петербургъ. Въ той же тюрьмѣ сидѣлъ и старикъ раскольникъ, видѣвшій казнь Свѣтлогуба. Его пересылали въ Сибирь. Онъ все такъ же думалъ о томъ, какъ и гдѣ ему узнать, въ чемъ истинная вѣра, и иногда вспоминалъ про того свѣтлаго юношу, который, идя на смерть, радостно улыбался.

Узнавъ, что въ одной съ нимъ тюрьмѣ сидитъ товарищъ этого юноши, человѣкъ одной съ нимъ вѣры, раскольникъ обрадовался и упросилъ вахтера, чтобы онъ свелъ его къ другу Свѣтлогуба.

Меженецкій, несмотря на всѣ строгости тюремной дисциплины, не переставалъ сноситься съ людьми своей партіи и ждалъ каждый день извѣстія о томъ подкопѣ, который имъ же былъ выдуманъ и придуманъ для взрыва на воздухъ царскаго поѣзда.

Теперь, вспоминая нѣкоторыя упущенныя имъ подробности, онъ придумывалъ средства передать ихъ своимъ единомышленникамъ. Когда вахтеръ пришелъ въ его камеру и осторожно, тихо сказалъ ему, что одинъ арестантъ хочетъ видѣться съ нимъ, онъ обрадовался, надѣясь, что это свиданіе дастъ ему возможность сообщенія со своей партіей.

— Кто онъ?—спросилъ онъ.

— Изъ крестьянъ.

— Что же ему нужно?

— Объ вѣрѣ говорить хочетъ.

Меженецкій улыбнулся.

— Ну, что же, пошлите его,—сказалъ онъ.—„Они, раскольники, тоже ненавидятъ правительство. Можетъ-быть, и пригодится“, — подумалъ онъ.

Вахтеръ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ, отворивъ дверь, впустилъ въ камеру сухого невысокаго старика съ густыми волосами и рѣдкой, сѣдѣющей, козлиной бородкой, съ добрыми, усталыми, голубыми глазами.

— Что вамъ нужно?—спросилъ Меженецкій.

Старикъ вскинулъ на него глазами и, поспѣшно опустивъ ихъ, подалъ небольшую, энергическую, сухую руку.

— Что вамъ надо?—повторилъ Меженецкій.

— Слово до тебя есть.

— Какое слово?

— Объ вѣрѣ.

— О какой вѣрѣ?

— Сказываютъ, ты одной вѣры съ тѣмъ вьюношей, что въ Одестѣ антихристовы слуги задавили веревкой.

— Какимъ юношей?

— А въ Одестѣ по осени задавили.

— Вѣрно, Свѣтлогубъ?

— Онъ самый. Другъ онъ тебѣ?—старикъ при каждомъ вопросѣ пытливо взглядывалъ своими добрыми глазами въ лицо Меженецкаго и тотчасъ опять опускалъ ихъ.

— Да, близкій былъ мнѣ человѣкъ.

— И вѣры одной?

— Должно быть, одной,—улыбаясь, сказалъ Меженецкій.

— Объ этомъ самомъ и слово мое къ тебѣ.

— Что же, собственно, вамъ нужно?

— Вѣру вашу познать.

— Вѣру нашу... Ну, садитесь,—сказалъ Меженецкій, пожимая плечами.—Вѣра наша вотъ въ чемъ. Вѣримъ мы въ то, что есть люди, которые забрали силу и мучаютъ и обманываютъ народъ и что надо не жалѣть себя, бороться съ этими людьми, чтобы избавить отъ нихъ народъ, который они эксплуатируютъ, — по привычкѣ сказалъ Меженецкій,—мучаютъ,—поправился онъ.—И вотъ ихъ-то надо уничтожить. Они убиваютъ, и ихъ надо убивать до тѣхъ поръ, пока они не опомнятся.

Старикъ раскольникъ вздыхалъ, не поднимая глазъ.

— Вѣра наша въ томъ, чтобы не жалѣть себя, свергнуть деспотичное правительство и установить свободное, выборное, народное.

Старикъ тяжело вздохнулъ, всталъ, расправилъ полы халата, опустился на колѣни и легъ къ ногамъ Меженецкаго, стукнувшись лбомъ о грязныя доски пола.

— Зачѣмъ вы кланяетесь?

— Не оманывай ты меня, открой, въ чемъ вѣра ваша,—сказалъ старикъ, не вставая и не поднимая головы.

— Я сказалъ, въ чемъ наша вѣра. Да вы встаньте, а то я и говорить не буду.

Старикъ поднялся.

— Въ томъ и вѣра того юноши была?—сказалъ онъ, стоя передъ Меженецкимъ и изрѣдка взглядывая ему въ лицо своими добрыми глазами и тотчасъ же опять опуская ихъ.

— Въ томъ самомъ и была, за то его и повѣсили. А меня вотъ за ту же вѣру теперь въ Петропавловку везутъ.

Старикъ поклонился въ поясъ и молча вышелъ изъ камеры.

„Нѣтъ, не въ томъ вѣра того юноши,—думалъ онъ.—Тотъ юноша зналъ истинную вѣру, а этотъ либо хвастался, что онъ одной съ нимъ вѣры, либо не хочетъ открыть... Что же, буду добиваться. И здѣсь, и въ Сибири, вездѣ Богъ, вездѣ люди. На дорогѣ сталъ, о дорогѣ спрашивай“,—думалъ старикъ и опять взялъ Новый Завѣтъ, который самъ собой раскрывался на Откровеніи и, надѣвъ очки, сѣлъ у окна и сталъ читать его.

IX.

Прошло еще семь лѣтъ. Меженецкій отбылъ одиночное заключеніе въ Петропавловской крѣпости и пересылался на каторгу.

Онъ много перенесъ за эти семь лѣтъ, но направленіе его мыслей не измѣнилось, и энергія не ослабѣла. При допросахъ, передъ заключеніемъ въ крѣпости, онъ удивлялъ слѣдователей и судей своей твердостью и презрительнымъ отношеніемъ къ тѣмъ людямъ, во власти которыхъ онъ находился. Въ глубинѣ души онъ страдалъ отъ того, что былъ пойманъ и не могъ окончить начатаго дѣла, но не показывалъ этого; какъ только онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ людьми, въ немъ поднималась энергія злобы. На вопросы, которые ему дѣлали, онъ молчалъ и только тогда говорилъ, когда былъ случай уязвить допрашивающихъ – жандармскаго офицера или прокурора.

Когда ему сказали обычную фразу: „Вы можете облегчить свое положеніе искреннимъ признаніемъ“,—онъ презрительно улыбнулся и, помолчавъ, сказалъ:

— Если вы думаете выгодой или страхомъ заставить меня выдать товарищей, то судите по себѣ. Неужели вы думаете, что, дѣлая то дѣло, за которое вы меня судите, я не готовился къ самому худшему. Такъ вы ничѣмъ ни удивить, ни испугать меня не можете. Дѣлать со мной можете, что хотите, а говорить я не буду.

И ему пріятно было видѣть, какъ они смущенно переглянулись между собой.

Когда его въ Петропавловской крѣпости помѣстили въ маленькую съ темнымъ стекломъ въ высокомъ окнѣ, сырую камеру, онъ понялъ, что это не на мѣсяцы, а на годы,—и на него нашелъ ужасъ. Ужасна была эта благоустроенная, мертвая тишина и сознаніе того, что онъ не одинъ, а что тутъ за этими непроницаемыми стѣнами сидятъ такіе же узники, приговоренные на 10, 20 лѣтъ, убивающіеся и вѣшаемые, и сходящіе съ ума, и медленно умирающіе чахоткой. Тутъ и женщины и мужчины, и друзья, можетъ-быть... „Пройдутъ годы, и ты также сойдешь съ ума, повѣсишься или умрешь, и не узнаютъ про тебя“,—думалъ онъ.

И въ душѣ его поднималась злоба на всѣхъ людей и въ особенности на тѣхъ, которые были причиной его заключенія. Злоба эта требовала присутствія предметовъ злобы, требовала движенія, шума. А тутъ мертвая тишина, мягкіе шаги молчаливыхъ, неотвѣчающихъ на вопросы людей, звуки отпираемыхъ, запираемыхъ дверей, въ обычные часы пища, посѣщеніе молчаливыхъ людей и сквозь тусклыя стекла свѣтъ отъ поднимающагося солнца, темнота и та же тишина, тѣ же мягкіе шаги и одни и тѣ же звуки. Такъ нынче, завтра... И злоба, не находя себѣ выхода, разъѣдала его сердце.

Пробовалъ онъ стучать, но ему не отвѣчали, и стукъ его вызывалъ опять тѣ же мягкіе шаги и ровный голосъ человѣка, угрожавшаго карцеромъ.

Единственное время отдыха и облегченія было время сна. Но за то ужасно было пробужденіе. Во снѣ онъ всегда видѣлъ себя на свободѣ и большей частью увлекающимся такими дѣлами, которыя онъ считалъ несогласными съ революціонной дѣятельностью. То онъ игралъ на какой-то странной скрипкѣ, то ухаживалъ за дѣвицами, то катался на лодкѣ, то ходилъ на охоту, то за какое-то странное научное открытіе былъ провозглашенъ докторомъ иностраннаго университета и говорилъ благодарственныя рѣчи за обѣдомъ. Сны эти были такъ ярки, а дѣйствительность такъ скучна и однообразна, что воспоминанія мало отличались отъ дѣйствительности.

Тяжело было въ сновидѣніяхъ только то, что большей частью онъ просыпался въ тотъ моментъ, когда вотъ-вотъ должно было совершиться то, къ чему онъ стремился, чего желалъ. Вдругъ толчокъ сердца—и вся радостная обстановка исчезала; оставалось мучительное, неудовлетворенное желаніе, опять эта съ разводами сырости сѣрая стѣна, освѣщенная лампочкой, и подъ тѣломъ жесткая койка съ примятымъ на одинъ бокъ сѣнникомъ.

Сонъ былъ лучшимъ временемъ. Но чѣмъ дольше продолжалось заключеніе, тѣмъ меньше онъ спалъ. Какъ величайшаго счастья онъ ждалъ сна, желалъ его, и чѣмъ больше желалъ, тѣмъ больше разгуливался. И стоило ему задать себѣ вопросъ: „засыпаю ли я?“ и проходила вся сонливость.

Бѣганье, прыганье по своей клѣткѣ не помогало. Отъ усиленнаго движенія только дѣлалась слабость и еще большее возбужденіе нервовъ, дѣлалась головная боль въ темени, и стоило только закрыть глаза, чтобы на темномъ съ блестками фонѣ стали выступать рожи лохматыя, плѣшивыя, большеротыя, криворотыя, одна страшнѣе другой. Рожи гримасничали самыми ужасными гримасами. Потомъ рожи стали являться уже при открытыхъ глазахъ, и не только рожи, но цѣлыя фигуры, стали говорить и плясать. Становилось страшно, онъ вскакивалъ, бился головой о стѣну и кричалъ. Форточка въ двери отворялась.

— Кричать не полагается, — говорилъ спокойный, ровный голосъ.

— Позовите смотрителя!—кричалъ Меженецкій.

Ему ничего не отвѣчали, и форточка закрывалась.

И такое отчаяніе охватывало Меженецкаго, что онъ одного желалъ—смерти.

Одинъ разъ въ такомъ состояніи онъ рѣшилъ лишить себя жизни. Въ камерѣ былъ душникъ, на которомъ можно было утвердить веревку съ петлею и, ставъ на койку, повѣситься. Но не было веревки. Онъ сталъ разрывать простыню на узкія полосы, но полосъ этихъ оказалось мало. Тогда онъ рѣшилъ заморить себя голодомъ и не ѣлъ два дня, но на третій день ослабѣлъ, и припадокъ галлюцинацій повторился съ нимъ съ особенной силой. Когда принесли ему пищу, онъ лежалъ на полу безъ чувствъ съ открытыми глазами.

Пришелъ докторъ, положилъ его на койку, далъ ему ромъ и морфинъ, и онъ заснулъ.

Когда на другой день онъ проснулся, докторъ стоялъ надъ нимъ и покачивалъ головой. И вдругъ Меженецкаго охватило знакомое ему прежде бодрящее чувство злобы, котораго онъ давно уже не испытывалъ.

— Какъ вамъ не стыдно,—сказалъ онъ доктору въ то время, какъ тотъ, наклонивъ голову, считалъ его пульсъ,—служить здѣсь! Зачѣмъ вы меня лѣчите, чтобы опять мучить! Вѣдь это все равно, какъ присутствовать при сѣченіи и разрѣшать повторить операцію.

— Потрудитесь на спинку лечь,—сказалъ невозмутимо докторъ, не глядя на него и доставая инструментъ для аускультаціи изъ бокового кармана.

— Тѣ залѣчивали раны, чтобы догнать остальныя 5000 палокъ. Къ чорту, къ дьяволу!—вдругъ закричалъ онъ, скидывая ноги съ койки.—Убирайтесь, издохну безъ васъ!

— Нехорошо, молодой человѣкъ, на грубости есть у насъ свои отвѣты.

— Къ чорту, къ чорту!

И Меженецкій былъ такъ страшенъ, что докторъ поспѣшилъ уйти.

X.

Произошло ли это отъ пріемовъ лѣкарствъ, или онъ пережилъ кризисъ, или поднявшаяся злоба на доктора вылѣчила его, но съ этой поры онъ взялъ себя въ руки и началъ совсѣмъ другую жизнь.

„Вѣчно держать меня здѣсь они не могутъ и не станутъ,—думалъ онъ.—Освободятъ же когда-нибудь. Можетъ-быть,—что всего вѣроятнѣе,—измѣнится режимъ (наши продолжаютъ работать), и потому надо беречь жизнь, чтобы выйти сильнымъ, здоровымъ и быть въ состояніи продолжать работу“.

Онъ долго обдумывалъ наилучшій для этой цѣли образъ жизни и придумалъ такъ: ложился онъ въ 9 часовъ и заставлялъ себя лежать,—спать или не спать, все равно,—до 5 часовъ утра. Въ пять часовъ онъ вставалъ, убирался, умывался, дѣлалъ гимнастику и потомъ, какъ онъ себѣ говорилъ, шелъ по дѣламъ. И, въ воображеніи, онъ шелъ по Петербургу, съ Невскаго на Надеждинскую, стараясь представлять себѣ все то, что могло встрѣтиться ему на этомъ переходѣ: вывѣски, дома, городовые, встрѣчающіеся экипажи и пѣшеходы. Въ Надеждинской онъ входилъ въ домъ своего знакомаго и сотрудника, и тамъ они, вмѣстѣ съ пришедшими товарищами, обсуживали предстоящее предпріятіе. Шли пренія, споры. Меженецкій говорилъ и за себя и за другихъ. Иногда онъ говорилъ вслухъ, такъ что часовой въ окошечко дѣлалъ ему замѣчанія, но Меженецкій не обращалъ на него ни-

какого вниманія и продолжалъ свой воображаемый петербургскій день. Пробывъ часа два у пріятеля, онъ возвращался домой и обѣдалъ, сначала въ воображеніи, а потомъ въ дѣйствительности, тѣмъ обѣдомъ, который ему приносили, и ѣлъ всегда умѣренно. Потомъ онъ, въ воображеніи, сидѣлъ дома и занимался то исторіей, математикой и иногда, по воскресеньямъ, литературой. Занятіе исторіей состояло въ томъ, что онъ, избравъ какую-нибудь эпоху и народъ, вспоминалъ факты и хронологію. Занятіе математикой состояло въ томъ, что онъ дѣлалъ наизусть выкладки и геометрическія задачи. (Онъ особенно любилъ это занятіе). По воскресеньямъ онъ вспоминалъ Пушкина, Гоголя, Шекспира и самъ сочинялъ.

Передъ сномъ онъ еще дѣлалъ маленькую экскурсію, въ воображеніи, велъ съ товарищами мужчинами и женщинами шуточные, веселые, иногда серьезные разговоры, иногда бывшіе прежде, иногда вновь выдумываемые. И такъ шло дѣло до ночи. Передъ сномъ онъ для упражненія дѣлалъ въ дѣйствительности 2000 шаговъ въ своей клѣткѣ и ложился на свою койку, и большей частью засыпалъ.

На другой день было то же. Иногда онъ ѣхалъ на югъ и подговаривалъ народъ, начиналъ бунтъ и вмѣстѣ съ народомъ прогонялъ помѣщиковъ, раздавалъ землю крестьянамъ. Все это однако онъ воображалъ себѣ не вдругъ, а постепенно, со всѣми подробностями. Въ воображеніи его революціонная партія вездѣ торжествовала, правительственная власть слабѣла и была вынуждена созвать соборъ. Царская фамилія и всѣ угнетатели народа исчезали, и устанавливалась республика, и онъ, Меженецкій, избирался президентомъ. Иногда онъ слишкомъ скоро доходилъ до этого, и тогда начиналъ опять сначала и достигалъ цѣли другимъ способомъ.

Такъ онъ жилъ годъ, два, три, иногда отступая отъ этого строгаго' порядка жизни, но большей частью возвращаясь къ нему. Управляя своимъ воображеніемъ, онъ освободился отъ непроизвольныхъ галлюцинацій. Только изрѣдка на него находили припадки безсонницы и видѣнія, рожи, и тогда онъ глядѣлъ на отдушникъ и соображалъ, какъ онъ укрѣпитъ веревку, какъ сдѣ-

лаетъ петлю и повѣсится. Но припадки эти продолжались не долго. Онъ преодолѣвалъ ихъ.

Такъ прожилъ онъ почти семь лѣтъ. Когда срокъ его заключенія кончился и его повезли на каторгу, онъ былъ вполнѣ здоровъ, свѣжъ и въ полномъ обладаніи своихъ душевныхъ силъ.

XI.

Везли его, какъ особенно важнаго преступника, одного, не давая ему сообщаться съ другими. И только въ красноярской тюрьмѣ ему въ первый разъ удалось войти въ общеніе съ другими политическими преступниками, тоже ссылавшимися на каторгу; ихъ было шесть человѣкъ. Двѣ женщины и четверо мужчинъ. Это были все молодые, люди новаго склада, незнакомаго Меженецкому. Это были революціонеры слѣдующаго за нимъ поколѣнія, его наслѣдники, и потому они особенно интересовали его. Меженецкій ожидалъ встрѣтить въ нихъ людей, идущихъ по его стопамъ, и потому долженствующихъ высоко оцѣнить все то, что было сдѣлано ихъ предшественниками, особенно имъ, Меженецкимъ. Онъ готовился ласково и снисходительно обойтись съ ними. Но, къ непріятному удивленію его, эта молодежь не только не считала его своимъ предшественникомъ и учителемъ, но обращалась съ нимъ какъ бы снисходительно, обходя и извиняя его устарѣлые взгляды. По мнѣнію ихъ, этихъ новыхъ революціонеровъ, все то, что дѣлалъ Меженецкій и его друзья, всѣ попытки возмущенія крестьянъ и, главное, терроръ и всѣ убійства: губернатора Крапоткина, Мезенцова и самого Александра II,—все это былъ рядъ ошибокъ. Все это привело только къ реакціи, торжествовавшей при Александрѣ III и вернувшей общество назадъ, почти къ крѣпостному праву. Путь освобожденія народа, по мнѣнію новыхъ, былъ совсѣмъ иной.

Въ продолженіе двухъ дней и почти двухъ ночей не переставали споры между Меженецкимъ и его новыми знакомыми. Особенно одинъ, руководитель всѣхъ, Романъ, какъ его всѣ звали, только по имени, мучительно огорчалъ Меженецкаго непоколебимой увѣренностью въ своей правотѣ и снисходительнымъ, даже насмѣш-

ливымъ отрицаніемъ всей прошедшей дѣятельности Меженецкаго и его товарищей.

Народъ, по понятію Романа, грубая толпа, „быдло", и съ народомъ, стоящимъ на той степени развитія, на которой онъ стоитъ теперь, ничего сдѣлать нельзя. Всѣ попытки поднять русское сельское населеніе—это все равно, что пытаться зажечь камень или ледъ. Нужно воспитать народъ, нужно пріучить его къ солидарности, и это можетъ сдѣлать только большая промышленность и выросшая на ней соціалистическая организація народа. Земля не только не нужна народу, но она-то и дѣлаетъ его консерваторомъ и рабомъ. Не только у насъ, но и въ Европѣ. И онъ на память приводилъ мнѣнія авторитетовъ и статистическія цифры. Народъ надо освободить отъ земли. И чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше. Чѣмъ больше ихъ идутъ на фабрики и чѣмъ больше забираютъ въ руки землю капиталисты, и чѣмъ больше угнетаютъ ихъ, тѣмъ лучше. Уничтожиться деспотизмъ, а главное капитализмъ, можетъ только солидарностью людей народа, а солидарность эта можетъ быть достигнута только союзами, корпораціями рабочихъ, т.-е. только тогда, когда народныя массы перестанутъ быть земельными собственниками и станутъ пролетаріями.

Меженецкій спорилъ и горячился. Особенно раздражала его одна изъ женщинъ, недурная, волосатая брюнетка, съ очень блестящими глазами, которая, сидя на окнѣ и какъ будто не принимая прямого участія въ разговорѣ, изрѣдка вставляла словечки, подтверждавшія доводы Романа, или только презрительно посмѣивалась на слова Меженецкаго.

— Развѣ можно передѣлать весь земледѣльческій народъ въ фабричныхъ?—говорилъ Меженецкій.

— Отчего же нельзя?—возражалъ Романъ.—Это общій экономическій законъ.

— Почему мы знаемъ, что законъ это всеобщій?—говорилъ Меженецкій.

— Прочтите Каутскаго,—презрительно улыбаясь, вотавила брюнетка.

— Если и допустить,—говорилъ Меженецкій,—(я не допускаю этого), что народъ передѣлается въ пролетаріевъ, то почему вы

думаете, что онъ сложится въ ту, впередъ предназначенную ему вами форму?

— Потому что это научно обосновано, — вставляла брюнетка, поворачиваясь отъ окна.

Когда же рѣчь зашла о формѣ дѣятельности, которая нужна для достиженія цѣли, разногласіе стало еще больше. Романъ и его друзья стояли на томъ, что нужно подготавливать армію рабочихъ, содѣйствовать переходу крестьянъ въ фабричныхъ и пропагандировать соціализмъ среди рабочихъ. И не только не бороться открыто съ правительствомъ, а пользоваться имъ для достиженія своихъ цѣлей. Меженецкій же говорилъ, что надо прямо бороться съ правительствомъ, терроризировать его, что правительство и сильнѣе и хитрѣе васъ. „Не вы обманете правительство, а оно васъ. Мы и пропагандировали народу и боролись съ правительствомъ".

— И какъ много сдѣлали!—иронически проговорила брюнетка.

— Да я думаю, что прямая борьба съ правительствомъ—неправильная трата силъ,—сказалъ Романъ.

— Первое марта трата силъ!—закричалъ Меженецкій.—Мы жертвовали собой, жизнями, а вы спокойно сидите по домамъ, наслаждаясь жизнью, и только проповѣдуете.

— Не очень-то наслаждаемся жизнью, — спокойно сказалъ Романъ, оглядываясь на своихъ товарищей, и побѣдоносно расхохотался своимъ незаразительнымъ, но громкимъ, отчетливымъ, самоувѣреннымъ смѣхомъ.

Брюнетка, покачивая головой, презрительно улыбалась.

— Не очень-то наслаждаемся жизнью,— сказалъ Романъ. — А если и сидимъ здѣсь, то обязаны этому реакціи, а реакція произведеніе именно 1-го марта.

Меженецкій замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что задыхается отъ злобы, и вышелъ въ коридоръ.

XII.

Стараясь успокоиться, Меженецкій сталъ ходить взадъ и впередъ по коридору. Двери камеръ до вечерней переклички были открыты. Высокій, бѣлокурый арестантъ, съ лицомъ, добродушіе

котораго не нарушалось до половины выбритой головой, подошелъ къ Меженецкому.

— Арестантикъ тутъ, въ нашей камерѣ, увидалъ ваше степенство,—позови, говоритъ, его ко мнѣ.

— Какой арестантъ?

— „Табачная держава", такъ ему прозвище. Старичокъ онъ, изъ раскольниковъ: позови, говоритъ, ко мнѣ того человѣка. Про ваше степенство, значитъ.

— Гдѣ же онъ?

— Во тутъ, въ нашей камерѣ. Покличь, говоритъ, того барина.

Меженецкій вошелъ съ арестантомъ въ небольшую камеру съ нарами, на которыхъ сидѣли и лежали арестанты.

На голыхъ доскахъ, подъ сѣрымъ халатомъ, на краю наръ, лежалъ тотъ самый старикъ раскольникъ, который семь лѣтъ тому назадъ приходилъ къ Меженецкому разспрашивать о Свѣтлогубѣ. Лицо старика, блѣдное, все ссохлось и сморщилось, волоса все были такіе же густые, рѣдкая бородка была совсѣмъ сѣдая и торчала кверху. Глаза голубые, добрые и внимательные. Онъ лежалъ навзничь и очевидно былъ въ жару: на маслакахъ щекъ былъ болѣзненный румянецъ.

Меженецкій подошелъ къ нему.

— Что вамъ?—спросилъ онъ.

Старикъ съ трудомъ поднялся на локоть и подалъ трясущуюся, сухую, небольшую руку. Онъ, собираясь говорить, какъ бы раскачиваясь, сталъ тяжело дышать и, съ трудомъ переводя дыханіе, тихо заговорилъ:

— Не открылъ ты мнѣ тогда,—Богъ съ тобой, а я всѣмъ открываю.

— Что же открываете?

— Про агнца... про агнца открываю... тотъ юноша съ агнцемъ былъ. А сказано: агнецъ побѣдитъ я, всѣхъ побѣдитъ... И кто съ нимъ, тѣ избранніе и вѣрніе.

— Я не понимаю,—сказалъ Меженецкій.

— А ты понимай въ духѣ. Цари власть пріимутъ со звѣремъ. Ихъ агнецъ побѣдитъ.

— Какіе цари?—сказалъ Меженецкій.

— Цари седмь суть: пять ихъ пало и одинъ остался, другій еще не пріиде, не пришелъ, значитъ. И егда пріидетъ, мало ему есть... значитъ конецъ ему придетъ... понялъ?

Меженецкій покачалъ головой, думая, что старикъ бредитъ и слова его безсмысленны. Такъ думали и арестанты, товарищи по камерѣ. Тотъ бритый арестантъ, который звалъ Меженецкаго, подошелъ къ нему и, слегка толкнувъ его локтемъ и обративъ на себя вниманіе, подмигнулъ на старика.

— Все болтаетъ, все болтаетъ, табачная держава наша,—сказалъ онъ.—А что, и самъ не знаетъ.

Такъ думали, глядя на старика, и Меженецкій и его сотоварищи по камерѣ. Старикъ же хорошо зналъ, что говорилъ. И то, что онъ говорилъ, имѣло для него ясный и глубокій смыслъ. Смыслъ былъ тотъ, что злу не долго остается царствовать, что агнецъ добромъ и смиреніемъ побѣждаетъ всѣхъ. Что агнецъ утретъ всякую слезу, и не будетъ ни плача, ни болѣзни, ни смерти. И онъ чувствовалъ, что это уже совершается, совершается во всемъ мірѣ потому, что это совершается въ просвѣтленной близостью къ смерти душѣ его.

— Ей гряди скоро! Аминь. Ей гряди Господи Іисусе!—проговорилъ онъ и слегка значительно и, какъ показалось Меженецкому, сумасшедше улыбнулся.

XIII.

„Вотъ онъ, представитель народа,—подумалъ Меженецкій, выходя отъ старика.—Это лучшій изъ нихъ. И какой мракъ! Они (онъ разумѣлъ Романа и его друзей) говорятъ: съ такимъ народомъ, каковъ онъ теперь, ничего нельзя сдѣлать“.

Меженецкій одно время работалъ свою революціонную работу среди народа и зналъ всю, какъ онъ выражался, „инертность“ русскаго крестьянина; сходился и съ солдатами на службѣ, и отставными, и зналъ ихъ тупую вѣру въ присягу, въ необходимость повиновенія и невозможность разсужденіемъ подѣйствовать на нихъ. Онъ зналъ все это, но никогда не дѣлалъ изъ этого знанія того

вывода, который неизбѣжно вытекалъ изъ него. Разговоръ съ новыми революціонерами разстроилъ, раздражилъ его.

„Они говорятъ, что все то, что дѣлали мы, что дѣлали Халтуринъ, Кибальчичъ, Перовская, что все это было не нужно, даже вредно, что это-то и вызвало реакцію Александра III, что благодаря имъ народъ убѣжденъ, что вся революціонная дѣятельность идетъ отъ помѣщиковъ, убившихъ царя за то, что онъ отнялъ у нихъ крѣпостныхъ. Какой вздоръ! Какое непониманіе и какая дерзость думать такъ!“ думалъ онъ, продолжая ходить по коридору.

Всѣ камеры были закрыты, исключая одной той, въ которой были новые революціонеры. Подходя къ ней, Меженецкій услышалъ смѣхъ ненавистной ему брюнетки и трескучій, рѣшительный голосъ Романа. Они, очевидно, говорили про него. Меженецкій остановился слушать. Романъ говорилъ:

— Не понимая экономическихъ законовъ, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что дѣлали. И большая доля тутъ была...

Меженецкій не могъ и не хотѣлъ дослушать, чего тутъ была большая доля, но ему и не нужно было знать этого. Одинъ тонъ голоса этого человѣка показывалъ то полное презрѣніе, которое испытывали эти люди къ нему, къ Меженецкому, герою революціи, погубившаго 12 лѣтъ жизни для этой цѣли.

И въ душѣ Меженецкаго поднялась такая страшная злоба, какой онъ еще никогда не испытывалъ. Зло'на всѣхъ, на все, на весь этотъ безсмысленный міръ, въ которомъ могли жить только люди, подобные животнымъ, какъ этотъ старикъ, со своимъ агнцемъ, и такіе же полуживотные палачи и тюремщики, эти наглые, самоувѣренные, мертворожденные доктринеры.

Вошелъ дежурный вахтеръ и увелъ политическихъ женщинъ на женскую половину. Меженецкій отошелъ въ дальній конецъ коридора, чтобы не встрѣчаться съ нимъ. Вернувшись, вахтеръ заперъ дверь новыхъ политическихъ и предложилъ Меженецкому войти къ себѣ. Меженецкій машинально послушался, но попросилъ не запирать своей двери.

Вернувшись въ свою камеру, Меженецкій легъ на койку лицомъ къ стѣнѣ.

„Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ понапрасну погублены всѣ

силы: энергія, сила воли, геніальность (онъ никого не считалъ выше себя по душевнымъ качествамъ) погублены задаромъ!“ Онъ вспомнилъ недавно, уже по дорогѣ въ Сибирь, полученное имъ письмо отъ матери Свѣтлогуба, упрекавшей его по-женски, глупо, какъ онъ думалъ, за то, что онъ погубилъ ея сына, увлекалъ въ террористическую партію. Получивъ письмо, онъ только презрительно улыбнулся: что могла понимать эта глупая женщина о тѣхъ цѣляхъ, которыя стояли передъ нимъ и Свѣтлогубомъ. Но теперь, вспомнивъ письмо и милую, довѣрчивую, горячую личность Свѣтлогуба, онъ задумался сначала о немъ, а потомъ о себѣ. Неужели вся жизнь была ошибка? Онъ закрылъ глаза и хотѣлъ заснуть, но вдругъ съ ужасомъ почувствовалъ, что возвратилось то состояніе, которое онъ испытывалъ первый мѣсяцъ въ Петропавловской крѣпости. Опять боль въ темени, опять рожи, большеротыя, мохнатыя, ужасныя, на темномъ фонѣ съ звѣздочками, и опять фигуры, представляющіяся открытымъ глазамъ. Новое было то, что какой-то уголовный въ сѣрыхъ штанахъ, съ бритой головой, качался надъ нимъ. И опять, по связи идей, онъ сталъ искать отдушника, на которомъ можно бы было утвердить веревку.

Невыносимая злоба, требующая проявленія, жгла сердце Меженецкаго. Онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ, не могъ успокоиться, не могъ отогнать своихъ мыслей.

„Какъ?— сталъ онъ ужъ задавать себѣ вопросъ.—Разрѣзать артерію? Не сумѣю. Повѣситься? Разумѣется, самое простое“.

Онъ вспомнилъ о веревкѣ, которой была перевязана вязанка дровъ, лежащая въ коридорѣ. „Стать на дрова или на табуретку. Въ коридорѣ ходитъ вахтеръ. Но онъ заснетъ или выйдетъ. Надо выждать и тогда унести къ себѣ веревку и утвердить на отдушникѣ“.

Стоя у своей двери, Меженецкій слушалъ шаги вахтера въ коридорѣ и изрѣдка, когда вахтеръ уходилъ въ дальній конецъ, выглядывалъ въ отверстіе двери. Вахтеръ все не уходилъ и все не засыпалъ. Меженецкій жадно прислушивался къ звукамъ его шаговъ и ожидалъ.

Въ это время, въ той камерѣ, гдѣ былъ больной старикъ, среди темноты, чуть освѣщаемой коптящей лампой, среди сонныхъ

ночныхъ звуковъ дыханія, ворчанія, кряхтѣнія, храпа, кашля, происходило величайшее въ мірѣ дѣло. Старикъ раскольникъ умиралъ, и духовному взору его открылось все то, чего онъ такъ страстно искалъ и желалъ въ продолженіе всей своей жизни. Среди ослѣпительнаго свѣта онъ видѣлъ агнца, въ видѣ свѣтлаго юноши, и великое множество людей изъ всѣхъ народовъ стояло передъ нимъ въ бѣлыхъ одеждахъ, и всѣ радовались, и зла уже больше не было на землѣ. Все это совершилось, старикъ зналъ это, и въ его душѣ и во всемъ мірѣ, и онъ чувствовалъ великую радость и успокоеніе.

Для людей же, бывшихъ въ камерѣ, было то, что старикъ громко хрипѣлъ предсмертнымъ хрипомъ, и сосѣдъ его проснулся и разбудилъ другихъ; и когда хрипъ кончился, и старикъ затихъ и похолодѣлъ, товарищи его по камерѣ стали стучать въ дверь.

Вахтеръ отперъ дверь и вошелъ къ арестантамъ. Минутъ черезъ 10 два арестанта вынесли мертвое тѣло и понесли его внизъ въ мертвецкую. Вахтеръ вышелъ за ними и заперъ дверь за собой. Коридоръ остался пустой.

„Запирай, запирай,—подумалъ Меженецкій, слѣдившій изъ своей двери за всѣмъ, что дѣлалось:—не помѣшаешь мнѣ уйти отъ всего этого нелѣпаго ужаса“.

Меженецкій уже не испытывалъ того внутренняго ужаса, который до этого томилъ его, онъ весь былъ поглощенъ одной мыслью: какъ бы что-нибудь не помѣшало ему исполнить свое намѣреніе.

Съ трепещущимъ сердцемъ онъ подошелъ къ вязанкѣ дровъ, развязалъ веревку, вытянулъ ее изъ-подъ дровъ и, оглядываясь на дверь, понесъ къ себѣ въ камеру. Въ камерѣ онъ влѣзъ на табуретку и накинулъ веревку на отдушникъ. Связавъ оба конца веревки, онъ перетянулъ узелъ, и изъ двойной веревки сдѣлалъ петлю. Петля была слишкомъ низко. Онъ вновь перевязалъ веревку, опять сдѣлалъ петлю, примѣрилъ на шею и, безпокойно прислушиваясь и оглядываясь на дверь, влѣзъ на табуретку, всунулъ голову въ петлю, оправилъ ее и, оттолкнувъ табуретку, повисъ...

Только при утреннемъ обходѣ вахтеръ увидалъ Меженецкаго, стоявшаго на согнутыхъ въ колѣнахъ ногахъ подлѣ лежавшей на боку табуретки. Его вынули изъ петли. Прибѣжалъ смотритель и, узнавъ, что Романъ былъ врачъ, позвалъ его, чтобы оказать помощь удавленнику.

Были употреблены всѣ обычные пріемы для оживленія, но Меженецкій не ожилъ.

Тѣло Меженецкаго снесли въ мертвецкую и положили на нары рядомъ съ тѣломъ старика раскольника.

Л. Толстой.

4-е ноября.

Споры всегда больше содѣйствуютъ затемнѣнію, чѣмъ уясненію истины.

Истина должна созрѣть въ уединеніи. Когда она созрѣетъ, она такъ ясна, что принимается безъ спора.

1.

Человѣкъ, который умѣетъ промолчать, хоть онъ и правъ, подобенъ богамъ. Катонъ.

2.

Воздержись отъ спора—никого не убѣдишь. Мнѣнія какъ гвозди: чѣмъ больше по нимъ колотить, тѣмъ больше они влѣзаютъ.

Ювеналъ.

3.

Если кто васъ опечалилъ или оскорбилъ, остерегайтесь возражать, пока вы встревожены, а если необходимо оправданіе, то прежде всего успокойте свое душевное волненіе.

4.

Не утверждайте того, въ чемъ вы не совершенно увѣрены. Не вѣрьте легко всему, что слышите; не презирайте никого за недостатки.

5.

Если ты не можешь тотчасъ же утишить гнѣвъ, удержи языкъ. Помолчи, и ты скорѣе вернешься къ своему спокойному состоянію.

Бакстеръ.

6.

Можешь ли ты разумно негодовать на человѣка, одержимаго какимъ-нибудь отвратительнымъ недугомъ. Чѣмъ онъ виноватъ, что его сосѣдство тебѣ противно. Точно такъ же относись и къ нравственнымъ недугамъ.

„Но,—скажешь ты,—у человѣка есть разумъ, помощью котораго онъ можетъ сознавать свои пороки". Это вѣрно. Слѣдовательно, и ты обладаешь разумомъ и можешь разумнымъ обхожденіемъ привести ближняго къ сознанію своихъ недостатковъ; такъ прояви же свой разумъ, сумѣй пробудить въ человѣкѣ совѣсть и исцѣли его слѣпоту безъ гнѣва, нетерпѣнія и надменности.

Маркъ Аврелій.

7.

Слово—ключъ сердца. Если разговоръ ни къ чему не ведетъ, то и одно слово—лишнее. Когда ты одинъ, думай о своихъ грѣхахъ, когда въ обществѣ—забывай чужіе грѣхи.

Китайское изреченіе.

Чѣмъ больше хочется говорить, тѣмъ больше опасность, что скажешь дурное.

5-е ноября.

Мысль сама по себѣ есть уясненіе истины, и потому дурныя мысли это только недодуманныя мысли.

1.

То, что еще спокойно, можетъ быть удержано въ покоѣ. То, что еще не появилось, можетъ быть легко предупреждено. То, что еще слабо, можетъ быть легко сломано. То, чего еще мало, можетъ быть легко разсѣяно.

Заботьтесь о вещахъ прежде, чѣмъ онѣ существуютъ. Учреждайте порядокъ прежде, чѣмъ начнутся безпорядки.

Толстое дерево началось съ тонкаго прута. Девятиэтажная башня началась съ кладки малыхъ кирпичей. Путешествіе въ тысячу верстъ начинается съ одного шага. Будьте внимательны до конца такъ же, какъ и вначалѣ, и вы совершите предпринятое.

Лао-Тсе.

2.

Съ самаго утра надо слѣдить за собой и сказать себѣ: я могу сейчасъ придти въ столкновеніе съ человѣкомъ дерзкимъ, неблагодарнымъ, наглымъ, лицемѣрнымъ, докучливымъ или озлобленнымъ, ибо такими пороками одержимъ всякій, не знающій, что именно хорошо и что дурно. Но если я самъ твердо знаю, въ чемъ добро и зло, понимаю, что зло для меня есть только то дурное дѣло, которое я самъ дѣлаю, то никакой обидчикъ не можетъ повредить мнѣ, ибо никто не можетъ заставить меня, противъ воли моей, дѣлать зло. Если же я вдобавокъ помню еще и то, какъ близокъ мнѣ всякій человѣкъ, не по плоти и крови, а по духу, который въ каждомъ изъ насъ отъ Бога и составляетъ ту сущность нашу, которая выше плоти, то я не могу сердиться или негодовать на столь близкое мнѣ существо, ибо мы сотворены другъ для друга, призваны помогать другъ другу, какъ рука — рукѣ, нога—ногѣ, какъ глаза и зубы, которые всегда заодно помогаютъ другъ другу. Поэтому отворачиваться отъ ближняго, оскорбившаго насъ, противно истинной природѣ нашей. Однако, противъ этого грѣшитъ всякій человѣкъ, ненавидящій другого за обиду.

Маркъ Аврелій.

3.

О, ты, ищущій безсмертной истины, владѣй своими мыслями, если ты хочешь достигнуть своей цѣли! Устреми взоръ своей души на тотъ единый чистый свѣтъ, который свободенъ отъ страсти.

Браминская мудрость.

4.

Для того, чтобы пламя могло дать спокойный свѣтъ, нужно, чтобы свѣтильникъ былъ поставленъ въ защищенное отъ вѣтра мѣсто. Ежели же пламя подвергнуто перемѣняющимся вѣтрамъ, то оно будетъ дрожать и кидать обманчивыя тѣни, темныя и странныя, на бѣлую поверхность души.

Браминская мудрость.

5.

Въ суетѣ міра и среди возбужденія соблазновъ некогда искать средствъ противодѣйствія нашимъ желаніямъ.

Собери правила и установи свои цѣли тогда, когда отсутствуютъ соблазны. Только такъ мы будемъ въ силѣ бороться съ соблазнами, когда они будутъ искушать насъ.

Бентамъ.

6.

Размышленіе—путь къ безсмертію, легкомысліе—путь къ смерти. Бодрствующіе въ размышленіи не умираютъ никогда; легкомысленные, невѣдущіе подобны мертвымъ.

Пробуждай самъ себя,—тогда, защищенный собою и бодро внемлющій, ты будешь неизмѣненъ.

Буддійская мудрость.

Нельзя отогнать дурную мысль, когда она появилась въ умѣ, но можно продумать эту мысль до конца, и если сдѣлаешь это, то уничтожишь все то, что было дурного въ мысли.

6-е ноября.

Осужденіе ближняго неразумно: оно ни на что не нужно, а между тѣмъ вредно и себѣ и другимъ.

1.

Когда въ концѣ вечерняго собранія одинъ изъ гостей простился и вышелъ, оставшіеся стали судить о немъ и сказали про него много дурного. То же было и со вторымъ ушедшимъ. Такъ разошлись всѣ гости до одного. „Позвольте мнѣ остаться ночевать,—сказалъ этотъ послѣдній.—Я слышалъ, какъ пострадали всѣ ушедшіе и боюсь за себя“.

2.

Пословица говоритъ: объ умершихъ говори доброе или молчи. Я думаю, что наоборотъ, надо не говорить дурного о живыхъ, потому что это можетъ сдѣлать имъ больно и испортить ихъ отношеніе къ живымъ; но о мертвыхъ, о которыхъ принято говорить льстивую ложь, ничто не мѣшаетъ говорить полную правду.

3.

Осужденіе тѣмъ особенно дурно, что то самое сужденіе о недостаткахъ человѣка, которое, будучи сказано въ глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается отъ того, кому оно можетъ быть нужно, и сообщается тѣмъ, кому оно вредно, возбуждая безъ надобности дурное чувство къ осуждаемому.

4.

Будьте строги къ самимъ себѣ и снисходительны къ другимъ и вы не будете имѣть враговъ. Китайская мудрость.

5.

Человѣкъ перестаетъ осуждать ближнихъ, какъ только побѣдитъ самого себя.

6.

Я зналъ старика, который нарочно растягивалъ слова такъ, что проходило нѣсколько секундъ между каждымъ словомъ. Я узналъ, что онъ дѣлалъ это умышленно, боясь согрѣшить словами.

Слово—выраженіе мысли, мысль—проявленіе божеской силы, и потому слово должно соотвѣтствовать тому, что оно выражаетъ. Оно можетъ быть безразлично, но не можетъ и не должно быть выраженіемъ зла.

7-е ноября.

Жизнь есть сонъ, смерть —пробужденіе.

1.

Смерть есть начало другой жизни.

Монтень.

2.

Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что я *умеръ* прежде, чѣмъ родился, и въ смерти возвращаюсь снова въ то же состояніе. Умереть и снова ожить съ воспоминаніемъ своего прежняго существованія—мы называемъ обморокомъ; вновь пробудиться съ новыми органами, которые должны были вновь образоваться — значитъ родиться.

Лихтенбергъ.

3.

Если я умертвилъ животное — собаку, птичку, лягушку, даже хотя бы только насѣкомое, то, строго говоря, все-таки немыслимо, чтобы отъ моего злобнаго или легкомысленнаго поступка могло превратиться въ ничто это существо, или вѣрнѣе, та первоначальная сила, благодаря которой это столь удивительное явленіе еще минуту тому назадъ представало предъ нами во всей своей энергіи и жизнерадостности. А съ другой стороны, милліоны животныхъ всякаго рода, каждое мгновеніе вступающихъ въ жизнь въ безконечномъ разнообразіи, полныхъ силы и стремительности,—не могли совершенно никогда не существовать до акта своего рожденія и не бывши ничѣмъ — начать быть. Если, такимъ образомъ, я замѣчаю, что одно скрывается у меня изъ виду невѣдомо куда, а другое появляется невѣдомо откуда, и притомъ то и другое имѣетъ одинаковую форму и сущность, одинаковый характеръ, но только не одну и ту же матерію, которая, впрочемъ, и въ продолженіе ихъ существованія непрестанно отбрасывается и замѣняется новой,—то само собой напрашивается предположеніе, что то, что исчезаетъ, и то, что становится на его мѣсто, есть одно

и то же существо, испытавшее лишь небольшое преобразованіе, обновленіе формы своего существованія и, стало-быть, то, что сонъ для индивида, то смерть для вида...

Шопенгауэръ.

4.

Вы меня спрашиваете про буддійское понятіе „карма". Я вотъ что думалъ недавно.

Во снѣ мы живемъ почти такъ же точно, какъ и наяву. Паскаль говоритъ, кажется, такъ: что если бы мы видѣли себя во снѣ постоянно въ одномъ и томъ же положеніи, а наяву въ различныхъ, то мы бы считали сонъ за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ.

Это не совсѣмъ справедливо.

Дѣйствительность отличается отъ сна тѣмъ, что она, главное, дѣйствительнѣе, реальнѣе, такъ что я бы сказалъ такъ: если бы мы не знали жизни болѣе дѣйствительной, чѣмъ сонъ, то мы сонъ считали бы вполнѣ жизнью и никогда не усомнились бы въ томъ, что это не настоящая жизнь.

Теперь наша вся жизнь, отъ рожденія до смерти, со своими снами не есть ли, въ свою очередь, сонъ, который мы принимаемъ за дѣйствительность, за дѣйствительную жизнь, и въ дѣйствительности которой мы не сомнѣваемся только потому, что не знаемъ болѣе дѣйствительной жизни.

5.

Я не жалѣю о томъ, что родился и прожилъ здѣсь часть моей жизни, потому что я жилъ такъ, что имѣю причину думать, что принесъ нѣкоторую пользу. Когда же придетъ конецъ, то я оставлю жизнь такъ же, какъ я бы ушелъ изъ гостиницы, а не изъ своего настоящаго дома, потому что я думаю, что пребываніе наше здѣсь предназначено намъ, какъ переходное и только временное.

Цицеронъ.

6.

Если бы я даже ошибался, что души безсмертны, я былъ бы счастливъ и доволенъ своей ошибкой; и пока я живу, ни одинъ

человѣкъ не будетъ въ силахъ отнять у меня эту увѣренность, которая даетъ мнѣ такое неизмѣнное спокойствіе, такое полное удовлетвореніе.

Цицеронъ.

Мы можемъ только гадать о томъ, что будетъ послѣ смерти; будущее скрыто отъ насъ. Оно не только скрыто, но оно не существуетъ, такъ какъ будущее говоритъ о времени, а, умирая, мы уходимъ изъ времени.

8-е ноября.

Законъ Бога, по отношенію къ Богу, есть то же, что наши чувства по отношенію къ міру, къ вещамъ. Не было бы чувствъ, мы ничего не знали бы о вещахъ; не было бы въ нашемъ сердцѣ закона—мы ничего бы не знали о Богѣ.

1.

Есть только одинъ способъ чтить Бога—исполнять свои обязанности и поступать согласно законамъ, данными разумомъ. *Богъ существуетъ*—это, по моему мнѣнію, не можетъ означать ничего другого, кромѣ того, что я, сохраняя свою свободную волю, чувствую себя вынужденнымъ поступать по *Правдѣ*. Это Богъ. Вообще, Бога познаетъ *сердце* наше, и сдѣлать это познаніе понятнымъ разуму несомнѣнно трудно, если не совсѣмъ невозможно. Вопросъ еще, могъ ли бы одинъ разумъ, безъ сердца, дойти когда-нибудь до Бога. Послѣ того, какъ сердце познало Бога, сталъ искать его и разумъ.

Лихтенбергъ.

2.

Идея Бога, несмотря на все свое величіе, есть идея нашей духовной природы, только очищенная и возвеличенная до безконечности.

Основа понятія Божества находится въ насъ.

Чаннингъ.

3.

Свойство человѣка таково, что все, что онъ знаетъ, онъ творитъ изъ своихъ чувствъ и своего разума. Если человѣкъ признаетъ дѣйствительно существующими предметы внѣ себя и самого себя, то какъ же ему не признавать дѣйствительно существующимъ и то, чего онъ чувствуетъ потребность въ своемъ сердцѣ: законъ и законодателя.

4.

Какъ съ одной стороны весь внѣшній міръ по своему свойству существуетъ не самъ по себѣ, а обусловленъ, осмысленъ человѣческимъ *я*, т.-е. есть плодъ нашего представленія, такъ съ другой стороны и человѣческое *я* въ свою очередь утверждено не само въ себѣ, а обусловливается, осмысливается чѣмъ-то высшимъ.

И вотъ это низшее *не я*, обусловленное мною, я называю матеріей, а высшее *не я*, обусловливающее меня, я называю Богомъ.

Ѳ. Страховъ.

5.

Хорошій работникъ, навѣрное, не знаетъ всѣхъ подробностей жизни хозяина, а только лѣнивый работникъ старается, ничего не дѣлая, разузнать о жизни и вкусахъ хозяина, чтобы угодить ему. То же отношеніе человѣка къ Богу. Важно то, чтобы признавать Его хозяиномъ и знать, чего Онъ отъ меня требуетъ; а что Онъ самъ такое и какъ Онъ живетъ, я никогда не узнаю, потому что я Ему не пара, я—работникъ, а не хозяинъ.

Понимать Бога можетъ каждый такъ, какъ ему свойственно. Исполнять же законъ Бога всѣ должны одинаково.

9-е ноября.

Человѣкъ, какъ животное, противится смерти, но благодаря разуму онъ всегда можетъ замѣнить это противленіе не только покорностью, но и согласіемъ.

1.

Причина, почему представленіе о смерти не оказываетъ того дѣйствія, какое оно могло бы оказать, заключается въ томъ, что мы по своей природѣ, въ качествѣ дѣятельныхъ существъ, по настоящему совсѣмъ не должны думать о ней. Кантъ.

2.

Жизнь не чувствуетъ никакого родства со смертью. Поэтому-то, вѣроятно, всегда и возрождается въ насъ машинальная, инстинктивная надежда, затемняющая разумъ и заставляющая сомнѣваться въ вѣрности нашего знанія о неизбѣжности смерти. Жизнь стремится упорствовать въ бытіи. Она повторяетъ, какъ попугай въ баснѣ, даже въ минуту, когда его душатъ: „Это, это ничего!“

Аміель.

3.

Смертныя страданія болѣе всего вызываютъ въ человѣкѣ противленіе смерти, но эти же самыя страданія заставляютъ человѣка желать смерти.

4.

Въ послѣднія, предсмертныя минуты духовное начало оставляетъ тѣло и, оставляя его, соединяется ли съ безвременнымъ, внѣпространственнымъ началомъ всего, или переходитъ въ другую опять ограниченную форму, мы не знаемъ; знаемъ только то, что тѣло оставляется тѣмъ, что живило его, и становится только предметомъ наблюденія.

5.

Смерть есть перемѣна или исчезновеніе предмета сознанія. Само же сознаніе такъ же мало можетъ быть уничтожено смертью, какъ перемѣна зрѣлища можетъ уничтожить зрителя.

6.

Ты пришелъ въ эту жизнь самъ не зная какъ, но знаешь, что пришелъ тѣмъ особеннымъ *я*, которое ты есть, потомъ шелъ, шелъ, дошелъ до половины и вдругъ не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться съ мѣста, идти дальше, потому что не видишь того, что тамъ. Но вѣдь ты не видалъ тоже и того мѣста, изъ котораго ты пришелъ, а вѣдь пришелъ же ты. Ты вошелъ во входныя ворота и не хочешь выходить въ выходныя.

Вся жизнь твоя была шествіе черезъ плотское существованіе; ты шелъ, торопился идти, и вдругъ тебѣ жалко стало того, что совершается то самое, что ты не переставая дѣлалъ. Тебѣ страшна большая перемѣна положенія твоего при плотской смерти, но вѣдь такая большая перемѣна совершилась съ тобою при твоемъ рожденіи, и изъ этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротивъ, вышло такое хорошее, что ты и разстаться съ нимъ не хочешь.

Если мы вѣримъ, что все, что случалось съ нами въ нашей жизни, случалось съ нами для нашего блага, а человѣкъ, вѣрующій въ благое начало жизни, не можетъ не вѣрить въ это,—то и то, что совершается въ нашей смерти, совершается для нашего блага.

10-е ноября.

Все, что бы мы ни видѣли, что бы ни представляли себѣ въ мірѣ, источникъ всего въ нашей духовной природѣ.

1.

Небо и земля велики, но они имѣютъ цвѣтъ, образъ и величину. Въ человѣкѣ же есть нѣчто, не имѣющее ни цвѣта, ни образа, ни числа, ни величины,—и это нѣчто разумно.

Слѣдовательно, если бы міръ самъ по себѣ былъ неодушевленъ, то онъ былъ бы одушевленъ разумомъ только человѣка. Но міръ безконеченъ, разумъ же человѣка ограниченъ, и потому разумъ человѣка не можетъ быть разумомъ всего міра.

Изъ этого видно, что міръ долженъ быть одушевленъ разумомъ, и разумъ этотъ долженъ быть безконеченъ. Конфуцій.

2.

Когда говорятъ о небѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ находятся блаженные, то обыкновенно представляютъ себѣ его гдѣ-то высоко надъ собою въ необъятныхъ міровыхъ пространствахъ. Но при этомъ забываютъ о томъ, что наша земля, разсматриваемая изъ тѣхъ міровыхъ пространствъ, такъ же представляется одною изъ небесныхъ звѣздъ, и что жители тѣхъ міровъ съ такимъ же правомъ могли бы показать на землю и сказать: „Видите вонъ ту звѣзду—мѣсто вѣчнаго блаженства, небесный пріютъ, приготовленный для насъ, куда мы когда-нибудь попадемъ“. Дѣло въ томъ, что по странной ошибкѣ нашего ума полетъ нашей вѣры всегда соединенъ съ понятіемъ о восхожденіи вверхъ, при чемъ не думаютъ о томъ, что какъ бы высоко мы ни поднялись, намъ все-таки придется опять спуститься внизъ, чтобы стать твердой ногой въ какомъ-нибудь другомъ мірѣ. Если же искать такую блаженную часть этого міра, обитаемую безплотными духами, то полагать такую часть міра надо не надъ собою, не подъ собою, по-

тому что подобное матеріальное цѣлое надо представлять себѣ не по его отдѣльности или близости къ матеріальнымъ предметамъ, а по духовному сочетанію его частей. Кантъ.

3.

Вмѣсто того, чтобы говорить, что міръ отражается въ насъ, скорѣе слѣдовало бы сказать, что нашъ разумъ отражается въ мірѣ. Мы не можемъ иначе: мы должны признавать въ мірѣ порядокъ и мудрое управленіе — это вытекаетъ изъ устройства нашихъ мыслительныхъ способностей. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ еще, что нѣчто, необходимое для нашего мышленія, таково и въ дѣйствительности, такъ какъ объ истинномъ устройствѣ внѣшняго міра мы не имѣемъ никакого понятія.

Лихтенбергъ.

4.

Взгляни на эту разодѣтую тѣнь, хилую, одержимую желаніями, нѣтъ въ ней силы, не можетъ она защищаться, истощено это тѣло, хилое и немощное, будто готово оно разсыпаться на куски, жизнь въ немъ уже переходитъ въ смерть... Голый черепъ похожъ на тыкву, сорванную осенью... Можно ли радоваться, можно ли еще веселиться?

Эта крѣпость была сдѣлана для костей, покрыта мясомъ и напитана сокомъ крови, и—вотъ обитаетъ въ ней старость и смерть, гордость и высокомѣріе... Разрушаются драгоцѣнныя колесницы царей, старость близитъ къ разрушенію тѣло; только ученіе добрыхъ не старѣетъ, не рушится, — пусть благородные возвѣщаютъ благороднымъ. Буддійская мудрость.

5.

Стоитъ человѣку взглянуть на себя какъ только на тѣлесное существо, и онъ становится неразгадываемой загадкой, нераспутываемымъ противорѣчіемъ.

— —

Для того, чтобы понимать истинное значеніе вещей, необходимо сводить все видимое къ невидимому, все тѣлесное къ духовному.

Недѣльное чтеніе.

Христіанство и раздѣленіе людей.

Упадокъ вѣры христіанской Петръ Хельчицкій объясняетъ тѣмъ, что императоръ и папа, признавъ себя христіанами, извратили истинное христіанство. И это извращеніе ими истинной вѣры Хельчицкій сравниваетъ съ разодраніемъ рыболовной сѣти большими рыбами. Какъ всѣ пойманныя рыбы ушли въ дыры, сдѣланныя большими рыбами, такъ и всѣ пойманные въ сѣти Христа люди лишились вѣры вслѣдствіе извращенія ея папами и императорами.

Дальше приводимъ слова самого Хельчицкаго:

Уловленные апостолами долго удерживались въ цѣлой, неповрежденной сѣти, но когда послѣ нихъ съ теченіемъ времени люди, чувствуя себя безопасными, заснули, явился врагъ и насѣялъ плевелъ между пшеницею, и плевелы такъ размножились, что пересилили пшеницу и ослабили ее. Крѣпкимъ сномъ объяты были христіане въ то время, когда императоръ надѣлилъ первосвященника имуществомъ и властью; безчувственные отъ тяжкаго сна, они дерзнули отвергнуть нищету, въ которой пребывали во имя Христово, и промѣнять ее на владычество и честь императорскую и даже выше императорской. Сначала укрывались они въ ямахъ, пещерахъ и лѣсахъ, а потомъ, глядь, самъ императоръ возитъ священника по Риму, посадивъ его на бѣлую кобылу. Этимъ была нарушена чистота и невинность апостольскаго званія. Поэтому сѣть Петрова сильно разодралась, когда *вошли въ нее эти два великихъ кита*, т.-е. первосвященникъ съ королевскимъ владычествомъ и честью, превышающую императорскую, и императоръ, ввалившійся подъ кожу вѣры съ языческою властью и должностями. Когда оба эти кита повернулись въ сѣти, она такъ разодралась,

что теперь немного уже остается отъ нея въ цѣлости. Отъ этихъ двухъ китовъ народилось множество неправдивыхъ сословій, которыя въ свою очередь дерутъ сѣть вѣры: во-первыхъ, монахи различнаго покроя и цвѣта, потомъ ученые люди, школьные, университетскіе, затѣмъ настоятели приходовъ; потомъ изъ неученыхъ: разные дворянскіе роды, украшенные гербами, потомъ сословія горожанъ. Каждое изъ этихъ собраній и сословій стремится господствовать, пріобрѣтая себѣ земли или хитростью, или насиліемъ, или куплею, или по наслѣдству. Одни изъ нихъ паны духовные, другіе—свѣтскіе.

Церковь римская *раздѣлилась на три части*: свѣтскіе паны, короли и князья дерутся и защищаютъ церковь, духовенство—молится, а третью часть составляетъ рабочій людъ, который долженъ обезпечивать тѣлесныя потребности первыхъ двухъ частей. Какое неравенство происходитъ отъ такого раздѣленія! Двумъ сторонамъ хорошо: онѣ праздны, много жрутъ, имъ нипочемъ тратить деньги или лежать на третьей сторонѣ, подобравши ее подъ себя, а эта третья сторона въ страданіяхъ несетъ на себѣ роскошь тѣхъ двухъ обжоръ. Такое раздѣленіе противно Христову ученію, по которому весь свѣтъ долженъ составлять едино множество, едино сердце и единъ духъ.

Болѣе всего разодрали сѣть вѣры и дерутъ ее постоянно два сильные кита, главный владыка духовный и главный владыка свѣтскій. *Владыка духовный* — папа нарушаетъ законъ Христовъ: 1) тѣмъ, что, отвергнувъ нищету, трудъ, проповѣдь и другія пастырскія обязанности, онъ пріобрѣлъ свѣтскую власть и почетъ и требуетъ, чтобы передъ нимъ кланялись до земли, какъ передъ Богомъ. Онъ размножилъ свои законы, противные закону Божію и вѣрѣ, такъ что изъ-за этихъ законовъ люди забыли законъ Божій и вѣру и думаютъ, что вѣра есть не что иное, какъ законы великаго священника. Во всѣхъ своихъ священныхъ дѣйствіяхъ духовенство руководствуется этими законами: оно иначе не умѣетъ молиться, какъ бормоча установленные законами и нарочито составленные часы, которыми исписаны толстыя книги. Считается молитвою, когда въ церкви во всеуслышаніе одинъ попъ перекидывается съ другимъ словами и стихами. Невѣжественный народъ,

не разсуждая, принимаетъ все это за вѣру христіанскую, и неудивительно, потому что о вѣрѣ онъ только и слыхалъ, что Бога можно видѣть въ церкви, да въ воскресенье нельзя пахать.

Другой китъ, ввалившійся въ сѣть вѣры и разодравшій ее, есть *императоръ съ языческимъ управленіемъ*, языческими учрежденіями, съ языческими правами и законами. До принятія христіанства Константиномъ христіане руководились однимъ закономъ Христовымъ безъ примѣси папскихъ и императорскихъ постановленій, не имѣли короля изъ своей среды и должны были только платить дань и исполнять другія повинности, какъ подданные язычниковъ. Когда же императоръ Константинъ былъ принятъ въ вѣру съ языческимъ управленіемъ и языческими законами, тогда невинность и чистота христіанъ была нарушена.

Нельзя перечислить всѣхъ языческихъ особенностей, которыми осквернена истинная вѣра и богопочитаніе; скажемъ о нѣкоторыхъ, имѣющихъ отношеніе къ императору. 1) Желая господствовать надъ христіанами, Константинъ и его преемники должны были бы показывать примѣръ самаго высокаго благочестія, а между тѣмъ они живутъ среди христіанъ, отступая отъ вѣры и совершая дѣла самыя богопротивныя. И ихъ слуги и челядь ведутъ также самую недостойную жизнь, такъ что они являются въ христіанскомъ обществѣ падалью, которая смрадомъ своимъ всѣхъ заражаетъ. А духовенство и магистры еще оправдываютъ ихъ, какъ третью сторону церкви сатанинской, и говорятъ: „Такъ подобаетъ ихъ сану; придворные люди должны быть веселыми, свободными, развязными“.

Императоръ пользуется языческою властью своевольно, съ гордымъ довольствомъ и смѣлостью, вовсе не помышляя о томъ, что онъ христіанинъ и властвуетъ надъ христіанами. *Не такъ еще важны тѣлесныя притѣсненія*, которыя дѣлаетъ императоръ своимъ подданнымъ, облагая ихъ податями и т. п.: этимъ наносится ущербъ имуществу, и люди обременяются тяжелою работою; но совѣсть отъ этого не страдаетъ, если только всѣ эти стѣсненія переносятся терпѣливо. Гораздо важнѣе то, что свѣтская власть не вмѣняетъ себѣ въ грѣхъ убивать людей и учинять всякія насилія и *заставляетъ* христіанъ ходить войною другъ на друга и, такимъ образомъ, *преступать заповѣдь Христову*.

Состояніе первой церкви, когда язычники не имѣли ничего общаго съ христіанами, было самое благопріятное для христіанъ и могло бы существовать до настоящаго времени, если бы по кознямъ сатаны и по слѣпотѣ двухъ лицъ, Сильвестра *) и Константина, не былъ влитъ ядъ въ христіанство, т.-е. власть папская и императорская. Съ церковью Христовою совершилось подобное тому, что было съ іудеями. Прибывъ въ землю обѣтованную, они прожили тамъ болѣе четырехсотъ лѣтъ, не имѣя надъ собою никакихъ земныхъ владыкъ и находясь только подъ охраною Бога и Его закона; но потомъ, отвергнувъ Бога, они стали просить у Самуила царя. Желаніе ихъ было исполнено, но во свидѣтельство великаго грѣха, ими учиненнаго, Богъ послалъ знаменіе: громъ и дождь. Подобное произошло и съ христіанами съ тою лишь разницею, что іудеи желали имѣть царя изъ привязанности къ земному, надѣясь, что ихъ земныя дѣла пойдутъ лучше при царѣ земномъ, чѣмъ при царѣ небесномъ; христіане же не отвергали Бога и не желали имѣть царя съ языческимъ управленіемъ, но это совершилось *подъ видомъ блага для церкви,* котораго ждали отъ принятія императоромъ христіанской вѣры. Послѣдствія оказались противоположныя: чего императоръ прежде не могъ ввести между христіанами, подвергая ихъ мукамъ, то онъ ввелъ подъ видомъ пріязни къ нимъ и, соединившись съ ними вѣрою, увлекъ ихъ въ языческое невѣріе. Виновны въ этомъ злѣ Сильвестръ и Константинъ, но не менѣе виноваты и тѣ послѣдующіе христіане, которые, считая себя совершеннѣйшими и мудрѣйшими въ пониманіи вѣры, *доказываютъ необходимость свѣтской власти для блага церкви.*

Съ теченіемъ времени ко множеству рыбъ, уловленныхъ апостоломъ, или, иначе, ко множеству вѣрующихъ, присоединилось много рыбъ, или сбродовъ людей, которые разодрали сѣть вѣры. Эти сброды не хотятъ пребывать въ вѣрѣ или слѣдовать ей, а тянутъ вѣру за собою, и имѣя каждый свои особенности, противныя вѣрѣ, хотятъ, чтобы онѣ признавались за вѣру. Прежде всего поведемъ рѣчь о сбродахъ и поколѣніяхъ, украшенныхъ гербами.

---

*) Сильвестръ—папа, крестившій царя Константина.

Эти многоразличныя поколѣнія, украшенныя гербами, ведутъ жизнь, противную заповѣдямъ Божіимъ, и превосходятъ другихъ людей въ поруганіи Сына Божія. Эти поколѣнія вдвойнѣ рождаются во грѣхѣ: 1) во грѣхѣ Адамовомъ, какъ и всѣ люди, и 2) съ грѣховнымъ сознаніемъ благородства своего происхожденія. Въ силу этого благородства они стараются выдѣлить себя передъ другими людьми всѣмъ, чѣмъ только можно: именами, манерою себя держать, одеждою, пищею, постройкою жилища, правами и обращеніемъ. Во всемъ ихъ образѣ жизни, обычаяхъ и рѣчи выражается тщеславіе. Они стремятся обладать всѣми благами тѣла и свѣта, чтобы пользоваться почетомъ и славою, и избѣгаютъ всего непріятнаго, что должны переносить люди за свои грѣхи. Имъ неприличны усиленный трудъ, терпѣніе, преслѣдованіе, простота, униженіе, услужливость: имъ нужна жизнь свободная, праздная, легкая, пресыщеніе земными благами, чистота, красота, одежда особыхъ затѣйливыхъ и изящныхъ покроевъ; они должны задавать роскошные пиры на удивленіе всѣмъ, какъ боги и богини; имъ нужны чистыя и мягкія ложа, рѣчь сладкая и вкрадчивая, исполненная лести, съ приговариваніемъ: „не угодно ли вашей милости начать“. Благородство заставляетъ ихъ прибѣгать къ частымъ и отвратительнымъ омовеніямъ съ помощью прислужниковъ, доходящей до мерзости; благородство заставляетъ ихъ бѣлиться; наконецъ, благородство требуетъ языческаго господства, и дѣйствительно, это поколѣніе, украшенное гербами, захватило землю и пріобрѣло власть надъ другими людьми. Страданіями и потомъ холоповъ и „крѣпкоголовыхъ дураковъ“ оно можетъ доказать свое благородство, и стоитъ только холопу перестать работать, такъ все это благородство поблекнетъ и сравняется съ пастушьимъ.

Благородство происхожденія основывается на языческомъ обычаѣ добывать гербы отъ императоровъ и королей. Одни пріобрѣтаютъ ихъ службою въ воздаяніе за какіе-нибудь геройскіе поступки; другіе же покупаютъ ихъ для почета, напримѣръ, ворота, волчью или собачью голову, лѣстницу, полконя, трубу, ножи, свиную колбасу и т. п. На этихъ гербахъ и держится все благородство, и вся цѣна ему та же, что и гербамъ. Не будь денегъ для его поддержки, голодъ заставилъ бы бросить гербы да взяться за плуги.

Не въ гербахъ, а въ деньгахъ главная сила благородства, и когда нѣтъ денегъ, панъ сравнивается съ холопомъ и, стыдясь приняться за работу, не имѣетъ и хлѣба на обѣдъ.

Двойное рожденіе благороднаго сословія во грѣхѣ Адамовомъ и въ сознаніи своего благородства, основаннаго на гербахъ, влечетъ за собою новые и многочисленные грѣхи. Сознаніе благородства порождаетъ тщеславіе, отсутствіе смиренія и терпѣнія. Назови кто-нибудь пана подлымъ или холопомъ, онъ тотчасъ же потянетъ его въ судъ, чтобы очистить себя отъ холопства и подлости. Другіе грѣхи, вытекающіе изъ того же источника—праздность, стремленіе къ роскоши, языческому господству, жестокость, насиліе. А духовенство потворствуетъ этимъ грѣхамъ и говоритъ панамъ: „Въ этомъ нѣтъ вреда, это слѣдуетъ или это подобаетъ вашему сану". Такими и подобными рѣчами оно какъ бы увлажняетъ эти грѣхи, чтобы они спорѣе росли, и обращаетъ ихъ въ добродѣтели.

Грѣхи эти отъ родителей переходятъ къ дѣтямъ, которыхъ они воспитываютъ въ тѣхъ же заблужденіяхъ, въ которыхъ пребываютъ сами, и такимъ образомъ отнимается отъ Бога Его твореніе. По благородству своего происхожденія паны считаютъ нужнымъ послать своихъ дѣтей ко дворамъ въ нѣмецкія земли, чтобы они научились тамъ разнымъ похвальбамъ и инымъ мерзостямъ, приличіямъ, вѣжливымъ позамъ съ поклонами и опились тѣмъ ядомъ, который подносятъ при дворахъ. Все это происходитъ отъ тщеславія: они слишкомъ любятъ мірское величіе, и такъ какъ дома имъ трудно этого достигнуть, то они и посылаютъ дѣтей къ великимъ людямъ, чтобы чрезъ нихъ достигнуть какого-нибудь почета, чтобы старшимъ было чѣмъ похвастаться, что вотъ-де сынъ нашъ былъ у короля коморникомъ, а дочка у королевы хвостъ оправляетъ или носитъ. До такой степени размножились эти гербовыя поколѣнія, что земли имъ становится мало. Всѣ хотятъ господствовать въ богатствѣ, а инымъ не на что: многихъ гнететъ бѣдность, а работать не хотятъ, работы стыдятся, а глотка у всѣхъ большая. Иные должаютъ безъ конца, выманивая деньги льстивыми рѣчами и разными обѣщаніями, а работать ни за что не хотятъ, чтобы не опозорить трудомъ своего благороднаго происхожденія. Обширнѣйшими и наилучшими землями овладѣли эти

паны, и обратились эти земли въ пустыни, и волки по нимъ бѣгаютъ, а сами они по придворному встаютъ, садятся и проводятъ все время въ безконечныхъ разговорахъ о разныхъ новостяхъ. Въ св. писаніи нѣтъ нигдѣ указаній, чтобы одни люди были лучшаго рода, чѣмъ другіе. Самъ Соломонъ сознавалъ свое ничтожество, а если въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ встрѣчается слово „благородный“, то оно означаетъ благородство, основанное на добродѣтеляхъ и мудрости. Какъ гнусна жизнь этихъ благородныхъ людей, такъ гнусна и одежда, которую носятъ мужчины и женщины. Вообще ни язычники, ни іудеи не оскверняли вѣру Христову въ такой степени, какъ эти поколѣнія, основанныя на гербахъ и неправо примѣшавшіяся къ вѣрѣ. Они и Богу не угодны и людямъ во вредъ и въ тягость. Рабочій людъ несетъ на себѣ бремя ихъ благородства, а они готовы проглотить его, и все, что только есть на землѣ добраго, стараются захватить и проглотить. Великій вредъ отъ нихъ всѣмъ людямъ происходитъ отъ того, что они всѣхъ облекаютъ въ себя и заражаютъ собою другихъ, какъ трупъ съ терпкимъ смрадомъ, что моритъ людей. Прежде всего они облекаютъ въ себя своихъ дѣтей и слугъ, уча ихъ тщеславію и всѣмъ придворнымъ поступкамъ, а затѣмъ и городское сословіе перенимаетъ отъ нихъ ихъ образъ жизни. Все это написано для того, чтобы познанъ былъ въ этихъ сбродахъ гербовыхъ тотъ антихристъ, о которомъ говоритъ ап. Павелъ, называя его человѣкомъ беззаконія и сыномъ погибели.

Петръ Хельчицкій.

11-е ноября.

Приближеніе къ совершенству есть законъ жизни.

1.

Нѣтъ никакого нравственнаго закона, если я не могу исполнять его. Но долгъ существуетъ, влечетъ насъ къ себѣ и обязываетъ. Люди говорятъ: мы рождены эгоистами, скупыми, похотливыми и не можемъ быть иными.

Нѣтъ, мы можемъ. Первое дѣло—сердцемъ почувствовать, чѣмъ мы должны быть. И это чувство дастъ намъ силу.

Солтеръ.

2.

Вы—свободные дѣятели, и вы это чувствуете. Всѣ возможные софизмы той жалкой философіи, которая старается противопоставить фаталистическое ученіе громкому голосу человѣческой совѣсти, человѣческаго сознанія, не въ силахъ были заставить замолчать двухъ неподкупныхъ свидѣтелей человѣческой свободы: укоровъ совѣсти и величія мученичества. Начиная съ Сократа и до Христа и отъ Христа вплоть до тѣхъ людей, которые изъ вѣка въ вѣкъ умираютъ за истину, всѣ мученики вѣры протестуютъ противъ этого рабскаго ученія и громко говорятъ намъ: мы тоже любимъ жизнь и всѣхъ людей, которыми жизнь наша была красна и которые умоляли насъ прекратить борьбу. Каждое біеніе нашего сердца громко взывало къ намъ: живи! но для спасенія будущихъ поколѣній мы предпочли смерть. И начиная съ Каина и вплоть до самаго жалкаго шпіона нашихъ дней, всѣ измѣнники и предатели, избравшіе путь зла, слышатъ въ глубинѣ души голосъ осужденія, укора, голосъ, не дающій имъ покоя и который вѣчно твердитъ имъ: зачѣмъ вы свернули съ истиннаго пути? Вы дѣятели свободные, а стало-быть отвѣтственны за свои поступки.

Мадзини.

3.

Если ты спросишь: „что же дѣлать?“ то позволь мнѣ отвѣтить: что въ данную минуту таковъ, каковъ ты теперь, ты ничего сдѣлать не въ силахъ. Дѣло, которое тебѣ предстоитъ сейчасъ, состоитъ въ томъ, чтобъ по возможности перестать быть пустымъ отголоскомъ своего и чужого эгоизма или пустого дилетантизма и стать хотя бы и не великой, но честной душой. Ты долженъ заглянуть въ себя и убѣдиться, есть ли тамъ хоть слѣдъ души. До тѣхъ поръ ничего нельзя дѣлать. О братья, мы должны, насколько возможно, возстановить въ себѣ душу и совѣсть, замѣнить нашъ дилетантизмъ искренностью и наши мертвыя, каменныя сердца живыми! Только тогда мы начнемъ понимать не одно, а цѣлый безконечный рядъ хорошихъ дѣлъ въ ихъ болѣе или менѣе ясной послѣдовательности. Сдѣлайте первый шагъ, второй будетъ легче, яснѣе, выполнимѣе.

Карлейль.

4.

Человѣкъ уронилъ дорогой жемчугъ въ море и, чтобъ достать его, сталъ черпать ковшомъ воду. Морской духъ вышелъ и спросилъ: „Скоро ли ты перестанешь?“ человѣкъ сказалъ: „Когда вычерпаю море и достану жемчужину“. Морской духъ вынесъ ему жемчужину.

Послѣдствія внѣшнія не въ нашей волѣ, но усиліе всегда возможно, и благотворныя послѣдствія внутреннія всегда строго соотвѣтствуютъ усилію.

12-е ноября.

Нѣтъ ничего могущественнѣе смиреннаго человѣка.

Смиренный человѣкъ, отрѣшаясь отъ себя, соединяется съ Богомъ.

1.

Нѣтъ въ мірѣ ничего нѣжнѣе и уступчивѣе, чѣмъ вода, а между тѣмъ, нападая на жесткое и твердое, ничто не можетъ быть силь-

нѣе ея. Слабый побѣждаетъ сильнаго. Нѣжный побѣждаетъ жестокаго. Всѣ въ мірѣ знаютъ это, но никто не хочетъ исполнять это.

Лао-Тсе.

2.

Кто насилуетъ обстоятельства, того обстоятельства насилуютъ въ свою очередь, а кто имъ уступаетъ, тому и они дѣлаютъ уступку.

Когда ты видишь, что обстоятельства не благопріятствуютъ тебѣ, то ты имъ не сопротивляйся, а предоставь ихъ естественному ходу, потому что кто идетъ противъ обстоятельствъ, дѣлается рабомъ ихъ, а кто покоряется имъ, дѣлается ихъ господиномъ.

Талмудъ.

3.

Когда мудрецъ держится закона добродѣтели, то онъ скрываетъ это отъ взоровъ людей и не жалѣетъ о томъ, что онъ никому не извѣстенъ.

Конфуцій.

4.

Въ странѣ пареянъ,—разсказываетъ Сади,—меня встрѣтилъ человѣкъ, ѣдущій верхомъ на тигрѣ. Увидавъ это, я такъ испугался, что не могъ ни бѣжать, ни двинуться съ мѣста. Но человѣкъ этотъ сказалъ мнѣ: „Не удивляйся, Сади, тому, что ты видишь. Не высвобождай только своей шеи изъ-подъ ярма Бога, и ничто не будетъ имѣть силы освободить свою шею отъ твоего ярма“.

5.

Человѣкъ очень силенъ, когда онъ довольствуется тѣмъ, чтобы быть тѣмъ, что онъ есть, и очень слабъ, когда хочетъ подняться выше человѣчества.

Руссо.

6.

Человѣкъ, усовершенствуясь въ смиреніи, какъ будто спускается съ вершины конуса къ основанію его. Чѣмъ больше онъ спускается, тѣмъ шире кругъ его духовной жизни.

7.

Слабѣйшее въ мірѣ побѣждаетъ сильнѣйшее; поэтому велико преимущество смиренія и выгода молчанія. Только немногіе въ мірѣ могутъ быть смиренны.

8.

Человѣкъ, когда живетъ, нѣженъ и гибокъ. Когда онъ умираетъ, онъ дѣлается жесткимъ и сухимъ.

Всѣ вещи, трава, такъ же какъ и деревья, нѣжны и гибки, пока они живутъ. Когда они умираютъ, они дѣлаются черствы и сухи. Поэтому жесткое и крѣпкое, это—спутники смерти. Мягкое и нѣжное—спутники жизни. Поэтому тотъ, кто силенъ руками, не побѣдитъ. Когда дерево стало крѣпко, оно обречено на смерть. Сильные и большіе находятся внизу, нѣжные и мягкіе наверху ихъ.

Лао-Тсе.

Чѣмъ смиреннѣе человѣкъ, тѣмъ онъ свободнѣе и сильнѣе.

13-е ноября.

Самосовершенствованіе уже потому свойственно человѣку, что онъ никогда, если онъ правдивъ, не можетъ быть доволенъ собою.

1.

Человѣкъ долженъ развивать свои задатки къ добру. Провидѣніе не заложило ихъ въ человѣкѣ вполнѣ готовыми; это только одни задатки. Сдѣлать самого себя лучше, культивировать себя, вотъ къ чему долженъ стремиться и чего долженъ достигнуть человѣкъ.

Кантъ.

2.

„Корень зла есть незнаніе истины“,—сказалъ Будда.

Изъ этого же корня вырастаетъ дерево заблужденія со своими плодами страданія, насчитываемыми тысячами.

Противъ незнанія есть только одно средство—знаніе. Истинное же знаніе можетъ быть достигнуто только черезъ личное совершенствованіе. Слѣдовательно, и улучшеніе общественнаго зла можетъ быть достигнуто тѣмъ, что люди усвоятъ болѣе высокое міросозерцаніе и сами сдѣлаются лучше, поступая соотвѣтственно своему міросозерцанію.

И потому тщетны всѣ попытки улучшить жизнь міра до тѣхъ поръ, пока сами люди не станутъ лучше; улучшеніе каждаго отдѣльнаго человѣка есть вѣрнѣйшее средство улучшенія жизни міра.

Гартманъ.

3.

Тотъ, кто требуетъ отъ жизни только улучшенія своего существа, нравственнаго усовершенствованія въ смыслѣ внутренняго удовлетворенія и религіозной покорности, менѣе, чѣмъ кто-либо, подверженъ опасности не исполнить призванія своей жизни.

Аміель.

4.

Христіанинъ не можетъ быть только учителемъ или только ученикомъ, онъ всегда то и другое вмѣстѣ, а потому онъ всегда идетъ впередъ и нѣтъ для него конца совершенствованія.

Другъ мой, считай себя не иначе, какъ школьникомъ и ученикомъ. Не думай, чтобы ты былъ старъ, чтобы учиться, что силы твои достигли настоящей зрѣлости и развитія, и что характеръ и душа твоя получили настоящую форму и не могутъ быть лучшими. Для христіанина нѣтъ оконченнаго курса: онъ до самаго гроба ученикъ.

Гоголь.

5.

Мыслящій человѣкъ испытываетъ скорбь, которая можетъ, пожалуй, даже повести къ порчѣ нравственности и о которой поверхностный человѣкъ не имѣетъ понятія: именно, когда онъ задумывается надъ несчастіями, которыя такъ сильно угнетаютъ человѣческій родъ, и, повидимому не имѣя надежды на что-нибудь лучшее, онъ испытываетъ недовольство Провидѣніемъ, управляющимъ міровымъ порядкомъ. Но быть довольнымъ Провидѣніемъ

(хотя бы оно предназначило намъ сейчасъ въ нашей земной жизни такой трудный путь)—въ высшей степени важно: частью для того, чтобы мы не теряли среди тягостей жизни мужества, частью для того, чтобы мы, сваливая вину на судьбу, не упускали изъ виду нашей собственной вины, которая, можетъ-быть, есть единственная причина всѣхъ этихъ золъ.

Кантъ.

6.

Какъ отучаешь себя отъ дурныхъ привычекъ, такъ можно и должно отучать себя отъ эгоизма. Захочешь увеличить *свое* удовольствіе, захочешь выставить себя, вызвать любовь другихъ—остановись. Если не хочется ничего дѣлать для другихъ, не дѣлай ничего, но только не дѣлай для себя.

7.

Первое правило для достиженія добродѣтели то, чтобы думать только о своемъ самосовершенствованіи, а не поступать въ виду похвалъ отъ людей.

Китайское Ши-Кингъ.

8.

Тотъ, чьи злыя дѣла покрываются добрыми, освѣщаетъ этотъ міръ, какъ мѣсяцъ, выходящій изъ-за тучъ.

Лучше, чѣмъ завладѣть всей землей, лучше, чѣмъ взойти на небо, лучше, чѣмъ властвованіе надъ всѣмъ міромъ, лучше всего этого радость первыхъ шаговъ къ святости.

Джаммапада.

9.

Еще другой сказалъ: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мнѣ проститься съ домашними моими.

Но Іисусъ сказалъ ему: никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царствія Божія.

Лк. IX, 61—62.

10.

Тотъ, кто положилъ жизнь свою въ совершенствованіи, смотритъ только впередъ. Оглядывается на то, что онъ сдѣлалъ, только тотъ, кто остановился.

Недовольство собою есть необходимое условіе разумной жизни. Только это недовольство побуждаетъ къ работѣ надъ собою.

14-е ноября.

Важнѣе всѣхъ другихъ то знаніе, которое можетъ освѣщать жизнь и руководить ею.

1.

Очень важно знать законы жизни; но знаніе, ведущее насъ къ самосовершенствованію, есть знаніе первѣйшей важности.

Спенсеръ.

2.

Лучше овладѣть съ смиреніемъ малой долей здраваго смысла, чѣмъ съ самодовольствомъ величайшими сокровищами наукъ. Нѣтъ ничего дурного въ учености и всякое знаніе чего бы то ни было пріятно само по себѣ, но добрая совѣсть и добродѣтельная жизнь всегда должна быть поставлена впереди знаній.

Ѳома Кемпійскій.

3.

Развитіе науки не содѣйствуетъ очищенію нравовъ. У всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ мы знаемъ, развитіе наукъ содѣйствовало развращенію народовъ. То, что мы теперь думаемъ противное, происходитъ отъ того, что мы смѣшиваемъ наши пустыя и обманчивыя знанія съ истиннымъ высшимъ знаніемъ. Наука, въ ея отвлеченномъ смыслѣ, наука вообще, не можетъ не быть уважаема, но теперешняя наука, то, что безумцы называютъ наукой, достойно только насмѣшки и презрѣнія.

Руссо.

4.

Отъ учителя мы ждемъ, что онъ сдѣлаетъ изъ своего слушателя сначала разсудительнаго человѣка, затѣмъ разумнаго и, наконецъ, ученаго.

Такой пріемъ имѣетъ ту выгоду, что если ученикъ и не достигнетъ никогда послѣдней ступени, какъ это обыкновенно и бываетъ въ дѣйствительности, онъ все-таки выиграетъ отъ обученія и станетъ болѣе опытнымъ и умнымъ, если не для школы, то для жизни.

Если же этотъ пріемъ вывернуть наизнанку, тогда ученикъ схватываетъ что-то въ родѣ разума прежде, чѣмъ въ немъ выработается разсудокъ, и выноситъ изъ обученія заимствованную науку, которая только какъ бы приклеена, но не срослась съ нимъ, при чемъ его духовныя способности остались такими же безплодными, какъ и раньше, но въ то же время сильно испорчены воображаемой ученостью. Въ этомъ причина, почему мы нерѣдко встрѣчаемъ ученыхъ (вѣрнѣе, обученныхъ людей), которые обнаруживаютъ очень мало разсудка, и почему изъ академій выходитъ въ жизнь больше нелѣпыхъ головъ, чѣмъ изъ какого-нибудь другого общественнаго класса.

Кантъ.

5.

Только тотъ ученъ, кто хорошо поступаетъ.

Индійскій Готопадеза.

6.

Воля не будетъ справедлива, пока не исправлены привычки ума, такъ какъ ихъ результатомъ является воля. Привычки мысли, однако, тогда лишь станутъ наилучшими, когда будутъ основываться на законахъ жизни въ ея цѣломъ, когда все будетъ изслѣдовано съ точки зрѣнія правды.

Сенека.

7.

Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ величайшимъ вниманіемъ, хотя бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя бы поученіе было написано на стѣнѣ.

Гулистанъ Саади.

Въ знаніяхъ важно не количество, а правильная расцѣнка имъ. Важно знать, какія знанія самыя важныя, какія второй важности, третьей и т. д. и какія самой послѣдней.

15-е ноября.

Радости богатства обманчивы.

1.

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ; ибо, гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Мѳ. VI, 19—21.

2.

„Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше".

Въ какой же ужасной грязи сердце человѣка, сокровище котораго богатство.

3.

Люди, увидавъ свѣтлые дома, множество полей, толпы слугъ, серебряные сосуды, большое собраніе одеждъ,—всячески стараются имѣть еще больше, такъ что самые богатые бываютъ причиною этого зла для менѣе богатыхъ, а эти для еще менѣе достаточныхъ. Между тѣмъ, если бы богатые не собирали богатства и не расточали ихъ, то не были бы учителями сребролюбія для менѣе богатыхъ и бѣдныхъ. А пристрастіе къ богатству хуже всякаго тиранства: порождаетъ заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и безчисленныя препятствія къ добродѣтели,—безпечность, распутство, любостяжаніе, пьянство. А это и свободныхъ дѣлаетъ рабами, и даже хуже рабовъ, рабами не людей, но ужаснѣйшей изъ страстей и болѣзней души. Такой человѣкъ рѣшается на многое, что противно и Богу и людямъ, изъ опасенія, чтобы кто не исторгъ его изъ-подъ этого владычества. Горькое, рабское, дьявольское владычество! Въ особенности пагубно здѣсь то, что, находясь въ столь несчастномъ положеніи, мы лобызаемъ свои оковы и, обитая въ узилищѣ, исполненномъ тьмы, не желаемъ выйти на

свѣтъ, но привязываемся къ злу и услаждаемся болѣзнею. Потому-то не можемъ и освободиться и находимся въ худшемъ положеніи, чѣмъ тѣ, которые работаютъ въ рудникахъ, потому что подвергаемся трудамъ и бѣдствіямъ, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотѣлъ избавить насъ отъ этого тяжкаго плѣна, мы не только не позволяемъ, но еще гнѣваемся и негодуемъ, и такимъ образомъ являемся ничѣмъ не лучше безумныхъ и даже гораздо несчастнѣе всѣхъ ихъ,—потому что не хотимъ разстаться съ своимъ безуміемъ. Ужели для этого родился человѣкомъ, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создалъ тебя Господь по образцу Своему, но чтобы ты исполнялъ Его волю.

Іоаннъ Златоустъ.

4.

И богатство, и власть, и жизнь, все то, что съ такимъ страданіемъ устраиваютъ и берегутъ люди,—все это, ежели и стоитъ чего-нибудь, то только по тому наслажденію, съ которымъ все это можно бросить.

5.

Люди въ тысячу разъ больше хлопочутъ о наживаніи себѣ богатства, нежели объ образованіи своего ума и сердца; хотя для нашего счастья то, что есть въ человѣкѣ, безсомнѣнно, важнѣе того, что есть у человѣка.

Шопенгауэръ.

6.

Когда вы купили для себя модное украшеніе, вамъ надо купить еще десять вещей, для того, чтобы все на васъ отвѣчало одно другому.

7.

Зачѣмъ человѣку быть богатымъ? Для чего ему нужны лошади, хорошія одежды, прекрасныя комнаты, право на входъ въ публичныя мѣста увеселенія? Только отъ недостатка мыслей.

Дайте этому человѣку внутреннюю работу мыслей и онъ уйдетъ въ уединенный садъ или горницу, чтобы наслаждаться своими мыслями, и онъ счастливѣе самыхъ богатыхъ людей.

Эмерсонъ.

8.

Бѣдный человѣкъ смѣется чаще и беззаботнѣе, чѣмъ богатый.

Сенека.

Для живущихъ духовной жизнью богатство не только не нужно, но стѣснительно, такъ какъ препятствуетъ истинной жизни.

16-е ноября.

Вѣра даетъ силу жизни.

1.

Христосъ—величайшая личность всѣхъ вѣковъ... Онъ проповѣдывалъ истинную, всеобщую религію—любви къ Богу и къ человѣку. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что у Бога въ будущемъ есть еще болѣе великіе люди. Говоря это, я не уменьшаю величіе характера Христа, но утверждаю всемогущество Бога. И когда придутъ такіе люди, возобновится прежняя борьба: вновь побьютъ живого пророка и обоготворятъ умершаго.

Но какъ бы тамъ ни было, Христосъ учитъ насъ теперь истинамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которымъ обыкновенно обучаютъ. Если бы Онъ согласовалъ Свое ученіе съ тѣмъ, что Ему говорили о людяхъ, если бы Онъ согласовался только съ плотью и кровью, Онъ бы былъ только бѣднымъ евреемъ, и міръ потерялъ бы драгоцѣннѣйшее сокровище религіозной жизни, радостную вѣсть единой, всеобщей и истинной религіи.

Что, если бы Онъ, какъ другіе, сказалъ: никто не можетъ быть выше и вѣрнѣе Моисея? Онъ бы былъ ничто, и духъ Божій покинулъ бы Его душу. Но Онъ общался не съ людьми, а съ Богомъ, слушался Своихъ надеждъ, а не Своихъ страховъ. Онъ трудился для людей, съ людьми и посредствомъ людей, вѣрилъ въ Бога и чистый, какъ Истина, не побоялся ни церкви, ни го-

сударства и не смутился, хотя Пилатъ и Иродъ подружились только затѣмъ, чтобы распять Его, Его—Царя міра. Мнѣ всегда кажется, что я слышу голосъ этого возвышеннаго духа, который говоритъ мнѣ и вамъ: „Не бойся, бѣдный братъ, и не отчаивайся. Доброта, которая была во Мнѣ, возможна и тебѣ. Богъ такъ же близокъ къ тебѣ, какъ Онъ близокъ былъ тогда ко Мнѣ, и такъ же богатъ истиной, и такъ же готовъ вдохновлять каждаго, кто захочетъ служить Ему“. Паркеръ.

2.

Смерть, безмолвіе, бездна—страшныя тайны для существа, которое стремится къ безсмертію, къ благу, къ совершенству. Гдѣ буду я завтра, черезъ нѣсколько времени, когда я больше не буду дышать? Гдѣ будутъ тѣ, которыхъ я люблю? Куда мы идемъ? Что мы такое? Вѣчныя загадки постоянно стоятъ передъ нами въ ихъ неумолимой торжественности. Тайны со всѣхъ сторонъ. Вѣра — единственная звѣзда въ этомъ мракѣ неизвѣстности...

Ну, что же? лишь бы міръ былъ произведеніемъ блага и лишь бы сознаніе долга не обмануло насъ. Доставлять счастіе и дѣлать добро — вотъ нашъ законъ, нашъ якорь спасенія, нашъ маякъ, смыслъ нашей жизни. Пусть погибнутъ всѣ религіи, только бы оставалась эта; у насъ будетъ идеалъ—и стоитъ жить.

Аміель.

3.

Есть только одна истинная религія, хотя можетъ быть много разныхъ вѣръ. Кантъ.

4.

Только вѣра порождаетъ твердыя, мощныя убѣжденія, энергію и то единство, которыми общество только и можетъ быть исцѣлено. Іосифъ Мадзини.

5.

Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго, какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что́ должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти

къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени и въ насъ велитъ намъ стремиться къ Богу и въ этомъ стремленіи все болѣе и болѣе соединяться другъ съ другомъ.

Пока человѣкъ живетъ, онъ вѣритъ. Чѣмъ ближе его вѣра къ истинѣ, тѣмъ счастливѣе его жизнь; чѣмъ дальше отъ истины эта вѣра, тѣмъ человѣкъ несчастнѣе.

Безъ вѣры же человѣкъ не живетъ. Онъ умираетъ естественной смертью или убиваетъ себя.

17-е ноября.

Мы страдаемъ отъ прошедшаго и портимъ себѣ будущее только потому, что пренебрегаемъ настоящимъ. Прошедшее и будущее мечты, настоящее одно—дѣйствительно есть.

1.

Будь внимателенъ къ настоящему. Всякое положеніе, всякая минута безконечно цѣнна - она представляетъ изъ себя вѣчность.

2.

Одно изъ самыхъ обычныхъ заблужденій то, что настоящій часъ не есть критическій, рѣшающій часъ. Запиши въ своемъ сердцѣ, что каждый день самый лучшій день всего года.

Эмерсонъ.

3.

Всякое поколѣніе почитай своихъ выдающихся людей и не говори: „предшественники ихъ были достойнѣе“.

Талмудъ.

4.

Все не важно, кромѣ того, что мы дѣлаемъ въ настоящую минуту.

5.

Пользуйся сейчасъ своимъ сосудомъ (своимъ тѣломъ), завтра онъ можетъ разбиться. Талмудъ.

6.

То ли ты дѣлалъ, что тебѣ нужно дѣлать—получаетъ огромную важность, потому что единственный смыслъ жизни твоей только въ томъ, то ли ты дѣлаешь въ этотъ короткій, данный тебѣ срокъ жизни, то ли дѣлаешь, чего хочетъ отъ тебя тотъ, кто послалъ тебя въ жизнь?

7.

Нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, потому что кто же когда проникалъ въ эти призрачныя царства. Есть только настоящее. Не безпокойся о завтрашнемъ, потому что нѣтъ завтра. Живи въ нынѣшнемъ и для нынѣшняго, и если твое нынче хорошо, то оно добро навсегда. Журналъ „Вимъ“.

Когда тебѣ тяжело, ты страдаешь отъ воспоминаній о прошедшемъ или тревожишься о будущемъ, вспомни, что жизнь только въ настоящемъ, направь на него всѣ твои силы, и всѣ страданія твои о прошедшемъ и тревоги о будущемъ исчезнутъ, и ты почувствуешь свободу и радость.

Недѣльное чтенiе.

Требованiя любви.

Представимъ себѣ людей, мужчину и женщину, — мужа, жену, брата, сестру, отца, дочь, мать, сына, — богатаго класса, которые живо поняли грѣхи жизни роскошной и праздной среди нищеты и задавленности трудомъ народа и ушли изъ города, отдали кому-нибудь, такъ или иначе избавились отъ своего излишка, оставили себѣ въ бумагахъ, скажемъ, 150 рублей въ годъ на двоихъ, даже ничего не оставили, а зарабатываютъ это какимъ-либо мастерствомъ, — положимъ, рисованiе на фарфорѣ, переводы хорошихъ книгъ, — и живутъ въ деревнѣ, въ серединѣ русской деревни, нанявъ или купивъ себѣ избу и своими руками обрабатывая свой огородъ, садъ, ходя за пчелами и вмѣстѣ съ тѣмъ подавая помощь сельчанамъ медицинскую, насколько они знаютъ, и образовательную, — учатъ дѣтей, пишутъ письма, прошенiя и т. п.

Казалось бы, чего лучше такой жизни? Но жизнь эта очень скоро перестанетъ быть радостной, если люди эти не будутъ лицемѣрить, лгать, если они будутъ искренни. Вѣдь, если люди эти отказались отъ всѣхъ выгодъ и радостей, украшенiй жизни, которыя имъ давали городъ и деньги, то сдѣлали они это только потому, что они признаютъ людей братьями, равными передъ Отцомъ, — не равными по способностямъ, достоинствамъ, если хотите, но равными въ своихъ правахъ на жизнь и на все то, что она можетъ дать имъ.

Если возможно сомнѣнiе о равенствѣ людей, когда мы ихъ разсматриваемъ взрослыми съ отдѣльнымъ прошедшимъ каждаго, то

сомнѣнія этого уже не можетъ быть, когда мы видимъ дѣтей. Почему этотъ ребенокъ будетъ имѣть всѣ заботы, всю помощь знанія для своего физическаго и умственнаго развитія, а этотъ прелестный ребенокъ съ тѣми же и еще лучшими задатками сдѣлается рахитикомъ, вырожденнымъ, полукарликомъ отъ недостатка молока и останется безграмотнымъ, дикимъ, связаннымъ суевѣріями человѣкомъ,—только грубой рабочей силой?

Вѣдь, если люди эти уѣхали изъ города и поселились жить, какъ они живутъ въ деревнѣ, то только потому, что они не на словахъ, но на дѣлѣ вѣрятъ въ братство людей и хотятъ, если не осуществить, то осуществлять его въ своей жизни. И эта-то попытка осуществленія должна, если только они искренни,—должна привести ихъ въ ужасное, безвыходное положеніе.

Съ своими съ дѣтства пріобрѣтенными привычками порядка, удобства, главное чистоты, они переѣхали въ деревню и, нанявъ или купивъ избу, очистили ее отъ насѣкомыхъ, можетъ-быть даже сами оклеили ее обоями, привезли остатокъ мебели, не роскошной, а нужной: желѣзную кровать, шкапъ, письменный столикъ. И вотъ они живутъ. Сначала народъ дичится ихъ: ожидаетъ, какъ и отъ всѣхъ богатыхъ, насиліемъ огражденія своихъ преимуществъ, и потому не приступаетъ къ нимъ съ просьбами и требованіями. Но вотъ понемногу настроеніе новыхъ жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смѣлые, назойливые люди изъ народа опытомъ узнаютъ, что новые люди эти не отказываютъ, и можно поживиться около нихъ.

И вотъ начинаются заявленія всякаго рода требованій, которыя становятся все больше и больше.

Начинаются не только выпрашиванія, но и естественныя требованія подѣлиться тѣмъ, что есть лишняго противъ другихъ; и не только требованія, но сами поселившіеся въ деревнѣ люди, всегда въ близкомъ общеніи съ народомъ, чувствуютъ неизбѣжную необходимость отдавать свой излишекъ тамъ, гдѣ есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуютъ необходимость отдавать свой излишекъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ останется то, что должно быть у всѣхъ, т.-е. у средняго, — опредѣленія этого средняго, — того, что должно быть у всѣхъ, — нѣтъ никакого;

и они не могутъ остановиться, потому что всегда вокругъ нихъ есть вопіющая нужда, а у нихъ излишекъ противъ этой нужды: казалось бы, нужно удержать себѣ стаканъ молока; но у Матрены двое дѣтей: грудной, не находящій молока въ груди матери, и двухлѣтній, начинающій чахнуть. Казалось, подушку и одѣяло можно удержать, чтобы заснуть въ привычныхъ условіяхъ послѣ трудового дня, но больной лежитъ на вшивомъ кафтанѣ и зябнетъ ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось, можно бы удержать чай, пищу, но ее пришлось отдать странникамъ, ослабѣвшимъ и старымъ. Казалось, можно бы удержать хоть чистоту въ домѣ, но пришли нищіе мальчики и ихъ оставили ночевать, и они напустили вшей.

Нельзя остановиться, и гдѣ остановиться?

Только тѣ, которые не знаютъ совсѣмъ того чувства сознанія братства людей, вслѣдствіе котораго эти люди пріѣхали въ деревню, или которые такъ привыкли лгать, что и не замѣчаютъ разницы лжи отъ истины, скажутъ, что есть предѣлъ, на которомъ можно и должно остановиться. Въ томъ-то и дѣло, что предѣла этого нѣтъ, что то чувство, во имя котораго дѣлается это дѣло, таково, что предѣла ему нѣтъ,—что если есть ему предѣлъ, то это значитъ только то, что этого чувства совсѣмъ не было, а было одно лицемѣріе.

Продолжаю себѣ представлять этихъ людей. Они цѣлый день работали, вернулись домой, кровати у нихъ уже нѣтъ, подушки нѣтъ, они спятъ на соломѣ, которую достали, и вотъ, поѣвъ хлѣба, легли спать; осень, идетъ дождь со снѣгомъ. Къ нимъ стучатся. Могутъ ли не отпереть? Входитъ человѣкъ мокрый и въ жару. Что дѣлать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нѣтъ. И вотъ приходится или прогнать больного, или положить его, мокраго, на полъ, или отдать свою солому, и самому, потому что надо гдѣ-нибудь спать, лечь съ нимъ. Но и этого мало: приходитъ человѣкъ, котораго вы знаете за пьяницу и развратника, которому вы нѣсколько разъ помогали и который всякій разъ пропивалъ то, что вы ему давали,—приходитъ теперь съ дрожащими челюстями и проситъ дать ему 3 рубля, которые онъ укралъ и пропилъ и за которые, если онъ не отдастъ ихъ, его посадятъ

въ тюрьму. Вы говорите, что у васъ только и есть 4 рубля, и они вамъ необходимы завтра для уплаты. Тогда пришедшій говоритъ: „Да, это значитъ только разговоры, а когда дѣло до дѣла, то вы такъ же, какъ и всѣ: пускай погибаетъ тотъ, кого мы на словахъ называемъ братомъ, только бы мы были цѣлы“.

Какъ тутъ поступить? Что сдѣлать? Положить лихорадочнаго больного на сыромъ полу, а самому лечь на сухое, — еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь съ нимъ: заразишься и вшами и тифомъ. Дать просящему послѣдніе три рубля,—значитъ остаться завтра безъ хлѣба. Не дать—значитъ, какъ онъ и говоритъ, отречься отъ того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здѣсь, то почему не остановиться было раньше? Почему было помогать людямъ? Зачѣмъ отдавать состояніе, ходить изъ города? Гдѣ предѣлъ? Если есть предѣлъ тому дѣлу, которое ты дѣлаешь, то все дѣло нѐ имѣетъ смысла, или имѣетъ только одинъ ужасный смыслъ лицемѣрія.

Какъ же тутъ быть? Что дѣлать? Не остановиться—значитъ погубить свою жизнь, завшивѣть, зачахнуть, умереть, и—безъ пользы какъ будто. Остановиться значитъ отречься отъ всего того, во имя чего дѣлалось то, что дѣлалось, во имя чего дѣлалось что-либо доброе. И отречься нельзя, потому что вѣдь это не выдумано мною или Христомъ, что мы братья и должны служить другъ другу; вѣдь это такъ, и нельзя вырвать это сознаніе изъ сердца человѣка, когда оно вошло въ него. Какъ же быть? Нѣтъ ли еще какого выхода?

И вотъ представимъ себѣ, что люди эти, не испугавшись того положенія, въ которое ихъ ставила необходимость жертвы, приводящей къ неизбѣжной смерти, рѣшили, что ихъ положеніе происходитъ отъ того, что средства, съ которыми они пришли на помощь народу, слишкомъ малы, и что этого не было бы, и они принесли бы большую пользу, если бы у нихъ было много денегъ. Представимъ себѣ, что люди эти нашли источники помощи, собрали большія, огромныя суммы денегъ, и стали помогать. И не прошло бы недѣли, какъ случилось бы то же самое. Очень скоро всѣ средства, какъ велики они ни были, раз-

лились бы въ тѣ углубленія, которыя образовала бѣдность, и положеніе осталось бы то же.

Но, можетъ-быть, есть еще третій выходъ? И есть люди, которые говорятъ, что онъ есть и состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать просвѣщенію людей, и тогда уничтожится это неравенство.

Но выходъ этотъ слишкомъ очевидно лицемѣрный: нельзя просвѣщать населеніе, которое всякую минуту находится на краю погибели отъ голода. А, главное, неискренность людей, проповѣдующихъ этотъ выходъ, видна уже по тому, что не можетъ человѣкъ, стремящійся къ установленію равенства, хотя бы черезъ науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью.

Но есть еще четвертый выходъ: тотъ, чтобы содѣйствовать уничтоженію тѣхъ причинъ, которыя производятъ неравенство, — содѣйствовать уничтоженію насилія, производящаго его.

И выходъ этотъ не можетъ не придти въ голову тѣмъ искреннимъ людямъ, которые будутъ пытаться въ жизни своей осуществлять свое сознаніе братства людей.

„Если мы не можемъ жить здѣсь, среди этихъ людей, въ деревнѣ, — должны будутъ сказать тѣ люди, которыхъ я представляю себѣ, — если мы поставлены въ такое ужасное положеніе, что мы неизбѣжно должны зачахнуть, завшивѣть и умереть медленной смертью, или отказаться отъ единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходитъ отъ того, что одни богаты, а другіе нищіе; неравенство же это происходитъ отъ насилія; и потому, такъ какъ основа всего — насиліе, то надо бороться противъ него“. Только уничтоженіе этого насилія и вытекающаго изъ него рабства можетъ сдѣлать возможнымъ такое служеніе людямъ, при которомъ не было бы неизбѣжности жертвы своей жизнью.

Но какъ уничтожить это насиліе? Гдѣ оно? Оно въ солдатѣ, въ полицейскомъ, въ старостѣ, въ замкѣ, который запираетъ мою дверь. Какъ же мнѣ бороться съ этимъ насиліемъ? Гдѣ, въ чемъ?

Такъ ли, какъ борятся люди, живущіе насиліемъ и борящіеся съ насиліемъ насиліемъ же?

Но для человѣка искренняго это невозможно. Насиліемъ бо-

роться съ насиліемъ значитъ ставить новое насиліе на мѣсто стараго. Помогать просвѣщеніемъ, основанномъ на насиліи, значитъ дѣлать то же самое. Собрать деньги, пріобрѣтенныя насиліемъ, и употреблять ихъ на помощь людей, обдѣленныхъ насиліемъ, значитъ насиліемъ лѣчить раны, произведенныя насиліемъ.

Если же и бороться съ насиліемъ не насиліемъ, а проповѣдью ненасилія, обличеніемъ насилія, и, главное, примѣромъ ненасилія и жертвы, то все-таки для человѣка, живущаго христіанской жизнью среди жизни насилія, нѣтъ другого выхода, какъ жертва,—и жертва до конца.

Человѣкъ можетъ не найти въ себѣ силы броситься въ эту пропасть, но человѣку искреннему, желающему исполнить сознанный имъ законъ Бога, нельзя не видѣть свою обязанность. Можно не идти на эту жертву, но если хочешь слѣдовать требованіямъ любви, то надо такъ и знать и говорить, считать себя виноватымъ, если не отдалъ всего и всю свою жизнь, а не обманывать себя.

И такъ ли страшна жертва до конца, какъ это кажется. Вѣдь дно нужды не глубоко, и мы часто,—какъ тотъ мальчикъ, который съ ужасомъ провисѣлъ цѣлую ночь на рукахъ въ колодцѣ, въ который онъ упалъ, боясь воображаемой глубины, а подъ мальчикомъ на полъ-аршина было сухое дно.

Л. Толстой.

18-е ноября.

Добро нельзя измѣрять ни нуждой получающаго, ни жертвою дающаго, а только тѣмъ общеніемъ въ Богѣ, которое устанавливается между дающимъ и получающимъ.

1.

Жизнь не всегда благо. Благо только хорошая жизнь.

Сенека.

2.

Природа устроила такъ, что обиды помнятся больше, чѣмъ добрые поступки. Добро забывается, а обиды упорно держатся въ памяти.

Сенека.

3.

Это не добродѣтель, а только обманчивый слѣпокъ и подобіе ея, когда мы приведены къ исполненію долга ожиданіемъ награды.

Цицеронъ.

4.

Мудрецъ спросилъ у духа мудрости: какъ достигнуть тѣлеснаго благополучія и счастія, не вредя своей душѣ? какъ спасти душу, не губя тѣла?

Духъ отвѣчалъ:

Не клевещи, чтобы клевета и безчестіе не обратились на тебя самого, ибо сказано, что всякій другой злой духъ нападаетъ спереди, клевета же поражаетъ тебя сзади.

Не поддавайся гнѣву, потому что человѣкъ, поддавшійся гнѣву, забываетъ свои обязанности и упускаетъ свои добрыя дѣла.

Берегись робости, ибо робкій теряетъ радости и мірскія и душевныя и губитъ и тѣло и душу. Берегись сладострастія, потому что его плодами будутъ хворь и раскаяніе.

Не держи зависти въ сердцѣ, чтобы не отравить своего существованія.

Не впадай въ грѣхъ изъ стыда.

Будь прилеженъ и молчаливъ и живи на свой постоянный заработокъ и откладывай изъ него для Бога и для добрыхъ людей. Этотъ обычай будетъ самымъ достойнымъ дѣломъ въ твоей дѣятельности.

Не воруй чужого добра, чтобы не упустить своей собственной работы, ибо сказано, что кто не кормится собственной работой, а заставляетъ другихъ прокармливать себя, тотъ людоѣдъ.

Съ человѣкомъ лукавымъ не затягивайся въ споръ и лучше оставь его совсѣмъ въ покоѣ.

Съ человѣкомъ жаднымъ не вступай въ союзъ и не довѣряйся его руководству.

Не общайся съ невѣждами. Не вступай въ объясненія съ глупцомъ, отъ злодѣя не бери денегъ и съ клеветникомъ не ходи на царскій дворъ.

Восточная мудрость.

5.

Когда спрашиваютъ, что же такое, собственно, чистая нравственность, которою, какъ пробнымъ камнемъ, мы должны испытывать нравственное содержаніе каждаго поступка, то я долженъ сознаться, что только философы могли сдѣлать рѣшеніе этого вопроса сомнительнымъ, ибо для здраваго человѣческаго смысла этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ, правда, не съ помощью отвлеченныхъ, общихъ формулъ, а посредствомъ различія совершаемыхъ поступковъ, которые мы различаемъ такъ же несомнѣнно, какъ правую и лѣвую руку.

Кантъ.

6.

Твори добро друзьямъ своимъ, чтобы они еще болѣе любили тебя; твори его своимъ врагамъ, чтобы они сдѣлались когда-нибудь твоими друзьями.

Когда ты говоришь о врагѣ твоемъ, помни, что можетъ придти день, когда онъ станетъ твоимъ другомъ.

Клеовулъ.

7.

Всѣ люди болѣе или менѣе приближаются къ одному изъ двухъ противоположныхъ предѣловъ: одинъ—жизнь только для себя, другой—только для Бога.

8.

Твердо знайте и глубоко чувствуйте, что вы должны каждый день вашей жизни посвящать благу другихъ, дѣлая для нихъ все, что можете. Дѣлая, а не болтая. Джонъ Рёскинъ.

9.

Приставлять одно доброе дѣло къ другому такъ, чтобы между ними не было промежутка, — вотъ что я называю счастливой жизнью. Маркъ Аврелій.

10.

Чѣмъ больше человѣкъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ хуже.

11.

Сдѣлалъ ли ты своему ближнему зло, хотя бы и небольшое, считай таковое большимъ, а сдѣлалъ ты ему большое добро, считай его маловажнымъ; небольшое же добро, оказанное тебѣ другимъ, считай большимъ.

Благословеніе Божіе снизойдетъ на того, кто даетъ бѣдному; двойное благословеніе почіетъ на томъ, кто при этомъ встрѣчаетъ и провожаетъ его ласково. Талмудъ.

12.

Дѣлая добро, будь благодаренъ за это.

Добро истинное совершается нами только тогда, когда мы не замѣчаемъ его, а выходимъ изъ себя, чтобы жить въ другомъ.

19-е ноября.

Матеріальное зло, совершенное человѣкомъ, можетъ въ этомъ мірѣ не вернуться на того, кто совершилъ его, но то злое чув-

ство, которое вызвало дурной поступокъ, навѣрное оставитъ свой слѣдъ въ душѣ человѣка и, такъ или иначе, заставитъ страдать его.

1.

Рѣшеніе безгрѣшнаго состоитъ въ томъ, чтобы не причинять печали другимъ, хотя бы онъ могъ черезъ это и получить великую власть.

Рѣшеніе безгрѣшнаго въ томъ, чтобы не дѣлать зла тѣмъ, кто сдѣлалъ ему зло.

Если человѣкъ заставитъ страдать даже тѣхъ, которые безъ причины ненавидятъ его, онъ въ концѣ концовъ будетъ имѣть неустранимую печаль.

Наказаніе дѣлающимъ зло состоитъ въ томъ, чтобы сдѣланнымъ имъ великимъ добромъ заставить ихъ устыдиться своихъ дѣлъ.

Какая польза въ учености того, кто не старается избавить отъ страданій своего ближняго столько же, какъ и самого себя.

Если человѣкъ поутру хочетъ сдѣлать зло другому, ввечеру зло посѣтитъ его. Индійскій Кюралъ.

2.

Такъ же, какъ времена года сами собой достигаютъ своихъ свойственныхъ каждому времени признаковъ, такъ и поступки всѣхъ существъ сами собою приводятъ эти существа въ свойственныя имъ положенія.

Обиженный можетъ сладко спать и радостно просыпаться и радостно жить, но обидчикъ погибаетъ.

Пусть никто не бываетъ сварливъ, хотя бы онъ и страдалъ, пусть не оскорбляетъ никого ни дѣломъ, ни мыслью, пусть не произноситъ слова, которое могло быть непріятно кому-нибудь, потому что все это препятствуетъ достиженію блага.

Индійское Ману.

3.

Мы не должны бѣжать изъ этой жизни, потому что зло оказывается связаннымъ съ ней. Зло есть наше дѣло, слѣдствіе нашего невѣжества. И это невѣжество мы унесемъ съ собою въ невиди-

мыя области, если не освободимся отъ него раньше. Невѣжество дѣлаетъ насъ несчастными въ этой жизни, и оно будетъ дѣлать насъ несчастными всюду. Начнемъ же съ того, что изгонимъ наше невѣжество, и наши несчастія прекратятся сами собою.

Буддійская мудрость.

4.

Злой человѣкъ вредитъ самому себѣ прежде, чѣмъ повредитъ другимъ.

Св. Августинъ.

5.

Человѣкъ можетъ избѣжать несчастій, ниспосылаемыхъ Небомъ, но отъ тѣхъ несчастій, которыя онъ самъ навлекаетъ на себя, нѣтъ спасенія.

Восточная пословица.

6.

Есть люди, которые нарочно ставятъ себя въ самыя мрачныя условія жизни для того, чтобы имѣть право быть мрачными. Они для того же всегда поспѣшно и упорно заняты. Главное удовольствіе и потребность этихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы, встрѣтивъ оживленіе жизни, бросить этому оживленію въ глаза свою мрачную, упорную дѣятельность. Люди эти очень несчастны, и они должны понять, что они одни виновники своего несчастія.

7.

Тотъ, кто не дѣлаетъ добро, когда имѣетъ власть, будетъ страдать.

Саади.

8.

Пусть каждый человѣкъ сдѣлаетъ себя такимъ, какимъ онъ учитъ быть другихъ. Кто побѣдилъ себя, тотъ побѣдитъ и другихъ. Труднѣе всего побѣдить себя.

Каждый властенъ только самъ надъ собою. Зло, сдѣланное самимъ собою, самимъ собою воспитанное, губитъ человѣка, какъ алмазъ разбиваетъ камень. Самъ дѣлаешь зло — самъ отъ себя страдаешь; самъ уничтожаешь зло—самъ очищаешься отъ зла.

Пусть никто не забываетъ своего долга ради другого, кто бы онъ ни былъ. Джамапада.

Никакое временное благо не можетъ окупить того ущерба души, которое производитъ совершенное зло.

20-е ноября.

Всякое движеніе къ добру среди людей, живущихъ злою жизнью, вызываетъ не любовь, а гоненіе.

1.

Остерегайтесь же людей: ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ, и поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидѣтельства передъ ними и язычниками. Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ и что сказать: ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ. Мѳ. X, 17— 20.

2.

Даже смерть не въ силахъ уничтожить торжество того, кто изо всѣхъ силъ борется за правое дѣло. Борись же, непреклонное, вѣрное сердце, иди впередъ, невзирая на счастье и несчастье, и будь увѣрено, что правое дѣло, за которое ты борешься, побѣдитъ. Погибнетъ только все несправедливое, все же правое, являясь участникомъ вѣчныхъ законовъ природы и вмѣстѣ съ ними осуществляя міровую цѣль, не можетъ быть побѣждено.

Карлейль.

3.

Препятствіе на пути добра, преодолѣнное напряженіемъ духа, придаетъ мнѣ новыя силы; то, что грозило быть преградой къ до-

стиженію добра, само становится добромъ, и свѣтлый путь открывается внезапно тамъ, гдѣ не видно было исхода.

Маркъ Аврелій.

4.

Претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ.

Какъ часто человѣкъ отчаивается и останавливается или даже поворачиваетъ назадъ тогда, когда нужно было только небольшое усиліе для того, чтобы достигнуть цѣли.

Не ищи любви людей и не смущайся ихъ нелюбовью. Часто любятъ за дурное и не любятъ за хорошее. Старайся угождать не людямъ, а Богу.

21-е ноября.

Нѣтъ того особеннаго подвига, который бы мы могли совершить въ этой жизни. Вся жизнь наша должна быть этимъ подвигомъ.

1.

При каждомъ пробужденіи задавайся вопросомъ: что бы добраго совершить сегодня? и думай: вѣдь солнце, закатясь, унесетъ съ собой частицу предназначенной мнѣ жизни.

Индійское изреченіе.

2.

Добродѣтель человѣка измѣряется не его необыкновенными усиліями, а его ежедневнымъ поведеніемъ. Паскаль.

3.

Выгода служенія Богу передъ служеніемъ людямъ. Передъ людьми невольно хочешь выказаться въ лучшемъ свѣтѣ и огорчаешься, когда тебя выставляютъ въ дурномъ. Передъ Богомъ ничего

этого нѣтъ. Онъ знаетъ тебя, каковъ ты, и передъ нимъ никто тебя оклеветать не можетъ, такъ что тебѣ не нужно стараться казаться, а нужно только быть лучше, чѣмъ ты есть.

4.

„Люби Превѣчнаго Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ", пусть сердце твое всецѣло будетъ посвящено Богу, пусть миръ водворится во внутреннемъ мірѣ твоемъ, чтобы чувственныя наклонности твои вполнѣ подчинялись чувству долга.

Талмудъ.

5.

Да будетъ каждая утренняя заря для васъ какъ бы началомъ жизни, а каждый закатъ солнца какъ бы концомъ ея, и пусть каждая изъ этихъ короткихъ жизней оставляетъ по себѣ слѣдъ любовнаго дѣла, совершеннаго для другихъ, и добраго усилія надъ собой.

Джонъ Рёскинъ.

По отношенію къ служенію Бога всѣ наши поступки—тѣ, которые считаются важными, и тѣ, которые считаются ничтожными—одинаково значительны или одинаково незначительны. Мы не знаемъ, какое будетъ сдѣлано изъ нихъ употребленіе, но знаемъ то, что мы должны сдѣлать.

22-е ноября.

Чѣмъ меньше человѣкъ доволенъ собою и своею внутренней жизнью, тѣмъ больше онъ проявляетъ себя во внѣшней общественной жизни.

1.

Мы очень привыкли къ разсужденіямъ о томъ, какъ намъ устроить жизнь другихъ людей,—людей вообще. И намъ такія разсужденія не кажутся странными. А между тѣмъ, такія разсужденія не могли

бы никогда существовать между религіозными и потому свободными людьми. Такія разсужденія суть послѣдствія деспотизма,—управленія однимъ человѣкомъ или нѣсколькими людьми другими.

Такъ разсуждаютъ и сами деспоты, и люди, развращенные ими.

Это заблужденіе вредно не только потому, что оно мучаетъ, уродуетъ людей, подвергающихся насилію деспотовъ, но и потому, что ослабляетъ во всѣхъ людяхъ сознаніе необходимости исправлять себя, тогда какъ это одно единственно дѣйствительное средство воздѣйствія на другихъ людей.

2.

Цѣль представительнаго правленія не въ томъ, чтобы была осуществлена бо́льшая справедливость, а въ томъ, чтобы люди не имѣли права жаловаться на дурное управленіе.

3.

Если старцы (люди, умудренные опытомъ) скажутъ тебѣ: „разрушай“, а молодежь: „созидай“, то разрушай, а не созидай, ибо разрушеніе старцевъ — созиданіе, а созиданіе молодежи — разрушеніе.

Талмудъ.

4.

Всѣ конституціонныя хартіи ни къ чему не ведутъ, это контракты между господиномъ и рабами: задача не въ томъ, чтобы рабамъ было лучше, но чтобъ не было рабовъ.

Герценъ.

5.

Не только одинъ человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться многими, но и многіе не имѣютъ права распоряжаться однимъ.

В. Чертковъ.

6.

Что такое истина?—Истина для большинства людей обозначаетъ правдоподобіе,—нѣчто такое, что можно измѣрять числомъ полученныхъ въ ея пользу голосовъ.

Томасъ Карлейль.

7.

Мѣриломъ справедливости не можетъ быть большинство голосовъ.

Шиллеръ.

8.

Не только саблю и ружье мы назначаемъ на ту полку въ музеѣ, гдѣ лежатъ орудія пытки; но не можемъ не знать, что скоро и полицейское устройство и выборный ящикъ послѣдуютъ за ними.

Эрнестъ Кросби.

9.

Когда я сижу здѣсь у моря и прислушиваюсь къ волнамъ, съ плескомъ разбивающимся объ этотъ берегъ, я чувствую себя свободнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, и народы всего міра могутъ безъ меня пересматривать свои конституціи.

Генри Давидъ Торо.

Никогда не строй, но всегда сажай, потому что въ первомъ случаѣ природа будетъ мѣшать тебѣ, разрушая произведенія твоего труда, во второмъ же случаѣ будетъ помогать твоему дѣлу, даруя ростъ всему насажденному тобою. То же и въ духовной области: дѣлай то, что согласно съ жизнью міра, а не то, что согласно только съ твоими желаніями.

23-е ноября.

Только люди никогда не думавшіе о главныхъ и существенныхъ вопросахъ жизни, могутъ думать и говорить, что все доступно человѣческому разуму.

1.

Мы всѣ привыкли думать, что нравственное ученіе есть самая пошлая и скучная вещь, въ которой не можетъ быть ничего новаго и интереснаго. А между тѣмъ вся жизнь человѣческая, со всѣми столь сложными и разнообразными дѣятельностями, кажущимися независимыми отъ нравственной дѣятельности,—и государ-

ственная, и научная, и художественная, и торговая—не имѣетъ другой цѣли, какъ большее и большее уясненіе, утвержденіе, упрощеніе и общедоступность нравственной истины.

2.

Всѣ начала—тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни—тайна, т.-е. нѣчто неподдающееся разуму, неизъяснимое, неопредѣленное. Однимъ словомъ, всякая индивидуальность есть неразрѣшимая загадка, и никакое начало не объясняется. Въ самомъ дѣлѣ, все то, что сдѣлалось, объясняется прошедшимъ, но начало чего бы то ни было не сдѣлалось. Оно представляетъ всегда fiat lux—начальное чудо творенія, потому что оно не есть слѣдствіе чего-либо другого: оно является только между прежними вещами, которыя составляютъ ему среду, случай, обстановку, которыя сопутствуютъ его появленію. Само же появленіе остается непонятно.

Аміель.

3.

Изслѣдуя достоинство книгъ и писателей, слѣдуетъ обращать вниманіе на то, научаютъ ли онѣ добродѣтели или нѣтъ. Ты больше вникаешь въ подробности путешествія Улисса, нежели заботишься о предупрежденіи ошибокъ въ своей собственной жизни. Намъ некогда входить въ точный разборъ того, какъ и въ какія мѣста Италіи и Сициліи бури перебрасывали этого странника. Бури нашей души постоянно играютъ нами, и дурные поступки повергаютъ насъ во всѣ невзгоды Улисса. Благодаря твоему превосходному воспитанію, ты можешь измѣрять круги и квадраты и всѣ разстоянія между звѣздами. Все стало достижимо для твоей геометріи. Если ты такой прекрасный механикъ, измѣрь же умъ человѣческій. Скажи мнѣ, какъ онъ великъ или какъ онъ малъ. Ты знаешь, что такое прямая линія. Какая тебѣ въ этомъ польза, если ты не знаешь прямого пути въ жизни. Всѣ свободныя науки оказываются несостоятельны для наученія добродѣтели. Для чего другого онѣ пригодны, для добродѣтели же ничего не стоятъ. Онѣ не приводятъ умъ къ добродѣтели: онѣ лишь расчищаютъ путь.

Сенека.

4.

Тайна жизни растенія—такая же, какъ тайна нашей жизни, и физіологъ напрасно надѣется объяснить ее механическимъ закономъ такъ же, какъ онъ объясняетъ машину, которую самъ сдѣлалъ. Мы не должны щупать пальцами святую святыхъ жизни животной или даже растительной. Дѣлая это, мы ничего не откроемъ, кромѣ внѣшности. Торо.

5.

Вещь, которую мы видимъ черезъ микроскопъ и телескопъ, становится незначительной. Торо.

6.

Большая библіотека скорѣе разсѣеваетъ, чѣмъ поучаетъ читателя. Гораздо лучше ограничиться нѣсколькими авторами, чѣмъ необдуманно читать многихъ. Сенека.

Лучше не знать многаго изъ того, что можно знать, чѣмъ пытаться познавать то, что не можетъ быть познано.

Ничто такъ не развращаетъ и не ослабляетъ умственной силы и не возбуждаетъ такъ самомнѣнія, какъ витаніе въ областяхъ непознаваемаго. Хуже всего притворяться, что понимаешь то, чего не понимаешь.

24-е ноября.

Милосердіе состоитъ не въ вещественной помощи, но въ духовной поддержкѣ ближняго. Духовная же поддержка—прежде всего въ неосужденіи ближняго и уваженіи къ его человѣческому достоинству.

1.

Будьте сострадательны даже къ тѣмъ бѣднымъ, которые нетерпѣливы и озлоблены. Подумайте, как трудно терпѣть несчастно-

му бѣдствія всякаго рода, въ убогомъ жилищѣ, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него проходятъ люди пресыщенные и роскошно одѣтые.

2.

Не считайте себя милосердными, когда вы удѣляете бѣдному не только отъ избытка вашего, но и жертвуя необходимымъ для жизни. Истинная любовь требуетъ отъ васъ, чтобы сверхъ этого вы дали ему мѣсто въ своемъ сердцѣ.

3.

Тотъ истинно милосердъ, кто не обращаетъ вниманія на клеветы и злословіе.

4.

Не вѣрь безъ доказательствъ ничему дурному о ближнемъ и не передавай никому дурного о другомъ. Пэнъ.

5.

Прикрой чужой грѣхъ, Богъ два проститъ.

Народная пословица.

6.

Хорошему человѣку,—говоритъ Теофрастъ,—непремѣнно придется сердиться на злыхъ. Но если такъ, то чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ сердитѣе онъ долженъ быть, а между тѣмъ онъ, наоборотъ, дѣлается тѣмъ мягче и свободнѣе отъ страстей и никого не ненавидитъ. Разсудительный человѣкъ не станетъ ненавидѣть заблудшихся, иначе онъ долженъ бы ненавидѣть самого себя. Стоитъ ему только припомнить, какъ часто онъ самъ погрѣшалъ противъ добродѣтели, и какъ многіе изъ его поступковъ нуждались въ снисходительномъ судѣ, и тогда онъ станетъ сердиться и самъ на себя; ибо справедливый судья и себя судитъ тѣмъ же судомъ, какъ своего ближняго. Никто не въ состояніи оправдать себя, и невиннымъ можно назвать себя только предъ свидѣтелями, но не предъ своей

совѣстью. Гораздо человѣчнѣе будетъ встрѣтить заблуждающагося кротко, съ отеческой любовью и не преслѣдовать его, а постараться вернуть на правый путь. Вѣдь заблудившагося на нашей землѣ мы не станемъ гнать прочь, а выведемъ его на настоящую дорогу.

Исправленіе грѣшника есть нашъ долгъ, и мы должны употребить для этой цѣли и совѣтъ, и понужденіе, и мягкость, и строгость. Его надо исправить ради него самого и ради другихъ серьезными наставленіями, но безъ гнѣва. Какой врачъ сердится на своего паціента? Сенека.

7.

Будь правдивъ, не служи гнѣву, давай просящему,— вѣдь онъ проситъ тебя о немногомъ; къ святымъ приблизишься ты, шествуя этими тремя путями. Буддійская мудрость.

8.

Когда ты бранишь человѣка и враждуешь съ нимъ, ты забываешь, что люди—твои братья, и ты дѣлаешься имъ врагомъ, вмѣсто того, чтобы быть имъ другомъ. Этимъ ты самъ себѣ вредишь, потому что когда ты пересталъ быть добрымъ и общительнымъ существомъ, какимъ тебя Богъ создалъ, и вмѣсто того сталъ дикимъ звѣремъ, который подкрадывается, раздираетъ и губитъ свою жертву, тогда ты потерялъ самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька съ деньгами, почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерялъ свою честность, доброту и умѣренность? Эпиктетъ.

9.

Если кто смущается и соблазняется при видѣ ближняго своего, впадающаго въ грѣхъ, и подъ предлогомъ любви къ добру питаетъ злобу, тотъ не имѣетъ истиннаго милосердія, основаннаго на любви къ Богу, ибо все, что истекаетъ отъ Него, носитъ на себѣ печать спокойствія и смиренія и побуждаетъ насъ обращать мысли на свои недостатки.

10.

Милосердіемъ и кротостью ты обезоружишь всякаго врага. Отъ недостатка дровъ тухнетъ всякій огонь. Милосердіе и кротость уничтожаютъ насиліе. Изъ буддійскихъ книгъ.

Старайся не запрятывать въ темные углы постыдныя воспоминанія своихъ грѣховъ, а, напротивъ, старайся держать ихъ всегда наготовѣ, чтобы воспользоваться ими, когда тебѣ придется судить о ближнемъ.

Недѣльное чтеніе.

Епископъ Миріель.

Въ 1815 году преосвященный Шарль-Франсуа-Біенвеню-Миріель былъ епископомъ въ Д.

Однажды въ дверь епископскаго дома кто-то постучался.

— Войдите,—отозвался епископъ.

Дверь отворилась разомъ настежь со всего размаха, какъ будто ее изъ всѣхъ силъ толкнули снаружи.

Вошелъ человѣкъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился, не затворяя за собой двери. За плечами у него былъ ранецъ, въ рукахъ онъ держалъ палку. Лицо его было смѣлое, сердитое, утомленное и грубое. Огонь камина освѣщалъ его.

Епископъ спокойно смотрѣлъ на вошедшаго. Онъ только-что раскрылъ ротъ, собираясь спросить, что нужно, какъ вошедшій, опершись обѣими руками на палку и смѣривъ глазами старика, заговорилъ:

— Вотъ. Имя мое Жанъ Вальжанъ. Я каторжникъ. 19 лѣтъ провелъ на галерахъ. Четыре дня, какъ меня освободили, и вотъ иду въ Понторлье, туда меня назначили. Четыре дня иду изъ Тулона. Сегодня прошелъ тридцать верстъ. Здѣсь въ трактирѣ меня выгнали за мой желтый паспортъ. Пошелъ въ другой трактиръ, и тамъ меня не приняли. „Убирайся!“ говорятъ. Пошелъ въ тюрьму—сторожъ не впустилъ. Пошелъ въ собачью конуру — собака укусила меня и выгнала, словно и она—человѣкъ, словно и она узнала, кто я. Хотѣлъ ночевать въ полѣ—да темно, подумалъ—соберется дождь, и вернулся въ городъ, чтобы прилечь гдѣ-ни-

буду подъ воротами. Совсѣмъ собрался лечь спать на каменной скамьѣ, да какая-то старушка показала мнѣ вашу дверь и говоритъ: „Постучись туда!" Я и постучался. Что здѣсь у васъ? Трактиръ? У меня деньги сто девять франковъ есть, заработанныя на каторгѣ. Я заплачу. Деньги есть. Я усталъ, вѣдь прошелъ тридцать верстъ, да и голоденъ. Что жъ оставаться?

— Мадамъ Маглуаръ,—сказалъ епископъ своей служанкѣ,—поставьте еще приборъ.

Путешественникъ сдѣлалъ три шага впередъ и пододвинулся къ лампѣ, стоявшей на столѣ.

— Послушайте,—сказалъ онъ, какъ бы не понявъ хорошенько распоряженія. — Вы разслышали, что я каторжникъ? Прямо съ каторги,—онъ вынулъ изъ кармана и развернулъ желтый листъ.— Вотъ мой паспортъ. Желтый — видите. Изъ-за него меня отовсюду выгоняли. Хотите, прочитайте? Я умѣю читать, на каторгѣ выучился. Тамъ есть школа для желающихъ. Посмотрите, что написано: „Жанъ Вальжанъ, освобожденный отъ каторги, уроженецъ"... это вамъ все равно. „Пробылъ на каторгѣ 19 лѣтъ. Пять лѣтъ за кражу со взломомъ; четырнадцать за четыре попытки къ побѣгу. Очень опасный". Вотъ всѣ и гонятъ меня вонъ; а вы впустите меня? А то нѣтъ ли у васъ конюшни?

— Мадамъ Маглуаръ, постелите чистое бѣлье на постель въ альковѣ.

Мадамъ Маглуаръ ушла исполнять приказаніе.

Епископъ обернулся къ посѣтителю.

— Сядьте и обогрѣйтесь, государь мой. Мы сейчасъ будемъ ужинать, во время ужина вамъ приготовятъ постель.

Путешественникъ, очевидно, понялъ. Выраженіе лица его, угрюмое и жестокое, перешло въ удивленное, недовѣрчивое, радостное, и онъ принялся бормотать, какъ человѣкъ, сбитый съ толку:

— Вотъ какъ? Вишь ты! Такъ оставаться? Не гоните меня! Каторжника! Называете „государь мой". Говорите вы, а не ты! Не говорите: ступай прочь, собака, какъ говорили мнѣ всѣ. Я ждалъ, что вы меня вытолкаете. Потому-то я ужъ сразу и сказалъ вамъ, кто я такой. А вы зовете ужинать и постель съ

бѣльемъ, какъ у всѣхъ! 19 лѣтъ я не спалъ въ постели! Хорошіе же вы люди! Извините, господинъ трактирщикъ, какъ ваше имя? Я заплачу, сколько бы вы ни потребовали. Вы честный человѣкъ. Вѣдь вы трактирщикъ?

— Я священникъ,—отвѣтилъ епископъ.

— Священникъ!—возразилъ каторжникъ.—Вы, вѣрно, священникъ этой большой церкви? Въ самомъ дѣлѣ, одурѣлъ же я, что не замѣтилъ вашей скуфьи.

Говоря это, онъ положилъ въ уголъ ранецъ и палку, спряталъ паспортъ въ карманъ и сѣлъ.

Пока онъ говорилъ, епископъ всталъ и заперъ дверь, оставшуюся незатворенной.

Мадамъ Маглуаръ вернулась. Она принесла еще приборъ и поставила его на столъ.

— Мадамъ Маглуаръ,—сказалъ епископъ,—поставьте приборъ поближе къ огню,—и, обращаясь къ гостю, прибавилъ:—ночной вѣтеръ холоденъ въ Альпахъ. Вы, вѣрно, прозябли, государь мой?

Всякій разъ, какъ онъ произносилъ слово „государь мой“ своимъ серьезнымъ, кроткимъ голосомъ, лицо каторжника сіяло.

Сказать каторжнику: „государь мой“—то же, что подать стаканъ воды жаждущему. Униженіе жаждетъ уваженія.

— Какъ эта лампа тускло горитъ!—замѣтилъ епископъ.

Мадамъ Маглуаръ поняла и отправилась въ спальню епископа за серебряными подсвѣчниками, которые принесла съ зажженными свѣчами и поставила на столъ. Она знала, что епископъ любилъ, чтобы ихъ зажигали, когда у него были гости.

— Добрый вы,—сказалъ каторжникъ,—не презираете меня. Приняли меня. Я не скрылъ отъ васъ, откуда я и кто я.

Епископъ ласково взялъ каторжника за руку: „Вы могли и не говорить мнѣ, кто вы. Этотъ домъ не мой, а Божій. Эта дверь не спрашиваетъ у входящаго, есть ли у него имя, а есть ли у него горе. Вы страдаете, васъ мучаютъ голодъ и жажда, милости просимъ, входите. Я васъ принимаю не у себя, здѣсь хозяинъ тотъ, кто нуждается въ кровѣ. Все, что здѣсь есть—все ваше. Для чего мнѣ знать ваше имя? Прежде, чѣмъ вы назвали себя, я уже зналъ, какъ васъ назвать.

Гость съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы знали, какъ меня зовутъ?

— Да,—отвѣтилъ епископъ,—я зналъ, что васъ зовутъ моимъ братомъ.

— Да, я былъ голоденъ, когда вошелъ сюда, — сказалъ гость,—но вы такъ удивили меня, что и голодъ прошелъ!

Епископъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Вы очень страдали?

— Ахъ, красная куртка, ядро, привязанное къ ногѣ, доска вмѣсто постели, холодъ, жара, работа, палочные удары, двойные кандалы за всякій вздоръ, карцеръ за слово отвѣта и цѣпи даже въ постели, даже въ больницѣ. Собаки, собаки и тѣ счастливѣе! И это 19 лѣтъ. Теперь мнѣ 46 лѣтъ. Ступай живи съ желтымъ паспортомъ!

— Да,—сказалъ епископъ,—вы вышли изъ мѣста печали. Но послушайте, на небѣ будетъ больше радости ради заплаканнаго лица раскаявшагося грѣшника, чѣмъ ради незапятнанной ризы ста праведниковъ. Если вы вынесли изъ этой обители страданія злобу и ненависть противъ людей, вы достойны сожалѣнія; если же вы вынесли чувства кротости, мира и снисхожденія—вы лучше всѣхъ насъ.

Между тѣмъ мадамъ Маглуаръ принесла ужинъ.

Лицо епископа приняло вдругъ веселое выраженіе гостепріимнаго хозяина.

— Пожалуйте за столъ,—сказалъ онъ съ оживленіемъ, съ какимъ обыкновенно приглашалъ гостей къ столу.

Епископъ прочелъ молитву, потомъ розлилъ супъ. Гость жадно принялся за ѣду.

— Мнѣ кажется, что чего-то недостаетъ за столомъ,—вдругъ сказалъ епископъ.

Дѣйствительно, мадамъ Маглуаръ подала на столъ только три необходимыхъ прибора. Между тѣмъ вошло въ привычку класть на столъ всѣ шесть серебряныхъ прибора, когда ужинаетъ кто-нибудь изъ посторонниxъ.

Мадамъ Маглуаръ поняла намекъ, молча вышла и чрезъ мгновеніе приборы, потребованные епископомъ, блистали уже на ска-

терти, симметрично разложенные передъ каждымъ изъ сидящихъ за столомъ.

Послѣ ужина епископъ взялъ со стола одинъ изъ серебряныхъ подсвѣчниковъ, подалъ второй своему гостю и сказалъ:

— Я провожу васъ въ вашу комнату.

Каторжникъ пошелъ за нимъ. Въ ту минуту, какъ они проходили по спальнѣ, мадамъ Маглуаръ прятала серебро въ стѣнной шкафъ, находившійся надъ изголовьемъ постели епископа. Она дѣлала это всякій вечеръ передъ тѣмъ, какъ идти спать.

Епископъ довелъ гостя до алькова, въ которомъ была приготовлена чистая постель, поставилъ подсвѣчникъ на столикъ и, пожелавъ ему спокойной ночи, удалился.

Когда на соборной колокольнѣ пробило два часа, Жанъ Вальжанъ проснулся. Его разбудило то, что постель была слишкомъ мягка. Онъ уже двадцать лѣтъ не спалъ на хорошей постели, и хотя онъ легъ не раздѣваясь, но слишкомъ непривычное ощущеніе мѣшало ему крѣпко заснуть. Много различныхъ мыслей приходило ему въ голову, но одна постоянно возвращалась и заслоняла другія: онъ замѣтилъ шесть серебряныхъ приборовъ и большую суповую ложку, положенные мадамъ Маглуаръ на столъ. Эти приборы не давали ему покоя. Они лежали тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Проходя по спальнѣ, онъ видѣлъ, какъ старая служанка прятала ихъ въ шкафчикъ надъ изголовьемъ постели. Онъ хорошо примѣтилъ шкафчикъ. Онъ находился на правой рукѣ по выходѣ изъ столовой. Приборы были массивные, изъ стариннаго серебра; продавъ ихъ, онъ могъ выручить вдвое больше того, что заработалъ въ теченіе своего девятнадцатилѣтняго пребыванія на каторгѣ.

Онъ провелъ цѣлый часъ въ колебаніяхъ и въ борьбѣ.

Пробило три часа. Онъ раскрылъ глаза, приподнялся на постели, протянулъ руки и ощупалъ ранецъ, брошенный имъ въ уголъ алькова, потомъ спустилъ ноги и сѣлъ.

Онъ оставался нѣсколько минутъ въ раздумьи въ этомъ положеніи, потомъ всталъ на ноги, еще нѣсколько минутъ постоялъ въ нерѣшительности, прислушиваясь; въ домѣ все было тихо. Затѣмъ

сунулъ башмаки въ карманъ, затянулъ ранецъ ремнями и взялъ его на плечи. Сдерживая дыханіе и осторожно ступая, онъ направился къ сосѣдней комнатѣ, служившей спальней епископу. Дверь спальни была притворена: епископъ даже не заперъ ея за собой. Жанъ Вальжанъ нахлобучилъ на лобъ шапку и быстро, не глядя на епископа, прошелъ прямо къ шкафчику. Ключъ торчалъ въ дверцѣ, онъ отворилъ ее; первая вещь, бросившаяся ему въ глаза, была корзина съ серебромъ; онъ взялъ ее, прошелъ черезъ комнату быстрыми шагами, безъ всякихъ предосторожностей, и не обращая вниманія на производимый имъ шумъ, дошелъ до окна и, схвативъ свою палку, перешагнулъ черезъ подоконникъ, сунулъ серебро въ ранецъ и, быстро перебѣжавъ садъ, перелѣзъ черезъ заборъ и скрылся.

На слѣдующій день, на восходѣ солнца, епископъ прогуливался по саду. Мадамъ Маглуаръ прибѣжала къ нему въ тревогѣ.

— Ваше преосвященство! онъ ушелъ и унесъ наше серебро. Глядите, вотъ онъ перелѣзъ тутъ!

Епископъ стоялъ съ минуту молча, затѣмъ, поднявъ задумчивый взоръ, кротко сказалъ:

— Прежде всего надо еще спросить, наше ли было серебро? Я давно неправильно держалъ его у себя; оно принадлежитъ бѣднымъ. А этотъ человѣкъ бѣдный.

Немного времени спустя епископъ сѣлъ завтракать за тотъ же столъ, за которымъ наканунѣ сидѣлъ Жанъ Вальжанъ.

Онъ только собирался встать изъ-за стола, какъ въ дверяхъ раздался стукъ.

— Войдите,—отозвался епископъ.

Двери отворились. Три человѣка держали за воротъ четвертаго. Трое людей были жандармы, четвертый — Жанъ Вальжанъ.

Епископъ приблизился къ нимъ со всей живостью, какую дозволялъ ему его преклонный возрастъ.

— Ахъ, это вы!—сказалъ онъ, глядя на Жана Вальжана.—Очень радъ васъ видѣть. Послушайте, однако, я вѣдь подарилъ вамъ

подсвѣчники, они серебряные, какъ и все остальное. Отчего вы не взяли ихъ вмѣстѣ съ приборами?

Жанъ Вальжанъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на епископа съ выраженіемъ, котораго не можетъ передать ни одинъ человѣческій языкъ.

— Такъ этотъ человѣкъ говорилъ правду, ваше преосвященство? — спросилъ жандармъ. — Мы встрѣтили его; онъ имѣлъ видъ бѣглеца. Мы задержали его, обыскали и нашли серебро...

— И онъ сказалъ вамъ, — проговорилъ епископъ, улыбаясь, — что это подарилъ ему старикъ-священникъ, пустившій его на ночлегъ? А вы привели его сюда? Это недоразумѣніе.

— Слѣдовательно, мы можемъ отпустить его?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ епископъ.

Жандармы выпустили Жана Вальжана, который попятился.

— Правда ли, что меня освобождаютъ?—проговорилъ онъ беззвучно, какъ говорятъ люди во снѣ.

— Да, тебя отпускаютъ, развѣ ты не слыхалъ?—сказалъ одинъ изъ жандармовъ.

— Мой другъ,—обратился къ нему епископъ,—прежде чѣмъ вы уйдете, возьмите же ваши подсвѣчники. Вотъ они.

Онъ подошелъ къ камину, взялъ серебряные подсвѣчники и подалъ ихъ Жану Вальжану.

Жанъ Вальжанъ трясся всѣмъ тѣломъ. Онъ машинально взялъ подсвѣчники и растерянно смотрѣлъ на нихъ.

— Идите съ миромъ! — сказалъ ему епископъ. — Кстати, мой другъ, если вы еще придете, то лишнее ходить черезъ садъ. Вы можете всегда приходить и уходить въ дверь съ улицы. Она запирается днемъ и ночью на щеколду.

Затѣмъ, обращаясь къ жандармамъ, онъ прибавилъ:

— Господа, можете идти.

Жандармы удалились. Жанъ Вальжанъ чувствовалъ, что онъ близокъ къ обмороку.

Епископъ подошелъ къ нему и сказалъ шопотомъ:

— Не забывайте, не забывайте никогда вашего обѣщанія; вы

дали слово употребить эти деньги на то, чтобы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ.

Жанъ Вальжанъ, не помнившій никакихъ обѣщаній, смутился. Епископъ произнесъ эти слова съ особеннымъ удареніемъ. Онъ продолжалъ торжественно:

— Жанъ Вальжанъ, братъ мой, отнынѣ вы перестаете принадлежать злу и поступаете во власть добра. Я купилъ вашу душу. Изгоняю изъ нея духъ тьмы и вручаю ее Богу.

Викторъ Гюго.

25-е ноября.

Люди начинають понимать совершаемый надъ ними обманъ войны, но не въ силахъ противостоять ему, потому что ищуть средства противодѣйствія во внѣшнихъ формахъ, а не въ себѣ.

1.

Нельзя не признать того, что XIX вѣкъ стремится ступить на новый путь. Люди этого вѣка начинають понимать, что должны существовать *законы и суды и для народовъ*, и что преступленія народа противъ народа, хотя и совершаемыя въ великихъ размѣрахъ, не менѣе ненавистны, чѣмъ преступленія человѣка противъ человѣка.

Кетлэ.

2.

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различныя дѣятельности человѣческія, то нельзя воздержаться отъ слѣдующаго печальнаго размышленія: сколько тратится жизней для продолженія на землѣ царства зла, и какъ этому злу содѣйствуетъ больше всего учрежденіе постоянныхъ армій.

Удивленіе и чувство печали увеличиваются еще при мысли о томъ, что все это не нужно, что это зло, принимаемое такъ благодушно огромнымъ большинствомъ людей, происходитъ только отъ ихъ глупости, только оттого, что они позволяютъ относительно малому числу людей, искусныхъ и развращенныхъ, эксплуатировать себя.

Патрисъ Ларрокъ.

3.

Обитатели земной планеты находятся еще въ такомъ состояніи нелѣпости, неразумія, тупости, что каждый день читаешь въ журналахъ цивилизованныхъ странъ обсужденіе дипломатическихъ отношеній главъ государствъ, имѣющихъ цѣлью союзы противъ предполагаемаго врага, приготовленіе войнъ, при которыхъ народы позволяютъ своимъ руководителямъ располагать ими, какъ ско-

томъ, ведомымъ на бойню, какъ будто не подозрѣвая того, что жизнь каждаго человѣка есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты всѣ воспитаны въ убѣжденіи, что есть народы, границы, знамена, и всѣ имѣютъ такое слабое сознаніе человѣчности, что это чувство совершенно исчезаетъ передъ представленіемъ отечества. Правда, что если бы мыслящіе люди сумѣли согласиться, — это положеніе измѣнилось бы, такъ какъ лично никто не желаетъ войны. Но есть такія политическія сцѣпленія, вслѣдствіе которыхъ могутъ существовать милліоны паразитовъ.

Фламмаріонъ.

4.

Медвѣдей убиваютъ тѣмъ, что надъ корытомъ меда вѣшаютъ на веревкѣ тяжелую колоду. Медвѣдь отталкиваетъ колоду, чтобы ѣсть медъ. Колода возвращается и ударяетъ его. Медвѣдь сердится и сильнѣе толкаетъ колоду, она сильнѣе бьетъ его. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока колода не убиваетъ медвѣдя. Неужели люди не могутъ быть разумнѣе медвѣдя?

До тѣхъ поръ, пока будетъ признаваться власть государства и право его управлять народомъ, налагать подати, учреждать суды и наказывать, война никогда не прекратится. Война есть послѣдствіе власти государствъ.

26-е ноября.

Какъ одна свѣча зажигаетъ другую и одной свѣчой зажигаются тысячи, такъ и одно сердце зажигаетъ другое, и зажигаются тысячи. Только бы увеличилась любовь, сдѣлается то чудо, которое совершилось при раздачѣ пяти хлѣбовъ. Всѣ насытятся и еще останется.

1.

Остерегайтесь людей, отговаривающихъ васъ отъ стремленія къ добру на томъ основаніи, что совершенство—утопія.

Никогда не считайте безполезнымъ подчиняться вліянію, которое можетъ пробудить въ васъ благородныя чувства.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Лучше вѣрить въ самое отдаленное и невозможное добро, чѣмъ вѣрить въ то, что хотя бы самое малое зло свойственно людямъ.

3.

Всѣ люди живутъ и дѣйствуютъ отчасти по своимъ мыслямъ, отчасти по мыслямъ другихъ людей. Въ томъ, насколько люди живутъ по своимъ мыслямъ и насколько по мыслямъ другихъ людей, состоитъ одно изъ главныхъ различій людей между собой.

4.

Чтеніе хорошихъ книгъ есть внушеніе доброе; хорошее искусство есть такое же внушеніе добра; молитва есть самовнушеніе добра; но самое могущественное внушеніе добра есть примѣръ доброй жизни. Отъ этого-то добрая жизнь людей становится благомъ,—не для тѣхъ только, кто живетъ ею, но для всѣхъ тѣхъ, которые видятъ, знаютъ и узнаютъ впослѣдствіи про такую жизнь.

5.

Какъ часто приходится видѣть, что человѣкъ добрый, умный, правдивый, зная незаконность, преступность дѣла, которое онъ дѣлаетъ—какъ, напримѣръ, война, мясоѣденіе, владѣніе землей, на которой онъ не работаетъ, уголовный судъ и др., спокойно продолжаетъ дѣлать признаваемое имъ дурнымъ дѣло. Отчего это удивительное явленіе? Происходитъ это оттого, что такой человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внушенія, которое сильнѣе требованій его совѣсти и разума. Часто можно видѣть, или какъ внушеніе все болѣе и болѣе овладѣваетъ человѣкомъ и онъ начинаетъ дѣлать дѣла, противныя своей совѣсти, или же какъ поне-

многу ослабѣваетъ такое внушеніе, усиливаются требованія разума, начинаются колебанія, и, наконецъ, разумъ одерживаетъ побѣду.

6.

Приливъ волны болѣе глубокихъ душъ вливается въ самую глубь нашего сердца и незамѣтно для насъ поднимаетъ насъ надъ всѣми нашими мелкими заботами.

Эмерсонъ.

7.

Единеніе людей въ почитаніи нравственнаго идеала; въ немъ источникъ постоянной силы и восторга. Нравственная природа человѣка нуждается въ поддержкѣ, и отъ этого она стремится къ единенію.

8.

Если вы хотите убѣдить человѣка въ томъ, что онъ живетъ дурно, живите хорошо; но не убѣждайте его словами. Люди вѣрятъ тому, что видятъ.

Торо.

9.

Человѣкъ не заблуждается одинъ. Заблуждаясь, всякій распространяетъ свое заблужденіе между окружающими.

Сенека.

10.

Трудно привести къ добру нравоученіями, легко примѣромъ.

Сенека.

Бойтесь не только общества вреднаго для души и избѣгайте его, но дорожите общеніемъ добрымъ и ищите его.

27-е ноября.

Если страсть овладѣваетъ тобою, то помни, что твое страстное желаніе не составляетъ твоей души, а только темный налетъ, временно скрывающій отъ тебя ея истинныя свойства.

1.

Будь свѣтильникомъ для самого себя. Будь убѣжищемъ для себя. Держись свѣта твоего свѣтильника и не ищи другого прибѣжища.

Буддійская сутта.

2.

Если ты хочешь достигнуть познанія всеобъемлющаго „я", то ты долженъ прежде всего узнать самого себя. Для того, чтобы познать самого себя, ты долженъ пожертвовать своимъ „я" всемірному „я". Жертвуй своей жизнью, если ты хочешь жить въ духѣ. Удаляй свои мысли отъ внѣшнихъ вещей и всего, что представляется извнѣ. Старайся удалять отъ себя возникающіе образы, съ тѣмъ, чтобы они не кидали темной тѣни на твою душу.

Твои тѣни живутъ и исчезаютъ. То, что въ тебѣ вѣчно, то, что разумѣетъ, принадлежитъ не преходящей жизни. Это вѣчное есть въ человѣкѣ, было, есть и будетъ и не можетъ быть уничтожено.

Браминская мудрость.

3.

Душу можно сравнить съ прозрачнымъ шаромъ, освѣщеннымъ изнутри собственнымъ свѣтомъ своимъ. Этотъ огонь есть для нея не только источникъ всякаго свѣта и истины, но и освѣщаетъ ей все внѣшнее. Въ такомъ состояніи она свободна и счастлива, только пристрастіе къ внѣшнему можетъ взволновать и омрачить ея гладкую поверхность, причиняя преломленіе и ущербъ свѣта. Маркъ Аврелій.

4.

Во всѣхъ людяхъ есть чувство милосердія и состраданія, стыда и ненависти къ пороку. Каждый можетъ посредствомъ самовоспитанія возрастить эти чувства или дать имъ завянуть. Чувства эти составляютъ часть самого человѣка, такъ же какъ члены. И чувства эти такъ же, какъ и члены, могутъ быть воспитаны. На горѣ Никоншау растутъ прекрасныя деревья. Когда и стволы срѣзаны, выростаютъ постоянно новые побѣги; если же пускать по нимъ скотину, то гора дѣлается голой. Развѣ не ясно, что это оголеніе горы не свойственно ей. Также и низшія страсти: если мы

допустимъ ихъ поѣдать благородные побѣги уваженія и любви въ сердцѣ человѣка, развѣ мы скажемъ вслѣдствіе этого, что всѣхъ этихъ чувствъ нѣтъ въ сердцѣ человѣка? Подъ мирнымъ дыханіемъ утра и вечера побѣги эти вырастаютъ. Доброта есть сердце человѣка, справедливость путь его. Знать законъ Неба — значитъ развивать высшее свойство нашей природы. Менцій.

5.

Освѣтить на минуту омраченную душу, сдѣлать добро тѣмъ, которые несутъ, сострадая, тяжесть стольких сокрушенныхъ сердецъ и стольких страдающихъ жизней, есть благословеніе, преимущество, цѣну котораго я чувствую. Есть какое-то религіозное блаженство въ томъ, чтобы подкрѣплять силу и мужество благородныхъ характеровъ. Самъ удивляешься, что обладаешь этой силой, которой не считаешь себя достойнымъ, и хочется прилагать ее съ сознаніемъ ея значенія. Аміель.

— — — — —

Какъ только почувствуешь вожделѣніе страсти, вызови въ себѣ сознаніе своей божественности. Какъ только почувствуешь затемнѣніе своей божественности, знай, что тобою обладаютъ страсти — борись съ ними.

28-е ноября.

Жизнь не уничтожается, но только видоизмѣняется смертью.

1.

Довлѣетъ дневи злоба его. Не тратьте свою жизнь въ сомнѣніяхъ и страхахъ. Отдайтесь своему дѣлу, будучи увѣрены, что хорошее исполненіе обязанностей настоящаго часа есть лучшее приготовленіе для часовъ или вѣковъ, которые будутъ слѣдовать за нимъ.

Будущее состояніе наше всегда будетъ казаться иллюзіей для нашего теперешняго состоянія. Важна не длина жизни, но глубина ея. Дѣло не въ продолженіи жизни, но въ томъ, чтобы изъять душу изъ времени, какъ это дѣлаетъ всякій высокій поступокъ души; когда мы живемъ полной жизнью, мы не задаемъ себѣ вопроса о времени.

Іисусъ ничего не разъяснялъ о жизни вѣчной, но вліяніе Его уносило людей изъ времени, и они чувствовали себя вѣчными.

Эмерсонъ.

2.

Домъ, въ которомъ живетъ человѣкъ, можетъ быть разрушенъ и уничтоженъ; но то жилище, которое строитъ для себя духъ изъ чистыхъ мыслей и добрыхъ дѣлъ, не боится даже вѣчности, и ничто не можетъ причинить вреда живущему въ немъ.

Люси Малори.

3.

Если для человѣка есть жизнь за предѣлами этого міра, то останется только то, что есть въ человѣкѣ хорошаго. Остальное— земля, и на землѣ останется.

Джеромъ-Джеромъ.

4.

Вѣрить въ *будущую* жизнь нельзя, можно не только вѣрить, но знать, что жизнь настоящаго не уничтожима.

5.

Вѣра въ безсмертіе дается не разсужденіемъ, а жизнью.

6.

Убѣждаютъ въ необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идешь въ жизни рука объ руку съ человѣкомъ, и вдругъ человѣкъ этотъ исчезаетъ *тамъ въ нигдѣ*, и ты самъ останавливаешься предъ этой пропастью и заглядываешь туда.

———

Сознаніе безсмертія свойственно душѣ человѣка. Только зло, которое мы дѣлаемъ, и въ той мѣрѣ, въ которой мы дѣлаемъ его, лишаетъ насъ сознанія своего безсмертія.

29-е ноября.

Слово есть поступокъ.

1.

Не говорите никогда того, чего вы не чувствуете. Да не омрачится никогда ложью ваша душа.

2.

Наши враги могутъ для насъ быть полезнѣе нашихъ друзей, ибо друзья нерѣдко прощаютъ намъ наши слабости, тогда какъ враги обыкновенно отмѣчаютъ ихъ и привлекаютъ къ нимъ наше вниманіе.

Не пренебрегай сужденіями враговъ.

3.

Даже самое щепетильное тщеславіе, если только оно хорошо понимаетъ себя, должно замѣтить, что не меньше заслуги въ томъ, чтобы дать себя убѣдить, чѣмъ въ томъ, чтобы убѣдиться самому, и что первое, можетъ-быть, дѣлаетъ еще болѣе истинной чести человѣку, потому что для этого требуется больше самоотреченія и самовоспитанія, чѣмъ для второго.

Кантъ.

4.

Мудрый человѣкъ не приписываетъ значенія человѣку за его слова и не пренебрегаетъ словами только потому, что они произнесены ничтожнымъ человѣкомъ.

Китайская мудрость.

5.

Языкъ человѣка—достаточное орудіе, чтобы передать идеи, возникающія въ человѣческомъ умѣ; но въ области истиннаго и глубокаго чувства онъ только слабый переводчикъ.

Кошутъ.

6.

Каждое слово имѣетъ только то значеніе, въ какомъ можетъ воспринять его слушатель. Вы не уясните значенія чести человѣку безчестному, или любви тому, кто чуждъ ей. Стараясь низвести значеніе этихъ словъ до ихъ пониманія, вы дойдете только до того, что у васъ не будетъ больше словъ для выраженія и чести, и любви.

Джонъ Рёскинъ.

7.

Я люблю мужиковъ; они не достаточно учены, чтобы разсуждать превратно.

Монтень.

8.

Осуждаютъ того, кто молчитъ; осуждаютъ того, кто много говоритъ; осуждаютъ и того, кто мало говоритъ. Нѣтъ того человѣка, котораго бы не осуждали.

Джамапада.

Никогда никакія цѣли не могутъ оправдать лжи.

30-е ноября.

Земля есть общее и равное достояніе всѣхъ людей и потому не можетъ быть предметомъ собственности отдѣльныхъ лицъ.

1.

Если я родился на землѣ, то гдѣ же моя часть? Будьте такъ добры, господа этого міра, покажите мнѣ мой лѣсной участокъ,

гдѣ бы я могъ рубить свои дрова; мое поле, гдѣ бы я могъ сѣять мой хлѣбъ; мою усадьбу, гдѣ бы я могъ поставить свой домикъ. Но господа этого міра кричатъ мнѣ: только дотронься до лѣса, до поля, или до усадьбы, тебѣ достанется, но ты можешь придти и работать на нашихъ земляхъ, и мы дадимъ тебѣ кусокъ хлѣба.

Эмерсонъ.

2.

Мой разумъ учитъ меня, что земля не можетъ быть продаваема. Великій Духъ далъ ее своимъ дѣтямъ, чтобы жить на ней, по нуждѣ обрабатывать ее для своего содержанія, и пока они занимаютъ и обрабатываютъ ее, они имѣютъ право на землю. Ничто не можетъ быть продаваемо, кромѣ вещей, которыя можно унести.

Блакъ Хаукъ.

3.

Земля не можетъ быть продаваема никогда, потому что земля Моя, а вы всѣ странники. Левитъ XXV, 23.

4.

Строго говоря, земля принадлежитъ двоимъ: всемогущему Богу и всѣмъ сынамъ людскимъ, которые работали на ней или которые будутъ работать на ней. Карлейль.

5.

Услышь меня, справедливый духъ творенія, и разсуди, кто воръ: тотъ ли, кто отнимаетъ у меня свободу пользоваться землею, которая дана мнѣ съ моимъ рожденіемъ, или, когда я пользуюсь частью земли для того, чтобы жить на ней и кормиться ею въ правдѣ и мирѣ. Жерардъ Винстанлей.

6.

Всѣ люди съ самаго начала и прежде всякаго юридическаго акта находятся во владѣніи землею, т.-е. имѣютъ право быть тамъ, гдѣ природа или случайность помѣстила ихъ. Кантъ.

7.

Развѣ Богъ далъ что-нибудь одному, не давъ того же другому? Развѣ всеобщій Отецъ исключилъ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей?

Вы, требующіе исключительнаго права пользоваться Его дарами, покажите то завѣщаніе, по которому Онъ лишилъ своего наслѣдства другихъ братьевъ. Ламенэ.

8.

Владѣніе землей, какъ собственностью, есть одно изъ самыхъ противоестественныхъ преступленій. Отвратительность этого преступленія незамѣтна намъ только потому, что въ нашемъ мірѣ преступленіе это признается правомъ.

9.

Въ то время, какъ я собиралъ орѣхи въ лѣсу, лѣсникъ высунулся изъ кустовъ и спросилъ меня, что я тутъ дѣлаю? Я отвѣчалъ, что собираю орѣхи.

— Собираешь орѣхи?—сказалъ онъ.—Смѣешь ли ты это дѣлать?

— Смѣю,—отвѣчалъ я.—Отчего же не собирать? Развѣ бы вы лишили этого права обезьяну или бѣлку?

— Я говорю тебѣ,—сказалъ онъ,—что лѣсъ этотъ не общій, а принадлежитъ Портландскому герцогу.

— Вотъ какъ!—сказалъ я.—Поклонись отъ меня герцогу. Природа знаетъ объ немъ столько же, сколько и обо мнѣ. И потому для запасовъ природы правило такое: кто первый пришелъ, тотъ и пользуется; такъ что если герцогу Портландскому нужны орѣхи, пусть онъ не зѣваетъ. Томасъ Спенсъ.

Несправедливость признанія права собственности на землю за отдѣльными лицами въ наше время сознается людьми такъ же, какъ сознавалась несправедливость рабства въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія.

Декабрь.

1-е декабря.

Женщина не только мать, но и жена и членъ общества, и такая же дочь Бога, какъ и мужчина сынъ Бога.

1.

Скажи мнѣ, роскошная женщина, если бы кто спросилъ у тебя, чего бы ты лучше желала,—тѣло ли имѣть чистое, здоровое и прекрасное, а одѣяніе носить бѣдное, или—имѣть тѣло уродливое и больное, но притомъ ходить въ золотѣ и щеголять убранствомъ. Не гораздо ли скорѣе ты захотѣла бы имѣть благообразіе въ самой природѣ своего тѣла, чѣмъ въ пышности одеждъ? Ужели же ты въ отношеніи къ тѣлу пожелаешь этого, а по отношенію къ душѣ противнаго?.. Имѣя душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрезъ золотыя украшенія? Не крайнее ли это безуміе?

Іоаннъ Златоустъ.

2.

Если безконечна доброта женщины, то бываетъ, что и злости ея нѣтъ конца.

Хорошая жена — многоцѣнный мужу подарокъ, злая — злокачественная язва для него.

Талмудъ.

3.

Добродѣтели женщины и мужчины однѣ и тѣ же: воздержаніе, правдивость, доброта. Но въ женщинѣ тѣ же добродѣтели получаютъ особенную красоту.

4.

Деторожденіе есть для женщины школа самоотреченія. Воспитавъ въ себѣ способность самоотреченія, женщина легко проявляетъ ее и въ другихъ условіяхъ жизни.

5.

Кроткія слова и немногія составляютъ лучшее украшеніе женщины.

6.

Пройдите по большому городу и посмотрите на то, что продается въ лучшихъ магазинахъ, что стóитъ милліоны и есть произведеніе тяжелаго, часто губительнаго труда милліоновъ рабочихъ. Все это предметы роскоши, употребляемые женщинами, такіе, безъ которыхъ можно обойтись. Если бы женщины только понимали то зло, которое производитъ ихъ легкомысленная, ненужная роскошь!

7.

Чѣмъ красивѣе женщина, тѣмъ она должна быть честнѣе, потому что только честностью она можетъ противодѣйствовать тому вреду, который можетъ произвести ея красота.

Лессингъ.

8.

Не мужъ выбираетъ жену, а жена выбираетъ мужа. Для того, чтобы выбрать лучшаго отца своимъ дѣтямъ, женщина должна знать, въ чемъ добро и въ чемъ зло. И вотъ этому-то должны бы прежде всего учиться женщины.

9.

Истинно цѣломудренная дѣвушка, которая всю данную ей силу материнскаго самоотверженія отдастъ служенію Богу, проявляющемуся любовью къ людямъ,—есть самое прекрасное и счастливое человѣческое существо.

10.

Женщина, старающаяся походить на мужчину, такъ же уродлива, какъ женоподобный мужчина.

11.

Ничто такъ не идетъ къ женщинѣ, какъ самоотверженіе. И ничто такъ не отталкиваетъ отъ нея, какъ эгоизмъ.

Совершенство для мужчины и женщины одно и то же: совершенство любви. Если мужчина часто превосходитъ женщину въ разумности и твердости любви, то женщина всегда превосходитъ мужчину въ самоотверженіи въ любви.

Недѣльное чтеніе.

Женщины.

(Выдержка изъ частнаго письма по поводу возраженій на статью „Женщинамъ").

Призваніе всякаго человѣка, мужчины и женщины, въ томъ, чтобы служить людямъ. Съ этимъ общимъ положеніемъ, я думаю, согласны всѣ небезнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами въ исполненіи этого назначенія только въ средствахъ, которыми они его достигаютъ, т.-е. чѣмъ они служатъ людямъ.

Мужчина служитъ людямъ и физической работой — пріобрѣтая средства пропитанія, и работой умственной—изученіемъ законовъ природы для побѣжденія ея, и работой общественной — учрежденіемъ формъ жизни, установленіемъ отношеній между людьми. Средства служенія людямъ для мужчины очень многообразны. Вся дѣятельность человѣчества, за исключеніемъ дѣторожденія и кормленія, составляетъ поприще этого служенія. Женщина же, кромѣ своей возможности служенія людямъ всѣми тѣми же, какъ и мужчина, средствами, по строенію своему призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, которое одно исключено изъ области служенія мужчины.

Служеніе человѣчеству само собой раздѣляется на двѣ части: одно – увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое— продолженіе самого человѣчества. Къ первому призваны преимущественно мужчины, такъ какъ они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, такъ какъ онѣ исключительно способны къ нему. Этого различія нельзя,

не должно и грѣшно (т.-е. ошибочно) не помнить и стирать. Изъ этого различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ — обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Изъ этого же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существовавшая во всѣ вѣка и теперь существующая, и никогда не перестающая существовать, пока въ людяхъ есть и будетъ разумъ.

Всегда было и будетъ то, что мужчина, проводящій бо́льшую часть своей жизни въ свойственномъ ему многообразномъ физическомъ и умственномъ, общественномъ трудѣ, и женщина, проводящая бо́льшую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ рожденія, кормленія и возращенія дѣтей, будутъ одинаково чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и, дѣлая эти дѣла, будутъ одинаково возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что оба исполняютъ все то, что предназначено имъ по ихъ природѣ.

Призваніе мужчины многообразнѣе и шире, призваніе женщины однообразнѣе и у́же, но зато глубже, и потому всегда было и будетъ то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается недурнымъ, невреднымъ человѣкомъ, исполнившимъ все-таки часть своего призванія. Женщина же, имѣющая малое число обязанностей, измѣнивъ одной изъ нихъ, тотчасъ же нравственно падаетъ ниже мужчины, измѣнившаго десяти изъ сотни своихъ обязанностей. Таково всегда было общее мнѣніе и таково оно всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла.

Мужчина для исполненія воли Бога долженъ служить Ему и въ области физическаго труда, и мысли, и нравственности: онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначеніе. Для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кромѣ нея, никто не можетъ этого сдѣлать) дѣти. Только черезъ произведенія свои призванъ служить Богу и людямъ мужчина; только черезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина.

И потому любовь къ *своимъ* дѣтямъ, вложенная въ женщину, исключительная любовь, съ которой совершенно напрасно бороться

разсудочно, всегда будетъ и должна быть свойственна женщинѣ-матери. Любовь эта къ ребенку въ младенчествѣ есть вовсе не эгоизмъ, а это есть любовь работника къ той работѣ, которую онъ дѣлаетъ, въ то время какъ она у него въ рукахъ. Отнимите эту любовь къ предмету своей работы — и невозможна работа.

То же и съ матерью. Мужчина призванъ служить людямъ черезъ многообразныя работы, и онъ любитъ эти работы, пока ихъ дѣлаетъ. Женщина призвана служить людямъ черезъ своихъ дѣтей, и она не можетъ не любить этихъ своихъ дѣтей, пока она ихъ родитъ, кормитъ, воспитываетъ.

По общему призванію — служить Богу и людямъ — мужчина и женщина совершенно равны, несмотря на различіе въ формѣ этого служенія. Равенство въ томъ, что одно служеніе столь же важно, какъ и другое, что одно немыслимо безъ другого, что одно обусловливаетъ другое и что для дѣйствительнаго служенія какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ одинаково необходимо знаніе истины, безъ котораго дѣятельность какъ мужчины, такъ и женщины становится не полезной, но вредной для человѣчества. Мужчина призванъ исполнять свой многообразный трудъ; но трудъ его тогда только полезенъ, и его работа — и физическая, и умственная, и общественная—тогда только плодотворна, когда она совершается во имя истины и блага другихъ людей.

То же и съ призваніемъ женщины: ея рожденіе, кормленіе и возращеніе дѣтей будутъ полезны человѣчеству только тогда, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества; когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя истины и для блага людей, т.-е. она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были наилучшими работниками для другихъ людей.

„Ну, а тѣ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, которыя не вышли замужъ, вдовы?“

Тѣ будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ.

Всякая женщина, отражавшая, если у нея есть силы, успѣетъ заняться этою помощью мужчинѣ въ его трудѣ. Помощь жен-

щины въ этомъ трудѣ очень драгоцѣнна; но видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію и занятую мужскимъ трудомъ, всегда будетъ жалко. Видѣть такую женщину—все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья. Еще жалче: потому что земля эта могла бы родить только хлѣбъ, а женщина могла бы родить то, чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ,—человѣка. И только она одна можетъ это дѣлать.

Л. Толстой.

2-е декабря.

Не убій относится не къ одному убійству человѣка, но и къ убійству всего живого. И заповѣдь эта была записана въ сердцѣ человѣка, прежде чѣмъ она была записана на Синаѣ.

1.

Есть много доводовъ противъ безубойнаго питанія, которые сторонники мясоѣденія считаютъ очень убѣдительными; но какъ бы они ни были убѣдительны, человѣкъ не можетъ не испытывать жалости и отвращенія къ убійству овцы или курицы, не выкупаемаго удовольствіемъ или пользой баранины или куриной котлеты.

2.

Но если надо жалѣть овецъ и кроликовъ, то надо жалѣть и волковъ и крысъ, говорятъ враги вегетаріанства. Мы и жалѣемъ ихъ и стараемся жалѣть ихъ, отвѣчаютъ вегетаріанцы, и отыскиваемъ противъ наносимаго ими вреда средства помимо убійства, и средства эти находятся. Если же вы говорите тоже о насѣкомыхъ, то мы хотя не испытываемъ къ нимъ непосредственной жалости (Лихтенбергъ говоритъ, что жалость наша къ животнымъ прямо пропорціональна къ ихъ величинѣ), то думаемъ, что можно испытывать и къ нимъ жалость (какъ Сильвіо Пеллико къ пауку), и противъ нихъ могутъ быть найдены средства помимо убійства.

„Но вѣдь растенія—тоже живыя существа, и вы уничтожаете ихъ жизнь“, говорятъ еще противники вегетаріанства. Но этотъ самый доводъ лучше всего опредѣляетъ сущность вегетаріанства и указываетъ средства удовлетворенія его требованіямъ. Идеальное вегетаріанство есть питаніе плодами, т.-е. оболочкой сѣмени, заключающей жизнь: яблоки, персики, арбузы, тыквы, ягоды. Гигіенисты признаютъ эту пищу самой здоровой и при этой пищѣ человѣкъ не уничтожаетъ жизни. Знаменательно при этомъ еще

то, что пріятность вкуса плодовъ, оболочки сѣмянъ, дѣлаетъ то, что люди, срывая и съѣдая плоды, разносятъ ихъ по землѣ и размножаютъ.

3.

По мѣрѣ просвѣщенія и увеличенія населенія люди переходятъ отъ антропофагіи къ поѣданію животныхъ; отъ поѣданія животныхъ къ питанію зернами и кореньями и отъ этого способа питанія къ самому естественному питанію плодами.

4.

Захватъ крупными собственниками большихъ пространствъ земли сдѣлалъ то, что плоды составляютъ роскошь. Чѣмъ равномѣрнѣе распредѣлена земля, тѣмъ больше разводятъ плодовъ.

Неразуміе, незаконность и вредъ, нравственный и вещественный, питанія мясомъ въ послѣднее время до такой степени выяснились, что мясоѣденіе держится теперь уже не разсужденіями, а только внушеніемъ давности, преданіемъ, обычаемъ. И потому въ наше время не столько нужно доказывать всѣмъ очевидное неразуміе мясоѣденія, сколько стараться примѣромъ разрушать внушеніе.

3-е декабря.

Осужденіе ближняго неразумно: оно ни на что не нужно, а между тѣмъ вредно и себѣ и другимъ.

1.

Когда въ концѣ вечерняго собранія одинъ изъ гостей простился и вышелъ, оставшіеся стали судить о немъ и сказали про него много дурного. То же было и со вторымъ ушедшимъ. Такъ разо-

шлись всѣ гости до одного: „Позвольте мнѣ остаться ночевать,— сказалъ послѣдній. — Я слышалъ, какъ пострадали всѣ ушедшіе и боюсь за себя“.

2.

Пословица говоритъ: объ умершихъ говори доброе или молчи. Я думаю, что наоборотъ, надо не говорить дурного о живыхъ, потому что это можетъ сдѣлать имъ больно и испортить ихъ отношеніе къ живымъ; но о мертвыхъ, о которыхъ принято говорить льстивую ложь, ничто не мѣшаетъ говорить полную правду.

3.

Осужденіе тѣмъ особенно дурно, что то самое сужденіе о недостаткахъ человѣка, которое, сказанное въ глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается отъ того, кому оно можетъ быть нужно, и сообщается тѣмъ, кому оно вредно, возбуждая безъ надобности дурное чувство къ осуждаемому.

4.

Будьте строги къ самимъ себѣ и снисходительны къ другимъ и вы не будете имѣть враговъ. Китайская мудрость.

5.

Человѣкъ перестаетъ осуждать ближнихъ, какъ только побѣдитъ самого себя.

6.

Я зналъ старика, который нарочно растягивалъ такъ слова, что проходило нѣсколько секундъ между каждымъ словомъ. Онъ дѣлалъ это умышленно, боясь согрѣшить словами.

7.

Мы всѣ дурны, и потому все то, что мы осуждаемъ въ другихъ, мы всегда найдемъ въ себѣ. Давайте же прощать другъ другу. Одно средство жить намъ въ мірѣ въ мирѣ—это взаимное прощеніе.

———

Слово—выраженіе мысли, мысль—проявленіе божеской силы, и потому слово должно соотвѣтствовать тому, что оно выражаетъ. Оно можетъ быть безразлично, но не можетъ и не должно быть выраженіемъ зла.

4-е декабря.

Не случайно сказано, что весь законъ въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго. Любовь къ ближнему есть частный случай. Ближній можетъ быть и не быть, Богъ всегда есть. И потому человѣкъ одинъ въ пустынѣ, въ тюрьмѣ можетъ исполнять законъ, любя Бога и всѣ доступныя ему проявленія Его, хотя бы въ сознаніи все большаго и большаго общенія съ Нимъ.

1.

Помни, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ духъ Божій — тотъ же, который даетъ тебѣ жизнь, и потому не только люби, но чти, какъ святыню, душу каждаго человѣка.

2.

Лошадь спасается отъ врага своимъ быстрымъ бѣгомъ, и она несчастна не тогда, когда не можетъ пѣть пѣтухомъ, а тогда, когда потеряла то, что ей дано,—свой быстрый бѣгъ.

Собака имѣетъ чутье; когда она лишается того, что ей дано,—своего чутья, она несчастна, а не бываетъ несчастна тогда, когда она не можетъ летать.

Точно такъ же и человѣкъ становится несчастнымъ не тогда, когда онъ не можетъ осилить медвѣдя, или льва, или злыхъ людей, а тогда, когда онъ теряетъ то, что ему дано,—доброту и разсудительность. Вотъ такой-то человѣкъ воистину несчастенъ и достоинъ сожалѣнія.

Не то жалко, что человѣкъ родился или умеръ, что онъ лишился своихъ денегъ, дома, имѣнія: все это не принадлежитъ человѣку. А то жалко, когда человѣкъ теряетъ свою истинную собственность—свое человѣческое достоинство.

Эпиктетъ.

3.

Не дѣлай ничего постыднаго ни на людяхъ, ни наединѣ. Пусть твой первый законъ будетъ самоуваженіе.

4.

Въ наше время люди забываютъ, что прежде всего они должны въ самихъ себѣ свято чтить человѣка. Высшее же свойство человѣка состоитъ въ томъ, что при душевномъ равновѣсіи сознаніе его способно, вступая въ общеніе съ Источникомъ разумѣнія, сливаться съ безпредѣльною властью духовной жизни. А между тѣмъ люди, вмѣсто того чтобы непосредственно черпать духовную пищу изъ этого источника, предпочитаютъ нищенски вымаливать другъ у друга по кружкѣ застоявшейся воды.

Эмерсонъ.

5.

Самый жалкій изъ насъ обладаетъ все-таки какимъ-нибудь даромъ, и какъ бы ни былъ этотъ даръ, повидимому, зауряденъ, но, составляя нашу особенность, онъ можетъ, при правильномъ примѣненіи, стать даромъ для всего человѣчества.

Джонъ Рёскинъ.

Кромѣ обязанностей къ ближнему, у каждаго человѣка есть обязанность къ себѣ, какъ къ сыну Божію.

5-е декабря.

Чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ больше освобождается оно отъ суевѣрій и тѣмъ проще представляются ему законы жизни.

1.

Нашъ вѣкъ—истинный вѣкъ критики, которой все должно подчиняться.

Религія и законодательство обыкновенно думаютъ ускользнуть отъ критики. Первая—съ помощью своей святости, второе—съ помощью своего величія.

Но въ такомъ случаѣ они возбуждаютъ противъ себя справедливое подозрѣніе и не могутъ разсчитывать на непритворное уваженіе, потому что разумъ относится съ уваженіемъ только къ тому, что въ состояніи выдержать его свободное и публичное испытаніе.

Кантъ.

2.

Можетъ ли христіанство дать Индіи болѣе завидный удѣлъ, чѣмъ тотъ, какой она имѣла въ прошломъ? Можетъ ли оно дать ей болѣе умственной и духовной силы, чѣмъ сколько есть у нея и сколько было со временъ незапамятныхъ? Есть ли у христіанства болѣе высокое представленіе о вездѣсущемъ, всемогущемъ и всезнающемъ божествѣ, чѣмъ у послѣдователей браминскаго ученія? Неужели мысль о Богѣ, который прогуливался по саду съ Адамомъ и Евой и не слыхалъ того, что говорили они, потому что отошелъ отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе, который испугался нападенія на его небесную твердыню со стороны строителей какой-то башни и ѣлъ жареныхъ ягнятъ со стариками, который приходилъ въ ярость изъ-за разныхъ пустяковъ, и то и дѣло проклиналъ несчастныхъ, созданныхъ имъ людей за ихъ ошибки, — можетъ ли мысль о такомъ Богѣ быть чѣмъ-либо высшимъ сравнительно съ представленіемъ о невидимомъ, всезнающемъ, всемогущемъ существѣ, которое правитъ безсчетными мірами и проявляетъ Свою

волю всюду во вселенной? А вѣра въ божественность Христа, въ Его воплощеніе, воскресеніе и искупительную жертву? Развѣ не есть это кощунство—впутывать высшее и величайшее существо въ дѣла смертныхъ? Развѣ можетъ быть большая слѣпота? Если индусы должны вѣрить въ воплощеніе, то почему имъ не вѣрить въ воплощеніе Кришны или Рамы; почему они должны вѣрить не въ нихъ, а въ Христа? Однако Богъ, какъ это сказано въ истинно-священномъ писаніи человѣчества, не имѣетъ тѣла и не былъ рожденъ (Іоан. 4 гл.) и не можетъ воплощаться. Ученіе о воскресеніи—не болѣе какъ сказка: могила никогда не выдавала своихъ мертвецовъ, если они точно были мертвецами. Что же касается искупленія, то ученіе это противорѣчитъ уже самымъ первобытнымъ понятіямъ о справедливости.

Истинная духовная жизнь не можетъ быть слѣдствіемъ религіи, измышленной людьми. Люси Малори.

3.

Все изслѣдуй, давай разуму первое мѣсто. Пиѳагоръ.

Не надо бояться тѣхъ разрушеній, которыя совершаетъ разумъ въ установленныхъ людьми преданіяхъ. Разумъ не можетъ ничего уничтожать, не замѣняя его истиной. Таково его свойство.

6-е декабря.

Заблуждаемся мы не столько оттого, что неправильно мыслимъ, сколько оттого, что живемъ дурно.

1.

Незнаніе никогда не дѣлаетъ зла; пагубно только заблужденіе. Заблуждаются же люди не потому, что знаютъ, а потому, что воображаютъ себя знающими. Руссо.

2.

Всякое заблужденіе есть ядъ, и потому не можетъ быть безвредныхъ заблужденій; тѣмъ болѣе не можетъ быть прекрасныхъ и неприкосновенныхъ заблужденій.

На что мнѣ такія утѣшенія, надъ которыми виситъ непрестанно Дамокловъ мечъ разочарованія? Безопасна только одна истина. Одна истина тверда и на одну ее можно положиться. Только въ ней истинное утѣшеніе; она одна неразрушимый алмазъ.—Освободить человѣка отъ лжи значитъ не отнять что-либо, но дать. Знаніе того, что неправда — неправда, есть истина. Заблужденіе всегда вредитъ. Рано или поздно оно отзовется человѣку, который держится его.

Шопенгауэръ.

3.

Мы видимъ міръ при посредствѣ нашихъ идей, видимъ его не такимъ, каковъ онъ есть, а въ томъ свѣтѣ, какой придаютъ ему наши идеи. Ненависть дѣлаетъ его для насъ,—какъ будто мы надѣли черныя очки,—туманнымъ и мрачнымъ.

Люси Малори.

4.

Есть такія заблужденія, которыхъ нельзя опровергнуть. Надо сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ. Тогда заблужденіе исчезнетъ само собою.

Кантъ.

5.

Освободить человѣка отъ заблужденій—это значитъ придать ему нѣчто, а не отнять. Сознаніе того, что что-нибудь ложно, есть уже сознаніе истины. Ошибка всегда приносить человѣку вредъ; рано или поздно, но она повредитъ тому человѣку, который придерживается ея.

Ѳома Кемпійскій.

6.

Одно изъ злыхъ свойствъ человѣка состоитъ въ томъ, что онъ любитъ и уважаетъ самого себя, желаетъ себѣ блага. Но бѣда

ему, если онъ любитъ только самого себя: онъ захочетъ быть великимъ, а увидитъ, что онъ маленькій; захочетъ быть счастливымъ, а увидитъ себя несчастнымъ; захочетъ быть совершеннымъ, а увидитъ себя полнымъ несовершенства; захочетъ себѣ любви и уваженія отъ людей, а увидитъ, что его недостатки отвращаютъ отъ него людей и внушаютъ имъ презрѣніе къ нему. Видя неисполненіе своихъ желаній, такой человѣкъ впадаетъ въ самое преступное дѣло: онъ начинаетъ ненавидѣть ту правду, которая идетъ ему наперекоръ; онъ хочетъ истребить эту правду, и такъ какъ онъ сдѣлать этого не можетъ, то онъ въ своей душѣ и въ глазахъ другихъ старается извращать правду, когда только можетъ; и такимъ способомъ онъ надѣется скрыть свои недостатки и отъ другихъ и отъ самого себя. Паскаль.

7.

Борьба духовной и тѣлесной природы одна и та же во всѣхъ людяхъ, и потому люди впадаютъ въ одни и тѣ же заблужденія. Находясь же въ одномъ и томъ же заблужденіи, утверждаются въ немъ на основаніи мнѣнія окружающаго ихъ большинства, принимая его за истину.

8.

Трудно начать жизнь сызнова — тѣ, кто всегда начинаютъ жить, живутъ дурно. Сенека.

Накормить голоднаго, одѣть голаго, посѣтить больного—все добрыя дѣла, но несравнимое со всѣмъ этимъ доброе дѣло освобожденіе брата отъ заблужденія.

7-е декабря.

Все въ мірѣ измѣняется и движется кругообразно. Человѣкъ также измѣняется, но мы не видимъ всего круга, который онъ совершаетъ, потому что, совершая его, сами находимся на одной точкѣ круга.

1.

Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода; любящій душу свою погубитъ ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную.

Iн. XII, 24—25.

2.

Жизнь постоянно измѣняетъ свою внѣшность. Только невѣжда, который видитъ не глубже поверхности вещей, думаетъ, что жизнь уничтожается, когда она пропадаетъ въ одной какой-либо формѣ. Ибо, если она пропадаетъ въ одной какой-либо формѣ, то только для того, чтобы вновь явиться въ другой. Гусеница пропадаетъ и вновь является въ видѣ бабочки, дитя пропадаетъ, но вмѣсто него является юноша; животный человѣкъ пропадаетъ и вновь является, какъ человѣкъ духовный.

Люси Малори.

3.

Что такое жолудь, какъ не дубъ, лишенный своихъ вѣтвей, листьевъ, ствола, корней, т.-е. всѣхъ формъ, всѣхъ особенностей, но который сосредоточенъ въ своей сущности, въ своей производительной силѣ, который вновь можетъ завоевать все, что она отбросила? Это обѣднѣніе, стало-быть, есть только внѣшнее сокращеніе. Возвратиться къ своей вѣчности—это-то и значитъ умереть, но не уничтожиться, это значитъ возвратиться къ своей потенціальности.

Амієль.

4.

Развѣ мы не воскресли ужъ однажды изъ того состоянія, въ которомъ мы о настоящемъ знали меньше, чѣмъ въ настоящемъ знаемъ о будущемъ. Какъ наше предшествующее состояніе относится къ теперешнему, такъ теперешнее относится къ будущему.

Лихтенбергъ.

5.

Неужели тебя страшитъ перемѣна? Вѣдь ничто на свѣтѣ не дѣлается безъ перемѣны. Самая сущность всеобщей природы есть перемѣна. Нельзя согрѣть воды безъ того, чтобы не совершилось превращеніе съ дровами; питаніе невозможно безъ измѣненія пищи. Вся міровая жизнь есть не что иное, какъ перемѣна. Пойми, что ожидающее тебя превращеніе имѣетъ тотъ же точно смыслъ, что оно только необходимо по самой природѣ вещей. Надо заботиться объ одномъ, какъ бы не сдѣлать чего-нибудь противнаго истинной природѣ человѣческой, поступать во всемъ, какъ и когда она укажетъ.

Маркъ Аврелій.

6.

Все въ мірѣ растетъ, цвѣтетъ и возвращается къ своему корню. Возвращеніе къ своему корню означаетъ успокоеніе, согласное съ природой. Согласное съ природой означаетъ вѣчное; поэтому разрушеніе тѣла не заключаетъ въ себѣ никакой опасности.

Лао-Тсе.

Смерть есть измѣненіе той формы, съ которой соединенъ нашъ духъ. Не надо смѣшивать форму съ тѣмъ, что соединено съ ней.

8-е декабря.

Исполненіе закона Бога есть сущность жизни.

1.

Зло въ видѣ смерти и страданій видно человѣку, только когда онъ законъ своего плотскаго животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни. Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго, только тогда онъ видитъ смерть и страданія. Смерть и страданія какъ пугалы со всѣхъ сторонъ ухаютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся въ любви. Смерть и страданія суть только преступленія человѣкомъ своего закона жизни. Для человѣка, живущаго по своему закону, нѣтъ смерти, нѣтъ страданія.

2.

Сознаніе долга не имѣетъ ничего общаго съ наслажденіемъ жизнью. У него свой своеобразный законъ, свой своеобразный судъ, и если бы мы захотѣли смѣшать ихъ между собою, чтобы предложить эту смѣсь въ качествѣ лѣкарства больной душѣ, они все-таки сейчасъ же сами собою отдѣлились бы другъ отъ друга; если бы они этого не сдѣлали, то сознаніе долга не оказало бы никакого дѣйствія. И если бы физическая жизнь и пріобрѣла бы отъ стремленія къ наслажденію, будто бы совпадающему съ долгомъ, нѣкоторую силу, то нравственная жизнь исчезла бы безвозвратно.

Кантъ.

3.

Что дѣлать, когда все насъ оставляетъ: здоровье, радость, привязанность, свѣжесть чувства, память, способность къ труду, когда намъ кажется, что солнце холодѣетъ, а жизнь какъ будто теряетъ всѣ свои прелести? Какъ быть, когда нѣтъ никакой надежды? Одурманиваться или каменѣть? Отвѣтъ всегда одинъ: исполненіе

долга. Будь что будетъ, если чувствуешь спокойствіе совѣсти, если чувствуешь себя примиреннымъ и на своемъ мѣстѣ. Будь тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть,—остальное дѣло Божье. И если бы даже не было Бога, святого и добраго, а было бы только всеобщее, великое существо, законъ всего, идеалъ безъ личности и реальности, долгъ былъ бы все-таки разгадкой тайны и полярной звѣздой для движущагося человѣчества.

Аміель.

Законъ Бога мы знаемъ и изъ преданій (всѣхъ религій) и изъ своего сознанія, когда оно не затемнѣно страстями и обманами мысли и можемъ узнать изъ опыта приложенія этого закона къ жизни: всѣ тѣ требованія закона, исполненіе которыхъ даютъ намъ сознаніе неотъемлемаго никакими тѣлесными бѣдствіями, духовнаго блага, все это требованія закона Бога.

Недѣльное чтеніе.

Ученіе 12 апостоловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1883 году митрополитъ греческій Вріеній нашелъ въ Константинополѣ въ старинномъ сборникѣ древнихъ христіанскихъ поученій сочиненіе подъ названіемъ: „Ученіе 12 апостоловъ“ или „Ученіе Господа, преподанное народамъ черезъ 12 апостоловъ“.

Объ этой книгѣ, почитаемой нѣкоторыми учителями церкви священною, извѣстно было до этого только ея заглавіе.

Сочиненіе это содержитъ въ себѣ самую сущность христіанскаго ученія, передавая иными словами и съ нѣкоторыми прибавленіями и разъясненіями тѣ истины и поученія, которыя изложены въ нагорной проповѣди Матѳея и въ 6 главѣ Луки. Такъ, напримѣръ, въ поученіи о томъ, чтобы давать просящему, прибавлено: „Блаженъ дающій по заповѣди; ибо онъ свободенъ отъ наказанія; но горе принимающему, ибо если кто беретъ, имѣя нужду, то тотъ правъ; неимѣющій же нужды дастъ отчетъ, почему и для чего бралъ“.

Также сказано о томъ, что милостыня только тогда милостыня, когда она исходитъ изъ потной руки, то-есть когда то, что дается, заработано трудами подающаго.

То же еще яснѣе сказано въ гл. IV. Тамъ сказано, что христіанинъ ничего не долженъ считать своею собственностью и помогать нуждающемуся можетъ только своимъ трудомъ.

Есть еще въ этомъ сочиненіи, не встрѣчающееся въ евангеліяхъ,

прекрасное и очень важное поученіе о томъ, какъ долженъ относиться христіанинъ къ людямъ, смотря по ихъ душевному состоянію. „Не имѣй ненависти ни къ кому“, сказано тамъ; „но однихъ обличай, за другихъ молись, а иныхъ люби больше души своей“.

Очевидно, совѣтъ обличать однихъ относится къ тѣмъ, которые заблуждаются по невѣдѣнію, по увлеченію, къ такимъ, обличеніе которыхъ можетъ помочь имъ вступить на добрый путь. Молиться же совѣтуется о тѣхъ, которые глухи къ обличенію и увѣщанію. Это, очевидно, относится къ тѣмъ, про которыхъ сказано въ евангеліи, что не слѣдуетъ метать бисеръ передъ тѣми, которые не могутъ оцѣнить. Здѣсь та же мысль выражена мягче и добрѣе. Не отворачиваться отъ такихъ людей совѣтуетъ это ученіе, но молиться о нихъ, т.-е. не переставая желать имъ истиннаго блага и всегда быть готовымъ, въ случаѣ ихъ смягченія, придти на помощь имъ.

Любить же болѣе души своей, очевидно, относится къ тѣмъ, которые соединены одною вѣрою.

Важно и ново то же въ гл. VI поученіе о томъ, какъ отвѣчать на обычное возраженіе противъ ученія людей, не желающихъ принять его. „Исполнять, такъ ужъ исполнять все“, говорятъ такіе возражатели. Если же исполнять все, то надо отказаться отъ жизни, а это невозможно. Возраженіе на это такое:

Берегись того, кто будетъ сбивать тебя съ этого пути, такъ какъ онъ учитъ не по-Божьи, потому что, если ты можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ, а если не можешь, то дѣлай, что можешь.

Кромѣ этихъ и многихъ другихъ новыхъ и замѣчательныхъ разъясненій, въ этой книгѣ находятся опредѣленныя указанія о томъ, какъ должно производить крещеніе. Сказано, крестить такъ: сообщить все вышесказанное ученіе крещаемому (слѣдовательно, взрослому), крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Такъ же объ евхаристіи сказано, какъ о благодарственной молитвѣ, читаемой въ общемъ собраніи за трапезой, безъ всякаго намека на таинство.

I. О молитвѣ сказано то же, что въ евангеліи, что молитва должна состоять въ чтеніи Отче нашъ.

II. Есть еще наставленіе о томъ, какъ избирать епископовъ и

дьяконовъ — какъ должностныхъ выборныхъ лицъ общины, безъ малѣйшаго указанія на рукоположеніе.

Есть еще многія другія постановленія объ апостолахъ и пророкахъ, совершенно не сходящіяся съ существующими теперь установленіями.

И вотъ является эта книга, признанная всѣми учеными произведеніемъ конца перваго или начала второго вѣка, т.-е. христіанскій памятникъ болѣе ранній, чѣмъ Евангеліе Луки, и одновременный съ Евангеліемъ Іоанна. Книга эта есть голосъ людей, жившихъ въ первыя времена христіанства, голосъ, подтверждающій, уясняющій и усиливающій все то, что мы знаемъ о нравственно-жизненной сторонѣ христіанства и несогласный во многомъ и въ самомъ существенномъ съ внѣшней стороной христіанства. И что же? Казалось бы, открытіе такого памятника должно произвести величайшее волненіе въ христіанскомъ мірѣ. Всѣ христіане, казалось бы, должны ухватиться за этотъ памятникъ, разбирать его содержаніе, вникать въ смыслъ его, сличить съ ними свои установленныя положенія, по немъ исправить ихъ, должны бы были въ милліонахъ экземпляровъ распространить это сочиненіе въ народѣ, въ церквахъ читать его.

Ничего подобнаго нѣтъ и не было. Десятокъ ученыхъ разсмотрѣло этотъ памятникъ съ точки зрѣнія обще-церковной и исторической, нѣсколько спеціалистовъ по части лжетолкованій изъ священниковъ придумали кое-какія разсужденія, по которымъ выходитъ, что правы позднѣйшія установленія, а не тѣ, о которыхъ писано въ этомъ сочиненіи, и открытіе „ученія Господа народамъ черезъ 12 апостоловъ“, т.-е. услышаніе голоса святыхъ людей первыхъ вѣковъ христіанства, произвело гораздо меньше впечатлѣнія на христіанское общество, чѣмъ открытіе куска голой Венеры въ какой-нибудь раскопкѣ.

Открываются посмертныя сочиненія какого-нибудь несчастнаго, отвратительнаго безумца и проповѣдника всѣхъ пороковъ Ницше или Верлена, и сотни тысячъ экземпляровъ печатаются и распространяются, и всѣ номинальные христіане торопятся хоть немного помазаться въ вынесенной на свѣтъ Божій вонючей нравственной грязи. А раздаются слова того Христа, котораго мы будто бы

исповѣдуемъ, и мы только стараемся какъ-нибудь поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ, чтобы они не мѣшали намъ заниматься нашими важными дѣлами.

Да, вотъ уже именно: „Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ (Исаіи VI, 9—10, Матѳія XIII, 15).

Но, слава Богу, еще въ народныхъ массахъ есть люди, для которыхъ важенъ этотъ голосъ изъ временъ перваго вѣка и которые съ радостью найдутъ въ немъ еще большее уясненіе и подтвержденіе той истины, которая освящаетъ ихъ жизнь и даетъ имъ силы.

Л. Толстой.

Ученіе Господа, преподанное народамъ 12-ью апостолами.

Есть два пути: путь жизни и путь смерти. И разница великая между этими двумя путями. Путь жизни такой:

Во-первыхъ, люби Бога, создавшаго тебя.

Во-вторыхъ, ближняго своего, какъ самого себя, и потому не дѣлай другому всего того, чего не хочешь, чтобы тебѣ сдѣлали.

Ученіе этихъ двухъ словъ такое:

1.

Первая заповѣдь ученія: люби Бога, создавшаго тебя.

Благословляйте проклинающихъ васъ; молитесь за враговъ вашихъ, за нападающихъ на васъ и поститесь за тѣхъ, которые обижаютъ васъ, потому что — то не добро, чтобы любить только тѣхъ, которые любятъ васъ. То же дѣлаютъ и язычники. Они любятъ своихъ и ненавидятъ враговъ, и потому у нихъ есть враги. Вы же любите ненавидящихъ васъ, и тогда не будетъ у васъ враговъ.

Берегись тѣлесныхъ и мірскихъ побужденій.

Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую, и будешь совершенъ. Если кто принудитъ тебя пройти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ. Если кто возьметъ у тебя кафтанъ твой, отдай и рубаху. Если кто взялъ у тебя твое, не возворачивай назадъ, потому что этого нельзя дѣлать. А всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ, потому что Отецъ хо-

четъ, чтобы у каждаго было то свое, которое Онъ далъ всѣмъ людямъ. Блаженъ тотъ, кто по заповѣди даетъ: тотъ правъ; но горе тому, кто беретъ по нуждѣ; тотъ же, кто беретъ безъ нужды, долженъ дать отчетъ, почему и для чего онъ взялъ. Кто пойманъ въ сѣти Маммона, тотъ будетъ мучимъ за то, что онъ сдѣлалъ, и не высвободится изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не отдастъ послѣднее. Объ этомъ-то сказано: пусть милосердіе твое выходитъ пбтомъ изъ рукъ твоихъ, покуда ты еще и не знаешь, кому ты дашь.

2.

Вторая заповѣдь ученія: люби ближняго, какъ самого себя, т.-е. не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы съ тобою сдѣлали.

Не убивай, не прелюбодѣйствуй, не оскверняй дѣтей, не распутничай, не кради, не колдуй, не отравляй, не умерщвляй младенца въ утробѣ матери и рожденнаго не убивай, не желай имѣть того, что у ближняго твоего, не клянись, не лжесвидѣтельствуй, не сквернословь, не скверномысли, не будь двумысленъ, ни двуязыченъ—двуязычіе есть сѣть смерти. Чтобы твое слово было ни лживо, ни пусто, но всегда полно дѣла; не будь ни алчнымъ, ни хищнымъ, ни лицемѣромъ, ни угрюмымъ, ни гордымъ. Не держи зла на ближняго своего, не ненавидь никакого человѣка, но однихъ обличай, за другихъ молись, а иныхъ люби болѣе души своей.

3.

Чадо мое! Избѣгай всякаго зла и всего того, что похоже на него. Не входи въ гнѣвъ, гнѣвъ ведетъ къ убійству; не входи въ задоръ, въ споры, въ горячность — отъ всего этого бываютъ убійства. Чадо мое! Избѣгай похоти, похоть ведетъ къ распутству; не сквернословь и не озирайся на то, чего тебѣ не нужно видѣть; это ведетъ къ прелюбодѣяніямъ. Чадо мое! Не ворожи, потому что это ведетъ къ идолопоклонству; не волхвуй, не чернокнижничай, не дѣлай заговоровъ и не присутствуй при подобиыхъ дѣлахъ, потому что это идолопоклонство. Чадо мое! не будь обманщикомъ, потому что обманъ приводитъ къ воровству; не будь ко-

рыстолюбивъ и тщеславенъ; и это доводитъ до воровства. Чадо мое! не будь недовольнымъ, недовольство ведетъ къ ругательству; не будь самодовольнымъ и осуждающимъ, потому что и это ведетъ къ ругательству; будь кротокъ, потому что кроткіе наслѣдуютъ землю; будь терпѣливъ, милостивъ, и незлобивъ, и смиренъ, и добръ, и со страхомъ при всякомъ случаѣ вспоминай слова эти, которыя ты слышалъ. Не возвышай самъ себя и не допускай самоувѣренность въ сердце свое. Сердце твое чтобъ не лежало къ высокимъ и сильнымъ, но пусть прилѣпляется оно къ праведнымъ и и смиреннымъ. Все же, что случается съ тобою, принимай, какъ благо, зная, что безъ Бога ничего не бываетъ.

4.

Чадо мое! И днемъ и ночью вспоминай того, кто учитъ тебя слову Божію, и почитай его, какъ Господа, потому что Господь тамъ, откуда ты узналъ про Него. Всегда отыскивай святыхъ людей и общайся съ ними, чтобы въ словахъ ихъ находить успокоеніе душѣ своей. Не желай раздѣленія между людьми, но примиряй враждующихъ. Разсуживай ихъ по правдѣ и, невзирая на лица, уличай ихъ въ грѣхахъ. Не двоедушничай и не говори: можно такъ, можно и этакъ. Не протягивай руку, когда приходится брать, и не сжимай ее, когда приходится давать. То, что ты заработалъ руками своими, давай какъ выкупъ за грѣхи свои. Не раздумывай давать и, когда далъ, не жалѣй, потому что ты узнаешь, въ чемъ лучшая награда за добро твое. Не отворачивайся отъ нуждающагося, но пусть все то, что есть у тебя, будетъ общимъ съ братомъ твоимъ, и не называй ничего своей собственностью, потому что если то, что безсмертно, все у васъ общее, то тѣмъ паче должно быть общимъ между вами все тлѣнное. Не переставай руководить сына своего или дочь свою, но отъ юности учи ихъ страху Божію. Не повелѣвай рабу или служанкѣ. Они вѣруютъ тому же Богу, какъ ты. А то какъ бы отъ огорченія они не перестали бояться того Бога, который надъ вами обоими, потому что приходится повелѣвать не по лицамъ, а тому, кого назначилъ Духъ.

Ненавидь всякое лицемѣріе и все, что не угодно Богу. Не оставляй заповѣдей Господа, но храни тѣ, которыя получилъ, ничего не прибавляя и не откидывая. Среди вѣрующихъ кайся въ грѣхахъ своихъ и не думай молиться, пока у тебя есть зло на сердцѣ. Таковъ путь жизни.

5.

Путь же смерти такой: прежде всего онъ бѣдствененъ и полонъ мерзостей. Убійства, прелюбодѣяніе, похоти, распутство, воровство, идолопоклонство, колдовство, отравленіе, грабежи, обманы, лицемѣріе, двоедушіе, хитрость, гордость, злоба, самоувѣренность, алчность, сквернословіе, зависть, дерзость, высокоуміе, тщеславіе, гонители добрыхъ, ненавистники истины, любители лжи, не признающіе награды за праведность, не прилѣпляющіеся къ добру и не знающіе правильнаго сужденія, тѣ, которые заботятся и хлопочутъ не о добромъ, а о зломъ, не знающіе кротости и терпѣнія, любители пустяковъ, искатели мірскихъ наградъ, не жалѣющіе нищаго, не трудящіеся для утружденнаго, не знающіе того, кто создалъ ихъ самихъ, убійцы и соблазнители дѣтей, погубители образа Божія, отвращающіеся отъ нуждающагося и домучивающіе трудомъ измученнаго, утѣшители богатыхъ и беззаконные судьи бѣдныхъ,—кругомъ и во всемъ грѣшники. Берегитесь, чада мои, такихъ людей!

Смотри, чтобы кто-нибудь не сбилъ тебя съ этого пути ученія.

9-е декабря.

Назначеніе человѣка—служеніе всѣмъ, всѣмъ людямъ, а не служеніе однимъ и дѣланіе зла другимъ.

Для христіанина любовь къ отечеству стоитъ преградой для любви къ ближнему. И какъ въ древнемъ мірѣ любовь къ семьѣ должна была быть принесена въ жертву любви къ отечеству, такъ въ христіанскомъ мірѣ любовь къ отечеству должна уступить любви къ ближнему.

1.

Если неестественно ослѣпленіе людей, не старающихся узнать смыслъ своей жизни, то еще ужаснѣе ослѣпленіе вѣрующихъ въ Бога и живущихъ дурно. Почти всѣ люди находятся въ томъ или другомъ ослѣпленіи.

Паскаль.

2.

Если человѣкъ потерялъ истинную природу, — все, что угодно, дѣлается его природой; точно такъ же, если потеряно истинное благо,—все, что угодно, дѣлается его благомъ.

Паскаль.

3.

Послѣднее прибѣжище негодяя—патріотизмъ.

Джонсонъ.

4.

Патріотизмъ не добродѣтель: жертвовать нашей жизнью для невѣжественной толпы, которая составляетъ государство, не можетъ быть нашей обязанностью.

Теодорусъ.

5.

Патріотизмъ въ наше время выставляется поводомъ для всякаго общественнаго зла и личной подлости. Человѣку внушаютъ, чтобы

онъ ради блага своей страны отказался отъ всего, что дѣлаетъ страну его достойной уваженія: ради патріотизма человѣкъ долженъ подчиниться всякому постыдному дѣлу, которое, развращая честныхъ людей, ведетъ къ погибели государство. Бичеръ.

6.

Много злого совершаютъ люди ради себялюбія, еще больше зла совершаютъ они ради семьи; самыя же ужасныя злодѣянія совершаются людьми ради патріотизма, и совершающіе ихъ (дипломатическія хитрости, шпіонства, поборы съ народа и ужасныя смертоубійства, войны) гордятся этими злодѣяніями.

7.

Проповѣдывать въ наше время всемірнаго общенія народовъ исключительную любовь къ своему народу и готовность къ нападенію на другой народъ или къ огражденію себя отъ нападенія, все равно, что проповѣдывать въ наше время среди мирныхъ людей исключительную любовь къ своей деревнѣ и въ каждой деревнѣ собирать войска и строить крѣпости. Любовь къ своему исключительному отечеству, которая прежде соединяла людей одной страны, въ наше время, когда люди уже соединены путями сообщенія, торговлей, промышленностью, наукой, искусствомъ, а главное, нравственнымъ сознаніемъ, теперь не соединяетъ, а разъединяетъ людей.

8.

Любовь къ своему отечеству, такъ же, какъ и любовь къ своей семьѣ, есть естественное свойство, но такъ же, какъ и любовь къ семьѣ, можетъ быть порокомъ, когда преступаетъ тѣ предѣлы, при которыхъ нарушается любовь къ ближнему. Такая любовь никогда не можетъ быть добродѣтелью.

Патріотизмъ до такой степени несвойственъ людямъ нашего времени, что онъ можетъ быть возбужденъ только внушеніемъ.

Это самое и дѣлаютъ правительства и тѣ, которымъ патріотизмъ выгоденъ: они внушаютъ его тѣмъ, которымъ онъ не выгоденъ. Надо быть настороже противъ этого обмана.

10-е декабря.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ и ведущихъ къ самымъ большимъ бѣдствіямъ соблазновъ есть соблазнъ, выражаемый словами: „всѣ такъ“.

1.

Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ. Если же рука твоя или нога твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ихъ и брось отъ себя: лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный; и если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя быть ввержену въ геенну огненную.

Мѳ. XVIII, 7—9.

2.

Развѣ главнымъ препятствіемъ или возраженіемъ, когда дѣло идетъ о предстоящемъ какомъ-нибудь полезномъ дѣлѣ, не служитъ всегда то, что „мы не можемъ отказаться отъ нашего положенія въ свѣтѣ“?

Для большинства людей, пользующихся этой отговоркой, сохранить то положеніе, въ какое они поставлены жизнью или „Провидѣніемъ“, значитъ сохранить всѣ свои экипажи, всѣхъ своихъ лакеевъ, всѣ тѣ обширные дома, которые они имѣютъ возможность оплачивать. Я же думаю, что если Провидѣніе поставило ихъ въ

подобнаго рода положеніе, что довольно сомнительно, то оно же и требуетъ отъ нихъ, чтобы они оставили это положеніе.

Положеніе Левія состояло въ сборѣ податей; Петра—быть рыбаремъ на Галилейскомъ озерѣ; Павла—находиться въ прихожей первосвященника. И всѣ эти положенія они должны были оставить и оставили.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Если не поранена рука человѣка, онъ можетъ коснуться змѣинаго яда, — не опасенъ ядъ здоровой рукѣ; только для того безвредно зло, кто самъ не творитъ злого.

Буддійская мудрость.

4.

И никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленой ткани; ибо вновь пришитое отдеретъ отъ стараго, и дыра будетъ еще хуже.

Не вливаютъ также вина молодого въ мѣхи ветхіе; а иначе прорываются мѣхи, и вино вытекаетъ, и мѣхи пропадаютъ; но вино молодое вливаютъ въ новые мѣхи, и сберегается то и другое.

Мѳ. IX, 16—17.

5.

Человѣкъ находится въ большой опасности, когда онъ связалъ себя такими обязательствами съ грѣхами, что освобожденіе отъ нихъ тяжело ему. Ему стыдно сознаться въ своемъ грѣхѣ, а развязаться съ нимъ значитъ погубить себя въ мнѣніи свѣта. Кто не остановится на первой ступени грѣха, дойдетъ до послѣдней.

Бакстеръ.

6.

Тамъ, гдѣ представляются вещи достойными нашего особаго уваженія, надо оголить ихъ, снять съ нихъ всѣ тѣ слова, которыми ихъ прославляютъ, потому что внѣшній блескъ способенъ извращать разумъ. И именно когда ты вполнѣ увѣренъ, что ты занятъ дѣлами, заслуживающими твоего уваженія, тогда-то ты и хуже всего обманутъ.

Маркъ Аврелій.

7.

Было старцу искушеніе: мучился онъ мыслями о томъ, зачѣмъ попускаетъ Богъ зло въ мірѣ.

И увидалъ онъ сонъ. Видитъ онъ, что спускается ангелъ Божій съ неба и держитъ въ рукѣ свѣтлый вѣнокъ и оглядываетъ, и ищетъ того, на кого бы возложить его. И возгорѣлось сердце старца. И говоритъ онъ ангелу Божію: „Чѣмъ заслужить свѣтлый вѣнокъ? Все сдѣлаю, чтобы получить эту награду“.

И говоритъ ангелъ: „Гляди сюда“. И повернувшись, указалъ ангелъ перстомъ на сѣверную сторону. И оглянулся старецъ и увидалъ великую черную тучу. Туча застилала половину неба и спустилась на землю. И вотъ раздвинулась туча, и стало видно великое полчище черныхъ эѳіоповъ, надвигавшихся на старца; позади же ихъ всѣхъ стоялъ столь великій и страшный одинъ эѳіопъ, что огромными ногами своими онъ стоялъ на землѣ, а косматой головой съ страшными глазами и красными губами онъ упирался въ небо. „Поборись съ ними, побѣди ихъ и на тебя возложу вѣнокъ“.

И ужаснулся старецъ и сказалъ: „Могу и буду бороться со всѣми, но великій эѳіопъ, стоящій ногами на землѣ и упирающійся головой въ небо, не по силамъ человѣку. Не могу бороться съ нимъ“.

„Безумный!—сказалъ ангелъ Божій.—Всѣ мелкіе эѳіопы, съ которыми ты не хочешь бороться изъ-за страха передъ великимъ эѳіопомъ, всѣ эти мелкіе эѳіопы—это людскія страсти, и можно побороть ихъ. Великій же эѳіопъ это все зло міра, то самое, за которое ты упрекалъ Бога, и бояться его не нужно и бороться съ нимъ нѣтъ надобности—онъ весь пустой. Побори страсти, и зло само собой исчезнетъ изъ міра“. Легенда.

8.

Ложный стыдъ есть излюбленное орудіе дьявола. Онъ больше достигаетъ имъ, чѣмъ даже ложной гордостью. Ложной гордостью онъ только поощряетъ зло, а ложнымъ стыдомъ парализуетъ добро. Джонъ Рёскинъ.

Зла нѣтъ въ мірѣ. Все зло въ нашей душѣ и можетъ быть уничтожено.

11-е декабря.

Изъ всѣхъ родовъ труда самый радостный—это трудъ земледѣлія.

1.

Всѣ націи, въ концѣ концовъ, признаютъ истину, давно уже постигнутую тѣми людьми, которые были ихъ умственными руководителями, а именно то, что первая добродѣтель человѣчества состоитъ въ признаніи своего несовершенства и въ подчиненіи законамъ высшаго Существа. „Прахъ ты и въ прахъ возвратишься", есть первая истина, которую мы познаемъ относительно себя, а вторая заключается въ томъ, чтобы воздѣлывать землю, изъ которой мы взяты, что и составляетъ главную нашу обязанность. Въ этой работѣ и тѣхъ отношеніяхъ, которыя она устанавливаетъ между нами и низшими животными, заключаются основныя условія развитія нашихъ высшихъ способностей и нашего величайшаго благополучія. Безъ этой же работы немыслимы для человѣка ни миръ, ни развитіе его ума и искусства.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Кто покупаетъ (зерновой) хлѣбъ на базарѣ, того можно уподобить осиротѣвшему грудному ребенку: многія кормилицы кормятъ его, но ребенокъ все-таки голодаетъ; кто же потребляетъ собственный хлѣбъ, тотъ подобенъ ребенку, вскармливаемому грудью материнскою.

Талмудъ.

3.

Всѣ рабочіе и мастеровые люди возвратятся впослѣдствіи къ земледѣлію, какъ говоритъ св. писаніе.

„И сойдутъ съ кораблей своихъ всѣ владѣющіе весломъ, всѣ плавающіе по морю... къ землѣ пристанутъ (Іезекіиль 26, 27).

Талмудъ.

4.

Воистину самая лучшая пища та, которую вы сами или ваши дѣти заработали.

Магометъ.

5.

„Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой“. Это неизмѣнный законъ физическій. Женщинѣ данъ законъ въ мукахъ родить, мужчинѣ работать. Женщина не можетъ освободиться отъ своего закона. *Если она усыновитъ не ею рожденнаго ребенка, это будетъ все-таки чужой ребенокъ, и она лишится радости материнства.* То же съ трудами мужчинъ. Если мужчина ѣстъ хлѣбъ, выработанный не имъ, онъ лишается всей радости труда. Бондаревъ.

6.

Бо́льшаго уваженія заслуживаетъ живущій отъ трудовъ рукъ своихъ, чѣмъ тотъ, кто кичится одною своею богобоязненностью.

Стыдно человѣку, когда ему совѣтуютъ въ трудолюбіи подражать муравью; вдвойнѣ стыдно, если онъ совѣту этому не слѣдуетъ. Талмудъ.

Земледѣліе не есть одно изъ занятій, свойственныхъ людямъ. Земледѣліе есть единственное занятіе, свойственное всѣмъ людямъ и дающее наибольшую независимость и благо.

12-е декабря.

Доброта побѣждаетъ все, а сама непобѣдима.

1.

Противъ всего можно устоять, но не противъ доброты.

Руссо.

2.

Не осужденіе зла, а возвеличеніе добра является средствомъ установленія гармоніи въ личной и міровой жизни. Дурно настроенный человѣкъ осуждаетъ зло, а это само по себѣ является худшимъ изъ золъ, такъ какъ осужденіе зла только содѣйствуетъ его

росту, тогда какъ пренебреженіе къ нему и забота о благѣ ведутъ къ уничтоженію зла. **Люси Малори.**

3.

Тотъ, кто любитъ обращать свой умъ на изысканіе закона своего долга, близокъ къ наукѣ нравственности.

Тотъ, кто старается исполнить свой долгъ, близокъ къ человѣколюбію, т.-е. къ желанію блага всѣмъ людямъ.

Тотъ, кто краснѣетъ за свою слабость въ исполненіи своего долга, близокъ къ той силѣ душевной, которая нужна для его исполненія. **Китайская мудрость.**

4.

Нравственность не можетъ быть независима отъ религіи, потому что она не только есть послѣдствіе религіи, т.-е. того отношенія, въ которомъ человѣкъ признаетъ себя къ міру, но она включена уже въ это отношеніе.

5.

Если доброе дѣло имѣетъ побудительную причину, оно уже не добро; если оно имѣетъ послѣдствіе—награду, оно тоже не добро. Добро внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій.

6.

Подобно тому, какъ факелы и фейерверки блѣднѣютъ и дѣлаются невидимыми при свѣтѣ солнца, такъ и умъ, даже геній, а равно и красота блекнутъ и затмеваются предъ сердечной добротой.

Шопенгауэръ.

7.

Безпредѣльная нѣжность есть величайшій даръ и достояніе всѣхъ истинно великихъ людей. **Джонъ Рёскинъ.**

8.

Самыя нѣжныя растенія прокладываютъ себѣ путь черезъ самую жесткую землю, черезъ трещины скалъ. Такъ и доброта. Какой клинъ, какой молотъ, какой таранъ можетъ сравниться съ силой добраго, искренняго человѣка? Ничто не можетъ противостоять ему. **Торо.**

9.

Гдѣ есть человѣкъ, тамъ есть и случай сдѣлать ему доброе.

Сенека.

Отвѣтить добрымъ словомъ на злое, оказать услугу за обиду, подставить другую щеку, когда ударили по одной, есть единственное средство укрощенія злобы.

13-е декабря.

Вѣра проявляется дѣлами.

1.

Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ. Но скажетъ кто-нибудь: ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла; покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою изъ дѣлъ моихъ. Ты вѣруешь, что Богъ единъ; хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ. Ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва. Посл. Іакова II, 14—19, 26.

2.

Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою церковь или секту больше христіанства, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить только себя.

Кольриджъ.

3.

Въ сущности, есть только одно средство почитанія Бога—это исполненіе своихъ обязанностей и поведеніе, сообразное съ законами разума.

Лихтенбергъ.

4.

Религіозныя упражненія для славы людской или для внѣшняго вида святости имѣютъ мало цѣны и происходятъ отъ низшихъ требованій души. Покаяніе и самоистязаніе или истязаніе другихъ происходятъ изъ ложныхъ ученій. Покаяніе для тѣла—это цѣломудріе. Покаяніе для рѣчи—это то, чтобы говорить всегда правду и съ добротою. Покаяніе для мысли—это то, чтобы владѣть собою, очищать душу, быть молчаливымъ и расположеннымъ къ добру.

Магабарата.

5.

Поступай днемъ такъ, чтобы ночью твой сонъ былъ спокоенъ, а въ молодости такъ, чтобы старость твоя была спокойна.

Индійская поговорка.

6.

Тотъ, чья вѣра слаба, не можетъ и въ другихъ возбудить вѣры.

Лао-Тсе.

7.

У кого религія на второмъ планѣ, у того ея совсѣмъ нѣтъ. Богъ совмѣстимъ со многимъ въ сердцѣ человѣка, но несовмѣстимо одно, чтобы Онъ былъ въ сердцѣ на второмъ планѣ. Тотъ, кто отводитъ Ему второстепенное мѣсто—не отводитъ никакого.

Джонъ Рёскинъ.

8.

Жизнь человѣка для него самого не имѣетъ и не можетъ имѣть смысла, какъ не можетъ имѣть смысла для работника на заводѣ его работа, если онъ не знаетъ всего устройства завода. Но че-

ловѣкъ не можетъ не допустить, что есть Тотъ, для котораго его жизнь имѣетъ смыслъ. Въ этомъ вѣра. А если вѣришь въ это, то не можешь не дѣлать того, чего хочетъ отъ тебя Тотъ, для котораго твоя жизнь имѣетъ смыслъ.

Не вѣрьте словамъ ни своимъ, ни чужимъ, вѣрьте только дѣламъ и своимъ и чужимъ.

14-е декабря.

Душа человѣческая однородна съ божествомъ.

1.

Человѣкъ пріобщается Богу настолько, насколько Богъ уже живетъ въ немъ и, какъ говоритъ Ангелусъ, мистическій поэтъ 17 вѣка, что тотъ глазъ мой, которымъ я вижу Бога, есть тотъ самый глазъ, которымъ Богъ видитъ меня. Аміель.

2.

Душа человѣка—свѣтильникъ Бога. Талмудъ.

3.

Одинъ разъ рыбы рѣки держали совѣтъ и говорили: „Намъ говорятъ, что жизнь наша зависитъ отъ воды, а мы никогда не видали ея и не знаемъ, что она такое". Тогда болѣе умная изъ нихъ сказала: „Мы слышали, что въ морѣ живетъ очень мудрая и ученая рыба, которая все знаетъ, пойдемъ къ ней и попросимъ, чтобы она показала намъ воду и растолковала намъ, что это та-

кое“. И вотъ часть рыбъ отправилась въ море къ тому мѣсту, гдѣ жила мудрая рыба. Она отвѣчала такъ: „Вы не знаете воды, потому что живете въ ней и живете ею“.

Такъ и люди не знаютъ Бога, тогда какъ—живутъ Имъ и живутъ въ Немъ.

Суфи.

4.

Для того, кто поднимается мыслью на небо, всегда будутъ ясные дни: надъ облаками всегда сіяетъ солнце.

5.

Духъ Божій охватываетъ наши души, проникаетъ въ нихъ. Мы не видимъ Его, потому что Онъ слишкомъ близокъ, слишкомъ глубоко скрытъ въ насъ, чтобы быть поднятымъ нашимъ несовершеннымъ сознаніемъ. И Онъ такъ близокъ намъ не только для того, чтобы мы познавали Его, но чтобы дѣйствовать на насъ, вліять на насъ, сообщать намъ свою божественность. Въ этомъ великій отеческій даръ Бога.

Чаннингъ.

6.

Если ты чего-нибудь желаешь, чего-нибудь боишься, то это значитъ, что ты не вѣруешь въ того Бога любви, который есть въ тебѣ. Если бы ты вѣрилъ въ Него, то ничего не могъ бы желать, потому что всѣ желанія того Бога, который живетъ въ тебѣ, всегда исполняются, а ничего не боялся бы потому, что для Бога ничего не страшно.

7.

Природа души столь глубока, что она не подлежитъ опредѣленію, какими бы путями мы ни пытались узнать ее.

Гераклитъ.

8.

Если сравнивать наши силы съ силами природы,—мы—игрушки судьбы. Но если мы, вмѣсто того, чтобы отожествлять себя съ твореніемъ, почувствуемъ, что душа Творца

проникаетъ насъ, мы обрѣтемъ радостный миръ и успокоеніе въ сердцахъ нашихъ. Эмерсонъ.

Что бы ни постигло тебя, ты не можешь быть несчастливъ, сознавая свое единство съ Богомъ.

15-е декабря.

Истина не есть Богъ, но только благодаря истинѣ познается божественное.

1.

Только заблужденіе нуждается въ искусственной поддержкѣ. Истина можетъ стоять одна.

2.

Всѣ блага—ничто предъ благомъ истины; всѣ сладости—ничто предъ сладостью истины; блаженство истины безмѣрно превосходитъ всѣ радости. Буддійская мудрость.

3.

Правда—начало и конецъ всего существующаго. Если бы не было правды, то не было бы ничего. Поэтому мудрецы смотрятъ на правду, какъ на сокровище.

Правда не только существуетъ сама по себѣ, но и создала всѣ вещи. Она существуетъ сама по себѣ оттого, что она—любовь; она сотворила вещи потому, что она—мудрость, естественная добродѣтель и Тао, объединяющее внѣшнее съ внутреннимъ. Хотя люди оставляютъ правду безъ вниманія, но она никогда не потеряетъ своего значенія. Конфуцій.

4.

Заблужденія держатся лишь нѣкоторое время, истина же, какъ бы мала она ни была, остается вполнѣ тѣмъ, чѣмъ была, и послѣ сотенъ милліоновъ затрудненій, уловокъ, софизмовъ, увертокъ и всякой лжи.

Надо постоянно учиться дѣлать, говорить и думать правду. Только тотъ, кто начнетъ учиться этому, пойметъ, какъ мы далеки отъ правды.

Недѣльное чтенiе.

Гаррисонъ и его „Провозглашенiе“.

Гаррисонъ, какъ человѣкъ просвѣщенный свѣтомъ христiанства, начавъ съ практической цѣли—борьбы съ рабствомъ,—очень скоро понялъ, что причина рабства не случайное, временное завладѣнiе южанами нѣсколькими миллiонами негровъ, но давнишнее и всеобщее, противное христiанскому ученiю, признанiе права насилiя однихъ людей надъ другими. Поводомъ къ признанiю этого права всегда было то зло, которое люди считали возможнымъ искоренить или уменьшить грубой силой, т.-е. зломъ же. И понявъ это, Гаррисонъ выставилъ противъ рабства не страданiя рабовъ, не жестокости владѣльцевъ, не гражданскую равноправность людей, а вѣчный христiанскiй законъ непротивленiя злу насилiемъ. Non resistance. Гаррисонъ понималъ то, чего не понимали самые передовые борцы противъ рабства, что единственнымъ неопровержимымъ доводомъ противъ рабства было отрицанiе права одного человѣка на свободу другого при какихъ бы то ни было условiяхъ. Аболюцiонисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращаетъ людей и т. п., но сторонники рабства столь же основательно доказывали несвоевременность, опасность и вредныя послѣдствiя, могущiя произойти отъ освобожденiя. И ни тѣ, ни другiе не могли убѣдить другъ друга. Гаррисонъ же, понимая, что рабство негровъ было только частнымъ случаемъ всеобщаго насилiя, выставилъ общiй принципъ, съ которымъ нельзя было не согласиться,—тотъ, что ни одинъ человѣкъ ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права властвовать, т.-е. употреблять

насиліе надъ себѣ подобными. Гаррисонъ не столько настаивалъ на правѣ рабовъ быть свободными, сколько отрицалъ право какого бы то ни было человѣка или собранія людей принуждать къ чему-нибудь силою другого человѣка. Для борьбы съ рабствомъ онъ выставилъ принципъ борьбы со всѣмъ зломъ міра.

Выставленный Гаррисономъ принципъ этотъ былъ неопровержимъ, но онъ затрогивалъ, разрушалъ всѣ основы установившагося порядка, и потому люди, дорожащіе своимъ положеніемъ при существующемъ порядкѣ, испугались провозглашенія и тѣмъ болѣе приложенія къ жизни этого принципа, старались замолчать, обойти его, надѣялись достигнуть своей цѣли безъ провозглашенія и приложенія къ жизни принципа непротивленія насилію, разрушающаго, какъ имъ казалось, всякое благоустройство человѣческой жизни. И послѣдствіемъ этого уклоненія отъ признанія незаконности насилія была та братоубійственная война, которая, рѣшивъ вопросъ внѣшнимъ образомъ, внесла новое, едва ли не большее зло, развращеніемъ, сопутствующимъ всякой войнѣ, въ жизнь американскаго народа. Сущность же вопроса осталась неразрѣшенной, и тотъ же вопросъ, только въ новой формѣ, стоитъ теперь передъ народомъ Соединенныхъ Штатовъ. Тогда вопросъ былъ въ томъ, какъ освободить негровъ отъ насилія рабовладѣльцевъ; теперь вопросъ въ томъ, какъ освободить негровъ отъ насилія всѣхъ бѣлыхъ и бѣлыхъ отъ насилія черныхъ.

И разрѣшеніе этого вопроса въ новой формѣ совершится, конечно, не линчеваніемъ негровъ и не какими-либо искусными и либеральными мѣрами американскихъ политиковъ, а только приложеніемъ къ жизни того же принципа, который полвѣка тому назадъ былъ провозглашенъ Гаррисономъ.

Хотятъ или не хотятъ этого люди, только во имя этого принципа могутъ освободиться люди отъ порабощенія и угнетенія другъ друга. Хотятъ или не хотятъ этого люди, принципъ этотъ лежитъ въ основѣ всѣхъ совершившихся и имѣющихъ совершиться истинныхъ усовершенствованій въ жизни людей. Людямъ кажется, что приложеніе принципа непротивленія къ жизни во всей его полнотѣ сразу уничтожаетъ все столь дорого стоившее или, съ такимъ трудомъ установленное, устройство этой жи-

зни, но люди забываютъ, что принципъ непротивленія не есть принципъ насилія, а—согласія и любви, и потому не можетъ быть сдѣланъ обязательнымъ для людей. Принципъ этотъ можетъ только быть свободно принятъ. И въ той мѣрѣ, въ которой онъ свободно принимается людьми и прилагается къ жизни, только въ той мѣрѣ и совершается истинный прогрессъ въ жизни людей.

Гаррисонъ первый провозгласилъ этотъ принципъ, какъ правило для устройства жизни людей и въ этомъ его великая заслуга.

Если онъ тогда и не достигъ мирнаго освобожденія рабовъ въ Америкѣ, онъ указалъ на путь освобожденія всѣхъ людей вообще отъ власти грубой силы.

Л. Толстой.

Провозглашеніе основъ, принятыхъ членами общества, основаннаго для установленія между людьми всеобщаго мира.

Бостонъ, 1838 г.

Мы не признаемъ никакого человѣческаго правительства. Мы признаемъ только одного Царя и Законодателя, только ондого Судью и Правителя надъ человѣчествомъ. Отечествомъ нашимъ признаемъ весь міръ, соотечественниками своими признаемъ все человѣчество. Мы любимъ свою родину столько же, сколько мы любимъ и другія страны. Интересы, права нашихъ согражданъ намъ не дороже интересовъ и правъ всего человѣчества. Поэтому мы не допускаемъ того, чтобы чувство патріотизма могло оправдывать мщеніе за обиду или за вредъ, нанесенный нашему народу.

Проповѣдуемое церквами положеніе о томъ, что всѣ государства на землѣ установлены и одобряемы Богомъ и что всѣ власти, существующія въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Россіи, въ Турціи, соотвѣтствуютъ волѣ Бога, столь же нелѣпо, какъ и кощунственно. Это положеніе представляетъ Творца нашего существомъ пристрастнымъ и устанавливающимъ и поощряющимъ зло. Никто не рѣшится утверждать того, чтобы власти, существующія въ какой бы то ни было странѣ, дѣйствовали по отношенію къ своимъ врагамъ въ духѣ ученія и по примѣру Христа. И потому дѣятельность этихъ властей не можетъ быть пріятна Богу, и потому и власти эти не могли быть установлены Богомъ и должны быть низвергнуты не силою, но духовнымъ возрожденіемъ людей.

Мы признаемъ нехристіанскими и незаконными не только самыя

войны—какъ наступательныя, такъ и оборонительныя,—но и всѣ приготовленія къ войнамъ: устройство всякихъ арсеналовъ, укрѣпленій, военныхъ кораблей; признаемъ нехристіанскимъ и незаконнымъ существованіе всякихъ постоянныхъ армій, всякаго военнаго начальства, всякихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь побѣдъ или павшихъ враговъ, всякихъ трофеевъ, добытыхъ на полѣ сраженія, всякихъ празднованій военныхъ подвиговъ, всякихъ присвоеній, совершенныхъ военной силой; признаемъ нехристіанскимъ и незаконнымъ всякое правительственное постановленіе, требующее военной службы отъ своихъ подданныхъ.

Вслѣдствіе всего этого мы считаемъ для себя невозможнымъ не только службу въ войскахъ, но и занимавіе должностей, обязующихъ насъ принуждать людей поступать хорошо подъ страхомъ тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаемъ себя изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій и отказываемся отъ всякой политики, отъ всякихъ земныхъ почестей и должностей.

Не считая себя въ правѣ занимать мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ, мы точно такъ же не считаемъ себя въ правѣ и избирать на эти мѣста другихъ лицъ. Мы также считаемъ себя не въ правѣ судиться съ людьми, чтобы заставить ихъ возвратить взятое у насъ. Мы считаемъ, что мы обязаны отдать и кафтанъ тому, кто взялъ нашу рубашку, но никакъ не подвергать его насилію (Мѳ. V, 40).

Мы вѣримъ въ то, что уголовный законъ Ветхаго Завѣта: око за око, зубъ за зубъ, отмѣненъ Іисусомъ Христомъ, и что по Новому Завѣту всѣмъ его послѣдователямъ проповѣдуется прощеніе врагамъ вмѣсто мщенія, во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Вымогать же насиліемъ деньги, запирать въ тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощеніе обидъ, а мщеніе.

Исторія человѣчества наполнена доказательствами того, что физическое насиліе не содѣйствуетъ нравственному возрожденію, и что грѣховныя наклонности человѣка могутъ быть подавлены лишь любовью, что зло можетъ быть уничтожено только добромъ, что не должно надѣяться на силу руки, чтобы защищать себя отъ зла, что настоящая безопасность для людей находится въ добро-

тѣ, долготерпѣніи и милосердіи, что лишь кроткіе наслѣдуютъ землю, а поднявшіе мечъ отъ меча погибнутъ.

И поэтому, какъ для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствіе и частное благо людей, такъ для того, чтобы исполнить волю Того, кто есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, мы отъ всей души принимаемъ основное ученіе непротивленія злу зломъ, твердо вѣруя, что это ученіе, отвѣчая всѣмъ возможнымъ случайностямъ и выражая волю Бога, въ концѣ концовъ должно восторжествовать надъ всѣми злыми силами.

Мы не проповѣдуемъ революціоннаго ученія. Духъ революціоннаго ученія есть духъ мести, насилія и убійства. Онъ не боится Бога и не уважаетъ личности человѣка. Мы же желаемъ быть преисполнены духа Христова. Слѣдуя основному нашему правилу непротивленія злу зломъ, мы не можемъ производить заговоровъ, смутъ или насилій. Мы подчиняемся всѣмъ узаконеніямъ и всѣмъ требованіямъ правительства, кромѣ тѣхъ, которыя противны требованіямъ Евангелія. Сопротивленіе наше ограничивается покорнымъ подчиненіемъ наказаніямъ, имѣющимъ быть наложеннымъ на насъ за неповиновеніе. Намѣреваясь безъ сопротивленія переносить всѣ направленныя на насъ нападенія, мы, между тѣмъ, съ своей стороны, намѣрены, не переставая, нападать на зло міра, гдѣ бы оно ни было, вверху или внизу, въ области политической, административной или религіозной, стремясь всѣми возможными для насъ средствами къ осуществленію того, чтобы царства земныя слились въ одно царство Господа нашего Іисуса Христа. Мы считаемъ несомнѣнной истиной то, что все то, что противно евангелію и духу его и потому подлежитъ уничтоженію, должно быть сейчасъ же уничтожаемо. И потому, если мы вѣримъ предсказанію о томъ, что наступитъ время, когда мечи перекуются на орала и копья на серпы, мы сейчасъ же, не откладывая этого на будущее время, должны дѣлать это по мѣрѣ силъ нашихъ.

Наша задача можетъ навлечь на насъ оскорбленія, обиды, страданія и даже смерть. Насъ ожидаетъ непониманіе, ложное толкованіе и клевета. Противъ насъ должна подняться буря. Гордость

и фарисейство, честолюбіе и жестокость, правители и власти, все это можетъ соединиться, чтобы уничтожить насъ. Такимъ образомъ поступали съ Мессіей, которому мы стремимся подражать по мѣрѣ силъ своихъ. Но насъ не пугаютъ эти ужасы. Мы надѣемся не на людей, а на всемогущаго Господа. Если мы отказались отъ человѣческаго заступничества, что же можетъ поддержать насъ, какъ не одна вѣра, побѣждающая міръ? Мы не будемъ удивляться тѣмъ испытаніямъ, которымъ мы подвергаемся, а будемъ радоваться тому, что удостоимся раздѣлить страданія Христа.

Вслѣдствіе всего этого мы предаемъ души свои Богу, вѣруя тому, что сказано, что тотъ, кто оставитъ дома и братьевъ и сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или поля ради Христа, получитъ во сто разъ больше и наслѣдуетъ жизнь вѣчную.

И такъ, твердо вѣруя, несмотря на все, что можетъ вооружиться противъ насъ, въ несомнѣнное торжество во всемъ мірѣ основъ, выраженныхъ въ этомъ „Провозглашеніи“, мы прилагаемъ здѣсь свои подписи, надѣясь на разумъ и совѣсть человѣчества, болѣе же всего на силу Божью, которой и вручаемъ себя.

16-е декабря.

Только увеличенie любви между людьми можетъ измѣнить существующее общественное устройство.

1.

Существа уничтожаютъ другъ друга, но въ то же время существа любятъ и помогаютъ другъ другу. Жизнь поддерживается не страстью разрушенія, а чувствомъ взаимности, которое на языкѣ нашего сердца называется любовью.

Насколько я могу видѣть развитіе жизни міра, я вижу въ немъ проявленіе только этого принципа взаимной помощи. Вся исторія есть ни что иное, какъ все болѣе и болѣе ясное обнаруженіе этого единственнаго принципа взаимнаго согласія всѣхъ существъ.

2.

Любовь опасное слово. Во имя любви къ семьѣ совершаются злые поступки, во имя любви къ отечеству еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству самые страшные ужасы. Что любовь даетъ смыслъ жизни человѣческой—давно извѣстно, но въ чемъ любовь? Этотъ вопросъ, не переставая, рѣшается мудростью человѣчества и рѣшается всегда отрицательнымъ путемъ: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило подъ фирмой любви, не есть любовь.

3.

Любовь дастъ новый видъ этому усталому, старому міру, въ которомъ мы живемъ, какъ язычники и враги другъ друга; она согрѣетъ сердце такъ, что мы увидимъ, какъ легко и скоро тщетная дипломатія государственныхъ людей и безсиліе арміи и флота и линіи крѣпостей будутъ побѣждены безоружнымъ ребенкомъ.

Эмерсонъ.

4.

Сила любви въ приложеніи къ великимъ интересамъ человѣческихъ обществъ стала устарѣвшей и забытой. Разъ или два въ

исторіи она прилагалась и всегда съ великимъ успѣхомъ. Но придетъ время, и любовь станетъ общимъ закономъ жизни людей, и всѣ бѣдствія растаютъ во всеобщемъ свѣтѣ солнца.

Эмерсонъ.

5.

Если можно внушать и внушается уваженіе къ воображаемымъ святынямъ: причастіямъ, мощамъ, книгамъ, то во сколько разъ нужнѣе внушить дѣтямъ и малодумающимъ людямъ уваженіе не къ чему-либо воображаемому, но къ самому дѣйствительному и всѣмъ понятному и радостному чувству любви людей къ людямъ. И придетъ время, то самое время, про которое говорилъ Христосъ, что Онъ томится въ ожиданіи его; придетъ время, когда люди будутъ гордиться не тѣмъ, что они завладѣли силой людьми и ихъ трудами, и радоваться не тому, что они внушаютъ страхъ и зависть людямъ, а гордиться тѣмъ, что они любятъ всѣхъ, и радоваться тому, что, несмотря на всѣ огорченія, причиняемыя имъ людьми, они испытываютъ это чувство, освобождающее ихъ отъ всего дурного.

6.

Среди китайскихъ мудрецовъ былъ одинъ Ми-ти, который предлагалъ правителямъ внушать людямъ не уваженіе къ силѣ, къ богатству, власти, храбрости, а къ любви. Онъ говорилъ: „Воспитываютъ людей такъ, чтобы они цѣнили богатство, славу—и они цѣнятъ ихъ. Воспитывайте ихъ такъ, чтобы они любили любовь—и они будутъ любить любовь“. Мен-дзе, ученикъ Конфуція, не соглашался съ нимъ и опровергалъ его, и ученіе Ми-ти не восторжествовало. Но прошло 2.000 лѣтъ, и это ученіе должно осуществиться у насъ въ христіанскомъ мірѣ послѣ того, какъ будетъ откинуто все то, что заслоняло отъ людей лучи свѣта истиннаго христіанства, проповѣдующаго это самое.

7.

Есть одинъ несомнѣнный признакъ, раздѣляющій поступки людей на добрые и злые: увеличиваетъ поступокъ любовь и единеніе людей—онъ хорошій; производитъ онъ вражду и разъединеніе—онъ дурной.

Время согласія, прощенія и любви, которое должно замѣнить время раздора, войнъ, казней и ненависти, не можетъ не наступить, потому что люди знаютъ уже, и несомнѣнно знаютъ, что ненависть есть губительное зло какъ для души, такъ и для тѣла, какъ для личности, такъ и для общества, а что любовь даетъ и внутреннее и внѣшнее благо, и каждому человѣку, и всѣмъ людямъ. Время это приближается. Отъ насъ зависитъ дѣлать все то, что приблизитъ его, и удерживаться отъ того, что отдаляетъ его.

17-е декабря.

То, что мы сознаемъ себя отдѣленными отъ другихъ и другихъ отъ себя и другъ отъ друга, есть представленіе, вытекающее изъ условій жизни во времени и пространствѣ. Чѣмъ больше мы освобождаемся отъ него, тѣмъ болѣе признаемъ свое единство, и тѣмъ легче и радостнѣе становится наша жизнь.

1.

Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ. Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу?

И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ, то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу?

Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе?

Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны.

Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе.

Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены.

I Коринѳ. XII, 14—17, 21, 22, 26.

2.

Если бы ты и хотѣлъ этого, ты не можешь отдѣлить твою жизнь отъ человѣчества. Ты живешь въ немъ, имъ и для него. Твоя душа не можетъ освободиться изъ тѣхъ условій, въ которыхъ она движется, потому что мы всѣ сотворены для взаимодѣйствія, какъ ноги, руки, глаза.

Дѣйствовать другъ противъ друга противно природѣ. А сердиться другъ на друга и отворачиваться—значитъ поступать противно природѣ.

Маркъ Аврелій.

3.

Всякое неподдѣльное благодѣяніе, всякая вполнѣ и поистинѣ безкорыстная помощь, имѣющая, стало-быть, въ виду исключительно чужую нужду, оказывается, строго говоря, при изслѣдованіи дѣла до послѣднихъ основъ, поступкомъ мистическимъ, практической мистикой, ибо проистекаетъ изъ того самаго познанія, которое составляетъ суть всякой настоящей мистики, и не поддается никакому иному дѣйствительному объясненію. Въ самомъ дѣлѣ, подать хотя бы милостыню, не имѣя въ виду, даже въ отдаленныхъ соображеніяхъ, ничего другого, какъ только уменьшить нужду, давящую другого, — возможно лишь потому, что подающій познаетъ, что то, что является ему сейчасъ подъ видомъ того жалкаго нищаго, есть онъ же самъ, потому что онъ узнаетъ свое собственное существо само по себѣ въ этомъ иномъ, чуждомъ явленіи.

Шопенгауэръ.

4.

Вѣтвь, отрѣзанная отъ своего сука, тѣмъ самымъ отдѣлилась и отъ цѣлаго дерева. Человѣкъ при раздорѣ съ другимъ человѣкомъ отрывается отъ всего человѣчества. Но вѣтвь отсѣкается посторонней рукой, человѣкъ же самъ отчуждаетъ себя отъ ближняго своего ненавистью и злобой, не вѣдая, правда, что онъ тѣмъ самымъ отрываетъ себя отъ всего человѣчества. Но божество, призвавшее людей, какъ братьевъ, къ жизни общей, одарило ихъ свободой послѣ раздора снова примириться между собою.

Маркъ Аврелій.

5.

Сознаніе единства нашего существа со всѣмъ другимъ проявляется въ насъ любовью. Любовь есть расширеніе своей жизни. Чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ обширнѣе, полнѣе и радостнѣе становится жизнь.

6.

Богъ, сотворивши небо и землю, которыя не чувствуютъ счастья своего существованія, захотѣлъ сотворить существа, которыя сознавали бы это счастье и составляли бы тѣло изъ мыслящихъ членовъ. Всѣ люди—члены этого тѣла; для того, чтобы быть счастливыми, они должны сообразовать свою волю со всеобщею волею, управляющей всѣмъ тѣломъ. А между тѣмъ, человѣкъ часто думаетъ, что онъ—все; не видя тѣла, отъ котораго онъ зависитъ, думаетъ, что онъ зависитъ только отъ самого себя, и хочетъ самого себя сдѣлать центромъ и тѣломъ. Но въ этомъ положеніи человѣкъ подобенъ члену, отдѣленному отъ своего тѣла, который, не имѣя въ себѣ начала жизни, только блуждаетъ и удивляется непонятности своего существа. Когда же, наконецъ, человѣкъ доходитъ до пониманія своего назначенія, онъ какъ бы возвращается къ себѣ, сознаетъ, что онъ не все тѣло, а только членъ всеобщаго тѣла, что быть членомъ значитъ имѣть жизнь только черезъ жизнь и для жизни всего тѣла, что членъ, отдѣленный отъ своего тѣла, имѣетъ только умирающую и гибнущую жизнь и что любить себя надо только для этого тѣла или, вѣрнѣе сказать, что надо любить только это всеобщее тѣло, потому что, любя его, любишь себя, такъ какъ жизнь только въ немъ и черезъ него.

Чтобы опредѣлить ту любовь, какую надо имѣть къ себѣ, надо представить себѣ тѣло, составленное изъ мыслящихъ членовъ, потому что мы члены Всего, и рѣшить, какъ долженъ любить себя каждый отдѣльный членъ.

Тѣло любитъ руку, и рука, если бы имѣла волю, должна бы любить себя, какъ ее любитъ тѣло. Всякая любовь больше этой незаконна. Если бы руки и ноги имѣли свою особенную волю, онѣ были бы въ порядкѣ, только если бы подчинялись тѣлу; внѣ этого

онѣ въ безпорядкѣ и бѣдствіи; желая же блага тѣлу, онѣ достигаютъ своего блага.

Члены нашего тѣла не чувствуютъ счастья своего соединенія, своего удивительнаго согласія, не чувствуютъ того, какъ заботилась природа, внушивъ имъ духъ согласія, заставить ихъ расти и существовать. Если же бы они, получивши разумѣніе, воспользовались имъ для того, чтобы удерживать въ себѣ получаемую пищу, не передавая ее другимъ членамъ, они были бы не только несправедливы, но и несчастны, не любили бы другъ друга, а, скорѣе, ненавидѣли бы: такъ какъ ихъ блаженство, такъ же какъ и обязанность,—въ согласіи съ дѣятельностью общей души, къ которой они принадлежатъ и которая любитъ ихъ больше, чѣмъ они сами себя.

Паскаль.

Когда неразрѣшенный вопросъ тебя мучаетъ, то чувствуешь себя больнымъ членомъ какого-то всего здороваго тѣла, — чувствуешь себя больнымъ зубомъ здороваго тѣла, и просишь все тѣло помочь одному члену. Тѣло все—Богъ; членъ—я.

18-е декабря.

Человѣчество не переставая совершенствуется, и совершенствуется не само собой, а тѣми усиліями, которыя дѣлаютъ люди для своего личнаго совершенствованія. Царство Божіе устанавливается усиліемъ.

1.

Иродъ—это человѣкъ власти, самоуправства, человѣкъ особой природы, который другимъ не обязанъ ничѣмъ, но которому всѣ обязаны, царь прошлаго, котораго свергнетъ съ престола царь будущаго. Уже въ первомъ извѣстіи о рожденіи этого царя онъ слышитъ угрозу. Что же онъ дѣлаетъ? Сперва онъ хитритъ и притворяется. За ложью слѣдуетъ убійство. Онъ безъ разбора соверша-

етъ множество убійствъ, онъ убиваетъ дѣтей, еще сосущихъ материнское молоко, ибо онъ страшится ребенка, неизвѣстнаго ребенка. Для того, чтобы его уничтожить навѣрное, у него нѣтъ иного средства. Поэтому, пусть всѣ умираютъ, лишь бы онъ погибъ. Однако онъ не погибаетъ. Царь грядущаго будетъ жить для того, чтобы бороться съ царемъ прошлаго. Это будетъ долгая борьба, она будетъ продолжаться изъ вѣка въ вѣкъ, отъ Ирода къ Ироду, среди страданій плача и крови, среди крови дѣтей и отцовъ, среди плача матерей и страданій всѣхъ. Но эти бѣдствія да не смущаютъ васъ; не падайте духомъ, мужайтесь, боритесь постоянно, неослабно безъ страха и безъ сомнѣнія, ибо написано, что царь грядущаго восторжествуетъ. Ламенэ.

2.

Часто слышишь разсужденія о томъ, что всѣ усилія для измѣненія жизни, искорененія зла и установленія справедливой жизни—безполезны, все это сдѣлается само собой, прогрессъ сдѣлаетъ все. Люди плыли на веслахъ, но гребцы доѣхали и вышли на берегъ, оставшіеся же въ лодкѣ путешественники не берутся за весла, предполагая, что какъ прежде двигалась лодка, она будетъ двигаться и теперь.

3.

Здѣсь, на землѣ, нѣтъ и не должно быть покоя. Жизнь—это цѣль, къ которой можно приблизиться, но которой немыслимо достигнуть, поэтому здѣсь и нѣтъ покоя. Покой безнравствененъ. Я не рѣшаюсь указать, въ чемъ заключается эта цѣль; но какова бы она ни была, она есть или должна быть. Безъ нея жизнь безсмыслица; допустить это—атеистично; мало того, это значило бы признать ее ироніей и обманомъ. Іосифъ Мадзини.

4.

Вся исторія подтверждаетъ тотъ неоспоримый фактъ, что Бога можно постичь не разсужденіями, а повиновеніемъ, что присутствіе вѣчнаго порядка въ мірѣ становится очевидно лишь при исполненіи велѣній Бога и что только этимъ путемъ мы можемъ на землѣ познать Его волю. Джонъ Рёскинъ.

5.

Только мы одни можемъ внести справедливость въ жизнь міра. Космическія силы внѣ насъ не могутъ осуществить наши идеалы. Если человѣчество, какъ совокупность сознательныхъ существъ, не дѣлаетъ этого, никто не сдѣлаетъ. Гижицкій.

6.

Если мы будемъ признавать то, что вещи не могутъ быть иными, чѣмъ онѣ есть, мы содѣйствуемъ мертвой инерціи міра, которая удерживаетъ ихъ въ прежнемъ состояніи.

Если же мы не покоряемся, мы становимся частью тѣхъ силъ, которыя измѣняютъ вещи. Сольтеръ.

7.

Большинство людей живетъ не думая; большинство людей такъ расточаетъ свои силы въ борьбѣ за существованіе, что у нихъ не остается времени, чтобы подумать, они просто принимаютъ то, что есть, за то, что должно бы быть. Вотъ почему бываетъ такъ трудна задача общественнаго реформатора и такъ тяжелъ его путь. Вотъ почему на людей, впервые поднимающихъ свой голосъ на защиту какой-либо великой истины, обрушиваются насмѣшки высшихъ классовъ и проклятія черни, почему ихъ гонятъ и мучаютъ, одѣваютъ во власяницы и украшаютъ терновыми вѣнцами.

Генри Джорджъ.

Какъ ни незамѣтно и ничтожно твое участіе въ общемъ движеніи, оно необходимо, потому что изъ такихъ ничтожныхъ, незамѣтныхъ усилій множества слагается все то движеніе къ благу, которымъ ты пользуешься. И потому не фальшивь, а натягивай постромки, хотя никто и не видитъ и не погоняетъ.

19-е декабря.

Истинное благо всегда въ нашихъ рукахъ. Оно, какъ тѣнь за предметомъ, слѣдуетъ за доброй жизнью.

1.

Все, что можетъ насъ сдѣлать лучше и счастливѣе, Богъ поставилъ прямо передъ нами или близко отъ насъ.

Сенека.

2.

Нѣтъ такого крѣпкаго и здороваго тѣла, которое никогда не болѣло бы; нѣтъ такихъ богатствъ, которыя не пропадали бы; нѣтъ такой высокой власти, подъ которую не подкапывались бы. Все это тлѣнно и скоропреходяще, и человѣкъ, положившій жизнь свою во всемъ этомъ, всегда будетъ безпокоиться, бояться, огорчаться и страдать. Онъ никогда не достигнетъ того, чего желаетъ, а впадетъ въ то самое, чего хочетъ избѣгнуть.

Одна только душа человѣческая безопаснѣе всякой неприступной крѣпости. Почему же мы всячески стараемся ослабить эту нашу единственную твердыню? Почему занимаемся такими вещами, которыя не могутъ доставить намъ душевной радости, а не заботимся о томъ, что одно только и можетъ дать покой нашей душѣ?

Мы все забываемъ, что если совѣсть наша чиста, то никто не можетъ намъ повредить, и что только отъ нашего неразумія и желанія обладать внѣшними пустяками происходятъ всякія ссоры и вражды.

Эпиктетъ.

3.

Тотъ, кто положилъ жизнь свою въ духовномъ совершенствованіи, не можетъ быть недоволенъ, потому что то, чего онъ желаетъ, всегда въ его власти.

Паскаль.

4.

Счастье, истинное счастье, есть сама добродѣтель.

Спиноза.

5.

Дѣятельность людей, не понимающихъ истинной жизни, всегда направлена на борьбу за существованіе, на пріобрѣтеніе наслажденій, на избавленіе себя отъ страданій и на удаленіе отъ себя неизбѣжной смерти.

Но желаніе наслажденій усиливаетъ напряженность борьбы, усиливаетъ чувствительность къ страданіямъ и приближаетъ смерть. Съ цѣлью скрыть отъ себя приближеніе смерти, такіе люди знаютъ только одно средство: все больше увеличивать наслажденія. Но наслажденіямъ есть граница, дальше которой они переходятъ въ страданія и страхъ, все болѣе и болѣе приближающейся смерти.

Для людей, не понимающихъ жизни, главная причина этого страха кроется въ томъ, что они считаютъ наслажденіемъ то, что не можетъ быть равномѣрно распредѣлено между всѣми людьми и должно быть отнимаемо у другихъ, должно быть добыто силой, зломъ, уничтоженіемъ возможности того благоволенія ко всѣмъ, которое и есть корень любви, дающей истинное благо людямъ.

Этотъ родъ наслажденій всегда прямо противоположенъ любви, и чѣмъ напряженнѣе дѣятельность, направленная на достиженіе удовольствій, тѣмъ невозможнѣе становится единственное благо, доступное человѣку, т.-е. любовь.

6.

Внѣшнія препятствія не наносятъ вреда человѣку сильному духомъ, ибо вредъ есть все то, что обезображиваетъ и ослабляетъ,—какъ бываетъ съ животными, которыхъ препятствія озлобляютъ; человѣку же, встрѣчающему ихъ съ тою силою духа, которая ему дана, всякое препятствіе прибавляетъ нравственной красоты и силы.

Маркъ Аврелій.

7.

Все отъ Бога и потому все благо,—зло есть только невидимое нами по близорукости благо.

Паскаль.

8.

Есть два рода счастливаго душевнаго состоянія: 1) спокойствіе духа или довольство (чистая совѣсть); 2) всегда веселое сердце.—

Первое создается подъ условіемъ, что человѣкъ не сознаетъ за собою никакой вины, яснымъ представленіемъ ничтожества земныхъ благъ; второе—даръ природы. Кантъ.

9.

Сдѣлать возможно лучшимъ каждое мгновеніе жизни, изъ какой бы руки судьбы, благопріятной или неблагопріятной, оно намъ ни выпадало на долю, это и есть искусство жизни и истинное преимущество разумнаго существа. Лихтенбергъ.

10.

Благотворя ближнимъ, мы, сами не замѣчая, дѣлаемъ гораздо болѣе для себя, чѣмъ для другихъ.

11.

Дѣлай добро, не разбирая кому. Добро, которое ты сдѣлалъ, не пропадетъ, хотя ты и забылъ про него.

Дѣлать добро есть единственно вѣрное средство быть счастливымъ.

12.

Самыя надежныя и чистыя радости человѣческой жизни достигаются безъ душевныхъ треволненій и вспоминаются безъ угрызеній совѣсти. Джонъ Рёскинъ.

Тотъ, кто, дѣлая добро, чувствуетъ себя несчастнымъ, не вѣритъ въ добро, не вѣритъ въ Бога.

20-е декабря.

Церковное извращеніе христіанства отдалило отъ насъ осуществленіе Царства Божія, но истина христіанства, какъ огонь въ сухомъ деревѣ, прожгла свою оболочку и выбилась наружу. Зна-

ченіе христіанства видно всѣмъ, и вліяніе его уже сильнѣе того обмана, который скрываетъ его.

1.

Нужно высвободить ту религію, которую исповѣдывалъ Іисусъ, отъ той религіи, предметъ которой есть Іисусъ. И когда мы узнаемъ состояніе сознанія, составляющаго основную ячейку и начала вѣчнаго евангелія, надо будетъ держаться его.

Какъ жалкія плошки деревенской иллюминаціи или маленькія свѣчи процессій потухаютъ передъ великимъ чудомъ свѣта солнца, такъ же потухнутъ ничтожныя, мѣстныя, случайныя и сомнительныя чудеса передъ закономъ жизни духа, передъ великимъ зрѣлищемъ человѣческой исторіи, руководимой Богомъ.

Аміель.

2.

Я вижу новую религію, основанную на довѣріи къ человѣку; призывающую къ тѣмъ нетронутымъ глубинамъ, которыя живутъ въ насъ; вѣрующую въ то, что онъ можетъ любить добро безъ мысли о наградѣ; въ то, что божественное начало живетъ въ человѣкѣ.

Сольтеръ.

3.

Ни одно общество не можетъ существовать безъ общей вѣры и общей цѣли; политическая дѣятельность есть приложеніе; религія устанавливаетъ принципъ. Гдѣ нѣтъ этой общей вѣры, тамъ правитъ воля большинства, состоящая въ постоянной перемѣнчивости и въ угнетеніи остальныхъ. Безъ Бога можно принуждать людей, но нельзя убѣдить. Безъ Бога большинство будетъ тираномъ, а не воспитателемъ людей.

4.

То, что намъ нужно, что нужно народу, то, чего требуетъ нашъ вѣкъ для того, чтобы найти выходъ изъ той грязи эгоизма, сомнѣнія и отрицанія, въ которыя онъ погруженъ — это вѣра, въ которой наши души могли бы перестать блуждать въ отыскиваніи личныхъ цѣлей, могли бы всѣ итти вмѣстѣ, признавая одно происхожденіе, одинъ законъ, одну цѣль. Всякая сильная вѣра, ко-

торая возникаетъ на развалинахъ старыхъ изжитыхъ вѣрованій, измѣняетъ существующій общественный порядокъ, такъ какъ каждая сильная вѣра неизбѣжно прилагается ко всякой отрасли человѣческой дѣятельности.

Человѣчество повторяетъ въ разныхъ формулахъ и различныхъ степеняхъ слова молитвы Господней: „да пріидетъ царство Твое на землѣ, какъ и на небѣ.

Мадзини.

5.

Есть люди, которые любятъ только себя, это люди ненависти, потому что любить только себя значитъ ненавидѣть другихъ.

Есть люди гордости, которые не могутъ переносить себѣ равныхъ и всегда хотятъ повелѣвать и властвовать.

Есть люди корысти, которые требуютъ золота, почестей, наслажденій и никогда не бываютъ насыщены.

Есть люди грабители, которые высматриваютъ слабаго, чтобы силою или хитростью обобрать его, и рыскаютъ около дома вдовы и сироты.

Есть люди убійства, которые полны мыслями насилія. Они говорятъ: вы наши братья, и убиваютъ тѣхъ, которыхъ называютъ своими братьями, какъ только подозрѣваютъ ихъ въ противодѣйствіи ихъ замысламъ, и ихъ кровью пишутъ свои законы.

Есть люди страха, которые трепещутъ передъ злымъ и цѣлуютъ его руку, надѣясь этимъ избѣгнуть его угнетенія.

Всѣ эти люди разрушаютъ міръ, безопасность и свободу на землѣ.

Но что бы могли сдѣлать эти угнетатели народовъ, если бы они были предоставлены самимъ себѣ безъ поддержки народа?

Если бы для того, чтобы держать народъ въ рабствѣ, они пользовались только помощью тѣхъ, которымъ выгодно рабство, что бы значило это малое число противъ цѣлыхъ народовъ?

Премудрость Божія такъ устроила міръ, чтобы люди всегда могли противодѣйствовать деспотизму, и деспотизмъ былъ бы невозможенъ, если бы люди понимали премудрость Божію.

Но владыки міра противопоставили премудрости Божіей премудрость князя міра сего—дьявола, и дьяволъ, царь угнетателей на-

родовъ, научилъ ихъ адской хитрости для того, чтобы утвердить ихъ деспотизмъ.

Онъ сказалъ имъ: „Вотъ что надо дѣлать. Возьмите въ каждой семьѣ молодыхъ людей самыхъ сильныхъ, дайте имъ оружіе и научите ихъ дѣйствовать имъ, и они будутъ сражаться противъ своихъ отцовъ и братьевъ, потому что я внушу имъ, что въ этомъ ихъ слава. Я сдѣлаю имъ двухъ идоловъ, которые назовутся честью и вѣрностью, и законъ которыхъ будетъ называться безпрекословнымъ послушаніемъ. И они будутъ обожать этихъ идоловъ и слѣпо подчиняться этому закону, потому что я извращу ихъ умъ, и вамъ нечего будетъ бояться“.

И угнетатели народовъ сдѣлали то, что имъ сказалъ дьяволъ, и дьяволъ сдѣлалъ то, что обѣщалъ угнетателямъ народовъ.

И вотъ люди изъ народа подняли руку противъ своихъ, чтобы избивать своихъ братьевъ и заточать своихъ отцовъ и даже забывать про тѣхъ, которыя носили ихъ подъ сердцемъ. И когда имъ говорили: „Во имя всего святого, подумайте о несправедливости и жестокости того, что вамъ приказываютъ“, они отвѣчали: „Мы не думаемъ, мы повинуемся“.

И когда имъ говорили: „Развѣ у васъ нѣтъ любви къ вашимъ отцамъ, матерямъ, братьямъ?“ Они отвѣчали: „Мы не любимъ, мы повинуемся“.

И когда имъ говорили про Бога и Христа, они говорили: „Наши боги—это вѣрность и честь“.

Истинно говорю вамъ: со времени соблазна первой жены зміемъ не было соблазна болѣе ужаснаго этого.

Но соблазнъ этотъ приходитъ къ концу.

Еще немного и дьяволъ исчезнетъ вмѣстѣ съ угнетателями народовъ.

Ламенэ.

6.

Я вижу передъ собой народъ въ ливреѣ рабства и политическаго безправія, народъ въ лохмотьяхъ, голодный, измученный, подбирающій крохи, которыя оскорбительно бросаются ему съ роскошнаго пира богачей, или же вижу его мечущимся въ порывѣ грознаго мятежа, опьяненнаго звѣрской злобой и дикой радостью, и

вспоминаю при этомъ, что эти озвѣрѣвшія лица носятъ на себѣ отпечатокъ перста Божьяго въ знакъ того, что они имѣютъ общее съ нами назначеніе къ жизни. Затѣмъ я обращаю свои взоры къ будущему, и передо мною рисуется народъ, возстающій во всемъ его величіи, какъ братья по вѣрѣ, соединенные одними общими узами равенства и любви, однимъ общимъ идеаломъ гражданской доблести, все болѣе возрастающей въ красотѣ и могуществѣ, вижу этотъ народъ будущаго, не развращенный роскошью, не озвѣряемый нищетой, проникнутый сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей. И при этомъ видѣніи сердце мое мучительно сжимается за настоящее и радостно трепещетъ за будущее. **Мадзини.**

7.

Нельзя надѣяться увидать пришествіе Царства Божія, но не надо сомнѣваться въ томъ, что оно придетъ. Оно не переставая приходитъ.

Не думай, чтобы церковное христіанство было неполнымъ, односторояннимъ, формальнымъ христіанствомъ, но все-таки христіанствомъ. Не думай такъ: церковное христіанство—врагъ истиннаго христіанства и стоитъ теперь по отношенію къ истинному христіанству какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. Оно должно уничтожить само себя, или совершать новыя и новыя преступленія.

21-е декабря.

На высшей точкѣ своего сознанія человѣкъ одинокъ. Одиночество это бываетъ тяжело. Неразумные люди спасаются отъ тяжести сознанія этого одиночества разсѣяніями и тотчасъ же спускаются съ этой высшей точки на низшую; разумные люди удерживаютъ себя на этой высотѣ молитвою.

1.

Отношеніе къ Богу, то, котораго Онъ хочетъ отъ насъ, это постоянное исполненіе въ жизни Его воли. Но интересы жизни, наши страсти постоянно, всякую минуту отвлекаютъ насъ отъ этого. И вотъ, сознавъ это, мы прибѣгаемъ къ внѣшнему, словесному выраженію своего отношенія къ Богу, къ молитвѣ, стараясь вызвать въ себѣ живое сознаніе своей зависимости отъ Бога. Такая молитва напоминаетъ намъ наши грѣхи, наши обязанности и спасаетъ отъ соблазновъ, если мы въ минуты соблазновъ успѣваемъ вызвать въ себѣ молитвенное настроеніе.

2.

Личность есть ограниченіе, и потому Богъ, какъ бы Его ни понимали, не есть личность. Молитва же есть обращеніе къ Богу.

Какъ же обращаться къ безличному?

Астрономы знаютъ, что движутся въ ихъ полѣ зрѣнія не звѣзды небеснаго свода, но земля, на которой они стоятъ съ своей обсерваторіей и трубой, а между тѣмъ записываютъ не движеніе земли, а движеніе звѣздъ. Нельзя иначе. Точно то же и въ молитвѣ. Богъ не личность. Но я личность, и потому я иначе не могу выразить свое отношеніе къ Богу, какъ къ Богу личному, хотя и знаю, что Онъ не можетъ быть личностью.

3.

Человѣкъ, безнадежно заваленный въ шахтѣ, замерзающій въ льдахъ, съ голоду умирающій въ морѣ, или въ одиночномъ заключеніи, или просто умирающій, оглохшій и ослѣпшій, чѣмъ сталъ бы жить остатокъ своей жизни такой человѣкъ, если бы не было молитвы?

4.

Какъ хорошо бываетъ человѣку, когда онъ истомится въ напрасныхъ поискахъ за благомъ въ мірской жизни и протянетъ, усталый, свои руки къ Богу. Паскаль.

Можно жить безъ молитвы только тогда, когда или страсти вполнѣ завладѣваютъ человѣкомъ, или когда вся жизнь его есть служеніе Богу. Но для человѣка, борющагося со страстями и еще далекаго отъ исполненія того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, молитва есть необходимое условіе жизни.

22-е декабря.

Ничто не препятствуетъ столько улучшенію общественнаго устройства, какъ предположеніе о томъ, что такое улучшеніе можетъ быть достигнуто измѣненіемъ внѣшнихъ формъ. Ложное предположеніе это направляетъ дѣятельность людей на то, что не можетъ содѣйствовать, и отвлекаетъ отъ того, что можетъ содѣйствовать улучшенію жизни людей.

1.

Общественная жизнь опирается на сознаніе, а не на науку. Цивилизація—прежде всего дѣло нравственное. Если нѣтъ честности, нѣтъ уваженія къ праву, нѣтъ уваженія къ обязанностямъ, нѣтъ любви къ ближнему,—словомъ, если нѣтъ добродѣтели, все находится въ опасности, все рушится: и ни науки, ни искусства, ни роскошь, ни промышленность, ни риторика, ни полиція, ни таможня не въ состояніи задержать висящее на воздухѣ зданіе, не имѣющее основанія. Государство, основанное только на расчетѣ и скрѣпленное страхомъ, представляетъ сооруженіе и гадкое и непрочное. Средняя нравственность массъ и достаточное проявленіе добродѣтели есть фундаментъ всякой цивилизаціи; краеугольнымъ камнемъ его служитъ долгъ. Тѣ, которые въ тиши исполняютъ его, подавая этимъ добрый примѣръ, являются такимъ образомъ спасеніемъ и поддержкой того блестящаго свѣта, который и не знаетъ о нихъ. Девять праведниковъ могли спасти Содомъ, но нужны тысячи и тысячи добрыхъ людей, чтобы спасти народъ отъ развращенія и погибели.

Аміель.

2.

Истинное направленіе мысли состоитъ не въ томъ, чтобы установить новые законы для свѣтской или духовной власти, а въ томъ, чтобы признать личность человѣка и скрытую въ ней власть. Такое направленіе мысли будетъ содѣйствовать прогрессу человѣчества несравненно болѣе, чѣмъ всѣ несчастныя попытки слѣпыхъ предводительствовать слѣпыми, при которыхъ всѣ они падаютъ въ яму догматовъ, авторитетовъ и нравственныхъ системъ.

Іатсъ.

3.

Вопросъ состоитъ совсѣмъ не въ томъ, что изъ двухъ выбирать: христіанство или соціализмъ?

Нельзя даже и сравнивать эти два ученія между собою,—настолько они различны по существу.

Христіанство учитъ о вѣчномъ смыслѣ всего міроздания, о божественности и потому о неуничтожаемости нашей духовной сущности, о назначеніи человѣка и о вытекающемъ уже отсюда правильномъ способѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ его.

Соціализмъ же есть сравнительно съ христіанствомъ небольшой второстепенный вопросъ о матеріальныхъ нуждахъ рабочаго класса, стоящій внѣ связи съ главнымъ вопросомъ о смыслѣ человѣческой жизни.

Можно задаваться вопросами о совмѣстимости христіанства съ соціализмомъ, т.-е. о томъ, могу ли я, будучи христіаниномъ, интересоваться или заниматься соціалистическими теоріями, — ибо можетъ выйти такъ, что нынче я, какъ христіанинъ, могу быть и соціалистомъ, а завтра уже не въ состояніи буду имъ быть. Но нельзя задаваться вопросомъ о томъ, что изъ двухъ выбирать: христіанство или соціализмъ?

Өедоръ Страховъ.

4.

Анархисты правы во всемъ: и въ отрицаніи существующаго и въ утвержденіи того, что при существующихъ нравахъ ничего не можетъ быть хуже насилія власти; но они грубо ошибаются, думая, что анархію можно установить революціей. Анархія установится, но

установится только тѣмъ, что все больше и больше будетъ людей, которымъ будетъ не нужна защита правительственной власти, и все больше и больше людей, которые будутъ стыдиться прилагать эту власть.

5.

Я думаю, что мы прежде всего должны быть людьми, а уже потомъ подданными. Нежелательно воспитывать въ себѣ уваженіе къ закону такое же, какъ къ добру. Законъ никогда не дѣлалъ людей болѣе справедливыми, а напротивъ, вслѣдствіе уваженія къ закону хорошіе люди дѣлаются исполнителями несправедливости.

Торо.

6.

Мы, люди, должны понимать, что всѣ мы—дѣти одного Отца, призванные выполнять здѣсь, на землѣ, одинъ общій законъ; что каждый изъ насъ долженъ жить не для себя, а для другихъ; что цѣль жизни не въ томъ, чтобы быть болѣе или менѣе счастливымъ, а чтобы самому становиться и другимъ помогать быть болѣе добродѣтельными; что бороться противъ несправедливости и заблужденія всюду, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали, есть не только наше право, но и наша обязанность,—обязанность всей нашей жизни, пренебрегать или нарушать которую мы не можемъ, не впадая въ тяжелый грѣхъ.

Іосифъ Мадзини.

7.

Анархія не значитъ отсутствіе учрежденій, а только отсутствіе такихъ учрежденій, которымъ заставляютъ людей подчиняться насильно. Казалось, иначе бы не могло и не должно бы быть устроено общество существъ, одаренныхъ разумомъ.

8.

Соціальная задача не знаетъ границъ.

Викторъ Гюго.

Признавая ложные и насильническіе законы и подчиняясь имъ, нельзя не только установить правду, но и уменьшить неправду.

Недѣльное чтеніе.

Поврежденный.

...Когда я пришелъ въ гостиницу, на дворѣ уже было очень жарко, я сѣлъ на балконѣ. Передъ глазами тянулась длинной ниткой обожженная солнцемъ дорога; она шла у самаго моря, по узенькой нарѣзкѣ, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли боченки вина, осторожно переступая съ ноги на ногу; медленное шествіе ихъ нарушилось дорожной каретой, почтальонъ хлопалъ бичомъ и кричалъ, мулы жались къ скалистой стѣнѣ, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась подъ балкономъ, на которомъ я сидѣлъ. Почтальонъ соскочилъ съ лошади и сталъ откладывать; толстый трактирщикъ въ фуражкѣ національной гвардіи отворилъ дверцы и два раза привѣтствовалъ княжескимъ титуломъ сидѣвшихъ въ каретѣ, прежде нежели слуга, спавшій на козлахъ, пришелъ въ себя и, потягиваясь, сошелъ на землю.

„Такъ спятъ на козлахъ и такъ аппетитно тянутся только русскіе слуги", подумалъ я и пристально посмотрѣлъ на его лицо; русые усы, сдѣлавшіеся свѣтло-бурыми отъ пыли, широкій носъ, бакенбарды, пущенные прямо въ усы на половинѣ лица, и особый національный характеръ всѣхъ его пріемовъ убѣдили меня окончательно, что почтенный незнакомецъ былъ родомъ изъ какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Какъ ни философствуй и ни клевещи на себя, но есть что-то шевелящееся въ сердцѣ, когда вдругъ неожиданно встрѣчаешь въ дальней дали

своихъ соотечсственниковъ. Между тѣмъ изъ кареты выскочилъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ сытымъ, здоровымъ и веселымъ видомъ, который даетъ беззаботность, славное пищевареніе и не излишне развитые нервы. Онъ посадилъ на носъ верховые очки, висѣвшіе на шнуркѣ, посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво и съ дѣтскимъ простодушіемъ закричалъ спутнику въ каретѣ:

— Чудо какое мѣсто, ей-Богу, прелесть! Вотъ Италія, такъ Италія, небо-то, небо синее, яхонтъ! Отсюда начинается Италія!

— Вы это шестой разъ говорите съ Авиньона, — замѣтилъ его товарищъ усталымъ и нервнымъ голосомъ, медленно выходя изъ кареты.

Это былъ худощавый, высокій человѣкъ, гораздо постарше перваго; онъ почти весь былъ одного цвѣта, на немъ было свѣтлозеленое пальто, фуражка изъ небѣленаго батиста, подъ цвѣтъ бѣлокурымъ волосамъ, покрытымъ пылью, слабые глаза его оттѣнялись свѣтлыми рѣсницами, и, наконецъ, лицо завялое и болѣзненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели блѣдное.

Печальная фигура посмотрѣла молча въ ту сторону, въ которую показывалъ его товарищъ, не выражая ни удивленія, ни удовольствія.

— Вѣдь это все оливы, все оливы! — продолжалъ молодой человѣкъ.

— Оливковая зелень прескучная и преоднообразная,—возразилъ свѣтло-зеленый товарищъ,—наши березовыя рощи красивѣе.

Молодой человѣкъ покачалъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать: неисправимъ, хоть брось! и взглянулъ наверхъ. Лицо его показалось мнѣ знакомо, но сколько я ни старался, я не могъ припомнить, гдѣ я его видѣлъ. Русскихъ вообще трудно узнавать въ чужихъ краяхъ: они въ Россіи ходятъ по-нѣмецки безъ бороды, а въ Европѣ по-русски—отращивая съ невѣроятной скоростью бороду.

Мнѣ не пришлось долго ломать головы. Молодой человѣкъ, съ тѣмъ добродушіемъ и съ той беззаботной сытостью въ выраженіи, съ которыми радовался оливамъ, бѣжалъ ко мнѣ и кричалъ по-русски:

— Вотъ не думалъ, не гадалъ — истинно, говорятъ: гора съ

горой не сходится. Да вы меня, кажется, не узнаете? Старыхъ знакомыхъ забывать стали?

— Теперь-то очень узнаю; вы ужасно перемѣнились, и борода, и растолстѣли, и похорошѣли, такіе стали кровь съ молокомъ.

— In corpore sano, mens sana,—отвѣчалъ онъ, отъ души смѣясь и показывая рядъ зубовъ, которымъ бы позавидовалъ волкъ.— И вы перемѣнились, постарѣли—а что? жизнь-то кладетъ свои нарѣзки? Впрочемъ, мы четыре года не видались; много воды утекло съ тѣхъ поръ.

— Не мало. Какъ вы сюда попали?

— Ѣду съ больнымъ...

Это былъ лѣкарь московскаго университета, исправлявшій нѣкогда должность прозектора; лѣтъ пять передъ тѣмъ я занимался анатоміей и тогда познакомился съ нимъ. Онъ былъ добрый, услужливый малый, необыкновенно прилежный, усердно занимавшійся наукою à livre ouvert, т.-е. никогда не ломая себѣ головы ни надъ однимъ вопросомъ, который не былъ разрѣшенъ другими, но отлично знавшій всѣ разрѣшенные вопросы.

— А! такъ этотъ зеленый товарищъ вашъ больной. Куда же вы его дѣли?

— Это такой экземпляръ, что и въ Италіи у васъ не скоро сыщешь. Вотъ чудакъ-то! Машина была хороша, да немного повредилась (при этомъ онъ пальцемъ показалъ на лобъ), я и чиню ее теперь. Онъ шелъ сюда, да чортъ меня дернулъ сказать, что я васъ знаю, онъ перепугался—ипохондрія, доходящая до маніи. Иногда онъ цѣлые дни молчитъ, а иногда говоритъ, говоритъ такія вещи,—ну, просто волосъ дыбомъ становится: все отвергаетъ, все; оно ужъ этакъ черезъ край; я самъ, знаете, не очень бабьимъ сказкамъ вѣрю, однако все же есть что-то. Впрочемъ, онъ претихій и предобрый. Ему ѣхать за границу вовсе не хотѣлось. Родные уговорили, знаете, съ рукъ долой, ну, да и языка-то его побаивались—лакеи, дворники — все на откупу у полиціи,—поди тамъ оправдывайся. Ему хотѣлось въ деревню, а имѣнье у него съ сестрой не дѣленое; та и перепугалась — коммунизмъ будетъ мужикамъ проповѣдывать, тутъ и собирай недоимку. Наконецъ онъ согласился ѣхать, только непремѣнно въ южную Италію,—

Magna Grecia! Отправляется въ Калабрію и вашъ покорный слуга съ нимъ въ качествѣ лейбъ-медика. Помилуйте, что за мѣсто, тамъ кромѣ бандитовъ да поповъ человѣка не найдешь. Я вотъ проѣздомъ въ Марсели купилъ себѣ пистолетъ-револьверъ,—знаете, четыре ствола такъ повертываются?

— Знаю. Однакоже должность ваша не изъ самыхъ веселыхъ, быть безпрестанно съ сумасшедшимъ.

— Вѣдь онъ не въ самомъ дѣлѣ на стѣну влѣзаетъ или кусается. Онъ меня даже любитъ по-своему, хотя и не даетъ слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочемъ, совершенно доволенъ; получаю 1.000 серебромъ въ годъ на всемъ готовомъ, даже сигарокъ не покупаю. Онъ очень деликатенъ, что до этого касается. Чего-нибудь стоитъ и то, что на свѣтъ посмотришь. Да, послушайте, надобно вамъ показать моего чудака, я притащу моего паціента, ну, что вамъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ часъ разъѣдетесь, онъ предобрѣйшій человѣкъ и былъ бы преумный...

— Если бы не сошелъ съ ума.

— Это несчастье... вамъ, ей-Богу, все равно, а ему разсѣяніе—и нужно, и полезно.

— Вы уже меня начинаете употреблять съ фармацевтическими цѣлями,—замѣтилъ я, но лѣкарь уже летѣлъ по коридору.

Я не подчинился бы его желанію и его русской распорядительностью чужой волей, но меня интересовалъ свѣтло-зеленый коммунистъ-помѣщикъ, и я остался его ждать. Онъ взошелъ робко и застѣнчиво, кланялся мнѣ какъ-то больше, нежели нужно, и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное и неуловимое колебаніе его чертамъ, которыя безпрерывно мѣнялись и переходили изъ грустнопечальнаго въ насмѣшливое, а иногда даже въ простоватое выраженіе. Въ его глазахъ, по большей части никуда не смотрѣвшихъ, была замѣтна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которыя всѣ были сдвинуты надъ бровями. Не даромъ и не въ одинъ годъ мозгъ выдавилъ черезъ костяную оболочку свою такой лобъ и съ такими морщинами, не даромъ и мускулы лица сдѣлались такими подвижными.

— Евгеній Николаевичъ, — говорилъ ему лѣкарь, — позвольте

васъ познакомить,—представьте, какой странный случай, вотъ гдѣ встрѣтился—старый пріятель, съ которымъ вмѣстѣ кошекъ и собакъ рѣзали.

Евгеній Николаевичъ улыбался и бормоталъ:

— Очень радъ—случай... такъ неожиданно... вы извините.

— А помните,—продолжалъ лѣкарь,—какъ мы собаченкѣ сторожа Сычева перерѣзали пневмогастрическій нервъ—закашляла голубушка.

Евгеній Николаевичъ сдѣлалъ гримасу, посмотрѣлъ въ окно и, откашлянувъ раза два, спросилъ меня:

— Вы давно изволили оставить Россію?

— Пятый годъ.

— И ничего, привыкаете къ здѣшней жизни?—спросилъ Евгеній Николаевичъ и покраснѣлъ.

— Ничего.

— Да-съ, но очень непріятная, скучная жизнь за границей.

— И въ границахъ,—прибавилъ развязный лѣкарь.

Вдругъ, чего я никакъ не ожидалъ, мой Евгеній Николаевичъ покатился со смѣху и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій успѣлъ настолько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосомъ:

— Вотъ Филиппъ Даниловичъ все со мной споритъ. Ха-ха-ха! Я говорю, что земной шаръ или неудавшаяся планета или больная, а онъ говоритъ, что это пустяки. Какъ же послѣ этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно?—и онъ опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью.

Лѣкарь лукаво подмигнулъ мнѣ съ такимъ видомъ превосходства, что мнѣ стало его ужасно жаль.

— Отчего же не быть больнымъ планетамъ,—спросилъ пресерьезно Евгеній Николаевичъ,—если есть больные люди?

— Оттого,—отвѣчалъ лѣкарь за меня,—что планета не чувствуетъ; гдѣ нѣтъ нервовъ, тамъ нѣтъ и боли.

— А мы съ вами что? Да для болѣзни нервовъ и не нужно,—бываетъ же виноградъ боленъ и картофель? Я того и смотрю, что земной шаръ или лопнетъ или сорвется съ орбиты, полетитъ. Какъ это будетъ странно—и Калабрія, и Николай Павловичъ съ

зимнимъ дворцомъ, и мы съ вами, Филиппъ Даниловичъ, все полетитъ, и вашего пистолета не нужно будетъ.

Онъ снова расхохотался и въ ту же минуту продолжалъ со страстной настойчивостью, обращаясь ко мнѣ:

— Такъ жить нельзя. Вѣдь это очевидно надобно, чтобы что-нибудь да сдѣлалось; лучше планетѣ сызнова начать; настоящее развитіе очень неудачно, есть какой-то фаутъ. При составѣ это ли, или когда мѣсяцъ отдѣлялся, что-то не сладилось, все идетъ съ тѣхъ поръ не такъ, какъ слѣдуетъ. Сначала болѣзни были острыя: каковъ былъ жаръ внутренній во время геологическихъ переворотовъ! Жизнь взяла верхъ, но болѣзнь оставила слѣды. Равновѣсіе потеряно, планета мечется изъ стороны въ сторону. Сначала ударилась въ количественную нелѣпость: ну, пошли ящерицы съ домъ величины, папоротники такіе, что однимъ листомъ экзерциргаусъ покрыть можно,—ну, разумѣется, все это перемерло. Какъ же такимъ нелѣпостямъ жить? Теперь въ качественную сторону пошло—еще хуже—мозгъ, нервы развивались, развивались до того, что умъ за разумъ зашелъ. Исторія сгубитъ человѣка, вы, что хотите говорите, а видите—сгубитъ!

Послѣ этой выходки Евгеній Николаевичъ замолчалъ.

Подали завтракъ, онъ очень мало ѣлъ, очень мало пилъ и во все время ничего не говорилъ, кромѣ „да“ и „нѣтъ“. Передъ концомъ завтрака онъ спросилъ бордо, налилъ рюмку, отвѣдалъ и поставилъ ее съ отвращеніемъ.

— Что,—спросилъ лѣкарь,—видно, скверное?

— Скверное,—отвѣчалъ паціентъ, и лѣкарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбію людей, ихъ эгоизму, упрекалъ въ томъ, что трактирщики берутъ 35 процентовъ и все-таки обманываютъ.

Евгеній Николаевичъ равнодушно замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, за что сердится лѣкарь, что онъ съ своей стороны не видитъ, отъ чего трактирщику не брать 65 процентовъ, если онъ можетъ, и что онъ очень умно дѣлаетъ, продавая скверное вино, пока его покупаютъ. Этимъ нравственнымъ замѣчаніемъ кончился нашъ завтракъ.

Поврежденный съ самаго перваго разговора удивилъ меня независимою отвагой своего больного ума. Онъ былъ явнымъ образомъ „надломленъ“, и хотя лѣкарь увѣрялъ меня, что онъ во всю жизнь не имѣлъ ни большого несчастія, ни большихъ потрясеній, я плохо вѣрилъ въ психологію моего добраго прозектора.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Генуя и остановились въ одномъ изъ дворцовъ, разжалованномъ въ нашъ мѣщанскій вѣкъ въ отель. Евгеній Николаевичъ не показывалъ ни особеннаго интереса къ моимъ бесѣдамъ, ни особеннаго отвращенія отъ нихъ. Съ докторомъ онъ безпрестанно спорилъ.

Когда темныя минуты ипохондріи подавляли его, онъ удалялся, запирался въ комнатѣ, рѣдко выходилъ, былъ желто-блѣденъ, дрожалъ какъ въ ознобѣ, а иногда, казалось, глаза его были заплаканы. Лѣкарь побаивался за его жизнь, бралъ глупыя предосторожности, удалялъ бритвы и пистолеты, мучилъ больного разводящими и ослабляющими нервы лѣкарствами, сажалъ его въ теплую ванну съ ароматической травой. Тотъ слушался съ желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, какъ избалованное дитя.

Въ свѣтлыя минуты онъ былъ тихъ, мало говорилъ, но вдругъ рѣчь его неслась какъ изъ прорвавшейся плотины, прерываемая спазматическимъ смѣхомъ и нервнымъ сжатіемъ горла, и потомъ, скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушавшаго въ тоскливомъ раздумьи. Его странныя парадоксальныя выходки казались ему легкими, какъ таблица умноженія. Взглядъ его дѣйствительно былъ вѣренъ и послѣдователенъ тѣмъ произвольнымъ началамъ, которыя онъ бралъ за основу.

Онъ много зналъ, но авторитеты на него не имѣли ни малѣйшаго вліянія, — это всего болѣе оскорбляло хорошо учившагося лѣкаря, который ссылался, какъ на окончательный судъ, на Кювье или на Гумбольдта.

— Да отчего мнѣ,—возражалъ Евгеній Николаевичъ:—такъ думать, какъ Гумбольдтъ. Онъ умный человѣкъ, много ѣздилъ, интересно знать, что онъ видѣлъ и что онъ думаетъ, но меня-то это не обязываетъ думать, какъ онъ. Гумбольдтъ носитъ синій фракъ, что же и мнѣ носить синій фракъ? Вотъ, небось, Моисею такъ вы не вѣрите.

— Знаете ли,—говорилъ глубоко уязвленный докторъ, обращая рѣчь ко мнѣ,—что Евгеній Николаевичъ не видитъ разницы между религіей и наукой—что скажете?

— Разницы нѣтъ,—прибавилъ тотъ утвердительно,—развѣ то, что они одно и то же говорятъ на двухъ нарѣчіяхъ.

— Да еще то, что одна основана на чудесахъ, а другая на умѣ, одна требуетъ вѣры, а другая знанія.

— Ну, чудеса-то тамъ и тутъ, все равно, только что религія идетъ отъ нихъ, а наука къ нимъ приходитъ. Религія такъ ужъ откровенно и говоритъ, что умомъ не поймешь, а есть, говоритъ, другой умъ поумнѣе, тотъ, молъ, сказывалъ вотъ такъ и такъ. А наука обманываетъ, воображая, что понимаетъ *какъ*... а, въ сущности, и та и другая доказываютъ одно, что человѣкъ неспособенъ знать всего, а такъ кое-что таки понимаетъ; въ этомъ сознаться не хочется, ну, по слабости человѣческой люди и вѣрятъ, одни Моисею, другіе Кювье. Какая повѣрка тутъ? Одинъ разсказываетъ, какъ Богъ создавалъ звѣрей и траву, а другой — какъ ихъ создавала жизненная сила. Противоположность не между знаніемъ и откровеніемъ въ самомъ дѣлѣ, а между сомнѣніемъ и принятіемъ на вѣру.

— Да на что же мнѣ принимать на вѣру какія-нибудь патологическія истины, когда я ихъ умомъ вывожу изъ законовъ организма?

— Конечно, было бы не нужно, да вѣдь ни вы, и никто другой не знаетъ этихъ законовъ, ну такъ оно и приходится вѣрить да помнить.

— Вы такъ разсуждаете,—сказалъ я ему шутя и взявъ его за обѣ руки, — что я нисколько не удивлюсь, если послѣ вашего возвращенія Николай Павловичъ сдѣлаетъ васъ министромъ народнаго просвѣщенія.

— Не обвиняйте меня, пожалуйста, не обвиняйте,— возразилъ онъ съ чувствомъ, — и не шутите надъ моими мыслями. Я самъ шутилъ надъ Руссо и знаю, какъ Вольтеръ ему писалъ, что учиться ходить на четверенькахъ поздно. Трудомъ тяжелымъ и мученическимъ дошелъ я до того, что понялъ, откуда все зло, понялъ и самъ оробѣлъ. Я никому не говорилъ, молчалъ, но когда

страданія и плачъ людей становились громче и громче, зло очевиднѣе и очевиднѣе, тогда я пересталъ прятать истину. Мы погибшіе люди, мы жертвы вѣковыхъ отклоненій и платимъ за грѣхи нашихъ праотцевъ. Гдѣ насъ лѣчить! Будущія-то поколѣнія, можетъ, опомнятся.

— И такъ, à la fin des fins, выздоровленіе человѣка начнется тогда, когда вмѣсто прогресса люди пойдутъ вспять, съ цѣлью зачислиться со временемъ въ орангъ-утанги,—сказалъ лѣкарь, закуривая свѣжую сигару.

— Приблизиться къ животнымъ не мѣшаетъ послѣ неудачныхъ опытовъ сдѣлаться ангелами. Всѣ звѣри разсчитаны по средѣ, въ которой жить должны, перестановки почти всегда гибельны. Рѣчная вода для насъ пріятнѣе и чище морской, а пустите въ нее какого-нибудь морского молюска—онъ умретъ. Человѣкъ вовсе не такъ богато одаренъ природой, какъ воображаетъ; болѣзненное развитіе его нервовъ и мозга увлекаетъ его въ жизнь, ему несвойственную, высшую, въ ней онъ гибнетъ, чахнетъ, мучится! Гдѣ люди переломили эту болѣзнь, тамъ они успокоились, тамъ они довольны и были бы счастливы, если бы ихъ оставляли въ покоѣ. Посмотрите на эти ряды поколѣній гдѣ-нибудь въ Индіи, природа имъ дала все съ избыткомъ. Язва государственной и политической жизни прошла, болѣзненное преобладаніе ума надъ другими отправленіями организма утихло. Всемірная исторія ихъ забыла, и они жили такъ, какъ людямъ хорошо живется, такъ, какъ людямъ возможно жить, до проклятой Остъ-Индской кампаніи, которая все перепортила.

— Впрочемъ,—замѣтилъ лѣкарь,—толпа почти такъ и у насъ живетъ.

— Это было бы важнѣйшее доказательство въ мою пользу. То, что вы называете толпой, это-то и есть человѣческій родъ. Но толпѣ не даютъ жить такъ, какъ она хочетъ,—вотъ бѣда въ чемъ. Просвѣщеніе страшно дорого стоитъ. Правительство, религія, солдаты морятъ съ голоду низшіе слои. Да чтобы окончательно ихъ сгубить, развѣшиваютъ передъ ихъ глазами свои богатства, они развиваютъ въ нихъ неестественные вкусы, ненужныя потребности и отнимаютъ средства удовлетворенія даже необходимыхъ. Какое пе-

чальное, раздирающее душу положеніе! Снизу кишитъ задавленное работой, изнуренное голодомъ населеніе, сверху вянетъ и выбивается изъ силъ другое населеніе, задавленное мыслью, изнуренное стремленіями, на которыя такъ же мало отвѣта, какъ мало хлѣба на голодъ бѣдныхъ. А между этими двумя болѣзнями, двумя страданіями, между лихорадкой отъ дурной жизни и чахоткой отъ сумасшедшихъ нервовъ, между ними лучшій цвѣтъ цивилизаціи, ея балованныя дѣти, единственные люди, кой-какъ наслаждающіеся. Кто же они? Наши помѣщики средней руки и здѣшніе лавочники. Но природа себя въ обиду не даетъ... Она клеймитъ за измѣну не хуже всякаго палача,—продолжалъ онъ, ходя по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ зеркаломъ:—Ну, посмотрите на эту рожу—ха-ха-ха! вѣдь это ужасно, сравните любого крестьянина нашего со мной, новая varietas, которую Блуменбахъ проглядѣлъ, „кавказско-городская“, къ ней принадлежатъ чиновники и лавочники, ученые, дворяне и всѣ эти альбиносы и кретины, которые населяютъ образованный міръ, племя слабое, безъ мышцъ, въ ревматизмѣ, и при томъ глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее, точь-въ-точь я, старикъ въ тридцать пять, безпомощный, ненужный, который провелъ всю жизнь какъ кресъ-салатъ, выращенный зимой между двухъ войлоковъ—фу, какая гадость! Нѣтъ, нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ, это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ гнило! Къ природѣ... къ природѣ на покой!.. Полно строить и перестраивать вавилонскую башню общественнаго устройства! Оставить ее да и кончено! Полно домогаться невозможныхъ вещей! Это хорошо влюбленнымъ дѣвочкамъ мечтать о крыльяхъ, von einer besseren Natur, von einem andern Sonnenlichte. Пора домой на мягкое ложе, приготовленное природой, на свѣжій воздухъ, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалія!

И Евгеній Николаевичъ, раскраснѣвшійся въ лицѣ, съ жилами, налившимися кровью на лбу, вдругъ сморщился, сдѣлалъ серьезный видъ и упорно замолчалъ.

А. Герценъ.

23-е декабря.

Мудрость есть знаніе вѣчныхъ истинъ, приложимыхъ къ жизни.

1.

Сократъ первый, сведя философію съ небесъ, распространилъ ее между людьми, побуждая ихъ изучать науку жизни, человѣческихъ нравовъ и слѣдствія добрыхъ и злыхъ дѣлъ.

Цицеронъ.

2.

Человѣчество питаетъ живущихъ на его счетъ паразитовъ церкви и государства. Пусть человѣческія общества сдѣлаются чистыми въ духовномъ отношеніи, и эти паразиты пропадутъ, какъ пропадаютъ насѣкомыя на чистомъ и здоровомъ тѣлѣ.

3.

Ученость рѣдко совмѣщается съ мудростью. Мудрецъ знаетъ немного вещей, но все, что онъ знаетъ, нужно ему и людямъ, и то, что онъ знаетъ, онъ знаетъ навѣрно.

4.

Тотъ, кто знаетъ свою душу, прежде всего почувствуетъ въ себѣ божественное начало и будетъ считать свой разумъ божественнымъ и святымъ и будетъ всегда такъ дѣйствовать и думать, чтобы быть достойнымъ полученнаго имъ божественнаго дара; и когда онъ провѣритъ и основательно испытаетъ самого себя, онъ увидитъ, сколь богато одареннымъ является онъ въ жизнь и какими высокими средствами владѣетъ онъ для полученія и сохраненія мудрости.

Цицеронъ.

5.

Тотъ, кто въ евангеліи не сумѣетъ отдѣлить сердцемъ основного, тотъ никакимъ изученіемъ критики не узнаетъ этого. А кто умѣетъ отличать, тому это изученіе не нужно. Умѣетъ же отличать тотъ, кому нужно руководство евангелія для жизни, а не для мудрствованія.

6.

Умные не бываютъ учены; ученые не бываютъ умны.

Лао-Тсе.

Блага, даваемыя мудростью, въ сравненіи со всѣми остальными знаніями такъ же важны, какъ важенъ въ пустынѣ сосудъ съ водою въ сравненіи съ пудами золота.

24-е декабря.

Съ дѣтства начинается ростъ духовный и равномѣрно совершается уменьшеніе силы. Какъ два конуса, обращенные вершинами къ основаніямъ, равномѣрно уменьшается тѣлесная сила и растетъ сила духовная.

1.

Гармоничный ростъ какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ всегда совершается въ молчаніи, въ тишинѣ; шумно бываетъ только все разрушительное, порочное и грубое.

Однако, немногіе понимаютъ необходимость жизни въ тиши и молчаніи для истиннаго духовнаго роста и развитія. Большею частью люди живутъ въ суетѣ и сумятицѣ, и скучаютъ, когда имъ приходится оставаться однимъ.

Только въ тишинѣ уединенія можетъ человѣкъ найти могущественную силу жизни и роста. Это самое говорилъ Христосъ словами: „когда же молишься, войди въ клѣть твою"... Міръ страшно нуждается въ этомъ молчаливомъ ростѣ для осуществленія мира. Его отвлекаютъ отъ истиннаго духовнаго роста тысячи голосовъ, сулящихъ ему спасеніе въ видѣ разныхъ новыхъ ученій, которыя будто бы могутъ спасти его.

Намъ нужно больше быть въ тишинѣ, и голосъ молчанія сообщитъ намъ ту истину, которая освободитъ насъ.

Люси Малори.

2.

Просвѣщенный человѣкъ постоянно возвышается въ разумѣ и проницательности; непросвѣщенный же человѣкъ постоянно опускается въ невѣжество и порокъ.

Китайская мудрость.

3.

Чѣмъ старше становятся люди, живущіе духовною жизнью, тѣмъ больше расширяется ихъ умственный кругозоръ, тѣмъ болѣе яснѣетъ ихъ сознаніе; люди же, живущіе мірской жизнью, съ годами тупѣютъ еще больше.

Талмудъ.

4.

Надо постарѣть, чтобы стать добрѣе; я не встрѣчаю никогда ошибки, которой я уже не сдѣлалъ бы.

Гёте.

5.

Созрѣваніе души дороже, чѣмъ блескъ и избытокъ силъ, и вѣчное въ насъ должно воспользоваться тѣмъ разрушеніемъ, которое производитъ въ насъ время.

Аміель.

6.

Ростъ физическій это только приготовленіе запасовъ для работы духовной, служенія Богу и людямъ, которое начинается при увяданіи тѣла.

7.

Все въ мірѣ растетъ, цвѣтетъ и возвращается къ своему корню. Возвращеніе къ своему корню означаетъ успокоеніе, согласное съ природой. Согласное съ природой означаетъ вѣчное; поэтому разрушеніе тѣла не заключаетъ въ себѣ никакой опасности.

Лао-Тсе.

8.

Растите духовно и помогайте расти другимъ.— Въ этомъ вся жизнь.

Ужасно положенiе того, кто не сознаетъ въ себѣ духовной жизни и ея роста. Была одна тѣлесная жизнь—и та неудержимо уничтожается и вотъ-вотъ исчезнетъ.

Сознай свою духовную сущность, живи ею, и радость твоя ничѣмъ не можетъ быть нарушена.

25-е декабря.

Милосердiе, чтобы быть истиннымъ, должно быть жертвой и тайной.

1.

Смотрите, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго. Итакъ, когда творишь милостыню, не труби передъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая.

Чтобы милостыня твоя была втайнѣ, и Отецъ твой, видящiй тайное, воздастъ тебѣ явно. Мѳ. VI, 1—4.

2.

Лепта бѣдной вдовы не только равноцѣнна богатѣйшимъ дарамъ, но только эта лепта и есть настоящее милосердiе.

Только бѣдные, трудящiеся могутъ имѣть счастье милосердiя. Богатые, праздные лишены этого.

3.

Единство въ необходимомъ, свобода въ сомнительномъ, милосердiе во всемъ.

Меланхтонъ.

4.

Милосердіе начинается дома. Если для проявленія милосердія нужно куда-то ѣхать, то то, что ты хочешь проявить, едва ли есть милосердіе.

5.

Помощь, которую оказываютъ открыто богатые люди бѣднымъ, есть въ лучшемъ случаѣ дѣло учтивости, но никакъ не милосердія. Человѣкъ спрашиваетъ васъ, какъ пройти въ такое-то мѣсто? Изъ учтивости надо остановиться и сказать ему. Другой проситъ дать ему 5 копеекъ, 5 или 50 рублей. Если у васъ есть лишнія 5 копеекъ, рублей или десятковъ рублей, надо дать ихъ ему, это тоже будетъ дѣло учтивости, но въ поступкѣ этомъ не будетъ ничего общаго съ милосердіемъ.

Вещественное милосердіе только тогда добро, когда оно жертва. Только тогда получающій вещественный даръ получаетъ и духовный даръ.

Если же это не жертва, а излишекъ, то это только раздражаетъ получающаго.

26-е декабря.

Дѣтскій возрастъ есть возрастъ, подлежащій внушенію. И потому самое важное въ воспитаніи, это выборъ тѣхъ внушеній, которыя будутъ вліять на ребенка.

1.

Стоитъ труда разслѣдовать, — не вредно ли слишкомъ полировать дѣтей при воспитаніи. Мы еще недостаточно знаемъ человѣка, чтобы не предоставить выполненіе этого случаю, если можно такъ выразиться. Я увѣренъ, что если бы нашимъ педагогамъ удалось достигнуть своей цѣли, я хочу сказать, — если бы они ока-

зались въ состояніи воспитывать дѣтей вполнѣ подъ своимъ вліяніемъ, то мы не имѣли бы болѣе ни одного истинно великаго человѣка. Самому нужному въ жизни насъ обыкновенно никто не училъ.

Избави Богъ, чтобы человѣкъ, учителемъ котораго является вся природа, долженъ былъ сдѣлаться кускомъ воска, чтобы на немъ отпечаталъ свой возвышенный образъ какой-нибудь профессоръ.

Лихтенбергъ.

2.

Въ настоящее время большинство людей только воображаютъ себѣ, что они, исповѣдуя христіанство, держатся христіанской нравственности. Въ дѣйствительности они слѣдуютъ только языческой нравственности, и эту нравственность ставятъ идеаломъ воспитанія молодого поколѣнія.

3.

Люди болѣе всего воспріимчивы къ внушенію въ дѣтскомъ возрастѣ. Разсужденіе не имѣетъ на нихъ $^{1}/_{1000}$ того вліянія, которое имѣетъ на нихъ примѣръ.

И потому тщетны и смѣшны всѣ проповѣди, читаемыя дѣтямъ, которыя на примѣрѣ видятъ обратное проповѣди.

4.

Религія ребенка зависитъ отъ образа дѣйствій, а не отъ словесныхъ наставленій его родителей. Внутренній и безсознательный идеалъ, двигающій ихъ жизнью, — вотъ что вліяетъ на ребенка; слова же ихъ, выговоры, наказанія, вспышки даже, для него не что иное, какъ комедія, громъ; вѣру же ихъ онъ предчувствуетъ и чувствуетъ инстинктомъ.

Ребенокъ видитъ, каковы мы, сквозь то, чѣмъ мы хотимъ казаться; отъ этого-то его репутація физіономиста. Онъ распространяетъ свою власть надъ каждымъ изъ насъ, насколько можетъ. Это тонкій дипломатъ. Онъ безсознательно подвергается вліянію каждаго и отражаетъ его, преображая посредствомъ своей собственной природы; это увеличивающее зеркало.

Вотъ почему первый принципъ воспитанія слѣдующій: воспитывай самъ себя; и первое правило, которому надо слѣдовать для того, чтобы владѣть волей ребенка,—овладѣй своею. Амієль.

5.

Старшіе, можетъ-быть, и толкуютъ дѣтямъ, что не слѣдуетъ быть жестокими къ животнымъ и вообще ко всѣмъ слабымъ существамъ. Но стоитъ только ребенку войти въ кухню, и онъ сейчасъ же увидитъ убитыхъ и ощипанныхъ куръ и гусей. Какую же пользу могутъ принести дѣтямъ прекрасныя разсужденія о нравственности, которымъ такъ рѣзко противорѣчатъ варварскіе и безнравственные поступки взрослыхъ, совершающіеся у нихъ на глазахъ? Струве.

6.

Уменьшеніе потребностей,— вотъ что слѣдовало бы внушать во что бы то ни стало юношеству и для чего нужно бы стараться закалить его. *Чѣмъ меньше потребностей, тѣмъ счастливѣй* — старая, но далеко не признанная истина. Лихтенбергъ.

7.

Склонность къ пріятной жизни для человѣка хуже всѣхъ бѣдствій въ жизни. Поэтому въ высшей степени важно, чтобы дѣти пріучались еще съ юныхъ лѣтъ работать. Кантъ.

8.

Для дѣтей важнѣе всего пріучить ихъ къ умѣренности, простотѣ жизни, труду и милосердію. Но какъ же пріучить ихъ къ этому, когда дѣти видятъ, что родители дорожатъ роскошью и увеличеніемъ ея, предпочитаютъ праздность труду и поѣдаютъ тѣла убитыхъ животныхъ.

Все нравственное воспитаніе дѣтей сводится къ доброму примѣру. Живите хорошо, или хоть старайтесь жить хорошо, и вы по мѣрѣ вашего успѣха въ хорошей жизни хорошо воспитаете дѣтей.

27-е декабря.

Съ того часа, какъ первые члены соборовъ сказали: „изволися намъ и Святому Духу“, т.-е. вознесли внѣшній авторитетъ выше внутренняго, признали результатъ жалкихъ человѣческихъ разсужденій на соборахъ важнѣе и святѣе того единаго истинно святого, что есть въ человѣкѣ,—его разума и совѣсти, съ того часа началась та ложь, убаюкивающая и тѣла и души людей, которая погубила милліоны человѣческихъ существъ, и продолжаетъ до сей поры свое ужасное дѣло.

1.

Какъ ни странно можетъ это показаться, несомнѣнно то, что только въ тѣхъ христіанскихъ ученіяхъ, которыя назывались ересями, проявлялось и двигалось, т.-е. уяснялось и осуществлялось христіанство. Ереси могли заключать въ себѣ заблужденія, но могли заключать въ себѣ и истинное христіанство. Ученія же, признаваемыя государственными, поддерживаемыя властью, насиліемъ, не могли быть христіанствомъ, такъ какъ основа ихъ, насиліе, была антихристіанская. Католичество, православіе, лютеранство, англиканство, не могли быть христіанскими ученіями, потому что отрицали основу христіанства — любовное вразумленіе, и на мѣсто его употребляли самые антихристіанскіе пріемы—насилія, доходившія до величайшихъ мучительствъ, казней, сожженій. Всѣ эти соединившіяся съ государственной властью церкви, которыя не даромъ сектанты называютъ апокалипсической блудницей, не только никогда не были христіанскими, но были злѣйшими врагами христіанства и продолжаютъ и теперь, не раскаиваясь въ своихъ преступленіяхъ, а признавая все свое прошедшее священнымъ, продолжаютъ быть такими же врагами христіанства и главными препятствіями для его воспріятія народами.

2.

Основа всякой государственной религіи есть насиліе, основа христіанства—любовь. Государство — это принужденіе, христіан-

ство—убѣжденіе. Мечъ и посохъ пастуха противоположны и не могутъ быть союзниками.

Кунингамъ Гейкей.

3.

Англиканство было съ самаго начала самымъ раболѣпнымъ и усерднымъ слугою тираннiи, старавшимся съ помощью свѣтской власти и посредствомъ пышной торжественности достигнуть того же положенія, котораго достигъ католицизмъ въ Европѣ. Оно при каждомъ трудномъ случаѣ обращалось къ помощи государственной власти.

Лекки.

4.

Въ 1682 году въ Англіи докторъ Лейтонъ, почтенный человѣкъ, написавшій книгу противъ епископства, былъ судимъ и приговоренъ къ слѣдующимъ, совершеннымъ надъ нимъ, наказаніямъ. Его жестоко высѣкли, потомъ отрѣзали одно ухо и распороли одну сторону носа, потомъ горячимъ желѣзомъ выжгли на щекѣ буквы SS: сѣятель смутъ. Послѣ семи дней его опять высѣкли, несмотря на то, что рубцы на спинѣ еще не зажили, и распороли другую сторону носа, и отрѣзали другое ухо, и выжгли клеймо на другой щекѣ. Все это было сдѣлано во имя христіанства.

Морисонъ Давидсонъ.

5.

Христосъ не основывалъ никакой церкви, не устанавливалъ никакого государства, не далъ никакихъ законовъ, никакого правительства, ни внѣшняго авторитета, но Онъ старался написать законъ Бога въ сердцахъ людей съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ самоуправляющимися.

Герберъ Ньютонъ.

6.

Въ 1415 году Іоанна Гуса за его обличеніе безбожныхъ поступковъ папы признали еретикомъ, судили и приговорили къ смерти безъ пролитія крови, т.-е. къ сожженію.

Мѣсто казни находилось за городскими воротами, между садами, подлѣ Рейна. Когда Гуса привели на мѣсто казни, онъ упалъ на колѣни и сталъ молиться. Когда палачъ велѣлъ ему войти на костеръ, Гусъ выпрямился и сказалъ громко:

— Іисусе Христе! Эту ужасную позорную смерть я терплю ради проповѣди Твоего слова; буду терпѣть покорно и со смиреніемъ!

Палачи раздѣли Гуса и привязали ему руки назадъ къ столбу; ноги Гуса стояли на скамьѣ. Вокругъ него положили дрова и солому. Костеръ достигалъ Гусу до подбородка. Въ послѣдній разъ имперскій маршалъ фонъ-Поппенгеймъ предложилъ Гусу спасти жизнь отреченіемъ отъ ереси.

— Нѣтъ, — сказалъ Гусъ, — я не знаю за собою вины.

Тогда палачи зажгли костеръ.

Гусъ запѣлъ гимнъ: „Христе, Сыне Бога живаго, помилуй меня!“ Пламя, раздуваемое вѣтромъ, поднялось высоко, и Гусъ вскорѣ умолкъ.

7.

Говорятъ, истинно вѣрующіе составляютъ церковь. Есть ли эти истинно вѣрующіе или нѣтъ ихъ, мы не можемъ знать. Каждый изъ насъ естественно желалъ бы быть такимъ истинно вѣрующимъ и каждый старается быть имъ; но никто не можетъ сказать ни про себя, ни про тѣхъ, которые вѣрятъ такъ же, какъ онъ, что они одни истинно вѣрующіе.

Если есть церковь, то она не можетъ быть видна тѣмъ, кто находится въ ней.

28-е декабря.

То, что называется наукой, представляетъ или самую важную человѣческую дѣятельность, когда цѣль ея открыть законы жизни людей, или самое ничтожное и одуряющее занятіе—изслѣдованіе всего того, что можетъ вызвать любопытство праздныхъ людей.

1.

Ожидать того, что человѣческій духъ когда-нибудь откажется совсѣмъ отъ метафизическихъ изслѣдованій, можно такъ же мало,

какъ и ожидать того, что мы для того, чтобы не вдыхать по временамъ въ себя нечистый воздухъ, когда-нибудь предпочтемъ совсѣмъ перестать дышать. Итакъ, метафизика будетъ существовать на свѣтѣ всегда и, что еще важнѣе, у каждаго, по крайней мѣрѣ у каждаго мыслящаго человѣка; при чемъ, за отсутствіемъ общепризнанной мѣрки, каждый будетъ кроить себѣ эту метафизику по-своему. То, что до сихъ поръ называлось метафизикой, не можетъ удовлетворить ни одинъ испытующій умъ. Однако, и совсѣмъ отказаться отъ метафизики тоже невозможно. Значитъ, надо попытаться произвести критику чистаго разума, или, если такая критика уже существуетъ, изслѣдовать ее и подвергнуть всеобщему испытанію, потому что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ средствъ помочь этой настоятельной потребности, которая есть нѣчто большее, чѣмъ простая любознательность. Кантъ.

2.

Величайшая цѣнность знанія, отвлеченнаго познанія — въ томъ, что его можно сообщить другимъ и, закрѣпивши, сохранить; только вслѣдствіе этого оно и становится такъ неоцѣнимо важно.

Шопенгауэръ.

3.

Казалось бы, что для того, чтобы признать важность занятія тѣмъ, что называется наукой, надо бы доказать, что эти занятія полезны. Люди же науки обыкновенно утверждаютъ, что такъ какъ мы занимаемся извѣстными предметами, то занятія эти навѣрное когда-нибудь, гдѣ-нибудь и для кого-нибудь будутъ полезны.

4.

Существуетъ грубое научное суевѣріе, происшедшее изъ того же источника, какъ и религіозное суевѣріе: изъ желанія потворства человѣческимъ слабостямъ, и столь же, если не болѣе, вредное, какъ религіозное. Люди заблуждаются, живутъ дурно. Естественное свойство людей въ томъ, чтобы, сознавъ неправильность своей жизни, постараться измѣнить ее, но вотъ является „наука“: наука государственнаго, финансоваго, церковнаго, уголовнаго, полицей-

скаго и всякаго другого права, наука политическая экономія, исторія и самая модная—соціологія, и оказывается, что дурная жизнь людей происходитъ по неизмѣннымъ законамъ, и дѣло людей не состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ своими слабостями и измѣнять свою жизнь отъ худшаго къ лучшему, а только въ томъ, чтобы присутствовать при теченіи своей жизни по законамъ, открываемымъ учеными. Суевѣріе это такъ явно противорѣчитъ и здравому смыслу и совѣсти человѣческой, что оно никогда не могло бы быть принято людьми, если бы оно не было такъ успокоительно, оправдывая людей въ ихъ дурной жизни.

Никогда никакія религіозныя суевѣрія не производили, не могутъ произвести такого зла людямъ, какъ это.

5.

У насъ не хватаетъ знаній, чтобы даже понять хоть только жизнь человѣческаго тѣла. Посмотрите, что нужно знать для этого: тѣлу нужны мѣсто, время, движеніе, теплота, свѣтъ, пища, вода, воздухъ и многое другое. Въ природѣ же все такъ тѣсно связано между собою, что нельзя познать одного, не изучивъ другого. Нельзя познать части, не познавъ цѣлаго. Жизнь тѣла нашего мы поймемъ только тогда, когда изучимъ все то, что нужно ему; а для этого необходимо изучить всю вселенную. Но вселенная безконечна и познаніе ея недостижимо для человѣка. Слѣдовательно, мы не можемъ вполнѣ уяснить себѣ и жизнь нашего тѣла.

Паскаль.

Изучать безвредныя науки, какъ астрономія, математика, физика и т. п., такъ же, какъ пользоваться всякими удовольствіями, играми, катаніями, прогулками, можно тогда, когда эти занятія не мѣшаютъ исполненію обязанностей; но одинаково безнравственно заниматься науками, не содѣйствующими истинному духовному благу человѣчества, какъ и удовольствіями, въ ущербъ своихъ прямыхъ обязанностей.

Наука не есть то, что люди назовутъ этимъ именемъ, а то, что составляетъ высшій и нужнѣйшій для блага людей предметъ познанія.

29-е декабря.

До тѣхъ поръ, пока будетъ насиліе, будетъ и война. Побѣдить насиліе можно не насиліемъ, а непротивленіемъ ему и неучастіемъ въ немъ.

1.

Если бы мои солдаты начали думать, ни одинъ не остался бы въ войскѣ. Фридрихъ II.

2.

Дикій инстинктъ военнаго убійства такъ заботливо въ продолженіе тысячелѣтій культивировался и поощрялся, что пустилъ глубокіе корни въ мозгу человѣческомъ. Надо надѣяться, однако, что лучшее, чѣмъ наше, человѣчество сумѣетъ освободиться отъ этого ужаснаго преступленія. Но что подумаетъ тогда это лучшее человѣчество о той такъ называемой утонченной цивилизаціи, которой мы такъ гордимся? А почти то же, что мы думаемъ о древне-мексиканскомъ народѣ и его канибализмѣ, въ одно и то же время воинственномъ, набожномъ и животномъ. Летурно.

3.

И я понялъ дисциплину, именно то, что капралъ всегда правъ, когда онъ говоритъ съ солдатомъ, сержантъ—когда онъ говоритъ съ капраломъ, унтеръ-офицеръ—когда онъ говоритъ съ сержантомъ, и т. д. до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два—пять. Сначала это трудно понять, но пониманію этого помогаетъ то, что въ каждой казармѣ виситъ табличка, и ее прочитываютъ, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличкѣ написано все то, что можетъ желать сдѣлать солдатъ, какъ, напримѣръ, возвратиться въ свою деревню, отказаться отъ исполненія службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за все это обозначены наказанія: смертная казнь или пять лѣтъ каторжной работы. Эркманъ-Шатріанъ.

4.

Я купилъ негра, онъ мой. Онъ работаетъ, какъ лошадь; я плохо кормлю его, такъ же одѣваю и бью его, когда онъ не слушается. Что же тутъ удивительнаго? Развѣ мы лучше обращаемся съ своими солдатами? Развѣ они не лишены свободы такъ же, какъ этотъ негръ? Разница только въ томъ, что солдатъ стоитъ гораздо дешевле. Хорошій негръ стоитъ теперь по крайней мѣрѣ 500 экю; хорошій солдатъ стоитъ едва 50. Ни тотъ ни другой не можетъ уйти съ того мѣста, гдѣ ихъ держатъ; и того и другого бьютъ за малѣйшую ошибку; жалованье почти одинаково; но негръ имѣетъ преимущество передъ солдатомъ въ томъ, что не подвергаетъ опасности свою жизнь, а проводитъ ее съ своей женой и дѣтьми.

Анатоль Франсъ.

Война уничтожится только тогда, когда люди не будутъ принимать никакого участія въ насиліи и будутъ готовы нести всѣ тѣ гоненія, которымъ они могутъ подвергнуться за это. Это одно средство уничтоженія войны.

Недѣльное чтеніе.

О сектѣ назаренъ, распространившейся въ Венгріи, Сербіи и Хорватіи.

Сущность ученія назаренъ состоитъ въ слѣдованіи ученію Новаго Завѣта, преимущественно нагорной проповѣди. Они не признаютъ никакой іерархіи, писаннаго ученія и вообще организаціи; ученіе ихъ не установившееся, измѣняющееся, различно въ догматическомъ отношеніи въ различныхъ общинахъ,—даже въ одной и той же общинѣ есть члены, вѣрующіе по-своему. Но нравственное ученіе у всѣхъ одно и то же. Всѣ они ведутъ строго нравственную, воздержную жизнь. Считаютъ главными правилами жизни: трудолюбіе, кротость въ обращеніи съ людьми, смиренное перенесеніе обидъ и воздержаніе отъ участія въ насиліи. Они не признаютъ суда, не платятъ добровольно податей, не присягаютъ и отказываются отъ военной службы и вообще къ государству относятся какъ къ ненужному имъ учрежденію.

Въ свои общины, состоящія преимущественно изъ трудового народа, назарены принимаютъ только „воскресшихъ духомъ", покаявшихся и живущихъ новой жизнью. Поэтому дѣти назаренъ не считаются назаренами, пока не придутъ въ сознательный возрастъ и сами не пожелаютъ вступить въ общину вѣрующихъ.

Отказъ назареновъ отъ воинской повинности вызываетъ противъ нихъ гоненія австрійскаго правительства. Но назарены твердо держатся своего убѣжденія о несогласіи съ христіанствомъ военной службы и покорно несутъ накладываемыя на нихъ наказанія, не измѣняя закону Христа.

Свои отказы отъ воинской повинности назарены основываютъ на словахъ Христа: „а Я говорю вамъ: не противься злому (V, 38 Матѳ.) и „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ“ (V, 44 Матѳ.).

Простые крестьянскіе парни, назарены, часто удивляютъ своихъ гонителей той твердостью, съ которой они переносятъ всякія мученія. И такъ поступаютъ не только рекруты, но и запасные,— т.-е. такіе, которые уже послѣ отбытія дѣйствительной службы сдѣлались назаренами. Когда ихъ призываютъ на маневры, они отказываются брать оружіе въ руки. Зная, что ихъ за это могутъ приговорить къ пожизненному заключенію, они заблаговременно распоряжаются своимъ хозяйствомъ такъ, чтобы жена могла управляться одна, и прощаются какъ бы навѣки съ своими семьями. Семьи ихъ большей частью сочувствуютъ ихъ мученичеству.

Такъ, въ нынѣшнемъ году Іога Радовановъ (сербъ) изъ Вечбаса (Бачка), будучи зачисленъ въ Пештѣ въ 6 полкъ 6 роту, отказался взять оружіе, сказавъ, что вѣра его не позволяетъ ему этого. Судъ приговорилъ его къ заключенію на 2 года. Старшій братъ его, приговоренный къ заключенію въ 1894 г., сидѣлъ уже 10-й годъ. Мать этихъ обоихъ братьевъ пришла навѣстить младшаго. Начальство ей не разрѣшило свиданіе. Она стояла и плакала на дворѣ тюрьмы. И въ это время увидала въ одномъ изъ оконъ лицо сына и сейчасъ же крикнула ему: „Сыне мой злати, не мой за Бога узэти пушку! (Сынокъ мой золотой, Бога ради не бери ты ружья!)

Въ концѣ августа 1895 г. призывались запасные Сегединскаго резервнаго полка. Когда запаснымъ раздавали ружья, двое изъ нихъ не хотѣли принять ружья, потому что, какъ они сказали, имъ это не дозволяетъ назаренская вѣра. Капитанъ Олчвари сталъ говорить имъ, что Богъ любитъ войско, что вѣдь теперь идутъ не на войну, а только на маневры, гдѣ никто не будетъ проливать крови. Назарены на это отвѣтили: „Но насъ для того ведутъ на маневры, чтобы выучить убивать людей“.

Капитанъ пытался подѣйствовать на нихъ страхомъ. Онъ сказалъ имъ, что прошлой осенью одинъ назаренъ тоже такъ себя

велъ и его нѣсколько разъ наказывали и, наконецъ, заключили на 17 лѣтъ въ крѣпостную тюрьму.

— Пусть насъ застрѣлятъ,—спокойно отвѣтили назарены,—но не можемъ идти противъ законовъ Бога.

Другіе запасные пошли къ семьямъ этихъ назареновъ, и жены ихъ, не находившіяся еще въ сектѣ, съ плачемъ просили мужей. чтобы тѣ покорились власти, но они не согласились. Капитанъ посадилъ ихъ предварительно на 10 дней тяжелаго ареста. Когда ихъ отводили, они, плача, разставались съ семьями.

— Оставайтесь съ Богомъ,—говорили они,—насъ заживо похоронятъ ради Господа Бога, ради святой невинности и чистоты душевной, потому что люди должны быть, какъ агнцы Божіи.

Франко Новакъ долженъ былъ отбывать военную службу въ Тамешварѣ. Когда его въ первый разъ повели вмѣстѣ съ другими рекрутами на учебный плацъ, онъ отказался принять оружіе. Замѣтивъ суету около Новака, бывшій на плацу генералъ подъѣхалъ къ этому мѣсту и спросилъ, что случилось. Ему доложили. Генералъ ласково спросилъ Новака, почему онъ не хочетъ взять оружіе. Новакъ вынулъ изъ кармана маленькое евангеліе и сказалъ: „Высшія власти разрѣшаютъ печатать эту книжку, а также не запрещаютъ жить по высказаннымъ въ ней завѣтамъ. Въ книгѣ же этой сказано: „люби ближняго, какъ самого себя. Не принимаю оружія потому, что хочу слѣдовать завѣтамъ Спасителя“.

Генералъ спокойно выслушалъ до конца Новака, потомъ сказалъ ему: „Однако, въ этой же книжкѣ сказано: кесарево—кесарю, Божье—Богу“.

Новакъ сначала смутился и молчалъ, но потомъ, одумавшись, снялъ военную фуражку, оружіе, мундиръ и, положивъ все это, сказалъ: „Вотъ все это его величества кесаря, вотъ я и отдамъ ему все, что его“.

Въ 1897 году къ городскому нотаріусу Великой Кокинды пришелъ дряхлый старикъ. Въ рукахъ у него былъ листъ бумаги: свидѣтельство о правѣ на пенсію инвалиду 48-го года.

— Извольте записать, господинъ нотаріусъ,—сказалъ старикъ,— что я отказываюсь отъ своей пенсіи.

Удивленный нотаріусъ спросилъ старика:

„Что вы, Ванда, развѣ нашли кладъ?“

— Вѣрно, совершенно вѣрно, господинъ нотаріусъ,—отвѣтилъ старикъ:—я нашелъ кладъ. Нашелъ я, господинъ нотаріусъ, своего Господа, который дороже мнѣ всѣхъ кладовъ міра сего и которому не нравится, чтобы рабъ его питался хлѣбомъ, доставленнымъ ему оружіемъ.

Несмотря на строгія мѣры, употребляемыя противъ нихъ правительствомъ, назарены не измѣняютъ своей вѣры.

В. Ольховскій. (Изъ книги „Назарены въ Венгріи“. Изданіе „Посредника“).

30-е декабря.

Сознаніе единства всѣхъ людей все болѣе и болѣе распространяется въ человѣчествѣ.

1.

Тотъ, кто сказалъ: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“, сдѣлался Самъ черезъ это слово средоточіемъ всего человѣчества, ибо все человѣчество живетъ подъ гнетомъ притѣсненія и труда.

Сочтите тѣхъ, кто не несетъ этой тяжести, а налагаетъ ее на другихъ, тѣхъ, кто пользуется трудами другихъ и притѣсненіемъ ихъ—много ли таковыхъ? На одного господина милліонъ рабовъ, на одного счастливца, въ смыслѣ сатаны, милліонъ существъ, согбенныхъ до земли, которую они орошаютъ пóтомъ и слезами. Эти обездоленныя созданія—это овцы Добраго Пастыря, овцы Христовы, тѣ, для которыхъ Онъ отдалъ Свою жизнь. Онъ ихъ зоветъ къ Себѣ, и мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ приближаются обѣщанныя времена, они, поднявъ головы, слушаютъ Его голосъ, узнаютъ его и готовятся ему слѣдовать. Изъ всѣхъ овчаренъ, изъ среды всякаго народа прибѣгутъ эти овцы, ибо всѣ принадлежатъ Доброму Пастырю, и Онъ соберетъ ихъ. Разсѣянныя, разъединенныя, онѣ толпятся въ смутномъ ожиданіи того, кто поведетъ ихъ на такія пастбища, гдѣ онѣ не будутъ отданы во власть наемниковъ, которые, завидя приближающагося волка, покидаютъ своихъ овецъ и убѣгаютъ, или людямъ чужимъ, которые, заботясь лишь о своей выгодѣ, объ удовлетвореніи своей алчности, присваиваютъ ихъ себѣ, одѣваются ихъ шерстью, питаются ихъ мясомъ. И придя къ Доброму Пастырю, всѣ овцы соберутся вокругъ Него, и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.

Цѣль земной миссіи Христа: составить изъ всѣхъ людей народъ братьевъ, соединить всѣхъ людей между собой, соединивъ ихъ съ Богомъ, утвердить ихъ въ единеніи подъ святыми законами свободы, т.-е. безконечнаго и безпредѣльнаго прогресса любви, которая есть жизнь вѣчная всего существующаго.

Ламенэ.

2.

Понимаемъ ли мы наше духовное братство? Понимаемъ ли наше происхожденіе отъ одного Небеснаго Отца, образъ котораго мы носимъ въ себѣ и къ совершенству котораго мы постоянно можемъ приближаться? Признали ли мы то, что одна и та же божественная жизнь въ душахъ всѣхъ людей, такъ же какъ и въ нашей? А между тѣмъ это одно составляетъ истинную свободную связь людей между собой.

Для измѣненія строя жизни людей необходимо новое уваженіе людей другъ къ другу. До тѣхъ поръ, пока люди смотрятъ другъ на друга, какъ теперь, почти какъ на скотину, они не перестанутъ скотски обращаться съ людьми, будутъ продолжать силою или хитростью дѣлать ихъ орудіями достиженія своихъ цѣлей. Не можетъ быть братства между людьми до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ свое сродство и отношеніе къ Богу и то великое назначеніе, для котораго дана имъ жизнь. Теперь же на такія мысли смотрятъ какъ на фантазіи, и на учителя, который надѣется найти въ людяхъ вѣру въ свое братство и сыновность Богу, смотрятъ какъ на мечтателя. А между тѣмъ, признаніе этой простѣйшей истины христіанства переворотило бы все общество и установило бы между людьми такія отношенія, которыя мы не можемъ себѣ представить теперь. Никто изъ насъ не можетъ вообразить себѣ ту перемѣну въ обращеніи, ту нѣжность, уваженіе, мягкость и ту энергію усилій для общественнаго улучшенія, которыя возникли бы по мѣрѣ того, какъ люди проникали бы до духовной части другъ друга и понимали бы значеніе души каждаго самаго низшаго человѣческаго существа. Тогда тѣ оскорбленія, огорченія, угнетенія, которыя теперь мы и не замѣчаемъ, возмущали бы насъ болѣе, чѣмъ теперешнія величайшія преступленія. Тогда всякій человѣкъ будетъ священенъ въ глазахъ человѣка, и оскорбленіе, нанесенное человѣку, будетъ представляться враждою противъ Бога. Признавая эту истину, человѣкъ не можетъ надругаться надъ ближнимъ, потому что видитъ въ немъ божественное. Нельзя себѣ представить истины столь практической, какъ это ученіе. Да, намъ нужно новое откровеніе—не о раѣ и адѣ, а о томъ духѣ, который живетъ въ насъ.

Чаннингъ.

3.

Нельзя любить ни того, кого ты боишься, ни того, кто тебя боится.

Цицеронъ.

4.

Люди, проповѣдующіе нравственность и ограничивающіе ваши обязанности предѣлами вашей семьи и родины, проповѣдуютъ вамъ эгоизмъ, болѣе или менѣе широкій, но который тѣмъ не менѣе вреденъ и вамъ и другимъ. Семья и родина—два круга, заключающіеся въ еще болѣе широкомъ кругѣ—человѣчествѣ. Это двѣ ступени, которыя нужно пройти, но на которыхъ не слѣдуетъ останавливаться.

Іосифъ Мадзини.

Сознаніе своего единства, вытекающее изъ сознанія единаго во всѣхъ божественнаго начала, даетъ людямъ наивысшее и внутреннее—личное и внѣшнее—общественное благо, и потому зло—все то, что мѣшаетъ этому единенію, и благо все то, что содѣйствуетъ ему. Мѣшаютъ болѣе всего единенію суевѣрія и раздѣленія людей; содѣйствуетъ истина и любовь.

31-е декабря.

Прошедшаго нѣтъ, будущее не наступило. Настоящее есть безконечно малая точка соприкосновенія несуществующаго прошедшаго съ несуществующимъ будущимъ.

1.

„Время проходитъ!“ привыкли вы говорить по невѣрному пониманію. Время стоитъ—проходите вы.

Талмудъ.

2.

Время за нами, время передъ нами, при насъ его нѣтъ.

3.

Я состою изъ духа и тѣла. Для тѣла все безразлично, ибо вещество лишено способности различать что бы то ни было. Для духа же все то, что не исходитъ отъ духа, тоже безразлично, ибо жизнь духа самостоятельна. Но жизнь духа не имѣетъ ни малѣйшаго значенія ни въ прошедшемъ ни въ будущемъ. Вся ея важность сосредоточена въ настоящемъ времени.

Маркъ Аврелій.

4.

Время есть величайшая иллюзія. Она есть только внутренняя призма, черезъ которую мы разлагаемъ бытіе и жизнь, образъ, подъ которымъ мы постепенно видимъ то, что внѣвременно, въ идеѣ. Глазъ не видитъ сферу всю сразу, хотя сфера существуетъ вся сразу. Нужно одно изъ двухъ: либо чтобы сфера вертѣлась передъ глазомъ, который смотритъ на нее, либо чтобы глазъ обошелъ вокругъ наблюдаемой имъ сферы.

Въ первомъ случаѣ это міръ, развертывающійся или какъ будто развертывающійся во времени; во второмъ случаѣ это наша мысль, анализирующая и постепенно возстановляющаяся. Для высшаго разума нѣтъ времени: что будетъ, то есть. Время и пространство— это раскрошеніе безконечнаго для пользованія имъ существами конечными.

Аміель.

5.

Можно себѣ представить такое мыслящее существо, которому легче предвидѣть будущее, чѣмъ помнить прошедшее. Уже въ инстинктахъ насѣкомыхъ есть нѣчто, заставляющее насъ предполагать, что они руководятся будущимъ больше, чѣмъ прошедшимъ. Если бы животныя настолько же обладали воспоминаніемъ прошлаго, какъ предчувствіемъ будущаго, то нѣкоторыя насѣкомыя

превосходили бы насъ; на самомъ же дѣлѣ сила предчувствія всегда, повидимому, находится въ обратномъ отношеніи къ памяти о прошломъ.

Лихтенбергъ.

6.

Наша душа брошена въ тѣло, гдѣ она находитъ число, время, измѣреніе. Она разсуждаетъ объ этомъ и называетъ это природой, необходимостью и не можетъ мыслить иначе.

Паскаль.

Времени нѣтъ. Есть только безконечно малое настоящее. Въ немъ-то и совершается жизнь. И потому на одно настоящее долженъ направить человѣкъ всѣ свои духовныя силы.

Указатель содержанія дней „Круга чтенія“.

Указатель недѣльныхъ чтеній „Круга чтеній".

Указатель авторовъ, мысли и сочиненія которыхъ помѣщены въ „Кругѣ чтенія“, а также различныхъ другихъ источниковъ, откуда почерпнуты мысли для „Круга чтенія“.

А.

Б.

В.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

REESE LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF CALIFORNIA

Tolstoi